

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Цименовская улица, соб. домъ.

1892.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ КАВЕЛИНА (1847 — 1884 гг.).— <i>Продолженіе</i>	1
II. НЕ ТОТЪ КОЛЕНКОРЪ. (Повѣсть).—И. А. Салова.	17
III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Мережковскаго.	46
IV. АГЛАЯ. (Изъ воспоминаній о добромъ старомъ времени).—М. Аютина (М. Н. Ремезова)	47
V. НА ЗАБАТЪ. («Sur le retour», романъ Пола Маргеритъ). Кн. I, гл. IX—XV, кн. II, гл. I—VIII. Переводъ М.	74
VI. НИКЕША ОЧНУЛСЯ. (Разсказъ).—Ивановича.	100
VII. ХРУШКОЕ СЧАСТЬЕ. Романъ Эдуарда Бергца. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. <i>Продолженіе</i>	135
VIII. ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ ИЗЪ ОБРАЗОВАННАГО КЛАССА. — А. А. Исаева	1
IX. ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ.—Е.	23
X. КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. <i>Продолженіе</i> .—М. С. Корелина	37
XI. ПАМЯТИ КОЛЬЦОВА.—М. А. П.	62
XII. ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ.—Вл. Кр.	70
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Противузаразные средства и дезинфекція.—К. И. Тумскаго	98
XIV. ЗЕМСКОЕ ВЗАИМНОЕ ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЕ.—П. А. Се-ребрякова.	125
XV. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ. II. Запросы физиологиз.—К. А. Тимирязева	142

Russkaja mysl

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1892.

Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

UNIV. OF CALIFORNIA
~~WITHDRAWN~~

AP50
R875
V. 13:10
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ КАВЕЛИНА (1847 — 1884 гг.).— <i>Продолженіе</i>	1
II. НЕ ТОТЪ КОЛЕНКОРЪ. (Повѣсть).—И. А. Салова	17
III. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Д. С. Мерешковскаго	46
IV. АГЛАЯ. (Изъ воспоминаній о добромъ старомъ времени). — М. Анютина (М. Н. Ремезова)	47
V. НА ЗАБАТЪ. («Sur le retour», романъ Поля Маргеритъ). Бн. I, гл. IX—XV, кн. II, гл. I—VIII. Переводъ М.	74
VI. НИКЕША ОЧНУЛСЯ. (Разсказъ).—Ивановича	100
VII. ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ. Романъ Эдуарда Вертца. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. <i>Продолженіе</i>	135
VIII. ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ ИЗЪ ОБРАЗОВАННАГО КЛАССА. — А. А. Исаева	1
IX. ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ.—Е.	23
X. КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. <i>Продолженіе</i> .—М. С. Корелина	37
XI. ПАМЯТИ КОЛЬЦОВА.—М. А. П.	62
XII. ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ.—Вл. Кр.	70
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Противузаразные средства и дезинфекція.—К. И. Тумскаго	98
XIV. ЗЕМСКОЕ ВЗАИМНОЕ ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЕ.—П. А. Себрякова.	125
XV. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ. II. Запросы физиологія.—К. А. Тимирязева	142

852216

	Стр.
XVI. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ. Письмо четвертое.— М. А. Протопопова.	164
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	178
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театр: <i>Свои люди—сочтемся</i> , комедія А. Н. Островскаго; <i>За право и правду</i> , бытовая драма Петра Полевого; <i>Перекасти-поле</i> , комедія П. П. Гнѣдича; <i>Жертва</i> , Н. В. Шпажинскаго; десятилѣтіе русскаго драматическаго театра Ѳ. А. Борша.—Ан.	187
XIX. СПЕРАНСКІЙ, КАКЪ КОДИФИКАТОРЪ РУССКАГО ПРАВА.— А. Н. Филиппова.	195
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Пятидесятлѣтіе со дня кончины св. преподобнаго Сергія.—Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ.—Новости переселенческаго дѣла.—Движеніе въ лѣсномъ законодательствѣ.—Перемѣна въ министерствѣ финансовъ.—Управленіе И. А. Вышнеградскаго.	222
XI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—С. А. Венгерова.	241
XXII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія и педагогика.—Исторія и исторія литературы.—Финансы и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль—сентябрь.—«Русское Обозрѣніе», июль — июль. — «Историческій Вѣстникъ», июль — сентябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 сентября по 15 октября 1892 года.	433

Изъ литературной переписки Кавелина *).

(1847—1884 г.).

VIII.

Ю. О. Самаринъ.

(Род. 1819 † 19 марта 1876 г.).

Объ отношеніяхъ Кавелина къ Самарину я уже имѣлъ случай упоминать въ предисловіи къ письмамъ Бѣлинскаго, а личность Ю. О. Самарина въсѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ весьма памятна по его выдающейся дѣятельности въ освобожденіи крестьянъ и въ земской реформѣ. Помѣщаемое письмо Самарина относится къ тому времени, когда онъ былъ въ Самарѣ членомъ отъ правительства въ дворянскомъ губернскомъ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ. Въ 1870 годахъ Кавелинъ вступилъ съ Самаринимъ въ полемику по вопросамъ психологическимъ, по поводу своихъ *Задачъ психологій*. Главнѣйшіе выводы изъ этой полемики были напечатаны въ *Вѣстникъ Европы* 1875 г. (кн. 5, 6 и 7), а извлеченіе изъ частной переписки по тому же предмету между Кавелинимъ и Самаринимъ и черновыя замѣтки Самарина при чтеніи *Задачъ психологій* Кавелина изданы Д. О. Самаринимъ въ VI томѣ *Сочиненій* Юрія Федоровича (М., 1887 г., стр. 373—477).

Кончина Самарина глубоко поразила Кавелина; онъ написалъ его некрологъ, въ которомъ такъ охарактеризовалъ его:

«Ни огромныя знанія, ни замѣчательный умъ, ни великій писательскій талантъ не выдвинули бы такъ впередъ замѣчательную его личность, если бы къ нимъ не присоединились два другихъ, несравненныхъ, а у насъ, къ сожалѣнію, очень рѣдкихъ качества: *непреклонное убѣжденіе и цѣльный и вѣрный характеръ*, не допускавшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, — бы это ни стоило и чѣмъ бы это ни грозило. Что онъ считалъ за срамъ и несправедливое и истинное, передъ тѣмъ онъ никогда не отступалъ, принося своему убѣжденію всякія жертвы. Зная его взгляды, его образъ мыслей, можно было сказать безъ ошибки впередъ, какъ онъ поступитъ въ томъ

*) *Русская Мысль*, кн. V.

или въ другомъ случаѣ, потому что *дѣло у него не расходилось съ мыслью*, отъ послѣдней онъ не отливала въ разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Такой характеръ не могъ не внушать полного довѣрія. *Онъ былъ нравственною личностью*; съ нимъ можно было не соглашаться, его взглядамъ можно было не сочувствовать, съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія ихъ можно было не любить, но не питать къ нему уваженія не было возможности, и въ этомъ его друзья и враги подавали другъ другу руки» ¹⁾.

Этотъ характеристикой объясняется вполне то нравственное тяготѣніе, которое имѣлъ всегда Кавелинъ къ Самарину, несмотря на ихъ діаметрально-противуположныя воззрѣнія въ вопросахъ религіозныхъ и философскихъ и до нѣкоторой степени въ историческихъ и политическихъ.

13 марта 1859 г. Самара.

Почтеннѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, письмо ваше, адресованное ко мнѣ въ качествѣ члена отъ правительства въ самарскомъ комитетѣ, было мною прочтено въ комитетѣ и приложено къ свѣдѣніямъ, доставленнымъ прежде о вашемъ имѣніи. Оно принесло свою пользу тѣмъ, что умѣрило и дополнило крайне недостаточныя, сбивчивыя и большею частью недобросовѣстныя показанія другихъ помѣщиковъ. Я долго медлилъ отвѣтомъ, потому что мнѣ хотѣлось сообщить вамъ за одинъ разъ свѣдѣнія, конечно, васъ интересующія, о томъ, какой принять будетъ нормальный надѣлъ на тягло въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Теперь уже можно усмотрѣть, что *благонамѣренныя* меньшинства во всѣхъ комитетахъ, въ вопросѣ о надѣлѣ землею и о повинностяхъ, раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, руководимая искреннимъ желаніемъ какъ можно скорѣе дать какъ можно больше свободы крестьянамъ, рѣшается на значительную сбавку повинностей, но за то оставляетъ самый скудный надѣлъ, много меньше существующаго; другая, наоборотъ, оставляетъ теперешній или очень близко къ теперешнему подходящій надѣлъ, а повинности сбавляетъ на столько, на сколько это возможно безъ разоренія дворянства. Первая партія, *повидимому*, гораздо либеральнѣе и больше дѣлаетъ для настоящаго, вторая лучше обезпечиваетъ хозяйственную будущность сельскаго сословія. Я не упоминаю о третьей партіи, нашедшей краснорѣчивое выраженіе въ тверскомъ комитетѣ, потому что она возвысила свои требованія въ пользу крестьянъ до убѣжденія, что дворянству ничѣмъ жертвовать не подобаетъ и всю тяжесть неразрѣшеннаго вопроса съ своихъ плечъ свалила на шею правительства. Я рѣшительно придерживаюсь второй партіи, потому, во-первыхъ, что, сколько я могу судить о на-

строения и ожиданіяхъ простаго народа, онъ скорѣе помирится съ незначительною убавкою въ повинностяхъ, чѣмъ съ конфискаціею земли въ большемъ размѣрѣ; во-вторыхъ, что если бы мы теперь надѣлили крестьянъ землею въ излишество, то имъ легко будетъ отвязаться отъ этого лишка по истеченіи переходнаго состоянія, которое не можетъ же тянуться 12 лѣтъ; въ-третьихъ, что, наоборотъ, если бы мы теперь назначили слишкомъ скудный надѣлъ, то ошибка была бы *неисправима*. Личныя права, организація обществъ, — все это будетъ развиваться и расширяться постепенно, придетъ само собою; повинности, теперь пониженныя, если обременительность ихъ будетъ доказана, можно будетъ переложить, сбавить, выкупить; но если мы дадимъ мало земли, то, объявивши разъ, что помѣщикъ остается неограниченнымъ собственникомъ и полнымъ хозяиномъ въ той части своего имѣнія, которая не поступитъ въ надѣлъ крестьянамъ, нельзя уже будетъ приступить къ новому передѣлу; наконецъ, по естественному ходу экономическаго развитія, цѣнность земли должна съ каждымъ годомъ возвышаться, а цѣнность повинности упадать. Поэтому мы приняли, *en principe*, назначить нормальный надѣлъ не ниже теперешняго средняго или достаточнаго, положивъ съ тягла, вмѣсто трехъ дней, два дня въ недѣлю мужскіе и женскіе, весною, лѣтомъ и осенью, а зимою два дня мужскихъ и одинъ женскій или оброкъ по положенію большинства въ 25 р., а по проекту меньшинства въ 23 р. Надѣлъ мы, т.-е. меньшинство, предложили слѣдующій на каждое тягло: въ Ставропольскомъ уѣздѣ — 8 десятинъ, въ Самарскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и $\frac{1}{2}$ Бузулукскаго 12 десятинъ, въ южной половинѣ Бузулукскаго 13 десятинъ, въ приволжскихъ имѣніяхъ Николаевскаго 12 десятинъ, въ имѣніяхъ, прилегающихъ къ Новоузенскому уѣзду, 15 десятинъ, въ прочихъ частяхъ Николаевскаго уѣзда 13 десятинъ; Новоузенскій уѣздъ мы дѣлимъ на три полосы: 1) отъ Волги до линіи, соединяющей вершины Малаго Узеня съ вершинами Кушума (тутъ и ваше имѣніе), 15 десятинъ; отъ этой линіи до рѣчки Семенихи, текущей параллельно съ почтовою дорогою отъ Ново-Узенса въ Самару, 17 десятинъ; далѣе на востокъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ уѣзда 22 десятины; солончаки, годные для хлѣбопашества, и пастбища идутъ въ надѣлъ за усадебную землю, а негодные отводятся въ тройномъ количестве по закону. За пользованіе усадьбами повинность зачтена въ установленной 2 ч. дневной барщины и въ указанномъ выше обрѣдѣ; но при раскладкѣ нормальнаго оброка на усадьбы и прочія угодья (если крестьяне вздумаютъ выкупить усадьбу отдѣльно отъ пашни и луговъ) принято то правило, что арендная плата за деся-

тину усадебной земли не должна превышать: а) въ торговых пристаняхъ тройной платы противъ приходящейся за каждую десятину земли вообще, б) въ приволжскихъ деревняхъ и повсемѣстно въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ (какъ безводныхъ) двойная плата, с) въ прочихъ мѣстностяхъ полуторная плата. Большинство приняло предложенный нами надѣлъ только для Ставропольскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, а для прочихъ—общій, негодный и безобразный надѣлъ въ 9 десятинъ.

Изъ этого отчета вы усмотрите, что мы даемъ вообще меньше земли и цѣнимъ усадьбы дороже, чѣмъ вы въ своемъ имѣнии, но ваши условія никакъ не могутъ быть сдѣланы обязательными для всѣхъ. Предложенный нами надѣлъ и такъ уже превышаетъ теперешній въ большинствѣ имѣній. Одумается ли большинство и прибавитъ ли хоть что-нибудь къ 9-ти десятинному надѣлу? Это очень вѣроятно, потому что оно уже теперь начинаетъ стыдиться и конфузиться; но мы отъ своего проекта не отступимся ни на 1 сажень.

Вотъ въ какомъ положеніи у насъ теперь дѣло. Жаль, что правительство, которое такъ заботливо охраняетъ насъ отъ нескромныхъ взглядовъ посѣтителей и отъ гласности, не заявило нигдѣ, которая изъ двухъ системъ ему больше нравится, т. е. скудный надѣлъ или достаточный. Видно, легче писать циркуляры о томъ, чтобы комитеты ничего не смѣли печатать, чѣмъ разрѣшить этотъ вопросъ.

На-дняхъ я прочелъ въ *Атеней* вашу превосходную статью о нашей общинѣ ¹⁾. Вы, я думаю, и сами догадаетесь, до какой степени она меня обрадовала. Вашъ голосъ много значить, тогда какъ нашъ заподозрѣнъ. Чтѣ бы мы ни говорили, публика махнетъ рукою, скажетъ: «славянофилы»—и дѣло покончено. Вы имѣете огромный авторитетъ въ глазахъ всего молодого поколѣнія, вышедшаго изъ Московскаго университета. Я въ этомъ убѣдился здѣсь, въ Самарѣ. *На практикѣ* я стою съ вами совершенно за одно, то есть за сохраненіе общиннаго владѣнія землею, какъ единственнаго средства обезпечить право крестьянъ на землю противъ гибельныхъ послѣдствій одного или двухъ неурожайныхъ годовъ. Кромѣ того, *я вѣрю*, что въ нашей общинѣ лежитъ зерно будущаго, невиданнаго доселѣ экономическаго организма, но формъ его опредѣлить себѣ не могу. Не вижу, какимъ путемъ разовьется теперешняя община, тогда какъ я вижу ясно признакъ ея разложенія, именно—постепенное удаленіе сроковъ общихъ передѣловъ и мѣстами совершенное прекращеніе передѣловъ. Вы того мнѣнія, что передѣлъ земель не

¹⁾ Объ этой статьѣ Кавелина см. выше въ примѣчаніяхъ къ письмамъ П. М. Лептеева.

есть существенная черта въ нашемъ общинномъ быту, и только въ этомъ я съ вами (и съ Кошелевымъ) расхожусь. По моему мнѣнію, установленіе пропорціональнаго отношенія между надѣломъ землею, съ одной стороны, потребностями и рабочими силами—съ другой, есть самый характерный признакъ, *существо* общиннаго землевладѣнія. Какъ оно удержится по прекращеніи передѣловъ—не вижу. Впрочемъ, долѣтъъ днѣви злоба его; но нашъ вѣкъ и этого не стоить, а будущее не для насъ.

Что дѣлается въ Петербургѣ, я рѣшительно не знаю. Съ отъѣзда Головнина ¹⁾, никто ко мнѣ оттуда не пишетъ, а любопытно, нужно бы даже знать, какъ идетъ дѣло эмансипаціи. Я знаю, что вы завалены дѣломъ, но если бы вы улучили свободную минуту и черкнули мнѣ нѣсколько строкъ, то сдѣлали бы истинно доброе дѣло.

Готовый къ услугамъ и душевно вамъ преданный

Юрій Самаринъ.

P. S. Не взыщите за нескладность письма и скверный почеркъ. Просто времени нѣтъ писать лучше.

IX.

И. С. Тургеневъ.

(Род. 28 окт. 1818 г. † 22 авг. 1883 г.).

Начало знакомства Кавелина съ Тургеневымъ относится къ 1843 году, когда Кавелинъ въ Петербургѣ особенно сблизился съ Бѣлинскимъ, около котораго вращались въ то время начинающіе литераторы. Въ числѣ ихъ былъ Тургеневъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ-за границы и только дебютировавшій въ печати стихотвореніями, подписанными двумя буквами *Т. Л.* Въ 1855 г. Тургеневъ снова уѣхалъ за границу и, какъ извѣстно, проживая съ тѣхъ поръ въ Парижѣ и въ Баденъ-Баденѣ, только на короткіе сроки пріѣзжалъ въ Россію. Къ концу 50-хъ годовъ относится сближеніе Кавелина съ Тургеневымъ, который въ каждый свой пріѣздъ въ Петербургъ посѣщалъ Константина Дмитріевича.

1859 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, сегодня вечеромъ концитъ, на которомъ я непременно долженъ быть, — это я забылъ въ ра, — прошу меня извинить, если я сегодня придти не могу, но я непременно приду завтра въ 8 ч. вечера, если только вы будете дома. Посылаю вамъ листъ съ подписями для Z. Z. ²⁾, возвратите

¹⁾ А. В. Головнинъ, впоследствии (съ 1862 г.) министръ народнаго просвѣщенія.

²⁾ Цензоръ, потерявшій въ то время мѣсто за снисходительную цензуру статей московскихъ журналовъ, преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

нѣ его тотчасъ же съ симъ посланнымъ, потому что я сегодня же надѣюсь получить съ Краевскаго и съ графа Кушелева ¹⁾. Я и Безобразову ²⁾ написалъ. Я вамъ, кажется, уже сказывалъ, что все это будетъ имѣть строго-частный характеръ.

До свиданія, будьте здоровы. Кланяюсь вашей супругѣ.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Суббота, утро.

Bade. Thiergartenstrasse 3, 25 Juillet 1869.

Mon cher ami,

Sir Charles Dilke ³⁾, membre du parlement anglais, fils de celui qui vient de mourir cette année à St.-Petersbourg, vous remettra cette lettre. Permettez moi de vous le recommander de toute la force de mon amitié. Il se rend en Russie pour y faire des études sur l'état des choses actuel—et vous pourriez lui être de la plus grande utilité. Je suis convaincu que vous mettrez à sa disposition tout votre zèle et vos lumières.

Je vous en remercie d'avance et vous serre cordialement la main.

Tout à vous *J. Tourguéneff.*

Переводъ.

Любезный другъ!

Сэръ Чарльзъ Дилкъ, членъ англійскаго парламента, сынъ того Дилка, который умеръ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, передастъ вамъ это письмо. Позвольте рекомендовать его вамъ со всею силой моей дружбы. Онъ отправляется въ Россію, чтобы изучать тамъ современное положеніе дѣлъ, и вы могли бы быть ему въ высшей степени полезны. Я убѣжденъ, что вы не откажете ему въ нашемъ ревностномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи.

Заранѣ благодарю васъ за это и дружески жму вамъ руку.

Весь вашъ *И. Тургеневъ.*

St.-Valery sur Somme, maison Ruhaut.

7 сентября (26 августа) 1872 г.

Пишу вамъ, любезный Кавелинъ, хотя и не знаю, найдетъ ли васъ мое письмо въ Петербургѣ; но все равно, зима приближается

¹⁾ Графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко, начавшій издавать въ Петербургѣ въ 1859 году журналъ *Русское Слово*.

²⁾ Вл. Павл. Безобразовъ, извѣстный ученый экономистъ, † 29 августа 1839 г.

³⁾ Сэръ Чарльзъ Дилкъ, видный политическій дѣятель Англии, бывший однимъ изъ министровъ въ послѣднее министерство Гладстона въ 80-хъ годахъ.

и вы, вѣроятно, скоро вернетесь въ свое васильеостровское гнѣздо¹⁾. Про себя скажу вамъ въ двухъ словахъ слѣдующее: съ тѣхъ поръ, какъ я вернулся изъ Россіи, я поселился здѣсь въ домъ моихъ пріятелей Віардо (St.-Valley — небольшой приморскій городокъ недалеко отъ Трепора) и почти все время провелъ въ мукахъ подагры, которая напала на меня въ Москвѣ, три мѣсяца тому назадъ, да вотъ до сихъ поръ надо мной потѣшается. Если это будетъ повторяться каждый годъ въ такихъ размѣрахъ, то, надо сознаться, жизнь приметъ пріятный колоритецъ.

Недѣли черезъ три я возвращаюсь въ Парижъ, а въ концѣ ноября, deo volente, буду въ Петербургѣ.

Вы, вѣроятно, полагаете, что я забылъ ваше порученіе и никакихъ мѣропріятій на счетъ перевода *Психологии*²⁾ въ ходъ не пустилъ. Напрасно бы вы такъ думали: я и словесно объяснялся съ Ю. Шмидтомъ въ Берлинѣ, и письменно, но, къ сожалѣнію, никакихъ результатовъ мы съ нимъ не достигли. Ни одинъ издатель не хочетъ взять на себя трудъ *перевода*, даже ни одинъ не желаетъ печатать готовый переводъ на свой счетъ, и, предлагая только имя своей фирмы (т. е. не ставя унизительнаго: im Selbstverlage des Autors), каждый воображаетъ, что оказываетъ благодѣяніе. Да и въ самомъ дѣлѣ: возможно ли, по ихъ понятіямъ, въ теперешнее время издавать въ Германіи философскую книгу, да еще русскаго сочинителя? Философъ Гартманъ только потому и имѣлъ успѣхъ, что всякую философію отрицаетъ. И потому, любезный другъ, если вы хотите рискнуть, сдѣлавши переводъ, напечатать его на свои деньги, я вамъ могу предложить свое, какъ видите, весьма бѣдное посредничество.

Очень было бы пріятно узнать, что вы подѣлываете и какъ живется Софьѣ Константиновнѣ³⁾, которой прошу передать мой самый дружескій поклонъ. Я, по милости подагры, почти не работалъ; въ октябрской или ноябрской книжкѣ *Вѣстника Европы* появится, однако, небольшой мой рассказъ, озаглавленный: *Конецъ Чертошанова* (изъ *Записокъ охотника*).

Мой адресъ: Paris, rue de Douai, 48.

Дружески жму вамъ всѣмъ тремъ руку и остаюсь
преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Кавелинъ въ Петербургѣ почти постоянно жилъ на Васильевскомъ островѣ. Въ 72 г. онъ жилъ тамъ по 7 линіи, въ домѣ Костицына.

Задачи психологии Кавелина.

Дочь Кавелина.

50, Rue de Douai. Paris. Пятница 29/17 декабря 1876 г.

Любезнѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, надѣюсь, вы повѣрите мнѣ, когда я повторю вамъ то, что я на-дняхъ писалъ NN, а именно, что въ теченіе всей моей литературной карьеры ничего мнѣ не доставило большаго удовольствія, чѣмъ ваше письмо. Мой романъ имѣетъ для меня самого важное значеніе: тутъ идетъ вопросъ не объ упадкѣ или сохраненіи таланта, не о степени успѣха въ публикѣ, — къ этому я отношусь если не равнодушно, то спокойно, какъ подобаетъ человѣку, уже убѣленному сѣдинами и усталому, — вопросъ идетъ о томъ, совладалъ ли я съ задачей, постановка которой казалась мнѣ вѣрною, но исполненіе которой (а, вѣдь, вся суть въ исполненіи!) могло внушить мнѣ справедливыя сомнѣнія и опасенія. Эти опасенія были тѣмъ болѣе естественны, что задача-то была уже больно трудна. И вотъ вы, человѣкъ столь же чуткій, сколь правдивый—настоящій другъ и настоящій судья, въ одно и то же время—приходите и говорите мнѣ: «Работа хороша, все вѣрно и ладно», и даже прибавляете: спасибо—и въ такихъ выраженіяхъ, которыя не могли меня не тронуть... какъ же мнѣ не радоваться? Благодаря васъ, я самого себя глажу по головкѣ, и теперь, какая бы ни была «литературная» судьба *Нови*, я уже знаю, знаю навѣрное, что я не потерялъ времени даромъ и сослужилъ—и отслужилъ службу моему поколѣнію, пожалуй, даже мѣму народу.

А что молодая критика меня будетъ бить палками—это ничего, для моціона ей полезно, а тамъ все уляжется, и, быть можетъ, она сама догадается, что била по своимъ.

Съ критическими замѣчаніями вашими я согласенъ. И не думайте, что я это такъ говорю, отъ избытка сердца, разнѣженнаго вашими похвалами. Омушка и Фимушка—вставной кусокъ; его можно вынуть безо всякаго ущерба цѣлому... Это одно ихъ осуждаетъ безповоротно. Я, просто, не устоялъ передъ желаніемъ нарисовать старо-русскую картинку въ видѣ d'un heroussois, или оазиса, какъ хотите. Что же касается изображенія крестьянъ, то тутъ съ моей стороны была нѣкоторая преднамѣренность. Такъ какъ мой романъ не могъ захватить и ихъ (по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вышло бы слишкомъ широко и я бы выпустилъ нити изъ рукъ; во-вторыхъ, я не довольно тѣсно и близко знаю ихъ теперь, чтобы быть въ состояніи уловить то еще неясное и неопредѣленное, которое двигается въ ихъ внутренностяхъ), то мнѣ осталось только представить ту ихъ жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются съ Неждановыми, Маркеловыми и т. д. Быть можетъ, мнѣ бы слѣдовало рѣзче обозначить фигуру Павла, Соломинскаго

фактотума, будущаго дѣятеля, но это слишкомъ крупный типъ, — онъ станетъ современемъ (не подѣ моимъ, конечно, перомъ—я для этого слишкомъ старъ и слишкомъ долго живу внѣ Россіи) центральной фигурой новаго романа. Пока—я едва назначилъ его контуры.

Что Соломинъ мнѣ удался — вотъ это меня радуетъ больше всего. Это было самое трудное.

Я непременно прочту Потѣхинскій романъ ¹⁾ послѣ вашей рекомендаціи. А то я думалъ, что это опять этнографія и этнологія.

О безобразной исторіи передъ Казанскимъ соборомъ не стану говорить. Всего теперь, во всякомъ случаѣ, не выскажешь. Но какъ это *глупо!* По милости этой исторіи, мнѣ, быть можетъ, придется написать объяснительное письмо NN.

Поклонитесь отъ меня вашей дочери и скажите ей, что ея одобреніе—лучшій перлъ въ томъ вѣнкѣ, который вы на меня налагаете. Нѣсколько аллегорически сказано, но вполне вѣрно.

Поклонитесь также Брюлову ²⁾. А вамъ я крѣпко-крѣпко жму руку, говорю 1000 разъ спасибо и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ ³⁾.

50, rue de Douai. Paris. Четвергъ, 10 марта (26 февраля) 1881 г.

Любезнѣйшій Константинъ Дмитриевичъ, въ приложеніи къ настоящему (или предстоящему) нисѣму вы найдете мое прошеніе къ вамъ, какъ къ вице-предсѣдателю нашего комитета ⁴⁾, объ увольненіи меня въ отставку, что бы давно слѣдовало сдѣлать: и дай Богъ, чтобы вы черезъ это приобрѣли себѣ предсѣдателя!

Прочелъ я вашу статью въ *Порядкѣ* и рѣчь за обѣдомъ 19 февраля; также прочту непременно статью въ *Вѣстникѣ Европы* ⁵⁾. Все, что вы говорите—goldene Worte—и я согласенъ съ вами впол-

¹⁾ Романъ А. А. Потѣхина *Около денегъ*, печатавшійся въ *Вѣстн. Евр.* 1876 г., окт., ноябрь, декабрь.

²⁾ Пав. Александр. Брюловъ, мужъ Софьи Конст. Кавелиной.

³⁾ Незадолго до этого письма Тургеневъ писалъ NN: „Я также получилъ письмо отъ Кавелина... и не обинуясь скажу: во всей моей литературной карьерѣ я не испыталъ ничего, что бы доставило мнѣ большее удовольствіе. Я ему отвѣчу подробно; пока, попросите его принять отъ меня самое душевное спасибо. Поневоля приходять въ голову эти стихи:

„Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten“.

Комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, составившій администрацію этого общества. Тургеневъ былъ членомъ-основателемъ общества.

Порядокъ—ежедневная политическая газета, выходившая, подѣ редакціей М. М. Сталевица, въ С.-Петербургѣ, съ 1 января 1881 года до начала 1882 г. Въ 1881 г. Кавелинъ помѣщалъ въ ней публицистическія статьи, между прочимъ, рѣчь, произнесенную имъ на обѣдѣ 19 февраля 1881 г. Статья въ *Вѣстн. Евр.*, упоминаемая Тургеневымъ, есть письмо Кавелина къ Ѳ. М. Достоевскому, помѣщенное въ ноябрьской книжкѣ этого журнала за 1880 годъ.

нѣ, но мнѣ кажется, что пора нашей партіи (если можно такъ выразиться) выступить съ совершенно ясною, подробною и обстоятельною программой, чѣмъ мы отличаемся и отъ славянофиловъ, и отъ революціонеровъ, и даже отъ самого правительства. Въ *Странѣ* II—ій (о которомъ я такого же высокаго мнѣнія, какъ и вы) уже намѣтилъ нѣкоторые важнѣйшіе пункты. Полагаю, что и въ статьѣ *Вѣстника Европы* вы тѣмъ же займетесь.

Тенерь о П. (С. Д.). Другъ мой почтенный, стало быть, вы точно идеалистъ, что не имѣете понятія о семъ индивидуумѣ, котораго я, впрочемъ, уже не считалъ въ живыхъ. Это — высшее воплощеніе того, что называется un раіег регсѣ, прожилъ самымъ нелѣпнымъ образомъ значительное состояніе, обобралъ *всѣхъ* своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ (меня жамкнулъ на 300 р. сер.) — всю царскую фамилію и т. д. Онъ былъ рьяный библіофилъ, имѣлъ когда-то замѣчательную библіотеку, но литературныя его заслуги равняются нулю и состоятъ въ двухъ-трехъ пустѣйшихъ брошюркахъ. Помочь ему можно, но знайте, что это будетъ капля, брошенная въ бездонную пропасть. Одна *circonstance atténuante* — его преклонные годы. Ему за 80 лѣтъ ¹⁾.

Я выѣзжаю отсюда черезъ 3 недѣли, тотчасъ послѣ свадьбы младшей дочери г-жи Віардо, и, конечно, немедленно увижу васъ. Пока, крѣпко жму вамъ руку и остаюсь

Искренно вамъ преданный *Ив. Тургеневъ*.

P.S. О политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина мы поговоримъ лично. Не такъ ужъ они плохи, какъ вы, кажется, предполагаете ²⁾.

50, rue de Douai. Paris. Четвергъ, 10 марта (26 февраля) 1881 г.

Любезнѣйшій Константинъ Дмитриевичъ. Не вѣдая формы, къ какой слѣдуетъ прибѣгнуть, обращаюсь прямо къ вамъ съ слѣдующею просьбой: будьте такъ добры, передайте комитету, котораго вы состоите членомъ (по литературному фонду) мою просьбу объ увольненіи меня изъ числа его членовъ, такъ какъ мое продолжительное и чуть не постоянное пребываніе за границей лишаетъ меня всякой возможности приносить какую-либо пользу исполненіемъ возложенныхъ на меня обязанностей.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

¹⁾ Литераторъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, умеръ въ 1884 г.

²⁾ Кавелинъ постоянно нападалъ на *псевдо-аристократическія* убѣжденія Пушкина и считалъ его политическія убѣжденія вообще поверхностными.

X.

Н. А. Добролюбовъ.

(Р. 24 янв. 1836 † 17 ноября 1861 г.).

Извѣстный критикъ конца 50-хъ годовъ Николай Александровичъ Добролюбовъ былъ человѣкомъ весьма близкимъ къ Кавелину, несмотря на рѣзкое различіе въ ихъ характерахъ и воззрѣніяхъ, что очень хорошо сознавалось самимъ Кавелинымъ. Добролюбовъ принадлежалъ къ другому поколѣнію и къ другой средѣ и относился съ недовѣріемъ и ироніей къ идеализму людей 40-хъ годовъ вообще и къ оптимизму Кавелина въ частности; но Кавелинъ, всегда сочувственно шедшій на встрѣчу каждому выдающемуся молодому дарованію, не могъ не оцѣнить только что выступавшаго на литературное поприще талантливаго критика и не только радушно отворилъ передъ Добролюбовымъ двери своего кабинета, въ которомъ сходились въ 50-хъ годахъ лучшіе люди изъ интеллигенціи Петербурга, но даже довѣрилъ Добролюбову образованіе своего даровитаго сына Мити.

Два письма Добролюбова—одно къ женѣ Константина Дмитриевича, Антонинѣ Ѳеодоровнѣ Кавелиной, и другое къ нему самому—писаны изъ-за границы, незадолго до кончины Добролюбова, послѣдовавшей 17 ноября 1861 года. Такъ какъ Добролюбовъ называетъ многихъ нынѣ здравствующихъ лицъ по именамъ, то я долженъ былъ поставить вмѣсто ихъ настоящихъ именъ произвольныя буквы.

Парижъ, 16/26 ноября (1860 г.).

Сейчасъ вернулся я съ маленькаго семейнаго вечера у нашего хозяина; спать не хочется, читать не хочется... хочется говорить, и не знаю почему подумалъ я о васъ, добрая Антопина Ѳеодоровна. Можетъ быть, отозвались во мнѣ наши прежніе разговоры, которые вы переносили такъ терпѣливо, а, можетъ быть, пользуясь моимъ теперешнимъ настроеніемъ, совѣсть моя проснулась и сказала, что пора бы давно написать вамъ. Во всякомъ случаѣ,—что вы посягали, то и пожнете,—приготовьтесь читать психологическую идиллію.

Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ пришлось мнѣ найти милый провинціальныи уголокъ, со всеми удобствами парижской жизни, но безъ ея шума и тщеславія. Мы живемъ съ О*** въ одномъ изъ скромнѣйшихъ меблированныхъ домовъ Латинскаго квартала, на полномъ пансіонѣ, и потому безпрестанно сходимся съ семействомъ хозяина, состоящимъ изъ жены его, сына-студента и дочери 16 лѣтъ. У нихъ много эство родни и знакомыхъ—все людей весьма скромнаго состоянія—комми, модистки, армейскіе офицеры, гувернантки, студенты и т. п. И какое безцеремонное, доброе веселье разливается на всѣхъ, когда иной вечеръ все это общество соберется и примется плясать, фокусничать, ни на кого не смотря, ничѣмъ не стѣс-

няясь, кто во что гораздъ! Поютъ—и фальшивятъ, пляшутъ—и путаются, играютъ на фортепiano—и берутъ нелѣпѣйшіе аккорды, прыгаютъ и падаютъ,—и всѣ хохочутъ, всѣ довольны, всѣ равно участвуютъ въ весельи; нѣтъ почетныхъ лицъ, нѣтъ обиженныхъ, нѣтъ рисующихся своими талантами, да и талантовъ-то нѣтъ ни у кого. Последнее обстоятельство особенно меня радуетъ. Здѣсь я начинаю приучаться смотрѣть и на себя самого, какъ на человѣка, имѣющаго право жить и пользоваться жизнью, а не призваннаго къ тому только, чтобы упражнять свои таланты на пользу человѣчества. Здѣсь никто не видитъ во мнѣ злобнаго критика, никто не ждетъ отъ меня ядовитостей, не предполагаетъ во мнѣ ни малѣйшей способности къ свистопляскѣ; никто меня не окружаетъ изысканною внимательностью, не придаетъ моимъ словамъ никакого значенія, не толкуетъ ихъ въ разныя стороны. Когда я ухожу—говорятъ, что я «прогуливаюсь» или «бѣгаю по Парижу»; когда я сижу дома, говорятъ: «il s'amuse à l'ige»; когда я пишу, мнѣ замѣчаютъ, что у меня, должно быть, большая корреспонденція. Затѣмъ въ персонѣ моей видятъ молодого человѣка, заѣхавшаго въ чужой край, довольно плохо говорящаго по-французски и, слѣдовательно, нуждающагося въ разныхъ наставленіяхъ и поощреніяхъ. И вотъ между нами устанавливается полнѣйшая безцеремонность, и я становлюсь добродушень, весель, доволенъ, дѣлаюсь похожъ на человѣка. Сегодня, напримѣръ, я безъ зазрѣнія совѣсти коверкалъ французскій языкъ, разговаривая съ племянницею хозяина, маленькою и вострою брюнеткой лѣтъ 17. Она хотела надо мной и поправляла меня такъ мило, что я и не думалъ конфузиться. Вдругъ къ ней направилась депутація: недоставало пары для кадрили, и ей поручено было увлечь ея собесѣдника въ танцы. Первымъ моимъ движеніемъ было, по старой привычкѣ, упереться; но я увидѣлъ, что мой отказъ въ самомъ дѣлѣ огорчаетъ общество, потому что разстраиваетъ кадрили; притомъ же, меня общали безъ церемоніи взять за плечи и водить. Я пошелъ, и мое участіе сдѣлалось неистоцимымъ источникомъ веселости для всей компаніи, не исключая и меня самого. Они обсуживали мои движенія такъ, какъ будто это была отлично сыгранная роль комическаго актера; я находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы иногда дѣлать bis, и самъ не могъ удерживаться отъ добродушнѣйшаго хохота. За то моя дама нашла, что меня непремѣнно слѣдуетъ выучить танцамъ, и я общалъ учиться при ея содѣйствіи. По всей вѣроятности, этого и не будетъ, но, все-таки, говоря по совѣсти, въ Петербургѣ я не проводилъ такихъ пріятныхъ вечеровъ, какъ сегодня въ Парижѣ. Странное дѣло, въ Спб. всѣ меня знаютъ отъ

головы до пятокъ, принимаютъ во мнѣ участіе, находятъ, что я ползень, умень, интересень,—я не знаю, что еще... и, между тѣмъ, я остаюсь тамъ для всѣхъ чужимъ, я точно связанъ. Здѣсь меня никто не знаетъ, никто не можетъ быть увѣренъ, что я не служилъ у Бокорева, не воровалъ казенныхъ денегъ, не былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Р***, не состоялъ сотрудиномъ *Русскаго Слова* ¹⁾ и т. п. Интересы и понятія французскаго общества извѣстны мнѣ не болѣе, чѣмъ NN.

нравы и привычки французовъ для меня—какъ идеи Моллиари для Безобразова и Л***; французскій разговоръ мой вялъ и безцвѣтенъ, какъ русская рѣчь Серно-Соловьевича, а иногда даже неудобопонятенъ, точно разсужденія ZZ. И при всемъ томъ я здѣсь лучше сошелся съ людьми, чѣмъ у себя въ Петербургѣ,—здѣсь я проще, развязнѣе, болѣе слить со всѣмъ окружающимъ. Въ Спб. есть люди, которыхъ я уважаю, для которыхъ я готовъ на всевозможныя жертвы; есть тамъ люди, которые меня цѣнятъ и любятъ; есть такіе, съ которыми я связанъ «высокимъ единствомъ идей и стремленій». Ничего этого нѣтъ въ Парижѣ. Но за то здѣсь я нашелъ то, чего нигдѣ не видѣлъ,—людей, съ которыми легко живется, весело проводится время, людей, къ которымъ тянетъ безпрестанно—не за то, что они представители высогихъ идей, а за нихъ самихъ, за ихъ нплыя, живыя личности.

Вотъ вамъ моя идиллія, которую я бы могъ съ удовольствіемъ продолжать еще и еще, если бы не боялся слишкомъ вамъ наскучить. Простите, что не пишу ни о чемъ другомъ: я такъ доволенъ своимъ теперешнимъ, что ни о чемъ больше не думается. Прощайте же покамѣстъ, будьте здоровы, кланяйтесь всѣмъ, поцѣлуйте Митю за меня.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

PS. Надѣюсь, вы мнѣ отвѣтите. Впрочемъ, вѣрнѣе, пишите на имя О***, въ Парижъ, Rue Vaugirard, 30. Константину Дмитріевичу

¹⁾ *Русское Слово* въ то время еще не было органомъ „молодой литературы“. Оно стало издаваться въ 1859 г. графомъ Г. А. Куселевымъ-Безбородко, подъ редакціей Я. П. Полонскаго, А. А. Григорьева и Г. Н. Благосвѣтлова, отличаясь отсутствіемъ какого-либо опредѣленнаго направленія. *Русское Слово*,—читаемъ въ его объявленіи—было изданіемъ на 1860 г.,—желало при началѣ своего существованія и желаетъ до сихъ поръ быть по возможности средоточіемъ для различныхъ направленій русской общественной мысли въ наукѣ и жизни, равно какъ и для всѣхъ выраженій русскаго творчества...“ Редакція не справилась съ этою задачею и *Русское Слово* въ 1859—1860 гг. появилось сборникомъ статей противорѣчивыхъ другъ другу по возрѣніямъ. Д. И. Писаревъ, критическія статьи котораго создали своеобразную литературную репутацію *Русскаго Слова* и придали ему опредѣленное направленіе, появляется въ этомъ журналѣ лишь съ 3-й книги 1861 г.

напишу скоро особо: теперь я не въ состояніи сочинить ему достойнаго письма, ибо о гніеніи Европы рѣшительно пикнуть не могу.

Ницца, 1/13 января 1861 г.

Такъ какъ письмо къ вамъ, добрѣйшій Константинъ Дмитриевичъ, должно непременно касаться предметовъ возвышенныхъ, то считаю за нужное начать его вопросомъ о здоровьи Б. и S***, а потомъ, по извѣстному изреченію, перейти къ поздравленію васъ съ новымъ годомъ. Желаю вамъ въ этомъ году меньше испытать разочарованій и держать болѣе счастливыя пари, чѣмъ въ прошломъ году ¹⁾. Признаюсь вамъ, 13-го (т. е., по вашему, 1-го) ноября я ожидалъ отъ васъ телеграфической депеши и радостно готовился послать вамъ по телеграфу мой проигрышъ, рассчитывая поверстать его дешевизною продукта, который былъ поставленъ нами въ игру... Впрочемъ, за важными преніями о бѣдномъ братѣ, за сокрушеніями о гніеніи Европы, за хлопотами о болѣе удобномъ размѣщеніи большей части статей *Свода Законовъ* со всѣми продолженіями, за глубокими соображеніями относительно новаго *Вѣка* ²⁾, за трудами по опубликованію злонамѣренности нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ, старающихся бросить тѣнь на комитетъ общества вспоможенія ³⁾, и проч., и проч., — словомъ, за высокими подвигами государственной, профессорской и филантропической мудрости—вы, вѣроятно, забыли смиреннаго юношу, осмѣливагося однажды усомниться въ сбыточности нѣкоторыхъ вашихъ надеждъ... Позвольте же теперь освѣжить вашу память нѣкоторыми подробностями. Это былъ прекрасный день, чуть ли не пасхальный. Вмѣстѣ съ снѣгомъ растаяли сердца и только что исчезли нѣкоторыя надежды, періодически возвращающіяся къ каждому празднику. Я, помнится, съ

¹⁾ Кавелинъ предложилъ въ 1860 г. Добролюбову пари о томъ, что освобожденіе крестьянъ послѣдуетъ въ теченіе 1860 года, о чемъ далѣе въ этомъ же письмѣ Добролюбовъ сообщаетъ подробности.

²⁾ Въ 1861 году К. Д. Кавелинъ предпринялъ вмѣстѣ съ В. П. Безобразовымъ и А. В. Дружининымъ, подъ главною редакціей П. И. Вейнберга, изданіе еженедѣльнаго общественнаго, политическаго и литературнаго журнала *Вѣкъ*, съ цѣлью распространенія въ русской публикѣ идей мирнаго и постепеннаго общественно-политическаго прогресса. Хотя газета и общаго стояла въ сторонѣ отъ обличеній и не затрогивала личности, но весьма скоро стала именно на этотъ путь, что вызвало справедливые укоры въ другихъ органахъ печати. Кромѣ того, газета отличалась сухостью содержанія и расходилась плохо. Съ мая 1861 года Кавелинъ не принималъ болѣе участія въ *Вѣкѣ*.

³⁾ Только что открытаго въ Петербургѣ въ концѣ 1859 года общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Инициаторомъ этого общества былъ А. В. Дружининъ.

обычною скромностью намекнулъ объ этомъ обстоятельстве; вы, какъ истинный профессоръ и философъ (вы же тогда обдумывали, кажется, поправки къ статьѣ о Гегелѣ), взяли на себя трудъ великодушно объяснить мнѣ, что надежды лопнули, потому что были неосновательны; что ни въ апрѣлѣ, ни въ маѣ плодовъ ждать еще нельзя было; что гораздо благоразумнѣе ждать ихъ въ послѣднихъ числахъ августа или въ первыхъ сентября и что кто хочетъ быть вполне увѣренъ въ своихъ надеждахъ, тотъ долженъ ихъ отложить до октября. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ я великія истины и смиренно замѣтилъ, что кто рѣшительно уже не хочетъ обмануться, тотъ долженъ совсѣмъ отложить надежды и всякое попеченіе. Тогда вы воспламенились и произнесли мнѣ цѣлую бесѣду (отчасти русскую, но болѣе ламанскую) о ввозѣ и вывозѣ, о джентри (то было время процвѣтанія Утина), о Николаѣ Милютинѣ и князѣ Черкасскомъ, о гласномъ судопроизводствѣ, о мѣстахъ, въ которыхъ непозволено жить въ Россіи евреямъ, о похвальныхъ качествахъ русскаго мужика и еще болѣе похвальныхъ свойствахъ редакціонной комиссіи и члена ея Z***... Всего не припомню, но знаю, что о Z*** было много, а о ХХ* немножко... Вы были шумно-прекрасны во время вашей рѣчи.

Я не зналъ, на что вы были похожи. Только уже гораздо позже догадался я, что вы ходили въ тѣ минуты на архангела Михаила, какъ онъ изображенъ на Fontaine de S-t Michel въ Парижѣ. Проходя разъ по Севастопольскому бульвару и узрѣвши вдругъ этого архангела, изливающего потоки живой воды, я невольно вспомнилъ вашъ грозно-свѣтлый, вдохновенный ликъ, съ живыми рѣчами, обѣщавшими столько благъ къ октябрю для меня и для всей Россіи... Я теперь съ умиленіемъ вспоминаю эти рѣчи... Но юность намъ совѣтуетъ лукаво, и я, по молодости лѣтъ, рѣшился тогда отвѣтить на вашу восторженную рѣчь новымъ сомнѣніемъ. Тогда... тогда вы прибѣгли къ послѣднему средству—пари. Я не отказался... Но тутъ вы постыдно струсили и сдѣлали два шага назадъ: первый, что вы говорили не о дѣлѣ, а только о формальномъ заявленіи, второй—что срокомъ взяли уже 1 ноября. Я взялъ оба эти шага и укрѣпился въ новой позиціи, оставленной вами, хотя она и не была такъ удобна, какъ моя прежняя. И что же? Гдѣ первое ноября и гдѣ формальное заявленіе? Есть здѣсь добрые люди, которые даже сегодня вѣруютъ, что именно сегодня и исполнились надежды, которыя вы возлагали на 1 ноября. Вы скоро, я думаю, узнаете ихъ мечты «на новый годъ», напугавшія мнѣ любострастныхъ стариковъ, которые уже и силъ

не имѣють, и пощечины получаютъ, не говоря объ осмѣиваньи, а, все-таки, лѣзутъ къ дѣвушкамъ. Но я, благодаря моего Создателя, подкрѣпился здѣсь отдыхомъ, и потому на 1 января смотрю совершенно такъ же, какъ и на первое ноября. Мало того, вы вѣрно возлагаете теперь упованіе на 19 февраля, потомъ на 17 апрѣля, на Пасху и т. д. Не имѣю я никакихъ прямыхъ извѣстій изъ Россіи и не могу держать пари на долгій срокъ. Но даже по тому, что можно заключить изъ непотребныхъ корреспонденцій *Nord'a* и *Indép. Belge*, я готовъ съ вами побиться еще о бутылкѣ на 19 февраля. Будетъ—мы квиты, не будетъ—двѣ пьемъ при моемъ возвращеніи или при другомъ удобномъ случаѣ. Хотите ли? Я думаю, вы опять согласитесь: вѣдь, изъ всѣхъ благъ небесныхъ, вамъ отпущенныхъ въ такомъ изобиліи, съ особеннымъ излишкомъ отпущена на васъ надежда, кроткая посланница небесъ.

Впрочемъ, я вижу, что письмо принимаетъ нѣсколько аллегорическій видъ, даже что-то изъ Жуковского припелось. Поэтому лучше возвратиться къ дѣйствительности. Она состоитъ для меня теперь въ Жеребцовѣ, Всеволожскихъ, Тимашевѣ-Берингѣ, Скрипичинѣ, Голицыныхъ, Урусовыхъ, Долгорукихъ, Толяхъ и т. п., съ которыми я каждый день встрѣчаюсь, а съ нѣкоторыми даже вступилъ въ объясненія (впрочемъ, не съ Берингомъ и не съ Жеребцовымъ) ¹⁾. Встрѣчи эти дѣлаютъ изъ меня нѣчто вродѣ *Сына Отечества* и даже въ нѣкоторой степени *Русскаго Инвалида*. Несмотря на прелестный климатъ, здоровье мое здѣсь разстроилось: хандра дошла почти до петербургской степени. Жду только присылки денегъ, чтобы уѣхать. Если вздумаете отвѣтить, то напишите во Флоренцію, *poste restante*.

Антонинѣ Федоровнѣ писалъ я изъ Парижа, прикинувшись кроткимъ и незлобнымъ. Если она повѣрила, то была, я думаю, въ отчаяніи, и только этому я приписываю, что она не могла до сихъ поръ придти въ себя и написать мнѣ отвѣтъ на такое задушевное посланіе, единственное въ своемъ родѣ. Пусть же утѣшится: старинное расположеніе вовсе не пропало у меня, а только засыпало на нѣсколько минутъ, именно тѣхъ, когда я писалъ письмо къ ней.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Русское высшее общество, проводившее зиму 1860—1861 г. въ Ниццѣ. Г. Жеребцовъ написалъ не задолго передъ тѣмъ на французскомъ языкѣ исторію цивилизаціи Россіи, на которую Добролюбовъ помѣстилъ въ *Современникѣ* рѣзкій критическій разборъ (см. сочин. Добролюбова, 2-е изд., т. II, стр. 275—367).

НЕ ТОТЪ КОЛЕНКОРЪ.

(Повѣсть).

(Посвящается Н. Н. Саловой).

I.

На одной изъ боковыхъ дорожекъ городского сада, подъ тѣнью густыхъ тополей, на полусогнившей скамьѣ сидѣли: земскій врачъ Наумъ Степанычъ Милентовъ и бывший товарищъ его по университету Модестъ Яковлевичъ Фортунатовъ. Оба были лѣтъ по тридцати пяти, но первый былъ несуразный, толстенный мужчина съ краснымъ, доснившимся лицомъ, кривоногій и съ жирнымъ подбородкомъ, а второй, наоборотъ, довольно красивый, стройный, съ энергичнымъ открытымъ взглядомъ и жиденькою русою бородкой. На врачѣ была легонькая шелковая пара и галстукъ, состоявшій изъ шнура и двухъ кистей, а на Фортунатовѣ что - то вродѣ длиннаго пальто, замѣтно потертаго, и порыжѣвшая отъ времени шляпа съ громадными полями. Первый имѣлъ видъ сытаго плантатора, а второй — голоднаго актера. Оба они вели оживленную бесѣду.

— Ну, удивилъ, могу сказать! — чуть не кричалъ врачъ, пытая и отирая съ лица обильно выступавшую испарину. — До сихъ поръ глазамъ не вѣрю! «Не писалъ двухъ словъ и грянулъ вдругъ, какъ съ облаковъ!» Я потерялъ даже надежду когда-либо встрѣтиться съ тобой!

— Это почему? — спросилъ Фортунатовъ, весело улыбаясь.

— Считалъ тебя погибшимъ безвозвратно... Ты, вѣдь, всегда былъ фантазѣромъ, а судьба фантазѣровъ извѣстна. А вотъ оказывается, что ты живъ и здоровъ и даже въ наши палестины прѣхалъ... Обношенный, правда... ну, а, все-таки, ничего, на чело- вѣкъ похожъ.

— Спасибо и за это.

- Давно ли пожаловалъ?
- Съ мѣсяць.
- И до сихъ поръ не былъ у меня?
- Я даже не подозрѣвалъ, что ты здѣсь.
- Гдѣ же проживаешь-то?
- Пока въ селѣ Батракахъ.
- У дяди, небось, у батраковского дьякона?
- Да, у него.
- Знаю, знаю, у Перепелкина, какъ не знать. Все еще живъ?
- Что ему дѣлается!
- А, вѣдь, мы съ тобой лѣтъ десять не видались.
- Ежели не больше.
- Ну, а повинности всѣ отбылъ?
- Отбылъ, конецъ!
- А сѣдинка-то брызнула! — вскрикнулъ Милентовъ, поглядывая на виски своего друга.— Жиденькая, кое-гдѣ, а, все-таки, серебрится.
- Серебрится,—согласился Фортунатовъ.
- Нѣтъ, у меня ни единого сѣдого волоса! А, вѣдь, ровестники...
- Кажется...
- То-то и оно.
- Человѣкъ на человѣка не приходится...
- Скажи лучше: сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ,—проговорилъ наставительно Милентовъ.—Сколько разъ говорилъ: «Эй, не шали!» Куда тебѣ! И слушать не хотѣлъ!... По-моему и вышло... Ну, что, правъ я былъ?
- Можетъ быть,—согласился Фортунатовъ.
- Э-эхъ,—вздохнулъ Милентовъ.—Хорошій ты, братъ, человѣкъ и сердце у тебя отличное, а ужъ въ головѣ у тебя всегда вѣтеръ ходилъ. Экзальтація ты превеликая... Ну, рассказывай же про свои похождения.
- Рассказывать нечего...
- А жилось-то какъ?
- Жилось ничего, хорошо... усталъ только.
- Еще бы!
- Приѣхалъ на родину... Можетъ быть, она не пригрѣетъ ли?
- Въ теплѣ жить, надо печку топить, а ты умѣешь ли?—подшутилъ Милентовъ.
- Поучусь.
- Хорошо, какъ займешься...

— Займусь.

— А какъ насчетъ ресурсовъ?

— Конечно, никакихъ.

— Дѣло плохо... Что же думаешь дѣлать?

— Думаю адвокатурой заняться.

— Гдѣ?

— Въ здѣшнемъ городѣ, конечно.

Милентовъ захохоталъ даже.

— Это въ нашей-то трущобѣ? Не совѣтую.

— Надо же за что-нибудь приняться,—перебилъ его Фортунатовъ,—вѣдь, ѣсть нечего... Дѣло извѣстное: если человѣку нечего ѣсть, то надо либо въ адвокаты, либо въ актеры.

— Ужь лучше въ послѣдніе.

— Таланта нѣтъ.

— Теперь онъ не требуется... Смѣлость нужна.

— Ну, а ты какъ поживаешь?—спросилъ Фортунатовъ.

— Я, братецъ, не фантазеръ... Иду по вѣлкамъ пробитой тропинкѣ.

— По-старому, какъ и во времена студенчества?

— Ничего новаго придумать не способенъ, но живу хорошо, безбѣдно... Покончивъ университетъ, почилъ на лаврахъ... Никакихъ диссертаций не писалъ и не защищалъ, предпочелъ удалиться сюда и врачевать народъ за земское жалованье... Да, виновать, есть и новое...

— Что такое?

— Женился.

— Давно ли?

— Да вотъ ужъ двоихъ ребятъ имѣю, жду третьяго...—и, вдругъ повернувшись лицомъ къ Фортунатову, прибавилъ:— Слушай-ка! Давай погумимся!... Будь воспріимникомъ... Кстати, у меня побываешь, на мое житье-бытье посмотришь... Идетъ, что ли?

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, вотъ спасибо... спасибо, дружище!

— Ну, а что жена твоя,—спросилъ Фортунатовъ,—хорошая, добрая женщина, любитъ тебя?

— Жена-то?—вскрикнулъ Милентовъ,—такая-то хлопотунья, что не приведи Господи! Даже ночью во снѣ про хозяйство бредить! Ой, братецъ, изъ купеческихъ,—добавилъ онъ,—малограмотная, но зато религіозна и малокровіемъ не страдаетъ. Хорошая, здоровая самка, дающая хорошихъ, здоровыхъ дѣтей. Не то, что эти ученые корсетницы... За ней были деньжонки, на которыя я и купилъ

участочекъ земли и вотъ сдѣлался теперь землевладѣльцемъ. Я, вѣдь, сюда, въ городъ, только за полученіемъ жалованья ѣзжу, а резиденція моя у меня же на хуторѣ. Это тоже своего рода удобство...

— Такъ ты не здѣсь живешь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Сегодня же опять домой.

— А участокъ большой купилъ?

Милентовъ расхохотался.

— Нѣтъ, маленькій,— проговорилъ онъ,— всего-то пятьсотъ-десятигъ. За то есть небольшая рѣчонка, мельница крохотная... такъ, толкучка какая-то, больше стучить, чѣмъ мелеть. Но, все-таки, питаетъ. Усадьбица, конечно, имѣется, садикъ фруктовый, яблоньки, вишенки, малинка... На хуторѣ у меня хорошо, тихо... Курочки въ навозѣ копаются и вдругъ этакъ закудахчуть: ко, ко, ко! И такъ это на душѣ легко сдѣлается... Бросишь имъ горсточку зерна: ципъ, ципъ, ципъ!—закричишь... И онѣ къ тебѣ сломя головы. Рѣчонка у меня такая сонная, омутистая, не всколыхнетъ никогда. Только изрѣдка лещъ шлѣпнетъ, либо щука стрѣльнетъ... Купаленку крошечную соорудилъ и вплоть до заморозковъ купаюсь... Мнѣ это необходимо... Да вотъ приѣдешь на крестины, все увидишь... Водочки выпьемъ, по наливочкѣ пройдемся, знаешь, этакъ по-пріятельски... Загримиреуемся слегка и на сѣноваль спать... Спать у меня тамъ отличное: ни одной мушки... Смотри же, не обмани... Я за тобой лошадей пришлю.

— Приѣду.

— А знаешь ли,— подхватилъ разболтавшійся врачъ,—я отъ души радъ встрѣтиться съ тобой. Что ни говори, а, вѣдь, одноклассники и по семинаріи, и по университету... Я всегда любилъ тебя... искренно говорю!

— Спасибо.

— А помнишь ли, какъ мы съ тобой въ университетъ отправлялись? Потѣха!... Ты тогда у Перепелкина жилъ, у того же батраковского дьякона, у котораго и теперь остановился... Платье дырявое, денегъ чуть-чуть... дьяконица лепешекъ намъ напекла, яиць... А въ университетѣ-то нужду какую терпѣли!—и, всплеснувъ руками, онъ прибавилъ: — Какъ это мы только съ голоду не подохли, удивительно!

— Да, удивительно.

— Эхъ, братецъ, большую ты ошибку сдѣлалъ съ своимъ фантазерствомъ! За тебя досадно!—продолжалъ Милентовъ.—Ну, какъ это возможно?... Жизнь, братецъ, не шутка... Жизнь должна быть

основана на разумныхъ началахъ, а ты фантазировать началъ. Вѣдь, ты ужъ на послѣднемъ курсѣ былъ... годъ какой-нибудь оставалось... и вдругъ... Положимъ, почему и не пофантазировать, но, вѣдь, всему есть мѣра... Ты вотъ послушай-ка когда-нибудь, какъ мы здѣсь Татьянинъ день справляемъ! Нашего брата, вѣдь, здѣсь много: доктора, слѣдователи, судьи... Послушай-ка, какія мы рѣчи говоримъ, какіе тосты выкрикиваемъ, какія мнѣнія высказываемъ... выпиваемъ сколько... А пройдетъ угаръ—и всѣ опять честно и благородно за свое дѣло... А, вѣдь, ты вонъ куда махнулъ!... И что же вышло? Товарищи твои за это время карьеру себѣ составили, а ты только что собираешься начинать... Словно сейчасъ только изъ яйца вылупился...

— Послушай! — перебилъ его Фортунатовъ, улыбаясь. — Ты мнѣ все мораль читаешь, а ты лучше помоги мнѣ, выручи меня... Не вѣкъ же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, батраковскаго дьякона объѣдать.

— Коли собираешься денегъ просить, — подхватилъ Милен-товъ, — такъ лучше и не проси. Не дамъ, — жаденъ!

— Да чортъ тебя возьми съ твоими деньгами!

— Деньги достаются не легко...

— Не надо мнѣ твоихъ денегъ.

— Обо всемъ остальномъ можешь просить сколько угодно, — забормоталъ Милентовъ, — и будь увѣренъ: сдѣлаю все, что только могу.

— У тебя здѣсь, конечно, масса знакомыхъ?

— И городъ, и уѣздъ... всѣ знакомы.

— И, конечно, ты со всѣми хорошъ?

— Я, братъ, человѣкъ покладистый и уживчивый, — подхватилъ Милентовъ.

— И отлично... Такъ, вотъ, ты замолви за меня словечко и хлопочи, чтобы мнѣ не отказали въ должности повѣреннаго. Все-таки, я хоть что-нибудь да заработаю... Мнѣ много не надо...

Милентовъ даже разсердился.

— Да выбрось ты изъ головы эту дурь! — вскрикнулъ онъ. — Смѣшное дѣло!... На родинѣ отдыхать, согрѣваться собирается, а саль въ «брехуны» лѣзетъ!

— Что же въ этомъ?

— Вѣдь, это срамъ! Юристъ, образованный малый — и вдругъ въ «брехуны»!... Ты посмотри на нашихъ, что это за народъ такой... вѣдь, безграмотные всѣ... запятыя на другую строку переносятъ...

— А глядишь: сыты, обуты, одѣты и никакихъ дьяконовъ не обидаютъ. Авось и я что-нибудь заработаю... Повторяю, что мнѣ

многого не нужно... Ну, а потомъ обживусь, огляжусь, познакомлюсь съ людьми, съ мѣстностью, можетъ быть, тогда найду и другое дѣло.

— Все это не тотъ коленгоръ,—проворчалъ Милентовъ.

— Знаю, что не тотъ. Но, вѣдь, ты самъ же сравнилъ меня съ только что вылупившимся цыпленкомъ... Ну, а цыпленку по-цыплячьи и шагать надо... Не соколомъ же подъ облака взлетѣть,—прибавилъ Фортунатовъ, засмѣявшись.

— А то-ли бы дѣло по-соколиному-то!—вскрикнулъ онъ, улыбаясь.

— Мало бы что!

— Вѣдь, цыплятъ-то даже вороны обижаютъ.

— Житье плохое!

— Жениться бы тебѣ слѣдовало,—продолжалъ Милентовъ, искоса взглянувъ на пріятеля пронизательнымъ и пытливимъ взглядомъ.—Или, можетъ быть, расположенія къ супружескому сожитію не имѣешь? Ты, вѣдь, всегда независимости добивался, свободы.

— Есть тамъ одна,—проговорилъ Фортунатовъ, словно сконфузившись,—и нравится мнѣ, и по душѣ... Замѣчаю, что и она меня полюбила... И женился бы... да у нея ничего и у меня ничего... А ноль на ноль какъ ни множь, все будетъ ноль... И себя сгубишь, и ее.

— Кто же это такая?—спросилъ Милентовъ.—Вѣдь, я въ Батракахъ-то всѣхъ знаю.

И, похлопавъ пріятеля по плечу, спросилъ, подмигивая и облизываясь:

— Ужь не внучка ли тамошней просвирни?

— Отгадал!

— Хороша, братецъ, прелестная дѣвочка... Только,—прибавилъ онъ, вздохнувъ,—все это не тотъ коленгоръ. Это—конфетка, а намъ съ тобой кусокъ хлѣба нуженъ... А ты развѣ намекалъ ей что-нибудь?

— Никогда, ни полслова.

— И отлично!

И, опять пытливо посмотрѣвъ на пріятеля, проговорилъ:

— Намъ съ «цензикомъ» бы какую-нибудь, чтобы солидную должность занять... Вотъ это—статья иная! «Цензигъ», братецъ, великое дѣло... Охъ, какое великое! Что твоя Alma mater!... А, вѣдь, тамъ у васъ,—прибавилъ онъ,—есть и такая. Ты вдову Чеботареву знаешь, что ли? Вотъ бы тебѣ!

Фортунатовъ даже расхохотался.

— Чего же ты хохочешь-то?

— Какая же она мнѣ пара?

— Спариться не долго.

— Во-первыхъ, глупа...

— Тѣмъ лучше. Больше шансовъ на успѣхъ.

— А, во-вторыхъ, ей требуется мужъ съ положеніемъ... А у меня какое же?

— Съ «цензомъ» добьешься и положенія.

И затѣмъ, чуть не вскочивъ съ мѣста, добавилъ:

— Да ты попытай. А я тебѣ даю слово, что тогда ужъ выхлопочу тебѣ хорошенькую должность. Вѣкъ благодарить будешь... а то выдумалъ въ брехуны...

— Да не пойдетъ же за меня Чеботарева!

— А какъ же моя-то за меня вышла? Тоже, вѣдь, съ порядочнымъ капиталомъ.

— Ты—не я.

— Такой же поповичъ, какъ и ты.

— У тебя была будущность впереди... Ты—врачъ. А я даже университета не кончилъ.

— Какой же я тогда врачъ былъ?—вскрикнулъ Миленовъ.—Оборванный молокососъ—только и всего! Кое-какіе штанишки, кое-какой сюртучишко—только и всего!

— Ты имѣлъ должность...

— Даю тебѣ слово, что должность будетъ и у тебя... Потомъ возьми въ соображеніе: мою морду и свою. Вѣдь, мнѣ въ зеркало взглянуть совѣстно!

— И я не Аполлонъ бельведерскій.

— Ты красавецъ предо мной,—стоитъ только пріодѣться... парочку новенькую шить, нагидочку, ботиночки... Какого же ей рожна еще?... Баба она чувствительная... спать и видеть, какъ бы только замужъ выйти... Да ты знакомъ, что ли, съ нею?

— Нѣтъ.

— Почему же ты знаешь-то ее?

— Въ церкви видѣлъ,—проговорилъ Фортунатовъ.—Вѣдь, она вѣ затраки приходомъ, и потомъ она съ нашею попадѣей въ большѣ дружбѣ.

— Съ Алевтиной Николаевной?

— Да.

Миленовъ отъ изумленія даже руками всплеснулъ.

— Ахъ ты, простофиля, простофля!—вскрикнулъ онъ.—Чего жъ не смотрѣлъ-то? Скажите, пожалуйста,—добавилъ онъ какъ бы

про себя.— Она съ попадѣй дружна, а онъ рядомъ съ попадѣй живеть и хоть бы заикнулся... Да, вѣдь, попадья-то ваша,—обратился онъ къ Фортунатову,—давно бы тебя на Чеботаревой женила... Ты поговори съ попадѣй-то.

— Съ какой стати?

— А съ такой, братецъ, что я попадью твою знаю. Барынька шустрая, бойкая и любую сваху за поясъ заткнеть... Вотъ съ какой стати!

— Да я и жениться-то не думаю...

— Ну, это разговоръ другой! Такъ бы и говорилъ! А по-моему жениться на Чеботаревой необходимо!

— Только ради ценза!—вскрикнулъ Фортунатовъ.

Милентовъ даже разсердился на него.

— Какимъ ты былъ фантазѣромъ, такимъ и остался!—крикнулъ онъ, махнувъ рукой.— А пора бы и опомниться. Вѣдь, мальчишкамъ фантазировать можно еще, а тебѣ не простительно... Слава Богу, имѣлъ время насмотрѣться на жизнь... могъ бы, кажется, уму-разуму научиться.

— Ты мнѣ помоги сдѣлаться «брехуномъ»,—проговорилъ, смѣясь, Фортунатовъ,—а тамъ увидимъ, что будетъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, слуга покорный! Срамить себя не буду!

— Такъ-таки и не будешь?

— Не буду!

— Ну, какую-нибудь иную должность найди... Вѣдь, надо же пристроиться. Вѣдь, я человекъ, а не волкъ, которому суждено и зиму и лѣто, и въ бурю и въ непогодъ по голымъ степямъ шататься и голодные пѣсни распѣвать. Наконецъ, и у волка нора есть... а, вѣдь, у меня и норы нѣтъ.

— Да, вѣдь, волкъ-то,—перебилъ Милентовъ,—самъ себѣ нору выкопалъ!... А знаешь почему? Потому, что онъ не фантазѣръ и шкуру свою бережетъ, вотъ почему!

И, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ:

— Однако, вотъ что: двѣнадцать часовъ, а я въ этотъ часъ привыкъ водку пить... Пойдемъ-ка, выпьемъ!... Тутъ у насъ въ саду ресторанчикъ есть, подъ названіемъ «Кукушка», тамъ и выпить можно, и закусить, и туда объ эту пору всѣ наши воротилы собираются...

— А ловко ли мнѣ въ такомъ костюмѣ?—спросилъ Фортунатовъ.

— Эко! Тамъ у насъ, братецъ, простота нравовъ. Въ халатахъ ходимъ, въ туфляхъ... даже одновременно съ женщинами въ рѣбѣ

купаемся и, купаясь, бесѣду ведемъ... Пойдемъ-ка, пойдемъ... вышьемъ и встать я тебя со всѣми нашими познакомлю... Ты что тамъ ни толкуй, а водка много способствуетъ къ сближенію людей. Съ однимъ чокнулся, съ другимъ, съ третьимъ... глядишь—трехъ приятелей и заполучилъ!

Но едва они успѣли встать со скамьи, какъ на улицѣ, вдоль рѣшетки сада, показалась тройка, запряженная въ почтовую телѣжку. Бони мчались, поднимая облака пыли, звенѣли колокольчики, гремѣли колеса, но весь этотъ гулъ, все-таки, не могъ заглушить голоса офицера, мчавшагося на телѣжкѣ.

— Здравствуйте! — кричалъ онъ, махая фуражкой по направлению Милентова, — здравствуйте! Здоровы ли?

— А! — кричалъ Милентовъ. — Откуда?

— Изъ командировки.

— То-то васъ и не видно было!

— Цѣлый мѣсяцъ проѣздилъ!

Но голосъ офицера, постепенно слабѣя, наконецъ, былъ совершенно заглушенъ стукомъ колесъ и звономъ колокольчиковъ, и даже какъ офицеръ, продолжавшій махать фуражкой, затушевывался и, наконецъ, исчезъ въ облакъ вздымавшейся густой пыли.

— Кто это? — спросилъ Фортунатовъ.

— Офицерикъ, — отвѣтилъ Милентовъ, — нѣкто Хохловъ...

Немного погода они входили уже въ «Букушку».

— А, пожалуйста, пожалуйста! — раздались голоса при видѣ вошедшаго Милентова. — Только васъ и недоставало! Пожалуйста!

II.

Только передъ разсвѣтомъ Фортунатовъ возвратился домой въ село Батраки. Онъ полагалъ найти всѣхъ спящими и потому, осторожно отворивъ ворота, отложилъ лошадь и, вынувъ изъ телѣжки какой-то довольно большой узелъ, еще осторожнѣе вошелъ въ домикъ дьякона Перепелкина. Оказалось, однако, что дьяконица не спала и, стоя передъ квашней, усердно вымѣшивала руками тѣсто для хлѣбовъ. Фортунатовъ былъ очень радъ этому случаю, потому что въ головѣ у него скопилось такъ много разныхъ «фантазій», что ему необходимо было съ гѣмъ бы то ни было подѣлиться ими. Онъ такъ тихо и осторожно вошелъ въ комнату, что дьяконица даже вскрикнула, когда тотъ, подойдя къ ней, тронулъ ее за плечо.

— Господи-Батюшка! — забормотала она, — да что ты, ошалѣлъ,

— Ошалѣлъ, тетка,—проговорилъ Фортунатовъ, улыбаясь,—совсѣмъ ошалѣлъ.

Дьяконица пристально посмотрѣла на племянника и вдругъ замѣтила:

— Да ты никакъ пьянъ, сударигъ? Гдѣ это тебя угораздило?

— Въ городѣ.

— И всю дорогу не очухался?

— Вы посмотрѣли бы, сколько мы выпили-то... Уму не постижимо! Доктора Милентова чуть живаго въ тарантасъ уложили.

— Ну, тому не привыкать стать... трезвымъ - то только по утрамъ бываетъ. А ужъ тебѣ-то, батюшка, стыдно...

— За то со всѣмъ городомъ ознакомился, со всею аристократіей... Генераль на что «шишка» — и съ тѣмъ выпили... Тоже изъ нашихъ, изъ студентовъ... Ну, тетка, поздравьте! — прибавилъ онъ, да такъ громко, что дьяконица даже остановила его.

— А ты тише кричи-то,—проговорила она. — Али не знаешь, что дьяконъ за перегородкой спать? Вѣдь, ему утрению служить, дай выспаться-то!

— И то правда...

— Ну, съ чѣмъ же поздравлять-то?... Съ аблакатствомъ, что ли?

— Была нужда! — перебилъ ее Фортунатовъ презрительно. — Нѣтъ, не съ адвокатствомъ, а съ хорошимъ мѣстомъ.

— Съ какимъ такимъ?

— Съ хорошимъ, больно хорошимъ! Обѣщали...

— Да! Обѣщали, только-то!... Славны, значить, бубны за горами!

— Да, вѣдь, самъ генераль обѣщаль... Чего же вамъ еще?

— Ну, когда получишь, тогда и поздравимъ, а спозаранку и поздравлять не хочу.

— Ужъ это вѣрно... Только бы вотъ одну штуку обдѣлать,—прибавилъ Фортунатовъ.

— Какую такую?

— Нѣтъ, ужъ это секретъ,—проговорилъ онъ весело. — Задумали и мы тоже «шишкой» сдѣлаться...

— Скажите на милость,—перебила его дьяконица, презрительно покачивая головой,—какія еще фанаберіи съ пьяныхъ-то глазъ!

— Что же вы не вѣрите въ мою башку? — вскрикнулъ онъ, ударивъ себя по лбу.

— Тише ты!

— Не вѣрите... пустая, думаете?

— Башка - то у тебя умная, да самъ - то ты врозь идешь съ

нею... Она по озимямъ, а ты по яровому... Съ малыхъ лѣтъ такимъ былъ.

— На все свое время, — перебилъ ее Фортунатовъ и, взглянувъ на квашню, прибавилъ: — даже вотъ этому глупому тѣсту, и то требуется время... Ну-ка, посадите-ка его сейчасъ же въ печку... срунда и выйдетъ. А вотъ дадите ему побродить, подняться, тогда и хлѣбъ будетъ настоящій.

Затѣмъ онъ подошелъ къ узлу, развязалъ его и, вынувъ оттуда четыре бѣлыхъ хлѣба, поднесъ ихъ теткѣ.

— А вотъ это вамъ гостинчикъ, — проговорилъ онъ.

Дьяконица была очень довольна и польщена этимъ подаркомъ.

— Спасибо, голубчикъ, — говорила она, — спасибо, что вспомнилъ старуху.

— Я и дьякону привезъ...

— А ему чего?

— А ему табачку нюхательнаго... березинскаго, самаго лучшаго.

— Вотъ ужъ радъ-то будетъ! — чуть не вскрикнула дьяконица, утѣшенная подарками. — Вотъ ужъ онъ теперь, родимый, заряжать-то начнетъ!

И дьяконица даже захихикала.

А Фортунатовъ тѣмъ временемъ снова подошелъ къ узлу, вынувъ оттуда новенькій сюртучокъ и, высоко поднявъ его на воздухъ, опять обратился къ дьяконицѣ:

— А вотъ это видѣли? — проговорилъ онъ.

— Никакъ сюртукъ? — удивилась она.

Но Фортунатовъ, вмѣсто отвѣта, словно фокусникъ, принялся вынимать изъ узла: брюки, жилетъ, ботинки, пуховую шляпу и закончилъ накидкой, которую наименовалъ «разлетайкой». Дьяконица глазамъ не вѣрила. Она даже вытащила руки изъ квашни и словно остолбенѣла.

— Это ты гдѣ же взялъ-то? — спросила она.

— Укралъ, — прошепталъ таинственно Фортунатовъ.

Дьяконица принялась креститься.

— Врешь ты все!

— А на какія бы деньги я купилъ? — продолжалъ Фортунатовъ тѣмъ же тономъ.

Да врешь, говорятъ.

Не вѣрите, какъ знаете.

Правда?

Извѣстно, правда.

Дьяконица ужаснулась и забормотала торопливо:

— А коли правда, такъ ты не смѣй ко мнѣ и въ домъ придти съ такими вещами... Чтобы сейчасъ же тебя здѣсь не было!... Уходи, уходи!... И хлѣбы свои возьми... не надо мнѣ ихъ!...

— А вы и повѣрили?—вскрикнулъ онъ, захохотавъ.

— Господь тебя знаетъ! Самъ же сказалъ!

— Пошутить, успокойтесь...

— Откуда же ты деньги-то взялъ?... Вѣдь, тутъ рублей на сто!

— Вотъ откуда...

И Фортунаговъ ударилъ себя по лбу.

— Что же у тебя тамъ, казначейство, что ли? — спросила напуганная дьяконица.

— Башка, вотъ что! Одно слово: башка!

Дьяконица посмотрѣла на племянника и съ какимъ-то сожалѣніемъ покачала головой.

— Ты вотъ что, — проговорила она, — ступай-ка, прилягъ лучше, да усни. А то, я вижу, у тебя въ твоей башкѣ-то все еще угаръ стоитъ.

Фортунаговъ захохоталъ, увязалъ опять все въ узелъ и ушелъ спать въ свѣтлицу, а дьяконица, снова нагнувшись надъ квашней, принялась мѣсить тѣсто.

Ударили въ колоколъ. Дьяконъ мигомъ проснулся, умылся, одѣлся и пошелъ въ церковь, а дьяконица, вымѣсивъ тѣсто, нагрѣла квашню холстиной и принялась топить печь. Часамъ къ восьми хлѣбы были уже испечены, а въ переднемъ углу на столѣ кипѣлъ самоваръ. Дьяконъ еще не возвращался, но такъ какъ на колоколъ нѣ успѣли прозвонить къ «достойной», то дьяконица ожидала еще съ минуты на минуту. Утро было превосходное, солнечное, веселое. Комнатка дьякона, обращенная двумя окнами на улицу и носившая названіе «чистой», такъ и пронизывалась лучами солнца, падавшими сквозь зелень подоконныхъ ветель. Банарейка весело распѣвала въ клѣткѣ и словно переключалась съ воробьями, шумно чирикавшими на ветлѣ. Приготовивъ все нужное къ чаю, она принялась было рѣзать хлѣбъ, привезенный изъ города племянникомъ, какъ вдругъ къ огню подбѣжала какая-то молоденькая дѣвушка, вспрыгнула на заваленку и, облокотясь на подоконникъ, спросила:

— Ну, что, приѣхалъ?

— А, Христя!—вскрикнула дьяконица, — здорова ли?

— Что мнѣ дѣлается! — весело вскрикнула дѣвушка и опять повторила свой вопросъ.

— Приѣхалъ, приѣхалъ...—успокоила ее дьяконица и потомъ прибавила:—Зайди чайку напиться.

— Ужь я напилась...

— Еще...

— Не хочется что-то... Я сейчасъ на рѣку купаться бѣгала.

— Ну, вотъ, опосля купанья-то и вышей...

— Вода какая теплая—преlestь!... Ужь я плавала, плавала... За гусями все гонялась... А потомъ дѣвушки крестьянскія подошли... такъ-то весело было.

— А что бабушка?

— Теперь ничего, слава Богу... Сегодня и чайку попила, и по горницѣ раза два прошлась... Все на улицу просится, на заваленкѣ посидѣть хочется, а я боюсь, не случилось бы чего.

— Ты бы съ фершаломъ поговорила.

— Ходила. Да пьянствуетъ все... больницу даже на замокъ заперъ.

— А все ты виновата,—замѣтила дьяконица, грозя пальцемъ.

Дѣвушка даже руками всплеснула.

— Господи!... Да чѣмъ же?

— А тѣмъ, что замужъ за него не пошла... Вотъ онъ съ горячо и запилъ.

— Да что же мнѣ дѣлать, ежели онъ не нравится мнѣ, противень?

— Э, красавица! Не все за милыхъ выходить!... Ужь мнѣ на то дьяконъ мой противень былъ, смотрѣть на него не могла, иначе, какъ «табачнымъ носомъ» не называла его... Цѣловаться было полѣзеть, а я его по харѣ... А вотъ, слава Тебѣ, Господи, изъѣковали свой вѣкъ, хоть бы съ милымъ такъ-то прожить! А тебѣ, засточка моя, — прибавила она внушительно, — замужъ-то выдти издѣло было. Круглая ты сирота... Хорошо, бабушка жива, а пометъ, чего тогда дѣлать-то? Народъ ноня озарной... какъ разъ съ толку собьютъ, съ пути истиннаго совратятъ... А фершалъ, все-таки, человѣкъ обстоятельный... Отъ zemства жалованье хорошее получаетъ... купцы, помѣщики не забываютъ... мужички тоже самое: т яичекъ, и маслица, и курочекъ ташать... домикъ свой имѣть.. небольшой хоша, а, все-таки, свой уголъ...

— Не пойду я за него. Счастье не въ деньгахъ... Не умру, люди съ голоду... Я шить умѣю, вышиваю по канвѣ... много-ль мнѣ здо?

— Ну, на этомъ далеко не уѣдешь... Какъ разъ съ голоду по-

мрешь...— и потомъ прибавила:— Да зайди, чего же подъ окномъ-то стоять? Чаю не хочешь, ну, такъ посиди, поболтаемъ...

— На минуточку развѣ!— вскрикнула дѣвушка, спрыгнула съ заваленки и словно птичка впорхнула въ комнатку.

— Ну, что же, налить, что ли, чайку-то?— спросила дьяконица.

— Право, не хочу!— и, взглянувъ на стоявшій тутъ же горшокъ съ молокомъ, прибавила:— Я молочка лучше...

— Ну, что-жь, молочка покушай.

Христя налила себѣ чашку.

— Чтой-то обѣдня долго идетъ,— замѣтила дьяконица.

— Да, вѣдь, нашъ-то «батюшка» въ городъ уѣхалъ, замѣсто его старичокъ служить, ну, вотъ они съ дьякономъ-то по-стариковски и тянутъ... Этотъ хлѣбъ изъ города, видно?— спросила Христя, указывая на привезенный Фортунатовымъ хлѣбъ.

— Племянникъ въ гостинецъ привезъ. Не хочешь ли?

Христя взяла кусокъ.

— А вотъ этотъ,— прибавила дьяконица, подавая дѣвушкѣ непочатый хлѣбъ,— бабушкѣ отъ меня въ гостинецъ отнеси.

— Спасибо.

— А чаекъ-то есть у васъ?— спросила дьяконица.

— Есть.

— И сахаръ?

— И сахаръ есть... Намедни «матушка» Алевтина Николаевна подарила.

Раздался трезвонъ и вошелъ дьяконъ. Пахнуло ладономъ.

— Миръ честной компаніи! — крикнулъ онъ басомъ и, помолвившись на иконы, снялъ съ себя рясу, повѣсилъ ее на гвоздикъ и усѣлся за чайный столъ.

Это былъ совсѣмъ дореформенный дьяконъ, высокій, плечистый, съ мозолистыми руками, рябой и съ носомъ, напоминавшимъ большую красную луковицу. Волосы его были всклокочены, но, тѣмъ не менѣе, концы ихъ были заплетены косичкою, перевязанною бичевочкой. Ему было лѣтъ шестьдесятъ слишкомъ, но, все-таки, это былъ старикъ твердый, никогда не хворавшій, работающій и даже самъ, собственными своими мозолистыми руками обрабатывавшій свою землю. Нрава онъ былъ мягкаго, веселаго; сердце имѣлъ доброе. Любилъ пошутить, посмѣяться, при случаѣ не прочь былъ выпить, но никогда не былъ пьяницей и до зеленыхъ змѣй не допивался. Когда-то, очень давно, онъ былъ пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ, когда-то игралъ на скрипкѣ и до старости лѣтъ сохранилъ

любовь къ музыкѣ. Самъ онъ теперь на скрипкѣ не игралъ, пальцы одервенѣли, но любилъ послушать, какъ играютъ другіе. «Матушка» попадя Алевтина Николаевна, игравшая немножко на фортепіанкахъ, и племянникъ Фортунатовъ, бряцавшій иногда на гитарѣ и распѣвавшій романсы, доставляли ему своею музыкой величайшее наслажденіе, а заходившіе иногда въ село шарманщики были для него самыми желанными гостями. Зазоветь, бывало, къ себѣ шарманку, уйдетъ съ нею въ свой садикъ, велитъ туда самоварчикъ принести, водочки, да такъ цѣлый вечеръ на пролетъ и наслаждается музыкой.

Усѣвшись за столъ, дьяконъ распоясаясь, пригладилъ руками волосы и, ласково потрепавъ Христю по плечу, спросилъ еще ласково:

— Ну, что, миленькая, какъ дѣла?

— Дѣла, какъ сажа бѣла, — пошутила она. — Дьяконица твоя все ругается.

— Ахъ, она такая-сякая! — крикнулъ тотъ, топнувъ ногой. — Багъ это, за что?

— А вотъ за то, что замужъ за фершала не иду.

— И не ходи! — вскрикнулъ дьяконъ, принимая отъ жены налитую чашку.

— А куда дѣваться-то, когда бабушка-то помретъ? — перебила его дьяконица. — Домикъ развалился, въ печку только годится, денегъ нѣтъ...

— Багъ куда дѣваться? А дьяконъ-то Перепелкинъ? — вскрикнулъ онъ. — Дьяконъ Перепелкинъ не дастъ Христюшѣ съ голоду помереть!... Не тужи, Христя, — прибавилъ онъ, обратясь къ дѣвушкѣ и ласково поглаживая ее по головкѣ. — Помретъ бабушка, ко мнѣ иди. У дьякона Перепелкина дѣтей нѣтъ, ну, вотъ ты и будешь у него замѣсто дочки.

И, понюхавъ табаку, онъ крякнулъ и спросилъ:

— А что, бабушка-то плоха ништо?

— Нѣтъ, теперь ей лучше.

— А коли лучше, такъ, значитъ, долго проживетъ. Опосля горячель-то люди крѣпчаютъ... А что, племянничекъ-то нашъ воротился, что ли? — спросилъ онъ дьяконицу, подавая ей выпитую чашку.

— Приѣхалъ... Гостинцевъ привезъ.

— Ну?

— Мнѣ хлѣбовъ французскихъ, а тебѣ табачку нюхательнаго.

— Вотъ за это спасибо!— вскрикнулъ онъ, ударивъ по столу ладонью.— Это по нашей части! Ну, а какъ съѣздить-то, удачно?

— Выпимши онъ былъ,—проговорила дьяконица, махнувъ рукой.— Не разобрала я, чего онъ болталъ-то...

Дьяконъ разразился хохотомъ, а Христя словно испугалась.

— Неушто пьяный?— вскрикнула она.

— А что-жь такое,—спросилъ дьяконъ,—хоша бы и пьяный?

— Не хорошо!— замѣтила дѣвушка.

— Скажите, пожалуйста!— подхватилъ дьяконъ.— Встрѣтилъ, можетъ, знакомыхъ какихъ... доктора Милентова, а они съ нимъ товарищи, еще кого-нибудь... ну, вотъ въ компани-то и выпили. На то и городъ... Ну, а лошадку-то отпрегъ, али нѣтъ?

— Отпрегъ и въ конюшню поставилъ,— отвѣтила дьяконица,— смотрѣла я, и сѣнца даль.

Дьяконъ опять захохоталъ.

— Ага!— вскрикнулъ онъ.— Вотъ что значить пожурить-то! А то прїѣдетъ, бывало, и бросить. Я и давай его шпынять: «Ты, что-жь это такой-сякой?— говорю.— На лошадагахъ-то кататься любишь, а прибирать ихъ нѣтъ тебя? Что же, говорю, кучера для тебя нанять прикажешь?» Ну, вотъ онъ и того...

Принялись за чай. Въ комнаткѣ воцарилась тишина, даже канарейка, спрыгнувъ къ ящику, принялась клевать кормъ. Только и слышалось щелканье сахара да громкое прихлебываніе. Дьяконъ осушалъ чашку за чашкой и потъ катился съ него ручьями. Не отставала отъ него и дьяконица. Сложивъ губы комочкомъ и держа блюдечко на всѣхъ пяти пальцахъ, она прищурила глаза и съ видимымъ наслажденіемъ втягивала въ себя жидкость. Молчаніе это словно прискучало Христѣ и она быстро встала съ мѣста.

— Однако, прощайте,— проговорила она.

— Куда торопишься?— спросили старики.

— Домой. У меня печка затоплена... бабушка просила сунцу сварить ей изъ курочки...

— А курочка-то есть?

— Цѣлыхъ пять штукъ, да двѣ насѣдки сидятъ.

— Подарилъ кто?— спросила дьяконица.

— Старушки натаскали.

— То-то. А то у насъ возьми, у насъ много.

— Ну, прощайте пока... Я еще забѣгу...

И Христя опять словно птичка выпорхнула изъ комнаты. Однако, очутившись въ сѣняхъ, она прїостановилась, осторожно подошла къ двери, ведущей въ свѣтлицу, приложила къ двери ухо

и начала прислушиваться. Изъ свѣтлицы доносилось легкое со-
дѣніе.

— Спать! — шепнула Христя и побѣжала домой.

А въ комнатѣ тѣмъ временемъ дьяконица говорила таин-
ственно:

— Сколько разнаго платья накупилъ...

— Откуда же денегъ-то взялъ?

— Ужь и я спрашивала.

— Что же онъ?

— Да что! Захохоталъ, а потомъ ударилъ себя по лбу и гово-
рить: «Вотъ откуда, башка!» — говорить.

Дьяконъ разразился хохотомъ. Вообще хохотать онъ былъ ве-
ликій охотникъ.

— Тебѣ смѣшно, — шептала тѣмъ временемъ дьяконица, — а
мнѣ такъ сумнительно...

— Чего сумнительно-то?

— Да то и сумнительно, что взять не откуда.

— Что же, по-твоему, укралъ, что ли?

— Я тамъ не была, почему я знаю...

— Ахъ, дура, дура!... Вотъ дура-то!... Ништо онъ станеть
изъ-за такой дряни, прости Господи, руки марать?... Вѣдь, онъ не
дуракъ, поди... Небось, соображенія - то въ головѣ побольше тво-
его...

— Самъ говорилъ.

— Чего?

Дьяконица осмотрѣлась и едва слышно прошептала:

— Укралъ, говорить.

Дьяконъ захохоталъ.

— Ты мнѣ вотъ что скажи лучше, — продолжалъ онъ, — долж-
ность-то себѣ онъ охлопоталъ, что ли?

— Говорить, обѣщали. Самъ генералъ вишь...

— Какую же?

— Только и сказалъ, что хорошую, «больно, говорить, хоро-
шую».

— Ну, вотъ отчего онъ пьянымъ-то и пріѣхалъ!...

И, проговоривъ это, дьяконъ опрокинулъ свою чашку, положилъ
на донышко огрызокъ сахара и, помолясь на божницу, вылѣзъ изъ-
за стола. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана тавлинку, поцелкалъ по
ея крышкѣ пальцами и, сдѣлавъ хорошую понюшку, снялъ съ вѣ-
шалки старую рваную шляпу.

— Ты куда это? — спросила его дьяконица.

— Пойду лошадку попоить, а то, вѣдь, «башка-то» опосля выпивки-то долго проспится, поди.

И онъ вышелъ изъ комнаты, а дьяконница принялась убирать со стола чайную посуду и самоваръ.

III.

Рядомъ съ дьяконскимъ домикомъ стоялъ и домъ батраковскаго священника, отца Николая. Только домъ священника рѣзко отличался отъ дьяконской хаты. Весь утонувшій въ зелени палисадника, онъ скорѣе походилъ на домъ небогатаго помѣщика. Палисадникъ пестрѣлъ цвѣтами и даже имѣлась бесѣдочка, вся заросшая лозами дикаго винограда, въ которой обыкновенно обѣдали и пили чай «батюшка» съ «матушкой». Домъ былъ покрытъ желѣзомъ, окрашенъ масляною краской, комнаты въ домѣ были чистенькія, прилично меблированныя и даже въ залѣ виднѣлось пьянино довольно изящной работы. Сейчасъ было видно, что въ домикѣ живутъ люди молодые, образованные и не успѣвшіе еще омужичиться. Оба они любили почитать и потому выписывали два-три дешевенькихъ журнала и мѣстныхъ газеты, въ которыхъ «батюшка» самъ даже пописывалъ. Сверхъ этого, въ книжномъ шкафу у «батюшки» виднѣлось нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, а равно и произведенія русскихъ первоклассныхъ писателей. Рясы онъ носилъ съ отложными воротниками, какъ у сюртуковъ, выправлялъ манжеты и рукавчики, курилъ папирсы и ради миловидности слегка подстригалъ бороду. Жена отца Николая, Алевтина Николаевна, была вполне изящная дамочка. Она кончила епархіальное училище и хотя по этому случаю старыя попадьи и называли ее изъ зависти «пархалкой», но это было несправедливо. Она играла немножко на фортепіанѣхъ, немножко знала французскій языкъ и была большая рукодѣльница. По выкройкамъ *Нивы* она сама себѣ шила костюмы и, правду сказать, одѣвалась просто, но изящно. Она тоже курила папирсы и даже слишкомъ много. Это была барынька лѣтъ двадцати, невысокаго роста, тоненькая, стройненькая, съ красивымъ смуглымъ личикомъ и черными роскошными волосами. Манеры у нея были развязныя, говорила она скоро и, сознавая свою миловидность, любила пококетничать. Но какая же хорошенькая женщина не любитъ этого?... Жили супруги дружно, искренно любили другъ друга, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, не обходилось безъ домашнихъ сценъ. Вся бѣда въ томъ, что отецъ Николай былъ страшно ревнивъ. Онъ былъ совершенно убѣжденъ въ вѣрности своей «попа-

дейги», зная, что она любитъ его, а, между тѣмъ, каждый посторонній взглядъ, брошенный на нее мужчиной, возмущалъ его. Сколько разъ Алевтина Николаевна упрашивала его побороть эту слабость, доказывала, что ревностью онъ только позоритъ ее и себя; сколько разъ молодой попигъ клялся ей исправиться, но, конечно, всѣ эти обѣщанія и клятвы забывались при первомъ же случаѣ.

Съ прїѣздомъ въ село Батраки дьяконскаго племянника Фортунатова «батюшкина» тревога усилилась еще болѣе. Какъ ни старался онъ отдалять отъ себя Фортунатова, но какъ же тутъ отдалять, когда человекъ живетъ рядомъ и когда окно его комнаты обращено прямо въ окна «батюшкиной» залы? Только одинъ переулочекъ отдѣлялъ эти двѣ усадьбы. «Батюшка» порѣшилъ было построить въ этомъ переулкѣ амбарчикъ, навозилъ бревенъ, явились плотники, принялись за постройку, но вдругъ налетѣлъ «страховой агентъ», нашелъ возводимую постройку не соответствующею пожарному уставу, и мировой судья приказалъ ее разобрать. Фортунатовъ сперва не догадывался о настоящемъ назначеніи этой постройки, но за то Алевтина Николаевна знала и понимала всю суть дѣла и отъ души посмѣялась надъ мужемъ, когда постройка была снесена.

— Ты просто смѣшонъ! — укоряла его «попадейка», и «батюшка», соглашаясь съ женой, опять давалъ ей клятвы забыть про эту глупую ревность.

Разъ какъ-то Алевтина Николаевна наигрывала старинный романсъ Пауфлера *Прости на вѣчную разлуку*. Играла она въ залѣ, а рядомъ съ залой, въ небольшомъ кабинетикѣ, «батюшка» спѣшилъ докончить къ завтраму свою проповѣдь. Онъ весь былъ погруженъ въ составленіе этой проповѣди, въ подысканіе подходящихъ текстовъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на музыку жены. Вдругъ до слуха его долетѣло какое-то отдаленное пѣніе. Онъ положилъ перо, началъ прислушиваться и узналъ голосъ Фортунатова. Бровь хлынула ему въ голову, онъ хотѣлъ было выбѣжать въ залу, чтобы прекратить это пѣніе, но какъ-то удержался и не двинулся съ мѣста. Голосъ становился все слышнѣе и слышнѣе... Это былъ очень прїятный и мягкій теноръ, захватывавшій душу. «Батюшка» заслушался даже. Но когда голосъ запѣлъ: «Прости мнѣ, если я минутно смутилъ твой сонъ когда-нибудь...», — «батюшка» не выдержалъ и выскочилъ въ залу. Онъ взглянулъ на домъ дьякона и, увидавъ въ окнѣ фигуру Фортунатова, быстро подошелъ къ окну своей залы.

— Виновать-сь, — проговорилъ онъ, затворяя окно. — Вы,

дѣйствительно, смущаете, но только не жену, а меня: я проповѣдь пишу...

— Простите, Бога ради, я не зналъ,—говорилъ Фортунатовъ.

Но онъ опять-таки не понялъ сути дѣла и былъ вполне убѣжденъ, что дѣйствительно помѣшалъ «батюшкѣ» писать проповѣдь.

За то на слѣдующій день, прослушавъ въ церкви проповѣдь отца Николая, онъ понялъ все. Вся проповѣдь только и говорила о томъ растлѣвающимъ вліяніи, какое производитъ музыка, а въ особенности пѣніе на добрую нравственность народа. Онъ говорилъ о хоровахъ и «засидкахъ» и доказывалъ, что именно тутъ-то, во время этихъ пѣсенъ безнравственныхъ и сильно дѣйствующихъ на нервы, подъ звуки гармоникки, и совершается то сближеніе молодежи, которое впоследствии доводитъ ее до паденія. Затѣмъ онъ говорилъ о свѣтскихъ пѣсняхъ, о романсахъ, куплетахъ, серенадахъ, и кончилъ тѣмъ, что вывелъ то же заключеніе, какое вывелъ о хоровахъ и засидкахъ. Проповѣдь онъ говорилъ нервно, съ какимъ-то даже озлобленіемъ, и металъ суровые взоры на Алевтину Николаевну и Фортунатова, стоявшихъ рядомъ возлѣ самаго аналоя.

«Такъ вотъ что!»—подумалъ Фортунатовъ и по окончаніи проповѣди, распростившись съ смущенною Алевтиной Николаевной, вышелъ изъ церкви.

Конечно, возвратясь домой, Алевтина Николаевна задала своему супругу приличную головомойку; конечно, отецъ Николай оправдывался, увѣрялъ, что у него даже и въ умѣ не было приурочить эту проповѣдь ко вчерашнему инциденту, но, въ концѣ-концовъ, сознался, молилъ о прощеніи и опять далъ слово, что ничего подобнаго никогда не будетъ. Сцена эта продолжалась не особенно долго и къ обѣду между супругами все было позабыто. Но за то Фортунатовъ, прежде изрѣдка посѣщавшій «батюшку», пересталъ съ того времени бывать у него.

— Что это вы насъ позабыли совсѣмъ? — крикнетъ, бывало, «батюшка», ради одного только приличія, гдѣ-нибудь встрѣтившись съ Фортунатовымъ.

— Да все некогда...

— Заходите какъ-нибудь, побесѣдуемъ.

Фортунатовъ говорилъ, что зайдетъ, но, все-таки, не заходилъ.

IV.

Къ этой-то Алевтинѣ Николаевнѣ онъ теперь и направился. Было часовъ одиннадцать утра. Фортунатовъ отлично выспалъ.

ся, приумылся, приодѣлся и явился къ попадѣ совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Онъ засталъ Алевтину Николаевну за чайнымъ столомъ. Она очень обрадовалась его приходу, сдѣлала ему приличную натацію за то, что совершенно забылъ про нихъ, сказала ему какую-то обычную любезность и, усадивъ за чайный столъ, принялась разспрашивать о результатахъ его поѣздки въ городъ. Надо правду сказать, что Фортунатовъ хотя и казался бодрымъ и даже веселымъ, но, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ какую-то неловкость, какое-то смущеніе, словно онъ совершалъ что-то такое предсудительное, чего порядочному человѣку совершать не подобало бы. Однако, наведенный «хорошенькою матушкой» на тему разговора о городѣ, мало-по-малу началъ оправляться и подавлять свое смущеніе. Началъ онъ, конечно, съ Милентова. Онъ передалъ ту радость, которую испытали они оба, совершенно неожиданно встрѣтившись на бульварѣ... Разказалъ, какъ они, встрѣтившись, долго не вѣрили глазамъ своимъ и какъ, затѣмъ, убѣдившись, что зрѣніе ихъ не обманываетъ, бросились другъ другу въ объятія и долго не могли придти въ себя отъ радости... Разказалъ, какъ принялись они вспоминать свое дѣтство, юношество, свое житье-бытье въ семинаріи, переселеніе въ Питеръ, — словомъ, началъ чуть ли не съ Адама, но почему-то про свою студенческую жизнь и про свои тогдашнія убѣжденія и вѣрованія не сказалъ ни слова, а равно умолчалъ и о своихъ дальнѣйшихъ походахъ. Онъ только удивлялся тому здоровому взгляду на жизнь, выработанному за послѣднее время Милентовымъ, и его энергіи, которую тотъ не утратилъ, несмотря на свою тучность и постоянную одышку. Но все это мало интересовало «хорошенькую попадейку» и, слушая его, она все ожидала чего-то болѣе интереснаго, но, не дождавшись, разсердилась и чуть не вскрикнула:

— Вы все не про то толкуете!

— Про что же?

— Вы мнѣ скажите, удалось ли вамъ устроить свои дѣла? Я слышала, — продолжала она, — что вы устроились отлично...

— Почему вы знаете? — удивился Фортунатовъ.

— А потому, — подшутила Алевтина Николаевна, — что вы долго проспали, а я, наоборотъ, встала слишкомъ рано. Пока вы спали и отдыхали, я успѣла побывать у многихъ... Знаю, напримѣръ, что вы перезнакомились чуть ли не со всѣмъ городомъ, даже съ самимъ генераломъ, и что возвратились домой въ самомъ радужномъ настроеніи.

Фортунатову почему-то опять сдѣлалось неловко и, чтобы хоть

чѣмъ-нибудь скрыть это смущеніе, онъ попросилъ позволенія заку- рить папиросу. Но смущеніе это опять-таки продолжалось недолго. Закуривъ папиросу, онъ принялся рассказывать Алевтинѣ Никола- евнѣ про свое знакомство съ генераломъ, восхищался его дѣятель- ностью, рассказалъ объ обѣщанномъ ему видномъ мѣстѣ и затѣмъ незамѣтно перешелъ къ разпросамъ о Валеріи Ивановнѣ Чебота- ревой.

— Къ чему это вы заговорили о ней?—спросила вдругъ «ма- тушка», зорко взглянувъ на Фортунатова.

— Да такъ, къ слову, — отвѣтилъ тотъ. — О ней вчера гово- рили много...

— Что же именно?

— Удивлялись, что она до сихъ поръ вдовствуетъ.

— А ихъ это очень беспокоитъ?

— Не беспокоитъ, конечно... Но странно какъ-то... Женщи- на молодая, богатая...

— Ничего нѣтъ страннаго!—вскрикнула Алевтина Николав- на.—Жениховъ нѣтъ, потому и вдовствуетъ!

— Можетъ быть, она слишкомъ разборчива?... Ищетъ дворян- ства, чиновъ?

— Я объ этомъ никогда съ ней не говорила, а потому и не знаю, чего она ищетъ.

Разговоръ на эту тему продолжался очень долго и кончился тѣмъ, что Фортунатовъ наметнулъ ей о своемъ намѣреніи жениться на Чеботаревой, ежели только она, Алевтина Николаевна, не отка- жется помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

— А не лучше ли вамъ самимъ познакомиться съ ней?—пере- била его Алевтина Николаевна.—Пойдемте, и я васъ представляю. Она очень простая и не церемонная женщина.

Но Фортунатовъ на такой рѣшительный шагъ не согласился, объяснивъ это несогласіе весьма понятно, въ данномъ случаѣ, ост- рожностью и боязнью получить отказъ.

— А ежели я вамъ скажу, что вы ей нравитесь?—замѣтила Алевтина Николаевна, засмѣявшись.

— Развѣ вы говорили съ ней обо мнѣ?

— Не говорила, но... она васъ знаетъ... встрѣчала въ цер- кви... и, конечно, спрашивала: кто вы? откуда пріѣхали? долго ли пробудете здѣсь?... И нѣсколько разъ говорила, что вы очень красивый и видный мужчина. Затѣмъ,—прибавила она,—не мѣ- шало бы и вамъ предварительно ознакомиться съ ней... Вѣдь, это- го еще не достаточно, что вы видѣли ее раза два-три, въ церкви...

— О ней говорилъ мнѣ много хорошаго Миленовъ... Онъ ее знаетъ...

— То Миленовъ, а то вы.

— Наконецъ, всѣ говорятъ, что она прекрасная женщина.

И онъ опять принялся умолять Алевтину Николаевну помочь ему въ этомъ дѣлѣ, причемъ намекнулъ даже, что отъ этой помощи зависитъ все его благосостояніе, можетъ быть, даже вся будущность. Онъ просилъ ее, прежде всего, поразвѣдать, поговорить съ ней о немъ, Фортунатовѣ, сообщить ей объ обѣщанной ему должности, а потомъ уже и приступить къ дѣлу.

— Но,—прибавилъ онъ весело,—васъ учить нечего. Всѣ эти порядки вамъ извѣстны лучше, чѣмъ мнѣ.

— Почему вы это думаете?

— А потому, что, по-моему, женщины, ей-Богу, умнѣе мужчинъ.

Алевтина Николаевна была очень польщена возложеннымъ на нее столь серьезнымъ порученіемъ и, въ то же время, внутренно восхищалась цѣлымъ рядомъ увеселеній, на которыхъ она будетъ имѣть возможность «играть роль» и вообще показать себя, а когда нетерпѣливый Фортунатовъ попросилъ ее немедленно же приступить къ дѣлу, то Алевтина Николаевна въ ту же секунду вскочила съ своего мѣста, побѣжала въ спальную, а немного погодя вернулась и начала передъ зеркаломъ надѣвать шляпку.

Фортунатовъ стоялъ сзади и, смотря на нее въ зеркало, говорить:

— Боже мой, да какая же вы хорошенькая!...

— Поберегите свои комплименты для Валеріи Ивановны!—вскрикнула она весело.

— Я вами просто очарованъ!—продолжалъ тотъ, дѣйствительно любясь хорошенькимъ личикомъ молоденькой «попадейки».

Въ другое время она всенепремѣнно бы обидѣлась, по крайней мѣрѣ, сдѣлала бы видъ обиженной, но теперь они были какъ будто «свои люди» и потому ограничилась тѣмъ только, что зажала ему ротъ рукой и строго-настрога запретила «говорить глупости».

Онъ и замолчалъ, но за то, схвативъ ее руку, принялся осыпать ее поцѣлуями.

— Довольно, довольно!—кричала Алевтина Николаевна и, вырвавъ свою руку, шутя ударила его по головѣ зонтикомъ.

— Вотъ вамъ за это!

А немного погодя, распростившись съ Фортунатовымъ, она

почти бѣжала по дорогѣ, ведшей на хуторъ Чеботаревой. Фортуна-
товъ глаза не сводилъ съ нея и вдругъ закричалъ ей вслѣдъ:

— Алевтина Николаевна!

— Ну?—послышался голосъ.

— Позвольте проводить васъ...

— Не... надо...

— Позвольте!... День такой прелестный, дорога такъ живо-
писна... Луга усѣяны цвѣтами... Я бы спелъ вамъ вѣнокъ изъ
цвѣтовъ...

— Не на-до!—зазвенѣлъ опять голосомъ Алевтины Николаев-
ны и она скрылась, завернувъ за небольшую березовую рожицу.

V.

Фортуна-товъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Счастливая звѣзда его разгоралась все сильнѣе и сильнѣе и ласка-
ющій лучъ ея такъ много хорошаго сулилъ ему. Идти домой ему не
хотѣлось. Ему было тѣсно въ душной комнатѣ и онъ жаждалъ про-
стора и воздуха. Онъ повернулъ налѣво и пошелъ по направленію
къ церкви. Кто-то окликнулъ его. Онъ услышалъ знакомый ему
голосъ и быстро оглянулся.

— А, Христя! — вскрикнулъ онъ, привѣтливо протягивая ей
обѣ руки.—Милая моя Христя, какъ давно я не видалъ тебя... Ты
куда это?

— Нѣтъ, никуда, — весело отвѣтила та. — Увидала васъ и
вышла.

— Хочешь гулять?

— Пойдемте.

И они пошли рядомъ.

— Ну, что бабушка?

— Господи Боже мой!—вскрикнула дѣвушка, —да что же это
такое? Только и спрашиваютъ всѣ про бабушку! А меня-то слов-
но, и на свѣтѣ нѣтъ!... Хотъ бы кто-нибудь спросилъ: «Ну, что,
Христя, тебѣ какъ живется?»

— Прости!—неребилъ ее Фортуна-товъ.—Но... что же спра-
шивать о тебѣ, когда ты сама передо мной, когда я вижу твое весе-
ленькое, здоровое личико, эти добрые, милые глазки, которые
умѣютъ такъ спокойно и ласково смотрѣть въ глаза каждому?

— Ну, ну, захвалили, захвалили!—перебила его зардѣвшаяся
румянцемъ Христя.

— Ты стоишь того...

— Вы лучше расскажите мнѣ, хорошо ли въ городъ съѣздили... Все, вишь, съ господами возились тамъ...

— Откуда ты слышала?

— А я ужь соскучилась объ васъ... не видала давно... Теперь ужь не то, и учить меня бросили...

— Когда же было? Ты все съ бабушкой возилась.

— Теперь ей лучше...

— А вотъ и начнемъ опять!

— Вы зачѣмъ это въ городъ-то ѣздили?

— Мало ли зачѣмъ, Христа... Нуждъ у меня много... Нельзя же на чужихъ хлѣбахъ жить... Надо и о собственномъ кускѣ подумать. Чужой-то хлѣбъ горекъ, говорить... Ну, вотъ я и поѣхалъ въ городъ разузнать, нельзя ли какъ на службу поступить.

— Что-жь, узнали?

— Наобѣщали много.

— А когда на службу поступите, въ городъ уѣдете?

— Можетъ быть, и уѣду.

— Зачѣмъ же? — проговорила она грустно. — Развѣ нельзя здѣсь найти должность?... Вонъ, я слышала, учитель здѣшній уходитъ... Чего бы лучше вамъ на его мѣсто поступить!... Жалованья онъ тридцать рублей въ мѣсяць получаетъ... вѣдь, это рубль въ день! Развѣ этого мало?... Квартира готовая, толка мірская, столъ въ услуженіи... правда, старенькій, хиленькій, а, все-таки, и дровецъ нарубить, и печку истопить, и водицы принесть. Вотъ вамъ и свой кусокъ хлѣба.

— Все это не то, Христа.

«Не тотъ коленкоръ», — хотѣлъ онъ было добавить, но почему-то устыдился и не добавилъ.

— Неужели мало по рублю-то въ день? — удивилась Христа, всплеснувъ руками. — Какже другимъ-то не мало? Какже теперешній-то учитель живетъ, да не одинъ, а съ матерью-старухой, да сестра еще при немъ была? Теперь сестру-то онъ замужъ выдалъ. И посмотрѣли бы, какъ выдалъ!... Всего нашилъ ей: и бѣлья, и платьевъ... Даже шубку на кошачьемъ мѣху справилъ.

— Ужь не знаю, какъ это онъ ухитрился.

— Старался!... Онъ, вѣдь, еще кромѣ школы къ помѣщику къ одному ѣздилъ, барчонка къ гимназіи готовилъ... Днем-то въ школу, а вечеромъ къ помѣщику. Жилъ скромно... Чаю не пилъ, за мѣсто чаю тепленькое молочко... Но, вѣдь, это онъ ради сестренки дѣлалъ... хотѣлъ сестренку пристроить... А теперь онъ хорошо живетъ... И чай у него, и сахаръ...

— За кого же онъ сестру выдалъ?

— Тоже за учителя.

— Добрый человекъ!—замѣтилъ Фортунатовъ.

— Ужь такой-то добрый, что на рѣдкость!... Хорошій души человекъ!... За то посмотрите-ка какъ мужички полюбили его... Нѣтъ,—прибавила она вздохнувъ,—здѣсь въ нашемъ селѣ хорошо можно жить!... Похлопочите-ка, чтобы васъ здѣсь оставили. Учитъ вы умѣете... Ужь на что я непонятливая, а, вѣдь, живую рукой и читать, и писать научилась... Народъ здѣсь добрый, ласковый... Село большое, веселое... И базаръ есть, и рѣка, и луга... Зачѣмъ уѣзжать отсюда? Я, кажется, никогда бы не уѣхала... Хорошо здѣсь. Сегодня я рано встала, выбѣжала на огородъ и любовалась, какъ солнышко вставало. Заглядѣлась я на него... Облокотилась на плетень и все смотрѣла, а солнышко все выше и выше... и стало уже больно смотрѣть на него... Оглянулась я на село, а оно все словно въ золотѣ купается... Надо мною ракета стояла... взглянула я на ракету—и та тоже огнемъ горѣла... Вдругъ тучка налетѣла... такъ маленькая, круглая... откуда взялась—неизвѣстно. За шумѣла она, загремѣла и вдругъ дождикъ... Кругомъ солнце горитъ, а на меня дождикъ сыпется, словно жемчугъ крупный... Такъ хорошо было! Или ужь это потому хорошо-то показалось, что на душѣ-то у меня спокойно было... ужь не знаю, право... Такъ-то, Модестъ Яковлевичъ, оставайтесь-ка здѣсь, да въ учителя поступайте... Чѣмъ плохо-то? Положимъ, зимой трудновато, за то все лѣто на свободѣ... Занятій въ школѣ нѣтъ... Хотите дѣломъ какимъ-нибудь займетесь, а не хотите—гуляйте себѣ... Завсегда у васъ будетъ свой кусокъ.

— Отчего же учитель-то уходитъ отсюда?

— Мѣсто спокойнѣе нашель... Вѣдь, онъ больной такой, кашляетъ все.

— А отчего кашляетъ? Оттого и кашляетъ, что служба тяжелая... что кусокъ-то черствый,—и потомъ, подумавъ, прибавилъ:—Да и толку-то никакого нѣтъ отъ этого ученья.

— Какъ такъ?—удивилась Христя.

— Здоровье-то потратишь,—продолжалъ Фортунатовъ, словно не слушая Христю,—либо чахотку, либо ревматизмъ наживешь, а путному-то, все-таки, ничему не научишь... На кой мужику грамота, безъ нея много спокойнѣе... Безъ нея скорѣе своимъ кускомъ сытъ будешь... за чужимъ не полѣзешь...

И они оба замолчали. Такъ, молча, они и дошли до церкви.

— Хотите за ограду?—спросила Христя, подойдя къ калиткѣ.

— Пойдемъ.

И они вошли въ калитку.

— Я люблю это мѣсто, — говорила Христя. — Хорошо здѣсь. Деревья такія густыя, тѣнь всегда, травка зеленая, галки кричатъ, голуби воркуютъ... И шумять, кажись, а, все-таки, тишина какая-то. Не перекричатъ имъ, видно, могильнаго-то молчанія... Люблю я и эти камни надгробныя. Хорошо тѣмъ, которые лежатъ подъ ними... Хорошо праведникамъ... Кости ихъ покоятся, а душа у Божьихъ ножекъ сидитъ... Давайте-ка присядемъ на этотъ камень.

— Присядемъ.

И они сѣли.

— Здѣсь дячокъ Мергулычъ схороненъ, — прибавила она. — Выпить любилъ покойникъ, а души былъ добрѣйшей, царство ему небесное!

— У тебя, Христя, кажется, злыхъ-то и нѣтъ. Всѣ добрыми кажутся.

— А что же, не правда развѣ? У каждаго злодѣя что-нибудь доброе найдется. Добрымъ-то сдѣлаться легче...

— Это почему?

— А потому, что Богъ указалъ намъ, какъ надо добро творить:

— Да, но, вѣдь, и дьяволъ указалъ, какъ творить зло.

— А храмы-то Божьи зачѣмъ, а монастыри-то? Ходите почаще въ церковь, молитесь, и дьяволъ тогда ничуть не страшенъ. Развѣ ему возможно съ Христомъ бороться? Вотъ у насъ на селѣ женщина была бѣсами одержимая. Какъ только придетъ въ церковь, такъ и упадетъ, бывало. Корчи начнутъ, пѣна изо рта, въ кровь изобьется, бывало. И вотъ сталъ «батюшка» молитвы надъ ней читать. Долго читалъ, говорить нечего, а, все-таки, отчиталъ, изгналъ бѣсовъ-то.

И вдругъ, взглянувъ на Фортунатова, она спросила:

— Да что это вы задумались какъ-то?

— Тебя заслушался, Христя... Давно ужъ я такихъ словъ не слышалъ. Простыя они, а хорошія... Ни одинъ патентованный проповѣдникъ своими проповѣдями не трогалъ меня такъ, какъ тронули меня твои простыя слова.

И, взявъ Христю за обѣ руки и ласково смотря ей въ глаза, онъ прибавилъ:

— Да, милая, ежели есть на небѣ ангелы, то они должны быть именно такими, какъ ты.

— Господи! — испуганно вскрикнула она. — Развѣ можно такъ говорить?... Что вы, грѣхъ какой!

— Нѣтъ, не грѣшно... Ты ангель. Съумѣй только сохранить эту чистоту души.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормотала она,—такъ нельзя... Какъ это возможно... что вы?... Страшно даже...

И, желая прекратить этотъ «страшный» для нея разговоръ, она вскочила на ноги и проговорила:

— Однако, я заболталась съ вами, а про бабушку-то и забыла.

— Буда ты? Посиди, Христа!

— Пора, Модестъ Яковлевичъ. Надо чайкомъ попить ее.

— Успѣешь. Посидимъ еще...

Но, видя, что Христа собирается уходить, онъ заговорилъ съ нею про фельдшера.

— Ну, вотъ еще вспомнили!—вскринула она весело.

— Дѣлалъ предложеніе?

— Еще бы!

— Ну, что же?

— Отказала, вотъ что... Какое же можетъ быть счастье съ не милымъ человѣкомъ?—и, опять засуетившись, прибавила:—До свиданія, будьте здоровы.

— Ты опять за свое.

— Нельзя, Модестъ Яковлевичъ, право, нельзя... Я съ великимъ бы удовольствіемъ...

— Ну, Господь съ тобой.

И, притянувъ ее къ себѣ, онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ голову.

— Милая моя, хорошая...

— Прощайте, прощайте,—говорила она.—Благодарю васъ за ваши ласки.

И, шумно гремя своимъ ситцевымъ платьемъ, она выбѣжала изъ ограды.

А Фортунатовъ остался тамъ и продолжалъ сидѣть на камнѣ. И опять на душѣ его зашевелилось что-то такое, отъ чего онъ старался отдѣлаться и никакъ не могъ. Свѣтлый образъ Христа, почти неразвитой дѣвушки, смутилъ розовыя мечты этого вполне развитого и образованнаго человѣка: «Свой кусокъ,—припоминалъ онъ слова Христа.—Свой кусокъ,—шенталь онъ.—Развѣ можетъ быть счастье съ не милымъ человѣкомъ?»—и ему было очень нехорошо, очень тяжело... Надъ нимъ звонко кричали галки, шумно дрались голуби, хлопая крыльями и царапая когтями по желѣзнымъ карнизамъ церкви, но онъ ничего не видалъ, ничего не слышалъ. Голова его поникла на грудь, руки изнеможенно лежали на коленяхъ и весь онъ какъ-то опустился и осунулся. Такъ просидѣлъ

онъ съ полчаса, наконецъ, всталъ и вышелъ за ограду. Церковь стояла на полугорѣ, вѣтъ села, и передъ нимъ открылся обширный горизонтъ. Ему какъ-то стало легче вѣтъ ограды... Здѣсь, на открытомъ мѣстѣ, было больше воздуха и свободнѣе дышалось. Онъ снялъ шляпу, откинулъ назадъ волосы и сталъ смотрѣть на окружающую его картину. Почти подъ ногами у него зеленѣла крыша священникова домика, хаты дьякона и причетниковъ, а далѣе тянулось село съ базарною площадью. Эта базарная площадь, словно смѣлый, яркій бликъ на картинѣ, такъ и выдѣлялась изъ груди крытыхъ соломой крестьянскихъ хатъ. Вся кругомъ застроенная каменными лавками, трактирами и красивыми домиками лавочниковъ, кабатчиковъ и трактирщиковъ, она смотрѣла маленькимъ городомъ. Тамъ и жизнь иная, чѣмъ въ селѣ, и люди иные. Базарники разгуливали въ суконныхъ поддевахъ, въ щегольскихъ сапогахъ, въ калошахъ, лица у всѣхъ довольныя, жирныя, словно вымазанныя саломъ... Разговоръ бойкій, жестъ развязный. Тамъ и воздухъ совсѣмъ иной. Пахнетъ бакалеей, водкой, селедкой, самоварнымъ чадомъ, а соломы словно и не слышать. Тамъ всѣ дома крыты желѣзомъ, выкрашены краской. На всѣхъ домахъ, словно кокарды на фуражкахъ, блестятъ ярлыки страховыхъ обществъ. Изъ трактира доносится хриплый звукъ шарманки, изъ кабаковъ—шумный говоръ, похожій на крикъ. Тамъ вывѣски, флаги кабацкіе... Тамъ даже имѣется оптовый складъ вина завода генерала, того самаго генерала, который такъ приласкалъ и ободрилъ Фортунатова. Словомъ, тамъ все было по-иному, чѣмъ въ селѣ,—тамъ жила сельская интеллигенція... Долго стоялъ Фортунатовъ на горѣ, съ обнаженною головой, съ развѣвающимися волосами и, проводя параллель между жителями села и площади, вскрикнулъ:

— Да развѣ же это не свой кусокъ?!

И. Саловъ.

28 марта 1892 г.
Усадьба Пѣтушки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Любовь — вражда.

Мы любимъ и любви не цѣнимъ,
И жаждемъ оба новизны,
Но мы другъ другу не измѣнимъ,
Мгновенной прихотью полны.
Порой, стремясь къ свободѣ прежней,
Мы думаемъ, что цѣпь порвемъ,
Но каждый разъ все безнадежнѣй
Мы наше рабство сознаемъ.
И не хотимъ конца предвидѣть,
И не умѣемъ вмѣстѣ жить,—
Ни всей душой возненавидѣть,
Ни безпредѣльно полюбить.
О, эти вѣчные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя—оба одиноки,
Враждуя—близки навсегда.
Въ борьбѣ съ тобой изнемогая
И все-жъ мучительно любя,
Я только чувствую, родная,
Что жизни нѣтъ, гдѣ нѣтъ тебя.
Съ какимъ коварствомъ и обманомъ
Всю жизнь другъ съ другомъ споръ ведемъ,
И каждый хочетъ быть тираномъ,
Никто не хочетъ быть рабомъ.
Межъ тѣмъ, забыться не давая,
Она растетъ всегда, вездѣ,
Какъ смерть, могучая, слѣпая
Любовь, подобная враждѣ.
Когда другой сойдетъ въ могилу,
Тогда пойметъ одинъ изъ насъ
Любови божественную силу—
Въ тотъ страшный часъ, послѣдній часъ!...

Д. Меремновскій.

А Г Л А Я.

(Изъ воспоминаній о добромъ старомъ времени).

Самый чиновный изъ гостей, Антонъ Адамовичъ Мансловъ, любезно распрощался со всѣми и ушелъ, оставивъ за собой очень тонкій и необыкновенно противный запахъ духовъ, которымъ онъ постоянно отравлялъ воздухъ въ квартирахъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Никто не могъ опредѣлить, что это за духи и откуда онъ ихъ добываетъ, хотя всѣ отлично знали ихъ ароматъ, столь же специфическій, какъ «собственный запахъ» Чичиковскаго Петрушки; всѣ отъ него морщились и сладко улыбались, пожимая надушенную руку богача, пытающагося бочкомъ пролѣзть въ сановники.

— Вотъ напустилъ смраду!— сказалъ молодой профессоръ, когда вернулся хозяинъ, провожавшій важнаго гостя до прихожей.—Послѣ этого барина надо окна открывать, провѣтривать комнаты отъ его ароматовъ и разговоровъ.

— Да,—согласился хозяинъ,—и чортъ его знаетъ, чѣмъ отъ него пахнетъ... не то бывшею коготкой, не то будущимъ помпадуромъ.

— Не то биржевымъ зайцемъ, не то финансовымъ тузомъ червонныхъ валетовъ,—добавилъ другой гость.

— Я знаю, какіе это духи,—заявилъ высокій старикъ, Максимъ Наумовичъ Ростковъ,—называются они *Fin de siècle Russe*, приготовлены изъ сложной смѣси экстрактовъ: крѣпостнически-привазнаго, сивушно-откупнаго, концессионно-строительнаго, ссудно-ломбарднаго и ассенизаціоннаго, съ примѣсью каменноугольной пыли и пѣнокъ отъ нефтяныхъ остатковъ. Это мнѣ сообщилъ одинъ ученый химикъ, только не открылъ секрета изготовленія, для собственнаго употребленія бережетъ.

— Рецептъ любопытный,—разсмѣялся хозяинъ,—только названіе мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ. Я думаю, что тутъ пах-

нетъ не «концомъ вѣка», а остатками домодѣльныхъ эссенцій добраго стараго времени. Были онѣ долго закупорены, стали тоньше и намъ, съ непривычки, шибаютъ въ носъ. Какъ ни противны, впрочемъ, его духи, а постоянныя восхваленія прежнихъ, отжившихъ порядковъ еще гаже.

— Вы что же не возражали?—сказалъ профессоръ.

— Я съ большимъ правомъ могу предложить вамъ тотъ же вопросъ. Мнѣ, какъ хозяину, это менѣе удобно, чѣмъ вамъ.

— Это вѣрно,—поддержалъ Ростовъ хозяина,—и такъ же вѣрно, что никому неудобно увлекаться съ нимъ спорами на его излюбленныя темы. Доказать ему ничего не докажешь: онъ лучше насъ знаетъ, что все вретъ, и знаетъ, зачѣмъ вретъ, когда въ какую сторону выгодно врать. И выйдетъ, что только разозлишь безъ толку. Ссориться же съ нимъ изъ-за пустаго дѣла нѣтъ резона. Онъ золъ и злопамятенъ, и въ душѣ кляузникъ, ни передъ чѣмъ не остановится, пойдетъ сплетничать, такими духами напрыскаеть, что жизни не радъ будешь.

— Въ сущности, и спорить не стоило сегодня,—замѣтилъ хозяинъ.—Восхищался онъ прелестями крѣпостнаго права, и на здорье. Все это давно покончено и въ архивъ сдано.

— Правда, покончено,—сказалъ Ростовъ,—а, все-таки, не бесполезно и въ наши дни навести иногда архивную справочку о томъ, каковы были въ дѣйствительности порядки добраго стараго времени, передъ которыми продолжаютъ умиляться вотъ такіе господа.

— Я помню крѣпостное право очень смутно,—проговорилъ хозяинъ,—совсѣмъ еще ребенкомъ былъ тогда. А вы, Максимъ Наумовичъ, близко его видѣли, сами были помѣщикомъ.

— Настоящимъ помѣщикомъ я никогда не былъ,—отвѣтилъ Ростовъ.—Отъ отца мнѣ досталась только небольшая лѣсная дача, а крѣпостныхъ людей у насъ не было. Но вышелъ разъ въ моей жизни такой казусъ, что я чуть не сдѣлался собственникомъ... не крѣпостной души даже, а просто рабовладѣльцемъ, такъ какъ женщины не признавались за души.

— Это еще что же такое?—удивился профессоръ.

— Это архивная справочка, быть можетъ, не лишняя интереса для молодыхъ людей, имѣющихъ лишь очень неясное представление о томъ, что дѣлалось въ доброе старое время и что такое было крѣпостное право, даже передъ самымъ его уничтоженіемъ.

Хозяинъ и гости попросили подѣлиться съ ними архивною справкой, и вотъ что рассказалъ старикъ Ростовъ.

Въ началѣ семидесятихъ годовъ мнѣ пришлось заѣхать по дѣлу въ одинъ довольно большой, но захолустный уѣздный городъ средней полосы Россіи. Ни желѣзныхъ дорогъ, ни париходовъ, ни даже шоссе въ тѣхъ мѣстахъ не было. Добрался я туда по очень красивой и почти непроѣздной столбовой дорогѣ, по которой два раза въ недѣлю неторопливо плелась почта, лѣтомъ шли гурты скота, а зимнимъ временемъ ползли нескончаемые обозы съ хлѣбомъ и лѣсомъ. Набалованный вагонами, я приѣхалъ основательно изломаннымъ двѣнадцати-часовою тряской въ ямской кибиткѣ и съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, вошелъ въ длинный одноэтажный домъ съ балкономъ подъ вывѣской: «Номера для господъ проѣзжающихъ». Къ удивленію моему, «номера» оказались весьма удовлетворительными, чистыми и даже совсѣмъ не «номерами». Это былъ старинный барскій домъ самаго зауряднаго вида: зала съ вѣнскими стульями по стѣнамъ и раздвижнымъ круглымъ столомъ по серединѣ, гостиная съ жесткою мебелью изъ корельской березы, дальше спальня. Изъ залы отворена дверь въ корридоръ. Ни въ чемъ ни намека на гостиницу, на «номера». Къ довершенію сходства съ барскимъ старосвѣтскимъ жильемъ, въ залѣ меня встрѣтила высокая, худая старуха въ темномъ платьѣ и въ чепцѣ, нынѣ уже вымершій типъ помѣщицѣй экономки давно минувшихъ временъ. Она оглядѣла меня зоркимъ взглядомъ бывалаго человѣка и поспѣшила вывести изъ недоумѣнія:

— Вамъ нумерокъ, сударь? Пожалуйте. Тутъ хорошо бы, — она отворила дверь прежней барской спальни, — только, пожалуй, обезвокоятъ. Иногда вечеромъ заходятъ гости, ну, и шумно бываетъ. Не угодно ли въ пристрочку? Тамъ прохладнѣе и тишина. А, впрочемъ, гдѣ понравится...

Мнѣ понравилось въ пристрочкѣ. Окна смотрятъ въ тѣнистый, запущенный, настоящій деревенскій садъ, пахнетъ только что подюшеннымъ сѣномъ. Впечатлѣніе получалось такое, будто я попалъ въ гости къ помѣщику, — такъ вся обстановка этихъ необыкновенныхъ «номеровъ» напоминала давно исчезнувшее благополучное кѣлье. Подъ стать всему была и дополняла иллюзію востроглазая, дворовому, хорошенькая горничная съ толстою рыжею косою, зашпороженною на затылкѣ кренделемъ. На мой вопросъ, кто хозяинъ этой странной гостиницы, бойкая дѣвица, — какъ звали ее, я замялся, — такъ и посыпала съ обычною провинціальною готовностью известную душу болтовней съ новымъ человѣкомъ.

— Хозяинъ — кондитеръ, онъ тутъ въ клубѣ держитъ буфетъ. Гдѣ клубъ, наискось отсюда, большой бѣлый домъ?... А эту усадь-

бу снимаетъ у предводителя. Знаете предводителя, Илью Ивановича Прахова? Усастый такой, изъ себя полный... онъ и въ мировомъ сѣздѣ предсѣдателемъ, безперечь бываетъ въ городѣ, почита проживаетъ здѣсь, у насъ же во дворѣ подъ себя флигель оставилъ Семень Петровичъ, это хозяинъ нашъ, кондитеръ, прежде рен платилъ за домъ, а послѣ того собрался уѣзжать, убытки, вни большіе. Такъ Илья Ивановичъ и прочіе господа удержали Семена Петровича, не пожелали отпустить, потому онъ кондитеръ и варъ хорошій. Безъ него никакъ нельзя, что въ клубѣ, что на собранияхъ, когда господа сѣзжаются. Опять же хозяйка господа угождаетъ, со всякимъ умѣть обойтись. Такая-то ловкая, кого хочешь вокругъ пальца обведетъ. Такъ и остались...

— Это хозяйка меня встрѣтила?—спросилъ я.

— Старая-то? Нѣтъ, это хозяинова мамаша. А та, Юзефа Антоновна, супруга его, молодая, да красавица... А ужъ ловкая! Тѣхъ ловкихъ, кажется, и на свѣтѣ еще не сыщешь.

— Полька, вѣроятно,—замѣтилъ я.

— Точно что изъ полежь. Ужъ больно она... Безъ нея прожить бы Семену Петровичу. Да вотъ ужъ сами увидите, какъ поедете въ клубъ. Здѣсь-то она мало доходитъ, развѣ когда господа сѣзжаются.

— Какъ же я попаду въ клубъ, когда нѣтъ никого знакомого въ городѣ?—полюбопытствовалъ я.

— Это ничего, тамъ познакомитесь. Прочіе - другіе записываются въ клубъ по знакомству, а отъ насъ можно такъ, просто, режь Семена Петровича, какъ они въ клубѣ хозяйствуютъ.

Такъ я вечеромъ и очутился въ клубѣ «просто, черезъ Семена Петровича», и знакомыхъ нашель, встрѣтилъ даже стараго товарища, врача Василія Васильевича Дукина, съ которымъ не видають десять. Я оглянуться не успѣлъ, какъ онъ меня перепозналъ со всѣмъ наличнымъ обществомъ и такъ наладилъ дѣло, и за котораго я пріѣхалъ, что къ обѣду слѣдующаго дня все было вершено и покончено.

— По случаю свиданьица пропустимъ по маленькой, — сказала Дукинъ, увлекающая меня въ буфетъ позади билліардной.

— Здравствуйте, панна Юзя.—Онъ пожалъ руку очень градивой и эффектной буфетчицѣ.—Вотъ стараго пріятеля обрѣлъ, и вамъ привелъ. Прошу любить и жаловать и пару рюмочекъ галнуть... При сей оказіи имѣю честь представить,—и онъ назвалъ меня по имени и фамиліи.

Въ упоръ мнѣ свернулъ какой-то странный взглядъ

сѣрыхъ глазъ панны Юзи,—сверкнулъ и скрылся подѣ черными, длинными рѣсницами. Густыя черныя брови чуть замѣтно сдвинулись и на лицѣ промелькнуло такое выраженіе, какое бываетъ у людей, старающихся что-то сообразить, припомнить. Мнѣ почудилось, будто я видѣлъ гдѣ-то эти глаза, очень давно, во дни моей юности.

— Кто эта особа?—спросилъ я Василья Васильевича, когда мы отошли отъ буфета, а панна Юзя куда-то скрылась.

— Что, батюшка, какова? Вотъ, вѣдь, у насъ что водится, въ Москвѣ бы не оплошала, такъ-то-съ... — Дукинъ разсмѣялся. — Да-съ, у нашего предводителя губа не дура, не даромъ онъ супругу въ деревнѣ закупорилъ, а самъ все здѣсь привитаетъ.

— Скажите, полька она?—спросилъ я, не будучи въ силахъ отдѣлаться отъ набѣгавшихъ на меня воспоминаній.

— Изъ Вильны выудилъ. Онъ былъ тамъ на службѣ и вывезъ сюда съ мужемъ. Семень—отличный поваръ. Вотъ нашъ Илья Ивановичъ и лакомится...—Дукинъ расхохотался надъ своимъ остро-словіемъ. — Да и Семень не промахъ, усадьбу даромъ отобралъ, пока въ видѣ аренды, а современемъ... обдерутъ они Прахова, какъ липку. Хлопнемъ еще по маленькой за ихъ обоюдно-пріятное согласіе.

Мы хлопнули. На шутовскую болтовню доктора красивая Юзя отвѣчала неохотно, видимо, была не въ духѣ. И ея недовольное, почти злое лицо показалось мнѣ еще болѣе знакомымъ, чѣмъ взгляды огневыхъ глазъ. Въ моей головѣ мелькали видѣнныя когда-то картины, на память приходили имена: моего дальняго родственника Дмитрія Бѣлоконова, его возлюбленной, крѣпостной дѣвушки Аглаи, старой помѣщицы Ѳеклы Кузьминишны... Еслибъ я встрѣтилъ эту панну Юзю лѣтъ десять назадъ, я не задумался бы назвать ее Аглаей. Но съ тѣхъ поръ, какъ я зналъ Аглаю, прошло двадцать лѣтъ и теперь ей было бы подѣ сорокъ. А передо мною стояла женщина въ полномъ разцвѣтѣ самой блестящей поры, предшествующей тридцати годамъ.

Потолокъ я немного въ клубѣ, выпилъ съ Дукинымъ еще по ма энкой, поужиналъ и подошелъ расплатиться съ панной за бутылку.

— Знаете, Юзефа Антоновна,—заговорилъ я въ то время, какъ она отсчитывала сдачу,—вы мнѣ необыкновенно напомнили одну мою знакомую.

— Да?—равнодушно сказала буфетчица, положила передо мной деньги и отвернулась къ полкамъ съ бутылками.

— Да,—продолжалъ я,—вы напомнили мнѣ очень милую дѣвушку, звали ее Аглаей...

Панна Юзя вздрогнула, пробормотала: «Извините»—и исчезла за дверью.

Да, я уже не сомнѣвался въ томъ, что это не полька, а бывшая крѣпостная дѣвушка старой помѣщицы Феклы Кузьминишны, и дѣлою вереницей понеслись передо мной картины прошлаго... Въ своемъ номерѣ, въ пристройкѣ, я раздѣлся, сѣлъ къ окну, всматриваясь въ темную глубь едва уловимо шелестящаго сада, прислушиваясь къ далекому лаю собакъ и къ перебою трещетки ночнаго сторожа. Было за полночь. Такъ же точно сидѣлъ я у открытаго окна въ деревенской усадьбѣ Дмитрія Бѣлоконова много лѣтъ назадъ, въ пятидесятихъ годахъ, юношей, только что кончившимъ курсъ гимназiи. Въ этотъ вечеръ я уѣзжалъ, прогостивши у Мити половину каникулъ. Онъ былъ лѣтъ на пять старше меня, но это не мѣшало намъ быть прiятелями, разсуждать и спорить до хрипоты о матерiяхъ важныхъ. Сороковые годы свое дѣло сдѣлали, расшевелили мозги, и въ этомъ смыслѣ не мало добраго найдется въ томъ старомъ времени... Впрочемъ, если разсказывать мою исторiю, то надо передать все съ начала и по порядку, а не такъ растрепанно, какъ бродила моя мысль, когда я вернулся изъ клуба и вспоминалъ старину. По порядку же дѣло было такъ.

Я кончилъ курсъ на реальномъ отдѣленiи гимназiи и, по приглашенiю моего родственника, Дмитрія Николаевича Бѣлоконова, прiѣхалъ на лѣто къ нему въ село Нагорное готовиться къ дополнительному университетскому экзамену изъ латинскаго языка. Обучать меня классической премудрости взялся братъ тамошняго священника, семинаристъ, которому было «велѣно прiискивать» невѣсту «съ мѣстомъ» для посвященiя въ попы. Тогда нельзя было получить иначе священный санъ, какъ по наслѣдству или женившись на дочери священника, за которою оставлено мѣсто ея родителя. Петръ Ивановичъ Тритономъ,—такъ владыка-архiерей соблаговолилъ наименовать его при поступленiи въ семинарiю, по сходству его якобы съ тритономъ,—усердно прiискивалъ «благопопѣбную» дѣвицу, пилъ совсѣмъ непотребно,—то было уже начало губившаго его запоя,—и со мною каждое утро склонялъ и спрягалъ по-латыни. Мой dominus magister былъ дѣтина здоровенный и довольно красивый, лихо «бряцалъ» на гитарѣ, превосходно пѣлъ и съ тритономъ имѣлъ лишь то сходство, что плавалъ и нырялъ дивительно. Напоколебимо вѣрующiй православный христiанинъ въ

дѣлахъ мірскихъ онъ такъ же твердо держался самыхъ крайнихъ и, по тогдашнему времени, необыкновенныхъ убѣжденій, не считалъ нужнымъ этого скрывать и, при случаѣ, высказывалъ свои мнѣнія очень опредѣленно и неустрашимо. Ни о какомъ коммунизмѣ или социализмѣ онъ понятія не имѣлъ, даже не слыхивалъ именъ Бабёфа, Сень-Симона, Бланки, Кабе, Прудона, Луи-Блана, Роберта Оуэна... До всего семинаристъ своимъ умомъ дошелъ и хваталъ много дальше основателей нынѣшняго социализма. На ряду съ суринцами и герундіями Петръ Ивановичъ посвящалъ меня въ своеобразное пониманіе имъ «царства Божія—царства правды» на землѣ. Слово «эмансипація» еще не было выдуманно, а мы съ Тритоновымъ уже судили и рядили о такомъ освобожденіи всѣхъ и отъ всякой зависимости, при которомъ невыслышимымъ дѣлалось существованіе какого бы ни было государства. Возраженія Бѣлоконова ни чуть не смущали нашего доморощенного Петра Прудона. Онъ, впрочемъ, рѣдко вступалъ въ споры съ Дмитриемъ Николаевичемъ, не долюбивалъ его и по большей части отдѣлывался короткими сентенціями, сбивавшими не сильнаго въ логикѣ барчука съ толку и выводившими его изъ себя.

— Кабы не ты, я бы къ этому рабовладѣльцу и ходить не сталъ,—говорилъ мнѣ Тритоновъ послѣ первой стычки съ Бѣлоновымъ, происшедшей вскорѣ по моемъ пріѣздѣ.—Хоть онъ тебѣ и родственникъ, а такой же скотъ, какъ его пріятельница Оекла.

— Это кто такая Оекла?—спросилъ я.

— Повремени мало и самъ увидишь... Барышня такая у насъ есть, Оекла Кузминишна, по фамиліи госпожа Карабашева, помѣщица изъ рода татарскаго. Любопытная дѣвица...

И дѣйствительно, дня черезъ два Дмитрій предложилъ мнѣ прокатиться вечеромъ въ гости къ старушкѣ сосѣдкѣ, жившей верстахъ въ пяти отъ него, на краю другаго села. И тамъ я увидѣлъ нѣчто на самомъ дѣлѣ любопытное и въ наше время, пожалуй, даже мало вѣроятное. Небольшой дворъ обнесенъ тыномъ, напоминавшимъ старинные острожки. Старый домикъ съ мезониномъ смотритъ хмуго маленькими покосившимися окошками. Такая же старая конюшня съ каретнымъ сараемъ, длинный амбаръ на столбахъ и вросшая въ землю изба дополняли обстановку этой помѣщицкой крѣпости. Вдоль тына лѣщилось нѣсколько разнокалиберныхъ клѣтушекъ. Четыре огромныхъ пса такъ и взвизгивали на цѣпяхъ при вѣдѣ нашемъ во дворъ, двѣ шавки встрѣтили насъ еще за воротами. Отъ лая стонъ стоялъ на всю округу. Оборванный старичишка съ совершенно голою головой напрасно старался уговорить ду-

биной расходившихся цѣпняковъ и едва успѣвалъ отгонять звонкихъ шавогъ. Мы вошли въ прихожую, потомъ въ залъ. И тутъ многоголосый лай и визгъ мосекъ и вышедшихъ теперь изъ моды, ставшихъ рѣдкостью, такъ называемыхъ шарло. Эти, впрочемъ, не злобствовали, а, кажется, выражали свое удовольствіе и голосили для собственнаго развлеченія. Высокая, костлявая старуха въ купеческой повязкѣ на головѣ низко кланялась и приглашала насъ пожаловать въ садъ, гдѣ «барышня изволятъ» кушать чай подъ липками.

— Здравствуйте, красавицы, — проговорилъ Бѣлоконовъ, обращаясь къ полдюжинѣ дѣвушекъ разнаго возраста, сидѣвшихъ за пальцами съ вышиваніями.

Дѣвушки, не поднимаясь съ мѣсть и не оборачиваясь, отвѣтили наклоненіемъ головъ и пробормотали:

— Здравствуйте, баринъ.

Одинъ изъ табуретовъ передъ пальцами у дальняго окна оставался пустымъ. Дмитрій подошелъ къ темноволосой дѣвушкѣ, сидѣвшей на другомъ табуретѣ, и, подавая ей руку, сказалъ:

— Здравствуй, Аглаечка. А гдѣ же Клеопатра?

— Наверху, — отвѣтила Аглая и концами пальцевъ пожала его руку.

— Подъ наказаніемъ, значить, — продолжалъ Бѣлоконовъ, забирая во всю ладонь вырывавшуюся руку дѣвушки. — Чѣмъ провинилась?

— Пустите, — чуть слышно прошептала Аглая.

Съ боку я видѣлъ, какъ лицо дѣвушки вспыхнуло яркимъ румянцемъ, зардѣлись даже маленькія ушки, почти скрытыя низко спущенными волосами, заложенными въ двѣ толстыя косы вокругъ головы.

— Нельзя безъ этого, батюшка, — отвѣтила за Аглаю старуха. — Молоды, глупы, одно баловство на умѣ. Пожалуйте въ садъ, сударь, чайку откушать.

Обеглу Кузминишну мы нашли лежащею на тесовой кровати подъ двумя развѣсистыми липами. Смуглое, скуластое лицо характернаго татарскаго типа улыбалось очень привѣтливо. Изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей хитро выглядывали узкіе, бѣгающіе глазки; толстыя губы широкаго рта то расходились, то сходились и минутно причмокивали, точно старая барышня постоянно пробуетъ варенье.

— Здравствуй, сударь, забылъ старуху, глазъ не кажешь. —

говорила она, подставляя Дмитрію руку для поцѣлуя и цѣлуя его въ лобъ.

Бѣлоконовъ представилъ меня. Оекла Кузминишна такъ и зашла восхваленіями моихъ покойныхъ родителей, съ которыми она была, яко бы, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, съ восхищеніемъ вспоминала про мою красоту въ дѣтствѣ, про мой удивительный умъ и т. д., все въ тонѣ пріятныхъ гостю славословій. Съ временемъ на столѣ появились банки съ вареньемъ и подобный самоваръ. Наливать чай, по приказанію барышни, была названа Аглая. Тутъ я въ первый разъ увидалъ эту замѣчательно красивую дѣвушку, еще не совсѣмъ сложившуюся, но уже общающую стать въ полномъ смыслѣ слова красавицей. Въ особенности были привлекательны яркіе сѣрые глаза, такъ и свергавшіе изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ. Въ этихъ вспыхивающихъ взглядахъ было что-то манящее и притягивающее, захватывающее хощія чувства человѣка и скверные инстинкты мужчины. Въ глазахъ семнадцати-лѣтней дѣвочки, почти ребенка, свѣтились умъ и сила, мелькали жгучія искры затаенной, несознанной страстности. Ярко художникомъ рѣзанныя губы складывались твердо, выражая энергію характера и сулили одурманивающіе поцѣлуи. Лица Аглаи не портило въ эту минуту выраженіе недовольства, почти злобы, — настолько оно было серьезно, чуждо всякаго намека на капризъ.

— Оекла Кузминишна, голубушка, — остановилъ Бѣлоконовъ радую рѣчь хозяйки, — Клеопатрочка подъ опалой. Для нашего рѣзда смягчите вашъ гнѣвъ и простите.

— Тебѣ, сударь, дѣла нѣтъ до Клеопатры, — сурово отвѣтила Оекла Кузминишна и опять обратилась ко мнѣ.

— Пока не простите, не буду ни чай пить, ни ѣсть вашего варенья, — приставалъ Дмитрій.

— И не пей, и не ѣшь. Аглая, чая ему не наливай, варенье отставь, — распорядилась хозяйка.

— Оекла Кузминишна, — сказалъ я, — хотя мнѣ тоже дѣла нѣтъ до вашихъ дѣвушекъ, но позвольте и мнѣ просить о помилованіи провинившейся.

— Ну, для тебя такъ и быть. — Барышня Карабашева съ первой фразы говорила уже мнѣ «ты».

— Фима, — крикнула она, — одѣть и привести Клеопатру!

Изъ-за дерева поднялась съ табурета встрѣтившая насъ костлявая старуха и скрылась въ дверь балкона. Черезъ нѣсколько минутъ была приведена Клеопатра, совершенная противоположность

Аглая и, на мой взглядъ, еще лучше ея. Бѣлокурые, совсѣмъ льняные, серебристые волосы пышнымъ валомъ двухъ длинныхъ косъ обрамляли свѣженькое, молочно-бѣлое лицо съ нѣжнымъ, перемѣнчивымъ румянцемъ. Большіе, небесно-голубые глаза смотрѣли мягко, грустно и мечтательно. Пухлыя, алыя губки по-дѣтски улыбались, хотя на рѣсницахъ еще видны были слѣды невысохшихъ слезъ. Стройный бюстъ, затянутый безъ корсета въ ловко сшитое ситцевое платье, обрисовывался болѣе откровенно, чѣмъ слѣдовало бы, но представлялся настоящимъ художественнымъ изваяніемъ. Дѣвушка подошла къ хозяйкѣ, прошептала что-то и поцѣловала ея руку.

— Вотъ его благодарю. — Оекла Кузминишна указала на меня. — Онъ выпросилъ, не то бы...

Клеопатра сильно покраснѣла, вскинула на меня своими ясными глазами и нагнулась поцѣловать мою руку. Я вскочилъ, какъ обожженный, — со мною этого никогда не продѣлывали.

— Не надо... не надо... я не хочу! — лепеталъ я растерянно.

— А въ губки, небось, хочешь? — смѣялась Оекла Кузминишна. — Хочетъ... Клеопатра, въ губы, да покрѣпче, чтобы помнилъ.

Клеопатра послушно двинулась ко мнѣ. Я готовъ былъ убажывать, сквозь землю провалиться. Хозяйка и Дмитрій заливались хохотомъ.

— Нечего, нечего монашкомъ прикидываться! — говорила старая барышня. — Цѣлуйтесь, да такъ, чтобы я довольна осталась, не то сейчасъ ее опять наверхъ.

Такъ насъ и заставили цѣловаться, и не разъ, и не два. Дмитрій кричалъ: «горько!» Оекла Кузминишна командовала: «еще!»... Я чуть не плакалъ, Клеопатра фыркала отъ смѣха и съ каждымъ разомъ все усерднѣе исполняла приказаніе... Когда кончилась эта пытка, я взглянулъ на Аглаю. Она не смѣялась, но лицо ея прояснилось, губы были полуоткрыты, взглядъ не свергалъ, а точно ласкалъ меня и успокаивалъ мои взбудораженные нервы.

— Ну, дѣвушки, ведите теперь новаго гостя, покажите нашъ садикъ, — распорядилась хозяйка. — Фима, со стола убирай, только варенье оставь.

Я пошелъ съ двумя дѣвками, въ преглупомъ положеніи, самъ не зная, что мнѣ говорить съ ними и какъ говорить: «вы» или «ты». На видъ онѣ были совсѣмъ барышни, — какъ есть настоящія уѣздныя барышни, — и, въ то же время, это были дворовыя «дѣвки», какъ тогда говорилось, никому не въ обиду. Затрудненіе не малое, не то что занимать дамъ въ кадрили и мазуркѣ. И молча шествовать не-

ловно, не хотѣлось показаться смѣшнымъ этимъ самымъ дѣвицамъ. Выручила Аглая.

— Вы къ намъ надолго, милый баринъ? — заговорила она. — Изъ Москвы погостить прѣхали?

Я отвѣчалъ, и слово за слово мы разговорились, какъ старые знакомые.

— А у васъ много дворовыхъ дѣвушекъ въ имѣннн? — спросила, между прочимъ, Клеопатра и очень удивилась, когда я сказалъ, что нѣтъ у меня никакихъ дворовыхъ, ни крестьянъ.

— Какъ же такъ, — недоумѣвала она, — развѣ вы не баринъ?

Имъ обѣимъ совершенно непонятно было, какъ баринъ можетъ существовать безъ крѣпостной дворни. Про наемную прислугу онѣ, разумѣется, знали, такъ какъ весь мужской персоналъ дворовыхъ Барабашевой жилъ по паспортамъ на оброкъ. Но тѣ нанимались у купцовъ и приказныхъ, а баринъ безъ собственныхъ лакеевъ, кулеровъ и дѣвокъ представлялся имъ просто какою-то несообразностью, чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— А вы, баринъ хорошій, вотъ что: какъ въ Москву поѣдете, вы купите меня у нашей барышни, — сказала Клеопатра и разсмѣялась; заглядывая мнѣ въ глаза. — Вы, вѣдь, добрый... и какъ бы я вамъ служить стала!

— То-есть какъ же это купить? — удивился я въ свою очередь такой странной шуткѣ. — Развѣ это можно?

Слыхалъ я про это и читалъ, хотя бы въ *Горь отъ ума*, но считалъ «преданіемъ старины глубокой».

— Отчего не можно? — продолжала дѣвушка. — Вотъ покупаетъ же Дмитрій Николаевичъ Аглаечку.

— Васъ? Митя покупаетъ? — у меня въ головѣ мелькнула мысль, что дѣвицы задумали надо мной потѣшиться.

— Да, меня. — Лицо Аглаи было серьезно и мрачно. Ей, видимо, было не до шутокъ.

— Васъ?... зачѣмъ ему? У него полонъ домъ дворовыхъ, дѣваться отъ нихъ некуда.

— А зачѣмъ, про то у него спросите, — отвѣтила она и отвернулась.

Мнѣ стало до того не по себѣ, что я направился было назадъ къ лицамъ. Клеопатра остановила меня:

— Постойте, добрый, хорошій... вы, ради Христа - Создателя, не выдайте, что я сболтнула. Никому не говорите... дойдетъ до Дмитрія Николаевича, онъ барышнѣ скажетъ, бѣда намъ обѣимъ будетъ. Баринъ милый, не скажете? :

Я общалъ молчать, Клеопатра продолжала:

— И туда ходить погодите. Позовуть, тогда пойдемъ, а то и за это намъ достанется.

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ и, признаюсь, доброй половины изъ слышаннаго не понималъ по своей наивности. Пришлось все уразумѣть и повѣрить самому неправдоподобному.

Я жилъ не въ домѣ, а въ отдѣльномъ павильонѣ въ глубинѣ сада. Тутъ было совсѣмъ тихо, удобно для занятій, до меня не доходилъ шумъ усадьбы, и я почти ничего не зналъ изъ того, что дѣлается въ барской резиденціи. Данный мнѣ въ услуженіе мальчигъ Стѣпа былъ угрюмъ и несообщителенъ, исполнялъ точно приказанія и не удручалъ меня своими разговорами. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего посѣщенія Феклы Кузминишны онъ утромъ убиралъ мою комнату болѣе хмурый, чѣмъ обыкновенно. Такое же суровое выраженіе я замѣтилъ на лицѣ садовника, приходившаго полить цвѣты у меня на окнахъ. Потомъ оказался такимъ же насупленнымъ старый буфетчикъ, доложившій, что поданъ завтракъ. И, наконецъ, самъ баринъ былъ, видимо, не въ духѣ, разстроенъ чѣмъ-то, хотя и старался скрыть это. Ясно было, что произошло нѣчто всѣмъ непріятное. Держась всегдашняго моего правила не вмѣшиваться въ чужія дѣла, я ни о чемъ не сталъ спрашивать и тотчасъ же послѣ завтрака ушелъ къ себѣ поджидать моего наставника Тритонова. Въ первый разъ за время нашихъ занятій онъ не пришелъ. Обѣдъ тянулся еще скучнѣе, чѣмъ завтракъ, хозяинъ былъ еще раздраженнѣе и уже менѣе сдерживался, запустилъ даже въ буфетчика нечисто вытертою тарелкой, что, вообще, случалось очень рѣдко съ благодушнымъ Бѣлоконовымъ.

— Чай вели подать къ себѣ, — сказалъ Дмитрій, съ громомъ отодвигая стулъ. — Я уѣзжаю, вернусь поздно.

Послѣобѣденный чай мы всегда пили вмѣстѣ на террасѣ. Я и одинъ могъ тамъ же его пить, какъ то и бывало, но разъ сердитый хозяинъ говоритъ: «уходи къ себѣ», — надо уходить. Самоваръ мнѣ принесъ Стѣпа, а чайный приборъ буфетчикъ Савельичъ. Онъ же, не ожидая приказанія, заварилъ чай и отошелъ къ двери, покрывшая и бормоча что-то себѣ подъ носъ. Мнѣ еще за обѣдомъ пока алось, что онъ выпилъ лишнее, а теперь въ этомъ сомнѣнія быть не могло. Онъ и еще подбавилъ, вѣроятно.

— Дѣла тоже! Нечего сказать, хорошо! — слышалъ я въ рчаніе старика, дѣлавшееся съ каждою фразой громче. — По мнѣ ч о, бей тарелки, хоть всю посуду побей... Это на свадьбахъ бьютъ,

Посмотрѣть не на что, вѣрьте-сь Богу, такъ, щуплявенькая, да толенькая, только что глазаста. Точно своихъ у насъ мало? Хоть Марѳутку взять, вашего Стѣпки сестренку, коли ужъ Настасья отставать выходитъ,—дѣвка гладкая, кровь съ молокомъ, смиренная... А то возжайся теперъ съ покушною-то. Нѣтъ-сь, воля ваша, намъ го подъ судить никакъ невозможно, а похвалить никто не похвалитъ. Опять же Надежда Сергѣевна... имъ каково покажется?

— Это еще что за Надежда Сергѣевна?—Я чувствовалъ, что съ всѣмъ шалѣть начинаю.

— Надежда Сергѣевна, госпожа Синякина, супруга майора Андрея Силыча Синякина. Они, то-есть супругъ-то, въ военной службѣ были, поранены и въ лѣтахъ, къ тому же, да и винцомъ рѣзко зашибаются... Ну; а сама-то ничего, годовъ подѣ тридцать, изъ себя пышная такая, щеголиха, по-французски такъ и жарить. Нашъ же: «жи-музю, да жи-музю»... Вотъ и имъ, Надеждѣ-то Сергѣевнѣ новая барыня не пондравится...

— Однако, что же это такое?—Я окончателно былъ подавленъ пьянымъ бѣфетчикомъ и, точно загнипнотизированный, говоря нынѣшнему, вдавался, полубезсознательно и противъ воли, въ разсужденіе на совершенно нежелательную тему. — Какъ же, тутъ Настасья, тамъ маіорша... Настасья—ничего, другая вдругъ не нравится... Чортъ знаетъ что такое!

— Какъ же можно, сударь, Настасья—то одно дѣло, а карашевская дѣвица—статья особливая. Нешто можно равнять? Чѣ Настя, что Марѳутка, аль Аришка ключницына — то свои дворья дѣвчонки, а эта, купленная-то, будетъ ужъ все равно, родъ какъ «метрессы»... Это всякій понимать можетъ...

А я такъ ровно ничего не понималъ, только глазами хлопалъ, задыхался, какъ человѣкъ, попавшій въ комнату, гдѣ сильно пеначадила. Сознывая невозможность иначе избавиться отъ Савельича, я взялъ шляпу и черезъ садъ ушелъ на село. До церкви было все версты двѣ, и я направился къ поповскому дому узнать, не случилось ли чего съ моимъ преподавателемъ.

— Батюшки дома нѣтъ, въ отлучкѣ,—сообщилъ мнѣ поповъ при встрѣчѣ дьяконъ,—а Петръ въ негодности, запилъ прегрѣшлѣ и возбудствовалъ, столь неподобное учинилъ, что мы его свезали. Теперъ подѣ карауломъ дьячка лежитъ за огородами въ банѣ и все возглашаетъ, все возглашаетъ...

— Что же онъ возглашаетъ?—полюбопытствовалъ я.

— Весьма неудобъ-сказуемое,—и дьяконъ махнулъ рукой. — Е-

ми угодно, сами дойдите, вотъ тутъ можно черезъ плетень, потомъ за уголъ, а тамъ на низочкѣ и банька будетъ.

Изъ сѣней баньки выглянулъ сухой, длинный, носатый дьячокъ.

— Притихъ и усмирися,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ о Тритоновѣ.—А все не засыпаетъ, испилъ квасу и теперь не громкимъ голосомъ читаетъ 68 псаломъ царя Давида. Строптивъ и некорень... Загляните, дверь отворена.

Едва я показался у двери, связанный Тритоновъ началъ биться на разостланной по полу соломѣ и завопилъ неистовымъ голосомъ:

— Regeant! regeat Θεκλα!... Анаеѣма!...

Этотъ вой, искаженное лицо, вся всколыхоченная фигура, въ изорванной рубахѣ и съ закрученными назадъ руками, были такъ ужасны, что я, себя не помня, выскочилъ изъ сѣней.

— Вотъ все такъ-то,—сокрушался дьячокъ,—да хорошо еще, что на латинскомъ языкѣ, а то давеча, на улицѣ, при всемъ народѣ и столь неподобное, столь престрашное...

— Отчего же это съ нимъ подѣлалось?—спросилъ я.

— Изъ-за дѣвицы смутился, — шенталь дьячокъ, провожая меня по огороду. — Сказывалъ тутъ утрось Бѣлоконскихъ малый, быдто ввечеру привезена къ нимъ дѣвица, по имени Аглаида, отъ госпожи Карабашевой, Θεκлы Кузминишны. Петръ въ тотъ же моментъ на барскій дворъ, вышло все вѣрно. Онъ въ кабакъ, выпилъ полштофъ, опосля того еще полштофъ и вознеистовствовалъ, и тавое возглашалъ...—дьячокъ еще понизилъ голосъ:—Сибирь! дойдеть до кого—навѣрняка Сибирь!

Вся эта исторія такъ подѣйствовала на меня, что я ни уснуть не могъ, ни лежать въ своемъ павильонѣ, всю ночь прошлялся по саду, провалялся на травѣ, заснулъ подъ какимъ-то кустомъ и получилъ лихорадку. Черезъ день мой Стѣпа ходилъ съ поразительно дурацкимъ лицомъ, такъ и расплывавшимся въ блаженную улыбку, и, видимо, порывался сообщить мнѣ что-то.

— Ну, говори, чему радуешься?—спросилъ я, все еще лежа въ постели.

— Увезли!—Стѣпа растопырилъ руки и присѣлъ отъ восторга.

— Что увезли, куда?—Несмотря на ломоту во всемъ тѣлѣ, меня тоже разбиралъ смѣхъ надъ его дико-лигующею фигурой.

— Мамзелю увезли,—и онъ фыркнулъ въ руку.—Назадъ, къ Карабашихъ, не годилась... И смѣху было! Бились это, бились, такъ опять ночью и увезли. И улещали-то всячески, такая ты, молъ, сякая, барыней будешь, и утрачивали... Ключница Степанида Ан-

древна пужаетъ это: а не хошь, говорить, въ крестьяне, замуж за самага что ни-на-есть, послѣдняго мужичонку? — Пуцай, говорить, — это Аглая-то говорить, — пуцай за мужика. А тетка Степа нида тращаетъ: не хошь, косу отрѣзуть, въ лапти, въ поньку, въ кирпичный глину мять? — Пуцай рѣзуть, было бы за что... хошь въ куски меня изрѣжь, а то ишь купили, ровно псицу... И смѣхъ только! Наши-то, что Настасья, что Аришка, что моя Мареутка такъ и катаются, животы понадорвали. А баринъ лютой, то-есть тигры ходитъ.

Мальчишка присочинялъ, разумѣется, такъ какъ Бѣлоконовъ по мягкости характера, не способенъ былъ ни къ такимъ «утрачиваніямъ», ни къ «лютости» вообще. Когда онъ заходилъ ко мнѣ больному, — а заходилъ онъ часто, хотя и на короткое время, — ни чего лютаго я въ немъ не замѣтилъ. Напротивъ, онъ былъ какъ бы удрученъ и приниженъ, въ глазахъ и во всемъ лицѣ ясно было тоскливое выраженіе. Я заподозрилъ, что онъ не на шутку влюбленъ въ Аглаю. Вѣроятно, такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. И этимъ я пытался оправдать его поступокъ.

Прошло нѣсколько дней. Я почти совсѣмъ оправился и собрался идти завтракать въ домъ, когда сіявшій все время Степанъ въ ирачнѣйшимъ видѣмъ подалъ мнѣ утренній чай и заявилъ:

— Мамзеля опять тутъ.

Я нагнулся надъ книгой и отклонилъ всякія дальнѣйшія соображенія. Въ обычное время пришелъ буфетчикъ Савельичъ спросить гдѣ мнѣ угодно завтракать. «Идти или не идти?» — раздумывалъ. Старикъ ждалъ молча, заложивши руки за спину. Мнѣ казалось, что онъ понимаетъ причину моего раздумья и въ душѣ, быть можетъ, потѣшается надъ этимъ. Мнѣ стало досадно и я сказалъ, что прѣдупредилъ. Въ сущности, не было достаточнаго основанія не идти, все равно, не къ завтраку, такъ къ обѣду, не въ этотъ день, такъ на слѣдующій, а пришлось бы быть въ домѣ. Не могъ же я, живя гостемъ у Бѣлоконова, перестать бывать у него. Уѣхать же было некуда, не зачѣмъ и опять-таки разумнаго повода не оказывалось. Что мнѣ въправду, за дѣло до того, погулаетъ онъ себѣ дѣвицу въ любви или беретъ своихъ Настекъ и Мареутокъ, надрывающихся смѣхомъ надъ несчастною Аглаей, приглянувшееся ихъ барину и невольно ставшее ихъ соперницей? И еще: такъ ли на самомъ дѣлѣ несчастна Аглая, когда ей завидуютъ всѣ Мареутки, Аришки и, съ ними вмѣстѣ, ихъ братья, дяди, быть можетъ, отцы и матери? Не была ли бы неизмѣримо несчастнѣе та же Аглая, если бы, вмѣсто добраго, красиваго и влюбленнаго въ нее Бѣлоконова, она попалъ

къ какому-нибудь пьяному и мерзкому старичишкѣ, вродѣ майора Снягина? Едва ли только ради смѣха сказала мнѣ Клеопатра: «Купите меня, милый баринъ»... Разъ ихъ продаютъ, какъ пещи, онѣ сами, естественно, должны желать попасть въ хорошія руки, гдѣ имъ, все-таки, будетъ легче существовать, чѣмъ... чортъ знаетъ гдѣ, куда можетъ требоваться такая живность... Такъ разсуждалъ я, входя въ столовую, и остановился на порогѣ въ положеніи, близкомъ къ остолбенѣнію: передъ накрытымъ на три прибора столомъ распорядилась Аглая. Бѣлоконова не было, онъ запоздалъ умышленно, вѣроятно, чтобы не присутствовать при нашей встрѣчѣ въ его домѣ.

— Вотъ гдѣ привелъ Богъ свидѣться, милый баринъ, — говорила Аглая, подходя ко мнѣ и крѣпко сжимая мою руку. — Что же не поздравляете? Видите, въ барыни попала... вчера была дѣвка, нынче вотъ что... — и она показала на свой дорогой и модный нарядъ, впору любой барыни.

— Какъ это случилось, Аглая, какъ могло быть? Вѣдь, вы уѣхали, не хорѣли этого... — Я все еще не могъ оправиться.

— Уѣхала!... — дѣвушка горько разсмѣялась. — Уѣхала потому, что отвозили ума набираться. Наша Оегла Кузьминишна, дай ей Богъ здоровья, мастерица ума прибавлять. Въ трое сутокъ хоть изъ кого дурь-то выскочить. Вотъ и я умная стала.

У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Что же она дѣлала съ вами?

— Э, что было, то прошло! — Аглая повела плечами и тряхнула головой. — Ну, да и я не изъ мягкихъ, тоже не даромъ досталась Дмитрію Николаевичу, а на уговорѣ, взяда съ него честное слово, первое: какъ надоѣмъ, мнѣ вольную; второе: при мнѣ чтобы никакой другой, не то зарѣжу; третье: всѣхъ дѣвокъ вонъ, Настѣнѣ, что передо мною была, вольную, остальныхъ, которыхъ на мое мѣсто прочили, куда угодно — на волю, замужъ, на оброкъ, но чтобы здѣсь ни одной не было. Согласился, далъ слово, — ну... стало быть, такая и судьба моя.

И, какъ бы въ подтвержденіе моей мысли, она добавила:

— Могло и ~~хуже~~ выйти, на то мы и рабы.

Вошелъ Бѣлоконовъ. Послѣ нѣкотораго замѣшательства, онъ отъ атился ко мнѣ:

— Ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы Аглая завтракала съ нами?

Ничего я противъ этого имѣть не могъ, разумѣется. Напротивъ, я былъ доволенъ, что дѣла такъ складывались. И всѣ были въ чло-

вольствіи: Настя перестала «рѣкой литься», получила вольную, новые наряды и сколько-то денегъ «на приданое». Приходила благодарить барина, ручку у него цѣловала, Аглаю—въ плечико, меня, невѣдомо за что, отъ избытка радости, должно быть, тоже въ плечико. Она ногъ подъ собою не слышала и очень скоро вышла замужъ за мѣщанина, торговавшего по базарамъ пряниками и орѣхами. Марѳушу отдали замужъ за конторщика. Они, какъ выяснилось, были давно равнодушны другъ къ другу и составили счастливую парочку. Ариша, въ виду заслугъ ея матери, ключницы, получила вольную и тотчасъ же куда-то исчезла. Обѣ свадьбы произошли необычайно скоропалительно, точно все было заранѣе налажено и рѣшено. Въ усадьбѣ водворились миръ и идиллія. Наши «молодые» переживали настоящій медовый мѣсяцъ, Дмитрій блаженствовалъ, Аглая входила въ роль «барыни» и хорошѣла не по днямъ, а по часамъ. Я не разъ подмѣчалъ ея страстные взгляды, устремленные на Дмитрія. Если не сердце, то натура брала свое.

Со всѣмъ этимъ не могли помириться только двое, майорша и Тритоновъ. Обозлившаяся помѣщица плела невообразимыя гадости про измѣнившаго любовника. Мой наставникъ допился до чертиковъ. По возвращеніи изъ больницы, онъ написалъ мнѣ, что готовъ продолжать уроки только въ поповой банѣ, а не въ усадьбѣ, къ которой онъ не желаетъ и близко подходить. Я согласился. За первымъ же урокомъ я попробовалъ осторожно вывѣдать, отчего онъ вдругъ забезобрачничалъ. Но съ Тритоновымъ невозможны были никакія осторожности, ни подходы.

— А ты не вилай, спрашивай прямо,—проговорилъ онъ, мрачно ероша и безъ того торчавшіе въ разныя стороны волосы.

— Ну, прямо: съ чего ты пилъ и буйствовалъ, domine? Тебѣ что за дѣло до всей этой исторіи?

— Ты барченокъ и несмысленокъ,—отрѣзалъ семинаристъ.—Тебѣ ничего, что дѣвицы на такія дѣла продаютъ и покупаютъ, а мнѣ—чего. Ты, пожалуй, и самъ купишь, а я бы вѣхъ этихъ покупателей и продавцовъ...—Онъ не договорилъ и закончилъ весьма энергическимъ жестомъ.

— Ну, я то не куплю. А скажи ты мнѣ, *châtissime*, какъ это дѣлается? Вѣдь, закономъ такія продажи запрещены, какъ же онѣ совершаются?

— Вельми просто: завождемъ какой-нибудь свинтусъ обезчестить чужую крѣпостную дѣвицу, онъ ее и приторговываетъ яко бы въ замужство за своего крѣпостнаго человѣка. Собственникъ выдаетъ ему на ту дѣвицу «выводное письмо»... Не понима-

еще? Запись такую выдаетъ, что продалъ, дескать, я такую-то дѣвушку такому-то псу смердящему для выдачи оной дѣвицы въ замужство. Вотъ тебѣ и весь сказъ. А когда и за какого человѣка въ замужство, о томъ нѣтъ надобности писать. Это уже дѣло покупателя. А сей дѣвицу получаетъ и хочеть—во щажь варить, хочеть—съ кашей ѣсть. Чисто?

— Хотя и очень нечисто, но ясно.

— Вотъ то-то.

— Ну, ладно, скверно это,— продолжалъ я,— но, стало быть, такъ дѣлается нерѣдко, и не первая Аглая, и не послѣдняя. Съ чего же ты взбѣлился? Что тебѣ Аглая?

— Далеко заѣзжаешь; это ужь не твоего ума дѣло.

Онъ всталъ и прошелся, вѣрнѣе, впрочемъ, потоптался на одномъ мѣстѣ, такъ какъ въ крошечной банѣ пройтись было негдѣ.

— У тебя на рыльцѣ чуть еще пушокъ показывается, у иной бабенки больше... А вотъ поживи, да... Э, что тамъ вихляться! Поживи, да полюби, да посмотри, какъ любимую дѣвушку силой поволокутъ...

Онъ пошатнулся, вышелъ въ сѣни, грохнулся на-земь и залагалъ, и завывалъ, какъ звѣрь. Такого истерическаго припадка я никогда еще не видалъ, и не приведи Богъ видѣть.

Пока «медовый мѣсяцъ» все ярче и привѣтнѣе свѣтилъ Бѣлоконову, мнѣ становилось все тоскливѣе. Дмитрій и Аглая, видимо, принимали въ серьезъ свое положеніе «молодыхъ». Третій человѣкъ оказывался тутъ лишнимъ. Наши выѣзды къ сосѣдямъ прервались, у насъ тоже почти никто не бывалъ. А въ девятнадцать лѣтъ тяжело жить съ однѣми книгами въ кельѣ подъ елью. Единственный мой собесѣдникъ Тритоновъ сталъ до того мраченъ, что отъ него не больше было мнѣ радости, чѣмъ отъ латинской грамматики. Меня такъ и тянуло изъ дому. Я бы могъ, конечно, ѣздить по гостямъ и безъ Дмитрія, но всѣ наши общіе знакомые были очень мало интересны, слишкомъ стары для меня. Ихъ занимали поѣвья, урожаи, карты и собаки, свои мелкія уѣздныя дрязги и непомѣрныя выпивки, внушавшія мнѣ глубокое отвращеніе. Аглая видѣла, что я брожу, какъ козленокъ, отбившійся отъ стада, и посовѣтовала поѣхать къ майоршѣ, попытаться утѣшить ее въ горѣ. Я почти разсердился; эта «пышная» дама, съ провинціальными ухватками разбитной солдатки, казалась мнѣ настолько противною, что я не могъ надивиться неразборчивости Бѣлоконова.

— Поѣзжайте къ Оеклѣ Кузминишнѣ,— предложила Аглая,—

узнайте, какъ тамъ поживаютъ. Никакихъ мнѣ извѣстій нѣтъ оттуда. Разспросите Клеопатру, только, смотрите, тихонько, осторожененько. Тамъ, вѣдь, за всѣми подсматриваютъ, все подслушиваютъ.

При имени Клеопатры я покраснѣлъ, самъ не знаю почему, — вѣроятно, вспомнилъ о поцѣлуяхъ и о томъ, какимъ я былъ дуракомъ въ ту минуту. Отъ того я покраснѣлъ или нѣтъ, но о поцѣлуяхъ я, несомнѣнно, вспомнилъ, на то, что дуракомъ былъ, сильно досадовалъ и рѣшилъ про себя, что повторись это еще разъ, я бы поступилъ и, вообще, держалъ бы себя иначе.

Повторилось это въ тотъ же день, и оказался я не менѣе глупымъ, чѣмъ въ первый разъ. Оекла Кузминишна встрѣтила меня на балконѣ, гдѣ наблюдала за приготовленіемъ варенья, и разцѣловалась со мною прямо въ губы, причитая о своей дружбѣ съ моею матерью.

— Со мною старухой цѣловаться не велика сласть, — перебила она свои воспоминанія, — заѣшь вареньемъ. Клеопатра, Клеопатка! блюдечко, чайную ложку!... А не то, можетъ быть, лучшей-то поцѣлуй стереть Клеопатринимъ? Лучше, лучше, ужъ вижу! Ну, Клеопатра... — Старая барышня кивнула головой въ мою сторону и выразительно показала дѣвушкѣ, что надо со мною продолжать.

Выдрессированы онѣ были у Карабашевой такъ, что повторять приказаній не приходилось, и я опять покраснѣлъ, какъ ракъ, переконфузился до слезъ. Немного погодя, меня отправили гулять съ Клеопатрой въ сопровожденіи дѣвчонки лѣтъ тринадцати, то-есть подъ ея надзоромъ, какъ объяснила мнѣ потомъ Аглая. На прощанье Оекла Кузминишна сказала:

— Пріѣзжай въ воскресенье, веселѣе будетъ, дѣвушки свободны, пѣсни будутъ, горѣлки...

Взглядъ Клеопатры говорилъ тоже: «пріѣзжай!» — и я, разумеется, пріѣхалъ. Домъ казался пустымъ, даже собаченокъ не было. Въ прихожей меня встрѣтила Клеопатра. Я расхрабрился и, пожимая ей руку, сказалъ:

— Неужели только по приказанію?

Вмѣсто отвѣта, она обвила меня руками и... дуракомъ я уже не былъ. Но это былъ мигъ одинъ, — въ залѣ послышались шаги старой Фимы.

— На лугъ пожалуйста, тамъ, внизу, — говорила раскраснѣвшаяся Клеопатра слегка задыхающимся голосомъ. — Барышня просить, всё тамъ.

— Проводите, я не знаю, куда идти.—Я уже восхищался мыслью побыть въ саду вдвоемъ съ начинавшею увлекать меня красавицей. Но у Ѳеклы Кузминишны все было предусмотрѣно, рассчитано и налажено, какъ по нотамъ,—на балконѣ сидѣла та же тринадцатилѣтняя дѣвочка, которая и теперь стала нашею спутницей и надзирательницей. Я, все-таки, умудрился шепнуть Клеопатрѣ:

— Неужели одну я васъ никогда не увижу?

— Въ то воскресенье, —отвѣтила она чуть слышно.

На лугу за огородомъ я засталъ такое общество: хозяйка съ сосѣдкой, старой помѣщицей-вдовой, и съ попадѣй сидѣла на разостланномъ коврѣ передъ самоваромъ. Двѣ рыженькія, пухлыя дочки попады прогуливались по лугу съ мѣстнымъ становымъ приставомъ, попыхивавшимъ трубку на короткомъ чубукѣ. Съ ними рядомъ сѣменилъ короткими ножками пузатенькій господинъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Въ сторонкѣ сидѣли на лугу разряженные по праздничному три дѣвочки-подростки Ѳеклы Кузминишны, дочь дьячка, три или четыре крестьянскихъ дѣвушки и очень красивая молодая солдатка. Нельзя сказать, чтобы мнѣ особенно улыбалась перспектива провести вечеръ въ такой компаніи. Удрать, однако, нельзя было, неловко, къ тому же, тутъ была Клеопатра, въ ухахъ еще звучалъ ея нѣжный шепотъ: «въ то воскресенье!...» губы еще горѣли отъ ея поцѣлуевъ не по приказу. Былъ ли я влюбленъ въ эту дѣвушку? На такой вопросъ я и тогда не сумѣлъ бы отвѣтить, и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, не могу ясно опредѣлить моего чувства къ ней. Мнѣ, вѣдь, было всего девятнадцать лѣтъ, ей—семнадцать, и такая она была хорошенькая, такая...—какъ бы это сказать?—незаурядная, что ли... Ну, да, словомъ, я самъ не знаю, что такое со мною было. Судите сами, сейчасъ увидите.

Это было въ пятницу, какъ разъ въ слѣдующую пятницу, за день до того воскресенья, когда я рассчитывалъ увидаться съ Клеопатрой наединѣ. Мы, то-есть Бѣлоконовъ, Аглая и я, пили послѣ обѣда чай на террасѣ. Ключница, Степанида Андреевна, выглянула изъ двери и кивкомъ головы позвала Аглаю. Минуть черезъ пять Аглая вернулась съ такимъ лицомъ, что на нее взглянуть было страшно.

— Что случилось?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Клеопатру... спасите!... Дмитрій Николаевичъ, родной ты мой, спаси!—Она опустилась на колѣни и обвила его руками.

— Да что такое? Отъ чего спасать?

— Поповъ работникъ приходилъ... она присылала. Продають ее... Какіе-то странніе, заѣзжіе, козаки, что ли, торгуютъ... Милый мой, голубчикъ мой, спаси ты ее... поѣзжай, перекупи!

— Что за пустяки!—Онъ приподнял ее и посадилъ въ кресло.—Твоя Оекла каждый годъ по двѣ, да по три дѣвчонки продать. Если я всёхъ спасать буду, такъ денегъ не наготовишься, моего состоянія не хватитъ.

— Дмитрій Николаевичъ, Клеопатра мнѣ подруга, выросли вмѣстѣ, все равно что сестра родная. Ни за кого не буду просить.

— Вотъ что, Аглаечка, какъ это ни глупо, а для тебя бы я сдѣлалъ. Только у меня и денегъ-то около ста рублей. Вотъ тебѣ ключъ, поди и смотри сама. А старая вѣдьма за самую плохенькую меньше двухсотъ не беретъ, и денежки сполна въ руки. За Клеопатру она заломить дороже, чѣмъ за тебя, ужь я ее хорошо знаю.

Умоляющій взглядъ Аглаи обратился ко мнѣ.

— У меня около трехсотъ, они тамъ же въ столѣ у Мити, достаньте изъ моего бумажника,—сказалъ я.

Это былъ весь мой капиталъ на поѣздку въ университетъ и на прожитокъ до января.

— А если вправду заломить?—проговорила она, оживляясь и обхватывая рукой шею Бѣлоконова.

— Ну-ну, ладно, выгребай всё и поѣзжай сама. По ея счету на ассигнаціи, это, вѣдь, тысяча четыреста рублей. Сразу не показывай, не то старая карга заграбастаетъ всё и на придачу моськи не дастъ. А покупай-то ему,—и онъ указалъ на меня.

Я сталъ возражать, но Аглая убѣждала, не давши мнѣ договорить, и черезъ нѣсколько минутъ мы слышали, какъ по двору загремѣли дроги, уносившіяся во всю прыть лихой тройки. Меня охватило такое волненіе, что я не могъ выдержать и получаса этой томительной неизвѣстности, и черезъ садъ направился пѣшкомъ по дорогѣ къ усадьбѣ Карабашевой. Село было уже видно, когда изъ за кустовъ тихою рысцей выѣхала мнѣ на встрѣчу наша тройка. Аглая сидѣла въ дрогахъ одна. Я замеръ на мѣстѣ.

— Опоздала,—сказала Аглая упавшимъ голосомъ, поровнявшись со мной,—увезли голубку, купили за тысячу двѣсти ассигнаціями какіе-то донскіе козаки... †

Я опомнился лишь на слѣдующее утро съ ледянымъ компрессомъ на головѣ. Несмотря на всё уговоры Бѣлоконова и Аглаи, я въ тотъ же вечеръ рѣшилъ уѣхать, не могъ я дольше тамъ оставаться и, кажется, понялъ, почему запылъ Тритоновъ, отчего онъ буйствовалъ и вопилъ «pereant»...

И вотъ также точно, какъ въ семидесятихъ годахъ въ номерѣ уѣздной гостиницы, я сидѣлъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, у раскрытаго окна моего павильона. Такъ же точно сквозозъ темную листву деревьевъ пробивался голубоватый свѣтъ луны, неясный шорохъ пробѣгалъ по саду, издали доносился лай собакъ, отъ времени до времени раздавался гдѣ-то перебой трещетки караульнаго, а въ углу лежалъ раскрытый чемоданъ. За окномъ мелькнула бѣлая тѣнь, неслышно приблизилась ко мнѣ, обнаженная рука обвилась вокругъ моей шеи, жаркія губы припали долгимъ поцѣлуемъ къ моему лбу, страстные уста шептали мнѣ:

— Ты добрый, милый... такого можно любить. Прощай, помни Аглаю, помни Клеопатру, она любила бы тебя...

Я вздрогнулъ, чуть не вскрикнулъ: не въ воспоминаніяхъ, не въ мечтахъ, а на яву все это повторилось черезъ двадцать лѣтъ, — и тотъ же поцѣлуй, горячій, долгій, и тотъ же нѣжный шепотъ:

— Такого можно любить. Помнишь Аглаю?

Только на этотъ разъ Аглая не исчезла, какъ тогда.

— Аглая, вы?— очнулся я.

— Да, милый, добрый баринъ. Можно къ вамъ? Я къ вамъ войду.

Она вошла и тотчасъ же всякая иллюзія пропала, — это была дѣйствительно Аглая, но только уже не та, не даромъ, видно, столько лѣтъ прошло. Правда, ей никто бы не далъ и теперь больше двадцати пяти лѣтъ и по лицу, и по фигурѣ, не стянутой ни корсетомъ, ни лифомъ. На ней была тоненькая, полупрозрачная ночная кофта съ кружевными вставками и бѣлая юбка съ дорогимъ шитьемъ. Двѣ толстыхъ, темныхъ косы низко падали за спину. Очень была эффектна эта женщина, очень хороша, но непривлекательна, а только соблазнительна въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова. Я всталъ, хотѣлъ надѣть что-нибудь. Она остановила:

— Ну, что за церемоніи? Видите, какая я къ вамъ пришла? Оба мы съ вами не молоденькіе, и друзья мы старые.

И она совсѣмъ уже безцеремонно обняла меня, поцѣловала въ губы. Мнѣ противно стало до омерзения, дѣло принимало характеръ не дружеской встрѣчи, а какого-то гаденькаго свиданія проѣзжаго на постояломъ дворѣ съ уѣздною гетерой. Ни въ двадцать лѣтъ, ни въ сорокъ я выносить не могъ дамъ этого сорта. Естественно, что холодъ почувствовался, и намъ обоимъ стало неловко. Я нагнулъ дорожный плащъ и сѣлъ опять къ окну.

— Садитесь, Аглая, — пригласилъ я ее, подвигая другой

стулъ.—Какъ живете, какъ жили? Расскажите, какъ разстались съ Бѣлоконовымъ?

Про это я слышалъ что-то очень смутное. Самъ Дмитрій никогда не говорилъ и уклонился отъ разговора, когда я спросилъ про Аглаю, при встрѣчѣ съ нимъ въ Москвѣ тою же зимой.

— Извѣстно, какъ разставались съ грѣпостными любовницами, особливо такіе-то Митяюшки!—Она неприятно размѣялась.— А живу ничего, не пропала, какъ видите.

— Что же, разлюбилъ и отпустилъ на волю, какъ общалъ?—спросилъ я, интересуясь прошлымъ больше, чѣмъ настоящимъ, которое, на самомъ дѣлѣ, было достаточно видно.

— Общалъ!... Дура я была, что барскимъ общаніямъ вѣрила. Вольную надо было тогда же вытянуть у него и можно было. Дура-дурой и осталась... а онъ вышелъ самымъ послѣднимъ челоуѣкомъ.

— Что же онъ сдѣлалъ, однако?

— А вотъ что сдѣлалъ: по осени, какъ вы уѣхали, припожала къ намъ, нежданно-негаданно, тетенька ихняя, княгиня, вы, вѣдь, знаете ее, вамъ тоже сродни доводится. Приѣхала ничего себѣ, живетъ день, другой и третій. Меня, извѣстное дѣло, сейчасъ же изъ дома убрали, скорымъ маршемъ на деревню, въ горницу къ старостѣ. Я ни сномъ, ни духомъ не чую, какъ ночь, приходитъ за мной буфетчикъ Савельичъ и въ вашъ павильонъ. Баринъ при тетенькѣ туда перебрался. Только на четвертый день отъявляется Степанида Андреевна, лицо щучье: «Пожалуйте, говорить, къ ихъ сіятельству, изволятъ къ себѣ требовать». — «Не пойду, пусть баринъ прикажетъ». — «И они, говорить, приказывали». — «Не пойду, пусть самъ придетъ за мной...» Такъ Степанида ни съ чѣмъ и отправилась. Немного погодя, смотрю—Степанида и съ Савельичемъ: «Пожалуйте, привести приказано, не пойдешь—силкомъ поведутъ». Дѣлать было нечего, пошла. Осмотрѣла меня княгиня; я ни жива, ни мертва. «Ничего, говорить, вкусъ не дурецъ. Что дѣлать умѣешь?» — «Все, говорю, умѣю, ваше сіятельство». — «А это и совѣмъ хорошо. Собирайся, черезъ часъ ты со мною поѣдешь». Вывели меня подъ руки, опаматовалась я въ дѣвичьей и завыла на весь домъ: не поѣду я добромъ, хоть расказни меня. «Свяжутъ, да повезутъ, и глотку заткнуть платкомъ», — утѣшаетъ Степанида. А я говорю: «Пусть баринъ одно слово скажетъ, коли языкъ у него повернется, тогда и вязать не надо, все сдѣлаю...» И что же, вышелъ, на самомъ лица нѣтъ, глаза красные, плавалъ, губы дрожать, на меня не смотритъ, сталъ въ дверяхъ и говорить:

«Что дѣлать, Аглая, должна ты ѣхать; стало быть, судьба наша такая. Я и самъ такой же, какъ ты, подневольный». Такъ меня, рабу—не Божию, а господскую, забрали и увезли за семьсотъ верстъ. Княгиня, царство ей небесное, была барыня добрая, обходительная, всю дорогу утѣшала меня, потомъ, какъ къ нимъ въ домъ привезли, черезъ день-другой позвала и говоритъ: «Вотъ что, Аглаечка, понравилась ты мнѣ и губить тебя я не хочу. Рѣшила было я носу тебѣ отрѣзать и на деревню за вдоваго мужика замужъ отдать. Да волосъ твоихъ стало жалко, а теперь отпустить отъ себя такую дѣвку не желаю. Выбирай сама изъ дворовыхъ лоботрясовъ любаго и выходи замужъ, при мнѣ будешь второю камеръ-фрау». Чего мнѣ было выбирать, нешто Митяюшку-то я выбирала, я и отвѣтила: «Пусть ужъ меня выбираютъ, ваше сіятельство, въ навязъ я не хочу. А во всемъ воля ваша. Коли изволите, я и въ дѣвкахъ вѣрною рабой вамъ буду». Княгиня не согласилась. «Нельзя, дескать, не дѣвица ты и не замужняя, а такая при мнѣ находится не можетъ». На другое утро позвала меня къ себѣ старшая камеръ-фрау и сказала, что просить меня у барыни въ замужество за себя кондитеръ Семень, ѣздившій съ княгиней въ Нагорное. Я все то же отвѣтила, что мнѣ все равно: за Семена ли, за кого другаго. Такъ насъ и повѣнчали.

— Какъ же Дмитрій согласился? Вѣдь, онъ любилъ васъ, сами же говорите, что огорченъ былъ, плакалъ.

— Что вашъ Дмитрій! Тѣфу!... Вотъ и вся ему цѣна!—Она плюнула и въ волненіи прошла по комнатѣ.—Потомъ я все узнала, мужъ рассказалъ и сама княгиня. Провѣдала это она про меня и испугалась, какъ бы ея Митеньга не привязался ко мнѣ, какъ бы не женился на дѣвкѣ. Вотъ и прикатила сама, припугнула, что лишитъ наслѣдства. А ему, вѣдь, половина приходилась, своихъ-то дѣтей у княгини не было. Онъ и такъ, и сякъ, —на волю, молъ, обѣщаль. Знать ничего не захотѣла княгиня, съ вольной-то и вовсе не справишься, живо обкрутить... И обкрутила бы, это вѣрно. А какъ перекрутили самое съ крѣпостнымъ человѣкомъ, тутъ ужъ не вырвешься. И вышелъ вашъ Дмитрій то же, что наша Оекла: та меня за триста цѣлковыхъ продала, этотъ—за триста тысячъ. Только старая вѣдьма продавала крѣпостную дѣвку, а этотъ кого? Жену, вѣдь,—не вѣнчанную, а, все-таки, жену, по-нынѣшнему, гражданскую супругу... Вотъ что вашъ Дмитрій!

— Какъ же вы въ польку превратились, изъ Аглаи сдѣлались Юзефой?

— Это уже потомъ,—проговорила она нехотя.—Когда воля

вышла, мы уѣхали съ Семеномъ въ Варшаву, выучилась я по-польски. Впослѣдствіи его пригласили въ Вильну поваромъ при клубѣ. Тамъ офицерства много... польки нравятся. Семень и передѣлалъ меня въ Юзю и поставилъ за буфетомъ. Хорошая тамъ была жизнь, веселая...

Аглая близко подошла ко мнѣ, закинула обѣ руки за голову и, какъ-то особенно выгибаясь и потягиваясь, сказала:

— Пойду... поздно ужь, свѣтаетъ.

— А что Клеопатра?—спросилъ я.

— Ничего про нее не знаю. Покойной ночи.

Мы холодно пожали другъ другу руки. Взявшись за скобу двери, Аглая остановилась въ полъ-оборота ко мнѣ и съ недовольною усмѣшкой проговорила:

— А что, если бы такъ-то вотъ пришла къ вамъ не Аглая, а Клеопатра, небось иные были бы у васъ разговоры.

Она захохотала гадкимъ смѣхомъ и вышла изъ комнаты. На другой день я уѣхалъ, не выдавши Аглаи.

Ростковъ кончилъ и залпомъ выпилъ холодный чай изъ стояшаго передъ нимъ стакана. Молодой профессоръ первый нарушилъ молчаніе, длившееся съ минуту.

— Любопытный архивный документигъ... И люди жили, могли жить при такихъ порядкахъ и быть довольными, веселыми, счастливыми, справлять свои медовые мѣсяцы!

— Позвольте, однако,—заговорилъ одинъ изъ гостей,—какіе же это люди? Этотъ Бѣлоконовъ, покупающій красивыхъ дѣвушекъ; эта Фегла, баба-яга, воспитывающая дѣвицъ на продажу, торгующая ими, какъ моськами; эта княгиня, наконецъ, рѣжущая имъ косы и отдающая насильно замужъ потому, изволите видѣть, что бѣея сіятельству могутъ приближаться только весталки, да матроны дворовыя... Развѣ же это люди? Звѣрье какое-то!

— Извините,—вступился Ростковъ,—все это люди, какъ люди, только люди своего времени и такіе, какими ихъ сдѣлало время. И были они ничуть не хуже нынѣшнихъ людей. Повѣрьте старику, не люди были дурны, ужасно было время. И слава тѣмъ, по чьей милости оно миновало. Не забывайте одного, что руками этихъ людей, вотъ такихъ, какъ Бѣлоконовъ, уничтожено крѣпостное право и сданы въ архивъ старыя, возмущающіе васъ порядки. И я сообщилъ вамъ мою справку изъ этого архива не для характеристики лицъ,—ея и нѣтъ въ моемъ рассказѣ,—а для того, чтобы представить маленькую картинку «добраго стараго времени», полу-

забытаго теперь. Я уже не говорю о такихъ господахъ, какъ на-
смердѣвшій здѣсь своими духами Мансловъ, но люди, много круп-
нѣе его, люди, вполне искренніе и чтимые по заслугамъ, убѣжден-
но пускаютъ въ оборотъ мнѣніе, будто общественная нравствен-
ность не зависитъ отъ существующихъ законовъ, а наоборотъ: все
хорошо и превосходно будетъ, если люди будутъ хороши и добро-
дѣтельны. Такъ вотъ изъ моей справки вы уже сообразовали сами
вывести заключеніе, насколько такое установленіе, какъ крѣпост-
ное право, способствовало нравственному подъему власть имѣв-
шихъ и подъ властью обрѣтавшихся... За симъ, простите...

Ростковъ поклонился, спѣшно пожалъ руку хозяину и вышелъ.

М. Аютинъ.

НА ЗАКАТѢ.

(„Sur le retour“, романъ Поля Маргеритъ).

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Въ Аттиньи полковникъ де-Франкёръ вышелъ изъ вагона перваго класса, удивляя желѣзно-дорожныхъ служащихъ своимъ высокимъ ростомъ, широкою грудью, общимъ видомъ богатыря въ штатскомъ платьѣ съ орденскою ленточкой въ петлицѣ. Въ немъ сразу можно было распознать лотарингца, по крупной угловатой головѣ, по голубымъ глазамъ съ густыми рѣсницами, по огромнымъ бѣлокурнымъ усамъ. Властной рѣзкости манеръ противорѣчило простое и доброе выраженіе лица. Здоровенный денщикъ, отлично вышколенный, одѣтый въ синюю ливрею, выскочилъ изъ третьяго класса.

— Вотъ что, молодчина мой Жанъ, за нами не выѣхали. Я забылъ предупредить; приготовленная телеграмма оказалась въ карманѣ моего пальто.

Она тамъ лежала со вчерашняго дня, къ совершенному недоумѣнію полковника, почти увѣреннаго въ томъ, что онъ лично сдалъ ее на телеграфъ. Денщикъ стоялъ на вытяжку, держа руку у козырька фуражки. Командиръ прибавилъ:

— Управляйся тутъ, какъ знаешь, а я пойду пѣшкомъ.

Начальникъ станціи, услыхавъ это, поклонился и сказалъ:

— Вамъ надо въ замокъ Люзермъ, — и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — я сейчасъ отправлю багажъ; наши рабочіе доставятъ его на тачкѣ.

Желая показать, что онъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ договорилъ:

— Васъ тамъ ждали всѣ эти дни, графъ.

Внезапный громкій лай заставилъ его вздрогнуть: то выскочилъ

изъ собачьяго отдѣленія багажнаго вагона и бросился къ нимъ громадный рыжій песъ съ страшными бѣлыми зубами.

— Иси, Тигіаль!—крикнулъ на него полковникъ и, направляясь къ выходу, попросилъ указать самую ближнюю дорогу. Услужливый начальникъ станціи пустился въ подробнѣйшія объясненія.

Въ эту минуту прислушивавшійся къ ихъ разговору господинъ остановился у ожидавшей его англійской телѣжки, обернулся и, снимая шляпу, проговорилъ:

— Извините... Я весьма радъ былъ бы... Позвольте представиться: Жюго, сосѣдь и товарищъ по охотѣ господина виконта де-Франкёръ. Какъ разъ сегодня я имѣю удовольствіе обѣдать у него въ замкѣ. Осмѣлюсь предложить вамъ мѣсто въ моемъ экипажѣ.

Молодой, темнолицый, обросшій черными жесткими волосами, съ красными жилками въ бѣлкахъ глазъ и съ выдающеюся нижнею челюстью, онъ имѣлъ видъ немного звѣрскій и зайосчивый, чего не скрадывала любезная улыбка.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ полковникъ, оглядѣвши незнакомца, его маленькій экипажъ, наваленные въ него чемоданы и гружа, державшаго лошадь.—Я не желалъ бы васъ стѣснить, къ тому же, и пѣшкомъ я пройду съ удовольствіемъ.

Поблагодаривши еще разъ этого господина и начальника станціи и раскланявшись съ обоими, полковникъ пустился въ путь по тропинкѣ, окаймленной шиповникомъ въ полномъ цвѣту. Тигіаль понесся впередъ, какъ сумасшедшій.

Пусто было кругомъ, въ воздухѣ не шелохнулось, всюду покой и тишина, поражающіе на первый разъ людей, привыкшихъ къ городскому шуму. Солнце, перешедшее часа на три за полдень, обливаетъ все горячими красноватыми лучами. На горизонтѣ синѣютъ лѣса, блестятъ жнива въ поляхъ, тамъ и сямъ висятъ скирды соломы, дорога окаймлена яблонями, слышится журчаніе ручейковъ, все свидѣтельствуетъ о плодородіи Арденскаго края. Изъ-за кустовъ раздается крикъ перепела. Августовское небо ласкаетъ чистотою своей лазури, кое-гдѣ точно замерли неподвижныя облачка барашками, съ запада едва замѣтно выдвигаются имъ на встрѣчу мелкія тучки, похожія на хлопья золотистой ваты.

Франкёръ, въ наивности своей души, почувствовалъ если не красоту, то мягкую нѣжность этого пейзажа. Ему казалось, будто онъ опять въ своей милой Лотарингіи, которую онъ любилъ дѣтскою любовью, такъ какъ въ ней онъ родился, и сердцемъ солдата скорбѣлъ о родной землѣ, все еще угнетаемой врагомъ.

Отъ отца, крупнаго землевладѣльца въ окрестностяхъ Туля, онъ

унаследовалъ благоговѣйное уваженіе къ землѣ и съ особенною нѣжностью относился ко всему, что она даетъ добраго и полезнаго для людей и животныхъ. Вспомнились ему также счастливые годы дѣтства, когда ребенкомъ онъ бѣгалъ по саду и обширному парку, упиваясь воздухомъ и свѣтомъ, и урывался съ толпою мальчишекъ то обивать орѣхи, то подраться съ ребятами-подростками соседняго села. Навсегда живымъ осталось въ немъ чувство глубокой нѣжности къ природѣ, и на большихъ маневрахъ онъ строго запрещалъ своимъ кирасирамъ грабить сады и портить поля.

И эта незнакомая страна, по которой онъ шелъ бодрымъ шагомъ, навѣяла на него ощущеніе необычнаго довольства, ликующаго сознанія силы и здоровья. Могучею грудью вдыхалъ онъ этотъ чудный воздухъ, напоенный ароматомъ меда, свѣжестью зелени, срывалъ вѣтку кустарника и грызъ ее, — ему нравился горьковатый вкусъ ея сока. Проходившій мимо полевой сторожъ поклонился ему, потомъ встрѣтилась старуха, согнувшаяся подъ тяжестью мѣшка съ картофелемъ. И ему необыкновенно пріятны были эти встрѣчи. Въ его головѣ промелькнули давно забытые образы фермеровъ и рабочихъ его отца, и опять изъ-за двадцатипятилѣтней военной службы нахлынули воспоминанія о былой милой деревенской жизни.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ выпавшей на его долю свободы на три мѣсяца отпуска, который онъ рѣшился выпросить себѣ, по настояніямъ брата. Ревностный служака, обожавшій свой полкъ, вѣчно имъ занятый, Франкѣръ безъ малѣйшаго сожалѣнія думалъ о томъ, что на ученія ходить теперь не придется и помощникъ полковаго командира отлично управится со всѣмъ въ его отсутствіе. Въ первый разъ онъ былъ непрочь забыть на время лица своихъ офицеровъ, казарму, смотры, всѣ подробности сложнаго дѣла командованія полкомъ, улицы и обывателей Вердена, гдѣ расположенъ его полкъ, и занимали его только мечты о радостномъ свиданіи съ братомъ, о предстоящемъ болѣе близкомъ знакомствѣ съ его женою.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ едва успѣлъ повидать ихъ, когда они возвращались съ Мартиники, послѣ восьми лѣтъ отсутствія. Притомъ, жизнь и разница въ годахъ всегда мѣшали сближенію братьевъ, несмотря на то, что они искренно любили другъ друга. И вотъ послѣ долгой разлуки очень пріятно было свидѣться теперь съ Маркомъ у его тестя и тещи, супруговъ Фавье, богатыхъ креоловъ, переселившихся во Францію и проводившихъ лѣто въ купленномъ ими замкѣ Люзернѣ, въ трехъ миляхъ отъ Живе.

Дорога потянулась вдоль поля, засаженнаго свежлой, опушка свѣженькаго лѣска бросала кайму тѣни, ограженный смолою мос-

и въ вѣлъ черезъ быструю рѣчонку, въ которой длинныя стебли ворослей извивались точно змѣи. Скоро показалась колокольня, за нею—темныя крыши. Узкая тропинка видѣлась между ветлами, по ней можно было дойти скорѣе. Набѣгавшійся Тигиаль высунул языкъ и шелъ уже позади своего господина. Франкѣръ поласкалъ своего любимца и улыбался, вспомнивши про забытую въ карманѣ аграмму, благодаря чему онъ явится неожиданнымъ и застанетъ съхъ врасплохъ.

Въ чувству довольства примѣшивалось, однако, и нѣчто болѣе серьезное: грустный взглядъ зрѣлаго возраста на безвозвратно шедшее прошлое, смутное сожалѣнiе о давно минувшей молодости о неудержимо бѣгущихъ годахъ, а такъ же о всемъ, чего недоставало въ жизни, что было въ ней безтолковаго и бесплоднаго для него самого и для близкихъ ему, даже при наиболѣе счастливо складывавшихся обстоятельствахъ.

На тропинкѣ послышался вдругъ звонъ колокольчика, вродѣ съхъ, что привязываютъ на шею коровамъ. Показался крестъ, который несъ мальчикъ-церковникъ, впереди шелъ старый священникъ въ облаченіи съ дароносицей въ рукахъ,—онъ спѣшилъ напутствовать умирающаго. Онъ только взглядомъ привѣтствовалъ складывшагося передъ святыней полковника, мальчикъ обернулся поглядѣться собакой, и оба исчезли за деревьями.

Чувство глубокой печали шелохнулось въ душѣ Франкѣра при этой встрѣчѣ. Ему припомнилась его мать, скончавшаяся въ прошломъ году. Она жила съ нимъ, вела все его хозяйство. Когда ея не стало, домъ вдругъ опустѣлъ. Въ этой потерѣ онъ до сихъ поръ не могъ утѣшиться, какъ по сыновней любви, такъ и потому еще, что желѣе налегло на него сознаніе безотраднaго одиночества въ предстоящей унылой жизни стараго холостяка. Это тоскливое состояніе покидало его уже пятнадцать мѣсяцевъ и опять захватило какою-то спазмой въ горлѣ, вызывавшею легкое сухое покашливаніе, всегда появлявшееся въ минуты смущенія или волненія и хорошо знакомое его офицерамъ.

Онъ постарался отогнать эти воспоминанія, встряхнулся и выдвинулся чисто-военнымъ движеніемъ стана, и вся нѣжность его сердца обратилась, естественно, къ тѣмъ, кого онъ спѣшилъ обнять. И въ его воображеніи они представились ему такими, какими были въ дни юности, только что повѣнчанными супругами: его невестка—уроженка Мартиники, молодая вдова съ матовымъ цвѣтомъ лица и восхитительными черными глазами, его братъ, Маркъ,—изящный и красивый аташе посольства. Такими ихъ со-

хранила его память за все время разлуки, несмотря на то, что Марк давно оставилъ дипломатическую карьеру, несмотря на неизбежность переменъ, которыя должны были произойти въ нихъ за эти восемь лѣтъ супружества и привольной жизни въ колоніяхъ. Ужъ восемь лѣтъ... Какъ жизнь идетъ быстро!

Боязнь старости заставила полковника перенести свое вниманіе на самого себя. Его успокоила увѣренность въ собственныя силы: онъ никогда не былъ болѣнъ. Движенія его были гибки и стройны, онъ не полнѣлъ, ежедневныя упражненія поддерживали крѣпость тѣла, бодрость второй молодости людей, никогда не злоупотреблявшихъ первою молодостью. Сила, которою онъ гордился и славился въ арміи, ничуть не убывала и представляла надежный запасъ на будущее время.

Съ лѣвой стороны тропинки показалась каменная стѣна, ограживающая паркъ. вмѣсто колючекъ изъ битаго стекла, гребень ея былъ покрытъ настоящимъ ковромъ желтаго моха, усыпаннымъ голубыми цвѣтами колокольчиковъ. За стѣною слѣдовалъ частый колъ, и его заостренные зубы выдавались изъ-подъ густой заросли настурцій и душистаго горошка. За нимъ виднѣлась овальная лужайка англійскаго газона. Между четырьмя купами бѣлыхъ акацій и альпійскаго ракитника желтѣли усыпанныя пескомъ дорожки, ведущія къ замку, красивыя очертанія котораго выступали изъ за вѣковыхъ липъ розоватыми кирпичными стѣнами, темными шиферными крышами и легкими башенками по угламъ. Въ гладкомъ зеркалѣ пруда все это отражалось въ опрокинутомъ и немного потускнѣвшемъ видѣ. На всемъ видна печать роскоши и вкуса. Рѣшетчатые ворота съ позолотой на верхушкахъ копій полуотворены. Полковникъ де-Франквѣръ вошелъ.

II.

Онъ почувствовалъ себя какъ бы дома, — такъ привѣтливо показалось ему все кругомъ. Розановъ безъ числа въ полномъ цвѣту розовыхъ, красныхъ, гранатныхъ, палевыхъ, такъ и захватывающихъ нѣжнымъ ароматомъ. Въ перемежку съ ними геліотропья льютъ свое раздражающее благоуханіе. Пахнетъ будуаромъ и женщиной. Впечатлѣніе пріятное, немного расслабляющее, слегка дразнящее чувственность, сладко щекотало нервы де-Франквѣра, усиливало его волненіе въ ожиданіи встрѣчи съ дорогими его сердцу.

Онъ оглядывался кругомъ, въ надеждѣ увидать брата и его жену гдѣ-нибудь на поворотѣ дорожки, и заранѣе предвкушалъ ихъ ра-

ость. Или вот-вот откроется занавѣсъ окна, милые глаза узнаютъ его, милые люди выбѣгутъ ему на встрѣчу. И чѣмъ дальше онъ подвигался впередъ, тѣмъ настойчивѣе примѣшивалось къ его ожиданію нѣчто слегка тревожное, всегда предшествующее свиданію съ дорогими людьми,— то внутреннее безпокойство, которое выдвигается изъ нетерпѣнія и смутнаго страха передъ какимъ-то разочарованіемъ: такъ вотъ и представляется, что дома ихъ нѣтъ ни болѣе кто-нибудь. Отъ такихъ мыслей не по себѣ ему стало. Нельзя сказать, чтобы полковникъ былъ изъ впечатлительныхъ и нервныхъ людей, но, при всей непоколебимой крѣпости здоровой натуры, онъ сердцемъ обладалъ очень добрымъ и нѣжнымъ.

И вотъ теперъ, въ тишинѣ и безлюдьи этой большой усадьбы, онъ сознавалъ себя одинокимъ; своего рода робость, которую испытываютъ порою самые смѣлые и храбрые люди, заставила его задумать шагъ и свернуть на боковую дорожку,—такъ смущали его на замка своими стеклянными взглядами.

Издали доносились въ чистомъ воздухѣ неясные звуки, вблизи же-то явственно скребли грабли, пронесся стукъ въѣзжающаго экипажа и смолкъ тотчасъ же. И вдругъ изъ-за кустовъ, къ которымъ бросился Тигіаль, мелькнуло бѣлое платье, раздался легкій шорохъ. Полковникъ поспѣшилъ туда. При видѣ его молодая красивая дѣвушка, испуганная внезапнымъ появленіемъ собаки, выронила изъ рукъ цѣлый снопокъ только что срѣзанныхъ розъ, рассыпавшихся вѣтвистымъ ковромъ у ея ногъ. Въ своемъ смущеніи, краснѣющая, въ полуоткрытомъ ротѣ и страхомъ во взорѣ, она напоминала загнутую врасплохъ богиню скромности.

Де-Франкѣръ поспѣшилъ извиниться и началъ торопливо подбирать цвѣты.

— О, не безпокойтесь,—проговорила она.

На ней были маленькіе башмачки изъ желтой кожи, стягивавшіе стройныя ножки. И онъ невольно ихъ замѣтилъ. Дѣвушка тоже склонилась помочь ему собрать цвѣты. Наклонившись оба, слишкомъ близко другъ отъ друга, они спѣшили, кололи пальцы шипами, вырывали какіе-то безсвязные обрывки фразъ, дѣлали неловкости, лишеныя извѣстной прелести и немного забавныя, какими бываютъ нерѣдко самыя ничтожныя мелочи жизни.

— Извините и позвольте поблагодарить васъ, — сказала она, выпрямляясь, вся засыпанная лепестками розъ. Она уже улыбалась, хотя не успѣла еще оправиться, что замѣтно было по учащенному движенію вѣкъ и трепету ея корсажа.—Ну, не глупо ли было такъ испугаться этой доброй собаки?

Она ласково смотрѣла на Тигіалю и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, вызваннымъ его огромнымъ ростомъ, горящими глазами и настоящими волчьими клыками. А «добрая собака» далеко не спокойно, съ своей стороны, слѣдила внимательно за движеніями своего господина, лицо котораго не предвѣщало ничего хорошаго, и когда тотъ вынулъ изъ кармана тонкую и гибкую ременную плетку, она задрожала всѣмъ тѣломъ.

— О, прошу васъ, не бейте ее!

— Чтобы сдѣлать вамъ угодное,— сказалъ полковникъ серьезно и, вложивши плетку въ пасть собаки, послалъ Тигіалю ползкомъ покорно отнести орудіе наказанія къ ногамъ молодой дѣвушки.

— Милое животное! Нѣтъ, не злое оно... Вѣдь, это было такъ, чтобы поиграть только. Какая чудная собака! Какъ зовутъ тебя?

Дѣвушка приласкала собаку. Къ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ этой неожиданной сцены вернулось хорошее настроеніе, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, явилось и любопытство узнать другъ друга. На обращенный къ собакѣ вопросъ полковникъ отвѣтилъ:

— Мою собаку зовутъ Тигіаль, а я графъ де-Франкёръ.

Дѣвушка вскинула на него быстрый взглядъ, въ которомъ свѣтились удивленіе и радость и воскликнула:

— Ахъ, какъ они будутъ довольны!

И онъ, любуясь молодостью и блескомъ юной жизни, заинтригованный узнать, кто она, и не смѣя спросить о ея имени, сказалъ:

— Какъ же они поживаютъ?

— Отлично, Лилія только что вернулась съ своими родителями. Я слышала, какъ они подѣхали.

— А мой братъ?

— Вы найдете его на террасѣ съ баронессой де-Бретъ, мадамъ Жюмьежъ и съ моею теткой.

— Съ вашею теткой? Не имѣю ли я чести говорить съ мадемуазель де-Кержюзанъ?

— Совершенно вѣрно,—и ея лицо слегка вспыхнуло.

Эти дамы, которыхъ онъ не зналъ, были кузины Лиліи и пріѣхали съ Мартиники въ одно время съ ея родителями, предполагая провести лѣто у нихъ въ замкѣ. Полковникъ слышалъ объ этомъ, но потомъ забылъ. Въ его головѣ оставалось еще одно недоумѣніе:

— У васъ есть очень молоденькая сестра, мадемуазель?

— Нѣтъ, мосье,—отвѣтила она,—почему вы это думаете?

— Мой братъ писалъ мнѣ... и я полагаю... Кто же такая мадемуазель Ивелина, которой нѣтъ еще пятнадцати лѣтъ?

— Да это я, мосье...

И она покраснѣла, какъ роза. Ея дѣвическая скромность всегда вводила ее въ смущеніе при невольномъ и лестномъ для нея изумленіи новыхъ знакомыхъ, принимавшихъ ее за вполне сформированную, двадцатилѣтнюю женщину, какою она казалась, благодаря своему происхожденію отъ креоловъ и климату колоній, гдѣ цвѣты распускаются пышнѣе и плоды созрѣваютъ быстрѣе.

— Прошу извинить меня, — проговорилъ полковникъ почтительно.

Онъ понялъ теперь, почему дышетъ такую свѣжестью ея матовый цвѣтъ лица съ нѣжными переливами чайной розы. Онъ любовался пышнымъ жгутомъ ея черныхъ волосъ, и граціозная гибкость юнаго стана казалась ему полною простоты и прелести. Въ особенности нравились ему ея естественность, выраженіе искренности, что рѣдко случалось ему видѣть у свѣтскихъ дѣвушекъ, и ея чудные глаза, ясные, какъ у ребенка. Снопъ цвѣтовъ, который она держала, охвативши обѣими руками, распространялъ нѣжный и сильный аромать, точно весь садъ она уносила съ собою.

— Какія восхитительныя у васъ розы! — сказалъ онъ, любуясь цвѣтами и еще больше дѣвушкою, быть можетъ.

Она отвѣтила сдержанно:

— Мадамъ де-Франкѣръ такъ любитъ цвѣты.

— Вы руку накололи?—Онъ увидалъ на ея ругѣ каплю крови величиной въ булавочную головку.

— О, это ничего, —выговорила она тихо.

Направляясь къ замку, они вышли на площадку, усыпанную гравіемъ, гдѣ изъ-за апельсинныхъ деревьевъ сверкали стекла теплицы. Дѣвушка слегка наклонила голову и сказала:

— Тутъ прямо и будетъ терраса.

— Очень благодарю васъ, мадемуазель.

Де-Франкѣръ низко поклонился, и она удалилась. Эта короткая встрѣча оставила въ немъ впечатлѣніе очаровательной неожиданности. Ему казалось, что въ воздухѣ еще проносится ароматная струя. Прелесть молодой дѣвушки, съ перваго шага по пріѣздѣ, онъ принялъ за счастливое предзнаменованіе и сталъ искать глазами брата. Кто изъ нихъ двухъ первый увидитъ другаго?

III.

Маркъ не увидалъ его, такъ какъ стоялъ къ нему спиной. Высоко взмахивая сѣткой, онъ игралъ въ воланъ съ двумя дамами, стоявшими противъ него. Онѣ замѣтили полковника. Маркъ обернулся

и съ радостно протянутыми руками бросился на встрѣчу. Послѣ мгновенія колебанія, вслѣдствіе сознанія нѣкоторой неловкости и бызваться при свидѣтеляхъ, они обнялись.

— Вотъ такъ пріятный сюрпризъ! Ты что же не предупредилъ?—и, не дожидаясь отвѣта, Маркъ продолжалъ:—Я предствлю тебя дамамъ.

Графъ де-Франкёръ поклонился, онѣ встрѣтили его привѣтными улюбками: мадамъ де-Бретъ, маленькая, хорошенькая женщина съ свѣтло-золотистыми волосами, съ вздернутымъ носикомъ и блѣдно-голубыми глазами, въ которыхъ свѣтилось что-то насмѣливое и задорное, мадамъ Жюмьежъ — не красивая и не молодая но необыкновенно стройная и очень изящно одѣтая.

— Я помѣшалъ вашей игрѣ, — сказалъ полковникъ съ вѣжливымъ сожалѣніемъ.

Ему на самомъ дѣлѣ показалось, будто онъ явился не во-время. Никто, впрочемъ, не выказалъ недовольства, всѣ продолжали играть, но приходъ его порвалъ ту непрочную связь, которая единяетъ людей въ обществѣ. Его братъ былъ, повидимому, очень радъ, но какою-то сдержанною радостью.

— Ты видѣлъ Лилію и ея родителей?

— Никого не видалъ, я прямо съ поѣзда.

И полковникъ замѣтилъ, какъ взгляды Марка инстинктивно ратились къ госпожѣ де-Бретъ.

Она тѣмъ временемъ подошла къ столу, на которомъ стояло испанское вино и ледъ.

— Не хотите ли освѣжиться, графъ?—предложила она фамильярно.

Онъ поблагодарилъ и отказался.

— Пойдемте и заберемъ тѣхъ господъ изъ-за ихъ партіи биліарда. Вѣдь, вашъ мужъ тамъ... — сказала она, смѣясь, и Жюмьежъ, и обѣ онѣ быстро исчезли.

Маркъ проводилъ ихъ взглядомъ, потомъ обернулся. Его лицо совершенно измѣнилось: на этотъ разъ передъ полковникомъ былъ уже настоящій Маркъ, безъ дѣланной свѣтской улыбки мужчины въ обществѣ женщинъ, — Маркъ прямой и открытый, беззаботно веселый и мило-привѣтливый.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ брату, — пойдемъ скорѣе, — и онъ торопилъ полковника, дѣлая видъ, будто не замѣтилъ двухъ дамы вышедшихъ изъ оранжереи, довольно далеко отъ нихъ, впрочемъ. Это мадемуазель де-Кержюзанъ; успеешь насмотрѣшься на нее объѣдомъ.

— А та, другая?

— Эта—такъ, компаньонка баронессы.

И онъ тотчасъ же продолжалъ:

— Ахъ, милый мой Робертъ, какъ же я радъ! Отлично ты сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Лилія въ какомъ восторгѣ будетъ, а дѣвочки-то, дѣвочки!... Только и разговоровъ у нихъ, что о дядѣ полковникѣ. Вотъ заживемъ! Наконецъ-то ты собрался верѣпкую, не урывкомъ, и вся наша семья въ сборѣ.

— Не вся,—сказалъ старшій братъ.

Этотъ намекъ на смерть ихъ матери тронулъ Марка. Ихъ руки встрѣтились, сошлись въ крѣпкомъ пожатіи и уже не разъединялись. Такъ и продолжали братья идти рука въ руку.

— Милый, дорогой братъ!—проговорилъ Маркъ въ полголоса.

Они поднялись по лѣстницѣ, прикрытой плюшемъ, черезъ небольшую дверь прошли въ фехтовальную, обвѣшанную разными доспѣхами и рапирами, миновали потомъ комнату съ шкапами, гдѣ за стеклами блестѣли ружья и охотничьи принадлежности. Взгляды братьевъ встрѣтились; въ нихъ ясно выражалось обоюдное общаніе натѣшиться до сыта и фехтованіемъ, и охотой. Въ корридорѣ они остановились передъ затворенною дверью, ихъ руки разжались, Маркъ постучалъ въ дверь. Выглянула свѣженькая, хорошенькая камеристка. На вопросъ: можно ли войти?—она отвѣтила:

— Мадамъ одѣвается.

Маркъ сдѣлалъ плачевную гримасу ребенка, пойманнаго въ ту минуту, когда онъ что-то напроказилъ, потомъ сказалъ:

— Ну, если одѣвается...—и съ улыбкою, означавшей, что этого одѣванія хватить очень надолго, прибавилъ: — Пойдемъ-ка, большагъ мой, я покажу тебѣ твою комнату.

— А мосьё и мадамъ Фабье?

Маркъ взглянулъ на часы.

— Мы обезпокоимъ ихъ, у нихъ свои привычки.

Полковникъ осмотрѣлся; его Тигіаль, о которомъ онъ совсѣмъ забылъ, исчезъ куда-то. По справкѣ, наведенной у проходившаго мимо слуги, оказалось, что собака внизу при денщикѣ графа, только что прибывшемъ съ вещами. Приказано было препроводить ихъ наверхъ.

Пока денщикъ распаковывалъ чемоданы съ ловкостью человѣка «на всѣ руки», платье, бѣлье, а также большія коробки, перевязанные ленточками, братья перешли въ комнату, превращенную Маркомъ въ мастерскую.

По стѣнахъ висѣли картины, картоны съ этюдами виднѣлись

въ углу, на мольбертѣ стояло только что подмалеванное полотно Японскій костюмъ для натурщицы, богатый и потрепанный, валялся на диванѣ, манекенъ замеръ съ поднятыми вверхъ деревянными руками.

— Ого, да ты не на шутку занимаешься живописью! — наивнѣе сказалъ полковникъ, ничего не понимавшій въ искусствѣ и отнесившійся съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ занятіямъ брата.

— Мажу понемногу, — отвѣтилъ тотъ скромно. — Вотъ и стѣннѣ виды святаго Петра.

И передъ мольбертомъ, на которомъ стояло полотно съ неоконченною фигурой голой женщины, Маркъ спросилъ:

— А это какъ находишь?—и онъ повернулъ картину, чтобы дать ей лучшее освѣщеніе.

Полковникъ покачалъ головой, пріскривая подходящую похвалу.

— Это маленькая натурщица, изъ Парижа я выписалъ, — продолжалъ хозяинъ.

— А! — удивился старшій братъ, — натурщица... живая?

Маркъ весело улыбнулся, потомъ горячо обнялъ полковника.

— Совсѣмъ живая, милый мой старшой! Вотъ и это опять же... — и онъ показалъ ему этюды, на которыхъ та же натурщица фигурировала въ профиль, спиною, въ разныхъ видахъ и позахъ порою немного соблазнительныхъ.

— Ого-го! — выговорилъ графъ де-Франкёръ. — А твоя жена какъ относится къ этому?

— Да ей-то что же до этого? — Маркъ направился въ глубокую мастерскую еще за одною картиной. — Узнаешь ли вотъ эту особу?

Старшій братъ подумалъ, что тотъ хочетъ показать портретъ своей жены или которой-нибудь изъ дочерей, и уже заранѣе утѣшался, но тотчасъ же растерялся и заморгалъ глазами, увидавъ едва набросанный эскизъ головки мадамъ де-Бретъ.

— Да это... та дама?

— Баронесса, — подсказалъ Маркъ. — Прелестная женщина! Вотъ узнаешь ее поближе... Она гоститъ въ замкѣ де-Жозё, по часу ѣзды отсюда. Ея мужъ, сенаторъ, путешествуетъ по Австріи оставилъ ее здѣсь при больной теткѣ, отъ которой рассчитываетъ получить наслѣдство. Безъ насъ она изнывала бы отъ скуки. И ей-то лѣта мужъ старый, скупой, брюзга... А она премилая, и умная, я увѣренъ, что понравится тебѣ.

Полковникъ ничего не отвѣтилъ; все это довольно-таки удивляло.

— У васъ много бываетъ?—спросилъ онъ съ нѣкоторою тре-
вогой.

— О, нѣтъ... сегодня объѣдаютъ только баронесса, супруги
Комежъ, мировой судья и одинъ кузень баронессы, г. Жюго, ко-
торый, къ слову сказать, не совсѣмъ-то въ моемъ вкусѣ.

Графъ де-Франкёръ припомнилъ франта, предлагавшаго ему
ѣсто въ своемъ крошечномъ экипажѣ.

— Ты, во всякомъ случаѣ, совершенно свободенъ,—продол-
жалъ Маркъ,—никто тебя стѣснять не будетъ. Не хочешь надѣ-
вать фракъ—и не надѣвай, сдѣлай одолженіе.

Полковнику казалось, между тѣмъ, что говорятъ они, какъ буд-
то, совсѣмъ не то, что слѣдовало бы имъ говорить; но тонъ Марка
успокаивалъ его, представлялся надежною порукой за искренность
расположенія брата.

— Я не видалъ еще племянницъ,—проговорилъ онъ тихо.

— Увидишь, увидишь!—и Маркъ чуть не принимался напѣ-
вать,—такъ оживленъ онъ былъ и такъ нервны были его движенія,
будто онъ выпилъ лишній стаканъ шампанскаго, даже пальцами при-
цельнулъ, говоря:

— Какъ же я доволенъ!—и тотчасъ же, какъ бы для устрани-
енія какого бы ни было недоразумѣнія, онъ прибавилъ:—доволенъ,
что вижу тебя, милый ты мой Робертъ! Правда, другъ?

Оба пристально взглянули другъ другу въ глаза, улыбаясь въ
свѣдѣющемъ свѣтѣ наступавшихъ сумерокъ. По выраженію лица
старшаго брата видно было, что онъ хотѣлъ бы высказаться и
держивалъ свои душевныя изліянія. Вдругъ онъ проговорилъ:

— Радъ и я, что вижу тебя счастливымъ!

Въ тонѣ его голоса прозвучало нѣчто,—такъ, едва уловимая
нота,—какъ бы сознаніе въ томъ, что нѣтъ этого счастья у него,
полостыя одинокаго. Замѣтилъ это Маркъ или о другомъ думалъ?
Вмѣстѣ съ сумракомъ тѣнь легкой грусти набѣжала на мастер-
скую, охватила обоихъ братьевъ, навѣяла нѣжную печаль на оба
сердца, таившія что-то про себя и не рѣшавшіяся высказаться.

— Одѣваться пора,—проговорилъ Маркъ со вздохомъ.

IV.

Денщикъ приготовилъ бѣлье и платье своего господина, раз-
ложилъ на кровати сорочку съ стоячимъ воротничкомъ, панталоны
и фракъ, шелковые носки и на полу лаковые башмаки. Въ хоро-
шо освѣщенной уборной подъ лучами зари блестяли фарфоровые
тазы и кувшины.

— Кажется, все въ порядкѣ. Ничего больше не нужно?— Маркъ окинулъ взглядомъ комнату. — И такъ, до свиданія.

Помѣщенія обоихъ братьевъ были отдѣлены другъ отъ друга двумя комнатами, рабочимъ кабинетомъ и маленькимъ салономъ, каждая съ особымъ выходомъ въ корридоръ.

Подковникъ далъ Жану кое-какія приказанія относительно Тигалія. Эти распоряженія напомнили де-Франкёру о Вердёнѣ, гдѣ онъ оставилъ своего слугу Франсуа, которому велѣлъ запереть домъ и явиться сюда съ двумя лучшими лошадьми, его боевымъ кошемъ, Пуату, и чистокровною Корой. Затѣмъ онъ отпустилъ денщика, — по давнишней привычкѣ, одѣлся безъ его помощи и поосмотрѣлся въ своей комнатѣ, взглянулъ на заглавіе двухъ или трехъ положенныхъ тутъ для него романовъ, которыхъ онъ никогда не читалъ, открылъ окно и сталъ вдыхать засвѣжѣвшій вечерній воздухъ.

При погасающемъ свѣтѣ зари можно еще было довольно ясно различать большія группы деревьевъ, желтыя очертанія дорожекъ, отблескъ оранжерейныхъ стеколъ и далѣе за балюстрадой террасы — всю даль, мало-по-малу теряющуюся въ наступавшихъ сумеркахъ: поля и лѣса, окутанные синеватою дымкой, смутныя очертанія деревьевъ надъ рѣкою, засверкавшею вдругъ серебристою лентой подъ лучами полной луны. Она выплывала изъ-за деревьевъ, отчетливо вырѣзывая ихъ тѣни на землѣ, заливая все таинственнымъ полусвѣтомъ. Тихо, неподвижно кругомъ, точно какимъ волшебствомъ зачаровано.

Для Франкёра наступила минута забытья безъ мысли, даже безъ ощущеній, когда человекъ теряетъ сознаніе самого себя и какъ бы сливается съ окружающею его природой. Что съ нимъ? гдѣ онъ? Здѣсь или тамъ, въ этомъ трепещущемъ серебристомъ лучѣ надъ водою, или въ той чернѣющей темнотѣ кустовъ, что пугаетъ малыхъ дѣтей? Быть можетъ, далеко въ прошедшемъ, когда вотъ также точно полусвѣтъ и полутьма захватывали все его существо столь же смутнымъ и неопредѣленнымъ впечатлѣніемъ? Ничего онъ не сознавалъ; какой-то сумракъ въ головѣ и въ сердцѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то сладкое навѣваетъ фантастическая прелесть такого вечера. Хорошо, отрадно провести тутъ нѣсколько недѣль съ любимыми, милыми людьми. И ему начинало казаться, будто все это уже знакомо ему, будто видѣлъ онъ это во снѣ, быть можетъ, и теперь, по какой-то странной, необъяснимой случайности, переживаетъ уже испытанное и затерявшееся въ памяти.

Легкій стукъ въ дверь маленькаго салона заставилъ его очнуть-

ся, но въ себя Френкёръ пришелъ не сразу. Онъ взялъ лампу, вокругъ которой вились ночныя бабочки, и пошелъ отворить.

— Вы, дорогія мои!—вырвалось у него восклицаніе.—Какъ мило, что пришли!

Въ дверяхъ, держась за руки, стояли его племянницы, двѣ прелестныя дѣвочки шести и четырехъ лѣтъ. Онѣ пришли однѣ и, чтобы видѣть его лицо, запрокидывали головки, поднимали вверхъ свои робкіе глазенки.

— Входите, милочки!

Онъ поставилъ лампу, поднялъ дѣвочекъ высоко на руки и поочередно цѣловалъ ихъ свѣжія пухленькія щечки.

— Какія вы красавицы, какъ выросли въ эти шесть мѣсяцевъ! Ты узнала меня, моя Жанна?

Бѣленькая, розовая, съ золотистыми волосами, истая дочь Лотарингіи, она важно сдѣлала утвердительный знакъ головой, и радостно блеснули ея сѣровато-голубые, измѣнчивые глазки.

— А ты, Жозе?

Вмѣсто отвѣта, меньшая охватила его шею обѣими ручонками; то была худенькая, нѣжная дѣвочка съ матовымъ цвѣтомъ лица и темными волосами, напоминавшими о ея происхожденіи отъ креоловъ, по матери.

— Славныя мои!—говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ.

Ласка ребенка, нѣжность этого крошечнаго существа заливали его сердце ощущеніемъ чего-то необыкновенно сладостнаго.

— Васъ прислала мама?

— Нѣтъ,—отвѣтила старшая,—никто не прислалъ, мы сами.

— Сами,—повторила Жозе.

— Гриффита пошла за теплою водой,—объясняла Жанна,—дверь осталась отворенною, мы и убѣжали.

— И убѣжали,—какъ эхо повторила малютка.

— А я вотъ и покажу вамъ кое-что,—сказалъ онъ, опуская ихъ на полъ, и принесъ изъ своей комнаты хорошенькія коробки, перевязанныя розовыми ленточками.

— Это хорошимъ, умненькимъ дѣвочкамъ.

Смышленная, плутоватая улыбочка Жанны привела его въ восхищеніе,—настоящая женская улыбочка. Жозе объявила:

— Я умненькая дѣвочка.

— А я читать умѣю,—съ нѣкоторою гордостью сказала Жанна.

Онѣ, видимо, старались разыграть большихъ. «Какая прелесть!»—подумалъ полковникъ.

А что было, когда раскрылись коробки! Сердце ликовало въ

немъ при видѣ этого восторга, этихъ растерявшихся глазенокъ смущенія и неописуемаго дѣтскаго счастья. Какія куклы! королевы, феи, чудныя дамы въ шелковыхъ платьяхъ, въ серьгахъ, въ локонахъ... куклы въ кружевныхъ юбкахъ, какъ у большихъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмачкахъ, фарфоровыя лица улыбаются, а когда положить ихъ спать, онѣ сами закрываютъ глаза... Все это такъ хорошо, такъ хорошо, что не хватаетъ смѣлости и въ руки взять.

«Не эгоизмъ ли съ моей стороны, что я одинъ наслаждаюсь этимъ?» — подумалъ де-Франкёръ, но не въ силахъ онъ былъ удержаться и не вручить своихъ подарковъ тотчасъ же, какъ увидалъ дѣвочекъ. Ему пришлось сдѣлать даже нѣкоторое усиленіе надъ собою для того, чтобы не отдать все сразу.

— Завтра будутъ и еще сюрпризы, — сказалъ онъ. ✓

Ни та, ни другая не сказали: «merci», только обхватили дядю рученками и разцѣловали звонкими поцѣлуями.

Легкій шумъ заставилъ ихъ поднять головы. Изъ отворенной двери Маркъ, улыбаясь, смотрѣлъ на эту сцену. Слуга, прыскавшій на него духами изъ пульверизатора, тихо удалился, чтобы не оказаться тутъ лишнимъ. ✎

— А-а! — проговорилъ Маркъ, грозя пальцемъ. — Дядя Робертъ тебѣ достанется!

Онъ вошелъ, очень щеголеватый во фракъ и надушенный, съ тѣми изящными манерами, которыя кажутся прирожденными людямъ хорошаго общества.

— Вотъ увидишь, — продолжалъ онъ, лаская головку своей любимицы Жанны; затѣмъ, приподнявши за подбородокъ личико дѣвочки, Маркъ прибавилъ: — Знаешь, она похожа на тебя.

— О! — хотѣлъ было слабо возразить дядя.

— Замѣчательно похожа. Ни съ матерью, ни со мною — ничего общаго: твой широкий лобъ, твой взглядъ.

— Не вѣришь ли, что она въ дѣда, въ нашего отца? — сказалъ старшій братъ, живой портретъ покойнаго, тогда какъ Маркъ, широкій и стройный, напоминалъ мать.

Не отвѣчая на это замѣчаніе и задумавшись о томъ, сколько есть таинственнаго въ наслѣдственности, онъ смотрѣлъ на старшаго брата, вглядываясь въ него съ головы до ногъ.

— Я, по-истинѣ, люблюю тебя. Моложе я тебя на десять лѣтъ, а на видъ кажусь старшимъ.

И то была правда: легкая и преждевременная утомленность въ тридцать восемь лѣтъ уже наложила замѣтныя черточки въ углахъ

глазъ и рта. Къ тому же, отпущенная имъ полная борода придавала ему видъ солидности.

— Взгляни сюда, — и онъ указалъ на свои виски, чуть-чуть повернутые серебромъ. — Тогда какъ ты... — и Маркъ оглядѣлъ его большой гладкй лобъ съ едва замѣтно-рѣдѣющими отъ каски, коротко стриженными бѣлокурыми волосами. — Что ни говори, ты положи мене! — закончилъ онъ со вздохомъ комическаго сожалѣнiя.

Графъ де-Франкѣръ дружески похлопалъ его по плечу съ улыбкою человѣка, понимающаго шутку и не придающаго ей никакого серьезнаго значенiя.

— Посмотри, папа, посмотри, — приставала Жозе и, видя, что на нее не обращаютъ вниманiя, принялась теревить его за фалду фрака.

— Да, да, милая, необыкновенно хороша! — Отецъ взялъ куклу, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, дотрогиваясь до кружева обки, сказалъ: — Какъ это хорошо работаютъ теперь! Помнишь прежнихъ куколъ, вакихъ-то обрубковъ, набитыхъ мякиной, красныхъ, какъ раки? Теперь ихъ наряжаютъ со всею роскошью по модѣ, сдѣланы онѣ изъ тончайшей лайки, пахнутъ хорошими духами, точно прямо отъ Дусе пожаловали. Это куклы для взрослыхъ, настоящiя женщины въ миниатюрѣ.

— Я думаю, — сказалъ полковникъ серьезно, — что дѣти относятся къ этому довольно равнодушно. Припомни, какъ, будучи семи лѣтъ, ты увлекался пребезобразнымъ деревяннымъ солдатомъ, котораго называлъ Карибусинель, какъ повѣрялъ ему всѣ свои тайны, считалъ лучшимъ своимъ другомъ. Никогда самые восхижительные полишинели не могли тебѣ замѣнить его.

— Ты помнишь это? — удивился Маркъ. — Я совершенно забылъ. Какъ ты сказалъ, Карибусинель?

Онъ забавно выговорилъ это имя, чтобы разсмѣшить Жанну, не спускавшюю съ него изумленныхъ глазъ.

— Забылъ, неблагодарный! — сказалъ де-Франкѣръ, крѣпко хранившй въ памяти все, относившееся къ его собственному дѣтству.

Колоколъ прозвонилъ первый разъ къ обѣду.

— Mesdemoiselles, имѣю честь кланяться, — обратился Маркъ къ дѣвочкамъ и расшаркался. — Кто-то потрогиваетъ дверь, это, навѣрное, пришла за вами Гриффита.

Вошла бонна съ линючимъ лицомъ самой подлинной англичанки.

— Поцѣлуй, папа, — сказала Жанна.

Онъ поцѣловалъ ее, скорѣе какъ старшй братъ, чѣмъ какъ отецъ.

— И меня!—потребовала Жозе.

Маркъ едва коснулся губами ея волосъ. Дядя расцѣловалъ обѣихъ крѣпко, съ наслажденіемъ. Братья спустились внизъ. Проходя черезъ маленькій салонъ, Маркъ поправилъ галстукъ передъ зеркаломъ и, придавъ своему лицу выраженіе свѣтской любезности, пересталъ, такъ сказать, быть самимъ собою, чего прежде въ немъ не замѣчалъ его старшій братъ. Передъ опущенною портьерой меньшей остановился со словами:

— Пожалуйте, господинъ полковникъ.

V.

Супруги Фавье, высокіе и совсѣмъ поблѣвшіе старики, сидѣвшіе у камина, поднялись съ своихъ кресель. Долгая жизнь вмѣстѣ наложила на нихъ особенную печать сходства между собою въ манерахъ и въ голосѣ. Жена и мужъ держали себя съ одинаково-спокойнымъ достоинствомъ, имѣли тотъ почтенный видъ, какой даетъ разумно сознанная старость. Тѣмъ не менѣе, оба они любили общество, охотно подчинялись его требованіямъ, были скромно, но безукоризненно одѣты, и, боясь уронить себя въ глазахъ постороннихъ людей, тщательно скрывали: она—свою крайнюю близорукость, онъ—полуглухоту. Всѣ окружающіе дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ этихъ недостатковъ, и было даже трогательно видѣть, какъ въ минуты затрудненія супруги выручали другъ друга.

Графъ де-Франкёръ поцѣловалъ руку старой дамы и обмѣнялся крѣпкимъ рукопожатіемъ съ г. Фавье.

— Добро пожаловать, графъ,—сказалъ тотъ.— Мы давно желали васъ видѣть у себя.

Старикъ относился съ большою аттенціей къ титуламъ и богатству; эта маленькая слабость и была причиной его скорого согласія на бракъ дочери. Къ зятю онъ выказывалъ величайшее уваженіе.

— Я сейчасъ только видѣлъ Жанну и Жозе,—сказалъ полковникъ госпожѣ Фавье,—какая прелесть ваши внучки!

Бабушка улыбнулась, но ничего не отвѣтила. Она заботливо отстранялась отъ всего, не вмѣшивалась ни въ хозяйство дочери, ни въ воспитаніе ея дѣтей, отчасти благодаря своей опытности; и до нѣкоторой степени изъ простительнаго эгоизма, побуждающаго старыхъ людей хлопотать о собственномъ спокойствіи прежде всего.

Портьера распахнулась, вошла Лилія.

Нарядная и красивая, она одѣта была въ яркое платье изъ ки-

тайскаго крѣпа. Дорогія вещи сверкали на ея рукахъ и на очень открытой шеѣ. Графъ де-Франкёръ быстро двинулся на встрѣчу молодой женщинѣ, но щеголеватый туалетъ нѣсколько смутилъ его.

— О, не стѣсняйтесь, мой дорогой Робертъ, — сказала она, подставляя ему для поцѣлуя свои матовыя, свѣжія, душистыя щеки.

Потомъ она взглянула на мужа. Его молчаніе и двусмысленная улыбка выражали, казалось, неодобреніе ея туалету, слишкомъ бросающемуся въ глаза, быть можетъ. Не произвелъ ли онъ на Марка такого же впечатлѣнія, какъ на его брата? Полковнику она показалась не совсѣмъ такою, какою онъ видѣлъ ее прежде; въ ней была какая-то переменна, — отъ прически или отъ декольтированнаго платья, — и при огнѣ она была какъ будто блѣднѣе. Она смутно поняла, по его неловкости, что онъ могъ чувствовать, и, точно извиняясь, проговорила:

— Какъ досадно, что я не могу всецѣло посвятить вамъ этотъ первый вечеръ вашего пріѣзда! Вы извините насъ? Если бы мы могли предвидѣть, то никого бы не пригласили.

Она сказала это такимъ тономъ, будто ей лично неприятенъ былъ этотъ обѣдъ.

Полковникъ сдѣлалъ успокоительный жестъ, извинился, что пріѣхалъ такъ, не предупредивши, и смолкъ въ недоумѣніи. По ея улыбкѣ, по разсѣянному взгляду ея большихъ черныхъ глазъ, онъ понялъ, что Лилія чѣмъ-то разстроена. Повидимому, нѣсколько излишній блескъ туалета не гармонировалъ съ нервною тревогою, которую выдавало ея лицо. Было ли у нея на душѣ что-нибудь неприятное, затаенное, чего не хотятъ выдать постороннему глазу изъ сдержанности или изъ-за свѣтскихъ приличій?

Она еще разъ взглянула на мужа какимъ-то особеннымъ взглядомъ. Маркъ отвернулся; его дерзкая улыбка стала еще замѣтнѣе.

— Кого это вы хотите побѣдить, Лилія, такимъ платьемъ?

— Васъ одного, мой другъ, — отвѣтила она тѣмъ же шутиливымъ тономъ, изъ-за котораго звучала нотка уязвленнаго самолюбія.

Супруги Фавье притворились, будто одинъ ничего не слышалъ, другая — ничего не видала. При случаѣ, они умѣли пользоваться своими маленькими недостатками.

Недоговоренное, невыясненное въ этой короткой сценѣ показалось страннымъ де-Франкёру. Онъ приписалъ ее одной изъ маленькихъ размолвокъ, бывающихъ часто между влюбленными другъ въ друга супругами. Очевиднымъ представлялось, что не туалетъ Лиліи былъ причиною мимолетнаго неудовольствія, но что-то непонят-

ное для полковника раздражало его, почти шокировало въ его невѣстѣ, хотя на ея легкое кокетство, врожденное креолкамъ, онъ всегда смотрѣлъ съ большимъ снисхожденіемъ, зная, насколько она добра, кротка и страстно влюблена въ своего мужа.

Въ эту минуту появилась баронесса де-Бретъ. Лилія и она улынулись и обмѣнялись тѣми быстрыми взглядами, какими двѣ хорошенькія женщины въ одинъ мигъ осматриваютъ другъ друга съ головы до ногъ и разбираютъ по ниточкѣ.

— Вы необыкновенно милы сегодня, — замѣтила баронесса любовно.

Ея рассчитанно-простое платье съ высокимъ лифомъ шло къ ней больше, чѣмъ къ Лиліи ея роскошный нарядъ; за нею было также преимущество ея свободнаго тона, живаго и насмѣшливаго. Маркъ обратился къ ней съ какою-то любезностью въ полголоса, ни для кого не слышно, и его заискивающе-льстивый видъ поразилъ де-Франкёра. Переведя взглядъ на Лилію, онъ замѣтилъ грустное и жалобное выраженіе ея лица, и это его глубоко тронуло. Въ умѣ заронились сомнѣнія и подозрѣнія, приходили на память разные мелкіе фактики: слова, вырвавшіяся у Марка, начатый портретъ баронессы... Неужели его братъ влюбленъ въ эту женщину? Ревнуетъ Лилія? Это сильно встревожило полковника. Плохой онъ былъ знатокъ капризовъ человѣческаго сердца и представлялъ себѣ супружескую жизнь полною тихаго счастья, ненарушимой обоюдной вѣрности.

Начавшее собираться общество отвлекло его вниманіе. Послѣдовательно явились: госпожа Жюмьежъ съ настоящимъ скульптурнымъ бюстомъ, дѣлавшимъ ее привлекательною, несмотря на далеко не красивое лицо и на нѣкоторую тѣнь, которую бросала на нее грубость мужа, высокаго неловкаго господина съ манерами неотесаннаго солдафона и, на самомъ дѣлѣ, бывшаго жандармскаго поручика, превратившагося, благодаря крупному наслѣдству, въ богатаго землевладѣльца. За ними слѣдовалъ г. Семойъ, мировой судья, извѣстный археологъ. Появившійся тотчасъ же г. Жюго былъ во фракѣ и распространялъ, бросающійся въ носъ, слишкомъ крѣпкій запахъ духовъ, что всегда неприятно въ мужчинѣ.

Потому ли, что де-Франкёру уже была знакома эта личность, или же потому, что вызывала его любопытство, обусловленное инстинктивнымъ чувствомъ антипатіи, полковникъ, холодно пожавши руку молодого человѣка, сталъ слѣдить взглядомъ за родственникомъ баронессы де-Бретъ. Тотъ подошелъ къ своей кузинѣ съ дѣланною улыбкой, изъ-за которой сквозило недовольство. Баронесса

встрѣтила его насмѣшливо-любезно. Нѣчто трудно уловимое оближало ихъ въ эту минуту, несмотря на видимое внѣшнее различіе, давало чувствовать ихъ сходство между собой и возбуждало совершенно опредѣленно сознание, хотя и ничѣмъ необъяснимое отвращеніе полковника.

Онъ обернулся на шелестъ платья входившей женщины. Обворожительная своею юною красотой Ивелина шла слѣдомъ за старою теткой, высокою, сильно посѣдѣвшею особой самой несчастной наружности: когда-то прекрасные, но потухшіе глаза, слишкомъ длинный носъ и срѣзанный подбородокъ. Лицо энтузіастки, одаренной возвышеннымъ, благороднымъ характеромъ, и, въ тоже время, въ немъ было что-то крайне смѣхотворное. При взглядѣ на мадемуазель Аврору де-Бержюзанъ невольно приходилъ на память Донъ-Вихоть.

Тѣмъ не менѣе, въ силу таинственнаго закона, устанавливающаго бессознательныя симпатіи, полковникъ тотчасъ почувствовалъ особенное влеченіе къ ней. Имя Бержюзанъ, правда, было знаменито во флотѣ и должно было интересовать военнаго человѣка. Но удовольствіе увидать молодую дѣвушку, совершенно безотчетно для него самого, не мало повліяло на проявленіе почтительной любви, съ которою онъ обратился къ старой дѣвицѣ.

Ивелина отвѣтила на его поклонъ съ такимъ видомъ, будто не знаетъ его. Вся ея фигура отличалась необыкновенною граціей и простотой, а ея юная красота какъ бы внесла еще большій свѣтъ въ гостиную. Дѣвушка подняла на Лилию, свою крестную мать, любящій и вопросительный взглядъ. Обѣ улыбнулись другъ другу.

Легкій шумъ говора стихъ, отворились обѣ половинки двери и слуга доложилъ, что кушать подано.

VI.

Де-Франкѣръ порядочно проголодался и праялся за обѣдъ съ усердіемъ человѣка, одареннаго здоровымъ желудкомъ. Вкусныя блюда и старыя вина расположили его самымъ благодушнымъ образомъ, и къ срединѣ обѣда онъ вынужденъ былъ признать, что сидящая противъ него баронесса далеко не лишена привлекательности. Помѣстившійся рядомъ съ нею Маркъ видимо ухаживалъ за нею, но, вѣроятно, не помышляя ни о чемъ дурномъ. Подозрѣнія, только что зародившіяся было въ головѣ полковника, мало-по-малу исчезали, — такъ вліяетъ на ходъ мыслей человѣка подкупающая его прелесть земныхъ благъ. Мадамъ Фавье, справа которой онъ си-

дѣль, радушно его угощала, мадамъ Жюмьежъ, сосѣдка съ другаго бока, была очень любезна. Вопросъ о застольныхъ сосѣдяхъ представляется дѣломъ не маловажнымъ и въ данномъ случаѣ былъ разрѣшенъ весьма удачно, что, въ свою очередь, способствовало умиренію отъ природы добраго сердца полковника. Даже г. Жюго казался ему менѣе антипатичнымъ. Только голосъ и немного рѣзкій, нервный смѣхъ Лилии какъ будто нарушали общую гармонію. Но и тутъ его успокаивали добрыя улыбки Марка, которыми онъ отъ времени до времени съ нимъ обмѣнивался.

Де-Франкѣръ простодушно поддавался сладкой и обманчивой прелести этого обѣда, иллюзіи общаго веселья, обмѣна условныхъ мыслей фразъ, изящнаго вида камчатной скатерти, граненаго хрусталя и серебра, ярко блестящихъ при золотистомъ свѣтѣ лампъ. Полковникъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. А въ довершеніе всего, и сладостью своею превосходя всѣ другія ощущенія, до него доносился ароматъ восхитительныхъ цвѣтовъ въ роскошной корзинѣ, стоявшей какъ разъ передъ нимъ. Онъ узналъ эти розы, — ихъ рвала Ивелина де-Кержюзанъ, онъ помогалъ ей подбирать ихъ, когда Тигиаль... Взглядъ полковника обратился къ молодой дѣвушкѣ и встрѣтился съ ея взоромъ, не отразившимъ, впрочемъ, той симпатіи, кака была въ его глазахъ. Дѣвушка казалась задумчивою и разсѣянною. И это слегка затронуло его, точно булавочнымъ уколомъ. А почему?... Но ароматъ цвѣтовъ въ корзинѣ былъ все такъ же упоителенъ, и въ воображеніи Франкѣра опять промелькнула сцена въ саду, гдѣ совсѣмъ иною была Ивелина, свободнѣе и естественнѣе въ своемъ простенькомъ платицѣ, милѣе она была и въ немъ возбуждала нѣчто похожее на отеческую нѣжность.

И въ силу какого-то контраста, невѣдомо откуда являющагося, какъ по мановенію жезла волшебницы, ему представилось, будто опять онъ у себя въ Вердёнѣ, и на него пахнуло холодомъ его непривѣтливой большой квартиры. Въ сердцѣ заползали тяжелыя сожалѣнія о прошломъ и предчувствія тоскливаго одиночества. Едва вырвавшись оттуда, онъ уже видѣлъ себя опять дома, по истеченіи срока отпуска, и вся военная жизнь встала передъ нимъ, какъ живая, съ ежедневными ученіями, проѣздками, докладами...

Съ нимъ заговорилъ кто-то, онъ замѣтилъ это и машинально отвѣтилъ. Но, послѣ такого слишкомъ рѣзкаго перехода къ дѣйствительности, онъ не сразу пришелъ въ себя и нѣсколько секундъ оставался чуждымъ всему этому обществу, чуждымъ этому сдержанному говору и блестящей обстановкѣ, чуждымъ своимъ, даже и этой Ивелинѣ, къ которой невольнo обращались его глаза и юность кото-

рой вызвала на этотъ разъ въ его душѣ чувство безотчетной грусти. Скоро отъ разговоровъ и слишкомъ сильнаго запаха цвѣтовъ у него разболѣлась голова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркое освѣщеніе, быть можетъ, нѣкоторое утомленіе отъ дороги и отъ смѣны новыхъ впечатлѣній такъ подѣйствовали на него, что онъ мало-по-малу поддался какой-то слабости, нѣжащей и отуманивающей, какъ вальсъ, успокоивающій въ душѣ что-то, давно наболѣвшее, — и все это неясно, смутно и необъяснимо для него самого.

VII.

Мужчины перешли въ курильную, и де-Франкѣръ машинально послѣдовалъ за ними, хотя самъ не курилъ. Ему былъ даже неприятенъ голубоватый дымъ сигаръ и только усиливалъ его мигрень. И стукъ бильярдныхъ шаровъ въ сосѣдней комнатѣ производилъ такое впечатлѣніе, будто катаются они и щелкаютъ другъ объ друга въ его больной головѣ. Въ растворенную дверь онъ видѣлъ то г. Фавье, перегибающаго свой длинный станъ, чтобы сдѣлать карамболь, то рѣзкій профиль Жюмьежа или плѣшивую голову мирового судьи.

Г. Жюго, съ очевиднымъ намѣреніемъ заискать въ полковникѣ, предложилъ ему русскихъ папиросъ и кюммеля. Де-Франкѣръ отказался отъ того и отъ другаго.

— Обратите вниманіе, какова голова! — проговорилъ г. Жюго тихо, показывая глазами на бывшего жандармскаго поручика и придавая ему такой эпитетъ, который иногда коробитъ даже у Мольера.

Де-Франкѣръ окинулъ своего собесѣдника удивленнымъ взглядомъ.

— Вѣрно... Вы знаете, его жена... — и тотъ началъ цѣлую исторію: мадамъ Жюмьежъ, правда, некрасива и не молода, за то смѣло можетъ похвалиться своимъ сложеніемъ, и надо сознаться, что одѣвается она превосходно, а для любителей женскаго туалета это дѣло тоже не послѣднее. Онъ пустился въ разныя подробности относительно ея бѣлья и самыхъ интимныхъ утонченностей роскоши. На его лицѣ появилось при этомъ гаденькое выраженіе и смѣхъ звучалъ чѣмъ-то оскорбительнымъ.

Полковникъ, хорошо знавшій, насколько бываютъ иногда грубы послѣобѣденные разговоры мужчинъ, былъ, тѣмъ не менѣе, возмущенъ этими повѣствованіями, и когда г. Жюго, не думая унимать-ся, началъ было называть имена, онъ рѣзко оборвалъ его:

— Позвольте, однако, мнѣ-то до всего этого какое же дѣло?

И почти тотчасъ же повернулся къ нему спиною. Г. Жюго, что-

бы скрыть смущеніе, поднялъ къ свѣту рюмку ликера и залпомъ выпилъ ее, съ видимою досадою во взглядѣ.

Маркъ исчезъ куда-то. Де-Франкёръ, думая, что направляется въ гостиную, отворилъ боковую дверь и очутился въ темной комнатѣ, выходящей окнами на стеклянную веранду. Сквозь открытую дверь врывались свѣжіе струи воздуха и аромат сада: и здѣсь опять эти розы!

Совершенно вопреки его волѣ, кое-что изъ дрянной болтовни Жюго запало въ его голову, затронуло ту долю неопредѣленной чувственности, которая подкрадывается даже къ самымъ нравственнымъ людямъ изъ-за лицемѣрныхъ свѣтскихъ фразъ. И какъ бы ни желалъ онъ, а не могъ справиться съ затронутымъ инстинктомъ и отдѣлаться отъ образа совершенно безразличной для него г-жи Жюмьежъ, представлявшейся ему въ ту минуту, когда она раздѣвается, чтобы ложиться спать или чтобы очаровать прелестью своего сложенія. И тутъ ему сразу ясно стало, почему баронесса де-Бретъ сначала ему такъ не понравилась и отъ чего потомъ исчезло его нерасположеніе къ ней; все дѣло было въ томъ, что ея вызывающая женственность сперва возмутила въ немъ чловѣка нравственнаго, а затѣмъ примирила съ нею просто—мужчину. Онъ понималъ также, чѣмъ привела его въ смущеніе Лилія при своемъ появленіи; слишкомъ нарядный туалетъ, слишкомъ открытая шея, стремленіе выставить на показъ свою красоту, — все это придавало ей видъ только женщины и нисколько не напоминало о томъ, что она мать семейства.

Тогда, ради контраста, быть можетъ, сладострастная нѣга, навѣянная на него дыханіемъ этой чудной ночи и тонкимъ ароматомъ розъ, вывела въ его воображеніи чистый образъ дѣвушки-цвѣтка, глаза, улыбку, стройный станъ Ивелины де-Кержюзанъ. Онъ поддался очарованію ея юности и красоты, и невыразимо сладкій трепетъ охватилъ его. Это было такъ внезапно, будто отуманивающий вихрь уносилъ куда-то его сердце. Это странное волненіе испугало его, и онъ прошепталъ:

— Что же это, однако, со мной?

А сердце его замирало, безумно билось его старое сердце; барабаннымъ боемъ, ведущимъ батальонъ на приступъ, отдавались въ головѣ его учащенные удары. Де-Франкёръ закрылъ глаза передъ сознаниемъ правды, ослѣпившей его точно молнія. Но, пытаясь отогнать прочь всякую мысль и надежду, не желая даже ничего понимать, онъ предпочелъ приписать это тревожное состояніе радости своего пребыванія здѣсь и вліянію душистой свѣжести сада. А чув-

ство счастья было такъ глубоко, что съ мечтою своею онъ уже не могъ разстаться и только повторялъ:

— Какъ хорошо, какъ хорошо мнѣ такъ!

Человѣкъ онъ былъ чистый душою и почти не зналъ любви.

УШ.

Почти тотчасъ же затаенные шаги послышались въ сосѣдней комнатѣ, проскользнули мимо двѣ тѣни. Онѣ вырисовались на освѣщенныхъ лунной стеклянныхъ рамахъ веранды, и полковникъ узналъ, — вѣрнѣе угадалъ, — своего брата и баронессу де-Бретъ.

Онъ хотѣлъ кашлянуть, дать имъ знать о своемъ присутствіи, но набѣжавшія опять подозрѣнія парализовали его честность. Онъ боялся только какъ бы его не замѣтили и напряженно ждалъ чего-то таинственнаго и непоправимаго.

— Клара, — едва слышно прошептала Маркъ и обвилъ рукой станъ молодой женщины.

Она откинулась, перегнулась назадъ и положила обѣ руки на его плечи, чтобы отстранить его или чтобы въ полутьмѣ заглянуть ему въ глаза. Молча, онъ привлекъ ее къ себѣ ближе, совсѣмъ близко, ихъ обѣ тѣни слились въ одну. Онъ нагнулся къ ея запрокинутой головѣ, припалъ губами къ ея устами долгимъ, жаднымъ, страстнымъ поцѣлуемъ.

Вдругъ они отшатнулись другъ отъ друга, пугливо, какъ преступники при малѣйшемъ шумѣ. Она убѣжала. Маркъ не громко кашлянулъ. Полковникъ де-Франкѣръ замеръ въ смущеніи. Это открытіе супружеской невѣрности, подготовляющейся или уже совершившейся, наполнило его душу глубокою жалостью, безъ гнѣва, безъ желанія упрекать. Маркъ хотѣлъ пройти мимо, удалиться; непроизвольнымъ движеніемъ полковникъ остановилъ его, схватилъ за руку. Тотъ пытался вырваться въ ужасѣ человѣка, застигнутаго на мѣстѣ преступления.

— Тс... это я, — удержалъ его старшій братъ.

— А! — вырвалось у Марка восклицаніе.

Послѣдовало короткое молчаніе, во время котораго каждый читалъ въ сердцѣ другаго, какъ по открытой книгѣ, каждый сознавалъ, что долженъ заговорить, и не рѣшался. А это крѣпкое, сочувственное пожатіе руки старшаго брата, не было ли оно краснорѣчивѣе всякихъ объясненій? Онъ видѣлъ все и жалѣлъ Марка, и Маркъ понималъ всю нѣжность этого нѣмаго укора. И, странное дѣло, въ своемъ смущеніи Маркъ наслаждался этимъ, ему сладокъ былъ такой укоръ.

— Прости,—выговорилъ онъ, наконецъ, какъ провинившійся ребенокъ.

— А твоя жена?—сказалъ де-Франкёръ въ сильномъ волненіи.

Маркъ отвѣтилъ какимъ-то неопредѣленнымъ, ничего не выражающимъ жестомъ.

— Это капризъ?—неувѣренно продолжалъ старшій братъ,—тутъ нѣтъ ничего серьезнаго?

— Безуміе это!—проговорилъ Маркъ, опуская голову, но тотчасъ же выпрямился и прибавилъ:—Я люблю ее!

— Стало быть, она твоя любовница?—сказалъ полковникъ рѣзко.

— Нѣтъ, клянусь въ томъ...

— Однако, что же это?

Де-Франкёръ видѣлъ поцѣлуй, страстный поцѣлуй въ потемкахъ. Послѣ новаго молчанія старшій братъ медленно добавилъ:

— Это дурное дѣло.

Маркъ взялъ его за руку, стараясь смягчить его, и, какъ бы оправдываясь, сказалъ:

— Лилія не знаетъ?

Полковникъ покачалъ головой въ знакъ сомнѣнія.

— Что же ты намѣренъ дѣлать теперь?

— Ничего; самъ не знаю.

Маркъ опять опустилъ голову; страсть такъ и бушевала въ немъ.

— На что же ты рассчитываешь?—Полковникъ не хотѣлъ проносить имени этой женщины.

— Что за вопросъ?—возразилъ меньшой братъ съ двусмысленною улыбкой.

Де-Франкёръ понялъ; это его покоробило.

— Да-а?—выговорилъ онъ иронически.

И оба почувствовали, что оборвалось между ними что-то, легкая тѣнь кака-то на ихъ взаимныя отношенія.

— Ты не понимаешь меня,—вздыхнулъ Маркъ печально.

— Боюсь понять.

Молчаніе сдѣлалось упорнѣе, тягостнѣе. Обоюдное раздраженіе росло.

Де-Франкёръ заговорилъ первый:

— Изъ-за чего ты разрушаешь собственное счастье?

— А изъ чего ты заключилъ, будто я счастливъ?

— Такъ развѣ же нѣтъ этого?

— Нѣтъ, въ томъ смыслѣ, какъ ты разумѣешь.

И на выраженіе удивленнаго недовѣрія брата онъ договорилъ:

— Не суди меня слишкомъ строго, я все объясню тебѣ...

И тотчасъ же ему стыдно стало своей лжи, такъ какъ ничто не мѣшало ему быть добрымъ мужемъ, кромѣ его природнаго легкомыслія и погони за наслажденіями.

Дверь въ сосѣднюю комнату отворилась. При свѣтѣ лампы показалась фигура г. Жюго, съ выраженіемъ подозрѣнія на лицѣ, и позади его—немолодая женщина, имѣвшая видъ компаньонки.

— Я такъ и полагалъ,—сказалъ г. Жюго.—Господа, дамы васъ къ себѣ требуютъ!

М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКЕША ОЧНУЛСЯ.

(РАЗСКАЗЪ).

„Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы“.
„Дума“ *Лермонтова.*

I.

Никеша Акацатовъ, уже обижавшійся, если кто-нибудь называлъ его по старой привычкѣ Никешою, а не Никифоромъ Петровичемъ, стоялъ посреди комнаты въ новенькомъ студенческомъ сюртугѣ и сіялъ, какъ прапорщикъ, только что надѣвшій эполеты.

Портной, старикъ съ сѣдыми пейсами, обдернулъ полы сюртука на новичкѣ-студентѣ, отступилъ на нѣсколько шаговъ и, прищурившись, съ гордостью смотрѣлъ на свое произведение, ожидая мнѣнія экспертовъ.

Ихъ было двое. Низенькій старикъ, совѣтникъ губернскаго правленія, лысый, съ большимъ брюшкомъ, круглолицый, съ добродушно-улыбавшимися калмыцкими глазами, и его жена, тоже не худенькая старушка, созерцавшая юношу съ гордою материнскою улыбкой.

— Ну, что, папа, сзади не морщится?

— Нѣтъ, хорошо. Все какъ слѣдуетъ.

— Какъ вылитый, — сказала мать и подумала: «за такого красавца самая богатая невѣста пойдетъ».

Портному заплатили и онъ ушелъ.

— Вѣдь, вотъ хоть и жидъ, а хорошо сшилъ, — замѣтила старушка.

— О, эти пархатые на всѣ руки! — сказалъ совѣтникъ и кинулъ.

— Знаешь, матушка, Марья Семеновна, — продолжалъ онъ, — хороша была каня за обѣдомъ, но только, должно быть, я ее перехватилъ. Такая изжога, точно послѣ дюжины блиновъ.

— Пустяки! Поискаешь и пройдетъ, отъ икоты вреда не бываетъ. А я Настасью потороплю насчетъ самовара.

Она взглянула на сына, вертѣвшагося передъ зеркаломъ, и, скававъ: «ахъ, ты мой кокетникъ», пошла въ кухню.

— Ну, Никеша, вотъ ты и студентъ,—произнесъ отецъ.

— Чувствую,—отвѣтилъ Никеша, улыбаясь.

— Будеть тебѣ оглядывать себя. Иди-ка сюда.

— А что?

— Говорять, иди сюда.

Сынъ подошелъ къ отцу и вопросительно взглянулъ на него добрыми голубыми глазами.

— Ну, поздравляю. Поцѣлуй меня.

Они поцѣловались. Старикъ сдѣлалъ серьезное лицо, онъ собирався сказать сыну напутственное слово и опять икнулъ.

— Чортъ бы ее побралъ!—разсердился онъ на кашу, такъ безцеремонно напомнившую о себѣ въ торжественную минуту исполненія отцовскаго долга.—Дай-ка, голубчикъ, воды, чай-то когда еще будетъ.

Никеша налилъ стаканъ воды изъ стоявшаго на столѣ графина и подалъ отцу. Старикъ выпилъ и произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Ну, вотъ ты и студентъ. Такъ сказать, вступаешь на попроще науки. Отнынѣ у тебя новая мать—*alma mater*.

— Папа, если вы хотите произнести спичъ, то для этого нужна бутылка шипучки.

Старику досадно стало, что сынъ перебилъ его, но спичъ, во всякомъ случаѣ, едва ли бы удался, потому что мысли совѣтника послѣ сна и тяжелаго обѣда не отличались ясностью.

— Я тебѣ одно скажу: безъ всякой шипучки,—продолжалъ онъ уже не столь торжественно,—смотри, будь умникомъ, чтобы ничего такого... однимъ словомъ, ты понимаешь, чтобы ни-ни-ни, чтобы, однимъ словомъ, ничего... Понимаешь?

— Папа, зачѣмъ вы мнѣ это говорите? Кажется, я и вида не подавалъ, чтобы что-нибудь такое. Взгляды мои вы знаете. Зачѣмъ же это наставленіе?

— Ну, чего же ты захарохорился? Надѣлъ студенческій сюртукъ и такой строгій сталъ, точно губернаторомъ сдѣлался.

Никеша засмѣялся.

— Нѣтъ, я ничего... А только что, право, этого не надо.

— Не надо? Ну, и ладно. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ не надо; ты у меня умница.

Марья Семеновна, вернувшаяся изъ кухни, присѣла на диванъ и, покачивая головой, слушала разговоръ отца съ сыномъ.

— Все вы не то говорите,—сказала она.—Никеша, послушай материнскаго совѣта: начни ты новое ученіе по христіанскому обычаю, сходи къ Варварѣ-мученицѣ, а не то въ соборъ, и попроси батюшку отслужить молебенъ, чтобы ученье пошло тебѣ на пользу и родителямъ на утѣшеніе.

— Оставь,—возразилъ старикъ,—что за молебенъ! Захочетъ помолиться, и такъ помолится.

— Вотъ онъ какой! Полюбуйтесь такимъ отцомъ!—воскликнула старушка, разводя руками и оглядывая комнату, какъ бы отыскивая, кто бы могъ полюбоваться ея мужемъ.

— Чѣмъ же не отецъ?—добродушно отвѣтилъ старикъ.—Сынъ у меня молодчина, кровь съ молокомъ... выкормленъ на славу.

— Ты, что ли, его откармливалъ?—горячо возразила Марья Семеновна,—ты, что ли, булки и пироги готовилъ? Я, Петръ Петровичъ, его откармила, а не ты.

— Ну, положимъ, что насчетъ тѣлеснаго здравія ты его воспитала; вѣрно это, а ужъ насчетъ духовной пищи—я. Идей у него нѣтъ, смотреть на все здраво, рассуждаетъ правильно,—все это—я!... Долгъ отца исполнилъ, слава Тебѣ, Господи!... А, наконецъ-то, чай будеть... Такъ пить хочется, что страсть.

Кухарка поставила на столъ фыркавшій самоваръ. Марья Семеновна начала возлѣ него хозяйничать.

Никеша взялъ студенческую фуражку, полюбовался ею и пошелъ къ двери.

— А чаю?—спросила Марья Семеновна.

— Не хочется, мама.

— До чаю ли ему,—сказалъ отецъ,—надо же ему скорѣе показать себя.

Никешѣ, дѣйствительно, хотѣлось пройти по главной улицѣ въ студенческой формѣ, встрѣтить какого-нибудь гимназическаго надзирателя и не поклониться ему, встрѣтить знакомыхъ барышень и показать имъ себя студентомъ.

II.

Въ ясное, бодрящее утро шелъ Никеша въ университетъ на первую лекцію и думалъ о томъ, какъ примутъ его новые товарищи.

Въ послѣдній годъ отецъ часто говорилъ ему, что университетъ самъ по себѣ есть зло, самое опасное мѣсто на жизненномъ пути,

но что миновать его невозможно, потому что иначе не далеко уйдешь по службѣ. Со словъ отца, Никеша думалъ, что студенты — народъ безпокойный, не заботятся о своихъ интересахъ, увлекаются разными фантазіями и портятъ свою карьеру изъ-за глупостей.

Никеша не хотѣлъ быть такимъ студентомъ. Онъ мечталъ о кафедрѣ прокурора и о предсѣдательскомъ креслѣ въ судѣ. Иногда думалось ему, что и защитникомъ быть пріятно и выгодно, «но, — возразилъ онъ самъ себѣ, — это не коронная служба, нѣтъ мундира и пенсіи».

Онъ рѣшительно не хотѣлъ участвовать ни въ какихъ «глупостяхъ», но его безпокоилъ вопросъ: «А что, если товарищи подумаютъ, что я трусъ? А, вѣдь, я вовсе не изъ трусости не хочу портить своей будущности».

И отъ этой мысли на его бѣлыхъ, пухлыхъ щекахъ вспыхивалъ румянецъ.

Никеша выросъ въ семьѣ, не представлявшей благопріятныхъ условій для умственного развитія. Горизонтъ его отца ограничивался шкафами съ «дѣлами», а цѣль жизни составляло мѣсто вице-губернатора, которое ему все какъ-то не давалось. Мать жила въ атмосферѣ каѳизмъ, кондаковъ и игосовъ, очень боялась воровъ и чорта. Ея мечты были: для сына — женитьба на богатой дѣвушкѣ, а для себя — уютная келейка на томъ свѣтѣ; рай представлялся ей огромнымъ садомъ, гдѣ подъ тѣнью необыкновенныхъ деревьевъ устроены келейки для праведниковъ.

Старикъ при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ, что все зло на землѣ отъ идей и идеаловъ, потому что у кого ихъ нѣтъ, тотъ живетъ хорошо, покойно, а какъ только они появились, человѣкъ начинаетъ тосковать и дурить. Марья Семеновна, вполнѣ соглашавшаяся съ такимъ взглядомъ мужа, поясняла только, что идеи и идеалы отъ дьявола.

Знакомые Агацатовыхъ были того же типа, какъ и они сами. Мужчины толковали о службѣ и играли въ винтъ, а глядя на нихъ и Никеша выучился винтить; дамы занимались своею спеціальностью: перемывали косточки знакомыхъ, иногда философствовали по вопросамъ объ испорченности прислуги и дороговизнѣ говядины и мечтали о выигрышѣ двухсотъ тысячъ на вѣчно заложенный въ банкъ билетъ.

Старикъ любилъ иногда почитать какой-нибудь «романчикъ», какъ онъ выражался; просматривалъ хронику въ мѣстной газетѣ и вслухъ прочитывалъ женѣ смѣшныя исторіи изъ «Смѣси». Марья

Семеновна любила послушать эти исторійки, а сама читала только житія святыхъ.

Иногда и въ этотъ тѣсный, какъ курятникъ, мірокъ доносились извѣстія о томъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ иная жизнь, иные интересы; но отношеніе къ этой иной жизни было разъ навсегда опредѣлено: все, что противорѣчитъ личной выгодѣ, есть глупость, о которой и разсуждать не стоить; можно только по-христіанству пожалѣть глупцовъ, не понимающихъ своей выгоды.

Старики любили вкусно и плотно поѣсть и хорошенько выспаться. Въ ихъ квартирѣ былъ сытный запахъ жаренаго гуся, баранины, сдобныхъ булокъ и жирныхъ пироговъ. Никеша, какъ справедливо хвасталась Марья Семеновна, былъ прекрасно откормленъ: бѣлый, круглолицый, даже нѣсколько жирный. А его мысль съ дѣтства была приучена заботиться только о своей собственной особѣ, причѣмъ высшихъ потребностей у этой особы не предполагалось. Никеша почти ничего не читалъ, но газету просматривалъ, чтобы имѣть о чемъ говорить съ барышнями.

Точно толстый слой пыли на придорожныхъ деревьяхъ, лежали на его мысли и чувствахъ традиціи чиновнической необразованной семьи; еще не было въ его жизни освѣжающаго дождя съ блескомъ молній и раскатами весенняго грома, того дождя, который смылъ бы весь слой этой пыли.

III.

Отворивъ массивную дверь университетскаго подъѣзда, Никеша почувствовалъ, что его сердце забилось скорѣе. Отдаленный гулъ голосовъ доносился сверху.

Швейцаръ поздравилъ его «съ поступленіемъ», спросилъ адресъ и записалъ въ книгу.

— Вы будете номеръ 329, — сказалъ онъ.

— Что это значить? — спросилъ Никеша.

— Значить, у вашей вѣшалки такой номеръ. Всякій студентъ подъ своимъ номеромъ, — такой порядокъ.

По широкой лѣстницѣ Никеша поднялся въ корридоръ.

«Вхожу въ храмъ науки», — подумалъ онъ и какой-то пріятный и жуткій трепеть пробѣжалъ по его тѣлу.

По корридору ходили студенты, не обратившіе на него никакого вниманія, прошмыгнувъ педель, прошелъ какой-то почтенный высокій старикъ.

«Должно быть, профессоръ», — подумалъ Никеша.

Озираясь, какъ новичокъ, онъ замѣтилъ, что всѣ студенты направлялись въ одну сторону, и, идя за другими, очутился въ курилкѣ.

Передъ нимъ открылась оживленная картина. Въ большой комнатѣ, ярко освѣщенной солнцемъ, двигались по разнымъ направленіямъ группы студентовъ: черноволосые, черноглазые грузины съ горбатыми носами, мечтательные, свѣтлорусые хохлы, круглолицые кацапы, типичные евреи, греки, молдаване; цвѣтушія молодые лица, съ которыхъ еще не вполне исчезло милое дѣтское выраженіе; выхоленные маменькины сынки, а рядомъ съ ними рѣзко выдѣляющіеся питомцы нужды съ желтоватыми и блѣдными лицами, обличающими малокровіе.

Вся эта молодежь интимно разговаривала, спорила, восклицала, напѣвала оперные мотивы, жестикулировала, хотела молодымъ заразительнымъ смѣхомъ. Облачка табачнаго дыма поднимались надъ каждою группою и сливались въ сплошной туманъ, въ которомъ прорѣзывались полосы солнечнаго свѣта отъ каждаго окна.

Никеша обратилъ вниманіе на блондина съ красивыми длинными волосами, который что-то говорилъ, энергически размахивая руками. Ему почему-то подумалось, что этотъ студентъ сейчасъ произнесетъ рѣчь о какихъ-нибудь «глупостяхъ», а онъ будетъ возражать, и всѣ его осмѣютъ, застыдятъ, и со всѣхъ сторонъ загремитъ: «трусъ, трусъ!» Нѣтъ, онъ лучше промолчить.

Но студентъ, размахивавшій руками, и не думалъ произносить рѣчь; онъ восхищался примадонной итальянской оперы. Недалеко отъ Никешы спорили по поводу какого-то пари на дюжину пива, донеслись до него фразы о восьми пикахъ безъ трехъ, о стипендіи, о какомъ-то уголовномъ процессѣ, и все это сливалось въ нестройный гулъ, напоминавшій жужжаніе тысячи пчелъ и шмелей надъ цвѣтущимъ лугомъ или какофонію въ оркестрѣ передъ увертюрой.

— Акацатовъ! — окликнулъ его какой-студентъ.

— Здравствуй, Коржигъ! — сказалъ Никеша, обрадовавшись встрѣчѣ съ товарищемъ по гимназіи.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего.

— Пойдемъ, я тебя познакомлю.

Они подошли къ кучкѣ студентовъ, посреди которой стоялъ высокій, красивый брюнетъ съ пенсенэ и множествомъ брелочковъ на часовой цѣпочкѣ. Онъ рассказывалъ какой-то случай или анекдотъ, въ которомъ фигурировалъ «жидъ», и послѣ каждой фразы хохоталъ первый.

— Акацатовъ... Шебалинъ,—отрекомендовалъ Боржикъ.

— Очень пріятно!—произнесъ немного на распѣвъ Шебалинъ.

Потомъ онъ окончилъ свой анекдотъ, посмѣялся, высморкался въ душистый батистовый платокъ и обратился къ Акацатову:

— Знаете что? Приходите сегодня ко мнѣ. У меня соберутся товарищи. Надо столковаться кое о чемъ.

— О чемъ же это?

— Придете и узнаете, здѣсь неудобно объяснять.

— Хорошо, я непременно приду,—рѣшительно отвѣтилъ Никеша, но, въ то же время, его охватило тревожное чувство.

Онъ подумалъ, что его зовутъ столковаться на счетъ какой-нибудь «глупости», и, вѣроятно, очень опасной, потому что о ней нельзя говорить въ курилкѣ.

Но эти тревожныя мысли смѣнились другими—началось быстрое движеніе въ аудиторіи. Никеша бросилъ недокуренную папиросу и поспѣшилъ за товарищами.

У дверей аудиторіи онъ опять подумалъ, что входитъ въ «храмъ науки». Это опредѣленіе всегда приходило ему въ голову, когда мысль касалась университета. Оно создало въ его воображеніи фантастическую картину аудиторіи. Ему представлялись величественныя колонны и куполь и въ немъ узенькія окна съ разноцвѣтными стеклами, и таинственный свѣтъ, и тишина, въ которой отчетливо раздаются могучія слова науки.

Очутившись въ аудиторіи, Никеша съ живостью оглядѣлся и увидѣлъ, что она совершенно не соотвѣтствуетъ его представленію. Нѣтъ въ ней ни колоннъ, ни купола, ни фантастическаго свѣта. Довольно большая, почти квадратная комната и въ ней ряды скамеекъ со столами и каеэдра, такія же, какъ въ гимназіи.

Вотъ и «жрецъ науки» взошелъ на каеэдру и разочаровалъ Никешу своею внѣшностью. По его представленіямъ, профессоръ долженъ имѣть интеллигентное лицо, съ широкимъ лбомъ и очень умными глазами. А передъ нимъ былъ худощавый блондинъ съ сильно измятымъ лицомъ, напоминавшимъ ему одного чиновника, сослуживца его отца.

Профессоръ окинулъ аудиторію равнодушнымъ взглядомъ, а Никешѣ казалось, что профессору должно быть пріятно увидѣть въ аудиторіи новыхъ студентовъ, и это удовольствіе должно бы выразиться и въ дружескомъ взглядѣ, и въ душевномъ, привѣтливомъ словѣ.

Затаивъ дыханіе, Никеша ожидалъ начала лекціи.

«Вѣдь это не урокъ въ гимназіи»,—думалъ онъ и ждалъ ка-

кой-то особенной рѣчи, послѣ которой студенты и профессоръ составляютъ одну семью, созданную любовью къ наукѣ.

— Милостивые государи! — началъ профессоръ холоднымъ, дѣловымъ тономъ и затѣмъ, безъ всякаго вступленія, безъ тѣхъ объединительныхъ словъ, которыхъ ждалъ Никеша, перешелъ къ своей специальности. Читалъ онъ довольно невнятно, такъ что нѣкоторыхъ словъ Никеша, при самомъ напряженномъ вниманіи, не могъ слышать. Онъ былъ разочарованъ и къ концу лекціи поглядывалъ на товарищей съ недоумѣніемъ и, какъ показалось ему, встрѣтилъ нѣсколько такихъ же взглядовъ.

Когда раздался звонокъ, Никеша не досадовалъ на то, что лекція кончилась, и ему показалось, что онъ все еще въ гимназіи: студенты проводили профессора съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ гимназисты провожаютъ учителей. Сошлись чуждые другъ другу люди и холодно исполняли свою службу: одинъ, скучая, прочиталъ лекцію, другіе выслушали ее и, не познакомившись, не сблизившись, разошлись.

Никеша подошелъ къ Боржигу и сказалъ:

— Однако, лекція-то... не того я ожидалъ.

— Чего же тебѣ надо? Лекція, какъ лекція.

Никеша промолчалъ и вспомнилъ о приглашеніи Шебалина.

— Ты будешь у Шебалина? — спросилъ онъ.

— Буду. А что?

— Ничего... Такъ я спросилъ... Что онъ затѣваетъ?

Боржигъ расхохотался.

— Съ чего тебя разобрало?

Боржигъ продолжалъ хохотать и такъ поглядѣлъ на Никешу, что онъ покраснѣлъ.

— Ты боишься къ нему идти?... Ха-ха-ха!

— И не думалъ. Чего же мнѣ бояться?

— Въ томъ-то и штука, что ты что-то вообразилъ и испугался.

— И не думалъ... А ты не знаешь, что тамъ такое?

— Не знаю. Шебалинъ милый человѣкъ, любитъ кутнуть. Вѣроятно, какое-нибудь увеселительное предпріятіе.

— А я думаю, что совсѣмъ не то... И, все-таки, пойду, потому что ты напрасно вообразилъ, что я могу струсить.

Никеша ушелъ послѣ трехъ лекцій неудовлетворенный въ своихъ ожиданіяхъ.

— Ну, что? Какъ? — спросилъ его отецъ за обѣдомъ.

— Ничего особеннаго... начались лекціи... вечеромъ звалъ Шебалинъ.

— Это хорошо. Знакомство полезное. Отецъ его богатъ и со связями.

— А какая у него дочка!... Вотъ, если бы тебѣ Богъ далъ! — сказала Марья Семеновна.

— Ужъ вы, мамаша, и сватать меня готовы.

И Никеша покраснѣлъ при этихъ словахъ.

— Д-да... Эта невѣста хошь кому, — подтвердилъ старикъ, съ аппетитомъ прихлебывая жирный борщъ съ помидорами.

IV.

Часовъ въ восемь вечера Никеша позвонилъ у подъѣзда дома Шебалина. Дверь отперъ лакей во фракъ и, снявъ шинель съ гостя, впустилъ его въ пріемную и спросилъ:

— Какъ прикажете доложить?

«Однако, какой тутъ парадъ!» — подумалъ Никеша и назвалъ свою фамилію.

Черезъ минуту явился молодой Шебалинъ въ сѣромъ коротенькомъ сюртучкѣ.

— А, это вы Акацатовъ! Очень, очень радъ, что пришли. Пойдемте въ мой кабинетъ.

Въ большой, богато обставленной комнатѣ, куда они вошли, сидѣло нѣсколько студентовъ. Хозяинъ познакомилъ ихъ съ новымъ гостемъ.

Никеша закурилъ папиросу и сталъ осматривать комнату. Ему понравился огромный письменный столъ, эластичный широкій диванъ и изящная лампа съ голубоватымъ матовымъ шаромъ. Прислушиваясь къ разговорамъ, онъ хотѣлъ по нимъ догадаться, что такое затѣялъ Шебалинъ, но никакого предположенія на этотъ счетъ невозможно было сдѣлать, потому что спорили о томъ, натуральный ли румянецъ у какой-то Раисы Михайловны.

Вдругъ Шебалинъ подошелъ къ Никешѣ и съ таинственною улыбочкой спросилъ:

— Не хотите ли, я вамъ дамъ интересную запрещенную книжку?

— Какъ же... пожалуйста... я съ удовольствіемъ, — пробормоталъ Никеша и сильно сконфузился.

«Однако, тутъ, видно, не шуткой пахнетъ», — подумалъ онъ.

Но, въ то же время, ему интересно было посмотрѣть, какія это запрещенныя книжки; онъ никогда ихъ не видалъ и только слышалъ, что есть какая-то сказка о четырехъ братьяхъ. И онъ подумалъ, что ему предлагаютъ именно эту сказку.

— Книжка весьма интересная, — повторилъ Шебалинъ съ тою же улыбочкой. — Господа, не правда ли, та книжка, что я вамъ показывалъ, очень занимательная?

Въ отвѣтъ раздался дружный хохотъ.

— Забористая... отдай все, да и то мало, — сказалъ Боржикъ.

Никеша не понялъ смѣха по поводу запрещенной книжки, а хозяинъ притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и сказалъ:

— Осторожность не мѣшаетъ.

Потомъ онъ отперъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола, вынулъ оттуда изящный альбомъ и подалъ Никешѣ.

Никеша съ недоумѣніемъ отложилъ застѣжку и раскрылъ альбомъ, а Шебалинъ, дожидавшійся этого момента, захохоталъ.

— Что?!... Не ожидали?!

Никеша страшно сконфузился. Онъ былъ стыдливый юноша, а альбомъ состоялъ изъ нецензурныхъ фотографій.

Никешѣ хотѣлось бросить альбомъ, но изъ боязни, что его осмѣютъ, онъ перелистывалъ альбомъ, показывая видъ, что интересуется картинками, и краснѣлъ еще больше, досадуя на себя за то, что притворяется.

— Эге... да вы красная дѣвушка! — сказалъ Шебалинъ.

— Вовсе нѣтъ.

И, чтобы доказать это, Никеша нарочно сдѣлалъ какое-то циничское замѣчаніе, отъ котораго ему стало противно.

— А признайтесь, вѣдь, не ожидали? Вы подумали, что я въ самомъ дѣлѣ дамъ вамъ запрещенную книжку?

— Да, я это подумалъ.

— Ха-ха-ха!... Нѣтъ, я такимъ вздоромъ не занимаюсь. Теперь время трезвеннаго дѣла, а не глупыхъ фантазій.

Онъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ произнесъ эту фразу, замшествовавшую у отца, и, покрутивъ усики, воскликнулъ:

— Господа, я вамъ хочу предложить основать кружокъ благородныхъ студентовъ!

Шебалинъ замолчалъ, наблюдая эффектъ своихъ словъ.

Гости смотрѣли на него, ожидая поясненій. Никеша обрадовался случаю прекратить разсматриваніе противнаго ему альбома.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — продолжалъ Шебалинъ, — всѣ вы, конечно, замѣтили, какая разношерстная компанія въ нашемъ университетѣ... и, во-первыхъ, самый антипатичный элементъ — жида. Для Россіи было бы истинное благодѣяніе, если бы всѣхъ жидовъ выселили за границу.

— Ну, положимъ, что ты зарпортовался, — замѣтивъ Качу-

ринъ, красивый студентъ, прозванный симфоніей за его меломанство.—Я тоже терпѣть не могу жидовъ, но выселеніе... это вродѣ изгнанія мавровъ изъ Испаніи.

— Оставимъ это,—перебилъ его Шебалинъ, досадуя, что заимствованная имъ у кого-то фраза была причиной, что его остановили.—Дѣло не въ томъ... Изгнаніе жидовъ, конечно, невозможно... даже изъ университета ихъ нельзя выкурить... Но мы должны все сдѣлать, чтобы не дать жиду хода. Противъ ихъ кагала мы выступимъ тоже коллективною силой... Но, кромѣ жида, университетъ наводненъ разночинцами, мѣщанами, сыновьями чортъ знаетъ кого!... На насъ, господа (онъ возвысилъ голосъ), какъ на представителяхъ молодого дворянскаго поколѣнія, лежитъ священная обязанность (онъ опять заимствовалъ эту фразу у отца) поднять престижъ дворянскаго сословія. Въ то время, когда все дѣлается для возрожденія благороднаго сословія нашего, мы, студенты-дворяне, не должны стоять въ сторонѣ отъ этого движенія, мы должны содѣйствовать осуществленію этой общественной задачи. Я предлагаю вамъ, господа, быть учредителями кружка для поддержанія и распространенія дворянскихъ традицій.

— Что же, это можно!—сказалъ маленькій студентъ, съ бѣгающими глазами, нѣчто вродѣ адъютанта Шебалина.

— Ну, а ты что скажешь?—обратился хозяинъ къ Бѣликову, отчаянному блондину, который развалился на диванѣ въ лѣнивой позѣ.

— Я?—повторилъ Бѣликовъ,—а помоему не все ли равно, будетъ кружокъ или нѣтъ?

— Я такъ и зналъ. Нѣтъ, ты сообрази: кружокъ насъ объединить, мы будемъ представлять коллективную единицу, противъ которой...

— Ты опять цѣлую рѣчь скажешь, — остановилъ его Бѣликовъ,—а зачѣмъ она? Я сказалъ, что по-моему все равно; значить, если по-твоему нуженъ кружокъ, то я противъ этого ничего не имѣю.

— Хорошо. Значить, два голоса за кружокъ. Дальше. Качуринъ, за тобой очередь.

— Ты не сказалъ самаго главнаго. Что будетъ дѣлать этотъ кружокъ?

— Но я полагалъ, что это само собою разумѣется. Во-первыхъ, мы будемъ воевать съ жидами и разночинцами; во-вторыхъ, будемъ пропагандировать идеи дворянскаго сословія.

— Темна вода во облацѣхъ,—замѣтилъ Качуринъ.

— Не перебивай, дай кончить,—разсердился Шебалинъ,—и, наконецъ, въ-третьихъ, или, если хотите, во-первыхъ, мы будемъ веселиться, пить, кутить, любить...

— Вотъ это понятно! Записывай меня въ твой кружокъ!

— И я согласенъ! И я! Всѣ согласны!...

— А вы?—обратился Шебалинъ къ Никешѣ.

— И я согласенъ.

— Вотъ и отлично! И такъ, господа, кружокъ составился единогласно. Каждый изъ насъ, конечно, будетъ привлекать новыхъ членовъ и мы выростемъ въ общество, которое будетъ задавать тонъ въ университетѣ.

— Мама сказала, чтобы вы шли чай пить,—раздался за дверью дѣтскій голосъ.

— Господа члены-учредители,—сказалъ Шебалинъ,—идемъ пить чай китайскій, будетъ и ромъ ямайскій,—прибавилъ онъ и засмѣялся.

У.

Молодые люди перешли въ столовую.

На большомъ овальномъ столѣ блестѣлъ самоваръ. Разливала чай сестра Шебалина, Юлія, двадцатилѣтняя дѣвушка, полная и розовая. Отъ лица ея вѣяло превосходнымъ здоровьемъ и вся она была олицетвореніемъ кокетливаго задора: онъ свѣтился въ ея глазахъ, звучалъ въ ея смѣхѣ, сказывался во всѣхъ ея движеніяхъ и манерахъ.

На другомъ концѣ стола сидѣла ея мать, важная бонтонная дама съ серьезнымъ неумнымъ лицомъ. Возлѣ нея была двѣнадцатилѣтняя Зиночка, сестра Юліи, старавшаяся разыгрывать роль взрослой.

Шебалинъ представилъ Никешу матери и старшей сестрѣ и вдругъ почувствовалъ, что его кто-то толкнулъ въ бокъ. Онъ увидѣлъ сердитое, обиженное лицо Зины, понялъ ее и, разсмѣявшись, сказалъ Никешѣ:

— А это тоже моя сестра.

Дѣвочка важно подала руку Никешѣ, тряхнула кудрявою головой и улыбнулась, копируя улыбку, съ которой Юлія встрѣчала гостей.

— Разсаживайтесь, господа,—весело заговорила Юлія.—Леонидъ Николаевичъ, ваше мѣсто здѣсь.

Она указала Качурину стулъ возлѣ себя.

— Почему же ему такая привилегія?—спросилъ Коржикъ.

— А потому, что я такъ хочу, и потому, что онъ заслуживаетъ привилегіи.

— Чѣмъ, позвольте узнать?

— Во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не любопытенъ, какъ вы... вторыхъ... но этого нарочно, на зло вамъ, я не скажу. Сидите и жарьтесь на медленномъ огнѣ любопытства!

Она засмѣялась. Также какъ и братъ, она всегда первая смѣялась своимъ остроумамъ и шуткамъ.

— О жестокая Юлія Андреевна!—воскликнулъ Коржикъ,—жариться и еще подъ такими взглядами, которые могутъ воспламенить даже воду...

— Фи!... Какой неудачный комплиментъ! Нѣтъ ли получше?

Но она и этимъ была довольна.

— Михаилъ Ивановичъ, вамъ какого чаю?—обратилась она къ Бѣликову.

— Не все ли равно?—отвѣтилъ онъ, лѣниво улыбувшись.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ вамъ.

Она подала ему стаканъ воды, въ который только капнула изъ чайника.

— Утга-кронштадтскій,—замѣтилъ Качуринъ.

Юлія звонко засмѣялась.

Бѣликовъ помѣшалъ водицу ложкой и прихлебнулъ.

— Ты думаешь, онъ не выпьетъ?—сказалъ Шебалинъ,—ей-Богу, выпьетъ.

— Почему же нѣтъ? Не все ли равно?—отозвался Бѣликовъ.

— Онъ выпьетъ, чтобы доказать, что онъ твердъ въ принципахъ,—сказалъ Качуринъ.

— Изъ упрямства выпьетъ,—замѣтилъ Коржикъ,—онъ упрямъ, какъ десять хохловъ.

Бѣликовъ только добродушно усмѣхнулся,—ему лѣнь было возражать.

— Что же ты не защищаешься?—спросилъ Шебалинъ.

— Не все ли равно?

— Онъ послѣдователенъ, какъ... Господа, что самое послѣдовательное?

— Разумѣется, влюбленный,—онъ всюду слѣдуетъ за своимъ предметомъ,—сказалъ Качуринъ.

— Такъ онъ влюбленъ? Въ кого же?—спросила Юлія.

— Разумѣется, въ васъ,—сказалъ Коржикъ,—но онъ скрываетъ это подъ личиною равнодушія ко всему на свѣтѣ.

— Михаилъ Ивановичъ, правда? Вы влюблены въ меня?

— Съ какой стати?—отвѣтилъ Бѣликовъ, пожавъ плечами.

— Ахъ, Боже мой!... А я-то надѣялась!... Ха-ха-ха!... Жестокій мужчина!... Но я великодушна. На-те вамъ новый чай, а то, пожалуйста, скажете, что я нелюбезная хозяйка.

— Были въ симфоническомъ концертѣ?—спросилъ ее Качуринъ.

— Ну, музыкантъ завелъ свою шарманку!—замѣтилъ Шебалинъ.

— Разумѣется, была. И развѣ возможно было не поѣхать?... Бетховенъ!... Одно это имя...

— Ну, а какое впечатлѣніе пятой симфоніи?

— Ахъ, Боже мой! Тутъ и вопроса не можетъ быть. Я же вамъ говорю: одно имя Бетховена, это все... восторгъ, упоеніе... все, что хотите. Я сидѣла и точно плавала въ морѣ мелодіи и меня обдавали брызги музыкальныхъ волнъ.

— Сидя, плавали? Это оригинально и неудобно,—замѣтилъ Боржигъ.

— Что вы придираетесь?... Вамъ досадно, что вы не понимаете серьезной музыки. Ахъ, Леонидъ Николаевичъ,—обратилась она къ Качурину,—я не знаю, можетъ ли что-нибудь быть выше Бетховена! Это такое наслажденіе, такое блаженство!

— А ты говорила, что скучала въ концертѣ, — вдругъ выпалила ее сестра.

Юлія расхохоталась.

— Какая ты, Зина, глупенькая,—сказала она,—слышала звонъ и не разобрала, гдѣ онъ... Я говорила, что все остальное послѣ Бетховена было скучно, а ты все перепутала, точно ты пригодишша.

Этой обиды третьеклассница спустить не могла.

— Я пригодишша?—повторила она, вспыхнувъ и чуть не плача,—я все отлично понимаю... Ты говорила, что Бетховенъ скуча... Да... Ты говорила, что тебѣ больше всего нравится «La Donna».

— Зина, замолчи! Какъ тебѣ не стыдно?—остановила ее мать.

— А зачѣмъ она бранится пригодишшой?

Всѣ засмѣялись.

Юлія, бросивъ злобный взглядъ на сестру, съ искусственнымъ негодованіемъ заговорила о томъ, что публика не цѣнитъ серьезной музыки. Она сыпала точно горохомъ именами музыкальныхъ знаменитостей, смѣшала Глюка съ Оффенбахомъ, а музыку *Риголетто*, которая такъ нравилась ей, безжалостно назвала балаганной. Ей такъ хотѣлось убѣдить всѣхъ, а въ особенности Качурину, что сестра ее выдумала исторію о «La Donna».

А дѣвочка тихонько посмѣивалась и вдругъ не выдержала и фыркнула.

— Опять?... Это еще что такое?—строго сказала мать.

— Я, мамочка, чаемъ поперхнулась.

— Это она отъ стыда, что сказала неправду,—замѣтили Юлія

— Вовсе нѣтъ! Ты вруша, а не я!—отпарировала дѣвочка.

— Зина, ты не умѣешь держать себя въ обществѣ. Иди въ свою комнату,—приказала мать.

У дѣвочки слезы выступили на глазахъ отъ обиды, что ее третьюклассницу, наказываютъ, какъ маленькую. Она встала безъ возраженій, но у двери не выдержала и крикнула:

— А, все-таки, Юлія вруша!

— Дерзкая дѣвочка,— замѣтилъ братъ,— и что это у ней за выраженія?... Это она въ гимназіи отъ мѣщанокъ научилась.

— Не стоить сердиться, она маленькая,— сказала Юлія, кусая губы отъ злости.

— А что, мы будемъ сегодня винтить?—спросилъ Бѣликовъ.

— Всенепремѣнно!—отвѣтилъ Шебалинъ.

— Ахъ, какая хорошая игра винтъ! Какая умная!—воскликнула Юлія.

— Вы играете?—спросилъ ее Качуринъ.

— Я учусь... Хочу, чтобы вы приняли меня въ свою компанію. Примете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—сказалъ Качуринъ.

— Только съ нимъ vis-à-vis не садись,—посоветовалъ братъ.

— Почему?

— Очень строгій, сердится за дурные ходы.

— Въ такомъ случаѣ, я съ нимъ-то и буду играть.

— Тебѣ нравится, чтобы на тебя сердились?

— Вовсе нѣтъ. Ему не будетъ повода сердиться. Я такъ въ учусь, что не буду дѣлать невѣрныхъ ходовъ.

— Ого! Какая ты храбрая!

— Храбрость города беретъ.

— А вы какой городъ собираетесь взять?—спросилъ Коржигъ.

— Тотъ, въ которомъ нѣтъ такихъ любопытныхъ, какъ вы, такихъ лѣнивыхъ, какъ Михаилъ Иванычъ, и такихъ молчаливыхъ, какъ monsieur Акацатовъ.

Никеша вспыхнулъ.

— Что и требовалось доказать,—сказалъ Коржигъ.

— То-есть что?—спросила Юлія.

— Что вы желаете покорить городъ, населенный музыкантами

— Откуда же это слѣдуетъ?

— Изъ рѣшенія уравненія со многими неизвѣстными по способу исключенія.

— Ну, господа, пускай Юлія беретъ города, а мы будемъ брать взятки, — сказала Шебалинъ и засмѣялся. — Пойдемте, господа!

Студенты перешли въ кабинетъ хозяина, гдѣ уже были приготовлены два ломберныхъ стола.

Какъ только гости ушли, Юлія патетически воскликнула:

— Мама! Вѣдь, это просто скандалъ! Она срамитъ меня передъ гостями!

— Позови ее сюда, — сказала мать.

Дѣвочка вошла и вызывающимъ взглядомъ посмотрѣла на сестру.

— Если ты разъ скажешь что-нибудь подобное, я тебя строго накажу! — впушительно произнесла мать.

Дѣвочка молчала, взглядывая на нее изподлобья.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить про сестру такія вещи?

— А зачѣмъ она про меня говоритъ? Она тоже срамитъ меня передъ гостями, а вы ей не замѣчаете, а только мнѣ.

— Ты еще смѣешь матери указанія дѣлать? Помни, что я сказала. Накажу, и очень строго.

Какъ только мать вышла изъ комнаты, Зиночка подошла къ сестрѣ и заодно заговорила:

— Ты думаешь, я побоюсь? Пускай меня наказываютъ, а я тебя еще получше осрамлю передъ Леонидомъ Николаевичемъ.

— Что такое? Что мнѣ Леонидъ Николаевичъ?

— Не вертись. Я все знаю. Ты въ него влюблена. И я ему все про тебя расскажу, кака я ты цаца.

— Слушай, Зина, — сказала Юлія, перемѣнивъ тонъ, — не будемъ ссориться, это нехорошо. Хочешь, заключимъ условіе, чтобы ты при гостяхъ ни слова обо мнѣ не говорила.

— Хорошо... А ты никогда не называй меня приготовишкой и, кромѣ того, купи мнѣ фунтъ шоколадныхъ конфетъ.

— Согласна.

Сестры подали другъ другу руки въ знакъ примиренія.

VI.

Въ первомъ же роберѣ Качуринъ заспорилъ съ Шебалинымъ.

— Ты не имѣлъ права ходить съ пики.

— Вотъ тебѣ разъ! Полное право имѣлъ, даже обязанъ былъ ходить съ пики.

— Почему?

— А потому, что по-моему это лучший ходъ.

— По-твоему! Да, вѣдь, въ игрѣ есть свои правила, своя теорія, обязательная для всякаго. Какъ по-вашему, господа?

— Я не пошелъ бы съ пива, — сказалъ Коржикъ.

— Да не все ли равно? — сказалъ Бѣликовъ. — Правильно ли, неправильно ли, стоитъ ли изъ-за этого горячиться и задерживать игру?... Тебѣ сдавать, Качуринъ.

Тотъ еще немного поворчалъ, но, разобравъ свои карты, успокоился, — къ нему пришла хорошая игра.

Никеша игралъ за другимъ столомъ и когда къ нему приходила червонная дама, вспоминалъ Юлію и какъ она посмѣялась надъ нимъ за то, что онъ молчалъ за чаемъ.

Около двѣнадцати часовъ въ кабинетъ вошелъ лакей и доложилъ, что «подано кушать».

— Господа, пойдемте ужинать, — сказалъ Шебалинъ.

Всѣ опять перешли въ столовую. Тамъ былъ и Шебалинъ-отецъ, красивый старикъ, съ гордо поднятою головой и важнымъ взглядомъ, какой бываетъ у предводителей дворянства изъ военныхъ. Онъ радушно поздоровался со всѣми и пригласилъ садиться. Рядомъ съ нимъ была его жена, которой, повидимому, очень хотѣлось спать, и Юленька въ новомъ нарядѣ. Голубая шиварная кофточка съ кружевами эффектно подчеркивала свѣтлые, немного золотистые волосы Юленьки; на шеѣ была золотая цѣпочка отъ часовъ; въ серьгахъ вспыхивали огоньки брилліантовъ.

«Какая красавица!» — подумалъ Никеша.

Какъ только всѣ усѣлись, Юлія овладѣла болтовней.

— Господа, сегодня вы должны больше пить, — объявила она. — Петя, наливай сосѣдямъ съ лѣвой стороны — грѣшникамъ, а я буду наливать праведникамъ.

Она схватила бутылку лафита и съ словами: «я знаю, вы пьете красное», налила полный стаканъ Качурину.

— Monsieur Акадатовъ, вашъ стаканъ... Можетъ быть, послѣ вина вы сдѣлаетесь краснорѣчивымъ.

Никеша не нашелся, что ей отвѣтить.

— А позвольте узнать, Юлія Андревна, почему сегодня мы должны больше пить? — спросилъ Коржикъ.

— Ахъ, какой вы несносный! Все вамъ объясняй... Неужел не можете догадаться?

— Потому что вы этого хотите... такъ, что ли?

— А хоть бы и такъ.

— Ну, это еще не резонъ.

— Фи! какой нелюбезный! Monsieur Акацатовъ, а вы какъ думаете?

— Я полагаю, — заговорилъ онъ и сразу покраснѣлъ, — что вы не можете хотѣть чего-нибудь дурного, слѣдовательно, ваше «я хочу» достаточная причина, чтобы всѣ согласились съ вами.

— Однако, — воскликнулъ Коржикъ, — вотъ вамъ и тихоня!... Молчалъ-молчалъ, а какой комплиментъ отпустилъ.

— Merci, monsieur Акацатовъ. Вотъ, господа, настоящій рыцарь. И за это онъ будетъ награжденъ. Я ему объясню, почему сегодня надо пить больше. Я буду предлагать тосты самые необыкновенные, а потомъ и всѣ вы, господа... Слушайте, я начинаю.

Она подняла руку съ стаканомъ.

— Господа!... Или нѣтъ, не такъ... Милостивые государи и милостивая государыня, мамаша! Я могла бы произнести рѣчь гораздо лучше тѣхъ, которыя вы будете произносить, когда окончите курсъ, но, во-первыхъ, я не хочу утомлять вашего вниманія, во-вторыхъ, я еще сама не знаю, за чье здоровье я предложу тостъ. Онъ долженъ быть необыкновенный. Мнѣ нужна минута вдохновенія. Она наступаетъ. Я пью за здоровье... за здоровье...

— Лассалья, — шепнулъ, наклонившись къ ней, Качуринъ.

Она не замѣтила его насмѣшливой улыбки и кривнула:

— За здоровье Лассалья!

Старикъ пожалъ плечами и заговорилъ хриповатымъ баритономъ:

— Во-первыхъ, милая моя, ты, какъ видно, не знаешь, что Лассаль давно умеръ...

Юлія ни на сенунду не растерялась.

— Папочка, ты меня не понялъ!... Кто же не знаетъ, что Лассаль умеръ? Дуэль во время страшной грозы... и въ моментъ выстрѣла оглушительный ударъ грома. Лассаль умеръ, но, вѣдь, его сочиненія существуютъ... Я и предложила тостъ въ этомъ смыслѣ.

По губамъ старика скользнула усмѣшка, но ему не захотѣлось уличать дочь въ томъ, что она смѣшала дуэли Лермонтова и Лассалья.

— Положимъ, что я тебя не понялъ, — сказалъ онъ, — но неужели же дѣвушка изъ родовитой дворянской семьи можетъ желать успѣха сочиненіямъ Лассалья? Да я надѣюсь, что ты ихъ и не читала. Въ моей библиотекѣ ихъ нѣтъ.

— Папочка, я потихоньку читала, мнѣ доставали.

— Да? И тебѣ понравились его сочиненія?... Прекрасно! Какое же именно?

Юлія, никогда не читавшая Лассала, бросила умоляющій взглядъ на Качурина; она надѣялась, что онъ ей подскажетъ; но онъ молчалъ и чуть-чуть усмѣхался.

— Видишь ли, папочка, — заговорила Юлія, — какое именно сочиненіе... это довольно трудно опредѣлить...

Братъ замѣтилъ ея смущеніе и выручилъ.

— А я понимаю тость Юлія, — сказалъ онъ, — дѣло очень просто. Статьямъ Лассала она, конечно, не можетъ сочувствовать, а его романтическая любовь... вотъ въ чемъ дѣло. Вѣрно ли я понялъ?

— Какъ пріятно имѣть такого догадливаго брата! — воскликнула Юлія, просіявъ отъ радости, что она выведена изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, все равно, я твоего тоста не принимаю, — сказалъ отецъ, — вотъ развѣ они тебя поддержать.

— Нѣтъ, пусть будетъ другой тостъ, — возразила Юлія. — Хочу, папочка, чтобы и ты пилъ... Первый комъ блиномъ... ха-ха-ха!... то-есть первый блинъ комомъ. Но за то второй тостъ будетъ такой, что всѣ закричатъ ура... Господа, за здоровье... папы!

— За Льва тринадцатаго? — воскликнулъ Бѣлиговъ.

Юлія даже ногами затопала отъ смѣха и уронила стулъ.

— За папу... за моего папу! — говорила она, захлебываясь отъ смѣха.

— А... это дѣло другое... Ураа!...

Всѣ стали чекаться съ старикомъ. Юлія поцѣловала его.

— Ну, отличились вы, Михаилъ Ивановичъ! — сказала она.

— Нисколько. Вы обѣщали необыкновенный тостъ, я такъ понялъ.

А Никеша глядѣлъ на Юлію и думалъ:

«Какая она начитанная; а, вѣдь, я ни одной строчки Лассала не читалъ».

— Теперь, господа, за вами очередь, — сказала Юлія. — Выдумывайте что-нибудь вродѣ Льва тринадцатаго.

Но студенты, должно быть, стѣснялись старика и отнѣбивались.

Боржикъ замѣтилъ, что превзойти въ изобрѣтательности Юлію Андреевну невозможно, поэтому онъ предпочиталъ воздержаться отъ провозглашенія тостовъ.

Качуринъ тоже сказалъ:

— Нѣтъ, ужь куда намъ соваться!

Только Шебалинъ-сынъ всталъ и съ важностью произнесъ:

— Господа, за процвѣтаніе дворянской идеи!

Старикъ съ удовольствіемъ и съ серьезнымъ видомъ чокался со всѣми и, какъ будто на большомъ дворянскомъ обѣдѣ, торжественно отвѣтилъ:

— Я пью, господа, съ особеннымъ удовольствіемъ за молодежь разумную, трезвенную, дѣловую, за молодежь, которая понимаетъ и чтитъ великія традиции славнаго прошлаго.

— Ураа! — закричала «трезвенная» молодежь, на которую вино уже подѣйствовало.

Разговоръ сдѣлался бойкимъ и шумнымъ, всѣ говорили, не выслушивая другъ друга. Каждому хотѣлось острить и любезничать съ Юліей. Она тоже выпила цѣлый стаканъ вина, глаза ея блестяли и смѣхъ звенѣлъ непрерывно.

Вдругъ точно кто толкнулъ Никешу. Онъ схватилъ стаканъ и закричалъ:

— Тише!... Тостъ!

Это было такъ неожиданно, что всѣ замолчали.

— За здоровье прекраснѣйшей изъ дѣвушекъ, за Юлію Андреевну! — произнесъ Никеша съ отчаянною храбростью.

Закричали ура, чокались, шумѣли и хохотали; потомъ пили за хозяйку, за гостей и разошлись очень поздно.

Холодокъ ясной осенней ночи пріятно подѣйствовалъ на юношей, выпившихъ довольно много.

— Чудная дѣвушка! — воскликнулъ Никеша.

— Штучка аппетитная! — замѣтилъ Боржигъ.

— Свинья! Циникъ! — разсердился Никеша.

— Эге, братъ! Сразу влюбился. Не поздравляю.

— И не думалъ... Но какое ты имѣешь право говорить такія вещи про дѣвушку?

— Не думалъ, а влопался, какъ гуръ во щи. Ругаться даже сталъ. Божество!... Правды никто не смѣй сказать.

— Не хочу я съ тобой говорить! Послушайте, Качуринъ, не правда ли, какая она умница? А жизнь въ ней такъ и кипитъ, и сверкаетъ! Развѣ не прекрасная у ней душа?... Скажите, пожалуйста, ваше мнѣніе.

— А вы не будете ругаться?

— Ну, говорите же.

— Пустая она барышня, ракета со звѣздами.

Никеша вздохнулъ и замолчалъ; но, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ снова загорячился.

— Нѣтъ, господа, вы какіе-то странные... Нѣтъ у васъ ни слуха, ни зрѣнія. Вы видѣли ея глаза и не рассмотрѣли того, что они выражаютъ.

— Я отлично рассмотрѣлъ,—сказалъ Боржикъ.

— Что же такое?

— Только, чуръ, не ругаться. Желаніе выдти замужъ.

— Какъ же не ругать тебя послѣ этого?... Ты весь пропитанъ свинскими мыслями.

— Постой! Вѣдь, это не мои мысли, а ея... и, во-вторыхъ, никакого свинства въ этомъ желаніи нѣтъ. *Naturalia non sunt turpia*.

— Врешь!... Въ ея глазахъ—кипучая мысль, чистая, кристальная душа.

— Понесъ ахинею... Впрочемъ, это извинительно... Ты здорово выпилъ. А я тебѣ скажу, за кого она замужъ хочетъ.

— За кого?—спросилъ Никеша, и въ сердцѣ у него что-то запыло.

— За сего музыканта.

— Не правда!

— Она дѣйствительно на меня мѣтитъ, но промахнется,—сказалъ Качуринъ.

— Она вамъ не нравится?—изумился Никеша.

— Не нравится.

Никешѣ этотъ отвѣтъ доставилъ удовольствіе, но ему захотѣлось убѣдиться, правду ли сказалъ Качуринъ.

— Да почему же?—спросилъ онъ,—это такая замѣчательная дѣвушка.

— А потому, что вся она на пружинахъ. Все у ней дѣланное: и восторги, и порицанія. Она способна съ жаромъ говорить о томъ, что ее вовсе не интересуетъ. Она вѣчно вретъ, поддѣлывается къ мнѣнію того, съ кѣмъ говорить.

— Сестренка-то ловко ее поддѣла.

— Злая, должно быть, дѣвочка,—замѣтилъ Никеша.

— Не въ томъ дѣло, но, вѣдь, она правду сказала.

— Конечно, нѣтъ.

— «*La donna*»... Вотъ ея музыка. Я ее буду звать «*La donna*». Но, вѣдь, какъ дерзко вретъ! Не моргнетъ, не покраснѣетъ. Съ Лас-салеми-то какая потѣшная штука. Вѣдь, это я ее поддѣлъ. Я ей шепнулъ, она и брякнула, какъ попугай.

— Она вамъ вѣритъ, а вы такъ поступили; вѣдь, это не хорошо,—горячо протестовалъ Никеша.

— Полноте... Такихъ надо выводить на свѣжую воду. Я хо-

тѣль избличить ее въ безпардонномъ враньѣ. Она меня злитъ. И, вѣдь, совѣмъ попалась, а повернула такъ, что отецъ ея будто бы не понималъ. Досадно, что братъ ее пожалѣлъ, а то бы она брягнула, что Лассаль написалъ *Дворянское гнѣздо* или *Обломова*. Невѣжество ея и въ литературѣ, и во всемъ, кромѣ нарядовъ, колоссальное, но дерзости у ней еще больше. Она воображаетъ, что всѣхъ можетъ дурачить своимъ враньемъ.

— Не вѣрю и не хочу этого слушать!

Никеша больше ни слова не сказалъ до своей квартиры и сухо простился съ товарищами.

Ложась спать, онъ чувствовалъ, что голова его кружится отъ вина и что онъ влюбился. Сладкое чувство перемежалось какою-то горечью.

«Какъ хорошо, что Качуринъ ее не любитъ!—думалось ему.— Но, вѣдь, она его любитъ... А, можетъ быть, она увидитъ, что онъ ее не стдитъ... А глаза ея?... А голосъ?... Какъ музыка... Однако, голова кружится...»

Онъ выпилъ воды и уткнулся головой въ подушку.

УП.

Никеша зачистилъ къ Шебалинымъ. То ему оказывалась настоящая необходимость въ какой-нибудь книгѣ изъ библіотеки Шебалина, то надо было справиться насчетъ университетскихъ записокъ. И онъ шелъ въ надеждѣ хоть на минуту увидеть Юлію. А по средамъ (у Шебалиныхъ были среды) онъ блаженствовалъ за чаемъ. Юлія подавала ему стаканъ, называла его Никифоромъ Петровичемъ, а не monsieur Акадатовъ, какъ въ первый вечеръ, обращалась къ нему съ насмѣшливыми вопросами, но онъ наслаждался музыкой ея словъ, не замѣчая ихъ ядовитости. Ему хотѣлось, чтобы чай продолжался весь вечеръ, и такъ неприятно ему было, когда Бѣликовъ или Шебалинъ говорили:

— А что же, господа? Не будемъ терять драгоценнаго времени.

Съ затаеннымъ вздохомъ Никеша шелъ съ товарищами винтить. Онъ отказался бы, но его удерживала боязнь обнаружить этимъ свое чувство.

Это была, однако, совершенно бесполезная предосторожность. Юлія съ перваго же знакомства съ Никешей была увѣрена, что онъ въ нее влюбленъ, и вымещивала на немъ свою досаду на то, что Качуринъ къ ней равнодушенъ. Она постоянно смѣялась надъ Никешей.

Однажды за чаемъ она сказала:

— Господа, не знаете ли вы, въ кого влюбленъ Никифоръ Петровичъ?

— Ни въ кого, — отвѣтилъ Никеша, не глядя на нее.

— И вамъ не стыдно говорить неправду?... Вы не влюблены?... Ну, поглядите мнѣ въ глаза и скажите, что нѣтъ.

Никеша взглянулъ на нее и мгновенно вспыхнулъ, какъ облако, поднявшееся изъ лощины надъ гребнемъ горъ при встрѣчѣ съ солнечными лучами. Онъ, однако, заставилъ себя сказать:

— Нѣтъ.

— Съ этой минуты я ни одному вашему слову не вѣрю. И, чтобы наказать васъ за ложь, я желаю, чтобы ваша любовь была безнаджна.

— А я этому желанію не вѣрю.

— Да? Почему это?

— Потому что оно жестокое, а вы очень добрая.

— Мегсі за комплиментъ! Но знаете что? Попробуйте сдѣлать опытъ: разлюбите свой предметъ и влюбитесь въ меня... Вотъ тогда и узнаете, какое у меня чувствительное сердце.

Она засмѣялась. Засмѣялся и Никеша, воображая, что это необходимо для сокрытія его тайны, хотя отъ ея смѣха ему стало очень больно.

И когда онъ шелъ въ тотъ вечеръ домой, ему вспомнился ея смѣхъ.

«Зачѣмъ она такъ смѣялась? — думалъ онъ. — Конечно, она не хотѣла меня уязвить... но, все-таки, зачѣмъ этотъ смѣхъ? Не любить она меня, но зачѣмъ же бить лежачаго?»

И какая-то тѣнь прошла по свѣтлomu образу.

Но на слѣдующій день опять явились иллюзіи и надежда на то, что Юлія, можетъ быть, полюбитъ его, и Никеша снова выдумывалъ предлогъ, чтобы утромъ зайти къ Шебалинымъ. Онъ, какъ мотылекъ, летѣлъ на огонь, обжигался, страдалъ и опять летѣлъ; огонь снова жегъ его, но, все-таки, это былъ огонь, которымъ освѣщалась его жизнь, — безъ него было бы темно и холодно.

Юлія безъ церемоніи утилизировала влюбленность Никеша. Она обратила его въ своего адъютанта; онъ долженъ былъ покупать для нея ноты, перемѣнять въ библіотекѣ книги, которыхъ она почти не читала, носить ея записки къ знакомымъ. Никеша съ радостью взялъ на себя эту роль; она доставляла ему возможность чуть не каждый день видѣть Юлію. А эти частыя свиданія были причиной того, что слѣпота любви понемногу начала проходить.

Никешѣ пришлось наблюдать, что Юлія лжетъ безъ зазрѣнія совѣсти. И какъ ни старался онъ не вѣрить своимъ ушамъ, но факты были слишкомъ яркіе и многочисленныя, и его искренняя натура возмущалась. Были случаи, заставившіе его усомниться и насчетъ ея доброты. Онъ бранилъ себя за дурныя мысли о «прекраснѣйшей изъ дѣвушекъ», онъ жадно искалъ въ ней проявленій душевности и искренности, но какъ ни старался онъ обмануть себя, все-таки, не могъ не чувствовать, что отъ Юліи вѣяло холодомъ эгоизма и лицемерія.

Почти полгода Никешу не оставляла любовная лихорадка, но, наконецъ, появились признаки, предсказывавшіе выздоровленіе: онъ уже могъ критически думать о своемъ «божествѣ», могъ спорить съ Юліей, тогда какъ прежде каждое ея слово было безспорно. И эти споры тоже способствовали выздоровленію Никеша, обнаруживая пустоту и неискренность Юліи.

Однажды, въ среду, болтовня за чаемъ коснулась героевъ. Юлія, съ апломбомъ вмѣшивающаяся во всякій разговоръ, вступилась и въ этотъ.

— Я не понимаю, — затараторила она, — почему это принято восхищаться героями? Это — рутина.

— Дѣвушки всегда симпатизируютъ героямъ, — замѣтилъ Никеша.

— Это прежнія, сентиментальныя дѣвушки, — возразила Юлія. — Помилуйте, человѣкъ хочетъ разбить стѣну лбомъ! Что тутъ восхитительнаго? Это только глупо!

— Мнѣ кажется, что такой взглядъ на героевъ неприличенъ для молодости.

— Мерси за наставленіе, приличный молодой человѣкъ! Но я, представьте себѣ, не стыжусь такого взгляда, потому что (она вспомнила выраженіе отца) это трезвенный взглядъ, потому что для прогресса нужны не герои, а труженики. Впрочемъ, и я люблю героевъ... въ романахъ. Кстати, Нигифоръ Петровичъ, достаньте мнѣ романъ... Ахъ, Боже мой, я забыла заглавіе... въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*... Папа говорилъ, что это замѣчательная вещь.

Никеша обѣщалъ достать, но ему какъ-то непріятно сдѣлалось отъ ея словъ. И когда онъ взглянулъ на Юлію, она показалась ему несимпатичною. А когда товарищи пошли домой, онъ вдругъ сказалъ:

— Знаешь что, Коржигъ, Юлія Андреевна какая-то странная; у ней старушечьи мысли.

— Пустая деревяшка, я тебѣ всегда говорилъ.

Никеша не разсердился. Онъ только вздохнулъ и вдругъ почувствовалъ, что ему стало какъ-то легко, какъ будто спали съ него любовныя цѣпи, и отъ ощущенія свободы ему стало весело, какъ арестанту, только что выпущенному изъ тюрьмы.

УІІІ.

Съ этимъ же чувствомъ свободы Никеша проснулся на другой день.

«Прошло, совсѣмъ прошло!»—подумалъ онъ, усмѣхаясь.

Онъ вспомнилъ, что обѣщалъ Юліи достать книжку *Русскаго Въстника*, и пошелъ въ бібліотеку. Ему хотѣлось въ ея присутствіи убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли все прошло.

Онъ отдалъ Юліи книгу, говорилъ съ ней и ясно чувствовалъ, что она уже не имѣетъ надъ нимъ власти. Съ веселою улыбкой Никеша вышелъ отъ Шебалиныхъ.

Но послѣ пріятнаго сознанія свободы скоро наступило то тягостное чувство, какое испытываетъ человѣкъ, не имѣющій ничего, что дѣлаетъ его существованіе жизнью. У Никеша ничего не было, что могло бы замѣнить разсѣявшійся мучительно-сладкій самообманъ. Барты, вино и кутежи не имѣли для него того свойства красить жизнь, какъ болѣзнь, отъ которой онъ отдѣлался. Идеи кружка шебалинцевъ, какъ прозвали его въ университетѣ, Никешу не интересовали. Юдофобомъ онъ не былъ и только по привитой съ дѣтства привычки называлъ еврея жидомъ. Дворянскія тенденціи кружка тоже его не интересовали. Онъ не привлекъ ни одного новаго члена въ кружокъ, который увеличивался любителями прожиганія жизни. Кружокъ разросся, какъ патологическій процессъ въ организмѣ, лишенномъ нормальныхъ условій для развитія; не имѣя жизненной силы, онъ держался только отсутствіемъ сопротивленія въ окружающей средѣ, принципомъ которой сдѣлалось любимое выраженіе Бѣликова: «не все ли равно?»

Одинъ только Шебалинъ часто говорилъ о дворянской идеѣ, но Никешѣ казалось, что въ его рѣчахъ на эту тему былъ тотъ же искусственный жаръ, съ какимъ его сестра могла говорить о чемъ угодно.

«Надо заниматься, а то, пожалуй, и на второй курсъ не перейдешь»,—рѣшилъ Никеша.

Онъ принялся за книги по своей спеціальности и вспомнилъ, что въ науку влюбляются такъ же, какъ въ женщину, что можно жить наукой, забывая все остальное.

Но между разными «источниками» и Никешей не установилось

той живой связи, какая бывает между друзьями. Какою-то сухостью и скукой вѣяло на него отъ толстыхъ кодексовъ. Онъ искалъ незыблемыхъ основъ науки, благодѣтельныхъ для челоуѣчества принциповъ, безсмертныхъ истинъ, а вмѣсто всего этого у него явилось сомнѣніе, настоящую ли, заправскую ли науку онъ изучаетъ?

Онъ думалъ, что когда-нибудь люди сдѣлаются нравственными и тогда не будетъ ни гражданскихъ исковъ, ни уголовныхъ процессовъ и, значить, вся наука юристовъ уничтожится, такъ же, какъ и всѣ военныя науки.

И Никеша занимался съ полнымъ равнодушіемъ къ наукѣ, только для того, чтобы сдѣлаться прокуроромъ. Но по мѣрѣ того, какъ въ немъ развивалось сознание, онъ становился въ недружелюбное отношеніе къ своей наукѣ. Варіаціи на тему: «*fiat justitia, regeat mundus*» возмущали его. По прочтеніи одного изслѣдованія о преступленіяхъ и наказаніяхъ онъ рѣшилъ, что будетъ не товарищемъ прокурора, а присяжнымъ повѣреннымъ для защиты только праваго дѣла. У него мелькнулъ даже вопросъ, не лучше ли перейти на другой факультетъ?

Пробуждающаяся мысль заставила его поднимать споры съ товарищами, но они называли его вопросы парадоксами и отвѣчали общепринятыми формулами, стараясь защитити ихъ во что бы то ни стало.

Когда споръ обострялся, Бѣликовъ, молчаливо наблюдавшій его, лѣниво поднимался съ мягкаго дивана, подходилъ къ товарищамъ и говорилъ:

— Господа, не все ли равно, кто изъ васъ правъ? Все равно, каждый останется при своемъ, — ну, значить, и нечего спорить, а тѣмъ паче сердиться. Пойдемте лучше въ нашъ парламентъ.

Такъ назывался излюбленный ими ресторанъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, идемъ, господа!

Шелъ съ ними и Никеша по привычкѣ, но онъ чувствовалъ недовольство самимъ собой въ особенности на другой день послѣ попойки; однако, вечеромъ онъ опять игралъ въ карты или участвовалъ въ новомъ кутежѣ. Винтъ уже не удовлетворялъ его; ему нужны были болѣе сильныя ощущенія и завелась азартная игра. Онъ научился пить водку, которой прежде терпѣть не могъ.

IX.

Перешелъ Никеша на второй курсъ, а жизнь его тянулась по-прежнему.

Вставая часовъ въ одиннадцать, онъ думалъ: «Чортъ знаетъ, какое безобразіе! Какъ поздно!»

Но, вслѣдъ затѣмъ, онъ спрашивалъ себя:

«А зачѣмъ мнѣ время? Чѣмъ меньше его, тѣмъ лучше».

И дѣйствительно, задача его товарищей и его самого заключалась только въ томъ, чтобы «убивать время».

Съ ощущеніемъ недовольства собою, съ головою болью и недомоганіемъ, Никеша пилъ чай, потомъ шелъ въ университетъ; скучая, слушалъ лекцію; скучая, вспоминалъ подробности вчерашней попойки; скучая, читалъ «записки» своего курса, а вечеромъ опять карты или попойка. Но и эти увеселенія надоѣдали ему; онъ сталъ находить скучною свою компанію. Однѣ и тѣ же темы для разговоровъ и анекдоты съ «жидомъ», циничныя шуточки, къ которымъ Никеша никакъ не могъ привыкнуть.

Однажды компанія шебалинцевъ, въ томъ числѣ и Никеша, поздно ночью вышла изъ своего парламента. Голова Никеша кружилась и онъ предложилъ идти подъ руку. Шеренга студентовъ заняла весь тротуаръ и съ пѣсней тореадора изъ *Карменъ* двигалась не особенно твердыми шагами. Улица была пуста; только городской, дремавшій у подъѣзда, проснулся и соннымъ голосомъ замѣтилъ, что «пѣть не дозволяется». Его послали къ чорту и шли дальше. Впереди показалась какая-то фигура.

— Господа, это жидъ... Прямо, равеніе направо!—скомандовалъ Шебалинъ.

Еврей, мастеровой, прижался къ стѣнѣ дома, чтобы пропустить подкутившую компанію, но шеренга нарочно напирала на него и сбила съ ногъ.

— Стыдно!... А еще студенты!—сказалъ онъ, поднявшись и надѣвая слетѣвшую съ него шапку.

— Молчи, жидовская харя!—было отвѣтомъ.

Но отъ словъ еврея, какъ ни пьянъ былъ Никеша, ему стало стыдно.

— Это свинство,—пробормоталъ онъ и ему хотѣлось извиниться передъ евреемъ.

Но товарищи увлекали его дальше, а восклицаніе его поняли въ томъ смыслѣ, что онъ назвалъ свиньей еврея. Никеша хотѣлъ разъяснить это недоразумѣніе, но сталъ говорить что-то непонятное... Языкъ слушался его плохо. Никешѣ казалось, что на встрѣчу бѣгутъ фонарные столбы и все прямо на него, какъ будто хотятъ столкнуть съ дороги, какъ они столкнули еврея; онъ сторонился, чтобы дать фонарямъ дорогу, и толкалъ товарищей то вправо, то влево;

кто-то его выругалъ, потомъ мелькнули какіе-то огни, а дальше Никеша ничего не помнилъ.

Онъ проснулся отъ осторожныхъ шаговъ въ комнатѣ и, открывъ глаза, увидѣлъ лицо матери, заглядывавшее на него изъ-за спинки кровати.

— Что вы, мама?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

«Здоровъ ли ты? Я боялась, что такъ долго спишь».

— А что? Десять есть?

— Половина перваго.

— Однако!

Мать ушла. Никеша сталъ одѣваться, припоминая вчерашній вечеръ.

«Здорово выпилъ. Голова трещить».

Онъ поднялъ занавѣску у окна и, увидя на улицѣ еврея-старьевщика, вспомнилъ вчерашнюю сцену и слова: «Стыдно, а еще студенты!»

«Ахъ, какая я свинья!»—подумалъ онъ и къ головной боли присоединилось угнетающее чувство стыда.

Онъ облилъ голову холодною водою, чтобы освѣжиться, выпилъ стаканъ чаю и пошелъ въ университетъ. На лекцію онъ опоздалъ и только поболтался въ курилкѣ.

Когда онъ вернулся домой, тамъ уже обѣдали. Отецъ, отдѣлавшись отъ службы, наслаждался борщомъ.

— Вотъ это борщъ,—говорилъ онъ женѣ.—Налей-ка еще.

Марья Семеновна съ удовольствіемъ исполнила это, гордясь своимъ умѣньемъ угодить мужу.

— А ты чего не ѣшь?—обратился онъ къ Никешѣ.

— Не хочется.

— Да ты что - то тово... испортился. Любовь не картошка... Такъ, что ли?

— Любовь не причемъ.

— Толкуй себѣ... Знаю, что Юленька тебѣ голову вскружила.

— Было, да прошло.

— Отчего же ты кислятиной смотришь?

— Скучно.

— Студенту скучно?... Въ двадцать-то лѣтъ скучно? Срамъ!... Бажется, у тебя все есть, чтобы не скучать. Первымъ дѣломъ, ѣшь ты вкусно и сытно. Вотъ, напримѣръ, этикіе кусочки не всякому студенту въ ротъ попадаютъ.

Онъ указалъ на принесенное горничной блюдо съ жаренымъ гусямъ, окруженнымъ крупными яблоками, и пожевалъ губами, пред-

вкушая наслаждение ѣды, а Марья Семеновна уже выбирала для него лучшей кусокъ.

— Ну, потомъ,—продолжалъ старикъ,—квартира у тебя теплая; спишь, слава тебѣ Господи. Здоровъ. Товарищи хорошіе, въ удовольствіяхъ себѣ не отказываешь. Чего тебѣ еще надо?

— А, все-таки, настоящей жизни нѣтъ.

— Пить ты сталъ не въ мѣру. Не хорошо это, Никеша. Голова, вѣрно, трещить, оттого тебѣ и скверно.

— Нѣтъ, не то... Вѣдь, я пью для того, чтобы не чувствовать себя пустою бочкой.

— Объяснилъ, нечего сказать, понятно... Блажишь ты, Никеша.

— Оттого у тебя тоска, что въ церковь не ходишь, — сказала Марья Семеновна.

— Онъ и въ прошломъ году не часто туда ходилъ, а не скучалъ,—замѣтилъ старикъ,—да и я не большой богомолецъ, а никогда скуки не зналъ.

— Нѣтъ, ужь ты лучше объ этомъ помолчи, — перебила его жена.—Кто храма Божьяго чуждается, тому тоски не миновать.

Старикъ обглодалъ гусиную косточку и сказалъ:

— Мой совѣтъ тебѣ, Никеша, снова влюбиться.

— И влюбиться-то не въ кого.

— Ого!... А Наташа Маринкина? А сестры Квашинскія? Люблю выбирать—пальчики оближешь.

— Скучныя онѣ, пустыя.

— Боли ласково посмотреть, такъ не покажутся случайными. Нѣтъ, Никеша, раскисъ ты, расхлябался... Не хорошо. Налей-ка мнѣ вина.

Старикъ запилъ гуся виномъ, вытеръ губы салфеткой и, отдуваясь, всталъ.

— А теперь заснуть—истинная благодать, и скучать не захочется.

Съ этими словами Акацатовъ, вытягивая животь и тяжело дыша, пошелъ въ свою комнату.

— Никеша, голубчикъ, послушайся матери,—заговорила Марья Семеновна, — зайди къ вечернѣ и помолись: всю твою тоску какъ рукой сниметъ и снизойдетъ на тебя радость и покой душевный.

Никеша грустно усмѣхнулся. Его тоже тянуло ко сну, но онъ рѣшилъ разгуляться.

Ему надоѣла ходьба по улицамъ и онъ повернулъ по дорогѣ за городъ. Миновавъ острогъ и кладбище, онъ побрелъ куда глаза гля-

дать. Въ его мысляхъ была путаница, въ которой онъ не могъ разобратъся, его томило желаніе чего-то новаго, что захватило бы всѣ молодыя силы, дало бы настоящую жизнь.

Долго онъ шелъ, глядя въ землю, и остановился, когда поднялся на горку, посмотрѣть, далеко ли остался городъ.

Онъ былъ еще видѣнъ. Изъ него доносился медленный звонъ къ вечернѣ, напомнившій Никешѣ совѣтъ матери. А впереди — даль, подернутая туманомъ. Картина была печальная. Кругомъ щетинистыя поля, по межамъ — трупы полыни и звѣробоя. Вотъ василекъ, недавно сіявшій на золотомъ фонѣ ржи синею звѣздочкой, а теперь безобразный пруть съ уцѣлѣвшею на концѣ чашечкой. Ворона опустилась близъ дороги, побродила по мерзлой землѣ, постучала въ нее носомъ и, убѣдившись, что поживиться нечѣмъ, каркнула, какъ старуха-ворчунья, и полетѣла къ городу. Березовая рощица имѣла жалкій видъ. Бѣлые стволы, простирая къ нему обнаженные вѣтви, являлись какъ бы олицетвореніемъ нѣмой жалобы на обиды отъ жестокой осени. Надъ рощей и щетинистыми полями былъ сѣрый куполъ, гдѣ глазъ напрасно искалъ свѣтлыхъ штриховъ, даже на западѣ не прорѣзывалось ни одной свѣтлой полоски: солнце заходило за такую густую осеннюю тучей, что ни однимъ лучомъ не могло сказать людямъ: «а, вѣдь, я здѣсь, я не погасло». Снѣжинки иногда мелькали въ воздухѣ, но снѣгъ не шелъ.

«Смертью пахнетъ», — подумалъ Никеша и ему захотѣлось поскорѣе уйти съ огромнаго кладбища, какимъ представлялись поле и роща. И самъ онъ, и его товарищи показались ему живыми мертвецами. Жутко стало ему и такъ живо почувствовалась потребность обновиться, воскреснуть. Онъ оглядѣлъ мысленно горизонтъ своей жизни и такъ же, какъ на сѣромъ куполѣ неба, не нашелъ просвѣта. Одни только сѣрые тоны глухой осени, а въ сердцѣ ноющая боль отъ тоски по веснѣ.

«Куда дѣваться сегодня?» — подумалъ Никеша и пошелъ къ Шебалину винтить.

Х.

Изъ передней Никеша услышалъ оживленный говоръ, въ которомъ выдѣлялся чей-то незнакомый молодой голосъ.

Войдя въ столовую, Никеша увидѣлъ обычныхъ партнеровъ винта и какую-то дѣвушку въ черномъ платьѣ. Рядомъ съ расфранченною Юлей она казалась монашенкой.

Шебалинъ представилъ ей Никешу и сказалъ:

— Ну, братъ, насъ пробирають. Людмила Николаевна такая сердитая, что не дай Богъ.

— Отшучиваетесь, а, вѣдь, дѣло-то очень серьезное, — грустно замѣтила дѣвушка.

— О чемъ былъ споръ? — спросилъ Никеша Шебалина.

— Видишь ли... Людмила Николаевна поинтересовалась узнать, какъ мы проводимъ время. Я рассказалъ, а она напустилась на насъ, какъ самый сердитый прокуроръ. Мы обвиняемся въ безнравственномъ образѣ жизни, въ измѣнѣ студенческимъ традиціямъ, — однимъ словомъ, повѣситъ насъ мало.

— Знаете, господа, — воскликнула дѣвушка, — чѣмъ больше васъ слушаю, тѣмъ больнѣе дѣлается... Вѣрить не хочется... Студенты играютъ въ карты, не читаютъ, безобразничаютъ, юдофобы!... И не сознаютъ, какъ все это пошло и гадко... И неужели товарищи не протестуютъ?

— Какое же они имѣютъ право? Всякій можетъ жить по-своему, — сказалъ Шебалинъ.

— Какое право?!... Да это не только право, это обязанность товарищей... А ты ихъ не стыдишь, Юлія?

— За что же? Развѣ нельзя покутить молодымъ людямъ?... А жидовъ я тоже терпѣть не могу. И я съ папой согласна, что нынѣшніе студенты гораздо лучше прежнихъ... Дѣловые, благоразумные.

— Ахъ ты, бабушка въ 20 лѣтъ!... Но вы сами, господа, неужели не чувствуете пустоты такой жизни?... Неужели вамъ не тяжело жить?

— Ничего, живемъ помаленьку, — отвѣтилъ Шебалинъ, усмѣхаясь.

— Не вѣрю... Невозможно, чтобы въ васъ погибло уже все молодое... Это просто кошмаръ, отъ котораго вы должны очнуться.

— А пока что, пойдѣмте, господа, винтить, — сказалъ Шебалинъ.

Коржикъ и Качуринъ встали. Никеша точно не слыхалъ приглашенія, сердце его ускоренно билось, въ немъ закипала какая-то радость.

— Акацатовъ, идемъ же!

— Что такое? — спросилъ онъ, точно проснувшись.

— Винтить.

Никешѣ хотѣлось остаться, но онъ машинально всталъ и пошелъ за товарищами.

Началась игра, но мысль Никешы въ ней не участвовала: его

тянуло въ столовую и онъ злился на себя, зачѣмъ онъ тамъ не остался.

— Кто она такая? — спросилъ онъ Шебалина.

— Подруга сестры по гимназiи, курсистка, — прибавилъ онъ съ пренебреженiемъ.

— Славный, должно быть, человѣкъ.

— Новое свѣтило на твоёмъ горизонтѣ, — замѣтилъ Коржикъ.

— Пошлость ты сказалъ, — разсердился Никеша, — меня задѣло за живое то, что она говорила; да и тебя, я думаю, и всёхъ.

— Нѣтъ, я не пострадалъ, — отвѣтилъ Коржикъ.

— Трешетка по либеральному камертону, — замѣтилъ Качуринъ.

— Ну, хоть ты и музыкантъ, а слухъ тебѣ измѣнилъ, — возразилъ Никеша.

— Такъ и запишемъ. Тебѣ сдавать.

Никеша взялъ карты, сталъ тасовать ихъ и подумалъ:

«А, вѣдь, я молчалъ за чаемъ, какъ будто согласенъ съ Шебалинымъ. И позорно ушелъ отсюда... и играю въ карты... Что же это такое?»

Ему вдругъ стали такъ противны карты и свое поведенiе, что онъ положилъ колоду, всталъ и объявилъ:

— Я больше не могу играть.

— Это что означаетъ?

— Хочется съ ней поговорить. Человѣкъ-то необыкновенный. Право, господа, пойдемте туда.

— Очень нужно!

— Но это не по-товарищески... Ты компанiю разстраиваешь.

Никеша ничего не отвѣтилъ.

Когда онъ вошелъ въ столовую, гостыя попрощалась съ Юлией.

— Когда же ты уѣзжаешь? — спросила Юлія.

— Завтра.

«Уѣзжаетъ!» — съ ужасомъ подумалъ Никеша.

Его охватили тотъ страхъ и тоска, которые испытываютъ люди, плавающіе на обломкахъ погибшаго парохода и увидѣвшіе, что мелькнувшій на горизонтѣ парусъ удаляется.

Онъ побѣдилъ свою застѣнчивость и сказалъ:

— Позвольте мнѣ съ вами пойти.

Она удивилась, взглянула на него и сказала:

— Пойдемте.

Никеша, охваченный радостнымъ волненiемъ, спускался съ лѣстницы за дѣвушкой. Когда они вышли на улицу, онъ заговорилъ:

— Какъ я вамъ благодаренъ... Вѣдь, вы меня точно изъ ямы вытащили. Стыдно сказать... вѣдь, изъ этого кружка... Но все это ужъ кончено... то-есть жизнь, какую я велъ.

— Но почему же вы такъ жили?—спросила она.

— Право, не знаю... Не думалъ я тогда... не замѣчалъ безобразія... а потомъ сталъ замѣчать, но втянулся, должно быть... Ну, да однимъ словомъ свинья... нечего оправдываться... А вы завтра уѣзжаете... и я опять одинъ, безъ хорошихъ людей... Послушайте, у васъ, вѣрно, есть здѣсь хорошіе знакомые... Познакомьте меня.

— Вотъ что мы сдѣлаемъ,—сказала она, остановившись у воротъ большого дома,—зайдите сейчасъ ко мнѣ, я васъ познакомлю съ моимъ братомъ.

— Какъ это отлично!—сказалъ Никеша и пошелъ за дѣвушкой черезъ дворъ.

Ихъ встрѣрилъ студентъ.

— Мой братъ, Лугинъ,—сказала она, а вашу фамилію я знала.

— Я его знаю,—сказалъ Лугинъ, подавая руку Никешѣ и съ недоумѣніемъ взглянувъ на сестру.

— Почему же мы до сихъ поръ не познакомились?—воскликнулъ Никеша.

— Съ обѣихъ сторонъ не было желанія.

— Но, вѣдь, вы знали, какой я студентъ. Что бы вамъ выругать меня хорошенько.

Лугинъ усмѣхнулся.

— Съ какой же стати навязываться съ наставленіями?

— Нѣтъ, Сергѣй, ты не правъ,—возразила сестра,—это ужасный эгоизмъ... На твоихъ глазахъ товарищи безобразничаютъ, а ты молчишь; я, молъ, хорошъ, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Вѣдь, это поддержка зла.

— Пожалуй, тутъ есть правда,—согласился Лугинъ,—но что же дѣлать, если я не могу? Я чувствую, какая неловкость давать совѣты. Думается мнѣ, вѣдь, не дѣти, сами могутъ понимать, что дѣлаютъ.

— Ахъ, нѣтъ!—возразилъ Никеша,—я и многіе просто безсознательно попали въ этотъ кружокъ... не думали... такъ, одни за другими... И вотъ я только сегодня совѣмъ одумался... Когда ваша сестра стала бранить насъ, меня точно обожгло отъ стыда... И я сѣлъ было въ карты по привычкѣ и не могъ играть, противно стало... Это раньше было бы, если бы вы познакомились со мной. Послушайте, вѣдь, навѣрное, есть хорошіе, настоящіе студенты.

— Какъ не быть!

— Такъ знаете ли что?... Ваша сестра правду сказала. Все это, то-есть этотъ кружокъ и такая жизнь студентовъ,—это кошмаръ. А мы не будемъ молчать, мы всёхъ заставимъ одуматься... Ахъ, Людмила Николаевна, если бы вы знали, какъ это хорошо, что вы сегодня были у Шебалиныхъ!

Онъ схватилъ ея руку и крѣпко жалъ и трясъ отъ восторга, какъ будто она была его давнишній товарищъ. Она весело улыбалась.

Никеша сталъ рассказывать о своей жизни съ тѣмъ безпощаднымъ самоосужденіемъ, потребность въ которомъ является у искреннихъ людей въ минуты душевныхъ кризисовъ. Онъ изливалъ всю свою душу. Его слова звучали ненавистью къ своему прошлому; онъ приносилъ ту горячую, сердечную исповѣдь, послѣ которой нѣтъ возврата къ прошлымъ грѣхамъ.

Когда онъ поздно ночью шелъ домой, ему казалось, что онъ вырвался изъ тѣсной кѣтки и летитъ куда-то въ свѣтлую область. Онъ не узнавалъ самого себя и случившееся представлялось ему каинимъ-то чудомъ.

Такъ въ весеннюю ночь, предъ разсвѣтомъ, стоять цвѣты, уже развившіеся, но еще окутанные лепестками чашечекъ, и инстинктивно тянутся къ востоку, гдѣ еще только показались первые розовые штрихи зари. Но одного взгляда солнышка на куртину довольно для того, чтобы она зашевелилась свѣжими цвѣтами.

XI.

Дня черезъ два за обѣдомъ старикъ Акацатовъ строго посмотрѣлъ на Никешу и сказалъ:

— Не ожидалъ я отъ тебя такой штуки.

— Какой, папа?

— Ты себя скомпрометировалъ.

— Я?!

— Нечего притворяться! Не говорилъ ты рѣчи въ курилкѣ?

— Говорилъ.

— Ну, вотъ то-то и есть.

— А вы знаете, о чемъ я говорилъ?

— Все равно... рѣчь говорилъ... выдвинулся.

— Нѣтъ, папа, вы должны сначала узнать, какую рѣчь... Я говорилъ, что студенты не должны безобразничать, играть въ карты... что товарищи должны стыдить тѣхъ, кто роняетъ достоинство студента.

— Тебѣ-то какое дѣло?—перебилъ его отецъ,—скажи ты радъ

Христа... Шель ты хорошо. Я радовался, какой у меня сынъ, ж вдругъ ты все испортилъ.

— Папа, неужели вы недовольны тѣмъ, что я пересталъ безобразничать?

— Нѣтъ, это хорошо... Но зачѣмъ ты рѣчь говорилъ?

— Я хочу, чтобы и другіе послѣдовали моему примѣру.

— Какое тебѣ дѣло до другихъ?... Всякій самъ себя знаетъ.

— Съ этимъ я не согласенъ. Нельзя только о себѣ думать.

— Ну, вотъ!... Слышишь, мать, какія у него идеи?

— А кто виноватъ, какъ не отецъ?—отвѣтила Марья Семеновна.

— Я виноватъ?—изумился старикъ.

— Ты! Развѣ не ты говорилъ, что не бѣда, если молодой человекъ не каждый праздникъ въ церкви бываетъ? А отъ этого все и идетъ. Сначала человекъ заѣбнится въ церковь ходить, а тамъ ужъ и идеи всякія пойдутъ. Дьяволь-то не зѣваетъ. Нѣтъ, онъ не зѣваетъ.

— Не въ дьяволѣ дѣло. Тутъ, навѣрное, дурные люди замѣшались и сбили Никешу съ толку.

— А дурныхъ людей кто толкаетъ? Развѣ не дьяволъ? Нѣтъ, ужъ ты ничего не знаешь и не говори. Самъ виноватъ. Испортилъ сына, а теперь жалуешься.

— Папа, да развѣ дурной тотъ человекъ, который укажетъ другому, что онъ дурно себя ведетъ?

— Коли онъ натолковалъ тебѣ, что надо о другихъ заботиться, такъ, разумѣется, онъ дурной, злой человекъ.

— Почему? Рѣшительно не понимаю.

— А потому, что отъ этого все зло. Заботься о себѣ, а до другихъ тебѣ дѣла нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы не можемъ понимать другъ друга.

Старикъ разсердился.

— Еще бы!... Гдѣ ужъ отцу понять такого умника! У него на это умишка не хватитъ!

Обѣдъ окончился въ молчаніи. Старикъ ушелъ спать.

Никеша смотрѣлъ въ окно на облака, обѣщавшія снѣгъ, и задумался. Ему стало душно въ этой столовой, гдѣ пахло жареною телятиной, и захотѣлось освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія разговора съ отцомъ.

Выйдя на улицу, онъ вспомнилъ случившееся съ нимъ въ эти дни и сердце его наполнилось радостью отъ сознанія, что онъ очнулся.

ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ *)).

Романъ Эдуарда Бергца.

КНИГА ПЕРВАЯ.

IX.

Вечеромъ семейство Аугенричь отправилось въ курзалъ. Старики шли впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ слѣдовала за ними Розалія подь руку съ Лубрехтомъ. Надо было пройти немного городомъ. Около королевской площади они встрѣтили ротнаго командира Лубрехта. Розалія издали узнала его и, повидимому, обрадовалась.

— Вонъ идетъ полковникъ фонъ-Дюсингенъ! — взволнованно сказала она.—На студенческомъ балѣ въ Эберштейнѣ я три раза танцевала съ нимъ.

По военному уставу, Лубрехтъ долженъ былъ стать во фронтъ передъ своимъ ближайшимъ начальникомъ. Изъ вниманія къ дамѣ, которая шла подь руку съ вольноопредѣляющимся, ротный командиръ могъ бы знакомъ освободить его отъ этого, но офицеръ не любилъ неспособнаго къ военной службѣ солдата и, можетъ быть, обрадовался случаю унижить его. Онъ не сдѣлалъ ни одного предупредительнаго движенія и Лубрехтъ долженъ былъ выпустить руку дамы и вытянуться во фронтъ. Полковникъ небрежно кивнулъ головой, строго взглянулъ на подчиненнаго и улыбнулся, встрѣтившись глазами съ молодою дѣвушкой.

Розалія была въ бѣшенствѣ. Лубрехтъ опять предложилъ ей руку, но дѣвушка рѣзко отклонила. Ей было нанесено оскорбленіе, и вольноопредѣляющійся долженъ былъ поплатиться за это; она вдругъ возненавидѣла его, какъ будто онъ преднамѣренно оскорбилъ ее.

*) Русская Мысль, кн. IX.

Феликса тоже неприятно поразило это происшествіе: подобное стѣсненіе, налагаемое обязанностями службы, являлось диссонансомъ, какихъ не мало внесла военная служба въ его гармоничную жизнь, а всякій диссонансъ причинялъ ему чуть не физическое страданіе. Юноша хотѣлъ попросить извиненія у Розаліи, но когда та грубо отвергла его руку, онъ только взглянулъ на нее съ неприятнымъ изумленіемъ и молча пошелъ рядомъ.

Концертъ происходилъ въ старой тѣнистой роццѣ, гдѣ вокругъ кіоска для музыкантовъ собралось за столиками множество публики. Но Аутенриты не захотѣли мѣшаться въ толпѣ; они прошли черезъ курзалъ на террасу, гдѣ сидѣли офицеры и разряженные дамы. Широкая, усыпанная пескомъ площадка съ мраморнымъ фонтаномъ посрединѣ отдѣляла избранную публику отъ толпы гуляющихъ.

Свободныхъ мѣстъ не оказалось, но Розалія съ очаровательной улыбкой подошла къ столику, занятому тремя кавалеристами, и самоувѣренно сказала:

— Здѣсь мы, безъ сомнѣнія, найдемъ пристанище.

Офицеры сразу поднялись и предложили стулья.

— О, благодарю, я не хочу лишать васъ мѣстъ! Стульевъ много, — проговорила она, но, все-таки, опустилась на предложенный стулъ.

Г-жа Аутенритъ схватила за плечо проходившаго мимо кельнера и испуганный мальчикъ быстро принесъ недостающіе стулья.

Лубрехтъ, товарищи котораго свободно сидѣли внизу, чувствовали себя неловко среди начальства, хотя очарованные Розаліей поручики и кивнули ему милостиво головой. Сама Розалія не обращала на Феликса ни малѣйшаго вниманія. Скоро она вступила въ оживленную бесѣду съ кавалеристами и болтала, и смѣялась съ ними какъ съ старыми знакомыми, даже во время музыки, которая и безъ того была плохо слышна на террасѣ. Офицеры занимались Розаліей и не замѣчали мамашы, которая изрѣдка вставляла въ разговоръ свое слово; она, повидимому, тоже забыла о существованіи Лубрехта.

Медленно накапливалось раздраженіе въ душѣ молодого человѣка; его возмущало поведеніе Розаліи и неприличное пренебреженіе, которое она выказывала ему. Наконецъ, онъ долѣе не въ состояніи былъ владѣть собой. Онъ нервно всталъ, отдалъ честь офицерамъ, холодно поклонился дамамъ и быстро удалился.

— Какъ, вы уходите безъ насъ? — съ упрекомъ воскликнула г-жа Аутенритъ.

— Надѣюсь, вы извините меня,—отвѣтилъ Лубрехтъ, еще разъ оборачиваясь.

При этомъ онъ окинулъ Розалію презрительнымъ взглядомъ. По дорогѣ онъ заплатилъ за входъ кельнеру и спустился въ садъ. Повади слышался насмѣшливый хохотъ Розаліи.

— Странныя манеры у этого юноши!—воскликнулъ одинъ изъ поручиковъ.

— Невѣжество!—объяснила г-жа Аутенритъ.

— Ревность!—замѣтила Розалія, и офицеры разсмѣялись, какъ надъ самою остроумною шуткой.

Розалія знала, что этого поступка она никогда не проститъ молодому человѣку.

Наступила темнота и садъ украсился разноцвѣтными фонариками. На площадкѣ между террасой и каштановою рощей начали готовить фейерверкъ.

Старый Аутенритъ робко выразилъ желаніе взглянуть вблизи на иллюминированный садъ, но жена рѣзко отвѣтила:

— Ахъ, сиди, пожалуйста! Стоить ли смотрѣть эти жалкіе фонарики?

Офицеры, къ досадѣ Розаліи, не потрудились скрыть злорадныхъ усмѣшекъ.

Но когда взлетѣли первыя ракеты и разсыпались огненными звѣздами на темномъ сводѣ неба, тогда старикъ не выдержалъ и вскочилъ съ мѣста. Несмотря на всѣ старанія жены удержать его, онъ жалобнымъ голосомъ твердилъ, что хочетъ видѣть фейерверкъ вблизи. На самомъ дѣлѣ, передъ террасой собралась густая толпа и мѣшала смотрѣть сидящимъ сзади. Старикъ находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, что женѣ пришлось подчиниться его желанію. Она неохотно поднялась и сказала:

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ внизъ, Розалія.

— Ахъ, мама, я охотиѣ осталась бы здѣсь, я ненавижу давку,—отвѣтила дочь, съ досадой замѣтивъ, что офицеры не намѣреваются провожать ее.

— Нѣтъ, ты пойдешь съ нами!—рѣшительно возразила старуха и дѣвушка повиновалась, капризно надувъ губы.

Офицеры, которымъ надзоръ мамыи пришелся не по вкусу, равнодушно посмотрѣли имъ въ слѣдъ.

Феликсъ Лубрехтъ стоялъ подъ деревьями, гдѣ вокругъ площадки толпилась публика. Г-жа Аутенритъ спустилась съ террасы подъ руку съ мужемъ, сіявшимъ отъ восторга; за ними медленно слѣдовала величественная Розалія въ красномъ шелковомъ платьѣ съ кру-

жевами и въ легкомъ прозрачномъ шарфѣ, слегка накинутомъ на плечи; крошечная шляпа изъ цвѣтовъ прикрывала ея темные волосы.

Дѣвушка шла съ спокойнымъ, почти равнодушнымъ видомъ; только тотъ, кто зналъ ее, могъ сказать, какъ рассчитанно было каждое ея движеніе въ то время, какъ она проходила по освѣщенной площадкѣ передъ глазами зѣвающей толпы.

Въ это время огненное колесо фейерверка начало медленно вертѣться; но въ ту минуту, когда Розалія проходила мимо, оно закружилось сильнѣе, зашипѣло и искры полетѣли во всѣ стороны. Розалія испугалась и поспѣшила догнать родителей. Она остановилась недалеко отъ Лубрехта и встрѣтилась съ нимъ взглядомъ, полнымъ ненависти.

Феликсъ съ ужасомъ замѣтилъ, что въ кружевахъ ея платье блеснулъ огонекъ и съ быстротою молніи вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. Въ то время, какъ она проходила, искра отъ огненного колеса упала на легкую ткань ея платья.

Розалія почти въ тотъ же моментъ замѣтила страшную опасность. Она быстро нагнулась, чтобы потушить рукой огненную змѣйку, но та уже обвилась вокругъ платья. Дѣвушка испустила отчаянный, раздирающій душу крикъ, который повторила сотня голосовъ. Она кричала, мать съ воплемъ ломала руки, и смятеніе, мгновенно овладѣвшее толпой, перешло въ паническое бѣгство. Молодая дѣвушка совсѣмъ потеряла голову отъ страха и бросилась въ толпу, точно спасаясь отъ самой себя.

Одну только секунду Феликсъ простоялъ въ оцѣпенѣніи, затѣмъ бросился за дѣвушкой, догналъ ее, упалъ на колѣни и руками началъ тушить пламя. Но оно уже слишкомъ разгорѣлось, охватило его бѣлые перчатки, рукава мундира и ударило въ лицо, когда онъ обнялъ руками дѣвушку, стараясь грудью потушить огонь. Напрасно. Спаси такимъ образомъ уже невозможно было. Феликсъ въ изнеможеніи упалъ; его одежда тлѣлась, руки и лицо были обожжены; страданія были такъ сильны, что онъ лишился чувствъ.

Громче раздавались отчаянные вопли Розаліи, имъ вторили пронзительные крики матери, готовой потерять сознание, но все еще державшейся на ногахъ.

Вдругъ двѣ сильныя руки обхватили горящую дѣвушку, подняли и отнесли всего за нѣсколько шаговъ. Она очутилась въ мраморномъ бассейнѣ фонтана, гдѣ струившаяся вода, шипя, заливала пламя.

А старикъ Аутенритъ, довершившій такимъ образомъ спасеніе дочери, прыгалъ и скакалъ отъ радости вокругъ фонтана.

X.

Въ пятницу послѣ обѣда Лотта сидѣла съ канторшей Гутельфъ въ ея комнатѣ. Вдова скоро заговорила о семьѣ Аутенричь. — Не думай, дитя, что я сержусь на эту глупую бабу. Она въ мясника и отвѣшивала колбасу въ лавкѣ отца, пока за нее посватался столярный подмастерье и не открылъ на ея деньги бѣлаго магазина. Она устроила ему такую жизнь, что несчастный допился до бѣлой горячки. Теперь она сторожить его, какъ ребенка, изъ боязни, что припадокъ повторится.

— Это хорошо съ ея стороны, — замѣтила Лотта.

— Да, старики по-моему еще сносны, за то ихъ дочка... я про нее выношу ее. Такого противнаго существа я еще не видывала. Въ, это позоръ, какъ она бѣгаетъ за мужчинами. Посмотри, теперь занялась пруссакомъ; я слышала, какъ она его звала съ собою. Вдова показала рукою на садъ, гдѣ Розалія покачивалась въ лавкѣ и изошряла надъ Феликсомъ свое кокетство.

— Я, въ сущности, рада, что они познакомились, — продолжала старша. — Они подходятъ другъ къ другу, тогда какъ мы, простые деревенскіе люди, не можемъ представлять интереса для тако образованнаго господина.

Лотта взглянула по указанному направленію; краска сбѣжала съ ея лица и смѣнилась страдальческимъ выраженіемъ. Вдова заняла перемѣну дѣвушки и продолжала недовольнымъ тономъ:

— Но и ему не сладко придется, если онъ влюбится въ эту сердечную кокетку. Повидимому, онъ избалованный, маменькинъ ребенокъ. Берлинцы, вообще, пустые гордецы и на насъ смотреть высока. Эти напыщенные дураки прѣзжаютъ въ Баварію, любуничаютъ, а сами, за спиной, смѣются надъ нами.

Лотта молча смотрѣла на свою работу. Старуха покачала головой.

«Не считала я ее такою глупой, чтобъ она могла влюбиться въ пруссакъ!» — подумала она.

Съ этой минуты вдова начала слѣдить за Лубрехтомъ и немногоспокойлась, когда увидала, что онъ держится очень далеко отъ домашней жизни.

Когда семейство Аутенричь и вольноопредѣляющійся отправились въ паркъ, оставшіеся дома вздохнули свободно. Уложивъ спать детей и проводивъ мужа, профессорша присоединилась къ обществу.

Мартынъ попросилъ Лотту спѣть одну изъ народныхъ пѣсень, которыя они часто пѣвали дѣтми. Онъ сѣлъ за рояль, тотъ са-

мый, который еще стоялъ въ бургвангской квартирѣ покойнаго кантора, отличнаго музыканта, и заигралъ аккомпаниментъ. Лотта пѣла чистымъ, пріятнымъ голосомъ, не лишеннымъ обработки благодаря стараніямъ покойнаго Гугельхофа, бывшаго ея учителемъ. Зная, что Феликсъ проводитъ вечеръ въ обществѣ Розалии, Лотта была въ грустномъ настроеніи, но это только придавало болѣе выразительности ея пѣнію. Мартынь съ любовью смотрѣлъ на молодую дѣвушку, а мать, глядя на нихъ, радовалась.

Но скоро ихъ спокойствіе было нарушено. Хлопнула наружная дверь, въ комнату вбѣжалъ вольноопредѣляющійся медикъ и сообщилъ о печальномъ исходѣ фейерверка.

Феликсъ съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ боли лицомъ упалъ въ паркѣ на стулъ. Нѣсколько мужчинъ потушили тлѣвшій на немундиръ; для успокоенія острой боли приложили сырой земли, обгорѣвшія руки намазали масломъ, къ счастью, оказавшимся въ домѣ на столикѣ, за которымъ только что ужинали. Феликсъ молчалъ, стиснувъ зубы. Когда принесли изъ курзала ваты и случай оказавшійся въ толпѣ медикъ наложилъ на раны повязки, Лотта встала, прошептала благодарность и темною аллеей хотѣла удалиться домой. Онъ неохотно согласился, чтобы медикъ прощадилъ его, такъ какъ къ физическимъ страданіямъ прибавилось еще нравственное.

— Что я сдѣлалъ?—съ горечью отвѣтилъ онъ на поздравленія юнаго врача. — Безполезно сжегъ руки и больше нечего. Стылый идиотъ пристыдилъ меня.

Придя домой, Феликсъ поднялся наверхъ, а медикъ зашелъ къ хозяйкѣ.

Въ первый моментъ извѣстіе ошеломило всѣхъ; затѣмъ Мартынь вскочилъ и бросился къ Феликсу. Вдова тоже скоро оправдалась, задавала нѣсколько вопросовъ и послѣдовала за сыномъ. Медикъ пожелалъ еще разъ осмотрѣть раны и попросилъ позволенія отправиться вмѣстѣ съ нею наверхъ.

Лотта, блѣдная, молча выслушала рассказъ. Когда всѣ вышли изъ комнаты и профессорша взглянула на молодую дѣвушку, бросилась къ ней на грудь и молча прижалась, вздрагивая по временамъ всѣмъ тѣломъ. Профессорша нѣжно обняла ее и, глядя въ ея бѣлогурные волосы, поцѣловала въ похолодѣвшій лобъ.

— Лотта, бѣдная дѣвочка, неужели вы любите его?— произнесла она, наконецъ.

Слезы потекли изъ глазъ дѣвушки и облегчили душу.

Молодая женщина еще разъ поцѣловала ее и начала ласк

вшать. Несмотря на беспокойство за любимого человека, Лотта была рада, что подѣлилась тайной съ дружески къ ней расположенною женщиной.

XI.

Розалию перенесли въ курзалъ. Ея стоны и жалобы оглашали весь домъ, хотя обжоги были самые незначительные и пострадала только лѣвая рука. Лицо осталось невредимымъ, тогда какъ у Лубта была обезображена вся лѣвая щека.

Старикъ Аутенритъ жалобно визжалъ въ то время, какъ мазали ованскимъ масломъ его обожженные руки. О своемъ геройствѣ, повидимому, не подозрѣвалъ. Его супруга сначала впала въ отчаяніе, рвала на себѣ волосы и проклинала судьбу. Когда же докторъ объяснилъ, что обжоги дочери не опасны, она выбѣжала изъ залъ, гдѣ находился Аутенритъ, съ рыданіями бросилась ему шею, едва не задушила въ объятіяхъ и осыпала поцѣлуями его раненныя руки, которыя онъ съ крикомъ отдернулъ.

Какъ только жена опять оставила его одного, старикъ понемногу обрадовался, что онъ свободенъ, что въ первый разъ за много лѣтъ избавился отъ строгаго надзора. Стоящія на буфетѣ блестящія бутылки напомнили ему о жаждѣ. Онъ потребовалъ вина и залпомъ выпилъ первый стаканъ.

Канторша, позаботившись о Феликсѣ съ материнскою нѣжностью, оставила его на попеченіи Мартына и, забравъ съ собою сына и служанку, отправилась въ гостиницу минеральныхъ водъ помочь несчастной фрау Аутенритъ.

Она пришла въ то время, когда Розалию укладывали въ карету. Старый Аутенритъ долженъ былъ сѣсть съ дочерью, но онъ оказался настолько пьянъ, что ихъ немислимо было везти вмѣстѣ. Его пришлось оставить на рукахъ служанки, пока экипажъ не отвезетъ Розалию домой и вернется обратно.

Госпожа Аутенритъ боялась, что съ мужемъ, вслѣдствіе ея неспособности, повторится запой, жаловалась на двойное несчастіе и во всемъ винила себя. Несчастливая старуха совершенно потеряла голову.

Никогда канторша не думала, что можетъ почувствовать жалость къ этой напыщенной, антипатичной особѣ, а, между тѣмъ, ей было жаль старуху, и она начала успокаивать ее такъ ласково, какъ будто никогда не переносила ея оскорбленій.

Феликсъ провелъ беспокойную ночь. Молодой медикъ сдѣлалъ то, что слѣдовало; перевязалъ отдѣльно каждый палецъ и забин-

товаль руки выше локтя; на обожженную половину лица онъ тоже положилъ повязку. Ночью у Феликса открылась лихорадка.

На слѣдующій день утромъ явился полковой врачъ.

— Маневры кончились для васъ,—сказалъ врачъ, осматрѣвъ раны.—Ваши руки на нѣсколько недѣль непригодны для ружейныхъ приѣмовъ. Майоръ думаетъ, что вамъ лучше всего завтра или послѣ-завтра отправиться въ Эберштейнъ, такъ какъ здѣсь мы не имѣемъ лазарета. Отъ вашихъ квартирныхъ хозяевъ вы не вправе требовать ухода за больнымъ.

Еще наканунѣ канторша думала о томъ, какъ она была бы рада, если бы вскружившій юную головку Лотты пруссака убрался къ чорту. Но теперь инстинктъ баварскаго гостепріимства измѣнилъ ея мысли. Она рѣшительно объявила, что уходъ за больнымъ доставить ей удовольствіе, не будетъ въ тягость, и что она не позволитъ выгнать изъ дому страдающаго человѣка.

— Вѣрно, матушка!—радно подтвердилъ Мартынъ.

— А если господинъ майоръ прикажетъ?—спросилъ врачъ.

— Тогда я сама пойду къ нему и попрошу отмѣнить приказаніе. Врачъ обѣщалъ замолвить словечко майору и согласился, чтобы больной, хотя временно, остался у канторши.

Феликса тронула доброта вдовы и Мартына, которые съ этого дня относились къ нему какъ къ сыну и брату. Онъ чувствовалъ себя очень плохо, но сознаніе, что онъ находится среди добрыхъ сердечныхъ людей, успокаивало его страданіе.

XII.

Къ вечеру въ субботу въ Росталь пріѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ докторъ Вильгельмъ Грохъ. Приближаясь къ станціи, онъ выбросилъ за окно только что закуренную сигару и, дочитавъ послѣдніе стихи Альфреда Мюссе, которыми развлекался дорогой, съ пренебреженіемъ швырнулъ книжку на полъ. Презрѣніе его, впрочемъ, относилось не къ французскому поэту, котораго онъ высоко цѣнилъ, а къ плохо изданной купленной на какой-то станціи книжонкѣ, прочитанной и, слѣдовательно, болѣе ненужной. Онъ былъ библіофилъ и собиралъ только рѣдкія, дорогія изданія.

Грохъ ѣхалъ въ купѣ перваго класса, съ удобствомъ размѣстивъ вещи на диванахъ; около него на полу стояла до половины выпитая бутылка вина. Появившемуся въ дверяхъ носильщику онъ приказалъ отнести вещи въ отель Макартъ, рядомъ съ вокзаломъ, а самъ отправился пѣшкомъ. Когда онъ записалъ въ книгу свои

фамилію, швейцаръ подалъ полученное утромъ письмо со штемпелемъ Интерлакенъ. Туда онъ собирался ѣхать въ понедѣльникъ или вторникъ. Грохъ съ довольнымъ видомъ спряталъ письмо въ карманъ и приказалъ кельнеру указать ему комнату. Взявъ ванну и передѣвши, онъ сѣлъ въ мягкое кресло у открытаго окна, закурилъ папиросу и залюбовался дворцовой площадью, красиво испещренною арабесками изъ цвѣтовъ. Наконецъ, онъ досталъ изъ кармана письмо, съ улыбкой распечаталъ его и, развертывая тонкую англійскую бумагу, проговорилъ:

— Какое нетерпѣніе! Она не можетъ дожидаться меня!

Но по мѣрѣ чтенія довольная улыбка исчезала и папироса выскользнула изъ руки.

«Мой милый, сладкій Пуншъ!» — начиналось письмо. Въ артистическомъ мірѣ, гдѣ Грохъ услаждалъ свою жизнь стараго холостяка и къ которому принадлежала сочинительница письма, извѣстная на берлинской сценѣ актриса, онъ не носилъ прозванія Катуллъ. Разъ за шумнымъ ужиномъ возникъ споръ, какъ слѣдуетъ произносить его фамилію: Грохъ или Грогъ? — и одна веселая балерина рѣшила, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ разбавленнымъ водою напиткомъ англійскихъ моряковъ и что къ нему болѣе подходитъ названіе Пунша. Такъ это прозвище и осталось за нимъ въ извѣстномъ кругу.

«Мой милый, сладкій Пуншъ!» — такъ гласило нѣжное посланіе. — Скоро минетъ годъ, какъ нѣкто исполнился дикою ревностью, когда извѣстная особа отказалась лишить себя эстетическаго наслажденія любоваться восхитительными усами одного премилага барона. Когда же этотъ нѣкто открылъ ей извѣстные виды относительно неизвѣстнаго будущаго, тогда она отравила несчастнаго барона съ разбитымъ сердцемъ въ его померанскія владѣнія. Скоро годъ, мой сладкій Пуншъ, а извѣстные виды все также далеки и туманны? Но онъ умѣлъ утѣшать марципанами, кольцами, попугаями и она терпѣливо ждала. Да, да, мой старый, вѣрный Пуншъ! Но что подѣлаешь противъ судьбы? Три дня тому назадъ ѣдетъ она на пароходъ по Бриенскому озеру и на ея руки падаетъ тѣнь; когда она удивленно взглядываетъ на причину тѣни, то узнаетъ померанскаго барона. Онъ предложилъ ей виды безъ далекихъ перспективъ; со вчерашняго дня она его невѣста и въ близкомъ будущемъ — его жена. Тебя не удивитъ, мой дорогой Пуншъ, что я предпочла синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ? Ну, не сердись, моего міо! Я увѣрена, что не нашлось бы болѣе веселой пары, чѣмъ мы съ тобой, еслибъ я пріѣхала на твою виллу въ качествѣ ма-

дамъ Грохъ. Но этому не суждено было случиться. Поэтому поступи такъ, какъ твой Катуллъ поступилъ съ Лесбией. Ты часто рассказывалъ мнѣ объ этомъ. И ты возьми съ него примѣръ: «не слѣдуй за бѣглянкой». Ты все равно не найдешь ее, такъ какъ сегодня мы отправляемся въ свадебное путешествіе, — правда, до свадьбы, но это насъ не стѣсняетъ.

«Бывшая твоя Жюди».

Грохъ дочиталъ письмо и раздущенная бумажка выпала изъ его рукъ. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ, задумчиво глядя вдаль, затѣмъ съ горечью прошепталъ:

— И въ этомъ отношеніи ты правъ, другъ Катуллъ! То, что общаетъ женщина возлюбленному, надо записать вѣтромъ на быстрыхъ волнахъ.

Опять онъ задумался, стоя у окна, но не надолго.

— Какой это рецептъ прописываетъ въ подобныхъ случаяхъ опытный докторъ Горацій? *Alius ardor*—новая любовь. Превосходно! Милыхъ дѣвочекъ не мало на свѣтѣ и онѣ, навѣрное, найдутся и здѣсь, въ Росталѣ.

Съ этими словами онъ спустился въ столовую, гдѣ углубился въ изученіе винной карты и обѣденнаго меню. У него была особая теорія, по которой каждое кушанье требовало извѣстнаго напитка, и, заказывая обѣдъ, онъ всегда строго обдумывалъ такое гармоническое соединеніе. Отдавъ, наконецъ, приказанія кельнеру, Грохъ съ наслажденіемъ откинулся на спинку кресла и терпѣливо принялся ждать осуществленія своихъ кулинарныхъ соображеній.

Отель Макартъ не имѣлъ скатерти Роландова оруженосца, мгновенно удовлетворявшей изысканнымъ вкусомъ прихотливаго знатока, и потому исполненіе заказа современнаго Катулла потребовало извѣстнаго времени. Грохъ спросилъ газету, чтобы посмотреть, какъ распорядиться вечеромъ. Театръ былъ еще закрытъ, но могъ предстоять какой-нибудь концертъ. Проглядывая газету, онъ прочелъ слѣдующее сообщеніе:

«Вчера, вечеромъ, въ паркѣ во время концерта, исполняемаго оркестромъ временно находящагося въ Зауэрбруннѣ эберштейнскаго стрѣлковаго батальона, произошелъ несчастный случай. Искры фейерверка осыпали молодую дѣвушку фрейлейнъ Аутенритъ, дочь извѣстнаго основателя большой мебельной фабрики. Пламя въ одинъ моментъ охватило несчастную и душу раздирающіе крики привели въ ужасъ публику. Молодая дѣвушка неминуемо погибла бы жертвой огня, если бы вольноопредѣляющійся студенческаго батальона съ самоотверженною храбростью и личною опасностью не

потушилъ пламени; почтенный родитель несчастной дѣвушки докончилъ спасеніе, бросивъ ее въ холодныя струи фонтана. Въ курзалѣ была немедленно оказана медицинская помощь молодой дѣвушкѣ, такъ неожиданно прошедшей сквозь огонь и воду».

Грохъ еще смѣялся надъ этимъ высокопарнымъ описаніемъ, когда два кельнера принесли обѣдъ и въ дверяхъ показался поваръ, захотѣвшій взглянуть на удивительнаго закащика.

Послѣ перваго блюда швейцаръ принесъ въ залъ телеграмму и отдалъ кельнеру; тотъ подаль ее Гроху на серебряномъ подносѣ. Грохъ, не распечатывая, положилъ ее около прибора и прочиталъ только за десертомъ. Телеграмма была изъ Зауэрбрунна.

«Несчастный случай мѣшаетъ пріѣхать завтра. Жду тебя. Дожь канторши Гугельхопфъ. Феликсъ».

— Несчастный случай?—повторилъ Грохъ и сейчасъ же припомнилъ прочитанное въ газетахъ сообщеніе.— Эбернштейнскій вольноопредѣляющійся! Конечно, такъ. Онъ обгорѣлъ... и изъ-за дѣвушки!

— Кельнеръ,—крикнулъ онъ,—когда отходить поѣздъ въ Зауэрбруннъ?

— Черезъ двѣ минуты,—отвѣтилъ кельнеръ.—Немыслимо поспѣть, а слѣдующій идетъ черезъ часъ.

— Наймите мнѣ скорѣе экипажъ!

Когда Грохъ остановился у хорошенькаго домика противъ парка, въ окно высунулась вдова и пригласила его въ столовую, гдѣ она сидѣла съ Лоттой и профессоршей. Мартынъ былъ наверху съ Феликсомъ.

Грохъ раскланялся съ свѣтскою любезностью, взялъ предложенный стулъ и вдова начала рассказывать. Она ласково отозвалась о Феликсѣ, похвалила его поступокъ и сказала, что раны не опасны. Дядя, который и такъ не очень беспокоился, началъ шутить насчетъ племянника. Вдову удивило его равнодушіе.

— Волненіе, все-таки, сильно подѣйствовало на молодого человека,—прибавила она.—У него сегодня страшная головная боль и ему необходимо полное спокойствіе.

— О, его всегдашняя мигрень!—замѣтилъ Грохъ.—Въ немъ нѣтъ никакой силы сопротивленія. Невропатическій субъектъ!

И онъ счелъ болѣе разумнымъ отложить свиданіе съ больнымъ до слѣдующаго дня.

Только тутъ госпожа Гугельхопфъ нашла удобнымъ познакомить Гроха съ фрейлейнъ Крауссъ и профессоршей, которая сказала, что ребенкомъ знала родителей Феликса и потому принимаетъ въ немъ

живое участие. Она разглядывала критика съ большимъ интересомъ, но говорила очень сдержанно, что было вполне естественно послѣ характеристики Фёра. Грохъ чувствовалъ, что съ этой стороны ему нечего ждать симпатіи, да и сама молодая женщина не соответствовала тому типу, который ему нравился. Онъ любезно освѣдомился о товарищѣ, но далъ понять, что дороги ихъ далеко разошлись.

Лотта представляла для него еще меньше интереса; она была слишкомъ молода, наивна и деревенски проста.

— Вы, кажется, говорили, — обратился онъ къ вдовѣ, — что дама, съ которой случилось несчастье, тоже живетъ въ вашемъ домѣ?

— Да, отъ насъ господинъ Лубрехтъ отправлялся на фейерверкъ съ ней и ея родителями, — отвѣтила госпожа Гугельхопфъ.

— Я такъ и думалъ. — Грохъ улыбнулся. — Сильно она пострадала?

— Нѣтъ, она получила менѣе обжоговъ, чѣмъ господинъ Лубрехтъ. Огонь не испортилъ ея лица и она счастливо отдѣлалась.

— Вполнѣ ей сочувствую. Ея лицо, быть можетъ, особенно заслуживало пощады?

— Не болѣе другихъ. Красота проходить и что пощадить огонь, то отниметъ время.

— Фрейлейнъ Аутенрихъ, на самомъ дѣлѣ, считается красавицей, — замѣтила профессорша. — Для нея было бы тяжелымъ ударомъ, если бы огонь изуродовалъ ея лицо.

— Радуюсь за нее, — сказала вдова. — Но многимъ людямъ было бы полезно, если бы у нихъ поубавилось гордости.

Грохъ внимательно прислушивался къ разговору.

«Хорошенькая, значить, — подумалъ онъ. — Вотъ интересно, если мой идеалистъ Феликсъ влюбленъ въ эту особу. Любопытно познакомиться».

Грохъ рѣшилъ уѣхать изъ Ростали не раньше, чѣмъ исполнить свое желаніе.

ХІІІ.

Дальновидная канторша не ошиблась, заподозривъ нѣкоторую холодность въ отношеніяхъ критика Гроха къ своему приемному сыну.

Около десяти лѣтъ прожилъ мальчикъ въ домѣ дяди и ни разу ихъ дружеское согласіе не было нарушено. Но они были совершенно противоположными натурами, и чѣмъ больше развивался нрав-

ственно Феликсъ, тѣмъ ярче выступало это различіе и сильнѣе чувствовалось обоими.

Грохъ много сдѣлалъ для мальчика; онъ окружилъ его жизнь самымъ изысканнымъ комфортомъ и слѣдилъ за развитіемъ его талантовъ. Феликсъ рано сдѣлался идеалистомъ; онъ принималъ ученіе дяди, но все передумывалъ съ своей точки зрѣнія и облекалъ въ высокую форму, недоступную хотя и утонченной образованіемъ и критикой, но, въ сущности, все-таки, трубой чувственности его воспитателя. Въ концѣ-концовъ, Грохъ пересталъ интересоваться юнымъ мечтателемъ, который не понималъ его цинизма и сторонился отъ его сатиры. Дядя продолжалъ исполнять взятые на себя обязанности, но все болѣе и болѣе предоставлялъ мальчика самому себѣ. Лишенный разумнаго руководства, Феликсъ развивался крайне односторонне и, слѣдуя своимъ утонченнымъ инстинктамъ, все болѣе чуждался свѣта и дѣйствительной жизни. Опекунъ сознавалъ вредъ подобнаго направленія, но, слишкомъ флегматичный для того, чтобы принять серьезныя мѣры противъ этого зла, онъ рассуждалъ такъ: «Правда, мальчикъ не годится для жизни, и если бы ему предстояла борьба за существованіе, онъ погибъ бы. Но эта опасность не можетъ угрожать ему, если я обезпечу его достаточными средствами. Поэтому онъ спокойно можетъ идти своею дорогой». Рѣшивши, что Феликсъ будетъ его наслѣдникомъ, Грохъ не только пересталъ стѣснять его, но даже обѣщаніемъ независимой будущности поощрялъ юношу идти избранною имъ дорогой.

Такъ эти, въ душѣ чуждые другъ другу, люди много лѣтъ прожили вмѣстѣ въ наружномъ согласіи. Феликсъ былъ одаренъ благодарною душой и потому ихъ взаимныя отношенія были сердечнѣе, чѣмъ могли бы сложиться при другомъ характерѣ. Но чѣмъ опредѣленнѣе съ годами вырабатывались взгляды юноши и чѣмъ болѣе сравнивалъ онъ ихъ съ окружающею жизнью, тѣмъ меньше онъ уважалъ своего воспитателя. Одно случайное обстоятельство довело ихъ отчужденность до крайнихъ предѣловъ.

Болѣе года прошло съ той ночи. Въ то время Феликсъ готовился къ экзамену зрѣлости; ему надо было много пройти вновь, такъ какъ, занимаясь только тѣмъ, что ему нравилось, онъ совершенно пренебрегалъ однимъ предметомъ: математикой. Теперь онъ пополнялъ этотъ пробѣлъ и часто просиживалъ надъ задачами до поздней ночи.

Какъ-то вечеромъ у Гроха устроился ужинъ, въ которомъ племянникъ не принималъ участія. Ему понадобилась книга, находившаяся въ библіотекѣ дяди. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ въ окна. Зная мѣ-

сто почти каждой книги, онъ пошелъ безъ огня. Дверь изъ библіотеки въ сосѣднюю комнату была полуоткрыта и вмѣстѣ съ полосой свѣта оттуда вырывался громкій хохоть гостей. Феликсъ неслышно прошелъ по мягкому ковру къ шкафу и хотѣлъ достать книгу, когда рядомъ съ кресла поднялась женская фигура, мягкія руки обвились вокругъ его шеи и горячія губы покрыли его лицо жгучими поцѣлуями.

Феликса бросило въ жаръ и онъ почти безъ сопротивленія отдался пылкимъ ласкамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сиротой покинулъ родительскій кровъ, онъ ни разу не испыталъ сладости женскаго поцѣлуя, и новое ощущеніе, точно во снѣ охватившее его, подѣйствовало на его голову, какъ пріятный одурманивающій ядъ. Въ то время, какъ Феликсъ стоялъ въ оцѣпенѣннн, растворилась дверь и свѣтъ изъ залы упалъ на него; обнимавшая его красавица опустила руки, вскрикнула и убѣжала въ комнату, гдѣ пировали гости. Отворившій дверь молодой человѣкъ, съ покраснѣвшимъ отъ вина лицомъ, схватилъ Лубрехта за руку и воскликнулъ:

— Ого! Это что за незнакомый птенчикъ?

И, прежде чѣмъ Феликсъ успѣлъ опомниться, нѣсколько человѣкъ окружили его и увлекли въ залъ.

Изумленнымъ взорамъ юноши представилась такая оргія, какой онъ не могъ и вообразить себѣ. Красивыя женщины и веселые мужчины, всѣ отуманенные виномъ, наполняли ярко освѣщенный залъ. Склонивъ за столомъ лицо къ лицу, влюбленная парочка чокалась бокалами шампанскаго; какая-то визгливая дама неистово скакала на колѣняхъ своего кавалера; другая, забывъ объ окружающихъ, обнимала своего опьянѣвшаго возлюбленнаго. Самъ Грохъ сидѣлъ на диванѣ и держалъ на колѣняхъ хорошенькую женщину; сжимая обѣими руками ея голову, онъ страстно цѣловалъ ее въ губы. Шумъ, хохоть, удивленные возгласы привѣтствовали юношу, когда его насильно втащили въ комнату. Грохъ увидѣлъ племянника, узналъ его и на минуту растерялся; потомъ съ радостнымъ восклицаніемъ поднялся на ноги и нетвердыми шагами направился къ нему на встрѣчу.

— Феликсъ, милый мальчикъ! — заговорилъ онъ, кладя обѣ руки на плечо юноши. — Ты проснулся для жизни?

Обращаясь къ гостямъ, Грохъ воскликнулъ:

— Наполните бокалы! Выпьемъ за его здоровье, за его возрожденіе! Да здравствуетъ вино, да здравствуетъ любовь! Феликсъ, милый мальчикъ, жизнь привѣтствуетъ тебя! Иди, сядь здѣсь! А ты, прекрасная Лалеа, — и онъ привлекъ къ себѣ хорошенькую, улы-

бающуюся дѣвушку, — дай пробудившемуся поцѣлуй! Научи его любить. Феликсъ, любовь, вино! Ура, ура! — и онъ осушилъ только что наполненный стаканъ.

Гости дружно подхватили «ура», стаканы зазвенѣли и дѣвушка протянула руки къ Феликсу. Но тутъ сразу прошло его смущеніе. Стыдъ и отвращеніе превзошли всѣ остальные ощущенія; онъ быстро вырвался изъ рукъ дяди, хлопнулъ дверью и черезъ минуту заперся въ своей комнатѣ.

Ни на слѣдующій день и никогда послѣ ни дядя, ни племянникъ не говорили объ этомъ происшествіи, но воспоминаніе о немъ не покидало обоихъ и сильнѣе, чѣмъ прежде, они почувствовали, какъ различны ихъ натуры.

XIV.

Даже послѣ несчастной катастрофы Розалія не могла забыть презрительнаго взгляда, съ которымъ Феликсъ покинулъ ее. Она не только не чувствовала къ нему благодарности, но ее даже сердила мысль, что она чѣмъ-нибудь обязана ему, и единственно, что радовало и утѣшало ее, это то, что не онъ dokonчилъ спасеніе. Когда на слѣдующій день къ пей въ комнату пришелъ отецъ съ распухшимъ лицомъ и безъ малѣйшаго сознанія своей заслуги, Розалія обняла здоровою рукой старика и поцѣловала его такъ нѣжно, какъ того давно не случалось. Госпожа Аутенритъ за то безъ устали хвалила вольноопредѣляющагося; она ходила къ больному навѣрхъ, горячо благодарила его и прислала такое множество лакомствъ, что Феликсъ, не желая огорчить ее отказомъ, долженъ былъ раздать ихъ Ауриху и дѣтямъ профессорши.

Въ воскресенье Грохъ пріѣхалъ въ Зауэрбруннъ съ утреннимъ поѣздомъ. Отворившая дверь служанка сообщила ему, что госпожа Гугельхопфъ съ сыномъ и фрейлейнъ Крауссъ отправились въ церковь, а профессорша Фёръ съ дѣтьми гуляетъ въ паркѣ. Грохъ попросилъ провести его прямо въ комнату Лубрехта. Феликсъ еще чувствовалъ себя очень плохо, но такъ какъ головная боль утихла, то онъ всталъ съ постели и сѣлъ на диванъ.

Стояло чудное, теплое утро и окна были открыты. Грохъ съ веселымъ видомъ вошелъ въ комнату и протянулъ племяннику руки.

— Не могу подать тебѣ руки, — сказалъ Феликсъ, съ улыбкой указывая на свои забинтованные руки.

Онъ хотѣлъ подняться, но дядя усадилъ его на мѣсто.

— Сиди и покойся на лаврахъ, юный герой! — воскликнулъ

онъ.—Поздравляю тебя съ первыми ранами, которыя ты получилъ въ рыцарскомъ бою за женскую красоту.

Онъ поцѣловалъ блѣдную щеку юноши, придвинулъ стулъ и сѣлъ. Феликсъ слегка покраснѣлъ; онъ не хотѣлъ продолжать бесѣды на эту тему, и поѣтому заговорилъ о томъ, какъ онъ радъ прїѣзду дяди. Но пока онъ говорилъ, на его лицѣ все замѣтнѣе дѣлалось смущеніе: слова дяди напомнили ему о ночномъ приключеніи въ виллѣ на Ванзее, Веселость Гроха казалась тоже натянутой. Это было ихъ первое свиданіе послѣ почти годовой разлуки, но отчужденіе ихъ другъ отъ друга, повидимому, не исчезло за этотъ срокъ.

Грохъ рѣшилъ позондировать молодого человѣка и развѣдать о Розаліи. Его интересовало, дѣйствительно ли любовь закралась въ сердце юнаго мечтателя.

— Меня радуетъ, другъ мой, что у тебя такой прекрасный вкусъ,—началъ онъ.—Молодая дѣвушка, которой ты оказалъ рыцарскую услугу, говорятъ, красавица?

Феликсу было непріятно, что дядя возвращается къ этому предмету.

— Она мнѣ не симпатична,—отвѣтилъ онъ.

— Не симпатична? Я думалъ напротивъ!—удивленно воскликнулъ Грохъ.—Въ какомъ же она родѣ?

— Умственныхъ интересовъ никакихъ, за то, кажется, любительница кулинарнаго искусства, такъ какъ охотно цитируетъ Румора и Брилья-Саварена.

— Значитъ, реалистка. Ну, Брилья-Саваренъ не повредитъ женщинѣ. Впрочемъ, *de gustibus...* ты, вѣдь, знаешь, другъ мой. Ты, однако, подстрекаешь мое любопытство познакомиться съ этою дѣвицей.

— О! я сію минуту могу представить ее тебѣ: стѣить только подойти къ окну.

Грохъ послѣдовалъ его совѣту и, какъ Феликсъ въ день прїѣзда, такъ и онъ увидѣлъ Розалію въ всящемъ среди зелени гамакѣ. Только на этотъ разъ рука ея была забинтована и одѣта дѣвушка была въ свѣтломъ пеньюарѣ. Недалеко отъ нея, подъ высокою яблоней, сидѣли родители за столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью; они завтракали и пили рейнвейнъ. Мать подала Розаліи тартингу, которую она съѣла съ большимъ аппетитомъ. Родители были въ праздничныхъ костюмахъ: отецъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ; только красная феска съ синею кистью напоминала о домашнемъ

комфортъ; мать—въ золотисто-зеленомъ шелковомъ платьѣ и въ чепцѣ съ желтыми лентами.

— Мама въ костюмѣ шпанской мухи!—замѣтила Розалія, пожавъ плечами.

Грохъ съ сильнымъ любопытствомъ разглядывалъ изъ окна группу; онъ даже снялъ золотое пенснэ и протеръ носовымъ платкомъ стекла, чтобы лучше видѣть. Но лица Розаліи онъ не могъ рассмотреть. Чтобы показать Феликсу свое презрѣніе, она лежала спиной къ дому. Голова ея покоилась на бархатной подушкѣ стальнаго цвѣта съ красною шелковою подкладкой. Качалась она еще удобнѣе, чѣмъ прежде, притягивая здоровою рукой конецъ веревки, привязанной къ стоящему сбоку дереву.

Служанка принесла вазу съ фруктами. На вопросъ Розаліи, есть ли гости, она, отвѣтила, что пріѣхалъ докторъ Грохъ и сидитъ у господина Лубрехта.

— Розалія, опекунъ твоего спасителя здѣсь! — воскликнула госпожа Аутенритъ.

— Мой дорогой папа мой спаситель,—отвѣтила молодая дѣвушка.

— Розалія, не будь неблагодарна. Мы должны поблагодарить господина Гроха за самоотверженность молодого человѣка.

— Это совершенно лишнее, мама.

— Я такъ желаю, Розалія.

Послѣ такой рѣшительной фразы госпожа Аутенритъ вернула ухивившую горничную.

— Передайте доктору Гроху мой поклонъ и скажите, что онъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, если придетъ въ садъ выпить съ нами стаканъ вина.

Служанка исполнила приказаніе. Грохъ самодовольно улыбнулся и сказалъ:

— Ты еще очень слабъ, Феликсъ. Не буду долѣе беспокоить тебя. Завтра я опять пріѣду.

Больной ничего не возразилъ и дядя ушелъ.

Розалія разсердилась на мать и рѣшила наказать гостя холоднымъ приѣмомъ. Но когда Грохъ появился въ саду и любезно раскланялся съ ними, лицо ея просвѣтлѣло. Она ожидала увидѣть стараго педанта, а передъ ней стоялъ изящный, свѣтскій человѣкъ, съ изысканными манерами; онъ выразилъ ей свои сожалѣнія по поводу ея несчастія и почтительно поцѣловалъ руку. Ему, правда, уже минуло пятьдесятъ три года; но повѣрить этому было трудно, глядя на его высокую, стройную фигуру, цвѣтущее здоровьемъ лицо и

черные закрученные усы. Розалія, конечно, не знала, что въ молодости онъ былъ блондиномъ. Розалія была немного блѣдна, но отъ этого казалась еще интереснѣе и глаза ея не утратили своего блеска.

«Феликсъ дуракъ!» — подумалъ Грохъ, увидѣвъ Розалію.

Она говорила мало, такъ какъ госпожа Аутенритъ сейчасъ же начала рассказывать о фейерверкѣ и съ энтузіазмомъ описала поступокъ Феликса. Грохъ въ душѣ хохоталъ надъ высокопарнымъ, комичнымъ рассказомъ старухи, но впечатлѣній своихъ не выдалъ и относился къ ней съ такою почтительностью, что послѣ его ухода она сказала дочери:

— Сейчасъ видно воспитаннаго человѣка; онъ узнаетъ равныхъ себѣ.

Взоры гостя, между тѣмъ, все чаще останавливались на изящной фигурѣ и блестящихъ глазахъ Розаліи. Она почти не отрывала рта, но это только усиливало ея чары. Долголѣтнее поклоненіе женской красотѣ не охладило сердца Гроха; съ годами онъ сдѣлался еще впечатлительнѣе. Онъ не могъ видѣть равнодушно ни одной красивой женщины и былъ влюбленъ въ Розалію съ той минуты, какъ увидѣлъ ея очаровательную улыбку.

Обѣдня кончилась и хозяйка возвратилась домой. Обыкновенно она не любила нарушать уединеніе Аутенритовъ въ саду, но тутъ сочла своимъ долгомъ поздороваться съ гостемъ. Она пригласила его остаться обѣдать, но Грохъ испугался баварскаго стола и подъ какимъ-то предлогомъ собрался уѣзжать въ Росталь.

— Вы разрѣшаете мнѣ завтра провести въ вашемъ обществѣ часокъ въ этомъ уютномъ уголкѣ сада? — сказалъ онъ г-жѣ Аутенритѣ.

Но Розалія, не желая встрѣчаться съ Феликсомъ и благодарить его, уговорила мать немедленно возвратиться домой.

— Къ сожалѣнію, вы не застанете насъ здѣсь, — отвѣтила госпожа Аутенритъ. — Завтра мы уѣзжаемъ въ Росталь. Но я надѣюсь, что вы навѣстите насъ въ нашей виллѣ; тамъ вы будете чувствовать себя лучше, чѣмъ въ этой мѣщанской обстановкѣ.

Грохъ обѣщалъ пріѣхать и, прощаясь, поцѣловалъ руки у матери и дочери.

Госпожа Аутенритъ была очень польщена, а Розалія наградила его такимъ пламеннымъ взглядомъ, что Грохъ долго не могъ забыть его.

XV.

Какъ отдыхаетъ городъ, когда осаждающіе непріатели отступаютъ отъ его стѣнъ, такъ почувствовали облегченіе обитатели хо-

рошенькаго домика канторши, когда отѣхала большая фура, нагруженная ящиками, сундуками, корзинами, креслами и кроватями Аутенритовъ, а вслѣдъ за нею поватилась изящная карета, увозившая Розалію и ея родителей. Миръ и спокойствіе водворились въ уютномъ домикѣ. Профессорша рѣже уходила въ паркъ и тамъ, гдѣ началась прекрасная дріада, она повѣсила свой гамакъ, которымъ дѣти съ восторгомъ завладѣли. Сама она садилась съ работою къ столу; Лотта проводила большую часть дня съ нею, а послѣ обѣда къ нимъ присоединялись оба вольноопредѣляющіеся, такъ какъ послѣ отѣзда Аутенритовъ и Феликсъ сталъ выходить въ садъ.

Только тутъ Лубрехту представилась возможность ближе познакомиться съ дочерью пастора. Своею дѣтскою миловидностью она сразу завоевала расположеніе Феликса, но болѣе глубокаго чувства не могла возбуждать въ немъ; для этого въ ней было слишкомъ много баварской простоты, а ея говоръ рѣзалъ нѣжный слухъ сѣверо-германца. Въ устахъ грубой канторши онъ не казался Феликсу неприятнымъ, такъ какъ шелъ ко всей ея особѣ. Но у Лотты онъ звучалъ какимъ-то диссонансомъ. Къ тому же, Феликсъ думалъ, что не только Мартынъ любитъ подругу дѣтства, но что и Лотта платитъ ему взаимностью. Онъ находилъ, что они замѣчательно подходятъ другъ къ другу, и отъ души желалъ имъ счастья. О чувствахъ Лотты къ нему онъ не подозрѣвалъ.

Во время болѣзни Феликса, благодаря дружескимъ заботамъ Мартына, молодые люди сошлись гораздо ближе. Феликсъ много занимался чтеніемъ англійскихъ книгъ; какъ-то разъ Мартынъ сказалъ ему, что завидуетъ его знанію этого языка.

— Да, — отвѣтилъ Феликсъ, — съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ въ Англіи, я познакомился съ англійскою поэзіей болѣе, чѣмъ со всѣми произведеніями на другихъ языкахъ. Я нахожу въ ней таковую прелесть, которая возвышаетъ меня самого. А вы развѣ не знаете англійскаго языка? Я даже представить себѣ не могу, какъ можно жить безъ англійской литературы; она составляетъ лучшую часть въ моемъ образованіи. Хотите, я буду васъ учить?

Мартынъ недоувѣрчиво взглянулъ на него.

— Вы говорите серьезно?

— Конечно, — отвѣтилъ Феликсъ и сейчасъ же съ воодушевленіемъ ухватился за эту мысль. — Начнемъ сегодня же. Если до ма-невровъ мы будемъ удѣлять каждый день по одному часу, то успѣемъ пройти всю грамматику, и вы увидите, какъ скоро научитесь читать.

Молодого баварца поразила горячность Лубрехта и онъ заду-

мался, принять ли ему предложеніе товарища. Но Феликсъ такъ чистосердечно радовался предстоящему дѣлу, что Мартынъ не могъ долго колебаться. Они сѣли за столъ и первый урокъ англійскаго языка прошелъ безъ перерывовъ. Въ теченіе слѣдующихъ недѣль уроки повторялись каждыя послѣ-обѣда, но уже благодаря спокойной энергіи Мартына, а не усердію учителя. Феликсу съ каждымъ днемъ все болѣе нравился баварецъ, который, когда исчезла его застѣнчивость, оказался очень умнымъ и развитымъ человекомъ. Онъ располагалъ къ дружеской бесѣдѣ, и если бы зависѣло отъ Феликса, то онъ охотно проболталъ бы цѣлый урокъ. Но Мартынъ неуклонно шелъ своею дорогой и Феликсъ полens-volens долженъ былъ покориться его спокойной силѣ. Такое сознательное стремленіе къ цѣли дало соответствующіе результаты.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ прихода студенческаго батальона въ Зауэрбруннъ должны были начаться маневры и въ то же утро собиралась домой Лотта. Ея отецъ, ѣздившій по дѣламъ въ Росталь, на обратномъ пути долженъ былъ заѣхать за ней.

Дамы и дѣти сидѣли въ саду за кофе, когда пріѣхалъ пасторъ Крауссъ.

— Гдѣ же мой другъ Мартынъ?— тотчасъ же спросилъ онъ.

Канторша сообщила ему, что онъ беретъ урокъ англійскаго языка у господина Лубрехта. Она очень высоко цѣнила услугу, которую оказывалъ пруссаку ея сыну. Скоро вольноопредѣляющіеся кончили заниматься и присоединились къ остальному обществу.

Умное лицо пастора остановило на себѣ вниманіе Феликса и онъ съ удовольствіемъ вступилъ съ нимъ въ бесѣду, когда тотъ началъ спрашивать о его занятіяхъ. Оказалось, что пасторъ хорошо знакомъ съ англійскою литературой. Онъ сообщилъ, что занимается изученіемъ народно-духовной поэзіи, и что ему часто приходится убѣждаться, какъ много въ этой отрасли нѣмецкая литература заимствовала у англичанъ.

— Извѣстно вамъ что-нибудь изъ ихъ древне-религіозной поэзіи?— спросилъ онъ.— Особенно своеобразна англійская народная рождественская пѣсня.

— Рождественская пѣсня? О, да! — воскликнулъ Феликсъ.— Когда я съ дядей былъ въ Англии, мы обошли всѣхъ лондонскихъ антикваріевъ и мнѣ попалась прекрасная старинная книга 1521 года— *Christmas Carols*, составленная Винкиномъ де-Ворде. Видя мою радость, дядя подарилъ ее мнѣ и съ тѣхъ поръ она сдѣлалась для меня источникомъ наслажденія.

— У васъ есть это сокровище? И вы захватили его съ собою въ Баварію?

Феликсъ отвѣтилъ, что книга находится въ Эберштейнѣ и что онъ съ удовольствіемъ дастъ ее пастору.

— Неужели?—воскликнулъ пасторъ.—Вы несказанно обрадуете меня. Могу я придти за ней, когда вы вернетесь въ Эберштейнъ? Я надѣюсь, что тогда вы проводите меня въ Бургвангенъ и будете часто навѣщать насъ вмѣстѣ съ Мартыномъ. Въ моей библиотекѣ тоже не мало старинныхъ изданій, которыя вамъ должны понравиться.

Феликсъ охотно обѣщалъ побывать у пастора.

На слѣдующій день Мартынъ и дядька Феликса Аурихъ ушли на маневры, а пасторъ Крауссъ съ дочерью уѣхали домой. Феликсъ значительно поправился, но держать оружіе въ рукахъ еще не былъ въ состояніи и потому было рѣшено, что онъ догонитъ свою роту, которая остановится въ сосѣдней деревнѣ, черезъ недѣлю.

Канторша забыла о своемъ предубѣжденіи противъ Феликса и относилась къ нему съ материнскою заботливостью, особенно послѣ того, какъ изъ его обращенія съ Лоттой она заключила, что онъ не намѣренъ соперничать съ Мартыномъ. Приглашеніе пастора ей, все-таки, не понравилось: догадываясь о чувствахъ Лотты, она желала бы изгнать Лубрехта изъ круга знакомыхъ молодой дѣвушки. Послѣ зрѣлаго обсужденія она рѣшила устранить опасность, обративъ противника въ союзника.

— Я очень рада, господинъ Лубрехтъ, что вы подружились съ моимъ сыномъ,—сказала она послѣ ухода Мартына.—Онъ, вѣроятно, открылъ вамъ свое сердце?

Не зная, что отвѣтить, Феликсъ попробовалъ отдѣлаться шуткою.

— Мартынъ характера не слишкомъ общительнаго, и я подозреваю, что онъ кое-что оставилъ про себя.

— Да, да,—согласилась вдова,—я сама такъ думаю. У васъ, пруссаковъ, что на умѣ, то и на языкѣ; у насъ же, въ Баваріи, молодые люди не таковы: чѣмъ сильнѣе ихъ чувства, тѣмъ меньше они говорятъ о нихъ.

— Иногда довѣріе устанавливается и безъ словъ, и мнѣ кажется, что мы съ Мартыномъ понимаемъ другъ друга.

— Въ такомъ случаѣ, вы, вѣроятно, замѣтили, какъ переполнена его душа нѣжною любовью?

Феликсъ утвердительно кивнулъ головою.

— Я такъ и думала,—продолжала вдова.—Они выросли вмѣ-

ствѣ и самую природой предназначены другъ для друга. Мартына будетъ пасторомъ, а Лотта превосходною пасторшей: она создана для этого. Подумайте, что стало бы съ этою простою, деревенскою дѣвушкой въ блестящей обстановкѣ? Она, бѣдняжка, зачахла бы. А моему мальчику утрата Лотты разбила бы сердце. Но мнѣ нечего бояться. Лотта расположена къ Мартыну и они почти женихъ и невеста. Мое самое горячее желаніе, чтобы милыя дѣти были счастливы, и я надѣюсь, что Господь услышитъ мои молитвы. А вы тоже думаете, что это будетъ счастьемъ для обоихъ?

Феликса тронули сердечныя изліянія матери, довѣрчиво смотрѣвшей на него полными слезъ глазами.

— Да, я нахожу, что они замѣчательно подходятъ другъ къ другу, — отвѣтилъ онъ.

Вдова обрадовалась его словамъ.

— Я рада, что вы такого мнѣнія, господинъ Лубрехтъ. Видно вы теперь другъ моего сына. Вы должны помогать ему, не такъ ли?

— Если въ состояніи буду, то, конечно, помогу, — обѣщавъ Феликсъ. — Отъ души благодарю васъ за довѣріе.

Канторша Гугельхопфъ вполне успокоилась.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Черезъ три недѣли послѣ несчастнаго случая въ Зауэрбруннскомъ паркѣ раны Феликса Лубрехта, какъ и предсказывалъ полковой врачъ, зажили настолько, что онъ могъ такъ же хорошо, какъ и прежде, дѣлать ружейныя приемы; правда, виртуозомъ на этомъ инструментѣ онъ никогда не былъ. На лѣвой щекѣ отъ обжога осталось красное пятно, которое долго не проходило.

Эберштейнскіе стрѣлки стояли въ деревнѣ Боксбергъ, въ полу часовомъ разстояніи отъ Зауэрбрунна. Наканунъ своего отправленія туда Феликсъ поѣхалъ въ Росталь кунить прощальные подарки госпожѣ Гугельхопфъ и дѣтямъ Фёръ и повидаться съ дядей Грохъ за все время пріѣзжалъ разъ или два въ Зауэрбруннъ, оставался очень недолго и объ отношеніяхъ своихъ къ семейству Аутенрихъ не упоминалъ.

Феликсъ не засталъ дяди въ отелѣ; но когда онъ отдавалъ швейцару карточку, мимо дома промчалось открытое ландо, въ которомъ сидѣли дядя и Розалія; ея улыбающееся лицо, защищенное

отъ солнца розовымъ зонтикомъ съ кружевами, было обращено къ ея спутнику. Къ удовольствію Феликса, они его не замѣтили.

Феликсъ пошелъ бродить по улицамъ и остановился передъ окномъ большаго склада печей. Когда, годъ назадъ, онъ отдѣлывалъ въ Эберштейнѣ свою студенческую квартиру, въ его кабинетъ оказалась желѣзная печь и своимъ некрасивымъ, неизящнымъ видомъ возмущала его утонченный художественный вкусъ. Рѣшивъ остаться на зиму въ Эберштейнѣ, Феликсъ задумалъ дополнить изящество своей обстановки, зашелъ въ магазинъ и, несмотря на дорогую цѣну, купилъ старинную печь изъ зеленой майолики. Продавецъ обѣщавъ немедленно отправить двухъ рабочихъ въ Эберштейнъ, чтобы къ возвращенію съ маневровъ Феликсъ нашелъ печь на мѣстѣ.

Къ вечеру въ Зауэрбрунѣ пришелъ Аурихъ, чтобы вычистить Феликсу мундиръ, и по его просьбѣ вольноопредѣляющійся написалъ ему рекомендательное письмо къ дядѣ. Черезъ нѣсколько дней Грохъ самъ пріѣхалъ въ Боксбергъ и нанялъ Ауриха, кончавшаго срокъ службы, сейчасъ же послѣ маневровъ. Было рѣшено, что до конца мѣсяца онъ пробудетъ въ Эберштейнѣ, чтобы не оставлять въ безпомощномъ положеніи Феликса, а затѣмъ перейдетъ на службу къ Гроху, которому онъ очень понравился.

Аутенриты поѣхали вмѣстѣ съ Грохомъ въ Боксбергъ, такъ какъ онъ ничего не говорилъ имъ о своемъ намѣреніи и они не знали, что стрѣлки передвинулись туда. Когда онъ дорогой сказалъ, что ѣдетъ навѣстить Феликса, Розалія пришла въ страшное негодованіе и настаивала на томъ, чтобы родители сошли въ Зауэрбрунѣ, а Грохъ ѣхалъ одинъ въ Боксбергъ. Грохъ ничего не зналъ о ея враждебныхъ чувствахъ къ племяннику, такъ какъ Розалія искусно скрывала ихъ, и былъ пораженъ ея поведеніемъ.

Послѣднюю недѣлю маневровъ Феликсъ провелъ въ строю и время это понравилось ему своимъ разнообразіемъ. Строгая гарнизонная дисциплина уступила мѣсто вольной поэзій, а очаровательный баварскій ландшафтъ составлялъ чудный фонъ для жизни на лонѣ природы. Къ несчастью, обычное неумѣнье Феликса подчиняться обстоятельствамъ отравило ему и это пріятное впечатлѣніе.

Утромъ стрѣлковый батальонъ побѣдоносно отбилъ нападеніе непріятеля на опушкѣ лѣса и расположился бивакомъ. Три роты должны были вырыть себѣ ямы для сна и наполнить ихъ соломой; двѣнадцатая рота, гдѣ находился Мартынъ, была избавлена отъ этого труда потому, что въ отведенномъ для нея мѣстѣ оказалась широкая, высохшая водомоина. Скоро подѣхалъ маркитантъ

съ громадною бочкой вина; онъ распрягъ лошадь въ концѣ лагеря и открылъ торговлю.

Солдаты воспѣшили освѣжиться прохладительнымъ напиткомъ. Феликсъ направился въ роту Мартына и нашелъ его сидящимъ подъ яблоней съ томомъ Дикенса, котораго онъ читалъ при помощи русскаго словаря. Феликсъ былъ пораженъ его быстрыми успѣхами; только выговоръ не давался ему и онъ попросилъ Лубрехта поправлять его ошибки въ то время, какъ онъ будетъ читать вслухъ. Не долго пришлось имъ заниматься: раздался барабанный бой для сбора двѣнадцатой роты и Мартынъ ушелъ.

Феликсъ, съ сигарой въ зубахъ, бродилъ по лагерю; скоро онъ наткнулся на лавочку маркитанта, вокругъ котораго собрались его товарищи по ротѣ. Солдаты уже выпросили денегъ у нѣсколькихъ вольноопредѣляющихся и встрѣтили извѣстнаго своею щедростію Лубрехта радостными возгласами. Они окружили его, требуя утѣшенія. Феликсъ поставилъ имъ вина. Ему самому пришлось заняться съ товарищами и вино развеселило его. Особенно радужнымъ настроеніемъ отличался Аурихъ, который еще раньше успѣлъ купить баварскаго вина.

Насталъ вечеръ и лагерь успокоился. Между тѣмъ, ямы для сна оказались недостаточно просторными, началась давка и слабые вытѣснили слабыхъ. Въ числѣ послѣднихъ очутился Аурихъ, ослабѣвшій отъ вина. Феликсъ увидалъ, что солдаты, какъ мячи, швыряютъ изъ стороны въ сторону его несчастнаго Ауриха. Такая потѣха начинала принимать характеръ жестокости. Феликсъ не могъ вынести такого звѣрскаго обращенія съ преданнымъ ему слугой, растолкалъ солдатъ и съ раздраженіемъ крикнулъ:

— Оставьте въ покоѣ Ауриха!

Его громкій окрикъ подѣйствовалъ на солдатъ, главнымъ образомъ, потому, что ночью на бивакѣ предписывалась безусловная тишина. Феликсъ тоже хотѣлъ лечь, но мѣста въ ряду уже не было; кромѣ того, кто-то стащилъ его шинель, которая должна была служить одѣяломъ. Тѣ самые люди, которые днемъ пили на счетъ вольноопредѣляющагося, теперь смѣялись надъ нимъ и ни одинъ не подумалъ дать ему мѣста.

Веселое настроеніе давно покинуло Феликса; его возмущало такое поведеніе солдатъ. Онъ молча взялъ ранецъ и пошелъ искать себѣ мѣсто. Скоро онъ добрелъ до водомойни двѣнадцатой роты, хватилъ бы мѣста нѣсколькимъ ротамъ. Мартынъ, который уже легъ спать, узналъ товарища по фигурѣ и окликнулъ его. Феликсъ

съ наслажденіемъ растянулся съ нимъ рядомъ и успокоился, найдя пристанище у друга.

Но онъ пролежалъ всего нѣсколько минутъ. Раздались голоса, показался свѣтъ фонаря, которымъ сержантъ двѣнадцатой роты освѣщаль спящихъ солдатъ. Рядомъ съ сержантомъ шелъ, громко разговаривая и бранясь, поручикъ, тоже, повидимому, пьяный.

— Какъ люди изъ другихъ ротъ затесались сюда?—крикнулъ онъ.—Прочь всѣ, которымъ не мѣсто здѣсь! Лѣнтяи, не могли сами вырыть ямъ для спанья! Вставайте, черти, а то я самъ подниму васъ!

При послѣднихъ словахъ лучъ свѣта упалъ на Феликса, который неохотно поднимался. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но офицеръ сердито крикнулъ:

— Убирайтесь, не то плохо будетъ!

Феликсъ пошелъ съ горечью въ сердцѣ, свернулъ далеко въ сторону отъ бивака и легъ подъ деревомъ. Холодъ и роса не давали ему заснуть; эту ночь онъ, единственный во всемъ батальонѣ, провелъ безъ шинели на открытомъ воздухѣ. Онъ началъ дрожать отъ холода и дикія, отчаянныя мысли полѣзли ему въ голову. Онъ завидовалъ здоровью товарищей, быстро свыкшихся съ выпавшею имъ долей; они покоились теперь добрымъ, сладкимъ сномъ, а онъ лежитъ одинъ, точно отверженный, неспособный къ суровымъ условіямъ жизни. Въ первый разъ Феликсъ ясно созналъ, что ему чего-то недостаетъ и что отъ этого онъ немощнѣе самаго посредственнаго человѣка. Его не возмущала перенесенная несправедливость, его всего охватило одно чувство—сознаніе своей непригодности къ жизни, отчаяніе въ самомъ себѣ и въ своей судьбѣ. Это была новая форма болѣзненнаго раздраженія, которое подъ нравственнымъ гнетомъ солдатчины едва не довело его до самоубійства.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Наконецъ, онъ не могъ долѣе выносить своего положенія и направился на свѣтъ сторожеваго огня; тамъ онъ сѣлъ и смотрѣлъ на пламя, пока утро не забрещило и не подняло спавшаго бивака.

II.

Докторъ Грохъ, неожиданно оставшись въ Росталѣ, скоро отыскалъ тамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, преимущественно извѣстныхъ ученыхъ, художниковъ и писателей, такъ какъ съ литературнымъ міромъ онъ постоянно поддерживалъ дружескія отношенія. Грохъ велъ пріятную жизнь, работалъ мало, создать что-нибудь крупное,

выдающееся никогда не пробовалъ. Но онъ обладалъ развитымъ вкусомъ и здравымъ смысломъ; его слогъ отличался плавностью и живостью, которыхъ нельзя достигнуть трудомъ. Онъ шутя извлекалъ пользу изъ своего таланта и не проходило дня, чтобы онъ утромъ не занялся часомъ дѣломъ. Грохъ писалъ объ искусствѣ и театрѣ, былъ постояннымъ сотрудникомъ большой берлинской газеты и пользовался репутаціей извѣстнаго критика не только среди собратьевъ, но его любили и высоко цѣнили въ различныхъ кругахъ. Къ его литературнымъ друзьямъ принадлежалъ и докторъ Велинъ, редакторъ *Палитры*, очень распространеннаго художественнаго журнала. Въ то самое воскресенье, когда Грохъ утромъ познакомился съ Аутенритами въ Зауэрбруннѣ, Велинъ послѣ обѣда повелъ его по городу показать наиболѣе достойныя вниманія зданія, воздвигнутыя послѣ войны.

Скоро они остановились въ загородномъ кварталѣ, передъ виллой съ фасадомъ, расписаннымъ *al fresco* по золотому фону. Пестрыя гирлянды цвѣтовъ тянулись надъ дверью и окнами золоченаго дома, а въ простѣнкахъ между оконъ красовались разноцвѣтныя фигуры ландскнехтовъ и богинь. Желѣзная рѣшетка, отдѣлявшая отъ улицы палисадникъ затѣйливой виллы, тоже была позолочена, надъ фронтономъ гигантскихъ размѣровъ золотой апанасъ заканчивалъ вершину колоссальнаго древка для флага. Окна были завѣшены; когда Грохъ и его спутникъ съ удивленіемъ остановились передъ этимъ сооруженіемъ грубаго невѣжества и притязательнаго безвкусія.

— Это вилла Аутенригъ. Феноменально, не правда ли?— сказалъ Велинъ.

При этихъ словахъ Грохъ какъ-то особенно свиснулъ; онъ, все таки, не такими представлялъ себѣ этихъ новыхъ знакомыхъ.

— Весь Росталь, конечно, хохочетъ, — продолжалъ редакторъ. — Многие, однако, не прочь были бы завладѣть золотою рыбкой вмѣстѣ съ ея золотымъ домомъ. Но прекрасную Розалію трудно побѣдить. Она кокетничаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, пока тотъ не падетъ къ ея ногамъ. Тогда она вычеркиваетъ безумца изъ списка и восклицаетъ: «*vivat sequens!*»

— Вы говорите такъ, какъ будто испытали это на себѣ, любимый другъ.

— Нѣтъ, слава Богу, мои старческія морщины не представляютъ для нея достаточнаго интереса. Но мы видѣли другіе примѣры. Еще нынѣшнею весной пустилъ себѣ пулю въ лобъ одинъ милый, хорошій юноша, съ которымъ она играла какъ кошка съ мышкой.

Пріятели пошли дальше; Грохъ ни слова не сказалъ о томъ, что еще утромъ любовался прекрасною Розаліей въ гамакъ. Далекое лестныя для красавицы слова Велина только разожгли его любопытство. Онъ не боялся, что Розалія можетъ разбить его закаленное, много испытывшее сердце. Онъ, вѣдь, путешествуетъ и уѣдетъ, дакъ только почувствуетъ опасность потерять голову. Онъ не разъ испыталъ на себѣ благодѣтельную силу рецепта Текерея: переменить мѣсто. Но кто думаетъ о любви? Онъ ищетъ пріятнаго развлечения и больше ничего.

Когда возвратившіеся въ Росталь Аутенриты выходили изъ экипажа, Розалія получила великолѣпный букетъ, принесенный лакеємъ изъ отеля Макартъ. А на слѣдующій день явился и самъ докторъ Грохъ.

Госпожа Аутенрихъ величественно встрѣтила гостя въ залѣ.

— Я очень рада, что могу принять васъ здѣсь, гдѣ мы опять живемъ по-людски.

Грохъ усмѣхнулся про себя.

«Приблизительно такъ говорилъ Неронъ, вступая въ свой золотой дворецъ», — мелькнуло въ его головѣ.

По аляповатости и безвкусію залъ вполне соотвѣтствовалъ наружному виду дома. Здѣсь было смѣшеніе всевозможныхъ стилей, но преобладалъ китайскій. Росписанная помпейскими фигурами печь изображала алтарь, на которомъ въ видѣ божества сидѣлъ китаецъ съ скрещенными ногами; громадная китайская фарфоровая ваза стояла передъ окномъ на полу. Большія зеркала въ золотыхъ рамахъ отражали пестроту обстановки.

Критикъ ничѣмъ не выдалъ своихъ впечатлѣній. Онъ поднесъ руку хозяйки къ губамъ и воскликнулъ:

— Я восхищенъ художественнымъ вкусомъ, превратившимъ этотъ домъ въ жилище грацій!

Появившаяся въ дверяхъ Розалія слышала его слова. Грохъ любезно освѣдомился о ея здоровьѣ, но съ ней былъ сдержаннѣе, чѣмъ съ матерью, за то глаза ихъ были краснорѣчивы.

Госпожа Аутенрихъ, поглощенная желаніемъ похвалиться домомъ, не дала гостю времени заняться молодою дѣвушкой.

— Да, любезный господинъ докторъ, вкусъ долженъ быть врожденный, — сказала польщенная хозяйка. — Это залъ, а вотъ пойдете дальше. Слѣдующія двѣ комнаты въ древне-германскомъ стилѣ. — Они направились къ двери, черезъ которую вошла Розалія. — Это столовая!

И здѣсь большинство вещей было выбрано потому, что броса-

лось въ глаза. Хозяйка ошибалась, называя столъ и стулья древне-германскими; эта массивная мебель, съ крупною рѣзбой и выпуклыми фигурами на спинкахъ, скорѣе относилась къ эпохѣ «ренессансъ». На карнизахъ стояли драгоценныя серебряныя вещи и макартовскіе букеты; верхнюю часть стѣнъ покрывали картины въ большихъ, эффектныхъ рамахъ—все жалкая мазня, но она бросалась въ глаза яркостью красокъ и сенсационнымъ содержаніемъ.

Докторъ Грохъ сдѣлалъ нѣсколько одобрительныхъ замѣчаній, на которыя госпожа Аутенричь съ гордостью отвѣтила:

— Это все мой собственный выборъ. Когда мы отдѣлывали домъ, одинъ знакомый имѣлъ дерзость предложить мнѣ, чтобы при выборѣ мебели и въ особенности картинъ я посовѣтовалась съ знатокомъ. «Я сама знатокъ»,—отвѣтила я ему и доказала на дѣлѣ, что я права.

Слѣдующая комната, гдѣ ихъ встрѣтилъ старый Аутенричь, была отдѣлана въ томъ же духѣ. Но тутъ взоры Гроха привлекло одно истинно-художественное произведеніе: мастерски написанный портретъ Розаліи. Красота дѣвушки сохранила свой чувственный характеръ, но была такъ облагорожена, что чувственность казалась невиннымъ увлеченіемъ минуты, безсознательною вспышкой страсти,—однимъ словомъ, это была Розалія безъ кокетства, Розалія, какою она могла бы быть въ минуту горячей, самоотверженной любви, *если бы она была способна любить. И, благодаря именно этому выраженію, картина производила чарующее впечатлѣніе.

Грохъ молча стоялъ передъ чудною картиной, а хозяйка наслаждалась его восторгомъ. Видя, что критикъ нѣсколько разъ одобрительно покачалъ головой, старый Аутенричь нарушилъ молчаніе.

— Превосходная картина, не правда ли? Я желалъ бы, чтобы наша дѣвочка была хоть на половину такъ хороша!

Жена строго взглянула на старика; Розалія замаскировала свою досаду смѣхомъ и весело вскрикнула:

— Значитъ, я собственная соперница? Мы подаримъ картину господину Гроху, чтобы папа окончательно не разочаровался во мнѣ.

— Нѣтъ, Розочка, картины я не отдамъ! Пусть ужъ лучше докторъ Грохъ возьметъ тебя!—отвѣтилъ старикъ, не понявъ шутки дочери.

Молодая дѣвушка не смутилась; она опять громко разсмѣялась.

— О! меня не такъ легко взять!

При этомъ она спокойно взглянула на гостя, но отъ него не

ускользнулъ скрытый блескъ ея глазъ, какъ бы опровергающихъ ея слова.

Грохъ чувствовалъ, что столкнулся съ загадкой, и сознавалъ, что уже не въ силахъ отойти; его манила таинственность прекраснаго сфинкса.

— Господинъ Аутенричь правъ,—вмѣшался онъ въ разговоръ отца съ дочерью.—Если бы я могъ выбирать, я, безъ сомнѣнiя, предпочелъ бы оригиналь.

— Вы, повидимому, реалистъ, господинъ Грохъ,—замѣтила Розалiя.—Принадлежите къ числу любителей искусствъ, предпочитающихъ тѣ картины, оригиналы которыхъ имъ доступны.

— Не совсѣмъ, фрейлейнъ, но забыть оригиналь я не могу, такъ какъ прекрасное въ картинѣ производитъ впечатлѣнiе не только на то, что есть въ моей душѣ божественнаго, но и на мое человѣческое сознание. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, впечатлѣнiя человѣческiя болѣе сильны, такъ какъ они намъ болѣе доступны.

Розалiя усмѣхнулась.

— Бѣдное человѣчество! Повидимому, божественное обречено заглохнуть.

— Да, временами оно подобно олимпiйской невозмутимости. Въ этомъ и есть преимущество боговъ.

— Ахъ! я опасуюсь, что въ общемъ духъ оказывается слабѣе плоти,—сказала Розалiя.

— А я надѣюсь, что божественное выжидаетъ только своего времени и готово пальму мира предложить человѣчеству, какъ только оно не отступитъ передъ борьбой.

— И вы любите борьбу?—спросила Розалiя, опять обжигая Гроха огненнымъ взглядомъ.

— Хотя бы въ ней пришлось погибнуть, если плѣнительна для меня побѣда.

Розалiя не спрашивала, какую побѣду онъ подразумѣвалъ; она прочла это въ его взглядѣ.

Несмотря на всю свою живость, разговоръ привелъ въ нетерпѣнiе хозяйку; она еще не кончила торжественнаго осмотра.

— Вы должны еще заглянуть въ будуаръ Розалiи, любезный докторъ,—сказала она, направляясь къ другой двери.

Грохъ вопросительно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Не будетъ это оскверненiемъ святыни, фрейлейнъ?

— Напротивъ, взоръ критика, на самомъ дѣлѣ, освятитъ убогое убѣжище,—отвѣтила Розалiя.

Они вошли. Комната была въ чистомъ стилѣ Рококо съ порха-

ющими амурами на потолокъ и идиллическими сценами во вкусь Мейсонье на стѣнахъ.

— Ваша комната прелестна, маленькій рай!—любезно сказалъ Грохъ, обрадованный, что хотя здѣсь выдержанъ стиль. Но Грохъ былъ слишкомъ опытный знатокъ искусства, чтобы не догадаться, что Розалія случайно воспользовалась уже созданною формой. Госпожа Аутенритъ сейчасъ же подтвердила его подозрѣнiе.

— Эта обстановка получила на художественно-промышленной выставкѣ первую премiю,—самодовольно проговорила она.—Мы купили ее сейчасъ же послѣ присужденiя награды.

Грохъ находилъ, что обстановка комнаты соотвѣтствуетъ характеру дѣвушки. Но отъ гостя не ускользнули и болѣе характерныя отпечатки вкусовъ хозяйки. Небольшой письменный столъ былъ заваленъ французскими романами. На окнѣ лежала открытая книга. Когда Розалія замѣтила, что взглядъ гостя скользнулъ на ней, она захлопнула книгу и положила ее такъ, чтобы онъ могъ прочесть заглавiе: *Мадамъ Бовари* Флобера. Это было сдѣлано съ такою выразительностью, что пораженный Грохъ съ удивленiемъ взглянулъ въ лицо дѣвушки. Она спокойно смотрѣла на него, будто не произошло ничего особеннаго.

Эта откровенность помогла Гроху понять Розалiю. Безъ этой выходки дѣвушки онъ промолчалъ бы, теперь же онъ замѣтилъ съ усмѣшкой:

— Интересная книга, фрейлейнъ.

— Вы находите?—отвѣтила она и, смѣясь, отвернулась.

— Что это за книга, дитя мое?—спросила госпожа Аутенритъ.

— Ахъ, мама, это трогательная исторiя одной несчастной женщины! Жаль, что ты не понимаешь по-французски. Она очень понравилась бы тебѣ.

Розалiя улыбнулась, встрѣтившись глазами съ гостемъ; ей не казалось смѣшнымъ, что этотъ свѣтскiй человекъ не могъ скрыть легкаго смущенiя. Грохъ былъ циниченъ, но Розалiя, повидимому превзошла его.

III.

Некрасивая исторiя, разсказанная Гроху редакторомъ *Палимры*, произошла въ дѣйствительности. Несчастный юноша, застрѣлившiйся изъ-за Розалiи, былъ талантливый молодой пианистъ въ продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ давалъ уроки музыки и золоченой виолѣ. Розалiя, лишенная музыкальныхъ способностей

играла ненавистныя упражненія только по настоятельному требованію матери. Свою старую, очень хорошую учительницу музыки она мучила до тѣхъ поръ, пока та не отказалась давать уроки, и тогда-то Розалія добилась, чтобы пригласили молодого виртуоза. Скоро онъ подпалъ подъ ея вліяніе и уроки проходили такъ, какъ она желала, т. е. въ болтовнѣ. Успѣховъ при этомъ она не дѣлала никакихъ, его же страсть росла съ каждымъ часомъ и въ одинъ прекрасный день, увлеченный кокетствомъ Розаліи, молодой человѣкъ заключилъ ее въ объятія. Съ притворнымъ негодованіемъ она бросилась къ матери, которая съ позоромъ выгнала его изъ дома. Розалія была въ восторгѣ отъ такого исхода; ей давно надоѣла сентиментальность молодого человѣка и, кромѣ того, она радовалась, что навсегда избавилась отъ ненавистной ей музыки. Но, быть можетъ, когда несчастный юноша пустилъ себѣ пулю въ лобъ, ея радость смѣнилась горемъ?... О нѣтъ!... только досадой: она сердилась на безумца, сдѣлавшаго ее предметомъ городскихъ сплетенъ. Но скоро и это чувство улеглось; въ самоубійствѣ влюбленнаго юноши она видѣла торжество своей красоты. Печальное событіе оставило, однако, мрачную тѣнь. Прежде въ высшемъ ростальскомъ обществѣ терпѣли выскочекъ Аутенритовъ, послѣ же самоубійства піаниста ихъ перестали принимать.

Госпожа Аутенритъ давно рѣшила въ умѣ, что Розалію слѣдуетъ выдать замужъ, но съ весны не явилось ни одного порядочнаго жениха. Неудивительно, что ея надежды и желанія остановились на критикѣ Грохѣ, особенно послѣ того, какъ она увидѣла, что онъ съ избыткомъ обладаетъ величайшимъ, по ея мнѣнію, достоинствомъ въ человѣкѣ—деньгами. Но мать слишкомъ хорошо знала Розалію, чтобы открыть ей свои планы. Ея дочь отличалась упрямствомъ, не терпѣла чужаго руководства и была изъ числа тѣхъ, которымъ запрещенный плодъ кажется слаще.

Вскорѣ послѣ перваго визита докторъ Грохъ получилъ приглашеніе на обѣдъ.

— Я надѣюсь, что онъ скоро уѣдетъ,—сказала госпожа Аутенритъ, по желанію дочери отправляя приглашеніе.—Я совсѣмъ не желаю приглашать его еще разъ.

Розалія широко открыла глаза.

— Я надѣюсь, что онъ часто будетъ посѣщать насъ. Онъ развлекаетъ меня.

— Но онъ старъ. Онъ годится тебѣ въ дѣдушки.

— Старъ, мама? Мнѣ странно это слышать отъ тебя. Для мужчины это лучшая пора жизни и, во всякомъ случаѣ, онъ интереснѣе

всѣхъ ѣтихъ мальчишекъ, у которыхъ еще молоко не обсохло на губахъ.

— Вообще онъ мнѣ не нравится, — сказала мать.

Розалія надулась и ушла въ свою комнату. Она взяла французскій романъ, но нѣсколько разъ бросала книгу и задумывалась.

— Старъ? — проговорила она вслухъ. — Это смѣшно. Мама такъ же ограничена, какъ всѣ глухие баварцы. И если она думаетъ, что я позволю читать себѣ нравоученія, то жестоко ошибается.

На слѣдующій день за обѣдомъ, на который былъ приглашенъ Грохъ, госпожа Аутенритъ жаловалась на головную боль, — въ дѣйствительности она понятія не имѣла о томъ, какъ у людей болитъ голова, — и еле-еле открывала ротъ. Чѣмъ холоднѣе, согласно своей новой системѣ, держала себя мать, тѣмъ любезнѣе становилась Розалія. Вина и кушанья, благодаря ея заботамъ, были такъ хороши, что даже избалованный Грохъ не могъ ничего покорить.

Кофе подали въ гостиную, гдѣ старшій Аутенритъ сейчасъ же задремалъ въ своемъ креслѣ. Хозяйка скрылась и гость собрался прощаться, когда у подъѣзда остановился экипажъ. Аутенриты не держали собственныхъ лошадей, на каждое послѣ обѣда пріѣзжалъ наемный экипажъ,

— Я не поѣду сегодня, — сказала вошедшая мать.

— А я не могу оставаться дома, — объявила Розалія. — Если ты не хочешь ѣхать, то я попрошу господина Гроха прокатиться со мною.

— Господинъ Грохъ едва ли захочетъ терять времени болѣе того, чѣмъ уже пожертвовалъ намъ.

Критикъ, разумѣется, поспѣшилъ возразить: онъ счастливъ, что можетъ оказать услугу фрейлейнъ Розаліи. Всѣ остались довольны.

Отѣхавъ немного, Розалія обернулась назадъ.

— Теперь, когда мы одни, вы должны сказать мнѣ правду. Какъ вы находите нашъ домъ?

— Я уже выразилъ вашей матушкѣ, какого я высокаго мнѣнія о ея художественномъ вкусѣ.

Розалія презрительно разсмѣялась.

— Художественный вкусъ моей матери? Я знаю, какого вы о немъ мнѣнія.

— Развѣ вы не раздѣляете его?

— Я? — почти съ негодованіемъ воскликнула Розалія. — Нѣтъ, этому поклоненію китайщинѣ и смѣшенію всѣхъ когда-либо существовавшихъ стилей я не сочувствую. У мамы нѣтъ ни малѣйша-

го вкуса. Этотъ золоченый домъ похожъ на клѣтку для попугаеъ, уличныя мальчишки хохочатъ надъ нимъ. Все, что ни дѣлаетъ ма-на, страдаетъ отсутствіемъ мѣры.

— Дѣйствительно, вкусъ есть сознание мѣры, — замѣтилъ Грохъ. — Меня радуетъ, что вы не любите крайностей.

— Нѣтъ, не люблю. Я слишкомъ хорошо знаю, что утрировка есть признакъ недостаточнаго образованія. Ну, а что вы скажете о вѣстѣ на нашей крышѣ?

— Я долженъ сознаться, что такіе шести на крышахъ, вошедшіе въ моду со времени имперіи, не придаютъ красоты городу. Ихъ ставятъ и флаги на нихъ вѣшаютъ изъ весьма похвальнаго патри-тизма, а для жилищъ простыхъ гражданъ они слишкомъ притязательны.

— Просто безобразіе! — сказала Розалія. — Другое дѣло, если бы всегда развѣвался флагъ! Но домъ, изъ году въ годъ стоящій въ этою голою палкой, похожъ на женщину, которая цѣлую недѣлю ходитъ въ папильоткахъ, чтобы пощеголять въ воскресенье лонами, или же на остовъ дождеваго зонта безъ обтяжки.

Грохъ улыбнулся,

— Вы, я думаю, желали бы избавиться отъ общепринятыхъ бычаевъ? — спросилъ онъ.

— Я ненавижу ихъ. Мнѣ много приходится бороться съ матерью. Я бы хотѣла жить иначе. Эта золотая клѣтка и мѣщанская жизнь опротивѣли мнѣ. Когда я вернулась изъ Берлина, я нашла себя изуродованнымъ нелѣпыми затѣями матери, и ничего не могла дѣлать. Онъ на самомъ дѣлѣ сталъ для меня клѣткой.

— Но она открыта и у васъ есть крылья. Отчего вы не улетите?

— Вы своими совѣтами хотите, кажется, выманить меня?

— Да, хочу и знаю, что вы за это не сердитесь, — отвѣтилъ Грохъ съ страстнымъ взоромъ.

— Берегитесь! — и она, смѣясь, погрозила зонтикомъ.

Грохъ придвинулся ближе и взялъ ея руку.

— Вѣдь, вы не сердитесь?

— Я ненавижу васъ, — сказала Розалія, не отнимая руки, а ея глаза говорили совсѣмъ иное.

— А я люблю васъ, Розалія.

Молодая дѣвушка залилась своимъ обворожительнымъ смѣхомъ, который несчастный учитель музыки сравнивалъ съ соловьиными пѣснями. Но это была не естественная, а заученная мелодія; дѣвушка

не пожалѣла трудовъ для выработки этихъ пріятныхъ звуковъ, на-
поминавшихъ звонъ серебрянаго колокольчика.

— Знаю я вашу любовь! Вы тоже заперли бы меня въ клетку,
если бы могли!

— Нѣтъ, только на свободѣ очаровательна любовь,—отвѣ-
тилъ Грохъ. Розалія отняла свою руку.

— Одна моя рука спалена, вы хотите сжечь другую.

— Это пламя живить, а не убиваетъ, и гдѣ сливаются двѣ та-
кихъ огненныхъ струи, тамъ истинная жизнь... Розалія, я люблю
васъ.

— Превосходно, и любите меня на свободѣ. Все можно любить
на свободѣ, и цвѣты, и людей. Никто не смѣетъ запретить.

Розалія съ насмѣшкой взглянула на Гроха. Но это презритель-
но-холодное выраженіе дѣлало ее еще привлекательнѣе; страсть его
все возростала.

— Цвѣты не любятъ, ими любятъ, — сказалъ онъ. — Любовь
хочетъ обладанія...

— И цвѣткомъ обладаютъ, сломивъ его. Вы какого объ этомъ
мнѣнія?

— Розалія, сердце не цвѣтокъ; оно отдается добровольно. От-
дайте мнѣ ваше.

— Я съ собой его не захватила.

Грохъ понялъ, что на этотъ разъ онъ ничего не добьется.

Розалія не хотѣла придавать серьезнаго значенія его словамъ.
Да развѣ и не права она была? Развѣ они говорились серьезно?...
Конечно, несерьезно въ смыслѣ предложенія; подобная мысль и въ
голову не приходила старому холостяку, и Розалія чувствовала это.
Но они были серьезны, какъ выраженіе его страсти, серьезны въ
его игрѣ: докторъ Грохъ серьезно задумалъ позабавиться.

— Завтра я повторю свою просьбу. Вы знаете, я люблю борьбу.

Когда они вернулись домой и Грохъ сталъ прощаться, молодая
дѣвушка взглянула на него такъ лукаво, что только благодаря по-
явленію госпожи Аутенритъ, онъ не заключилъ ее въ объятія. Оча-
рованный ея красотой, Грохъ неохотно уходилъ изъ ихъ дома. Въ
этотъ вечеръ ему слѣдовало исполнить совѣтъ Текерея, но чары
слишкомъ крѣпко опутали его и онъ остался.

Розалія находилась въ прекрасномъ настроеніи. Это былъ но-
вый случай въ ея практикѣ. Грохъ любилъ ее, это было несомнѣн-
но, а, между тѣмъ, думалъ, что съ нею можно поиграть. Въ ея же
представленіи любовь была синонимомъ рабскаго повиновенія; быть
любимой значило безгранично властвовать надъ мужчиной. Она до-

кажетъ, что нельзя соединять несомвѣстимыя понятія и на дѣлѣ убѣдить его въ логичности своей системы. Эта интересная задача обѣщала дать много веселья. Что будетъ послѣ, когда побѣжденный падеть къ ея ногамъ, объ этомъ не стоило беспокоиться; время покажетъ.

Грохъ, конечно, сдержалъ слово: на слѣдующій день онъ возобновилъ борьбу и сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ золоченой вишны. Слабостямъ госпожи Аутенритъ онъ льстилъ весьма усердно, что забавляло Розалію и съ каждымъ днемъ все болѣе располагало въ его пользу старуху. Ей трудно было скрывать отъ дочери свои чувства, но, все-таки, она продолжала притворяться и вознаграждала гостя удвоенною любезностью, когда оставалась съ нимъ одна.

И Розалія, и Грохъ продолжали вести игру. Глаза молодой дѣвушки обѣщали все, но какъ только онъ хотѣлъ поймать ее на словѣ, она ускользала отъ него. Розалія замѣчала, что ея отказъ разжигаетъ въ немъ страсть, и ей доставляло жестокое наслажденіе безжалостно издѣваться надъ нимъ. Она играла съ нимъ какъ съ собачонкой, которой даютъ кусокъ сахару и отнимаютъ, какъ только она хочетъ его схватить.

Такъ шли недѣли, а Розалія не измѣняла тактики. Въ разговорахъ съ Грохомъ она держалась иногда такъ свободно, что онъ могъ бесѣдовать съ ней, какъ съ любимымъ изъ своихъ циничныхъ собутыльниковъ. Она любила нескромные разговоры, двусмысленныя намеки и часто дѣлала замѣчанія, отъ которыхъ вся кровь мгновенно закипала въ ея обожателѣ. Если же онъ хотѣлъ продолжать на ту же тему, она взглядывала на него съ такимъ наивнымъ изумленіемъ или опускала свои пушистыя рѣсницы съ такимъ видомъ мадонны, что Грохъ спрашивалъ себя, въ умѣ ли онъ.

Грохъ понемногу впадалъ въ уныніе. Онъ не рассчиталъ силы Розаліи; все крѣпче опутывали его чары кокетства и игра превращалась въ терзающую страсть. Между тѣмъ, онъ не былъ такъ слѣпъ, чтобы не видѣть душевной пустоты Розаліи. Правда, всей глубины ея холодной, расчетливой природы онъ не подозрѣвалъ. Ея кажущаяся чувственность, которую онъ принималъ за настоящую, скрывала отъ него ея безсердечность. Самъ онъ, при всей своей порочности, былъ добрымъ, милымъ человѣкомъ и не понималъ, какъ могутъ тѣсно соединиться въ одной натурѣ пылъ страсти и сердечный холодъ... Но онъ зналъ, что въ душѣ ея нѣтъ ничего возвышеннаго и умъ мало развитъ; ея сужденія поражали его, какъ неприятный диссонансъ. Что чуткимъ инстинктомъ понималъ Феликсъ при первомъ разговорѣ, то не могло совершенно ускользнуть отъ

Гроха: Розалія въ душѣ была ничтожествомъ; ей недоставало врожденнаго благородства, безъ котораго человѣкъ, при всей своей внѣшней полировкаѣ, остается погруженнымъ въ грязь. Тысячу разъ онъ повторялъ: «она недостойна любви», чувствовалъ къ ней горькое презрѣніе и, все-таки, не могъ одолѣть ея чарь. Онъ всю жизнь наслаждался женщинами, любовь означала для него только наслажденіе и потому высшей любви онъ не зналъ. Его влекла къ Розаліи не ея душа, а пышныя формы, блескъ ея глазъ, упоительное счастье, которое сулили ея взоры. Поэтому онъ хотя и презиралъ Розалію, однако, бессильно отдавался обаянію ея красоты.

IV.

Грохъ провелъ день у Аутенритовъ. Когда наступилъ вечеръ, онъ направился въ ресторанъ, гдѣ обыкновенно собирались писатели и художники. Дорѳгой онъ встрѣтилъ редактора Велина и молодого, но уже прославившагося нѣсколькими картинами художника, котораго Грохъ также зналъ и высоко цѣнилъ.

— Я иду съ Гансомъ Бундшу въ городской садъ,—сказалъ Велинъ.—Тамъ послѣдній концертъ, а вечеръ такъ хорошъ, что не хочется сидѣть дома. Не хотите ли присоединиться къ намъ?

Грохъ согласился и они втроемъ вошли въ освѣщенный городской садъ. Когда они приблизились къ ресторану и остановились, ища свободныхъ мѣстъ, неожиданно раздался возгласъ:

— Здѣсь хватить мѣста для васъ, господинъ Грохъ!

Недалеко отъ главной аллеи, гдѣ сновала прогуливающаяся публика, сидѣла фрейлейнъ Аутенритъ съ родителями. Обрадованный Грохъ воспользовался ея приглашеніемъ. Художникъ схватилъ Велина за руку.

— Идемъ!—въ волненіи проговорилъ онъ.—Я ни за что не сяду рядомъ съ этою дѣвушкой!

— Но, милый Гансъ, мы пригласили Гроха и не можемъ бросить его одного,—возразилъ Велинъ.

Бундшу не хотѣлъ ничего слышать.

— Мнѣ все равно. Оставайтесь, если находите это необходимымъ, но я ухожу.

Съ этими словами онъ быстро удалился.

Велину тоже была непріятна эта встрѣча. Онъ не любилъ Аутенритовъ, также какъ и они его, за то, что онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ сатирическую статью о художественной отдѣлкѣ золоченой виллы. Когда они сѣли, Грохъ замѣтилъ, что Гансъ

удшу скрылся. Велинъ хотѣлъ чѣмъ-то его оправдать, но Розалія, которая знала художника и подозрѣвала причину его внезапнаго ухода, сказала съ плохо скрытою досадою:

— Если художники такъ непочтительно относятся къ критикѣ, то критикамъ слѣдуетъ учить ихъ вѣжливости. Припомните тотъ случай, любезный Грохъ, когда будете писать отзывъ о слѣдующей картинѣ Бундшу.

— Э-э, фрейлейнъ Розалія, искусство и жизнь надо раздѣлять!—возразилъ Грохъ.

— Повидимому, фрейлейнъ Аутенритъ считаетъ критику мстительною фуріей,—рѣзко замѣтилъ Велинъ.

Розалія закусила губу и въ наказаніе весь вечеръ не сказала слова съ редакторомъ *Палитры*.

Когда оркестръ заигралъ свадебный маршъ изъ *Лоэнгрина*, Розалія пригласила Гроха пройти въ садъ. Видная, красивая пара привлекала всѣ взоры, а этого только и желала Розалія. Когда она замѣтила, что прежніе знакомые избѣгаютъ ея поклона, она претворительно улыбалась. По желанію матери, Аутенриты собрались дой раньше окончанія концерта и докторъ Грохъ получилъ разрѣшеніе проводить ихъ до дому. Велинъ распрощался у воротъ сада.

На другой день, когда Грохъ, закуривъ послѣ завтрака сигару, осматривалъ газеты, въ отель Макартъ пришелъ Велинъ. Грохъ предлагалъ подать вина; но пріятель съ серьезнымъ лицомъ приступилъ прямо къ дѣлу и отклонилъ шутки, которыми критикъ хотѣлъ уклониться отъ непріятнаго объясненія.

— Простите, дорогой коллега,—началъ онъ,—за смѣлость, которая могла бы показаться навязчивой, если бы мною не руководило искреннее чувство дружбы. Прошу васъ, уѣзжайте сегодня же въ Росталю.

«Ага, совѣтъ Текерея!»—подумалъ Грохъ.

— Свое мнѣніе о фрейлейнъ Аутенритъ я уже высказалъ вамъ, когда еще не зналъ, что вы знакомы съ нею. Но послѣ того, что видѣлъ вчера, я, какъ другъ и честный человѣкъ, заклиная васъ: берите всѣ свои силы и порвите опутавшія васъ сѣти, если не можете принести въ жертву химерѣ счастье и спокойствіе всей жизни.

Велинъ подождалъ отвѣта, но Грохъ, молча, слѣдилъ взглядомъ синеватыми струйками дыма отъ сигары. Тогда Велинъ заговорилъ опять:

— Я уже рассказывалъ вамъ исторію молодого піаниста, жизнь котораго разбила эта бездушная кокетка. Вы удивились вчера, что

Гансъ Бундшу такъ невѣжливо оставилъ насъ. Ну, такъ видите ли молодой пианистъ былъ его лучшимъ другомъ и Бундшу не захотѣло сидѣть рядомъ съ тою, кого онъ считаетъ его убійцей.

Грохъ всталъ и отошелъ къ окну. Онъ боролся съ собой. Наконецъ, онъ обернулся къ товарищу.

— Я былъ бы безумцемъ, милый Велинъ, если бы не оцѣнилъ вашего дружескаго совѣта. Но мнѣ кажется, что вы несправедливы къ молодой дѣвушкѣ.

— Именно потому, что вы такъ думаете, я и предостерегаю васъ. Вѣдь, вы смотрите ослѣпленными страстью глазами. «*Mis Catulle, перестань заблуждаться!*» Повѣрьте, хуже Лесбїи обманетъ васъ это коварное существо, отравитъ ваше свѣтлое, жизнерадостное существованіе.

Грохъ засмѣялся.

— Когда Лесбїя была потеряна, ему ничего больше не оставалось, какъ отказаться отъ нея. Моя же Лесбїя еще не побуждаетъ неужели я заранѣе долженъ сложить оружіе?

— Въ побѣдѣ вы, все-таки, окажетесь разбитымъ, — сказалъ Велинъ. — Какую, собственно, побѣду вы разумѣете? Вы хотѣли предложить руку этой кокеткѣ?

— Жениться? — воскликнулъ Грохъ. — Ну, нѣтъ, чортъ возьми!

— Что же, въ такомъ случаѣ? У вашего римскаго свята вѣроятно, сказано что-нибудь и о Гименеѣ, блюстителѣ чести Венеры?

— Жениться? — еще разъ воскликнулъ Грохъ. — Этого мнѣ въ голову не приходило!

— Дорогой мой другъ, я убѣдительно прошу васъ: уѣзжайте! — повторилъ свою просьбу Велинъ.

Но напрасно. Легкомысленный прїятель добродушно выслушалъ его, посмѣялся надъ его опасеніями и не уѣхалъ. Внутренній же Грохъ говорилъ ему, что Велинъ правъ, и онъ не могъ сердиться на него за вмѣшательство. Но обольстительный образъ Розалїи занялъ всѣ его мысли: онъ уже не имѣлъ силы принять разумнаго рѣшеніе.

V.

Велинъ приходилъ съ совѣтомъ къ Гроху въ тотъ самый день, когда критикъ ѣздилъ съ Аутенритами въ деревню Боксбергъ, чтобы нанять Ауриха себѣ въ услуженіе. Какъ уже было сказано, онъ

лько дорогой сообщил о своемъ намѣреніи. Розалія пришла въ раздраженіе, потребовала, чтобы родители вышли изъ экипажа въ Курбруннѣ, и бѣдному критику пришлось уѣхать одному. Грохъ жалъ, что ея дурное расположеніе духа скоро пройдетъ и, вернувшись, былъ очень пораженъ и огорченъ, когда она, молча, встрѣтила его съ холоднымъ лицомъ и отвернула голову, когда онъ сѣлъ рядомъ съ нею на террасѣ. Напрасно старался онъ смягчить Розалію. Она давала рѣзкіе, односложные отвѣты; госпожа Аутенритъ рѣшалась сдѣлать дочери замѣчаніе относительно ея невѣжливо-го обращенія, боясь этимъ окончательно испортить дѣло.

Въ Росталъ всѣ вернулись не въ духѣ, и Грохъ простился у подъезда. Розалія холодно поклонилась и скрылась въ дверяхъ. Госпожа Аутенритъ любезно пригласила его зайти, но Грохъ отказался и вернулся въ отель. Цѣлый часъ просидѣлъ онъ въ креслѣ, задумывая, что дѣлать. Наконецъ, онъ открылъ сундукъ и машинально началъ укладываться. Побросавъ около половины вещей, Грохъ со стономъ опустилсѣ въ кресло и закрылъ лицо руками. Еще часъ просидѣлъ онъ такъ. Затѣмъ всталъ, положилъ еще какую-то вещь и остановился въ нѣмомъ отчаяніи. Минуты бѣжали. Онъ громко застоналъ, въ изнеможеніи прислонилъ руку къ стѣнѣ и опустилъ на нее голову. Вдругъ Грохъ выпрямился, воскликнулъ:
— Нѣтъ, не могу! Не могу!—и выбѣжалъ изъ номера.

Точно во снѣ дошелъ онъ до золоченой виллы и выслушалъ отъ лакея, что госпожи Аутенритъ нѣтъ дома. Онъ приказалъ доложить лейлейнъ Розаліи, и лакей довезъ его до полуотворенной двери ея будуара.

Розалія сидѣла съ романомъ въ рукахъ, но было слишкомъ темно, чтобы читать. Да она и не читала; она съ увѣренностью ждала гостя. Она встала и холодно проговорила:

— Господинъ Грохъ? Чему я обязана такою неожиданною вѣстью?

— Розалія!—отвѣтилъ Грохъ дрожащимъ голосомъ.—Розалія! Не говорите, заклинаю васъ, такимъ ледянымъ тономъ! Что я сдѣлалъ вамъ? Развѣ моя любовь не заслуживаетъ иной награды, чѣмъ ваше холодное презрѣніе?

Розалія отвернулась съ пренебреженіемъ, но въ душѣ ея ликовала торжествующая гордость.

— Розалія!—продолжалъ онъ и, подойдя ближе, взялъ ея руку.—Я не могу жить безъ васъ и пришелъ вамъ это сказать. Я приношу къ вашимъ ногамъ мою жизнь и все, что имѣю. Розалія, любите меня и будьте моею женой!

Онъ наклонился къ ея рукѣ и покрѣлъ ея страстными поцѣлуями. Розалія не отвѣчала; тогда онъ заключилъ ее въ объятія опьяненный счастьемъ, сталъ цѣловать ея щеки, губы, глаза. Она холодно принимала его ласки; но когда онъ въ изнеможеніи опстился на диванъ и привлень дѣвушку къ себѣ, она крѣпко прижалась къ его груди и, наконецъ, обвила обѣими руками его шею и отвѣтила на его поцѣлуи. Между тѣмъ, госпожа Аутенритъ вернулась домой и узнала отъ лакея о присутствіи гостя. Она со свѣчей вошла въ темный будуаръ. Розалія вскочила, но не отъ страха отъ негодованія.

Грохъ взялъ руку дѣвушки и подошелъ къ старухѣ.

— Простите, уважаемая госпожа Аутенритъ, что я, какъ воръ, забрался въ вашъ домъ и похищаю вашу дочь. Взамѣнъ я прошу васъ принять меня въ сыновья.

Это совершенно не входило въ планы Розаліи. Еще въ объятіяхъ Гроха она колебалась, не вырваться ли ей съ хохотомъ и насмѣяться ли надъ нимъ. Она и теперь попробовала вырваться своєю рукою, но Грохъ крѣпко держалъ ее.

— Покорись, гордая Брунегильда!—прошепталъ онъ.

Госпожа Аутенритъ поторопилась положить конецъ сомнѣніямъ. Она прижала дочь къ груди и воскликнула:

— Милое дитя, какъ я счастлива!

Розаліи невыразимо стало досадно. Плодъ, значить, не былъ запрещеннымъ? Отъ этого онъ сразу терялъ для нея всю свою сладость. Когда же старуха обняла и доктора, тогда Розалія ясно увидѣла, что она проиграла свою партію.

Позвали отца. Онъ съ недоувѣріемъ выслушалъ извѣстіе о поцѣлѣхъ дочери и почесалъ за ухомъ.

— Моя вольная пташка, значить, поймана,—задумчиво промолвилъ онъ.—Я думаю, она доставитъ вамъ не мало хлопотъ. Запретите ее покрѣпче, не то упорхнеть...

VI.

Феликсъ, вернувшись съ маневровъ, сейчасъ же испыталъ разочарованіе: ростальскій фабрикантъ, обѣщавшій поставить пещуръ въ его отсутствіе, не сдержалъ слова. Но до полного окончанія службы оставалась одна недѣля и всѣ непріятности казались Феликсу легкими.

— Слава Богу,—говорилъ онъ Мартыну,—рабство кончается! Когда насталъ желанный день освобожденія, Мартынъ уѣхалъ

въ Зауэрбруннъ провести съ матерью конецъ вакацій. Феликсъ не могъ сдержатъ улыбки, увидавши его передъ отъѣздомъ. Въ черномъ длиннополомъ сюртугѣ, простоватый юноша имѣлъ видъ настоящаго семинариста и представлялъ рѣзкій контрастъ съ Феликсомъ, который заказалъ себѣ изящное статское платье у лучшаго портнаго въ городѣ. Разстались они очень сердечно, такъ какъ Феликсъ искренно полюбилъ его и подружился съ молодымъ баварцемъ. Вообще обидчивый Феликсъ выслушивалъ серьезные замѣчания Мартына и не сердился на его слова потому, что въ нихъ всегда было много доброты и, кромѣ того, онъ сознавалъ, что Мартынъ превосходить его въ силѣ и увѣренномъ стремленіи къ опредѣленной цѣли. Слова друга были даже ему пріятны, такъ какъ онъ чувствовалъ потребность опереться на болѣе сильную руку.

Феликсъ остался одинъ. Онъ наслаждался сознаниемъ свободы и испытывалъ такое ощущеніе, точно съ него сняли страшный гнетъ. Почти съ благоговѣніемъ вошелъ онъ въ свою хорошенькую квартирку около ботаническаго сада, въ свой милый кабинетъ съ письменнымъ столомъ, книгами, съ уютною обстановкой, и нѣжно, точно лаская, провелъ рукой по нѣсколькимъ любимымъ книгамъ въ шкафахъ. Феликсъ заперся въ четырехъ стѣнахъ и только иногда, послѣ обѣда, уходилъ гулять въ горы, откуда любовался разстилающеюся внизу долиной съ хорошенькими деревушками, высокою цѣпью горъ съ могучими хребтами, виноградниками и осеннимъ пурпурнымъ одѣяніемъ буковыхъ лѣсовъ.

Наконецъ, послѣ недѣли спокойнаго отдыха Феликсъ почувствовалъ, что долженъ навѣстить дядю въ Росталъ, и написалъ ему, что прійдетъ на этихъ дняхъ.

Помолвка Вильгельма Гроха и Розаліи Аутенритъ произошла еще въ то время, когда Феликсъ стоялъ въ деревнѣ Боксбергъ. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ недѣль, но племянникъ не получилъ извѣстія объ этомъ событіи. Случилось это по милости Розаліи, которая взяла на себя разсылку печатныхъ карточекъ, извѣщавшихъ о предстоящей свадьбѣ. Грохъ удивлялся, не получая поздравленія отъ молодого человѣка. Когда же пришло письмо, въ которомъ Феликсъ ни словомъ не упоминалъ о его женитьбѣ, Грохъ спросилъ невѣсту, не забыла ли она послать карточку Феликсу.

— Нисколько, — отвѣтила Розалія, — я просто не нашла нужнымъ и не желала вступать въ переписку съ этимъ нахальнымъ господиномъ.

Послѣ нелестнаго отзыва Феликса о молодой дѣвушкѣ, Грохъ не могъ ожидать, чтобы между ними установились дружескія отно-

шенія. Но послѣ фейерверка Розалія естественно должна была почувствовать признательность къ молодому человѣку, и потому ерѣзкій отвѣтъ неприятно поразилъ жениха.

— Неужели этотъ милый, добросердечный юноша оскорбилъ тебя?—воскликнулъ онъ.

— Чѣмъ могъ оскорбить меня такой мальчишка?—отвѣтила Розалія съ презрительною улыбкой.

Грохъ покачалъ головой.

— Сдѣлай мнѣ удовольствіе, дорогая моя,—мягко попросилъ онъ,—будь снисходительнѣе къ бѣдному мечтателю. Я всегда смотрѣлъ на него, какъ на сына, и такъ это должно остаться и въ будущемъ.

— Это твое дѣло, милый мой,—холодно проговорила Розалія.—Если ты боишься, что я могу стать поперекъ дороги твоему сыну, то этому легко помочь.

Грохъ не рѣшался возобновлять этотъ разговоръ, хотя въ душѣ былъ сильно озабоченъ. Со дня предложенія онъ чувствовалъ въ воспоминаніи о Феликсѣ угрызения совѣсти и они-то мѣшали ему собственноручно увѣдомить его о происшедшемъ. Ему страшно тяжело было отвѣчать на письмо племянника, и особенно неприятно было сообщать о женитьбѣ. Чтобы избѣжать этого, Грохъ послалъ напечатанную карточку и приписалъ всего нѣсколько строкъ:

«Мой милый мальчижъ! Я нахожу съ своей стороны излишніи увѣренія въ томъ, что, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства о чемъ тебя извѣщаетъ прилагаемая карточка, между нами все останется по-старому. Я желаю, чтобы мой домъ въ Ванзее ты продолжалъ считать твоимъ роднымъ домомъ. Моя женитьба не измѣняетъ твоихъ плановъ относительно будущаго; я позабочусь, чтобы ты могъ жить независимо и по собственному выбору посвятивъ жизнь служенію музамъ».

Къ письму прилагалась крупная сумма на поѣздку въ Италію. Грохъ не хотѣлъ, чтобы племянникъ пріѣзжалъ въ Росталь, пока Розалія находится въ раздраженномъ состояніи.

Феликсъ, ничего не подозрѣвая, спокойно сидѣлъ за утреннимъ кофе, когда получилъ письмо дяди. Онъ всталъ и въ волненіи началъ ходить по комнатѣ. До сихъ поръ онъ легкомысленно, безрасчетливо полагался на дядю. Разсчетливости не было въ его характерѣ, но щедрость дяди развила въ немъ безсознательный эгоизмъ, такъ что обѣщанія дяди обезпечить его онъ принималъ за нѣчто вполне естественное и на единственнаго родственника смотрѣлъ какъ на собственность, не допуская возможности его женитьбы.

вдругъ эта спокойная увѣренность рухнула. Всякій другой выборъ дяди менѣе огорчилъ бы его, но помолвка съ фрейлейнъ Аутенригъ поразила его, какъ грозное предвѣстіе несчастія.

Что значили увѣренія Гроха рядомъ съ именемъ этой дѣвушки! Какъ только она сдѣлается женою Гроха, она станетъ между нимъ и дядей и разлучитъ ихъ. Ихъ отношенія въ послѣднее время и такъ стали холоднѣе, теперь они окончательно порвутся. Продолжать считать домъ дяди роднымъ, а его самого—отцомъ и естественнымъ покровителемъ, объ этомъ не могло быть и рѣчи. Розалія стала ему ближе всѣхъ и этимъ отдалила его, лишила права на его попеченія и, слѣдовательно,—такъ рассуждалъ Феликсъ,—онъ будетъ принимать милостыню отъ дяди.

Зачѣмъ ему теперь эти деньги на путешествіе? Онъ часто мечталъ о поѣздкѣ въ Италію, но развѣ можетъ онъ ѣхать на деньги, которыя даютъ въ видѣ вознагражденія за оскорбленіе? Онъ желалъ бы сейчасъ же отослать деньги назадъ и стать на собственныя ноги. Зависимость отъ мужа Розаліи и, слѣдовательно, отъ самой Розаліи грозила ему нравственнымъ подчиненіемъ, котораго онъ не въ состояніи былъ перенести.

Въ то время, какъ Феликсъ боролся съ этими горькими думами, не зная, на что рѣшиться, въ дверь раздался стукъ и въ комнату вошелъ рабочій. Онъ привезъ изъ Росталя майоликовую печь и хотѣлъ сейчасъ же ее ставить на мѣсто. Работа,—говорилъ онъ,—займетъ дней пять и не обойдется безъ пыли и грязи, поэтому мебель, ковры, книги слѣдовало вынести изъ комнаты.

Феликсъ и безъ того былъ страшно взволнованъ, но тутъ онъ вышелъ изъ себя.

— Какъ!—крикнулъ онъ.—Вы должны были безъ меня поставить печку! Вашъ хозяинъ не сдержалъ обѣщанія и теперь, ни словомъ не предупредивъ меня, выгоняетъ изъ квартиры! Это неслыханное невѣжество!

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ печникъ.—Я исполняю приказаніе фабриканта.

— Такъ пусть онъ самъ и платится за это. Везите вашу печку назадъ въ Росталь. Я не могу и не хочу теперь ее брать.

Печникъ засмѣялся.

— Успокойтесь,—невозмутимо произнесъ онъ.—Изъ-за такихъ пустяговъ не стоить шумѣть.

Феликсъ сердито взглянулъ на него. Но невозмутимый видъ рабочаго подѣйствовалъ на юношу успокоительно и вмѣстѣ съ сознаніемъ безсилія имъ овладѣлъ стыдъ. Онъ молча повернулся

и заперся въ спальнѣ. Когда немного успокоились его потрясенные нервы, Феликсъ вернулся въ кабинетъ. Онъ покорился судьбѣ. Да и что оставалось дѣлать, разъ онъ такъ легкомысленно купилъ печь? Также, очевидно, разсуждалъ и печникъ. Подойдя къ огню, Феликсъ увидѣлъ, что онъ съ помощью мальчика разгружалъ фуру; сзади стояла подвода съ кафелемъ. Феликсъ уныло обвелъ глазами комнату. Онъ надѣялся наслаждаться спокойствіемъ въ своей уютной квартиркѣ, а теперь приходилось перетаскивать въ спальную книги, статуи, бюсты, вазы, разгромить всю обстановку.

Онъ стоялъ неподвижно, не зная, съ чего начать. Куда же дѣнется онъ самъ? Неужели останется въ спальня, превращенной въ кладовую, и цѣлую недѣлю будетъ слушать стукъ рабочихъ?

Это небольшое несчастье на время вытѣснило изъ его головы болѣе тяжелое.

Пока онъ стоялъ въ раздумьи, въ дверь опять раздались стукъ и вошелъ пасторъ Крауссъ.

— Я, какъ общалъ, милый господинъ Лубрехтъ, — сказалъ онъ, — пришелъ похитить на нѣсколько дней Вингина де-Ворде. Вы не передумали и, попрежнему, довѣряете мнѣ это сокровище?

Феликсъ подошелъ къ рѣзному дубовому шкафу и досталъ книгу.

— Вотъ *Christmas Carols*, господинъ пасторъ. Надъ моею библіотекой недостаетъ надписи «Amicis», но только потому, что это само собою разумѣется.

Пасторъ съ благоговѣніемъ взялъ въ руки старинную книгу; его глаза блестѣли, когда онъ любовался переплетомъ изъ тисненой кожи, украшеннымъ группами поющихъ ангеловъ, и осторожно перелистывалъ толстыя страницы. Онъ молчалъ; но на его красивомъ лицѣ выражался такой восторгъ, какой испытываетъ только библиоманъ, и Феликсъ понималъ его. Онъ даже повеселѣлъ, увидѣвъ, сколько радости доставилъ старому ученому. Наконецъ, пасторъ Крауссъ поднялъ голову.

— Книгу я, значить, беру съ собой, — сказалъ онъ, — но при одномъ условіи: вы отправитесь вмѣстѣ со мною и проведете недѣлю въ нашихъ горахъ. Здѣсь вы одинъ, а у насъ черезъ нѣсколько дней начинается сборъ винограда, — это самое веселое время и самое хорошее, чтобы познакомиться съ баварскою жизнью.

Феликсъ ни минуты не колебался.

— Вы явились спасителемъ! — радостно воскликнулъ онъ. — Меня какъ разъ гонять изъ дому; печники хотятъ ставить новую печь.

— Да, я видѣлъ ихъ внизу. Я, значить, во-время пришелъ. Пасторъ всталъ и, внимательно осматривая, обошелъ библіотечные шкафы.

— Не буду васъ задерживать долѣе. У меня есть еще дѣла въ родѣ. Черезъ два часа я заѣду за вами, а вы тѣмъ временемъ сложите свои вещи, чтобы имѣть съ собой все удобства, къ которымъ вы привыкли. Роскоши у насъ вы не найдете. Все, что я могу обѣщать, это — хорошія книги, хорошее пѣніе и общество простыхъ людей.

Пожавъ руку Лубрехта, пасторъ спустился внизъ.

Феликсъ попросилъ хозяйку помочь ему, на что та охотно согласилась, такъ какъ, кромѣ выгоды, затѣя жильца ничего ей не приносила, — послѣ его отъѣзда изъ Эберштейна майоликовая печь должна остаться во владѣніи хозяйки дома: Черезъ часъ, благодаря единеннымъ усиліямъ хозяйки, ея дочери, служанки и печниковъ, комната опустѣла и Феликсъ сѣлъ за поздравительное письмо къ отцу. Его задача оказалась еще труднѣе, чѣмъ дядина, когда тотъ вѣщалъ о женитьбѣ. Вспомнивъ о перемѣнахъ, какія внесетъ это событіе въ его жизнь, Феликсъ опять предался грустнымъ мыслямъ и такъ задумался, что не слышалъ стука подъѣхавшаго экипажа. Кто-то громко постучалъ въ дверь и на его зовъ вошелъ Фридеръ, въ шляпѣ и въ винокѣ.

— Здравствуйте! — добродушно произнесъ молодой баварецъ. — Я пришелъ за вашимъ багажомъ, а васъ господинъ пасторъ прогналъ внизъ.

Открытое, добродушное лицо баварца понравилось Феликсу и тотъ протянулъ ему изящный кожаный портъ-сигаръ.

— Возьмите себѣ нѣсколько папирозовъ за ваши труды.

Мальчишъ не ожидалъ, повидимому, сѣверо-германскаго акцента, которымъ заговорилъ студентъ. Дружелюбное выраженіе вдругъ исчезло и онъ отрицательно покачалъ головой.

— Если вы такъ горды, милый мой, — сказалъ Феликсъ, — то самъ могу снести свой багажъ.

— Пасторъ не желаетъ этого, — отвѣтилъ Фридеръ и въ голосѣ его послышалась злоба.

Поведеніе баварца опечалило Феликса, онъ самъ не зналъ почему. Онъ позволилъ ему взять багажъ и молча послѣдовалъ за нимъ.

VII.

Скоро экипажъ поднимался по извилистой дорогѣ въ гору.

— Какой крутой подъемъ! — сказалъ Феликсъ, видя, какъ тя-

жело взбиралась на гору лошадь винодѣла.— Церковь расположена очень поэтично, но неудобно для лѣнливыхъ богомольцевъ.

Пасторъ засмѣялся.

— Это было бы хорошимъ оправданіемъ, — отвѣтилъ онъ.— Но наши виноградари видятъ доброе знаменіе въ томъ, что ихъ храмъ Божій стоитъ въ горахъ. Здѣсь растутъ ихъ виноградъ, здѣсь они работаютъ и чувствуютъ себя болѣе дома, чѣмъ внизу, въ долинѣ. И, вѣдь, всѣ они, въ концѣ-концовъ, должны подняться наверхъ; здѣсь путь къ вѣчному успокоенію. А на васъ близость кладбища не произведетъ грустнаго впечатлѣнія?

— О, нѣтъ, трогательная картина смерти не представляетъ для меня ничего ужаснаго, напротивъ! — возразилъ Феликсъ.

— Напротивъ?— съ улыбкой спросилъ пасторъ.— Правда, молодежь любитъ поиграть желаніемъ смерти. Она еще не понимаетъ ея серьезнаго значенія.

Наконецъ, они доѣхали. Вышедшая изъ дома пасторша радушно протянула руку гостю. Она была не красива и не имѣла въ лицѣ того изящнаго благородства, которымъ отличались черты пастора, унаслѣдованныя отъ него дочерью; за то необыкновенно жизнерадостное выраженіе освѣщало все лицо госпожи Крауссъ и придавало ей молодежавый видъ, несмотря на то, что изъ-подъ незатѣйливаго чепчика выбивались уже сѣдые волосы.

Фридеръ молча внесъ вещи Лубрехта въ комнату для гостей и ничего не отвѣтилъ на его благодарность. Когда онъ съ телѣжкой спускался внизъ, его догналъ маленькій Павель.

— Павель, зачѣмъ къ вамъ пріѣхалъ пруссакъ? — спросилъ онъ мальчика.

— Развѣ онъ пруссакъ?— удивился Павель.

— Конечно! Неужели ты не слышишь по выговору? Я ихъ терпѣть не могу. Мой отецъ говоритъ, что они пріѣзжаютъ въ нашу страну такіе надутые, точно павлины въ курятникъ. И чего они не сидятъ дома, если считаютъ себя лучше насъ?

Феликсъ, между тѣмъ, оглядѣлъ высокую, свѣтлую комнату; одно окно выходило въ сторону Эберштейна, видъ изъ другаго заслоняла пожелтѣвшая листва липы. Немного погодя Феликсъ спустился внизъ. Ему надо было проходить мимо кухни, дверь въ которую была открыта. Лотта была тамъ и занималась приготовленіемъ обѣда. Въ синемъ холстинномъ фартукѣ, за стряпней, она показала Феликсу еще незначительнѣе, чѣмъ прежде. Феликсъ вошелъ и, улыбаясь, протянулъ ей руку.

— Вы печетесь о голодающихъ?— спросилъ онъ.

— Я готовлю шпетцли,—отвѣтила Лотта.

— А! Баварское національное кушанье! Научите меня, какъ ихъ дѣлаютъ.

Лотта держала въ лѣвой рукѣ доску, на которой былъ раскатанъ тонкій слой тѣста изъ муки и воды, а въ правой деревянный ножъ.

— Смотрите, какъ это просто,—съ довольнымъ видомъ проговорила она, разрѣзая тѣсто тонкими ломтиками и опуская ихъ въ кипящую воду.— Я боюсь, что теперь они перестанутъ вамъ нравиться.

— О, нѣтъ, я радъ, что хоть чему-нибудь научился,—отвѣтилъ Феликсъ.— Удивительно мало надо для жизни. Я никогда бы этого не думалъ,—прибавилъ онъ серьезно.

— Смотрите, не сдѣлайтесь настоящимъ баварцемъ,—замѣтила Лотта.

Тонъ ея словъ тронулъ Феликса.

— Вы какъ будто съ сожалѣнiемъ говорите это?

Лотта покраснѣла и не нашлась, что отвѣтить. Феликсъ, съ сѣверо-германскимъ лоскомъ, казался ей совершенствомъ, и баварская простота, по ея мнѣнiю, не шла къ нему. Лубрехтъ внимательно посмотрѣлъ на дѣвушку. Въ первый разъ въ его головѣ мелькнула мысль, не приходившая раньше въ Зауэрбруннѣ. Феликсъ заподозрилъ ея чувства. Онъ тоже немного смутился.

— Я не смѣю долѣе мѣшать вамъ,—сказалъ онъ, направляясь къ двери.

Въ эту минуту въ кухню вошла мать Лотты.

— Вы уже нашли нашу дочку?—воскликнула она, добродушно улыбаясь.

— Да, мы поздоровались,—отвѣтилъ онъ.

Пасторша пригласила Феликса въ столовую, большую, свѣтлую комнату съ блестящимъ чистымъ поломъ. Она была убрана очень просто, но производила прiятное, даже поэтическое впечатлѣнiе, такъ какъ живой плющъ покрывалъ ея стѣны. Противъ двери на консоли стояло распятiе, обвитое зеленью, и подъ нимъ диванъ съ обѣденнымъ столомъ. Около двери у окна помѣщался рояль; надъ нимъ висѣли портреты Баха и Генделя, а посрединѣ стоялъ бюстъ Шиллера.

За обѣдомъ Феликса охватила тихая грусть. При видѣ радушiя, которымъ окружали его хозяева, онъ невольно вспомнилъ о дядѣ и далекой родинѣ. Ему трудно было скрыть внутреннее волненiе. Но

эти простые люди, какъ будто, читали въ его сердцѣ; онъ видѣлъ, съ какимъ сочувствіемъ остановился на немъ взоръ пасторши.

Послѣ обѣда Феликсъ съ пасторомъ удалились въ кабинетъ.

УШ.

Библіотека пастора была переполнена сочиненіями, относящими къ исторіи народной и духовной поэзіи. Это его любимое занятіе, говорилъ пасторъ, и смерть кантора Гугельхопфа была для него тяжелою утратой, такъ какъ тотъ много помогалъ ему. Третьимъ въ ихъ союзѣ былъ капельмейстеръ Окслеръ, бывший дирижеръ академическаго хорового общества въ Эберштейнѣ, теперь переселившийся въ Росталь. Въ настоящую минуту онъ гостилъ у знакомыхъ въ Эберштейнѣ, обѣщалъ послѣ обѣда придти въ Бургвангенъ, и тогда Феликсъ услышитъ музыку, которая доставитъ ему удовольствіе.

Студентъ, разглядывая библіотку, обрадовался, найдя на полкахъ и своихъ любимцевъ.

— Я вижу у васъ и англичанъ, и американцевъ,—сказалъ онъ.—Вотъ Хоннингъ и Теодоръ Паркеръ, а вотъ старый ворчунъ Карлейль. А новѣйшихъ англійскихъ писателей вы, повидимому, не долюбливаете?

— Развѣ ихъ нѣтъ здѣсь?—спросилъ пасторъ.—Должно быть, ими завладѣла моя дочка. Съ тѣхъ поръ, какъ она возвратилась изъ Зауэрбрунна, она очень усердно занимается англійскимъ языкомъ. Вы, точно апостолъ, распространяете англійскую литературу. Если вы всегда будете находить такихъ усердныхъ послѣдователей, какъ молодой Гугельхопфъ и наша Лотта, то поздравляю васъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Феликса поразило, что онъ оказалъ вліяніе на занятія Лотты. Опять въ его головѣ шевельнулась мысль, уже мелькнувшая разъ, передъ обѣдомъ, въ кухнѣ, и онъ въ смущеніи отвѣтилъ:

— Я не зналъ, что фрейлейнъ Крауссъ знаетъ англійскій языкъ. Но вы, вѣроятно, хотите соснуть послѣ обѣда. Если вы позволите, я сяду съ книгой на открытомъ воздухѣ.

Пасторъ согласился и Феликсъ вышелъ съ сигарой на крыльцо. Лотта, между тѣмъ, приготовила кофе и тоже вышла, чтобы накрыть столъ подъ липой. Гость помогъ ей.

— Не наскучитъ вамъ наша тихая жизнь?—спросила Лотта.

— Конечно, нѣтъ. Въ этомъ домѣ царитъ духъ мира, успокаивающій мою душу. Кромѣ того, меня ожидаетъ музыкальное наслажденіе. Вы примете въ немъ участіе?

Лотта улыбнулась.

— Вѣдь, мы дилетанты, какихъ много въ нашей странѣ. Но если капельмейстеръ Окслеръ сыграетъ намъ что-нибудь, то вы останетесь довольны.

— Лотта тоже поетъ,—вмѣшался Павелъ, слышавшій разговоръ изъ окна.

— О! объ этомъ не стѣдить и говорить,—замѣтила Лотта.

Феликсъ еще не слыхалъ пѣнія Лотты. Въ тотъ вечеръ, когда она пѣла съ Мартыномъ въ Зауэрбруннѣ, онъ уходилъ на фейерверкъ съ Аутенритами, и послѣ ихъ отъѣзда вечера были такъ хороши, что ихъ проводили большею частью на воздухъ въ болтовнѣ. Онъ не особенно обрадовался предстоящему пѣнію, такъ какъ не ожидалъ ничего хорошаго отъ ужаснаго выговора молодой дѣвушки.

Пасторъ съ женой вышли изъ дому и вслѣдъ за ними явился капельмейстеръ. Хозяева радостно поздоровались съ нимъ, и Брауссъ, представивъ студента, рассказалъ объ англійскихъ рождественскихъ пѣсняхъ. Они продолжали бесѣдовать на эту тему, пока служанка не подала кофе. Всѣ размѣстились вокругъ стола, наслаждаясь чуднымъ осеннимъ днемъ. Пожелтѣвшіе листья осыпались съ липы на бѣлую скатерть; кругомъ царил тишина и золотистымъ одѣяніемъ убирались горы.

Когда всѣ кончили кофе, пасторъ поднялся; остальные послѣдовали его примѣру и направились къ воротамъ небольшого кладбища; убѣжавшій впередъ Павелъ отперъ дверь колокольни. Они вошли въ свѣтлую, залитую солнечными лучами церковь и поднялись на хоры. Капельмейстеръ началъ съ прелюдіи Баха, которую исполнилъ съ силою и большою выразительностью; своею чудною игрою онъ привелъ въ восторгъ слушателей. Когда онъ кончилъ, пасторша попросила его снѣтъ и онъ охотно согласился. «Лотта должна акомпанировать»,—сказалъ онъ. Молодая дѣвушка съ спокойнымъ, яснымъ лицомъ сѣла за органъ и Феликсъ увидѣлъ, что она знакома съ этимъ инструментомъ. Какъ пѣніемъ и игрою на фортепiano, такъ и этимъ она была обязана старому Гугельхопфу, котораго во время послѣдней болѣзни она замѣняла не только въ теченіе недѣли въ школѣ, но и въ воскресенье за органомъ. Она играла хорошо и выразительно, хотя далеко не съ такою силою и совершенствомъ, какія только что выказалъ Окслеръ. Подъ простой акомпаниментъ мощный голосъ капельмейстера пѣлъ «Adoramus te, Christe!» Палестрины.

— А теперь,—сказалъ онъ, когда тихо замеръ органъ,—такъ какъ мы сейчасъ говорили о старинныхъ рождественскихъ пѣсняхъ,

то мнѣ захотѣлось услышать «O sanctissima!» или, лучше, нашъ милый нѣмецкій текстъ. Лотта, вы споете? Я буду очень тихо аккомпанировать вамъ.

Лотта поднялась съ застѣнчивою улыбкой, а Окслеръ занялъ ей мѣсто; она стала рядомъ, въ полуоборотъ къ нему, и солнечные лучи играли на ея золотистыхъ волосахъ.

При первыхъ звукахъ ея пѣнія трепеть пробѣжалъ по всему тѣлу Лубрехта, — трепеть благоговѣнія, восторга, счастья. Подобные звуки могли вылетать изъ устъ дѣвушки, баварскій говоръ которой казался ему неприятнымъ, смѣшнымъ! Слышалъ ли онъ когда-нибудь такой нѣжный, чистый, прелестный голосъ? И неужели эта серьезная дѣвушка съ божественно-просвѣтленными чертами, вдохновеннымъ блескомъ въ очахъ и сіяніемъ музы на челѣ — самая, простая, наивная Лотта? Точно святая стоитъ она передъ нимъ и храмъ наполненъ чуднымъ очарованіемъ ея пѣнія. Феликсъ что случилось съ тобой, что вдругъ она явилась тебѣ другою, выше, прекраснѣе? Увидишь ли ты въ ней когда-нибудь глупенькую деревенскую дѣвочку, на которую ты смотрѣлъ съ добродушно-снисходительною улыбкой?

Никогда, Феликсъ, потому что въ эту минуту съ твоихъ глазъ спала завѣса. Исчезъ и забытъ мѣстный выговоръ въ гармоніи пѣнія; душа прорвалась въ звукахъ и проникла въ душу. Отнынѣ Лотта будетъ кумиромъ твоего сердца, свѣтомъ твоей жизни.

Феликсъ былъ потрясенъ и въ волненіи слушалъ пѣніе, не спуская глазъ съ ея лица, преображеннаго священнымъ вдохновеніемъ. Онъ самъ исполнился какой-то силы, возвысившей его. Неизвѣстная жизнь, представлявшаяся въ мрачномъ свѣтѣ, мгновенно превратилась въ свѣтлый рай. Страданія и радости, блаженство и грусть, восторгъ и слезы горячею струей хлынули въ его душу, — все преобразилось, онъ самъ и весь міръ.

Послѣдніе звуки замерли и Лотта скромно опустила голову. Феликсъ отвернулся и молча отошелъ за колонну. Онъ, точно ослѣпленный, закрылъ рукой глаза, затуманенные влажнымъ блескомъ. Все представлялось ему сновидѣніемъ.

IX.

Еще одинъ человѣкъ слышалъ пѣніе въ церкви. Сынъ винодѣла, Фридеръ, работалъ въ отцовскомъ виноградникѣ, когда пасторъ Крауссъ съ гостями направился къ гладбищенскимъ воротамъ. Онъ часто присутствовалъ тайно при ихъ духовныхъ концертахъ; въдѣ

онъ тоже былъ сыномъ Баваріи, страны пѣвцовъ. Больше всего его привлекалъ голосъ Лотты, который производилъ на влюбленное сердце юноши такое глубокое впечатлѣніе, что никакая вершина Альпъ не показалась бы ему слишкомъ высокой, еслибъ онъ могъ надѣяться услышать тамъ пѣсню или ласковое слово отъ дочери пастора.

Фридеръ незамѣтно проскользнулъ на колокольню и тихо поднялся по лѣстницѣ, ведущей къ часамъ. Отсюда тоже былъ ходъ на хоры, но эта дверь около органа рѣдко отпиралась. Трещины въ сохшемся деревѣ такъ были широки, что звуки ясно долетали до того, кто стоялъ за дверью, и даже была видна часть церкви.

Пока храмъ оглашали величественные звуки органа и пѣль прекрасный мужской голосъ, Фридеръ сидѣлъ на ступеняхъ лѣстницы. Когда же подъ церковными сводами разнеслась рождественская пѣснь, чистая и звучная, точно ангельская мелодія, тогда юноша всталъ и прильнулъ лицомъ къ самой широкой скважинѣ, чтобы взглянуть на Лотту. Но его старанія были напрасны: органъ заслонялъ молодую дѣвушку. вмѣсто нея, Фридеръ видѣлъ пруссака, которому онъ утромъ такъ хорошо доказалъ свою баварскую гордость. Лицо Феликса было красиво, благородно, только слишкомъ блѣдно; особенно красиво оно было тогда, когда освѣщалось глубокимъ душевнымъ волненіемъ, какъ въ эту минуту, и Фридеръ, глядя на него, не могъ подавить дружелюбнаго чувства. Ему сдѣлалось стыдно за свое поведеніе. Когда же Феликсъ отошелъ за колонну и закрылъ глаза рукой, Фридеръ, по-своему взволнованный не меньше его, сочувственно покачалъ головой.

Лотта подошла къ родителямъ, которые поднялись со своихъ мѣстъ. Мать потрепала ее по щекѣ, а пасторъ заговорилъ съ Окснеромъ; пасторша тоже вмѣшалась въ разговоръ. Лотта отступила немного назадъ и наклонилась надъ скамьей, на которой положила раньше нѣсколько нотныхъ тетрадокъ. Въ то время, какъ она складывала ихъ, изъ тѣни выступилъ Лубрехтъ и молча протянулъ ей руку. Лотта взглянула на него и сейчасъ же опустила глаза. Но его блестящій взглядъ уже сказалъ ей, что въ его душѣ произошла перемѣна, что нѣмой языкъ ея сердца встрѣтилъ откликъ въ его душѣ; она почувствовала это въжатіи его руки и не рѣшилась снять свою.

Лотта не ожидала такого счастья. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу, когда она увидала его нѣжный, полный любви взоръ, и густая краска залила ея лицо. Капельмейстеръ открылъ ноты и показывалъ таринамъ какую-то мелодію, Павелъ возился съ мѣхами около ор-

тана; никто не обращалъ вниманія на молодыхъ людей. Феликсъ приподнялъ руку дѣвушки и поцѣловалъ. Лотта спокойно, съ благоговѣнiемъ, точно благословенiе, приняла его поцѣлуй.

Бѣдный Фридеръ былъ свидѣтелемъ этой безмолвной сцены. Его доброе расположенiе къ пруссаку мгновенно смѣнилось негодованiемъ. Какъ смѣлъ онъ ухаживать на его глазахъ за Лоттой? Дикая ревность проснулася въ сердцѣ юноши. Старому другу Мартыну онъ уступилъ бы Лотту, но этому неизвѣстно откуда взявшемуся пруссаку—никогда! Фридеръ сжималъ кулаки, скрежеталъ зубами и его добродушное лицо сдѣлалось мрачнѣе ночи. Не правъ онъ развѣ былъ, не повѣривъ съ самаго начала его любезнымъ фразамъ? Если только пруссакъ еще разъ заговорить съ нимъ, то онъ ему покажетъ, что онъ его злѣйшій врагъ.

Когда, наконецъ, вышли изъ церкви, Феликсъ съ блестящими глазами коротко поблагодарилъ хозяина за доставленное удовольствiе. Пасторъ ласково кивнулъ ему головой; по взволнованному лицу молодого человѣка онъ видѣлъ, что его благодарность идетъ отъ чистаго сердца.

Фридеръ тихонько спустился съ лѣстницы и, никѣмъ не замѣченный, поспѣшилъ въ свой виноградникъ. Капельмейстеръ скоротался въ Эберштейнъ, такъ какъ вечеромъ онъ уѣзжалъ домой въ Росталь.

X.

На высотѣ, гдѣ прiютился домикъ пастора, вечера сдѣлались холодны, и послѣ ужина приходилось сидѣть въ комнатахъ. Когда служанка убрала со стола, пасторъ попросилъ Лотту принести англійскія книги, чтобы гость могъ видѣть, какия сочиненiя имѣются въ его библиотекѣ. Лотта исполнила просьбу, и радость освѣтила ея лицо, когда Феликсъ слегка дрожащимъ голосомъ сказалъ, что онъ уже слышалъ о ея занятiяхъ англійскимъ языкомъ.

— Кто вашъ любимый поэтъ изъ англичанъ?—спросилъ его хозяинъ.

Феликсъ назвалъ Шелли.

— Шелли?—съ изумленiемъ повторилъ пасторъ.—Но, вѣдь, это метафизическая поэзія, заоблачныя грезы, отвлеченныя бредни болѣзненные фантазіи чуждой міру души.

— О!—воскликнулъ студентъ, волнуясь.—Шелли преклоняется передъ высшими идеалами. Умъ, любовь, красота для него все.

— Мой добрый другъ, онъ стоитъ внѣ дѣйствительной жизни.

Если нашимъ идеаломъ можетъ быть стремленіе перевернуть міръ, то, прежде всего, надо отыскать рычагъ Архимеда. А Шелли вѣтаетъ въ заоблачныхъ сферахъ.

— Но вы, вѣдь, не презираете его идеализма?

— Милый Феликсъ, всякій, кто серьезно стремится довести до высшаго развитія вложенные въ него Богомъ благородные зачатки, всякій, кто исполняетъ свое дѣло, какъ бы незначительно оно ни было, съ высшимъ сознаниемъ долга—въ моихъ глазахъ идеалистъ. У Шелли, хотя онъ и еретикъ, безспорно высоко-нравственные идеалы; но для молодого человѣка, который хочетъ вступить въ борьбу съ существующимъ міромъ, онъ самый плохой учитель. Онъ устремляетъ ваши взоры на недостижимое, и, слѣдовательно, недѣйствительное, и поэтому вы теряете опору, которую даетъ вамъ дѣйствительность съ ея прозаическими обязанностями. Почитайте Карлейля и вы поймете меня.

— До сихъ поръ Карлейль отталкивалъ меня,—возразилъ Феликсъ.—Его толкованіе фактовъ можетъ казаться истиннымъ только тому, кто смотритъ на факты его глазами. Но я мало занимался имъ, мнѣ не нравится его стиль. Мнѣ всегда представляется, что его нервному, многоглагольному слову не хватаетъ достоинства, а также ему недостаетъ художественнаго чутья, вкуса.

— Простите меня,—сказалъ пасторъ,—но чтобы такъ судить, надо слишкомъ поверхностно знать его. И не придаете ли вы вообще слишкомъ большого значенія вкусу?

— Развѣ гармонія не высшая наша цѣль? А неужели совершенная гармонія возможна безъ совершенной красоты?

Старикъ покачалъ головой.

— Красота, мой юный другъ, такая относительная и преходящая вещь, что ее можно забыть ради стремленія къ этическимъ благамъ. Ея значенія я никогда не оспаривалъ, но считаю ее только внѣшнюю форму. Есть болѣе глубокое созерцаніе, для котораго исчезаетъ различіе между прекраснымъ и безобразнымъ. Вѣрьте мнѣ, что чрезмѣрное поклоненіе прекрасному можетъ затормозить наше развитіе.

— Я думаю, что истинно-прекрасное божественнаго свойства и не согласуется ни съ какими низменными побужденіями.

— Благо вамъ, если вы такъ думаете. Но гдѣ вы найдете истинно-прекрасное? Знаете вы *Palace of Art* Теннисона?

— Еще бы!—съ оживленіемъ воскликнулъ Феликсъ,—это одно изъ моихъ любимыхъ стихотвореній.

Пасторъ взялъ одну изъ принесенныхъ Лоттой книгъ.

— Прочтите его вслухъ.

Феликсъ охотно согласился. Онъ читалъ съ большимъ выраженіемъ, пріятнымъ, но немного тихимъ голосомъ. Внимательно наблюдавшій за нимъ пасторъ замѣтилъ, что во время чтенія у него нервно подергивались углы рта.

— Теперь вамъ стало понятнѣе мое мнѣніе?—спросилъ онъ, когда Феликсъ кончилъ.

Феликсъ задумался.

— Послѣдняя часть,— отвѣтилъ онъ,— гдѣ душа, любящая прекрасное, сама изгоняетъ себя изъ царства искусствъ и предается раскаянію, не доступна моему пониманію. Мнѣ симпатично въ этомъ стихотвореніи только идеальное художественное царство, которое рисуется намъ здѣсь Теннисонъ.

— Я такъ и думалъ. Вы сами еще находитесь въ первомъ фазисѣ; вашъ нравственный опытъ еще не достигъ втораго. Но, въ такомъ случаѣ, вы, мой юный другъ, не понимаете аллегорическаго смысла стихотворенія, который разъясняютъ намъ посвященные строфы: «того, кто не признаетъ любви, любовь не должна признавать».

— Да развѣ тотъ, кто любитъ прекрасное и занимается искусствомъ, непременно долженъ быть эгоистомъ?—съ жаромъ возразилъ Феликсъ.

— Нѣтъ, мой другъ, и этого не думаетъ и поэтъ; говорить же онъ, что душа, быть можетъ, вернется въ свой дворецъ, когда обратится къ любви. Но въ этомъ стихотвореніи онъ показываетъ намъ опасность потерять благороднѣйшій человѣческій даръ, связанъ съ страдающимъ, нуждающимся въ любви человечествомъ, и превратиться въ прекрасный, холодный, бездушный мраморъ, если мы будемъ смотрѣть на красоту, какъ на высшій идеалъ. Не красота а долгъ есть высшій идеалъ. Заповѣдь «люби ближняго» прекраснѣе всѣхъ гармоній, выше всѣхъ поэмъ міра.

Феликсъ молчалъ, но убѣжденъ онъ, повидимому, не былъ. Часы около печки пробили десять. Пасторша и слѣдомъ за ней мужъ поднялись. Пасторъ похлопалъ студента по плечу.

— Мы горячо поспорили, но, вѣдь, вы вѣрите, что я расположенъ къ вамъ?

Феликсъ съ благодарностью пожалъ протянутую руку.

— Я знаю, что вы не стали бы такъ говорить, если бы не принимали во мнѣ участія. И, все-таки, я боюсь, что моего язычества нельзя измѣнить никакими доводами; это дѣло темперамента.

Пасторъ задумчиво опустилъ голову. Пожелавъ покойной ночи

Феликсъ ушелъ въ свою комнату. Лотта еще убирала книги и слышала разговоръ родителей.

— Ты слишкомъ нападаешь на него, старикъ, — говорила жена. — Онъ, повидимому, такой хорошій, честный человекъ.

— Ты совершенно права, милая Марта, — отвѣтилъ пасторъ. — У него чистая, неиспорченная душа. Но я хотѣлъ бы помочь бѣднягъ; онъ находится на ложномъ пути. Такіе парящіе въ небесахъ идеалисты — самыя несчастныя созданія: пока имъ свѣтитъ солнце, они живутъ въ фантастическихъ грезахъ, какъ только разразится надъ ними буря, они разбиваются, какъ хрусталь. А у него, конечно, не хватитъ физическихъ силъ для сопротивленія. Замѣтила ты, какъ во время чтенія онъ задыхается и подергиваетъ углами рта? Все это доказываетъ хрупкое сложеніе.

— Да сохранить его Господь! — набожно произнесла старуха.

Ея благочестивое желаніе встрѣтило громкій откликъ въ сердцѣ дочери. Лотта вѣрила проникаемости отца и только сильнѣе любила Феликса, такъ какъ къ ея любви присоединилась жалость. Въ этотъ вечеръ она со слезами молилась за Феликса.

XI.

Придя наверхъ, Феликсъ открылъ окно и задумчиво устремилъ взоръ на тихую, сумрачную долину. Слова пастора не произвели на него сильнаго впечатлѣнія потому, что его мысли были всецѣло поглощены другимъ предметамъ. Онъ думалъ о Лоттѣ и былъ счастливъ сознаніемъ любви.

Только теперь Феликсъ вспомнилъ о Мартынѣ, котораго считалъ до сихъ поръ женихомъ Лотты, и это воспоминаніе тяжелымъ гнетомъ легло на его сердце. Онъ не думалъ болѣе, что Мартынъ женихъ Лотты, или что вообще онъ имѣетъ какія-нибудь права на нее. Глаза Лотты не смотрѣли бы на него такъ открыто, съ такимъ спокойнымъ, яснымъ блескомъ. Но развѣ онъ можетъ измѣнить данному обѣщанію? Не будетъ ли это предательствомъ относительно его матери? И не становится ли онъ поперекъ дороги товарищу? Что Мартынъ любилъ Лотту, это зналъ Феликсъ и вовсе не желалъ доставлять горе другу. Но уступить Лотту, если она выберетъ Феликса, онъ, все-таки, не могъ. Онъ чувствовалъ, что ему не вырвать изъ сердца этой любви. Только теперь Феликсъ понялъ, какъ пуста и безотраднa была до сихъ поръ его жизнь. И вотъ теперь, когда его судьбѣ грозитъ непріятная перемѣна, онъ находитъ поддержку, за которую его душа схватилась со всѣмъ пыломъ страсти. Если

онъ лишится ея и опять кругомъ настанеть мракъ и пустота, онъ этого не перенесеть.

Но Феликсъ имѣлъ высокія понятія о дружбѣ и чести и потому въ его груди боролись самыя разнородныя чувства. Далеко за полночь просидѣлъ онъ у окна, и когда, наконецъ, легъ, безпокойныя думы мѣшали заснуть. Былъ моментъ, когда онъ почувствовалъ потребность написать Мартыну и во всемъ признаться ему, но потомъ онъ рѣшилъ, что лучше переговорить лично и предоставить ему окончательное рѣшеніе. Онъ вѣрилъ въ Мартына и хотѣлъ заслужить его довѣріе. Что онъ не откажется отъ Лотты, если она любить его, это Феликсъ зналъ и тысячу разъ повторялъ себѣ. Но онъ не хотѣлъ дѣйствовать за спиной друга, который самъ долженъ былъ одобрить его поступокъ.

Наконецъ, Феликсъ рѣшилъ до своего возвращенія въ Эберштейнъ сдерживать себя и не давать Лоттѣ никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ любви. Но какъ только онъ увидитъ Мартына, тотъ самъ долженъ уступить ему любимую обоими дѣвушку. Это рѣшеніе успокоило Феликса и даже его отношенія къ дядѣ показались ему менѣе мрачными. Любовь сгладила всѣ шереховатости и, засыпая, Феликсъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Теперь я счастливъ!

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земледѣльцы изъ образованнаго класса.

Вопросъ о приложеніи образованными людьми физическихъ силъ къ земледѣльческому труду, непосредственное участіе въ сельскихъ работахъ, получаютъ именно въ нашемъ отечествѣ особое, своеобразное освѣщеніе. Кто путешествовалъ по Западной Европѣ, тому извѣстно, что мелкіе поселенцы Германіи, Франціи, Швейцаріи и даже мелкіе арендаторы сплошь и рядомъ отличаются довольно высокимъ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Прилагая свои силы къ полевымъ работамъ и добывая средства къ жизни только изъ этого источника, эти люди нерѣдко знакомы съ лучшими образцами отечественной, а иногда и иностранной словесности, съ отечественною исторіей, географіей; ихъ пониманію доступны сельско-хозяйственныя книги, которыя помогаютъ имъ въ улучшеніи орудій и приѣмовъ труда. Они внимательно слѣдятъ за явленіями общественной жизни отечества, какъ избиратели, нерѣдко принимаютъ въ ней дѣятельное участіе; многіе изъ нихъ относятся съ интересомъ даже къ главнымъ теченіямъ иностранной политики. Въ Соединенныхъ Штатахъ подобныя явленія еще болѣе обычны. Повсемѣстное распространеніе начальнаго образованія, легкій доступъ, не только въ мелкихъ городахъ, но и въ деревняхъ, къ тому, что позволяетъ человѣку пополнять пробѣлы въ его знаніяхъ, широкое развитіе періодической печати,—все это служитъ причинами, въ силу которыхъ между людьми, получившими университетское, а тѣмъ болѣе среднее образованіе, и прошедшими только начальную школу нѣтъ глубокой пропасти, которая дѣлала бы изъ нихъ какъ бы особые, рѣзко отличные другъ отъ друга классы одного и того же народа. Упомянемъ также и о сравнительно большемъ почетѣ, которымъ пользуется физическій трудъ. Вотъ почему на Западѣ обращеніе къ землѣ людей образованныхъ, занятіе сельскимъ хозяйствомъ не при помощи наемныхъ работниковъ, не въ видѣ только наблюдателей за ихъ работами, а собственноручный трудъ не могутъ составить явленіе исключительное, выдающееся, способное привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе. Къ этому присоединяется и еще одно, уже чисто-матеріальное условіе. Въ наиболѣе густонаселенныхъ мѣстностяхъ Западной Европы хозяйство отличается чрезвычайною интензивностью, носитъ характеръ культуры садовой или огородной.

А съ такою культурой связанъ и значительный доходъ, доставляемый землею, и значительная успѣшность труда каждаго, кто прилагаетъ въ этой области своей силы. Размѣры дохода позволяютъ поселянину обставить свою жизнь хотя тѣми скромными удобствами, которыми могутъ пользоваться небогатые слои городского населенія (мелкіе чиновники, низшіе служащіе въ частныхъ предпріятіяхъ и т. п. общественныя группы). Значить, и въ этомъ отношеніи переходъ отъ города къ деревнѣ и сельско-хозяйственному труду не представляетъ ничего особенно рѣзкаго и труднаго; онъ не подвергаетъ человѣка серьезнымъ испытаніямъ, съ которыми обыкновенно связано передвиженіе отъ сравнительныхъ матеріальныхъ удобствъ къ суровой обстановкѣ.

Совсѣмъ иныя условія находимъ мы въ нашемъ отечествѣ. Крѣпостное право еще такъ недавно сдано въ архивъ, что надъ русскою деревней и до сихъ поръ тяготѣетъ наслѣдіе крѣпостничества. Сравните умственную атмосферу,—не говорю, столицы или губернскаго университетскаго города,—даже уѣднаго города съ деревней, и рѣзкія противорѣчія предстанутъ предъ вами во всей своей наготѣ. Какъ ни убога въ отношеніи умственномъ, какъ ни сѣбра жизнь средняго русскаго уѣднаго города, здѣсь все же обыкновенно можно найти хотя двухъ-трехъ людей, которые имѣютъ какіе-нибудь умственные интересы, а потому здѣсь есть съ кѣмъ перемолвить слово. Въ деревнѣ такими лицами служатъ учитель и священникъ. Допустимъ даже, что эти люди всегда сохранили интересы умственной жизни; но, вѣдь, въ огромномъ большинствѣ селеній нельзя найти этихъ людей: изъ ста деревень только 10, 12, 15 имѣютъ церковь и школу. Въ коренномъ же населеніи деревни человѣкъ, имѣющій научно-литературные интересы, не находитъ обыкновенно общества, которое сколько-нибудь отзывается на эти потребности; если онъ идетъ въ эту среду не съ цѣлью изучать ее и воздѣйствовать на нее, то сильно страдаетъ отъ умственного одиночества. Есть и другое рѣзкое различіе. Городъ былъ изстари мѣстомъ ослѣдлости для свободныхъ обывателей; городское населеніе всегда состояло изъ слоевъ привилегированныхъ или полупривилегированныхъ, во всякомъ случаѣ, не изъ низшихъ слоевъ. Неполненіе закона, превышеніе власти, насиліе, формально незаконное, а по существу ничѣмъ серьезнымъ не вызванное,—всѣ эти бурные навыки органовъ администраціи уже издавна находили себѣ извѣстныя сдержки относительно городского населенія. Въ же города эти навыки остаются во всей своей силѣ. Населеніе деревни—населеніе низшее, податное по преимуществу; оно законовъ не знаетъ; оно не можетъ отличить то, что дѣлается во исполненіе закона, отъ того, что составляетъ его нарушеніе. Трудъ тѣхъ классовъ населенія, которые наиболѣе забыты, наиболѣе невѣжественны и пользуются наименьшею совокупностью правъ, не можетъ быть окруженъ почетомъ; переходъ къ этому труду составляетъ для гражданина гораздо болѣе рѣшительный шагъ, нежели къ занятію какою-нибудь самою незначительною работою, которая скудно оплачивается, наприм., переписка бумагъ, самые мелкіе посты въ государственной службѣ или частныхъ предпріятіяхъ.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе на матеріальную сторону дѣла. Трудъ нашего поселянна до крайности непроизводителенъ и доходъ ничтоженъ; насущныя потребности, уже не говоря о потребностяхъ удобства, удовлетворяются въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, даже скудно, недостаточно. Трехъ-двухъ и даже однооконная изба, гдѣ страшно дуетъ въ холодное время года отъ оконъ, съ пола и даже отъ стѣнъ, скученность населенія 5, 6, 10 душъ на 60 квадр. аршинахъ и меньше, пища, въ которой мясо служить рѣдкимъ лакомствомъ, часто полное отсутствіе даже тѣхъ скромныхъ избытковъ, которые позволяли бы всегда имѣть чай, сахаръ, табакъ,—вотъ обычная обстановка крестьянскаго двора. Жизнь въ городѣ, даже при самой скромной долѣ, даетъ человѣку возможность лучше защитить себя отъ холода, а иногда и отъ голода. И человѣкъ, имѣющій потребности нѣсколько болѣе развитыя, нежели средній крестьянинъ, всегда можетъ съ боязнью думать о томъ, что, приложивъ свои руки къ землѣ, онъ долженъ быть готовъ стать въ ту убогую обстановку, которая свойственна нашей деревнѣ. Припомнимъ все это и скажемъ, что обращеніе русскихъ образованныхъ людей къ земледѣльческому труду, ихъ приобщеніе къ деревнѣ, заставляетъ думать, что и ихъ ожидаетъ на новомъ пути неяркая доля, съ которой сроднился русскій мужикъ.

Но стоитъ ли придавать значеніе тѣмъ немногочисленнымъ попыткамъ, которыя, словно въ морѣ, исчезаютъ въ огромномъ множествѣ экономическихъ явленій русской жизни? Если мы рассуждаемъ о внѣшней торговлѣ Россіи, о состояніи ея фабрикъ и заводовъ, объ измѣненіи цѣнности кредитнаго рубля, то всякій согласится, что, какъ бы ни были спеціальны, сухи и даже скучны наши рассужденія, мы имѣемъ дѣло съ явлениями, которыя измѣряются милліоннами, многими сотнями милліоновъ; всякій согласится, что мы ставимъ передъ собою задачи, отъ рѣшенія которыхъ въ томъ или другомъ направленіи зависитъ благосостояніе очень многихъ людей; отчасти даже цѣлой страны. Когда же мы говоримъ о стремленіи къ земледѣльческому труду, которое замѣчается среди образованныхъ русскихъ людей, то имѣемъ дѣло съ фактами единичными, съ десятками, сотнями случаевъ, которые въ переводѣ на дѣловой языкъ выражаются, конечно, не милліонами, а цифрами очень скромными. На такое возраженіе слѣдуетъ отвѣтить только одно: общественное явленіе должно быть измѣряемо и оцѣниваемо не только количественно, но по идеѣ, которая проникаетъ его. Многія общественныя явленія, выражаясь самыми крупными цифрами, уже вполне закончены, вылились во всѣ формы, которыя способны 'принять, сполна осуществили свою идею. Нечего ожидать, чтобы они оказали на общественную жизнь какое-нибудь новое, еще неизвѣстное вліяніе. Въ то же время, единичные факты служатъ нерѣдко зернами, способными принести обильные плоды. И каждое общественное явленіе, которое поражаетъ насъ теперь своими размѣрами, сводилось когда-нибудь, хотя въ очень далекую старину, къ такимъ мелкимъ единичнымъ фактамъ. Мы удивляемся огромнымъ размѣрамъ, которые приняла внѣшняя торговля Соединенныхъ Штатовъ, а было время, и для исто-

рика очень недавнее, когда единичные корабли направлялись съ американскими товарами на европейскій материкъ. Теперь запасъ звонкой монеты на земномъ шарѣ опредѣляется многими миллиардами, а было время, когда тѣ же монеты и въ очень маломъ количествѣ впервые поступили въ хозяйственные обороты. Исторія наукъ и религій даетъ намъ также картину постепеннаго возникновенія идей, ихъ развитія, широкаго распространенія и, наконецъ, господства надъ многими умами. А потому, разъ изслѣдователь встрѣчаетъ какое-либо новое явленіе, онъ обязанъ уловить идею, которая его проникаетъ. Только понявъ эту идею, онъ будетъ въ состояніи дать себѣ и другимъ отчетъ, что это за новое зерно, выростетъ ли изъ него могучее, широко-развѣсистое дерево или оно должно заглохнуть, по своей ли негодности, потому ли, что падаетъ на каменистую почву, или потому, что ему помѣшаютъ внѣшнія силы. Явленіе, на которомъ мы останавливаемся, заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія.

Попытаемся, прежде всего, выяснитъ, что такое *образованные люди*, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы попадемъ въ очень извилистый лабиринтъ, если станемъ употреблять этотъ терминъ въ смыслѣ, который связываютъ съ нимъ педагоги, если будемъ обозначать имъ людей, получившихъ гармоничное образованіе, съ развитымъ умомъ и разносторонними знаніями. Тогда, навѣрное, окажется, что многіе, называемые этимъ именемъ, вовсе не заслуживаютъ его. Мы станемъ также на ложный путь, если будемъ держаться только формальной стороны: заносить въ списокъ образованныхъ тѣхъ людей, которые имѣютъ дипломъ объ окончаніи курса въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи; и тогда придется исключить изъ этого списка многихъ, которые хотя не имѣютъ никакого аттестата, но, по таланту и суммѣ знаній, способны и призваны быть руководителями общественной мысли. Мы относимъ сюда всѣхъ тѣхъ, *которые, по своему первоначальному воспитанію, не подготовлялись къ ручному труду, а къ государственной или частной службѣ или къ одной изъ свободныхъ профессій.* Въ эту группу войдутъ люди весьма различныхъ общественныхъ положеній, состояній и даже умственнаго развитія: отпрыскъ древняго дворянскаго рода, членъ богатой купеческой семьи, дѣти священно-и церковно-служителей, мѣщанинъ или крестьянинъ, помѣщенный въ среднее и, быть можетъ, дошедшій до высшаго учебнаго заведенія,—всѣ эти лица для цѣли, которую мы поставили, могутъ быть сведены въ одну группу. Не меньше различій представляютъ часто эти люди и относительно умственнаго развитія, если измѣрять его суммою приобрѣтенныхъ знаній: здѣсь найдутся лица, получившія университетское образованіе или специальное—коммерческое, техническое, военное; здѣсь найдутся также люди, не прошедшіе полного курса въ гимназіи или семинаріи. Но столь пестрый составъ этой группы не мѣшаетъ намъ свести его воедино подъ именемъ образованныхъ людей потому, что всѣ они или получили, или получали образованіе, которое открывало имъ доступъ въ тѣ сферы дѣятельности, гдѣ при удачѣ человѣкъ можетъ достигнуть выгоднаго и привилегированнаго общественнаго положенія:

никто изъ этихъ людей,—такъ убѣждены ихъ воспитатели,—не предназначается къ тому, чтобы ходить за плугомъ, точать сапоги, проводить всю жизнь у верстака. Наконецъ, можно и потому съ полнымъ основаніемъ называть этихъ людей образованными, что почти всѣмъ имъ прививаются, въ большей или меньшей степени, умственные интересы; эти интересы выражаются, по крайней мѣрѣ, въ привычкѣ къ чтенію.

Велико ли число образованныхъ людей, которые раньше или позднѣе оставляютъ первоначально намѣченное поприще и стремятся приложить къ землѣ свой физическій трудъ? Конечно, было бы неправильно измѣрять это число лицами, уже ступившими на этотъ путь: вступленіе на него связано съ значительными препятствіями и число желающихъ гораздо болѣе значительно, нежели число тѣхъ, которые уже ходятъ за плугомъ. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ молодой человѣкъ, желавшій приложить къ землѣ свои силы: «Я уже давно рѣшился приложить свои силы къ землѣ, находя въ себѣ для этого достаточно теоретическихъ, практическихъ и психологическихъ основаній. Укажите, пожалуйста, существуютъ ли въ настоящее время интеллигентныя колоніи и какъ попасть въ число членовъ какой-нибудь изъ нихъ, гдѣ бы у кого можно поступить въ работники, дабы практически познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ. Я знаю многихъ, которые усердно стремятся къ тому же, *но не знаютъ, съ чего начать*». Я не могу также согласиться съ мнѣніемъ, которое высказано въ одномъ распространенномъ изданіи, будто въ эту сферу идутъ люди, выбитые изъ колеи, лишеныя, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, возможности поступить на государственную или общественную службу, потерявшіе право окончить курсъ въ учебномъ заведеніи и подготовлять себя къ дѣятельности врача, адвоката, технолога. И наблюденія, которыя мнѣ удалось сдѣлать, и апіорныя заключенія убѣждаютъ, что разсуждать такъ—значитъ ставить въ очень тѣсныя рамки побужденія, двигающія людей на это поприще.

Побужденія, направляющія людей на этотъ путь, не представляютъ чего-либо однороднаго. Самыми сложными побужденіями руководствуются тѣ люди, которые ищутъ въ деревнѣ вообще и въ частности въ земледѣльческомъ трудѣ отдохновенія отъ надрыва, причиняемаго человѣку многими сторонами современной цивилизаціи. Средоточіемъ цивилизаціи—и въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-нибудь—служитъ городъ; наиболѣе яркимъ выраженіемъ цивилизованной жизни служитъ жизнь въ городѣ и принадлежность къ одному изъ занятій, которыя имѣютъ въ городахъ наибольшее число представителей. Какую же обстановку создаетъ эта жизнь? Какія радости общается она человѣку, который только что вступаетъ въ нее? Я не буду говорить о внѣшнихъ успѣхахъ, общественныхъ и частныхъ увеселеніяхъ, зрѣлищахъ, разныхъ видахъ спорта и проч. Человѣкъ съ воспримчивою душой не можетъ довольствоваться однимъ этимъ. Онъ хочетъ видѣть во-кругъ себя искренно расположенныхъ людей, онъ ищетъ дружбы, довѣрія. А какъ рѣдко находить онъ такую обстановку! Бѣшеная скачка за внѣшними удобствами жизни захватываетъ всѣ профессіи, какъ служебныя, такъ

и свободныя; стремленіе получить болѣе крупный вкладъ, болѣе выдающееся положеніе, болѣе широкій кругъ кліентовъ наполняетъ все помыслы и заставляетъ считать все дозволеннымъ. «Уйди отсюда, чтобы я сталъ на твое мѣсто!»—вотъ лозунгъ, который особенно прочно держится въ большихъ городахъ. Считаютъ возможнымъ только тогда по справедливости обвинить поступки человѣка, воздать ему должное, когда онъ ни въ чемъ не можетъ служить помѣхой; но горе ему, если есть хотя слабое предположеніе, что онъ когда-либо, въ чемъ-либо можетъ помѣшать этимъ стремленіямъ къ возможному внѣшнему благополучію тѣхъ, кто произноситъ надъ нимъ приговоръ. Тогда считаются неумѣстными справедливыя сужденія и оцѣнка; тогда считается умѣстнымъ только одно—«попридержать». Зависти нѣтъ предѣловъ. Довольно человѣку выдѣлиться чѣмъ-нибудь изъ окружающей среды—умомъ, талантомъ, знаніями, трудолюбіемъ, патриотизмомъ, успѣхомъ въ какомъ-либо дѣлѣ, популярностью—и тотъ кругъ, къ которому онъ принадлежитъ, не щадитъ своей, хотя часто безсильной, злобы, чтобы очернить его, оклеветать. Чуткая душа болѣзненно воспринимаетъ все это. Къ этому присоединяется и сознание того, что множество частныхъ, изъ которыхъ складается жизнь, и даже дѣловая жизнь, цивилизованнаго человѣка, составляютъ вещи совершенно ничтожныя, торжественныя пустяки, которые ни на одну минуту не улучшаютъ благополучія хотя бы одного человѣческаго существа. Какъ часто слышишь отъ разумныхъ и добросовѣстныхъ врачей, что они сами никогда не лечатся, считаютъ совершенно бесполезною большую часть латинской кухни, а только по обычаю угощаютъ ею своихъ пациентовъ. Во сколько же разъ должно быть острѣе у мыслящаго человѣка сознаніе, что огромная масса бумагъ, которая исписывается въ различныхъ учрежденіяхъ, конторахъ, канцеляріяхъ, комитетахъ, требующихъ очень большаго числа работниковъ, вовсе не нужна для движенія жизни, что все это препятствуетъ правильному развитію людей и имѣетъ развѣ только одно благое послѣдствіе—увеличиваетъ размѣры писчебумажнаго производства. Человѣкъ съ чуткою душой не можетъ не сознавать этого. И это сознаніе ведетъ къ различнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ люди имѣютъ не одинаково устойчивый характеръ. Люди съ сильною волей стараются перерости эту мишуру, жить въ ней, но не замѣчать ея, изо дня въ день исполнять разные пустые, ничтожныя обряды, исполнять формально, безъ малѣйшей траты душевныхъ силъ, безъ раздраженія, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣлать свое дѣло въ надеждѣ, что оно полезно людямъ.

Люди съ характеромъ менѣе устойчивымъ не способны выдерживать такой разладъ; они окончательно гибнутъ подъ этимъ бременемъ. Если городъ не держитъ ихъ очень крѣпко, они бѣгутъ отъ него въ деревню, туда, гдѣ меньше знанія, гдѣ больше умственной дремоты, но гдѣ жизнь подкупаетъ своею простотой, гдѣ не нужно на безконечно-разнообразныя лады дрессировать свою природу, чтобы исполнить тысячи ничтожнѣйшихъ формальностей, возлагаемыхъ на насъ общераспространенными предразсудками. Къ этому присоединяется и другое могущественное побужденіе—за-

бота о своемъ потомствѣ. «Я,—думаешь такой человѣкъ,—прожилъ лучшую и, вѣроятно, большую часть жизни; мнѣ можно бы было и остаться въ городѣ, но дѣти? Не смогу ли я, воспитавъ ихъ внѣ города, дать имъ болѣе здоровый духовный обликъ, такъ какъ несомнѣнно, я дамъ имъ лучшее физическое здоровье?» И вотъ люди этой группы стремятся въ деревню. Вотъ что пишешь мнѣ одинъ изъ такихъ поселенцевъ: «Я жилъ въ Петербургѣ, жилъ въ Москвѣ, побывалъ на нашемъ югѣ, нѣсколько лѣтъ служилъ чиновникомъ, былъ техникомъ, управлялъ крупнымъ промышленнымъ предприятиемъ. Я тянулъ лямку больше 15 лѣтъ и страшно усталъ. Усталъ не отъ работы, а отъ убѣжденія, что многое въ работѣ вовсе не нужно; усталъ я и отъ того, что видишь вокругъ себя множество людей, а находишь страшно мало искренности, простоты, добраго расположенія. И рѣшился я сѣсть на землю. Я зналъ, что это дѣло трудное, а, все-таки, не робоялся,—ужь очень твердо я вѣрилъ, что тѣло мое будетъ здоровѣе и покойнѣе будетъ духъ». И эти люди не одинаковы: они устраиваются въ деревнѣ различно, въ зависимости отъ своихъ имущественныхъ средствъ и отъ большей или меньшей чуткости своей души. Кто имѣетъ довольно большую недвижимость, тотъ садится хозяйничать на ней съ наемнымъ трудомъ бычнаго типа; быть можетъ, онъ вноситъ въ свои отношенія къ подчиненнымъ большую гуманность и самъ отчасти прилагаетъ къ дѣлу свои физическія силы. Кто лишенъ имущественныхъ средствъ, тотъ идетъ или хочетъ идти, какъ работникъ, съ косой и топоромъ. Но и среди людей перваго разряда неудовлетворенность, переносимая изъ стараго уклада жизни въ новый, вызываетъ иногда такую сильную реакцію, что не даетъ имъ спокойно оставаться въ роли помѣщика, а ведетъ къ тѣмъ великодушнымъ пожертвованіямъ, которыя отъ времени до времени наблюдаются въ разныхъ концахъ Россіи: въ одномъ случаѣ человѣкъ богатый, титулованный, съ придворнымъ званіемъ уступаетъ крестьянамъ свою землю и, удержавъ за собою душевой надѣлъ, входитъ въ составъ сельскаго общества; въ другомъ случаѣ узнаемъ то же самое объ одномъ бывшемъ артиллерійскомъ офицерѣ. И эти великодушные люди, исполняющіе заповѣдь, которую далъ Спаситель богатому юношѣ, и тѣ, которые ничего не работаютъ и не могутъ раздавать, побуждаются на такой образъ дѣйствій одною руководящею идеей; она овладѣваетъ ими со всею силой, которая присуща религіозному одушевленію. «Праведно живетъ только тотъ, кто живетъ близко къ природѣ, подобно тому, какъ живетъ простой народъ, кто отбрасываетъ всѣ пеленужности, привитыя цивилизаціей»,—вотъ какъ можетъ быть выражено побужденіе, руководящее этими людьми. И подобно тому, какъ въ 18 вѣкѣ возгласъ Руссо: «l'homme qui médite est un animal dépravé!»—откликнулся эхомъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Европы, такъ призывъ гр. Льва Толстаго «къ опрошенію» находитъ для себя во всѣхъ этихъ людяхъ очень благодарную почву.

Какъ ряды этихъ людей могутъ и будутъ пополняться изъ разныхъ слоевъ, такъ многочисленны и группы, члены которыхъ, обращаясь къ про-

стому земледѣльческому труду, руководствуются только однимъ побужденіемъ—найти себѣ хотя какой-нибудь источникъ существованія. Не надо удивляться, что въ нашемъ отечествѣ, со слабымъ развитіемъ грамотности и съ очень малымъ числомъ людей образованныхъ, въ рядахъ этой группы, вмѣстѣ съ недочувшимися, можно найти и людей, которые получили среднее или даже высшее образованіе. Въ Россіи очень невелико число людей образованныхъ, съ живыми умственными интересами; но число людей, подготовленныхъ къ извѣстнымъ профессіямъ, по многимъ причинамъ, у насъ довольно велико. Такъ, напримѣръ, по существу дѣла вовсе нѣтъ надобности, чтобы человѣкъ, получившій юридическое образованіе, поступилъ на государственную службу или въ адвокатуру, а лицо, прошедшее филологическій факультетъ, стало учителемъ древнихъ языковъ. Но такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ образованіе оцѣнивается съ точки зрѣнія правъ, которыя оно даетъ для поступленія на государственную службу или для движенія въ ней, то ряды профессій пополняются и многіе остаются за флагомъ. Можно сказать, напримѣръ, что юридическое образованіе крайне мало развито въ Россіи, но патентованныхъ юристовъ больше чѣмъ нужно для занятія должностей по судебному вѣдомству или наполненія рядовъ адвокатуры. О лицахъ, получившихъ техническое образованіе, можно сказать то же не потому, чтобы высокій уровень нашей промышленности порождалъ избытокъ въ техникахъ, а потому, что характеръ таможенной политики искусственно дѣлаетъ ихъ излишними. Только про одну профессію—врачебную—можно сказать съ увѣренностью, что каждый ея представитель, хотя въ отдаленномъ уголкѣ Россіи, можетъ найти поле для примѣненія своихъ специальныхъ знаній. Кромѣ врачей, главную массу людей, получившихъ образованіе, составляютъ юристы и технологи. Что дѣлать этимъ людямъ? Я не говорю уже о людяхъ, получившихъ только среднее образованіе. Разъ они не могутъ найти постоянное мѣсто (или разъ имъ не удастся образовать кружокъ расположенныхъ кліентовъ), которое открываетъ человѣку доступъ къ новышенію по ступенямъ лѣстницы на государственной или частной службѣ, имъ остаются источниками для заработковъ только уроки, низшіе виды литературнаго труда и переписка. Всѣмъ извѣстно, какъ велико предложеніе труда во всѣхъ этихъ областяхъ, какъ ничтожно вознагражденіе, какъ непостояненъ заработокъ, какъ тягостна зависимость отъ нанимателей. Кто имѣетъ не совсѣмъ слабую волю, тотъ не примиряется съ такимъ удѣломъ и ищетъ выхода. Но куда? Какой видъ труда наиболѣе пригоденъ для такихъ неудачниковъ? Фабрика,—и это скажутъ все въ одинъ голосъ,—является послѣднимъ исходомъ: кто же изъ этихъ людей примирится съ фабричною дисциплиною хотя бы въ продолженіе только десятичасоваго, краткаго для Россіи рабочаго дня? Ремесло требуетъ специальной подготовки, и пока она не приобрѣтена, человѣкъ можетъ рассчитывать только на самый скудный заработокъ; въ столярномъ, сапожномъ, токарномъ ремеслѣ подготовительный періодъ не можетъ быть меньше 1½—2 лѣтъ. Въ переплетномъ ремеслѣ этотъ періодъ короче, но и заработокъ болѣе скуденъ. Пре-

натривая невыгоды, которыя приносить съ собою занятіе ремеслами, эти люди хорошо помнятъ, что основаніе собственной мастерской, хотя бы самой мелкой, и приобрѣтеніе самостоятельности есть дѣло не самаго близкаго и что нужно довольно долгое время оставаться наемнымъ рабочимъ. Вотъ почему всѣ взоры обращаются къ землѣ. Она привлекаетъ этими условіями, въ которыхъ иногда стоитъ и, какъ часто думаютъ, куда можетъ быть поставленъ человѣческій трудъ. Какъ извѣстно, сельскохозяйственный трудъ считается у насъ именно тѣмъ, для котораго не было никакой подготовки. Земля манитъ къ себѣ и потому, что этого добра въ Россіи очень много: каждому представляется сравнительно легкимъ пріобрѣтеніе клочка земли и достиженіе столь желанной для всѣхъ самостоятельности. Третьимъ облегчающимъ условіемъ служитъ популяризованіе земледельческаго труда, фактъ приложенія къ нему силъ довольно многими зваными людьми, надежда найти пионеровъ на этомъ пути и не остаться одинокимъ. Не малую важность имѣетъ и соображеніе о томъ, что деревнѣ жить гораздо дешевле и что въ каждомъ деревенскомъ углу дышать вольнѣе, нежели въ городѣ, въ подвальной квартирѣ. «Какъ бы отнестись на вопросъ,—пишетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ,—почему не пойти на землю? Да просто потому, что нечего было ѣсть. Два года жила въ Москвѣ и получала отъ переписки рублей 8 въ мѣсяцъ, 10, когда больше двѣнадцати. Стала искать уроковъ: полгода вовсе не было, потому добрые люди нашли—заниматься съ двумя мальчиками по 2 часа вѣсь, кромѣ праздниковъ; получала 4 рубля въ мѣсяцъ. И много насъ было. Иные подбодряли, Некрасова припоминали (вѣдь, и онъ долго жилъ въ деревнѣ, въ нуждѣ): до некрасовскаго мизинца не доростешь, такъ веси и переписывай бумаги. Вотъ я и рѣшился уйти на землю».

Эти двѣ группы образуютъ крайнія звенья цѣпи. Вторую руководятъ теоретики, чисто-хозяйственныя соображенія; первая дѣлаетъ изъ деревенскаго бытѣ-бытѣ и земледѣльческаго труда своего рода культъ. Между этими ступенями лежатъ и промежуточныя, болѣе близкія къ первой и второй.

Рассмотримъ же, какъ устриваются эти люди. Факты, которые намъ пришлось узнать поближе, не многочисленны и мы будемъ говорить не столько о достигнутыхъ, сколько о достижимыхъ результатахъ. Не касаясь всѣхъ сторонъ, которыя было бы интересно изучить по отношенію къ этому вопросу, мы затронемъ только наиболѣе существенныя стороны дѣла.

1) Первымъ основнымъ вопросомъ относительно всего дѣла стоитъ вопросъ о такъ называемомъ *отрощеніи* или *отростковѣ*, объ уподобленіи своей жизни мужицкому обиходу, объ усвоеніи въ трудѣ и досугѣ, въ саду, на лугу и домашней обстановкѣ тѣхъ обычаевъ и пріемовъ, которые составляютъ крестьянскій бытъ. Есть два главныхъ воззрѣнія на этотъ предметъ. Гр. Левъ Толстой и многими изъ своихъ произведеній, и *отчасти* въ личныхъ примѣрахъ (я говорю «отчасти» потому, что онъ живетъ въ мужицкой избѣ и, вѣроятно, имѣетъ столь, нѣсколько лучшій пищи

крестьянской) выступает сторонникомъ опрощенія. А. Н. Энгельгардтъ, писатель авторитетный и ближе знакомый съ деревней, нежели гр. Толстой, стоитъ только за то, что члены образованныхъ классовъ должны много учиться у крестьянина. Куда примкнуть, чему отдать предпочтеніе?

Я всегда, вездѣ и со всею энергіей буду возставать противъ опрощенія, какъ противъ попытокъ, которыя не могутъ служить залогомъ усовершенствованія человѣчества. Если мнѣ говорить объ опрощеніи монаховъ, окончательно отрекшихся отъ міра, то я понимаю его. Если онъ изнуряетъ плоть своего голодомъ, носитъ одежду, которая не защищаетъ отъ ненастья, проводитъ въ пещерѣ жизнь свою, то я скажу, что уважаю его идеалы, но считаю ихъ слишкомъ высокими для себя и не могу стать въ ряды его сторонниковъ. Если съ такимъ девизомъ выступаютъ люди, которые не отреклись отъ міра, а продолжаютъ жить въ немъ, которые не чуждаются многими земныхъ радостей, которые не отрицаютъ принципиально и умственного усовершенствованія человѣка (хотя очень односторонне понимаютъ его), то я говорю, что они ведутъ войну съ тѣмъ, чего нельзя побѣдить, — съ здравымъ смысломъ. Идеализированіе всего мужицкаго обихода означаетъ возведеніе наверхъ совершенства мужицкой сохи, которую, при пахотѣ, нужно чинить разъ каждую четверть часа, лошади, которая съ трудомъ по недурной дороге можетъ везти 15 пудовъ, коровы, которая даетъ въ годъ только 40 ведеръ молока. Это значить только преклоненіе предъ холодною, закоптѣлою, пріютною крестьянскою избой, рванными полушубками, грязною рубахою предъ непоколебимою вѣрой, что земля стоитъ на трехъ китахъ. Это значить прославленіе нищеты, невѣжества, огромной болѣзненности и смертности, которыя связаны со всею этою обстановкой. А преклоненіе предъ всею этимъ есть признакъ безсилія ума и характера. Не тотъ истинный и полезный другъ людей бѣдныхъ, простыхъ, кто создаетъ вокругъ себя такую обстановку и воскуряетъ ей свѣчечки, но тотъ, кто стремится измѣнить ее къ лучшему. Въ этомъ случаѣ можетъ служить намъ поучительнымъ примеромъ англійскій филантропъ Бутсъ. Этотъ крупный филантропъ всегда руководилъ мыслью, что при матеріальномъ убожествѣ невозможно духовное усовершенствованіе, что человѣкъ нравственно крѣпнетъ и развивается только на фундаментѣ извѣстнаго довольства, въ той обстановкѣ, гдѣ онъ имѣетъ все нужное и для здороваго развитія своего тѣла. Теорія опрощенія и справедливости вызываетъ противъ себя многочисленныя протесты изъ среды людей, которые имѣли случай познакомиться съ интеллигентными земледельцами, уподобившими всю свою жизнь крестьянскому обиходу. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ изъ монаховъ корреспондентовъ о подобной колоніи въ рогобузскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи:

«Колонія состояла изъ 4 мужчинъ и 3 женщинъ. Кромѣ этого пожиточнаго элемента, къ нимъ наѣзжали иногда 2 — 3, а то и 4 временныя адепта. Жили они въ большой избѣ, составленной изъ 2 срубовъ, раздѣленныхъ широкими сѣнями. Въ одной половинѣ помѣщались мужчины, въ другой женщины, гдѣ была кухня и застольная. Всѣ спали вповалку

омѣ на нарахъ, носили пестрядинныя рубахи и порты, на ногахъ лапти. Се это должноствовало быть издѣліемъ рукъ своихъ, но въ дѣйствительности никогда не было. Свѣтское штатское платье хранилось подъ замками въ всякій случай, хотя презрительно называлось «вавилонскимъ». Землю они старались обрабатывать точка въ точку, іота въ іоту, какъ крестьяне. Деньги были совершенно изгнаны изъ употребленія; если же нужна была соль или деготь, вообще предметы, которые нельзя было произвести своими руками, они вымѣнивались на сельскіе продукты. Скудная смоленская почва безъ удобренія давала жалкіе урожаи, навоза же не было, такъ какъ скота было всего одна корова и 10 овецъ. Всего урожая никогда не хватало на прокормленіе всей общины, тогда они занимали хлѣбъ у мужиковъ по сосѣдству, когда же и у этихъ нечего было занять, временно развѣзжались въ «Вавилонъ», т. е. свѣтъ, гдѣ, надѣвъ вавилонское платье, уже можно было тратить деньги и пользоваться чужимъ трудомъ. Нѣкоторые дѣлали эти работы пѣшкомъ, возмущаясь грѣховностью желѣзной дороги, но чаще вслѣдствіе неимѣнія денегъ на проѣздъ. Съвооборотъ вели они такой же, какой ведутъ смоленскіе крестьяне, причемъ, по сознанію П***, обрабатывали землю гораздо хуже ихъ. Пахать тяжелую глинистую смоленскую почву было непривычнаго человѣка въ высшей степени трудно. Двое едва могли пахать въ день $\frac{1}{2}$ десятины. Убирать хлѣбъ, въ особенности женщинамъ, въ жаркіе іюльскіе дни было просто каторгой. Никто болѣе 2 лѣтъ въ колѣни не выживалъ, на ихъ смѣну являлись новые, но уѣзжали, не выдержавъ добровольно на себя наложенной страдной работы. Такъ случилось съ П***. Онъ объяснилъ мнѣ свой уходъ тѣмъ соображеніемъ, что земля дѣйствительно не дѣлаютъ, но, вѣдь, и добра тоже никому не доставитъ; такимъ образомъ, удовольствія онъ не получилъ въ общинѣ ничего, хотя работалъ, какъ волъ. Питались они скверно и впроголодь. По утрамъ, на примѣръ, пили житный кофе безъ сахара, — бурду, по его словамъ, «невообразимую». Но гораздо болѣе характеренъ отзывъ другаго моего корреспондента, крестьянина П. Въ письмѣ очень пространномъ, изобилующемъ многочисленными повтореніями, нѣсколько разъ высказывается намереніе «спасти этихъ погибшихъ людей», какъ авторъ называетъ толстовцевъ. Интеллигентные земледѣльцы, — говоритъ авторъ, — состоятъ изъ людей всякаго званія — помѣщиковъ, домашнихъ учителей и учительницъ и проч., «людей очень умныхъ, но неудачниковъ». Не имѣя опредѣленныхъ занятій, они начали заниматься, подъ вліяніемъ Толстаго, сельскими работами, «одѣлись въ крестьянское платье и сдѣлались и въ прочихъ отношеніяхъ неузнаваемы: до того одичали, что стали все отвергать, весь строй жизни, какъ домашній и общественный, даже все человѣческое, и искусство, науку, всю цивилизацію; хотятъ быть первобытными людьми, — словомъ, начали и оскотинились и сдѣлались психически-большими». Авторъ утверждаетъ, между прочимъ, что многихъ изъ «этихъ несчастныхъ вербуютъ помѣщики для своихъ полевыхъ работъ, а по уборкѣ полей ихъ прогоняютъ, и они, голодные, помираютъ по дорогамъ». Негодуя, что гр. Левъ Тол-

стой очень вредно вліяеть на многихъ молодыхъ людей своимъ ученіемъ, авторъ говорить о необходимости спасать этихъ людей. Онъ рѣшительно отвергаетъ полезность строгихъ полицейскихъ мѣръ: преслѣдованія будутъ доводить ихъ до фанатизма и еще болѣе упрочивать ихъ заблужденія. «Нужно составить братолюбивое общество—миссіонерское, выбрать людей съ образованіемъ и съ философическимъ знаніемъ, сойтись съ ними, побесѣдовать съ ними, обличить ихъ во всѣхъ заблужденіяхъ и вывести ихъ на свѣтъ Божій изъ той пропасти, въ которой они находятся». Необходима, по мнѣнію автора, и матеріальная помощь многимъ изъ этихъ людей; было бы всего лучше приготовить изъ нихъ учителей для земледѣльческихъ школъ; такимъ подготавливаемымъ мѣстомъ могла бы служить особая земледѣльческая колонія съ различными отраслями сельскаго хозяйства. Въ приведенныхъ отрывкахъ намъ важны не тѣ мѣры, которыми предполагаютъ бороться съ заблужденіями толстовцевъ, а та оцѣнка, которую опрощеніе нашло себѣ въ умъ простаго русскаго человѣка. Откажемся же отъ мертвящей теоріи опрощенія,—теоріи, которая всюду вноситъ тѣлесную болѣзнь и умственное разложеніе, и посмотримъ, чему могутъ образованные люди поучиться у мѣлика.

Я думаю, что наиболѣе важное, чѣмъ крестьянинъ можетъ обогатить умственный кругозоръ начинающаго земледѣльца изъ образованнаго класса это—нѣкоторыя общія свѣдѣнія изъ области сельскаго хозяйства. Для своей округи крестьянинъ является хорошимъ знатокомъ почвы по отношенію къ растеніямъ, которыя обычны въ данномъ мѣстѣ.

Его мнѣніе о томъ, можно ли воздѣлывать то или другое растеніе на данномъ участкѣ въ его ближайшемъ сосѣдствѣ, часто можетъ быть признано мнѣніемъ вполне авторитетнымъ. Опытность крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сельское хозяйство исправно, обыкновенно дѣлаеть ихъ людьми свѣдущими и по вопросу о томъ, когда начинать сѣвъ и т. д. Но я не считаю ихъ вполне пригодными руководителями во всѣхъ сторонахъ сельско-хозяйственнаго быта, въ вопросахъ о системѣ полеводства, о пользованіи навозомъ, о предпочтительности того или другаго орудія. Если бы они были свѣдущими судьями во всѣхъ этихъ вопросахъ, то улучшенія русскаго земледѣлія исходили бы отъ нихъ, а факты показываютъ, что крестьяне изобрѣтаютъ разные новинки у крупныхъ и среднихъ сельскихъ хозяевъ. Второе, чему можно и должно учиться у крестьянъ, это—стойкость, съ которою они трудятся въ своемъ полѣ, выносливость въ жаръ, ненасть при крайнемъ напряженіи физическихъ силъ. Люди образованныхъ классовъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ проходятъ такую школу: обыкновенно они не привыкаютъ къ напряженному труду, легко устають и охлаждають къ дѣлу; совмѣстная работа съ крестьянами способна дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на всѣхъ, кто имѣеть чувство собственнаго достоинства; она способна возбуждать многихъ къ напряженію мышцъ, а это въ молодомъ возрастѣ не приноситъ ничего, кромѣ пользы, и къ укрѣпленію воли.

2) Какія поселенія должны быть признаны наиболѣе цѣлесообразными? Слѣдуетъ отмѣтить три главные типа: а) *единичныя поселки*, не выходящія за предѣлы одной семьи; б) поселенія, состоящія изъ людей исключительно образованныхъ классовъ, и в) *смѣшанныя поселенія*, гдѣ, на ряду съ образованными колонистами, живутъ и работаютъ крестьяне.

а) Сколько мнѣ извѣстно, большая часть поселеній имѣетъ характеръ хуторовъ. Хотя этотъ типъ преобладаетъ, онъ представляется во многихъ отношеніяхъ наименѣе пригоднымъ. Если такой поселенецъ владѣетъ довольно большимъ участкомъ и значительными средствами, то рано или поздно начинаетъ веденіе хозяйства обычнаго типа съ наемнымъ трудомъ, т.-е. уже выходитъ изъ предметовъ нашего изученія. Если одинокій колонистъ имѣетъ маленькій участокъ и средства поселенца, то положеніе его сплошь и рядомъ крайне затруднительно. Нѣтъ физической выносливости, которая составляетъ отличительную особенность крестьянина, есть потребности высшаго потребностей мужицкой семьи, а по сосѣдству нѣтъ людей, которые бы подчасъ облегчали бы тѣлесную немощъ поселенца, нѣтъ также поддержки духовной со стороны единомышленниковъ, нѣтъ того умственнаго общенія, которое доставляетъ такую усладу въ часы досуга. Положеніе одиночныхъ поселенцевъ представляется мнѣ крайне неустойчивымъ.

«Что дѣйствительно плохо въ моемъ поселеніи,—сообщаетъ мнѣ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ,—это почти полное отсутствіе интеллигенціи, той, родственной намъ съ женой, сферы, безъ которой плохо спорится всякая работа, всякое начинаніе. Скажу даже больше: если бы возлѣ насъ, на такомъ же маленькомъ участкѣ, жили еще два-три семейныхъ поселенца, то мы много сэкономили бы даже на наемномъ трудѣ, взаимно помогая другъ другу во всемъ, ободрая въ минуты унынія или неудачи».

б) Второй типъ представляется уже гораздо болѣе выгоднымъ. Поселеніе изъ нѣсколькихъ дворовъ позволяетъ комбинировать трудъ и обезпечиваетъ для каждаго поселенца и матеріальную, и духовную поддержку внутри колоніи. Но эти колоніи во многихъ случаяхъ не будутъ свободны отъ такого недостатка: въ нихъ нѣтъ ближайшаго къ землѣ элемента — кореннаго крестьянства, который можетъ имѣть доброе вліяніе во многихъ, уже указанныхъ нами, направленіяхъ. Недостатокъ этого элемента часто можетъ испортить колонію тѣхъ простыхъ, но важныхъ, даже необходимыхъ качествъ, которыя приносятъ крестьянинъ сельскому хозяйству.

в) Остается третій типъ—смѣшанныя колоніи. Ему-то мы и отдаемъ предпочтеніе. А. Н. Энгельгардтъ проводитъ мысль, что теперь русскіе образованные люди еще не могутъ входить въ составъ деревни съ увѣренностью заслужить расположеніе крестьянъ, приобрести въ ихъ глазахъ авторитетъ и оказать доброе вліяніе на весь строй ихъ жизни. И эта невозможность приводитъ въ тѣсную связь съ неопытностью образованныхъ людей и ихъ непривычкой къ земледѣльческому труду. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Недостатокъ опытности не можетъ мѣшать приобретенію довѣрія. Было бы только доброе расположеніе къ окружающимъ, трудолюбіе и т. п. Опытность и практиче-

скія знанія—дѣло наживное. Но вступленіе этихъ людей въ деревню представляется мнѣ неудобнымъ по другимъ причинамъ. Представимъ себѣ, что въ деревню изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ (я уже не беру поселеній болѣе обширныхъ размѣровъ) вступаютъ 2—3 такихъ земледѣльца. Они должны, уже въ силу совмѣстнаго жительства, принять весь земледѣльчскій складъ большинства, весь его обиходъ, хотя бы это было во многихъ отношеніяхъ ненужнымъ и нежелательнымъ. Принятіе же всего земледѣльческаго строя (наприм., трехполья) можетъ быть невыгодно, можетъ давать поселенцамъ только очень ничтожный доходъ, требовать отъ нихъ напраснаго надрыва и даже охлаждать къ начинанію. Мнѣ представляются наиболѣе цѣлесообразными *смѣшанныя колоніи, основанныя на началѣ побора участниковъ*. За послѣднія 15—20 лѣтъ въ деревняхъ, подъ влияніемъ земской школы, сформировался новый типъ крестьянина: эти люди какъ ихъ отцы и дѣды, сохранили связь съ землей, со всѣмъ сельскимъ укладомъ, но грамотность, чтеніе, общеніе съ мѣстнымъ учителемъ подняли ихъ надъ уровнемъ умственнаго развитія средняго крестьянства. Число такихъ людей абсолютно очень мало, но относительно оно довольно велико, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя имѣютъ наилучшую земскую школу. Эти-то люди и являются элементомъ, который особенно желателенъ въ поселкахъ, основанныхъ образованными людьми. Такие крестьяне могутъ служить наилучшимъ консервативнымъ началомъ, способнымъ передать вѣлоны обычаи и преданія крестьянской среды, поскольку необходимо изучить ихъ для успѣховъ земледѣлія. Они же являются наилучшею почвою для воспріятія всѣхъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя приносятъ въ деревню интеллигенція. На пути къ осуществленію такихъ колоній не представляется особенныхъ трудностей. За послѣдніе годы совершаются значительныя переселенія въ Сибирь изъ среднихъ черноземныхъ губерній.

Лѣтомъ 1890 г., при поѣздѣ въ Западную Сибирь, я встрѣтилъ среди переселенцевъ нѣсколько десятковъ такихъ людей; всѣ они отлично грамотные, развитые. Они идутъ въ Сибирь съ увѣренностью получить тамъ землю на выгодныхъ условіяхъ. Пригласите такихъ людей въ колонію, основанную поселенцами, о которыхъ идетъ рѣчь, гдѣ - нибудь въ срединѣ Россіи, и многіе изъ нихъ охотно откликнутся на призывъ. И такъ, *смѣшанныя поселенія* образуютъ типъ наиболѣе цѣлесообразный. Не слѣдуетъ вливать вино новое въ мѣхи старые; поэтому, всего лучше основывать колоніи внѣ существующихъ нынѣ поселеній. Большія поселенія нежелательны: гдѣ будетъ 25, даже 20, 15 дворовъ, тамъ можно пользоваться всѣми выгодами сотрудничества, вести производство въ довольно большихъ размѣрахъ и, въ то же время, избѣгнуть неудобствъ, которыя выпадаютъ на долю обширныхъ деревень,—отдаленность полей отъ усадебъ и т. п.

3) Какими принципами должны руководствоваться поселенцы въ своихъ отношеніяхъ по землѣ? Мы убѣждены, что начинанія будутъ обставлены тѣмъ большими трудностями, чѣмъ менѣе обычны будутъ формы, которыя поселенцы замыслили провести въ жизнь. Такою необычною—и именно да

ной этого круга—была бы поземельная община великорусскаго типа со всеми своими особенностями. И мы не рекомендуемъ этой формы владѣнія землею. Но и частное землевладѣніе господствующаго типа очень скоро пошло бы къ худосочию этихъ юныхъ организмовъ. Мы считаемъ всего болѣе разнообразнымъ *общинное землевладѣніе безъ передѣловъ полей, съ правомъ каждаго участника на долю общей земли согласно съ суммою, внесенною имъ въ общій капиталъ, и съ широкимъ примѣненіемъ артельного труда.* Представимъ себѣ, что участокъ земли пріобрѣтенъ за 2,000 руб. и одни внесли по 300 рублей, другіе по 150, то первые имѣютъ право собственности на вдвое большую часть цѣнности участка, нежели вторые. Они бы подлежали отчужденію не клочки земли въ натурѣ, а только пай, были бы обезпечены и выгода каждаго участника, и интересы всей общины. Продавъ свой пай, съ согласія товарищей, третьему лицу, каждый имѣлъ бы возможность выйти изъ поселенія, какъ скоро семейное положеніе, здоровье или иныя условія побуждаютъ его измѣнить родъ занятія и мѣсто жительства. Личное, эгоистическое начало не можетъ быть безнаказанно вполне подавлено въ человѣкѣ: разъ его подавляютъ слишкомъ усердно, оно стремится принять формы самыя уродливыя; личное начало получаетъ полное удовлетвореніе, если каждая семья или каждый отдѣльный поселенецъ будутъ имѣть особую избу или же, — въ случаѣ сооруженія довольно большихъ домовъ,—особую квартиру. Спросите вашихъ знакомыхъ—вы услышите отъ многихъ, что непріятно всегда видѣть чужихъ людей въ своей семьѣ, что человѣкъ хочетъ имѣть уголокъ, гдѣ бы онъ могъ быть окруженъ съ двумя-тремя самыми близкими. Индивидуальное начало относительно жилища коренится въ людяхъ очень глубоко. Но почти никому не приходитъ въ голову говорить, что неудобно работать въ конторѣ, канцеляріи или библіотекѣ на ряду со многими другими, что трудъ литератора можетъ быть производителенъ только подъ условіемъ, что онъ пишетъ за собственнымъ столомъ, и трудъ столяра, когда онъ работаетъ въ собственномъ домѣ. Словомъ, индивидуальное начало вовсе не заявляетъ такихъ отдѣленно-рѣзкихъ притязаній въ области производства. Поэтому, можно думать, что въ колоніяхъ единоличный трудъ будетъ замѣненъ общимъ въ всѣхъ пунктахъ, гдѣ это можетъ увеличить производительность работы. Первый смыслъ, очищенный отъ многихъ предрассудковъ довольно высокоумственнымъ развитіемъ, подскажетъ, что 10 семьямъ поселенцевъ легче имѣть 5 хорошихъ плуговъ, нежели 10 плохихъ, что выгоднѣе совместно обрабатывать одно большое поле, нежели 10 полосокъ, что прямой счетъ замѣнить молотилкой нѣсколько десятковъ цѣповъ, что нѣтъ необходимости имѣть ригу при каждомъ дворѣ и т. п. Нельзя съ точностью судить, какъ велики будутъ выгоды артельнаго труда; что они будутъ или нѣтъ, доказывается довольно многочисленными и всѣмъ извѣстными слухами артельной организаціи какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ другихъ отрасляхъ производства.

4) Очень важенъ и дальнѣйшій вопросъ—о *выборѣ мѣста для такихъ*

поселений и о родъ культуры. Неоднократно обсуждая въ печати вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, я проводилъ мысль, что переселенія должны быть облегчены и организованы въ широкихъ размѣрахъ, что глубоко блуждаютъ тѣ, кто считаетъ переселенія излишними и полагаетъ возможнымъ для крестьянина улучшить бытъ на родинѣ переходомъ къ болѣе интенсивной культурѣ. Быстрому переходу препятствуетъ какъ бѣдность массы, такъ невѣжество, и цѣпкая преданность рутинѣ. Для очень большой и, имѣющей бѣднѣйшей части крестьянства ростъ благосостоянія можетъ совершиться только посредствомъ перехода на лучшія земли и перенесенія на нихъ обильнаго экстенсивнаго земледѣлія. *Поселенцамъ изъ образованныхъ классовъ даю совѣтъ прямо противоположный: не уходитъ въ окраинныя губерніи Россіи, тѣмъ болѣе въ Сибирь, устраиваться какъ можно ближе къ центрамъ, въ мѣстахъ населенныхъ, вблизи значительныхъ городовъ при желѣзныхъ дорогахъ и съ первыхъ же шаговъ стараться вести хозяйство интенсивное.* Здѣсь иные люди, здѣсь долженъ быть иной совѣтъ. Въ отличіе отъ массы крестьянства, они не имѣютъ за спиною прошлаго, которое держало бы ихъ у рутинныхъ пріемовъ земледѣлія: многіе изъ нихъ ступаютъ на новое поприще съ сельско-хозяйственными знаніями, но всѣ имѣютъ умъ, достаточно развитой, чтобы освоиться пріемами интенсивной культуры, а выборъ соответствующаго мѣста дѣлаетъ такую культуру выгодною. Я имѣю въ виду и то, что эти люди по уровню потребностей вышнему сравнительно съ рядовыми крестьянами, должны избирать тѣ отрасли хозяйства, которыя даютъ наибольшій доходъ. Жить, нибудь за 100 верстъ отъ желѣзной дороги, сѣять рожь, овесъ да гречиху имѣть ничтожный заработокъ отъ земли—куда какая нерадостная перспектива! Давая такой совѣтъ, мы руководствуемся и третьимъ соображеніемъ о томъ, что, въ среднемъ, эти люди отличаются меньшею физической силой и меньшею выносливостью, нежели крестьяне, а культура садовъ и огородная не требуетъ такого напряженія силъ, какъ полеводство. Поэтому новые поселенцы должны избирать мѣста для колоній вблизи большихъ родовъ: огородничество разныхъ видовъ, плодоводство, пчеловодство, мясное скотоводство, табаководство—вотъ отрасли, на которыя должно обращено особенное вниманіе. Изъ отдаленныхъ мѣстностей очень благоприятныя условія представляетъ Крымъ, разныя полосы Кавказа, на югѣ мѣста въ Бессарабіи и Новороссіи, гдѣ можно съ выгодною заниматься винодѣліемъ.

5) Коснемся же трудностей, съ которыми связано устройство хозяйства и его веденіе. Главныя затрудненія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

а) Для поселенцевъ представляется уже та трудность, что они, въ обществѣ, не имѣютъ навыка въ сельско-хозяйственномъ трудѣ и обыкновенно не даютъ той степени рабочей выносливости, которая необходима для колоніи. Эти препятствія могутъ быть побѣждаемы въ короткое время. Главная выносливость, какъ показываютъ отзывы лицъ, у которыхъ рабочіе молодые люди изъ интеллигенціи, очень хорошо усваивается послѣ, на

годовой работы. А. Н. Энгельгардтъ первый свидѣтельствуетъ объ этомъ. Даже люди среднихъ лѣтъ привыкають къ этому труду. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ сообщаетъ мнѣ, напри., слѣдующее: «Первый годъ я ни малѣйшимъ образомъ не участвовалъ въ собственно земледѣльческомъ трудѣ, да и не могъ участвовать, потому что не зналъ, что и какъ дѣлать. Но около усадьбы работы мнѣ было вдоволь: я копалъ и разводилъ огородъ, рылъ картофельную яму, дѣлалъ изгородь вокругъ огорода съ садикомъ, обмазывалъ плетень двора смѣсью глины съ соломой, вытѣпилъ изъ этой же смѣси амбарчикъ и т. д. Всю весну и все лѣто я трудился съ утра до ночи». Онъ сѣлъ на землю около 40 лѣтъ отъ роду, а до того времени управлялъ промышленнымъ предпріятіемъ. Необходимая умѣлость и пріобрѣтеніе извѣстныхъ навыковъ могутъ быть достигнуты работою въ теченіе 1—2 лѣтъ по найму въ одномъ изъ хорошо поставленныхъ частныхъ хозяйствъ. Когда колоніи упрочатся и разовьются, то можно будетъ и въ нихъ проходить такую школу. Чѣмъ болѣе подготовленными будутъ садиться на землю образованные люди, тѣмъ съ болѣею увѣренностью можно предсказать ихъ начинаніямъ успѣшное развитіе. Работа по найму будетъ служить своего рода искусомъ; такой искусъ имѣетъ ту хорошую сторону, что онъ даетъ многимъ случаямъ подмѣтить ихъ особенности и своевременно оставить новую дорогу, если она не соотвѣтствуетъ силамъ начинающаго.

б) Вторымъ возможнымъ затрудненіемъ является неувѣренность покрыть изъ земли потребности, которыя обычны среди людей этого слоя. Такіе расходы, конечно, значительно выше расходовъ крестьянской семьи. Если оцѣнить ихъ на деньги, то они окажутся, вѣроятно, равными расходамъ зажиточнаго крестьянина, съ тою разницей, что у послѣдняго ничего не выходитъ на книги или газеты, а у поселанина образованнаго класса будетъ меньше выходить на пищу и частью на одежду. При выборѣ огородной или садовой культуры, эти потребности могутъ быть удовлетворены сполна. Во всякомъ случаѣ, изъ земли можно получить больше, нежели въ городѣ отъ какой-нибудь черной письменной или счетной работы. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, огородники пользуются достаткомъ. То же скажемъ мы объ огородникахъ вблизи нашихъ большихъ городовъ. Я не впаду въ преувеличеніе, если скажу, что семья, состоящая изъ мужа, жены и малолѣтнихъ дѣтей, вовсе не составляющихъ рабочей силы, можетъ получать отъ земли, считая и то, что потребляется ею въ хозяйствѣ, 300—400 рублей въ годъ. Поселенецъ одной изъ среднихъ губерній пишетъ мнѣ, что эксплуатировавъ 9 десятинъ подъ картофель, пшеницу и овесъ, не будучи знакомъ съ дѣломъ, переплавивая на разныхъ статьяхъ, онъ получилъ 160 рублей чистаго дохода; въ этотъ счетъ не вошло все то, что было израсходовано въ собственномъ хозяйствѣ. Припомнимъ, что въ подмосковныхъ селеніяхъ 1 десятина даетъ чистаго дохода: подъ картофелемъ 51 рубль, подъ капустой, огурцами и другими овощами—422 р., подъ ягоднымъ садомъ—422 р., подъ табакомъ—200—250 р. и проч. Но остается зимнее полугодіе. Какъ для простолюдина въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ кустарный или отхожій промыселъ есть

необходимый подсобный источникъ заработковъ въ теченіе зимы, такъ и поселяне изъ образованныхъ людей должны отыскать себѣ подобный источникъ. Современемъ, когда изучаемое нами стремленіе выразится многими сотнями и тысячами случаевъ, такимъ источникомъ будутъ служить разнообразныя ремесла. Въ ближайшемъ же будущемъ часть личныхъ силъ колоніи по зимамъ должна будетъ оставаться при хозяйствѣ для домашнихъ работъ, а свободныя силы могутъ найти дополнительный источникъ дохода въ обученіи грамотѣ, въ веденіи передвижныхъ школъ грамотности при содѣйствіи земства, въ литературномъ трудѣ, а равно и въ тѣхъ ремесленныхъ занятіяхъ (токарный, выпиловочный, приготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ, переплетный, вязальный), которыя не требуютъ продолжительнаго обученія и могутъ приносить нѣкоторый доходъ. Примѣненіе артельного труда въ широкихъ размѣрахъ сдѣлаетъ подсобный промыселъ каждаго двора источникомъ дохода не для него одного, но также и для всего поселенія. Артельная форма труда выразится и въ томъ, что за зиму часть рабочихъ силъ, достаточная для этого времени года (уходъ за скотомъ, заготовка дровъ и строительныхъ матеріаловъ, ремонтъ орудій), будетъ оставаться при хозяйствѣ; естественно, что тѣ, которые найдутъ дополнительный заработокъ на сторонѣ или дома, будутъ удѣлять часть своего заработка на потребности всего поселенія.

в) *Не представитъ ли крупнѣхъ затрудненій отысканіе денежныхъ средствъ, на которыя могли бы быть устраиваемы поселенія?* Трудно рѣшить, какъ велики должны быть эти средства. По всей вѣроятности, среднюю цифру, необходимую для образованія колоній, нужно считать до 500—800 рублей на 1 дворъ. Я не рисую себѣ положенія дѣла такимъ образомъ, какъ авторъ повѣсти *Новая деревня*, гдѣ главный участникъ, дающій призоръ и работу остальнымъ, имѣетъ хорошенькое имѣніе, могущее даже служить золотымъ дномъ, имѣетъ верховыхъ лошадей, удобный кабинетъ и даже тѣнистую кленовую аллею (въ ней такъ привольно чувствуютъ себя влюбленные) и гдѣ главный товарищъ организатора, на заявленіе отцу о своемъ желаніи жениться, тотчасъ же получаетъ переводомъ три тысячи рублей съ замѣчаніемъ, что эти деньги выдаются сыну въ безотчетное распоряженіе. Вся эта повѣсть есть сказаніе о томъ, какъ молодые люди «играють въ мужики».

Въ моемъ воображеніи не рисуются такіе поселенцы изъ образованныхъ классовъ. Тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что можно добыть нужныя средства. Уреди лицъ, которыя пожелаютъ посвятить себя земледѣлію, нѣкоторыя сами будутъ имѣть такія средства. Безъ сомнѣнія, большинство не будетъ имѣть ихъ. Дабы это большинство могло устроиться, нужно будетъ воззвать къ частной предпріимчивости (я намѣренно обхожу слово «благотворительность», такъ какъ не желательно основывать на подаркахъ столь важное начинаніе). Съ каждымъ годомъ, уже въ силу закона соперничества, частная предпріимчивость должна отыскивать себѣ новые пути. Рыночный процентъ оживляется; параллельно съ этимъ наблюдается и другое явленіе: предпріятія,

возникающія за послѣднее время, довольствуются очень невысокимъ доходомъ. Мы убѣждены, что для основанія колоній найдутся люди, готовые довольствоваться 4% на капиталъ. Какъ дѣло новое, затрата капитала на образованіе колоній связана съ извѣстнымъ рискомъ; но мы увѣрены въ отзывчивомъ отношеніи нашего общества къ этимъ начинаніямъ, такъ какъ это дѣло важное, въ высокой степени полезное по живительнымъ началамъ, которыя оно способно внести въ русскую деревню. Очень вѣроятно, что найдутся лица, готовые пожертвовать на это извѣстныя средства.

Кто внимательно слѣдитъ за развитіемъ общественной жизни, отъ того не скроется основной тонъ этого развитія—умноженіе потребностей и увеличеніе средствъ и способовъ къ ихъ удовлетворенію. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ было гораздо меньше разновидностей пищи или одежды, нежели въ настоящее время. То же скажемъ мы и о *разнообразии формъ, въ которыя облекается стремленіе къ общественной дѣятельности*. Каждый годъ приноситъ какую-нибудь новинку; наблюдаются все новые и новые пути, которые избираетъ частная предприимчивость для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Потребность садиться на землю стала обнаруживаться среди образованныхъ русскихъ людей только за послѣднее время. Дальнѣйшее популяризованіе этой мысли посредствомъ печати поведетъ къ тому, что среди богатыхъ русскихъ людей найдутся лица, готовые удѣлить на это денежные средства. Было бы достаточно очень небольшихъ средствъ, чтобы сдѣлать первыя попытки въ этомъ направленіи. Слѣдуетъ воззвать къ предприимчивости богатыхъ русскихъ людей и побудить ихъ къ образованію акціонернаго общества, которое и поставило бы себѣ цѣлью способствовать водворенію тѣхъ земледѣльцевъ изъ образованнаго класса, которые не могутъ устроиться на собственные средства. Не легко собрать большой капиталъ для дѣла, смыслъ котораго еще не довольно ясенъ русскимъ обществомъ; немного найдется охотниковъ затрачивать большія средства для начинаній, которыя, повидимому, связаны со значительнымъ рискомъ. Но можно надѣяться образовать акціонерное общество съ капиталомъ тысячъ въ пятьдесятъ. Среди богатыхъ людей, да и среди лицъ со скромными средствами, но вполне усвоившихъ идею этого движенія, найдутся охотники разобрать небольшое число акцій и принять на себя нѣкоторый рискъ, связанный съ этимъ дѣломъ уже вслѣдствіе его новизны. А на 50,000 можетъ быть устроено 50—100 дворовъ,—довольно большой опытъ, способный дать цѣнныя указанія относительно этого движенія. Исключая изъ всего дѣла элементъ благотворительности, мы, въ то же время, требуемъ, чтобы ему было чуждо начало спекулятивное, чтобы акціонеры не считали этого предпріятія источникомъ обогащенія. Поэтому, дивидендъ на акціи долженъ быть ограниченъ низшимъ размѣромъ процента, который знакомъ нашему рынку; такими являются 4% годовыхъ. При такой высотѣ процента, весь расходъ заемщиковъ, включая и погасительные платежи, не превыситъ 5—5½% годовыхъ, т.-е. нормы, которая извѣстна нашему денежному рынку. Акціонерное общество, поставившее себѣ такую задачу,

дѣйствовало бы наиболѣе цѣлесообразно, если бы употребило часть своего капитала,—положимъ, половину,—на приобрѣтеніе участка земли, соответствующаго его будущему назначенію. Покупка нѣсколькихъ сотъ десятинъ одновременно, даже въ мѣстности густо-населенной, подъ городомъ, гдѣ ведется довольно интензивное хозяйство, позволило бы прибрѣсти ихъ за недорогую цѣну. На такомъ участкѣ и могли бы быть основаны 2—3 колоніи, каждая изъ 15—25 дворовъ. Другая же половина акціонернаго капитала должна быть предназначена для выдачи ссудъ на устройство домовъ, приобрѣтеніе скота и орудій. Мы предпочли бы возможно болѣе простую организацію этого акціонернаго предпріятія: въ началѣ—никакихъ закладныхъ листовъ, выдачи заемщикамъ ссудъ наличными деньгами. Только одно обстоятельство представляетъ затрудненіе: такой подборъ заемщиковъ, чтобы акціонерное общество получило ручательство точнаго исполненія ими ихъ обязательствъ. Этотъ вопросъ рѣшается очень легко, когда кредиторъ имѣетъ дѣло съ заемщиками-крестьянами: круговая порука съ ихъ стороны является для заимодавца надежною гарантіей. Когда ссуду получаетъ крестьянинъ, то заимодавецъ знаетъ, что должникъ, какъ коренной земледѣлецъ, при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ погоды, уплатитъ свой долгъ изъ привычнаго ему сельско-хозяйственнаго промысла. Если онъ не захочетъ платить, то кредиторъ можетъ постепенно выручить сумму, данную въ долгъ, изъ заработковъ должника, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь же дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ. Земледѣльцы изъ образованнаго класса будутъ нѣкоторое время казаться кредиторамъ менѣе надежными должниками, нежели крестьяне. Ихъ дѣйствительная или даже только предполагаемая неопытность въ земледѣльческихъ работахъ будетъ заставлять кредиторовъ думать, что они могутъ оказаться неисправными должниками и при благопріятныхъ для сельскаго хозяйства условіяхъ; поэтому и круговая порука не можетъ считаться вполне прочною гарантіей. Кредиторъ можетъ также думать, что если бы подобный должникъ не хотѣлъ платить, то нельзя будетъ взыскать изъ его заработка, ибо эти люди, будучи новичками въ земледѣліи, обыкновенно не имѣютъ другаго источника доходовъ. Кредиторъ будетъ смѣло запродавать землю и этимъ людямъ, такъ какъ онъ не несетъ риска: въ случаѣ неисправности покупателя, онъ можетъ продать землю или отдать ее въ аренду третьему лицу. Но онъ будетъ колебаться при выдачѣ денежной ссуды. Когда пройдетъ періодъ первыхъ (и, прибавимъ, удачныхъ) попытокъ, то и земледѣльцы изъ образованнаго класса будутъ считаться вполне надежными должниками; теперь же нужно изыскать средства, способныя уменьшить недовѣріе и устранить колебанія, которыя помѣшали бы развитію кредита въ самомъ его зародышѣ. Единственно вѣрнымъ средствомъ мы считаемъ такой подборъ участниковъ, чтобы кредиторы придавали круговой порукѣ большее значеніе. Поселенія смѣшаннаго типа, на которыя мы указывали, уже способны увеличить въ глазахъ кредиторовъ значеніе круговой поруки должниковъ.

Если въ данной группѣ землевладѣльцевъ есть нѣсколько коренныхъ

крестьянъ,—такъ будетъ разсуждать кредиторъ,—то, вѣроятно, и остальные участники имѣютъ навыкъ къ сельско-хозяйственному промыслу; иначе здравый смыслъ удержалъ бы простаго русскаго человѣка отъ вступленія въ такой союзъ. Но группа землевладѣльцевъ получить въ глазахъ кредиторовъ окраску полной благонадежности, если въ ея составѣ будутъ 2—3 лица, настолько зажиточныхъ, что они, сѣвъ на землю, сполна оплатятъ свой земельный пай и приступятъ къ обзаведенію хозяйствомъ на собственные средства. Если въ группѣ изъ 15 семей будутъ только 2 такихъ семьи, то круговая порука, связующая всѣхъ членовъ группы, легко откроетъ имъ кредитъ. И кредиторы (въ данномъ случаѣ акціонерное общество) будутъ придавать круговой порукѣ значеніе, главнымъ образомъ, не потому, что у двухъ-трехъ участниковъ есть кое-какіе гроши, достаточные для постройки избы, покупки коровы и лошади, а потому, что такіе люди обдуманно подбираютъ товарищей, вступаютъ въ тѣсное общеніе съ тѣми, кто и работать умѣетъ, и отличается добрымъ поведеніемъ. Мы получаемъ отсюда еще одно побужденіе высказаться за основаніе небольшихъ колоній—въ 10, 15, много-много въ 20 семей: чѣмъ болѣе многочисленны будутъ поселенія, тѣмъ труднѣе сдѣлать подборъ участниковъ, тѣмъ менѣе возможно тѣсное общеніе между всѣми членами, а потому тѣмъ болѣе поводовъ къ размолвкамъ, ссорамъ и даже крушенію. Мы опредѣлили очень скромными цифрами размѣры акціонернаго общества, которое должно облегчить первыя попытки. Пятьдесятъ тысячъ—сумма ничтожная; но если бы первоначально удалось собрать для этой цѣли только 20,000 руб., и то можно было бы устроить 25—40 семействъ, два-три поселенія. По новизнѣ дѣла и это было бы очень замѣтнымъ явленіемъ въ нашей общественной жизни. Позднѣе, когда это явленіе приметъ болѣе широкіе размѣры, на него обратятъ вниманіе земства и правительство; тогда наступитъ время организовать для земледѣльцевъ этого класса общественный кредитъ.

6) Какую же пользу могутъ принести деревнѣ эти поселенія? Кто вѣрять въ могущество знанія, въ доброе, облагораживающее вліяніе культуры, тотъ согласится, что притокъ этихъ силъ къ землѣ способенъ произвести самое плодотворное дѣйствіе. Это дѣйствіе не можетъ обнаружиться съ одного удара. Но я убѣжденъ, что такія поселенія послужатъ, прежде всего, распространителями улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и *тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе будетъ въ нихъ силенъ крестьянскій элементъ*. Крестьяне заимствуютъ улучшенія, если нѣсколько лѣтъ рядомъ наблюдаютъ ихъ полезное дѣйствіе въ сосѣднихъ хозяйствахъ. Теперь крестьяне обыкновенно перенимаютъ кое-что у крупныхъ и чаще у среднихъ сельскихъ хозяевъ; гораздо охотнѣе будутъ дѣлать крестьяне такія заимствованія отъ мелкихъ хозяевъ, какими будутъ поселенія интеллигентовъ. Крупныя и среднія хозяйства всѣмъ своимъ складомъ настолько отличаются отъ хозяйства крестьянскаго, что, ставиваясь съ ними, крестьянинъ видитъ въ нихъ чуждую для себя среду. Наши поселенія будутъ крестьянскими хозяйствами болѣе развитаго, высшаго типа; въ нихъ крестьянинъ будетъ

видѣть явленіе гораздо болѣе близкое. Мы полагаемъ, что особенно полезно можетъ быть вліяніе артельной формы, общаго труда въ колоніяхъ, для котораго въ нашемъ народѣ есть такъ много благоприятныхъ условій. Однако, можно съ полнымъ правомъ ожидать, что колоніи будутъ оказывать вліяніе не на одно сельское хозяйство, но и вообще на культуру сосѣднихъ поселеній: онѣ облегчатъ окрестнымъ деревнямъ доступъ къ книгѣ, къ знанію. При помощи этихъ колоній будетъ все болѣе упрочиваться взаимное уваженіе и довѣріе между простолюдинами и членами образованнаго класса.

7) Какова же будущность этихъ стремленій? Число лицъ, которыя будутъ садиться на землю, должно возрастать. Облегчительнымъ для этого условіемъ будетъ служить все большее сближеніе между простымъ матеріальнымъ трудомъ и разными видами занятій, составляющихъ удѣлъ привилегированныхъ классовъ. Такому сближенію будутъ способствовать распространеніе знанія и развитіе соціального законодательства. Важнѣйшею причиною, которая удерживаетъ матеріальный трудъ на очень низкомъ уровнѣ, служитъ отсутствіе у работника досуга, необходимость посвящать своей работѣ всю жизнь, невозможность удѣлять хотя немного времени для умственнаго развитія, способнаго приближать его къ выше стоящимъ общественнымъ слоямъ. Развитіе фабричнаго законодательства, сокращеніе рабочаго дня будутъ обезпечивать такой досугъ и сглаживать пути для умственнаго развитія. Начальная школа, непрерывно возрастающая, сдѣлаетъ послѣдующія поколѣнія крестьянъ также людьми съ извѣстнымъ образованіемъ. Все вмѣстѣ взятое будетъ закрѣпляетъ въ русскомъ обществѣ убѣжденіе, что образованіе, среднее и даже высшее, не есть только ярлыкъ, открывающій человѣку доступъ ко всякой бумажной работѣ, что оно вполне примиряется со всеми видами ручнаго труда и, особенно, съ трудомъ земледѣльческимъ. Все болѣе будетъ упрочиваться сознаніе, что Россія, по условіямъ своего хозяйства, особенно нуждается въ приливѣ къ землѣ знанія, что въ этомъ лучшій залогъ ея матеріальнаго благосостоянія и общекультурнаго роста.

А. Исаевъ.

Въ швейцарской деревнѣ.

Прошлое лѣто мнѣ пришлось прожить въ Швейцаріи въ условіяхъ, въ которыя рѣдко удается попасть русскимъ путешественникамъ, — въ швейцарской деревнѣ, въ крестьянской семьѣ, въ качествѣ знакомаго человѣка. Это была ничѣмъ не замѣчательная, стоявшая въ сторонѣ отъ обычныхъ трактовъ туристовъ, даже немножко глухая деревня, консервативная и католическая, въ кантонѣ Валле, недалеко отъ границы Франціи. И то обстоятельство, что эта деревня не либеральная, а; можно сказать, старозавѣтная, дѣлаетъ, мнѣ думается, не менѣе интересными тѣ замѣтки и наблюдения, которыя мнѣ удалось собрать относительно жизни швейцарской деревни.

«Кромѣ этого трактирнаго міра, который одинъ только и извѣстенъ многимъ иностранцамъ, есть другой социальный міръ, міръ нормальной жизни, гдѣ и нужно изучать настоящую Швейцарію»,—говоритъ Реклю.

I.

Взгляните на улицу въ самой плохой швейцарской деревушкѣ: швейцарецъ вымостилъ ее, поставилъ фонари, украсилъ фонтаномъ, фасады домовъ убралъ плющемъ и цвѣтами. Швейцарцы не только гуляютъ на улицѣ, они сумѣли приспособить ее къ своимъ домашнимъ нуждамъ и живутъ тамъ, какъ дома. На балкончикѣ или у скамейки подъ платаномъ, растущимъ у окна, стоитъ столикъ съ рабочей корзиной; здѣсь же, въ тѣни, маленькая повозочка, *poussette*, со спящимъ *bébé*, а въ песокъ роются маленькія дѣти. Хозяйка работаетъ здѣсь «въ своемъ хозяйствѣ», такъ какъ широколиственный платанъ отдѣляетъ ее отъ улицы. Штопая чулки и покрикивая на расплавленныхъ дѣтей, она переговаривается съ сосѣдкой, тоже исполняющей свои работы въ такомъ же «своемъ хозяйствѣ». Она здѣсь узнаетъ всѣ новости, увидитъ, кто, вмѣсто того, чтобы работать, пошелъ въ ближайшій кафе, какая сосѣдка бросила свое хозяйство и болтаетъ у фонтана съ такими же лѣнтяиками, какъ и сама; наконецъ, издали еще замѣтитъ мужа и дочь, возвращающихся съ возомъ сѣна или обмолоченными снопами, и поспѣшитъ скорѣе накрыть на столъ.

Мужчины... о, это другое дѣло,—ихъ не пришили дѣти къ дому! Возвратясь вечеромъ съ поля или мельницы, они пойдутъ въ свой кафе, гдѣ почитаютъ газету, потолкуютъ съ товарищами о завтрашнихъ работахъ и дѣлахъ. Въ нашей деревушкѣ, состоящей изъ 250 домовъ, около десятка кафе и мнѣ не приходилось слышать на это сѣтованій даже отъ аккуратныхъ и скопидомныхъ швейцарокъ.

При каждой лавчонкѣ или булочной непременно, если даже нѣтъ особой комнаты, отдѣленъ уголокъ, занятый столомъ съ газетой и нѣсколькими стульями. Если нѣтъ времени отправляться въ большой *café restaurant*, гдѣ можно найти нѣсколько газетъ и большую публику, то каждый хозяинъ, забирая булки или папирсы, даже не выпивши кружки пива, можетъ прочесть новости дня. Въ такихъ кафе сидятъ обыкновенно нѣсколько старичковъ, которымъ уже не угоняться за молодежью, которыхъ утомляетъ, а, можетъ, и раздражаетъ задорный шумъ большихъ кафе. За небольшимъ столомъ въ углу они, все-таки, побесѣдуютъ о томъ, что говорилъ *monsieur le curé* въ церкви, какой еще новый законъ, конечно, на бѣду общинамъ, выдумало центральное правительство и какъ идутъ вообще нынѣ дѣла на бѣломъ свѣтѣ, который, быть можетъ, ужъ скоро будетъ управляться безъ нихъ.

Вся молодежь направляется въ большіе кафе-рестораны. Уже по вывѣскамъ вы привыкаете различать и характеръ посѣщающей публики. Въ *café «Union»* выписываются женеvская и лозанская газеты и, пожалуй, даже *Confédéré*. Тамъ собирается публика, чтобъ узнать, что говорятъ большія либеральныя газеты, тамъ ведутся толки и споры объ общественныхъ дѣлахъ не только своей коммуны, но и о томъ, что дѣлается въ кантональномъ или федеральномъ совѣтахъ. Въ какомъ-нибудь *café «Patrie»* лежатъ нѣсколько мѣстныхъ газетъ. Здѣсь говорятъ больше о дѣлахъ коммуны, о бюджетѣ, объ общественныхъ работахъ, дѣлжкѣ земли, штрафахъ и т. д.

По воскресеньямъ или въ субботу, вечеромъ, когда свободнаго времени много, публика переходитъ отъ одного кафе въ другой. Тогда мѣсть не хватаетъ для посѣтителей и публика размѣщается за длинными столами подъ большими платанами. Улица оглашается оживленными возгласами и споры ведутся до ночи, пока сторожъ не явится напомнить, что ужъ било 11 часовъ, когда всѣ кафе должны быть закрыты.

Этому оживленію и процвѣтанію кафе не мало способствуютъ различныя общества, которыхъ такое множество въ каждой швейцарской деревнѣ. Есть здѣсь товарищества взаимнаго вспомошествованія и потребительныя, общества стрѣлковъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, охотниковъ, альпинистовъ. Бываютъ даже такіе случаи, что нѣсколько стариковъ, прожившихъ лѣтъ зо-семьдесятъ, соберутся вмѣстѣ и образуютъ общество однолѣтокъ. Принявъ во вниманіе, что деревушка, состоящая изъ 250 домовъ, поставляетъ членовъ для столькихъ обществъ, легко понять, что здѣсь каждый крестьянинъ участвуетъ въ нѣсколькихъ обществахъ. Всѣ они имѣютъ свои званія, празднества и мѣстомъ сборищъ обыкновенно служатъ кафе.

Каждое изъ этихъ мѣстныхъ обществъ примыкаетъ къ большимъ на ю-

нальнымъ обществамъ, имѣющимъ аналогичныя цѣли и названія съ этими мѣстными, и кто не видалъ празднества, подобнаго тому, какое устроило прошлымъ лѣтомъ въ Женевѣ національное общество гимнастовъ, тотъ не можетъ себѣ составить и приблизительнаго понятія о грандіозности и пышности этихъ народныхъ торжествъ. Въ свое время многія изъ такихъ обществъ играли большую роль въ политической жизни Швейцаріи и сослужили важную службу Швейцарской республикѣ. Такъ, на примѣръ, общество стрѣлковъ въ 30-хъ годахъ было очагомъ демократическихъ идей и принимало дѣятельное участіе въ политическомъ движеніи того времени, а на засѣданіяхъ гельветическаго общества впервые были провозглашены положенія и принципы, которыми впослѣдствіи руководствовалась прогрессивная партія при составленіи союзной конституціи. Теперь многія изъ этихъ обществъ потеряли свой смыслъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Тартаренъ былъ бы самымъ подходящимъ президентомъ.

Чтобы понять широкую общественную жизнь въ Швейцаріи, увидѣть, какимъ могучимъ потокомъ льется она тамъ, нужно было посмотрѣть, какъ праздновали швейцарцы 600-лѣтіе основанія республики.

Я разскажу, что происходило въ нашей деревушкѣ.

Этотъ федеральный праздникъ былъ дѣйствительно всеобщимъ, въ которомъ участвовала вся Швейцарія (а бернцы такъ даже заставили участвовать въ немъ своихъ медвѣдей). За недѣлю еще до федеральнаго праздника наша деревня начала готовиться къ торжеству. Всякая хозяйка спѣшила пораньше убраться съ дѣтьми и обыкновенною работою, большіе ложились спать позднѣе, чтобы сплести нѣсколько вѣнковъ или гирляндъ изъ моху и ели, надѣлать побольше щитовъ, цвѣтовъ и фонарей. Ученики, вмѣсто обычныхъ школьныхъ прогулокъ съ учителями, отправлялись въ лѣсъ и горы съ корзинками за пихтой, елью, мхомъ и другими декоративными растеніями. Мужчины строгажи шесты для знаменъ и рамы для транспарантовъ; женщины суетливо бѣгали въ лавочку за кусками красной или синей матеріи, измышляли девизы, выкраивали и клеили національные гербы. Съ вокзала желѣзной дороги то и дѣло проносили ящики съ бенгальскими огнями, ракетами и т. п. Даже бѣдныя семьи, бюджетъ которыхъ не превышаетъ 1,500—2,000 франковъ, тратили *десятки* франковъ для убранства улицы.

Въ общественномъ зданіи коммуны обсуждалась программа торжества. Наканунѣ праздника, вечеромъ 1 августа, раздалась мелкая дробь барабана по всему селу, что всегда бываетъ, если требуется объявить что-нибудь публикѣ.

Дѣти, привычныя къ барабанному бою, такъ какъ ихъ каждую недѣлю собираютъ такимъ образомъ, чтобы объявить школьныя постановленія, бросаются къ школьному сторожу, который теперь уже не обращаетъ вниманія на мелюзгу, а продолжаетъ торжественно выбивать учащенную дробь. Пускается собирается къ зданію коммуны и тутъ на площадкѣ читается программа торжества, выработанная совѣтомъ коммуны, и объявляется, сколько

коммуна ассигновала на устройство праздника. Сдѣлавши кое-какія замѣчанія, публика расходится, довольная программой, такъ какъ президентъ коммуны воспользовался случаемъ показать себя и не ударилъ лицомъ въ грязь.

Вотъ, наконецъ, пришло и 2 августа. Съ девяти часовъ утра старинная большая церковь биткомъ набита народомъ, даже дамамъ не хватаетъ мѣстъ сидѣть. М-г le curé въ праздничномъ облаченіи совершаетъ мессу. Церковь убрана цвѣтами и съ высокихъ хоръ торжественно звучитъ органъ.

Непривычнымъ русскимъ глазамъ вся эта священная служба отзывается театральнымъ представленіемъ, и въ особенности странною кажется эта фигура, такъ важно выдвинувшаяся впередъ съ бѣлыми перьями на головѣ и въ пестромъ опереточномъ костюмѣ.

— Это—Вильгельмъ Тель и его сынъ, — внушительно на мой вопросъ отвѣчаетъ мнѣ сосѣдка.

Дѣйствительно, около Вильгельма Телля помѣстился и «son fils» — мальчикъ, тоже одѣтый въ средневѣковую куртку и чулки, съ протынутымъ стрѣлою яблкомъ въ рукѣ.

Но, пробывши нѣкоторое время въ церкви и присмотрѣвшись къ этимъ добрымъ валезанцамъ, кажется, искренно вѣрящимъ въ данную минуту, что это не м-г Cognit, отличный огородникъ, а тотъ Вильгельмъ Телль, который спасъ ихъ отечество и свободу, вамъ ужъ не смѣшно, когда командоръ ландштурма заставляеть этихъ молодцовъ въ широкополыхъ шляпахъ и съ импровизированными аллебардами по командѣ: «gauche-droite» выдѣлывать разные артикулы въ самыя торжественныя минуты богослуженія. Несмотря на тѣсноту и духоту, публика терпѣливо ждетъ проповѣди, которую долженъ сказать нарочито присланный на этотъ торжественный случай капуцинъ изъ Сень-Мориса.

Святой отецъ сказалъ рѣчь, соответствующую случаю и настроенію. Говорилъ онъ объ истинной свободѣ, равенствѣ и братствѣ, которыя могутъ быть только между братьями во Христѣ, въ единой католической церкви. Это идеаль, къ которому должны стремиться всѣ свободные граждане Швейцаріи и, по образцу этого общества истинно вѣрующихъ, они должны устривать и свое земное государство, защищая свободу, братство и равенство.

Публика на этотъ разъ со вниманіемъ слушала ловкаго проповѣдника, который въ странномъ одѣяніи, похожемъ на одежду Христа, какъ Онъ рисуется на нѣкоторыхъ католическихъ образахъ, подпоясанный бичевкой и въ какихъ-то сандаляхъ, сильно жестикулируя, громкимъ баритономъ оглашалъ высокую церковь.

Только мой сосѣдъ, очевидно, протестантъ, шутя замѣтилъ своему товарищу: «Теперь мы будемъ знать, что только католики могутъ стремиться къ истинной свободѣ». Но протестантовъ въ нашей деревушкѣ было очень мало и они тонули въ массѣ правовѣрныхъ католиковъ.

Выйдя изъ церкви, разряженные женщины, весело болтая, спѣшили домой

кормить дѣтей и управиться съ хозяйствомъ, такъ какъ къ двумъ часамъ ѣ должны собраться къ зданію коммуны, гдѣ начнется истинное торжество. Мужчины же шумными толпами направились въ кафе. Тамъ уже лежали свѣжія газеты, гдѣ яркими красками давались отчеты о празднествахъ и представленіяхъ, устроенныхъ большими и маленькими городами въ честь федерации. Празднества эти въ большинствѣ городовъ начались за день и два раньше. Публика съ жаромъ читала отчеты и рѣчи, произнесенныя различными дѣятелями и народными представителями. Здѣсь общалось, какъ всѣ граждане Швейцаріи—ученые, студенты и рабочіе, депутаты и государственные совѣтники, принимая участіе во всеобщемъ торжествѣ, старались выразить любовь и преданность свободному отечеству.

Наконецъ, въ два часа вся деревня собралась къ зданію коммуны. Тамъ усыпанной пескомъ площадкѣ уже собрался общинный совѣтъ съ президентомъ и вице-президентомъ во главѣ. Общество музыкантовъ и пѣвцовъ заняло центръ, а впереди со своими учителями выступили школьники и школьницы, стараясь какъ можно выше поднять свое яркое знамя, на которомъ отчетливо выдѣлялись слова: школа такой-то коммуны. Ландуржъ и подоспѣвшій отрядъ милиціи, участвовавшій въ это время въ бояхъ, образовали два фланга. Послѣ краткаго обращенія президента гражданамъ торжество было открыто.

Маленькіе ребятишки запѣли національный гимнъ и когда ихъ тоненьго голоса, стараясь перейти въ forte, выкрикивали:

„Un pour tous, tous pour un!“
 C'est le mot de chacun
 De les enfants:
 Pour le suprême effort
 Le faible devient fort
 Et tous, bravant la mort,
 Vont triomphants“ *),—

ршіе ученики, солдаты, старики и взрослые, всѣ подхватили эту извѣстную всей Швейцаріи пѣсню.

Дѣти торжествовали. Имъ раздавали брошюрки съ картинками «Клятва Грюгли», конфеты и пряники.

Много было тогда рѣчей, апплодисментовъ и пѣсень, но самыя горячія обращенія вызвала рѣчь народнаго депутата въ большомъ совѣтѣ. Онъ при-

*) „Я за всѣхъ! Всѣ за мной!“
 Этотъ лозунгъ святой—
 Мечъ нашъ и щитъ.
 Только братства оплотъ
 Слабымъ силу даетъ,
 Лишь сплотившись народъ
 Все побѣдитъ.

Переводъ всѣхъ цитируемыхъ стихотвореній принадлежитъ А. Мысовской.

ѣхалъ изъ кантональнаго города, чтобы провести этотъ радостный день со своими избирателями, и говорилъ такъ:

«Бросивши взглядъ на карту, мы едва замѣтимъ нашъ маленькій родной уголокъ. Но и наше отечество имѣло свою большую и громкую славу въ исторіи. Многіе скажутъ, что его слава возникла со времени завоеванія и великихъ побѣдъ... Конечно, Семпахъ и Морать—славные дни, мы не желаемъ умалять и затѣмнять героизмъ нашихъ предковъ; но въ исторіи Швейцаріи есть факты болѣе важные и болѣе объясняющіе ея значеніе: она положила основаніе новому праву, долженствующему замѣнить феодальный порядокъ. Это самодержавіе народа и его свобода!... Какимъ же образомъ,—продолжалъ ораторъ,—эта маленькая нація выдержала политическую борьбу въ продолженіе шести вѣковъ? Какъ она отстояла и сохранила сѣмя политической свободы, которое только теперь, въ наши дни, признано другими большими государствами и народами? Прежде всего, путемъ постояннаго упражненія народа въ осуществленіи своихъ правъ и затѣмъ потому, что въ сердцахъ гражданъ любовь къ родинѣ господствуетъ надъ всѣми остальными чувствами».

— Это, можно сказать, одна изъ лучшихъ рѣчей, произнесенныхъ за это время въ Швейцаріи!—говорилъ учитель, усиленно аплодируя народному лидеру.

И цѣлый день по разукрашеннымъ улицамъ разгуливали кортежи со своими знаменами. Они придумывали разные нумера: раздѣлялись на отряды, сходились у триумфальной арки, устроенной при въѣздѣ въ деревню, воспѣвали свою Швейцарію, горы, небеса и свободу. Всѣхъ охватило безпредѣльное веселье и желаніе подѣлиться съ ближними своими радостями. Даже сбившіяся съ ногъ хлопотливыя хозяйки, баюкающія сонныхъ дѣтшекъ, не были забыты; передъ домами, болѣе выдѣлявшимися своею или минаціей или въ окнахъ которыхъ были выставлены транспаранты съ надписями, наиболѣе говорящими швейцарскому сердцу: «*Libres toujours!*» или «*Tous roug un!*»—толпа останавливалась, аплодировала и восторженные голоса кричали: «Да здравствуетъ свобода, братство и швейцарскія женщины!»

Нужно отдать справедливость швейцарцамъ, что ни въ какихъ общественныхъ удовольствіяхъ и празднествахъ дѣти не бывають забыты и, напротивъ, всегда составляютъ самый дѣятельный и оживленный авангардъ всякихъ кортежей. И теперь, только когда школьники разошлись по домамъ, начался балъ для взрослыхъ. У зданія коммуны танцовали, пѣли и веселились до разсвѣта.

Всю ночь деревенька блистала разноцвѣтными огнями, какъ резиденція сказочной феи; ракеты, огненные фантаны и разрывные шары осыпали раскраснѣвшееся какъ отъ пожара южное небо. Изъ сосѣдняго городка доносились раскаты пушекъ и горы зажглись синими, красными и зелеными огнями. Даже на снѣжныхъ вершинахъ пылали громадныя костры и въ нимъ неслась громкая пѣсня:

„Au lâche appartient l'esclavage,
L'indépendance—aux gens de coeur,
Nul ne fut libre sans courage,
Sans liberté point d'honneur!...“

„Armons nos bras,—

отвѣчала компанія запоздавшихъ монтаньяровъ, спускавшихся съ горныхъ
шаге къ своимъ товарищамъ по коммуѣ,—

Et comme nos ancêtres,
Disons: jamais de maîtres
Jaloux de notre independance!
Nous combattrons avec vaillance,
Libres toujours, toujours vainqueurs
Armons nos bras, nos bras vengeurs!“ *)

Это былъ особенный праздникъ: по своему общественному значенію и по
глубокому одушевленію всей Швейцаріи онъ былъ прекрасенъ и трогателенъ.
Но многіе швейцарскіе праздники смѣшны, какъ смѣшны и многія à la Та-
gascon швейцарскія общества. Среди самихъ швейцарцевъ раздаются голоса
противъ излишняго увлеченія различными представленіями и торжествами.
Нѣкоторыя газеты старались показать и обратную сторону этихъ празд-
нествъ.

Помнится, спустя нѣсколько дней, мнѣ пришлось зайти за газетами въ
гостиницу. Тамъ въ залѣ за табль-д'отомъ сидѣла компанія путешествующихъ
студентовъ въ дорожныхъ костюмахъ и съ какими-то значками на фураж-
кахъ. За другимъ концомъ этого стола были два инженера, производив-
шіе въ это лѣто изслѣдованія для проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Одинъ изъ этихъ инженеровъ, почти все время проводившій на высотахъ
горъ, спускался въ деревню только во время продолжительныхъ дождей и
непогоды. Его грузная, съ угловатыми манерами фигура, рѣзкія и пренебрежи-
тельные замѣчанія насчетъ установившихся порядковъ и нравовъ нашей де-
ревни заставляли мѣстныхъ жителей держаться немного въ сторонѣ отъ
него. Это былъ libre penseur, какъ онъ самъ себя называлъ, швейцарскій
Базаровъ среди добродушныхъ валезанцевъ нашей деревушки. Однажды, уви-
давши у меня переводную русскую повѣсть, онъ просилъ меня дать ему
что-нибудь изъ русскихъ авторовъ для прочтенія и выбралъ *Отцы и
дѣти* Тургенева. Оказалось, что онъ читалъ уже *Raskolnikoff* Достоев-

*) Удѣлъ малодушныхъ—неволя,
Свобода—для смѣлыхъ людей.
Нѣтъ рабства, гдѣ гордость и воля,
Нѣтъ чести среди рабскихъ цѣпей.

Мечъ на-голо! Мы всѣ готовы
Припомнить предковъ громкій кликъ:
„Прочь рабства гнусныя оковы,
Прочь тиранію и владыкъ!“
Мечъ на-голо! Изъ рода въ роды
Передадимъ мы духъ свободы!

скаго по-нѣмецки и нѣкоторые рассказы Толстаго. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ Тургенева, называлъ его то русскимъ Гейне, то Флоберомъ, а про Базарова замѣтилъ, что если дѣйствительно такова мода въ Россіи, то ей предстоитъ великое будущее. «Хотя, все-таки, прибавилъ онъ, — въ Базаровѣ еще сказывается дикарь, когда онъ говоритъ, что мужика слѣдуетъ сѣчь. На мое сомнѣніе, чтобы Базаровъ говорилъ такіа рѣчи, инженеръ прочелъ совершенно забытыя мною слова: «J'en aujourd'hui la sottise idée de taquiner mon père à propos d'un paysan qui a fait fouetter dernièrement et avec raison. Oui, oui avec raison, ne me garde, pas avec ces yeux-là; il a très bien fait de le punir parce que c'est un voleur et un ivrogne incorrigible». Закрывая книгу, онъ смѣясь замѣтилъ: «Для русскихъ бываетъ обыкновенною вещью то, что рѣжетъ ухо швейцарца».

Во время самаго разгара праздника этотъ инженеръ своею странною манерой держаться обращалъ на себя вниманіе публики. Онъ безъ смутки, въ вязаной блузѣ и жилетѣ, посвистывая и заложивши руки въ карманы, развязно похаживалъ среди нарядной толпы. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, добродушно подшучивая, предлагали ему займы пиджака, чтобы онъ не простудился. Онъ въ свою очередь отвѣчалъ, что вальсы такъ разгорячили атмосферу, что ему и безъ скюртука жарко.

Теперь, сидя за обѣденнымъ столомъ, товарищъ этого инженера громко читалъ свѣжій номеръ *Nowelliste vaudois*: «Манія торжествъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ швейцарцами; мы празднуемъ рѣшительно все на свѣтѣ,—зачала газета сосѣдняго кантона:—сооруженіе желѣзной дороги, открытіе новыхъ учрежденій, юбилеи, столѣтія и годовщины и т. д. Затѣмъ идутъ ежегодныя празднества разнообразныхъ обществъ: стрѣлковъ, гимнастовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, альпинистовъ, военныхъ и артистовъ. Мы не считаемъ здѣсь международныхъ празднествъ и конгрессовъ. Ихъ смѣняютъ федеральныя празднества и праздники коммунъ. Этотъ непрерывный рядъ фестивалей продолжается круглый годъ, отягощая бюджетъ и семьи, и государства. Ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ тягаться съ нами въ этомъ отношеніи».

— Курьезное представленіе должны составить иностранцы о народѣ, вѣчно представляющемся имъ въ образѣ беззаботнаго Roger Bontemps, и котораго никакія ни бури, ни сомнѣнія не смущаютъ!—обратился инженеръ ко мнѣ.

На мой вопросъ, какою цѣлью руководствуется правительство, пооряя и тратя десятки тысячъ франковъ на празднества разныхъ стрѣлковъ и гимнастовъ, кто-то отвѣтилъ, что такимъ образомъ думаютъ развивать и поддерживать воинственное и патріотическое настроеніе въ народѣ, который долженъ быть всегда готовымъ и способнымъ защищать свою родину.

— Но мы слишкомъ далеко зашли по этому пути, забыли, что существуютъ другія дороги, ведущія къ этой же цѣли,—прервалъ инженеръ,—а эти раз-

нества, заполонившія Швейцарію, положительно могутъ деморализовать народъ: они держатъ его въ какомъ-то чаду и отучаютъ отъ работы и серьезной мысли о будущемъ.

— Ну, судя по количеству празднествъ, господинъ инженеръ не много, должно быть, находить единомышленниковъ,—нечаянно сорвалось у меня замѣчаніе.

— Нѣтъ, — горячо возразилъ онъ, — у насъ не мало здравомыслящаго народа, и если бы не эта часть общества, можно было бы придти къ печальнымъ результатамъ при мысли о будущемъ нашего отечества.

— Вы, должно быть, протестантъ и не изъ этого кантона?—остановилъ его путешествующій студентъ.

— Я свободный мыслитель, — отвѣтилъ инженеръ, — и не изъ этого кантона.

— Но это не помѣшало бы любить и не позорить свою родину!—сквозь зубы процѣдилъ студентъ, когда инженера уже не было въ общей залѣ.

„La connais tu cette heureuse patrie?“—

Затянулъ студентъ, позванивая въ тактъ рюмкой.

„Te souvient-il de notre hymne guerrière?

A nos chansons a tu mêlé ta voix,

A tu chanté les travaux de la terre,

La liberté, l'amour sacré des lois!“ *),—

задорно подхватила веселая компанія студентовъ.

II.

Широкая общественная жизнь и дружная, тѣсно сплоченная семья, отчасти ассоціація-семья, — вотъ условія, въ которыхъ живетъ швейцарецъ.

Крестьянская семья въ Швейцаріи умѣетъ изъ всего извлекать выгоду и трудолюбивые члены этой семьи тащатъ въ свое гнѣздо все, что тамъ годится. Конечно, и гнѣздо должно быть удобно и помѣстительно. Это не наша крестьянская изба, а скорѣе старосвѣтскій домъ, немножко гоголевскаго типа, и отношеніе семьи къ этому дому особое. Нашъ крестьянинъ любитъ свою сторону, свое поле, рѣчку, пригорокъ, лѣсъ, — свое мѣсто и съ удовольствіемъ промѣняетъ свой трехъаршинный осиновый срубъ на другой, просторный и свѣтлый. Онъ и не можетъ привязаться прочно къ своему дому, которому много-много 15—20 лѣтъ вѣку отъ послѣдняго пожара до новаго. Крестьянинъ-швейцарецъ тоже любитъ, и очень любитъ свою сторону, но, прежде всего, онъ любитъ свой *домъ*. Покинуть дѣдовское жилище и переселиться въ другой домъ всегда очень трудно и почти немыслимо для швейцарской семьи. Прежде всего, большой вопросъ, согла-

*) Ты зналъ ли край, тотъ край благословенный,
Гдѣ былъ всегда прозраченъ небосклонъ?
Ты пѣлъ ли гимнъ воинственно-священный,
Что славить трудъ, свободу и законъ?

сится ли grand-papa или grand-maman уйти из своего угла, къ которому кажется, приросло большое старинное кресло. Всѣ бабушки и дѣдушки убѣждены, что они, какъ грибы, приросшіе къ старому дереву, не могутъ существовать, если будутъ перенесены на чужое дерево. «Не легко покинутъ жилище, въ которомъ сотни лѣтъ живетъ наша семья»,—скажетъ вамъ всѣхъ крѣпко крѣстьянинъ, смотря на свой домъ.

Выстроенъ швейцарскій домъ изъ сѣраго известняка, въ два этажа. Если семья не разрослась и имѣетъ большія средства, то хозяйственные рабочія помѣщенія находятся внизу, а чистыя комнаты вверху. Но мы посмотримся къ помѣщенію небогатой, обыкновенной семьи. Нижній этажъ занятъ старшимъ братомъ, его женой и дѣтьми, а вверху живетъ семейство другого брата. Поднявшись по лѣстницѣ на балконъ, вы открываете дверь и входите въ первую комнату—кухню. Здѣсь на полкахъ по стѣнамъ расставлены яркія мѣдныя кастрюли, изъ стекляннаго шкафа весело выглядываютъ кофейникъ, чашки и тарелки, въ углу стоятъ щипцы, мѣшалки, крючки, а вблизи нихъ широко расположена лоснящаяся плита. Вы чувствуете, что тутъ не мѣсто чужому человѣку,— это царство хозяйки,— открываете дверь въ слѣдующую, рабочую комнату. Здѣсь всякій занимаетъ своимъ дѣломъ. Вы увидите или хозяйку, если она не занята съ дѣтьми, или хозяина, работающаго за столомъ съ сапожными, часовыми или какими-нибудь другими инструментами, или же его сестру. Она шьетъ шляпы, строчитъ на машинѣ, вяжетъ чулки и платки, а то просто накупила разныхъ товаровъ, какой требуется сосѣдямъ, и устроила у себя magasin.

Словомъ, не станеть она сидѣть даромъ. На полѣ, вѣдь, не цѣлый годъ бываетъ уборка, а если поспѣетъ виноградъ, она передаетъ свой магазинъ невѣсткѣ, которая возится съ дѣтьми и должна оставаться дома. Изъ рабочей двери открыта въ чистую комнату. Здѣсь въ своемъ креслѣ сидитъ дѣдушка или бабушка, тутъ же все рѣдкое и драгоцѣнное, все, что есть самого лучшаго и священнаго для семьи,—это фамильный музей. Стѣны увешаны фотографіями родственниковъ, здѣсь живущихъ и разъѣхавшихся во всѣмъ частямъ свѣта. Стеклянная шифоньерка заставлена сверху до низу подсвѣчниками, тарелочками, разрисованными чашками, кувшинчиками и разными сувенирами. Не одно поколѣніе тщательно сюда уставяло и развѣшивало все, что ласкало глазъ прибрѣтателя: рядомъ съ привезеннымъ изъ Россіи фарфоровымъ яичкомъ съ надписью «Христосъ воскресъ» стоитъ обыкновенный, новоизобрѣтенный, десять - пятнадцать лѣтъ назадъ, пуговичный веризаторъ, употребленіе котораго долженъ объяснить имѣющій возвратиться изъ Америки кузень. И, кажется, множество вещей, никому не нужны и никогда не употреблявшихся, ждутъ своего времени, «когда пригодятся».

Впрочемъ, онѣ и теперь служатъ свою службу. По воскресеньямъ открывается завѣтная стеклянная дверца и старшія дѣти бережно протираютъ и уставяютъ по мѣстамъ всѣ эти драгоцѣнности, къ великой зависти и злѣшней, которые жадными глазами созерцаютъ эту уборку въ ожиданіи «своего времени», когда и они выростутъ и будутъ заниматься «хозяйствомъ».

Такимъ образомъ, дѣти незамѣтно приучаются къ хозяйству. А развѣ не услуга со стороны всѣхъ этихъ флакончиковъ и коробочекъ занять и развлечь въ долгіе часы одиночества бѣдную старушку? Смотри на каждую лежащую или потемнѣвшую бездѣлушку, она напоминаетъ какую-нибудь связанную съ ней исторію; нѣкоторыя изъ этихъ исторій она уже сама можно помнить, о другихъ только слышала отъ своей матери или бабушки, но отъ этого всѣ эти сувениры не менѣе ей дороги.

Когда бабушка въ десятый разъ прочтетъ своихъ *Трехъ мушкетеровъ*, сидящая возлѣ нея внучка приготовить заданные школьные уроки и старшій ея братишка, за шалости отосланный бабушкой за ситцевую переродку, выпросить прошеніе, она расскажетъ всѣ исторіи про эти вещицы, ногиа изъ которыхъ гораздо старше бабушки этой бабушки.

На одной изъ полокъ завѣтной шифоньерки покоится «grand livre», толстая, въ кожаномъ переплетѣ тетрадь. Это лѣтопись семьи; сюда Богъ знаетъ съ какихъ поръ аккуратно записываются всѣ выдающіяся семейныя событія, вносится день рожденія народившагося родственника, тутъ же въ лѣтѣ «бюджетъ» ведется приходо-расходъ дома. Книга эта считается святыней семьи, до нея не дотрогиваются дѣти и только по праздникамъ, вернувшись изъ церкви, grand-papa подолгу просиживаетъ надъ ея желтыми толстыми листами. «Grand-papa погрузился въ вѣчность»,—шутить тогда молодежь. Въ деревняхъ есть дома, которымъ считаютъ по 600 лѣтъ и которые переходятъ изъ рода въ родъ одной и той же «фамиліи».

Стоитъ посмотрѣть, что это за удивительныя сооруженія. Чѣмъ старше домъ, тѣмъ болѣе въ немъ разныхъ пристроекъ, надстроекъ, галлерей и балконовъ. Домъ, въ которомъ пришлось мнѣ помѣститься, принадлежитъ именно къ такого рода почтеннымъ сооруженіямъ. Онъ по мѣрѣ разростанія семьи самъ разросался вширь и, наконецъ, сбоку образовалось большое двухэтажное зданіе. Во время волненій 48 года глава семьи, энергичный и предприимчивый католикъ, со своимъ братомъ и другими родственниками, кранившими семейныя традиціи, захватили власть въ свои руки и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ этой горести изъ 5—6 человекъ удалось бороться съ общественнымъ теченіемъ и отстаивать свои старинныя привилегіи. Подъ конецъ либералы одержали верхъ, бросились въ домъ къ ненавистному имъ вожаку, чтобы арестовать его. Онъ успѣлъ бѣжать во Францію, а часть его имущества была конфискована коммуной. Семья осталась только старинная часть дома, въ которой жила съ дѣтьми жена бѣжавшаго клерикала. Между многочисленными дѣтьми этого старика есть теперь люди всякихъ направленій—и либералы, и консерваторы, твердо хранящіе семейныя традиціи. Болѣе предприимчивые, послѣ окончанія мѣстной школы, держали экзамены въ коллежахъ и отправились учителями въ Россію и Англію. Старшій, столяръ, эмигрировалъ въ Аргентинскую республику и въ новой колоніи Esperanza занялся постройками жилищъ для прибывающихъ поселенцевъ. Говорятъ, онъ разбогатѣлъ, выписалъ къ себѣ желающихъ вступить съ нимъ въ компанію земляковъ-рабочихъ, а теперь собирается

вернуться въ свою деревню. Здѣсь онъ войдетъ въ соглашеніе съ коммунной и выстроитъ большой отель для путешественниковъ.

Многочисленныя пристройки, балкончики и галлерейки нашего дома посажены плющемъ и виноградомъ, такъ прикрывающими всё несообразное постройкой, что домъ выходитъ отъ этого только оригинальнѣе и жилицѣ. Надъ благоустройствомъ родного гнѣзда ежеминутно трудятся члены семьи, всякій по-своему, но всё съ одинаковымъ рвеніемъ. Снонвья и дочери, выказавшіе болѣе склонности къ ученію, окончивъ первоначальную школу, продолжаютъ свои занятія въ спеціальныхъ классахъ или же прямо, получивши свидѣтельство изъ своей деревенской школы, уѣзжаютъ въ далекіе края. Маленькая Швейцарія поставляетъ учителей, боннъ и гувернантокъ во всё части свѣта. Напримѣръ, изъ деревушки въ 300 семей болѣе 209 человекъ въ эмиграціи и болышинство изъ нихъ отправляется въ Америку, Англію и Россію, такъ что въ 5 человекъ дѣтей, навѣрное, двое или трое за границей. Всѣ они съ личайшею скорбью покидаютъ родное гнѣздо и съ такимъ же рвеніемъ стремятся на родину. Нѣкоторые, не будучи въ силахъ сразу порвать кровныя связи, черезъ 2 — 3 года, истомленные тоской по родинѣ, возвращаются изъ холодныхъ странъ въ свое теплое гнѣздо—въ Швейцарію. Отогрѣвшись здѣсь и подкрѣпившись участіемъ и совѣтами родственниковъ они снова пускаются искать счастья и заработка въ далекую страну, чтобы уже съ нѣкоторымъ достаткомъ вернуться въ родную коммуну. Иные везетъ счастье и они еще съ молодую успѣвають заработать нѣсколько тысячъ франковъ, пріѣзжаютъ домой, женятся, выходятъ замужъ и кладутъ основаніе новому хозяйству. Другіе же возвращаются подъ старость, чтобы только сложить свои кости на родномъ кладбищѣ. Оставшіеся дома члены семьи не менѣе эмигрантовъ работаютъ для общаго семейнаго благополучія. Трудолюбіе и честность швейцарцевъ всёми извѣстны и я не буду ихъ распространяться. Я только остановлюсь на обстановкѣ этого труда.

Посмотришь на работающихъ въ подѣ швейцарцевъ и невольно вспомнятся наши необозримыя русскія поля—однообразныя, безъ пригорка и кривизны, и темною точкой тонущаго въ нихъ крестьянина съ сохой и «конягомъ».

Изъ-за снѣговыхъ горъ показалось южное солнце, яркія тѣни бѣгутъ по скаламъ и зеленымъ склонамъ Альпъ, каждую минуту цвѣта и тѣни играютъ; холодные горные ручьи бодро журчатъ и, сливаясь въ потоки, брызжутъ во всё стороны, скача по уступамъ каменныхъ утесовъ. Свѣжій горный воздухъ вѣетъ въ лицо. Веселый и добрый здѣшній крестьянинъ начинаетъ работать рядомъ со своими товарищами односельчанамъ шутки, остроты и звонкій смѣхъ перекрещиваются и разносятся эхомъ по сосѣднимъ горамъ. Женщины высоко взмахиваютъ граблями и вскидываютъ снопы, мужчины снимаютъ сюртуки и въ однихъ жилетахъ и бѣлыхъ рочкахъ размахиваютъ косами. Все здѣсь прилажено. Наша русская коммунна кажется, родной нашъ инструментъ, здѣсь пригнана, изогнута и приспособлена къ рукѣ.

Если день ясный и на небѣ нѣтъ тучъ, хозяйка беретъ завтракъ и спѣшитъ въ поле къ работникамъ. Нужно видѣть этихъ швейцарокъ, несущихъ обѣдъ въ поле! На головѣ у нихъ по громадной корзинѣ съ хлѣбомъ, мясомъ, сыромъ и виномъ. Несмотря на тяжелую ношу на головѣ, онѣ легко и быстро идутъ по гладкому шоссе, болтая о разныхъ разностяхъ и успѣвая, въ то же время, вязать на ходу чулокъ. Дорога гладкая, вездѣ перешиты мостики, не приходится ни перелѣзать черезъ овраги и ямы, ни перебираться черезъ ручьи и потоки. Если погода хорошая, многіе остаются въ полѣ до вечера, а брызнетъ дождь, женщины, распустивъ зонты, а мужчины, накинувъ пиджаки и рабочія блузы, спѣшаютъ домой, стуча своими толстыми рабочими башмаками по убитой дорогѣ. Дома у нихъ тоже день не потерянь. Почти всякій изъ нихъ знаетъ какое-нибудь ремесло, онѣ или апоженикъ, или столяръ, или часовщикъ, или мельникъ, или садовникъ и городникъ. Надо за всемъ присмотрѣть, подвязать деревья, укрыть овощи заглянуть въ виноградникъ.

Работа кипитъ у нихъ въ рукахъ и всякому русскому бросится въ глаза этотъ возбужденный, нервный характеръ швейцарскаго труда. Швейцарки же, побывавши въ Россіи, говорятъ, что ихъ поражала всегдашняя монотонность русской работы. Въ одномъ постановленіи школьнаго совѣта сказано: такія работы, какъ скульптура по дереву (очень распространенное въ Швейцаріи занятіе), должны быть поручены ловкимъ и интеллигентнымъ людямъ (*à des mains intelligentes*),—это выраженіе часто приходится слышать въ примѣненіи вообще ко всякой работѣ. Дѣйствительно, у швейцарцевъ интеллигентныя руки. Въ общемъ, я думаю, швейцарецъ тратитъ болѣе нервной силы въ продолженіе рабочаго дня, но онъ, вѣроятно, не такъ устаётъ, потому что трудъ его разнообразнѣе, веселѣе и не носитъ того «моторнаго» характера, который отличаетъ нашъ крестьянскій трудъ.

Встаётъ швейцарецъ позже нашего мужика, за то днемъ онъ почти никогда не отдыхаетъ, ложится же спать сравнительно очень поздно. И весь день работа кипитъ у него въ рукахъ.

Что же поддерживаетъ его въ этомъ неустанномъ трудѣ? Швейцарцы обыкновенно говорятъ, что альпійскій горный воздухъ дѣлаетъ бодрымъ и веселымъ человѣка. Пусть такъ, но желаніе устроить какъ можно лучшее свое хозяйство, семью и привычка къ комфорту являются главными побужденіями его труда. Этотъ комфортъ ставится выше всего и ему иногда приносятся большія жертвы. Въ деревнѣ всегда найдется большое количество одинокихъ людей, въ особенности молодыхъ и старыхъ дѣвушекъ, отказавшихся отъ замужства. Здоровыя, красивыя работницы, живущія съ достаткомъ, объясняли мнѣ, что съ семейною жизнью сопряжены всегда извѣстныя лишенія и жертвы. Дѣти требуютъ большого ухода, мать семьи не можетъ такъ свободно располагать своимъ временемъ и средствами, какъ незамужняя женщина, поэтому онѣ предпочитаютъ избѣгать брака и жить, работая «на себя». Помимо хорошей пищи и удобной обстановки, большая часть бюджета работницы уходитъ на наряды. Въ будни, на полѣ, дома,

швейцарская женщина и въ особенности дѣвушка всегда хорошо одѣта. Она затянута, волосы взбиты и уложены на макушкѣ какимъ-нибудь замысловатымъ бантомъ, на головѣ, даже во время полевыхъ работъ, шляпа. Въ праздникъ же, въ церкви, вы положительно поражаетесь франтовствомъ. Въ нашей деревушкѣ два шляпныхъ магазина, и дѣвушки, занимающіяся этимъ мастерствомъ, не работаютъ въ полѣ, потому что ихъ ремесло достаточно оплачивается и онѣ всегда имѣютъ работу. Самая бѣдная дѣвушка имѣетъ двѣ шляпы, одну «roug la semaine», а другую—«roug le dimanche», какъ выражаются онѣ. Шелкъ, бархатъ, плюшъ, изящные цвѣты и перья совсѣмъ здѣсь не рѣдкость.

Когда видишь швейцарца въ церкви въ обычномъ цивилизованномъ костюмѣ, въ крахмальной сорочкѣ и непременно съ часами, или смотришь на него за сытнымъ обѣдомъ съ мясомъ, зеленью, сыромъ и виномъ, уже не вспоминается русскій крестьянинъ,—до такой степени никакихъ точекъ соприкосновенія между ними не оказывается.

Е.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Культурный кризисъ въ Римской имперіи *).

V.

Недостатки стоицизма и его упадокъ.—Неудовлетворительность его религіи и противустественность его морали.—Маркъ Аврелій.

Какъ ни возвышенны были отдѣльныя стороны стоической доктрины, какъ ни паразитально могущество ея надъ отдѣльными личностями, стоицизмъ не могъ дать полного удовлетворенія тогдашнему обществу по многимъ причинамъ. Прежде всего, эта философія отчаянія, стремившаяся обезцѣнить жизнь, чтобы облегчить смерть, болѣе или менѣе подходитъ къ эпохамъ внутренней и внѣшней борьбы, когда всѣ блага жизни особенно непрочны, когда смерть каждую минуту особенно близка и вѣроятна. Суровая, безчувственная доблесть—военная добродѣтель по преимуществу. Между тѣмъ, могучему Риму, который давно уже покорилъ міръ и счастливо пережилъ гражданскія войны, не грозили никакія опасности. Варвары были еще слабы, а жестокости самыхъ кровожадныхъ императоровъ рѣдко выходили за узкіе предѣлы придворныхъ сферъ и высшихъ классовъ. Далѣе, вліяніе всякой философіи ограничивается по болѣе части образованными слоями общества, а стоицизмъ отличался особеннымъ аристократизмомъ, хотя его проповѣдники очень любили обращаться къ толпѣ. Онъ презираетъ все то, чѣмъ живетъ обыкновенный человѣкъ, всѣ мелкія, незамѣтныя добродѣтели повседневной жизни; онъ требуетъ отъ всякаго совершеннаго самоотверженія, полнаго геройства, къ которому способны весьма немногіе. Наконецъ, самое содержаніе стоической доктрины отчасти противорѣчило потребностямъ эпохи, отчасти стояло въ непримиримомъ противорѣчій съ основными свойствами человѣческой природы. Мы видѣли, что римское общество того времени жаждало вѣры, искало чуда, стремилось къ таинственному сближенію и даже слиянію съ божествомъ; между тѣмъ, религія—самая слабая сторона стоицизма. Богъ стоиковъ нѣчто весьма неопредѣленное: это или какой-то отвлеченный принципъ, или расплывающаяся во вселенной сила, во всякомъ случаѣ, нѣчто очень далекое отъ человѣка и совершенно ему чуждое. Сто-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

или приписали своему божеству свойства, которыя имѣли могучее вліяніе на умы въ христіанствѣ; но эти свойства не связаны у нихъ съ определеннымъ образомъ и стоятъ въ противорѣчій съ ихъ основнымъ понятіемъ о божествѣ: личныя свойства являются чисто-внѣшнимъ и совершенно нелогичнымъ атрибутомъ безличнаго существа. Диаметрально противоположность съ общественными стремленіями представляетъ и ученіе стоиковъ о загробной жизни. Вѣра въ личное существованіе за гробомъ появляется въ человѣчествѣ еще на весьма низкихъ ступеняхъ культуры, и ученіе о загробномъ возмездіи вкоренялось многовѣковымъ воспитаніемъ. Въ началѣ нашей эры эти вѣрованія носили особенно жгучій характеръ и составляли одну изъ главныхъ причинъ популярности восточныхъ культовъ. Между тѣмъ, стоики или прямо отрицали загробную жизнь, или учили, что душа послѣ смерти сохранить свое существованіе до міроваго пожара, а потомъ вмѣстѣ съ вселенной превратится въ исконную матерію. Только Сенека, чуткій къ общественнымъ потребностямъ, сдѣлалъ уступку въ этомъ отношеніи. Онъ допускалъ, что послѣ смерти душа, подвергшись предварительному очищенію, поднимется въ эфиръ и будетъ вести тамъ сознательную жизнь въ обществѣ съ другими умершими. Но и это ученіе, въ которомъ не безъ основанія видятъ слѣды христіанскаго вліянія, подлежитъ двумъ существеннымъ ограниченіямъ: во-первыхъ, оно было личнымъ мнѣніемъ Сенеки и не составило общепринятаго вѣрованія всей школы; во-вторыхъ, безсмертіе и Сенекой допускалось только по отношенію къ героямъ добродѣтели, а души обыкновенныхъ смертныхъ прекращали существованіе вмѣстѣ съ тѣломъ.

Не менѣе крупныя и коренныя недостатки представляла и самая сильная сторона стоиковъ—ихъ мораль. Если религіозное ученіе стоицизма было особенно неудовлетворительно для той эпохи, то его этика объявляетъ войну человѣческой природѣ вообще, пытается устранить изъ нея весьма существенную сторону. Отождествляя нравственность съ абсолютнымъ господствомъ разума надъ человѣкомъ, стоицизмъ стремился задушить такія чувства, которыя составляютъ украшеніе нашей природы. У стоиковъ встрѣчаются весьма странныя на нашъ взглядъ ученія объ этомъ предметѣ. Такъ наприм., Сенека проводитъ чрезвычайно характерную параллель между милосердіемъ и состраданіемъ, которое онъ называетъ мягкосердечіемъ. Милосердіе, по его мнѣнію, одна изъ высшихъ добродѣтелей; состраданіе—слабость и недостатокъ мелкой души, которая утрачиваетъ самообладаніе при взглядѣ на чужое страданіе. Первое—дѣйствіе разума, второе мѣшаетъ слѣдующему сужденію, разстраиваетъ душу, которая у мудреца всегда должна быть ясна и спокойна. «Мудрецъ,—говоритъ Сенека,—облегчить слезы другихъ, но никогда не присоединить къ нимъ собственныхъ слезъ. Онъ дастъ руку потерпѣвшему кораблекрушенію, убѣжище изгнанному, лепту нуждающемуся. Онъ подаритъ сына слезамъ матери, разорветъ его цѣпи, освободитъ его отъ смертельнаго боя съ дикими животными. Но все это сдѣлаетъ онъ съ покойнымъ духомъ, съ неизмѣннымъ выраженіемъ лица. Мудрецъ будетъ не мягкосердечнымъ, а богатымъ помощію, готовымъ на услугу, со-

зданнымъ для поддержки всѣхъ и для общаго блага, въ которомъ онъ дастъ часть каждому. Видя, какъ просить милостыню его согражданинъ, истощенный, въ лохмотьяхъ, съ изможденнымъ лицомъ, онъ не опуститъ глазъ и не смутится духомъ, но будетъ служить всякому достойному и благосклонно, по образу боговъ, будетъ смотрѣть на страждущихъ. Только слабые глаза наполняются слезами при встрѣчѣ съ плачущими, и это болѣзнь души точно такъ же, какъ и веселость, когда всѣ смѣются, и зѣвота, когда зѣваютъ другіе». Эпикетъ снисходительнѣе Сенеки: онъ позволяетъ плакать при страданіяхъ другихъ; но это должны быть только наружныя, только позазныя слезы, чтобы притворнымъ сочувствіемъ облегчить страждущаго: сердце мудреца и по ученію Эпикетта должно биться совершенно спокойно.

Смыслъ этихъ предписаній вполне ясенъ: они устраняютъ тѣ чувства, которыя мы называемъ нравственными и которыя дѣйствительно составляютъ самую прочную и самую надежную психическую основу морали. Стремясь къ ихъ подавленію, стоики пытались искалчить человѣческую природу, что искажало ихъ этику и обуславливало вредныя стороны ихъ вліянія. На самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣло стоическое ученіе о братствѣ людей, когда запрещалось любить ближняго, т.-е. страдать его горемъ, радоваться его радостями? Братство безъ любви—*contradictio in adjecto*, абсурдъ, фраза безъ смысла. Стоики и впали въ это противорѣчіе, потому что они вывели ученіе о всеобщемъ братствѣ не изъ непосредственнаго чувства любви къ ближнему, а изъ отвлеченнаго, рационалистическаго понятія о долгѣ. Для стоика центръ тяжести нравственной дѣятельности — личное совершенство, душевное равновѣсіе отдѣльной личности, а не общее благо. Люди только объектъ для упражненій добродѣтели, и стоическая мораль, въ сущности, совершенно равнодушна къ ихъ страданіямъ. По ея ученію, надо содѣйствовать людскому счастью не потому, что это—благо для людей,—стоики не считали счастье даже и за благо,—а потому, что этого требуетъ личное совершенство. Когда стоикъ убѣждаетъ кого-нибудь покончить съ собой, то ему и въ голову не приходитъ мысль объ общественной цѣнѣ жизни, а онъ принимаетъ въ соображеніе только интензивность личныхъ страданій. Если страданія грозятъ нарушить идеаль мудреца, смерть не только позволительна, но и необходима. Такимъ образомъ, по существу стоическая мораль сводится къ разсудочному, холодному и безсердечному эгоизму, и, несмотря на ея сходство съ христіанствомъ въ частностяхъ, она вполне противоположна евангельской нравственности. По ученію Христа, величайшая любовь—отдать жизнь за благо ближняго, для стоика любовь—слабость, жизнь цѣны не имѣетъ и на первомъ планѣ самъ мудрецъ, а не его ближній.

Вступая въ борьбу съ человѣческой природой, стоицизмъ оказывалъ плохую услугу личности и обществу и въ томъ случаѣ, когда одерживалъ побѣду, и въ томъ, когда терпѣлъ пораженіе. Весьма многіе стоики, вполне подчинившіе чувство разуму, обнаруживаютъ такую сухость и такое безсердечіе, что ихъ добродѣтели иногда больше походятъ на нравственные недостатки. Отецъ и мужъ, съ полнымъ равнодушіемъ переносящій смерть

ребенка и жены, гражданинъ, вродѣ Стилпона, котораго совѣтъ не трогаетъ бѣдствія родины, истый философъ, свысока, безъ сочувствія помогающій чужой бѣдѣ,—всѣ эти мудрецы едва ли могутъ быть названы образцово-хорошими людьми. Еще сомнительнѣе результаты стоической проповѣди о самоубійствѣ. Жизнь настолько теряла цѣну, что ее прекращаютъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Нѣкоторые легіонеры Отона покопчили съ собою передъ трупомъ императора изъ благоговѣнія къ подвигамъ умершаго, и такихъ примѣровъ можно привести много. Самоубійство становилось дѣломъ такимъ легкимъ, что грозило подорвать всякую нравственную стойкость.

Но совершенная побѣда стоической доктрины, ея полное проведеніе въ практическую жизнь было явленіемъ далеко не обыкновеннымъ. Для огромнаго большинства ея сторонниковъ это былъ только идеаль, высокій и совершенный, но трудный и недостижимый. Сами учителя добродѣтели весьма часто въ жизни расходились съ своею проповѣдью. Сенека, на примѣръ, краснорѣчивѣйшій изъ стоическихъ проповѣдниковъ, превосходно умеръ, но при жизни не былъ свободенъ отъ корыстолюбія и запятналъ себя лѣстью и раболѣпствомъ, совершенно непристойными для служителя добродѣтели. Между тѣмъ, уваженіе, которымъ пользовались въ обществѣ представители совершеннаго стоицизма, создавало такихъ послѣдователей этого ученія, которые только казались стойками, но не могли жить по стоической доктринѣ. Со вступленіемъ на императорскій престолъ Марка Аврелія, когда наступило настоящее царство философовъ, когда философская мантия открывала путь къ политической карьерѣ, за стойковъ стали выдавать себя всякіе проходимцы и шарлатаны. Особенно много появилось тогда циниковъ, потому что они усвоили себѣ опредѣленный внѣшній видъ, какъ выраженіе принадлежности къ философской школѣ. Но нечесаные волосы, всклокоченная борода, длинные ногти составляли единственное сходство этихъ циниковъ съ ранними философами. Ихъ грязные лохмотья плохо прикрывали ихъ вопіющіе пороки, и непривлекательная внѣшняя форма новаго стойка вполне подходила къ его внутреннему содержанию. Название циникъ скоро сдѣлалось выраженіемъ крайней нравственной распущенности во всѣхъ отношеніяхъ, и общественное уваженіе къ стоицизму уже въ концѣ II вѣка смѣняется глубочайшимъ презрѣніемъ къ его послѣдователямъ. Со стоицизмомъ случилось то же самое, что въ XV столѣтіи съ средневѣковымъ монашествомъ: долговременное подавленіе естественныхъ потребностей человѣческой природы повлекло за собою сильную реакцію. Монахи впадали въ крайности, противоположныя тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляли къ нимъ ихъ обѣтъ; стойки попирали ногами ту самую добродѣтель, за служителей которой они себя выдавали. И у монаховъ, и у стойковъ лишь костюмъ да лицемеріе свидѣтельствовали объ ихъ званіи; поэтому тѣ и другіе вызывали въ обществѣ только презрѣніе и насмѣшку.

Но между средневѣковымъ монашествомъ и древнимъ стоицизмомъ, помимо многихъ другихъ различій, была одна существенная разница. Первое не отри-

цало всякаго чувства, какъ философія Эпиктета, и потому монашество въ лучшую пору своего существованія не только общало загробное блаженство, но и давало счастье на землѣ. Былъ ли способенъ стоицизмъ, отрицавшій бесмертіе, дать хотя бы кому-нибудь, хотя бы по природѣ нравственному человѣку — если не счастливую, то, по крайней мѣрѣ, свободную отъ внутреннихъ страданій и спокойную жизнь? Къ счастью, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ краснорѣчивымъ фактомъ. Маркъ Аврелій, безусловно лучший изъ римскихъ стоиковъ, самъ записалъ свою внутреннюю исторію въ сочиненіи, озаглавленномъ *Къ себѣ самому* (*Tὰ εἰς ἑαυτόν*). Это—записная книга, въ которую императоръ занесъ не внѣшнія событія, а свои мысли и впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, этическую оцѣнку фактовъ своей внутренней жизни. Сочиненіе Марка Аврелія—настоящее зеркало его души, и по своей искренности и духовной красотѣ это одна изъ лучшихъ книгъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. По этому источнику мы и попытаемся составить представленіе о томъ, какъ жилось лучшему изъ стоиковъ и какое вліяніе имѣло на его жизнь то философское ученіе, котораго онъ искренно держался.

Маркъ Аврелій обладалъ по природѣ всѣми тѣми свойствами, которыя облегчаютъ неуклонное исполненіе нравственнаго долга. Это была натура спокойная, свободная отъ сильныхъ страстей, чрезвычайно правдивая, необыкновенно любящая и, въ то же время, склонная къ подвигу и способная къ самопожертвованію. Трудно найти другаго человѣка, который могъ бы представить стоицизмъ въ болѣе благоприятномъ свѣтѣ. Марку Аврелію не трудно было быть добродѣтельнымъ, поэтому онъ былъ свободенъ отъ общаго почти всѣмъ стоикамъ недостатка—нѣсколько презрительнаго отношенія къ людямъ. Большая часть изъ нихъ упорною борьбой достигла своей добродѣтели и потому свысока смотрѣла на остальное человѣчество. Маркъ Аврелій по природѣ былъ неспособенъ къ высокоумію. Съ другой стороны, выдающаяся доброта сердца спасала его отъ сухости стоицизма и придавала даже чуждую этой доктринѣ мягкость и сердечность. Будущій императоръ рано сдѣлался адептомъ ученія Эпиктета. Восемилѣтнимъ мальчикомъ привлекъ онъ къ себѣ вниманіе Адріана; старый императоръ полюбилъ ребенка за его хорошій нравъ и правдивость и приказалъ своему будущему преемнику Антонину усыновить мальчика. Марку Аврелію предстояла широкая дорога, и Антонинъ позаботился дать пріемному сыну блестящее образованіе. Всѣ мѣстныя педагогическія знаменитости обучали мальчика и, кромѣ того, выписали извѣстныхъ учителей съ Востока. Среди нихъ были и ученые, и философы, и риторы, и художники, и музыканты. Маркъ Аврелій учился добросовѣстно, умѣлъ рисовать и настолько хорошо зналъ по-гречески, что на этомъ языкѣ написалъ свою книгу. Но онъ не обнаруживалъ ни любви къ искусству, ни интереса къ наукѣ, за то чувствовалъ необыкновенное влеченіе къ философіи. Между его учителями было много стоиковъ, и одинъ изъ нихъ подарилъ ему книгу Эпиктета. Задумчивый мальчикъ, по натурѣ склонный къ подвигу, быстро усвоилъ стоическое

ученіе и 12 лѣтъ отъ роду на всю жизнь сдѣлался философомъ. Надѣвши философскую мантию, Маркъ Аврелій добросовѣстно исполнялъ всѣ суровыя предписанія стоической морали: все время дня было распределено на различныя упражненія въ добродѣтели, причѣмъ будущій императоръ спалъ на голыхъ доскахъ и, только уступая просьбамъ матери, позволилъ положить на свою постель нѣсколько кожъ. Эти аскетическія упражненія производились съ такимъ усердіемъ, что по временамъ разстраивали слабое здоровье юнаго стойка. Такъ же добросовѣстно старался исполнять онъ философскія требованія относительно нравственной дисциплины, и хотя посѣщалъ всѣ празднества и зрѣлища, какъ этого требовало его положеніе, но не чувствовалъ къ нимъ ни малѣйшаго интереса. Маленькій актеръ исполнялъ свою роль сообразно съ предписаніемъ Эпиктета: не увлекался ею и не обнаруживая къ ней отвращенія. «Даже въ юности,—говоритъ одинъ древній писатель,—ни радость, ни горе не измѣняли его лица». Антонинъ не препятствовалъ философскимъ влеченіямъ своего пріемнаго сына; онъ самъ чувствовалъ склонность къ стоицизму, который пользовался тогда высокимъ уваженіемъ въ обществѣ. Восемнадцати лѣтъ Маркъ Аврелій сталъ наследникомъ престола, а затѣмъ трибуномъ, консуломъ и соправителемъ императора. Онъ исполнялъ лежавшія на немъ обязанности, но оставался философомъ: крайне скромный и простой костюмъ, нерасчесанная борода, сухая, изможденная фигура и утомленные глаза показывали, что стоическія предписанія исполняются съ прежнею неуклонностью.

Такъ прошло 22 года. Марку Аврелію было 40 лѣтъ, когда умеръ его предшественникъ и для него освободился императорскій престолъ. Но предстоявшая карьера не соответствовала его наклонностямъ. Маркъ Аврелій былъ равнодушенъ къ власти и практическая дѣятельность не представляла ничего привлекательнаго для его созерцательной, привыкшей къ самонаблюденію и къ самовоспитанію души. Кромѣ того, будущій императоръ былъ республиканецъ по своимъ убѣжденіямъ. Онъ преклонялся передъ Катонемъ и Брутомъ и заявляетъ въ своей книгѣ, что еще отъ своихъ учителей усвоилъ «идею свободнаго государства, правило котораго—естественное равенство гражданъ и ихъ правъ». Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ власть и, по видимому, безъ колебаній. Стоицизмъ требовалъ неуклоннаго исполненія долга во всякомъ положеніи, и, кромѣ того, Маркъ Аврелій могъ надѣяться и на этомъ посту выполнить свое земное служеніе въ духѣ стоической доктрины. Онъ попытался остаться республиканцемъ и философомъ на императорскомъ престолѣ. Его идеаль—«монархія, которая ставитъ уваженіе къ свободамъ впереди всѣхъ обязанностей», какъ онъ выражается въ своей книгѣ. Новый императоръ искренно считаетъ себя слугою народа, временнымъ распорядителемъ государственными средствами и усердно проводитъ свои принципы въ личную жизнь и въ политическую дѣятельность. При дворѣ нѣтъ излишней роскоши, и повсюду соблюдается самая строгая экономія; императоръ доступенъ каждому и со всѣми одинаковъ въ обращеніи. «Остерегайся цезарствовать,»—говоритъ онъ себѣ въ своей книгѣ и дѣйствитель-

но чувствуетъ отвращеніе къ деспотизму. Сенатъ, единственное учрежденіе, сохранившееся отъ республиканской эпохи, пользуется глубокимъ уваженіемъ Марка Аврелія; находясь въ Римѣ, онъ никогда не пропускалъ его за-сѣданій и только тогда оставлялъ свое мѣсто, когда консуль объявлялъ за-сѣданіе закрытымъ. Свою власть императоръ направляетъ, главнымъ образомъ, на то, чтобы осуществлять гражданское равенство. Аристократическое происхожденіе не имѣетъ въ его глазахъ никакой цѣны, и на государственныя должности онъ назначаетъ только такихъ людей, которые обладали, по его мнѣнію, нужными для этого свойствами, независимо отъ ихъ званія и положенія. Но это республиканство императора не нарушало установившихся политическихъ формъ. Маркъ Аврелій былъ чуждъ фанатическихъ утопій и не имѣлъ склонности къ радикальнымъ реформамъ: отъ этого охранялъ его политическій тактъ, свойственный римлянину, и слабый интересъ къ практической дѣятельности, составлявшій важную черту въ его характерѣ. Поэтому республиканскія симпатіи императора не оставили никакого слѣда въ политическихъ учрежденіяхъ его времени.

Какъ подобааетъ истинному стоику, Маркъ Аврелій, сдѣлавшись императоромъ, хотѣлъ дѣйствовать на подданныхъ такъ, какъ дѣйствовали на отдельныхъ личностей проповѣдники его школы. Онъ стремится, прежде всего, къ ихъ нравственному улучшенію, старается привить имъ добродѣтель, причѣмъ онъ желаетъ дѣйствовать не правительственными мѣрами, которыя имѣютъ принудительный характеръ, а личнымъ вліяніемъ. «Помни,—пишетъ онъ,—что доброта непобѣдима. Что можетъ сдѣлать самый злой человѣкъ въ томъ случаѣ, когда въ отвѣтъ на его стараніе повредить тебѣ ты ему скажешь съ спокойнымъ сердцемъ: нѣтъ, дитя мое, мы рождены для другаго; ты причинишь зло не мнѣ, а себѣ»? Законы и учрежденія, по мнѣнію Марка Аврелія, не могутъ улучшать людей, потому что они дѣйствуютъ только принудительно, только внѣшнимъ образомъ. Болѣе того, насильственно предписывать добродѣтель—безполезное тиранство. «Кто можетъ произвольно измѣнить мнѣнія людей?—пишетъ онъ.—Безъ добровольнаго согласія на это съ ихъ стороны у тебя будутъ только лицемѣры и рабы, стонущіе отъ своего рабства». Императоръ видѣлъ болѣе дѣйствительное средство для этого въ предоставленіи самаго широкаго вліянія въ государствѣ своимъ единомышленникамъ. Въ Римѣ было открыто нѣсколько публичныхъ философскихъ кафедръ на счетъ государства, и философамъ предоставлены были высшія государственныя должности, которыя прежде почти исключительно замѣщались лицами изъ высшей знати. Маркъ Аврелій назначалъ своихъ бывшихъ учителей поочередно консулами, проконсулами, городскими префектами, и всякій стоикъ легко могъ сдѣлать какую угодно карьеру. Наступило настоящее царство философовъ. Съ востока и изъ Греціи прибывали цѣлыя толпы людей, одѣтыхъ въ философскія мантии, но жаждающихъ не добродѣтели, а добычи. Это была первая правительственная ошибка Марка Аврелія, въ которой повинно было его стоическое воспитаніе. Императоръ, занятый исключительно индивидуальной добродѣтелью,

упустил изъ вниманія, что для общественнаго блага нужны были не философы, мало знакомые съ жизнью и презиравшіе ея требованія, а опытные и хорошо подготовленные къ практическому дѣлу люди. Философское правительство было далеко не удовлетворительно и становилось все хуже и хуже по мѣрѣ того, какъ умирали старые учителя Марка Аврелія. Это были послѣдніе стоики, кромѣ императора. Самое движеніе доживало послѣдніе дни и мѣсто философовъ заступали шарлатаны. Противъ правительственной дѣятельности Марка Аврелія все развивалось недовольство, которое, наконецъ, разразилось возстаніемъ. Авидій Кассій, одинъ изъ лучшихъ римскихъ полководцевъ, оказавшій крупную услугу государству усмирениемъ опаснаго возстанія въ Египтѣ, возмутился противъ императора, котораго онъ называлъ «философствующею старухой», и нашелъ нѣкоторое сочувствіе въ Римѣ. Бунтъ былъ усмирень, но Маркъ Аврелій получилъ тяжелый урокъ, который разрушилъ его любимую иллюзію о нравственномъ перевоспитаніи поданныхъ посредствомъ правительственныхъ философовъ. «Какіе жалкіе политики эти маленькіе люди, желающіе управлять дѣлами по принципамъ философіи!—пишетъ онъ въ своей книгѣ. — Это дѣти, которымъ утираютъ носъ платкомъ. Не надѣйся, чтобы когда-нибудь осуществилась республика Платона; пусть будетъ достаточно для тебя хотя немного улучшить положеніе вещей и не смотри на такой результатъ, какъ на успѣхъ незначительной важности». Въ другомъ мѣстѣ императоръ говоритъ еще рѣшительнѣе о невыполнимости той задачи, которую онъ поставилъ себѣ при началѣ управленія. Пораженный современными пороками, онъ пишетъ: «Таковъ порядокъ въ природѣ, люди этого сорта по необходимости должны такъ поступать. Желать, чтобы это было иначе, значить требовать, чтобы финиковая пальма не производила финиковъ». Попытка сдѣлать изъ императорскаго престола орудіе стойческой проповѣди потерпѣла полное крушеніе, и Маркъ Аврелій порѣшилъ быть просто хорошимъ императоромъ. Но и здѣсь стоицизмъ оказалъ ему плохую услугу.

Руководствуясь наставленіемъ Эпиктета, который училъ, что каждый долженъ играть роль, назначенную ему Провидѣніемъ, Маркъ Аврелій добросовѣстно исполнялъ обязанности своего положенія. Онъ не могъ, конечно, отвѣстаться отъ стойческаго міросозерцанія, которое ему представлялось абсолютною истиной, и въ законодательной сферѣ стоицизмъ оказалъ благотворное вліяніе. Въ основу уголовного законодательства былъ положенъ одинъ изъ величайшихъ принциповъ стоической философіи, что наказанію подлежитъ не фактъ, а воля; поэтому мотивы преступленія пріобрѣли важность для его оцѣнки. Кромѣ того, подъ вліяніемъ стоическихъ доктринъ облегченъ положеніе рабовъ. Новый законъ регулировалъ прежде безграничное право господина подвергать раба тѣлесному наказанію и запрещалъ продавать отдѣльно мужа, жену и дѣтей. Маркъ Аврелій ограничилъ также родительскія права, и законъ пересталъ смотрѣть на сына, какъ на вещь. Но и въ этой сферѣ доброе сердце и гуманность императора имѣли, можетъ быть, болѣе сильное вліяніе, чѣмъ его философія. Законы, уменьшавшіе уголов-

ныя наказанія, запрещавшіе жестокости при собираніи налоговъ и, главнымъ образомъ, гуманная забота законодательства о слабыхъ и беззащитныхъ—не въ духѣ суроваго стоицизма, но вполне гармонируютъ съ любящею натурой императора. Дѣти и въ особенности сироты—предметъ особыхъ попеченій Марка Аврелія. Чтобы обезпечить существованіе больному и бѣдному ребенку, создана была особая магистратура. Для воспитанія дѣтей недостаточныхъ родителей еще при Траянѣ были назначены государственные фонды; Маркъ Аврелій усилилъ правительственное содѣйствіе для этой цѣли и на свои личныя средства создавалъ новыя воспитательныя учрежденія. Кроме того, были ограничены злоупотребленія доноса, старались помѣшать клеветѣ. Словомъ, въ области законодательства личныя наклонности императора совпадали съ общественными потребностями и съ предписаніями стоической философіи, и въ этой сферѣ правительственная дѣятельность Марка Аврелія была особенно благотворна.

Совершенно обратное вліяніе имѣлъ стоицизмъ на другія мѣры императора-философа, и въ немъ слѣдуетъ искать объясненія самыхъ крупныхъ ошибокъ Марка Аврелія. Важный недостатокъ стоической философіи, чисто-субъективная оцѣнка нравственнаго долга, съ полною ясностью обнаружился на одной изъ первыхъ мѣръ новаго императора. У него былъ сводный братъ, усыновленный Антониномъ, Люцій Веръ, человекъ совершенно ничтожный и крайне развратный. По смерти стараго императора отъ Марка Аврелія зависѣло, сдѣлать ли этого субъекта соправителемъ, или устранить его отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла. Стоикъ очень хорошо зналъ своего брата, но хотѣлъ быть справедливымъ и поступилъ по ученію своей школы: онъ побѣдилъ отвращеніе къ развратнику, сдѣлалъ его соправителемъ, вполне добросовѣстно, хотя и совершенно бесполезно, проповѣдывалъ ему добродѣтель и терпѣливо выносилъ его пороки. Императору и въ голову не приходило, что его формальная справедливость къ брату—преступленіе противъ государства, которое неповинно страдало отъ дурнаго соправителя. Маркъ Аврелій въ данномъ случаѣ вполне вѣренъ стоицизму: прежде всего, должна торжествовать личная добродѣтель, а ея общественное значеніе не имѣетъ въ его глазахъ никакой важности. Къ счастью, Люцій Веръ скоро умеръ, но императоръ еще разъ повторилъ ту же самую ошибку въ концѣ царствованія. Суровая судьба дала ему сына, представлявшаго полную противоположность отцу во всѣхъ отношеніяхъ. Коммодъ былъ тупой атлетъ, интересовавшійся только физическими упражненіями и отличавшійся крайнею жестокостью. Къ отцу и къ его друзьямъ онъ питалъ глубокое презрѣніе и находилъ себѣ подходящихъ сотоварищей въ самыхъ отверженныхъ подонкахъ общества. Въ концѣ-концовъ, изъ сына Марка Аврелія вышло самое гнусное чудовище. Императоръ хорошо видѣлъ недостатки сына и несомнѣнно избавилъ бы Римъ отъ одного изъ позорнѣйшихъ тирановъ, лишивши его наслѣдства, если бы видѣлъ въ этомъ свой долгъ. Но Маркъ Аврелій былъ стоикъ, и общественное благо не было рѣшающимъ стимуломъ его дѣятельности. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ слу-

чаѣ согласно предписаніямъ своей морали и, прежде всего, заботился о томъ, чтобы отцовское страданіе при видѣ порочнаго сына не нарушило душевнаго равновѣсія, свойственнаго мудрецу. Въ его книгѣ очень много и очень часто говорится о томъ, какъ побѣждать злаго человѣка добротой, какъ, при бесилии исправить негодяя, надо его любить, какъ это дѣлаетъ божество, посылая счастье, богатство, почести также и недостойнымъ людямъ. Онъ всячески старается исправить сына, заставляя его слушать наставленія философовъ и собственныя назиданія, надъ которыми тотъ смѣялся. Личный долгъ, какъ понимали его стоики, былъ исполненъ Маркомъ Авреліемъ безукоризненно, но остался еще долгъ передъ цѣлою имперіей, интересы которой остались незамѣченными въ книгѣ императора.

Вовлекая въ политическія ошибки Марка Аврелія, стоицизмъ требовалъ отъ него неуклоннаго исполненія императорскаго долга, но не только не облегчалъ отправленія этихъ тяжелыхъ обязанностей, а, наоборотъ, отправлялъ императору общественное служеніе. На самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія стоика, все земное, весь внѣшній міръ не имѣетъ никакой цѣны; поэтому нравственный долгъ, который предписываетъ стоицизмъ своимъ послѣдователямъ, имѣетъ значеніе только какъ упражненіе въ добродѣтели; объективные результаты моральной дѣятельности, въ сущности, въ расчетъ не принимаются. По ученію стоиковъ, объективно всѣ добродѣтели одинаковы; разница только въ подвигѣ: тотъ выше, который требуетъ большаго внутренняго напряженія. Вслѣдствіе этого, трудность нравственной дѣятельности не облегчается даже сознаніемъ ея пользы. Для Марка Аврелія подъ старость, по крайней мѣрѣ, объективные результаты моральной дѣятельности совершенно безразличны и даже излишни. Онъ вполне примиряется съ міромъ такимъ, какъ онъ есть, и не желаетъ въ немъ никакихъ перемѣнъ. «Я говорю міру,— пишетъ онъ,— я люблю то, что ты любишь; дай мнѣ то, что ты хочешь, и возьми то, что тебѣ угодно... Все, что тебѣ удобно, удобно и мнѣ. Все исходитъ изъ тебя, все заключается въ тебѣ, все въ тебя возвращается. На сценѣ говорить одинъ актеръ: возлюбленный городъ Кебропса! А ты ужели не воскликнешь: возлюбленный городъ Юпитера!» При такомъ міросозерцаніи благо родины, интересы народа утрачиваютъ всякое значеніе, и тяжелое императорское служеніе не должно было имѣть никакой объективной цѣны въ глазахъ стоика на престолѣ. Дѣйствительно, Маркъ Аврелій съ одинаковымъ настроеніемъ присутствуетъ на жестокихъ представленіяхъ цирка и защищаетъ имперію отъ варваровъ. «Все это,— говоритъ онъ о народныхъ удовольствіяхъ,— кость, брошенная на псарный дворъ, кусокъ хлѣба въ рыбномъ садкѣ. Поэтому присутствуй тамъ съ добротой и безъ оскорбительнаго презрѣнія». Изъ 19 лѣтъ правленія 12 провелъ Маркъ Аврелій за предѣлами Рима, по большей части въ войнѣ съ варварами, и послѣ одной побѣды онъ замѣчаетъ въ своей книгѣ: «Паукъ гордится тѣмъ, что захватилъ муху; иной человѣкъ тѣмъ, что поймалъ зайца, иной—рыбу, иной—вепря, иной тѣмъ, что побѣдилъ сарматъ. Съ точки

зрѣнія принципа всё разбойники». Маркъ Аврелій былъ идеальный актеръ въ духъ Эпиктета.

Извративъ общественное служеніе императора въ бесплодное насиліе надъ его природными наклонностями, стоицизмъ лишалъ его возможности наслаждаться законными послѣдствіями по разумнѣю исполненнаго долга. Народъ цѣнилъ въ императорѣ человѣка и горячо любилъ Марка Аврелія. По словамъ современника, къ его имени не прибавляли титула, а каждый, смотря по возрасту, говорилъ о немъ: Маркъ мой отецъ, Маркъ мой братъ, Маркъ мой сынъ. Его обоготвореніе послѣ смерти произошло само собою. «Чему съ трудомъ вѣрили относительно Ромула,—говорить древній писатель,—то теперь всё единодушно признавали, именно, что Маркъ взятъ на небо», и мы имѣемъ извѣстіе, что болѣе ста лѣтъ спустя послѣ смерти Марка Аврелія еще съ трогательною нѣжностью чтили его память. Но при жизни императоръ-стойкъ употреблялъ всё усилія, чтобы задушить въ себѣ всякое наслажденіе народною любовью и надеждой на славу въ потомствѣ. Вся его книга переполнена рѣзкими выходками противъ этого великаго соблазна для всякаго истиннаго гражданина античнаго міра. «Какъ! ты помѣщаешь свое счастье въ душѣ другихъ людей? — говоритъ онъ, между прочимъ.— Ты хочешь похвалы отъ человѣка, который три раза въ часъ проклинаетъ самого себя?» «Посмотри съ возвышеннаго мѣста на безчисленные стада людей, — шепчетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. — Сколько изъ нихъ не знаютъ твоего имени и сколько тотчасъ его забудутъ? Нѣтъ, слава не стоить нашихъ заботъ... Въ концѣ-концовъ, что такое самое безсмертіе? Суета».

Получая только страданія отъ общественной дѣятельности, Маркъ Аврелій не былъ счастливъ и въ семьѣ. Наслѣдникъ его престола не могъ утѣшать родительскаго сердца, а счастьемъ своей дочери сильный ударъ нанесъ самъ императоръ-стойкъ. Относясь ко всему съ точки зрѣнія своей доктрины, онъ насильно отдалъ ее замужъ за нѣкоего Помпейана, потому что тотъ былъ очень добродѣтеленъ. Но особенно много работы для внутренняго успокоенія въ духѣ стоическаго идеала доставила Марку Аврелію его супруга Фаустина. «Провидѣніе,—говоритъ одинъ изъ новыхъ изслѣдователей,—которое заботится о воспитаніи великихъ душъ, непрерывно работаетъ надъ ихъ усовершенствованіемъ, приготовило ему самое тяжелое изъ испытаній—жену, которая его не понимала». Не слѣдуетъ, однако, слишкомъ строго обвинять императрицу. Сначала она любила своего мужа; но они рѣзко расходились характерами. Юная красавица, обладая пылкимъ темпераментомъ, стремилась къ блеску, къ наслажденію всѣми сторонами жизни,—словомъ, любила все то, что презиралъ императоръ. Совершенно естественно, что мужъ и его стоическіе друзья съ ихъ аскетизмомъ и постоянными проповѣдями о мудрости и добродѣтели скоро надоѣли молодой женщинѣ. О Фаустинѣ стали ходить дурные слухи; правда, въ нихъ главную роль играла клевета; но семейнаго счастья, навѣрное, не было у императора, и ему пришлось обратиться къ философіи. Сердечная доброта и здѣсь помогла возвращенію душевнаго равновѣсія. Маркъ Аврелій всегда называетъ Фаустину «весьма

доброю и весьма вѣрною супругой» и до такой степени убѣдилъ себя въ этой весьма сомнительной истинѣ, что подѣ конецъ жизни благодарилъ Провидѣніе, что оно даровало ему «такую пріятную, такую чувствительную и такую простую жену». Философія побѣдила естественное чувство, но чему стоила эта побѣда? Наконецъ, послѣдній и, можетъ быть, самый сильный источникъ страданій императора было то внутреннее самовоспитаніе, которое предписывалъ стоицизмъ и которое сводилось къ уничтоженію всего того, что могло скрасить тяжелую жизнь стоика на престолѣ. Маркъ Аврелій довелъ до виртуозности борьбу противъ наслажденій и, все-таки, ея непрерывно гложетъ, какъ червь, внутреннее недовольство. Самое незначительное удовольствіе кажется императору столь большимъ зломъ, что борьба съ нимъ онъ приписываетъ чрезмѣрную важность. Онъ любилъ, на примѣръ утромъ, проснувшись, полежать подѣ теплымъ одѣяломъ, и въ его книгѣ мы читаемъ слѣдующую тираду. «Утромъ, когда тебѣ трудно подняться съ постели, ты скажи себѣ: я пробуждаюсь, чтобы исполнять человѣческую службу. Ужели я рожденъ для того, чтобы грѣться подѣ одѣяломъ?... Но это доставляетъ удовольствіе; но развѣ ты рожденъ для удовольствія? Посмотри на художниковъ, которые забываютъ объ ѣдѣ и о снѣ, чтобы совершенствовать свое искусство. А развѣ общественный интересъ кажется тебѣ дѣломъ болѣе незначительнымъ и менѣе достойнымъ твоихъ заботъ?» Маркъ Аврелій нашелъ средство въ корнѣ уничтожить всякое удовольствіе и заносить его въ свою книгу. «Чтобы презирать пѣніе и танцы,—говоритъ онъ,—достаточно раздѣлить ихъ на ихъ элементы. Для музыки, на примѣръ, если ты раздѣлишь лишь каждый аккордъ на звуки и спросишь себя при каждомъ звукѣ: этотъ ли доставляетъ тебѣ удовольствіе, то удовольствіе исчезнетъ. То же самое для танцевъ: раздѣли движеніе на его элементы. Однимъ словомъ, во всемъ, что не составляетъ добродѣтели, раздѣли предметъ на его составныя части, и этимъ дѣленіемъ ты добьешься презрѣнія къ нему. Такого способа дѣйствія держись всю жизнь». Но, несмотря на все эти старанія, несмотря на всю внутреннюю борьбу, Маркъ Аврелій чувствуетъ себя далекимъ отъ стоическаго совершенства. Обращаясь къ своей душѣ, онъ говоритъ: «Будешь ли ты когда-нибудь доброю, простою, отъ всего свободною, болѣе прозрачною, чѣмъ облекающее тебя матеріальное тѣло? Будешь ли ты когда-нибудь удовлетворенною, независимою, безъ всякаго желанія, безъ малѣйшей необходимости въ какомъ бы то ни было живомъ существѣ и совершеннѣе безчувственною къ радостямъ? Когда же не будетъ тебѣ нужды ни во времени, чтобы продолжить удовольствіе, ни въ пространствѣ, ни въ мѣстѣ, ни въ ясномъ небѣ, ни въ пріятномъ климатѣ, ни даже въ согласіи людей между собою?» Маркъ Аврелій былъ слишкомъ человѣкомъ, чтобы изуродовать свою натуру до такого совершенства, тѣмъ не менѣе, онъ заявляетъ въ книгѣ, что не нашелъ счастья «ни въ работѣ мысли, ни въ богатствѣ, ни въ славѣ, ни въ наслажденіяхъ и ни въ чемъ другомъ». Императоръ пришелъ къ убѣжденію, что тѣлесныя удовольствія измѣнчивы, что душевныя радости призрачны, что жизнь сплошная борьба. «Все, что относится

къ тѣлу,—пишетъ онъ,—текучая рѣка; все, что относится къ душѣ, сонъ и дымъ; жизнь—борьба, пребываніе въ чужой землѣ; посмертная слава—забвеніе». Стоицизмъ сдѣлалъ свое дѣло—отравилъ жизнь настоящему праведнику умиравшаго язычества, но онъ не далъ ему душевнаго равновѣсія. Книга Марка Аврелія проникнута меланхоліей, носить на себѣ слѣды спокойнаго, но глубокаго страданія. Постоянное внутреннее противорѣчіе между императорскимъ долгомъ и индивидуальными склонностями, непрерывная борьба со страданіями и радостями внушили отвращеніе къ жизни, но не дали спокойнаго къ ней отношенія. «Довольно этой жалкой жизни, этихъ жалобъ и смѣшныхъ гримасъ!»—воскликаетъ императоръ передъ смертью. Отрицая безсмертіе души, Маркъ Аврелій, тѣмъ не менѣе, съ нетерпѣніемъ ждетъ конца земнаго существованія. «Что же тебя задерживаетъ?—обращается онъ къ смерти.—Когда же, наконецъ, придешь ты?» Умиралъ императоръ—стойкъ превосходно; но каково было ему жить?

И такъ, если философская доктрина, стремившаяся замѣнить религію, поредила общественному служенію самоотверженнаго дѣателя и отравила жизнь природѣ высоко-нравственному человѣку, то она не могла надолго удовлетворить ни общество, ни отдѣльную личность. И дѣйствительно, Маркъ Аврелій былъ послѣднимъ стойкомъ въ Римской имперіи.

VI.

Эпикурейство.—Религія и мораль эпикурейцевъ.—Вліяніе эпикурейства и его недостатки.—Отношеніе эпикурейства къ стоицизму и христіанству.—Лукіанъ Самосатскій.

Параллельно съ стоицизмомъ развивалась въ античномъ обществѣ другая философская доктрина, ученіе Эпикура, съ которымъ римляне познакомились очень рано. По словамъ Цицерона, первое философское сочиненіе на латинскомъ языкѣ было написано эпикурейцемъ Амафаніемъ, и въ первомъ вѣкѣ до нашей эры жилъ самый крупный послѣдователь Эпикура между римлянами, поэтъ Лукрецій, авторъ обширной поэмы «О природѣ вещей». Подобно стоикамъ, эпикурейцы попытались замѣнить религію философіей и удовлетворить всѣ новыя потребности, которыя повлекли за собою паденіе стараго язычества, но и здѣсь, какъ въ стоицизмѣ, эти попытки окончились полною неудачей.

Эпикурейцы гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ стоики, отнеслись къ народнымъ богамъ. Эпикуръ ихъ просто отрицаетъ, а Лукрецій относится къ нимъ съ непримиримою враждой. Боги народной мѣологии, несправедливые, злые, своимъ вмѣшательствомъ въ жизнь не только дѣлаютъ несчастнымъ человѣка, но развращаютъ его и вызываютъ на преступленія. Лукрецій въ живыхъ краскахъ и съ искреннимъ негодованіемъ излагаетъ въ своей поэмѣ извѣстный мифъ, какъ Агамемнонъ, по требованію боговъ, хотѣлъ обагрить ихъ алтари невинною кровью своей дочери, чтобы получить попутный вѣтеръ для своихъ судовъ. «И такого преступленія могла требовать религія!»—воскликаетъ Лукрецій въ концѣ описанія. Вся народ-

ная религія, со всіми ея вѣрованіями и со всіми формами культа, представляется поэту только нелѣпнымъ заблужденіемъ и преступнымъ предразсудкомъ, потому что эти боги, вмѣшивающіеся въ міръ, только печальный продуктъ невѣжественной и, можетъ быть, злобной выдумки. По ученіи эпикурейцевъ, міръ произошелъ изъ случайнаго соединенія отдѣльныхъ атомовъ и управляется собственными законами, независимыми отъ какого бы то ни было божества. Чтобы доказать эту истину, Лукрецій написалъ свою поэму; но не слѣдуетъ думать, что материализмъ привелъ эпикурейцевъ къ отрицанію религіи; дѣло было какъ разъ наоборотъ: ученіе о происхожденіи и сущности міра только аргументъ для оправданія безвѣрія. Эпикурейцы заимствовали это ученіе у Демокрита, а Лукрецій тщательно отыскиваетъ всѣ несовершенства вселенной съ точки зрѣнія человѣка, чтобы показать, что она не могла быть создана благимъ и разумнымъ верховнымъ существомъ. Такое отношеніе къ народной религіи было только выраженіемъ въ философской почвѣ того разочарованія традиціоннымъ язычествомъ, которое овладѣло тогдашнимъ обществомъ въ Греціи и въ Италіи. Только у грековъ Эпикура оно сказалось спокойнымъ отрицаніемъ нестѣснительнаго культа, а у римлянина Лукреція страстнымъ негодованіемъ противъ безсмысленныхъ обрядовъ, которые твердо съѣты опутывали въ Римѣ и общество, и отдѣльную личность. Отрицая боговъ, римскій поэтъ считаетъ себя не только моралистомъ, устранивающимъ вредное вліяніе безнравственной миселогіи, но и освободителемъ челоуѣческаго рода, который придавленъ къ землѣ суровымъ игомъ тяжелой религіи. Ненависть къ религіи является у Лукреція характернымъ выраженіемъ настроенія римлянина, для котораго утратили всякій смыслъ строгія предписанія его предковъ.

Но, отвергая народныхъ боговъ, ни Эпикуръ, ни Лукрецій не были атеистами. У нихъ было чрезвычайно своеобразное богословіе, какого нельзя найти ни въ одной религіи. Въ системѣ Эпикура, гдѣ все сводится къ матеріальному атому, нѣтъ мѣста для божества; но ея основатель не считалъ возможнымъ рѣшительно отвергнуть общую вѣру въ существованіе боговъ, и онъ помѣстилъ ихъ внѣ міра и внѣ всякаго къ нему отношенія. Боги эпикурейцевъ не духи, но и не чистая матерія; у нихъ есть что-то вродѣ тѣла и что-то вродѣ крови; они живутъ гдѣ-то далеко отъ міра, не управляють имъ и не вмѣшиваются въ его дѣла; бессмертные и блаженные, они ведутъ жизнь въ совершенномъ покоѣ, безъ страстей и потребностей, не зная ни гнѣва, ни любви, не нуждаясь ни въ жертвахъ, ни въ молитвахъ. До людей имъ нѣтъ никакого дѣла, какъ и людямъ до нихъ. Человѣкъ можетъ стремиться къ такому блаженству, какимъ они наслаждаются; но боговъ ничѣмъ нельзя заинтересовать въ этомъ стремленіи, къ людямъ они совершенно равнодушны и безучастны. Эпикурейская теологія не имѣетъ ничего общаго съ религіей: это чисто-внѣшняя и совсѣмъ ненужная привѣтка къ философской доктринѣ.

Съ такою же страстью отрицають эпикурейцы загробную жизнь. По ихъ ученію, душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и Лукрецій приводитъ 28 доказаній

зательствъ въ защиту этого мнѣнія. По его взгляду, если душа растетъ и старѣетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, если слабый физически ребенокъ слабъ и разумомъ и у старика вмѣстѣ съ тѣлесными силами приходятъ въ упадокъ и духовныя способности, если здоровая душа бываетъ только въ здоровомъ тѣлѣ, то изъ этого съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что смерть поражаетъ всего человѣка. Въ подтвержденіе смертности души приводится и другая, еще болѣе наивная аргументація. По ученію эпикурейцевъ, душа состоитъ изъ четырехъ элементовъ: теплоты, дыханія, воздуха и четвертаго, которому они не умѣли дать названія. Все это матеріальные атомы, только совершенно круглыя и слабо прилаженные другъ другу, поэтому душа отличается болѣею подвижностью, чѣмъ вода или всякое другое тѣло. Но эта грубая и несладкая психологія не имѣетъ въ глазахъ эпикурейцевъ самостоятельной цѣны; она является только средствомъ уничтожить вѣру въ загробное существованіе. «Только человѣческая суетность,—говоритъ старшій Плиній,—переноситъ себя въ будущее и выдумываетъ себѣ жизнь даже въ царствѣ смерти, то допуская безсмертіе души, то ея преобразование, то существованіе въ подземномъ мірѣ, какъ будто бы человѣкъ живетъ другою жизнью; чѣмъ животное. Гдѣ же это мѣстопробываніе душъ, умершихъ въ теченіе столькихъ столѣтій, и какъ велико ихъ число? Все это только порожденіе вѣтскаго самообольщенія и смертности, стремящейся къ вѣчному существованію. Прочь эту вѣру, которая составляетъ величайшее безуміе!»

Если метафизика Демокрита нужна была эпикурейцамъ только для обоснованія отрицательнаго отношенія къ религіи, то самая религіозная доктрина имѣетъ въ ихъ глазахъ интересъ только по связи съ моралью. Подобно стоицизму, ученіе Эпикура по существу моральная философія. Но въ ея основѣ лежитъ не добродѣтель, какъ у стоиковъ, а счастье или удовольствіе, какъ говорили эпикурейцы. Надъ ходомъ въ садъ, гдѣ училъ Эпикуръ, была надпись: «Прохожіи! Тебѣ хорошо здѣсь остаться; здѣсь высшее благо—удовольствіе». Сущность счастья, по ученію Эпикура, заключается въ квіетизмѣ, въ абсолютномъ душевномъ спокойствіи, въ отсутствіи всякихъ страстей, всякихъ сильныхъ волненій, всякихъ страстныхъ желаній. Эпикурейцы не вступаютъ въ борьбу со всякимъ чувствомъ, какъ стоики; но они ставятъ его только въ должныя границы. Истинный мудрецъ, прежде всего, воздерживается отъ излишнихъ желаній. Эпикурейцы дѣлятъ желанія на три категоріи: во-первыхъ, естественныя и необходимыя, какъ голодъ и жажда; они подлежатъ удовлетворенію, но съ крайнею умѣренностью; во-вторыхъ, естественныя, но не необходимыя, какъ любовь; отъ нихъ лучше всего воздерживаться. Эпикуръ совѣтуетъ не обзаводиться семьей, потому что съ ней ужъ очень много хлопотъ. Лукрецій часто и много говоритъ о любви въ своей поэмѣ; онъ не отрицаетъ совершенно этого чувства, но предостерегаетъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій имъ и даетъ практическія совѣты, какъ избавиться отъ любовныхъ страданій. Съ тонкимъ психологическимъ чутьемъ и съ большимъ художественнымъ талантомъ изображаетъ онъ опасности чрезмѣрной любви; но его совѣты по этому поводу не отличаются философскою глубиной и

возвышенностью. По мнѣнію Лукреція, не слѣдуетъ идеализировать любимыя существа и даже долго сосредоточивать свое чувство на одномъ и томъ же предметѣ: непостоянство, по ученію эпикурейца, вѣрное средство отъ чрезмѣрной привязанности, опасной для мудреца. При оцѣнкѣ этого взгляда слѣдуетъ забывать, что семья—одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ античной культуры, потому что женщина была существо безправное и, что еще важнѣе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишенное всякаго образованія. Наконецъ, третья категорія желаній не вытекаетъ изъ требованій природы и не обуславливается необходимостью; они происходятъ только отъ воображенія и отъ нихъ слѣдуетъ безусловно воздерживаться. Сюда относятся эпикурейцы, прежде всего, честолюбіе, которое они считаютъ главнымъ, если единственнымъ стимуломъ къ общественной дѣятельности. Лукрецій, жившій еще въ республиканскую эпоху, относится съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ политикѣ. «Гораздо лучше,—пишетъ онъ,—спокойно повиноваться, чѣмъ стремиться къ управленію республикой и къ обладанію царствами; поэтомъ предоставь обливаться кровавымъ потомъ тѣмъ, которые борются на узкомъ пути честолюбія». Политическій дѣятель, энергично и неутомимо добивающійся у народа власти, напоминаетъ Лукрецію Сизифа, который, по народному вѣрованію, вѣчно вкатываетъ на гору постоянно сваливающуюся туда скалу. Полный политическій индифферентизмъ составляетъ идеальнѣе эпикурейскаго поэта, и онъ краснорѣчиво изображаетъ удовольствіе равнодушно смотрѣть съ высоты своей философіи на жестокую борьбу политическихъ партій и на ея страждущихъ участниковъ. «Когда вѣтры на открытомъ морскомъ бурно поднимаютъ его поверхность, то съ берега приятно смотрѣть на великій трудъ моряка»,—говоритъ поэтъ, но спокойное созерцаніе политической борьбы ему еще пріятнѣе.

Кромѣ умѣренности въ наслажденіяхъ и воздержанія отъ излишествъ истинный мудрецъ, по эпикурейскому ученію, долженъ быть свободенъ отъ страха передъ богами, передъ загробною жизнью и передъ смертью. Первые цѣли сравнительно легко достигаются невѣріемъ, но умереть тяжело не только потому, что страшно царство Аида. Эпикурейцы хорошо понимали это и съ усердіемъ стойковъ, хотя и другими пріемами, старались избавить человѣка отъ страха къ смерти, составляющаго важное препятствіе для спокойнаго счастья. Чтобы облегчить смерть, они не пытаются обезбѣжить жизнь, какъ стойки; наоборотъ, исходя изъ того положенія, что цѣль жизни—наслажденіе, они доказываютъ, что и смерть не страданіе. «Все хорошее и все дурное заключается только въ чувствѣ,—говоритъ Эпикуръ,—смерть есть ничто иное, какъ освобожденіе отъ чувства». Лукрецій сравниваетъ смерть съ покойнымъ сномъ и заставляетъ природу произнести длинную и краснорѣчивую рѣчь въ защиту смерти, причемъ вся аргументація сводится къ двумъ положеніямъ: если для человѣка жизнь пиршество, то смерть пріятный отдыхъ; если же на его долю не выпало наслажденій или старость притупила его воспримчивость, то смерть естественное успокоеніе. Изъ этого взгляда совершенно логично вытекаетъ проповѣдь самоубійства.

избѣжанія страданія, и Эпикуръ совѣтуетъ своимъ ученикамъ тщательно обдумать, «лучше ли, чтобы смерть къ нимъ пришла или чтобы они къ смерти». Эпикурейцы въ этомъ случаѣ вполне сходятся съ стоиками, только первые убивали себя во имя счастья, а вторые—во имя добродѣтели.

Хотя мы знаемъ на римской почвѣ только одного философа-писателя въ эпикурейскомъ духѣ, тѣмъ не менѣе, это ученіе имѣло широкое распространеніе въ римскомъ обществѣ конца республики и начала имперіи. Философія Эпикура находила себѣ послѣдователей преимущественно среди такихъ людей, которые утратили вѣру въ народныхъ боговъ и не чувствовали склонности къ стоическимъ добродѣтелямъ. Она дѣйствовала тѣми сторонами, которыя особенно рѣзко отличали ее отъ стоицизма, и двѣ черты въ характерѣ тогдашняго общества преимущественно содѣйствовали ея успѣху: страсть къ наслажденію у худшихъ его представителей и политическій индифферентизмъ, заразившій и лучшихъ людей того времени. Стоики проповѣдывали слѣпое служеніе добродѣтели, которая являлась какимъ-то Молохомъ, неизвѣстно почему требовавшимъ суровыхъ жертвъ; ученіе эпикурейцевъ ставило цѣлью жизни счастье, и эта цѣль была понятна всякому, хотя всякій понималъ ее по-своему. Лучшіе люди хотѣли достигнуть ее тѣми же стоическими добродѣтелями, только въ смягченномъ видѣ; поэтому стоикъ Сенека чувствовалъ большую симпатію къ Эпикуру и называлъ его «героемъ, переодѣтымъ женщиной». Большинство прикрывало эпикурейскою философіею свою нравственную распущенность, ставя подъ ея авторитетъ самыя низменныя наслажденія. Съ другой стороны, совѣты Эпикура удаляться отъ политической дѣятельности, служили философскимъ оправданіемъ упадка политическихъ интересовъ и облегчали необходимое служеніе цезарямъ, которое по временамъ бывало очень тяжело, а иногда и постыдно. Но на продолжительный и прочный успѣхъ эпикурейская философія имѣла еще менѣе шансовъ, чѣмъ стоицизмъ, потому что она не обладала ни однимъ его достоинствомъ и, раздѣляя почти всѣ его недостатки, дополняла ихъ своими собственными.

Прежде всего, въ такую эпоху вѣры, какъ первыя столѣтія послѣ Р. X., ученіе эпикурейцевъ о божествѣ звучало особенно злою насмѣшкой надъ религиознымъ чувствомъ. На что нужны были эти совершенно бесполезныя и ко всему равнодушныя боги? Для внутренней жизни человѣка и для его міросозерцанія такая религія ничѣмъ не отличалась отъ атеизма. Далѣе, эпикурейцы глубоко заблуждались, думая, что ученіе о загробномъ существованіи отравляетъ людямъ земную жизнь. Правда, та его форма, которую знало греко-римское язычество, была крайне неутѣшительна, потому что мѣстопробываніе душъ представлялось царствомъ мрака, одинаково тяжелымъ и для героя, и для ничтожности. Это ученіе и было одною изъ важнѣйшихъ причинъ паденія національной религіи; но простаго его отрицанія не было достаточно для успѣха философскаго суррогата религіи. Общество желало тогда не только отрицанія печальнаго ученія о царствѣ Аида, оно стремилось къ утѣшительной надеждѣ на болѣе справедливую загробную участь, что и было одною изъ причинъ торжества восточныхъ культовъ

надъ греко-римскою религіей. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о загробной жизни эпикурейцы далеко не давали полного удовлетворенія общественнымъ потребностямъ.

Также слабо было и этическое ученіе Эпикура. Во-первыхъ, индивидуализмъ его морали носить уже совершенно эгоистическій характеръ. У стоиковъ нравственность тоже эгоистична; но тамъ эгоизмъ смягчался требованіемъ службы обществу, хотя ради личнаго совершенства, а не общественного блага. Эпикурейцы—эгоисты чистой воды. Служеніе родинѣ или человѣчеству не только не входитъ въ ихъ моральную программу, а, наоборотъ, считается даже неподходящимъ для мудреца. Съ ихъ точки зрѣнія, активная любовь къ ближнему не можетъ служить источникомъ наслажденія, и стихи Лукреція о томъ, какъ пріятно съ берега смотрѣть на опасную и тяжелую борьбу человѣка съ бушующимъ моремъ, производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Эпикурейцы были до такой степени равнодушны ко всякой общественной дѣятельности, что воздерживались даже отъ публичной пропаганды своей доктрины, и изъ ихъ среды не вышло ничего подобнаго стоическимъ духовникамъ и проповѣдникамъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Эпикура стояло въ рѣзкомъ противорѣчій съ національнымъ римскимъ характеромъ. Плутархъ рассказываетъ, что во время борьбы съ Пирромъ, когда его посолье Кинеасъ изложилъ Фабрицію эпикурейскую доктрину, римскій полководецъ обратился къ богамъ съ молитвой, чтобы Пирръ и самниты, пока они враги Рима, держались этихъ ученій. Стоицизмъ для пропаганды могъ опираться на національныхъ героевъ, которые безъ философіи обладали стоическими добродѣтелями; ученіе Эпикура было глубоко антипатично всѣмъ тѣмъ, въ комъ сохранились слѣды древне-римскихъ доблестей.

Другой коренной недостатокъ эпикурейской морали заключался въ чрезвычайной легкости ея искаженія. Понятіе объ удовольствіи крайне шатко и не имѣетъ никакого опредѣленнаго содержанія; высшее благо каждый понималъ по-своему: Эпикуръ и Лукрецій видѣли его въ воздержаніи, а философъ Метродоръ признавалъ за благо только то, что имѣетъ отношеніе къ желудку. Поэтому эпикурейцами считали себя люди самаго различнаго поведенія, начиная отъ «переодѣтаго героя» Эпикура и кончая самымъ обыкновеннымъ развратникомъ. Особенно доктрина искажалась на римской почвѣ. Цицеронъ остроумно и правдоподобно рассказываетъ, какъ сдѣлался эпикурейцемъ Пизонъ, извѣстный своимъ грабительствомъ въ Македоніи. Онъ уже давно страдалъ отъ пресыщенія всякими наслажденіями и обратился за исцѣленіемъ къ философу изъ грековъ, который началъ излагать ему ученіе Эпикура. «Пизонъ никогда не слыхалъ изъ устъ философа столь абсолютной похвалы удовольствію, котораго онъ болѣе не испытывалъ,— рассказываетъ Цицеронъ. — Онъ чувствовалъ, какъ пробуждаются всѣ его аппетиты, и порѣшилъ, что нашелъ въ философѣ не наставника добродѣтели, а учителя распущенности. Грекъ хотѣлъ было разъяснить ему истинный смыслъ доктрины, но Пизонъ схватился за то, что онъ слышалъ, и не

желалъ никакихъ измѣненій: «Это хорошо,— говорилъ онъ,— я подписываюсь подъ этимъ и вполнѣ къ этому присоединяюсь. Превосходно говорить твой Эпикуръ!» Грекъ, человѣкъ ловкій и любезный, не хотѣлъ отстаивать своего мнѣнія противъ сенатора римскаго народа». Эпикурейцевъ вродѣ Пизона было много и они-то превращали школу въ хлѣвъ, какъ выражается одинъ древній писатель.

Въ томъ же направленіи дѣйствовало ученіе Эпикура и на политическую нравственность. Между эпикурейцами не было ни одного дѣятеля, котораго можно было бы поставить на ряду съ героями стоицизма времени имперіи. Болѣе другихъ подходилъ къ нимъ эпикуреецъ Петроній, жившій при дворѣ Нерона. Любитель и знатокъ самыхъ утонченныхъ наслажденій, «судья изящнаго вкуса», какъ его называли, Петроній былъ душой и изобрѣтателемъ всякихъ придворныхъ удовольствій. Это безцѣнное для Нерона свойство, вмѣстѣ съ очаровательными манерами ловкаго придворнаго, доставили Петронію благосклонность императора и государственныя должности. Но дворцовая интрига лишила его милостей тирана, и эпикуреецъ рѣшился на самоубійство. Перерѣзавъ кровеносные сосуды, онъ перевязалъ ихъ такъ, чтобы можно было по произволу ускорять и замедлять смерть. Затѣмъ, создавъ друзей, онъ не велъ съ ними философскихъ бесѣдъ, а разговаривалъ о новыхъ пѣсенкахъ и ходившихъ по рукамъ эпиграммахъ и умеръ за веселымъ пиромъ. Петроній былъ лучший изъ придворныхъ эпикурейцевъ, потому что обладалъ сравнительно крупною натурой; другіе просто раболѣпствовали и предавались вульгарному распутству. Совершенно естественно, что философія Эпикура весьма рано стала считаться школой личныхъ пороковъ и политической безнравственности.

Непригодность эпикурейской морали для жизни лучше всего обнаружилась на самихъ эпикурейцахъ, потому что, стремясь къ счастью и къ наслажденію, они достигали какъ разъ противоположнаго. Міросозерцаніе даже лучшихъ послѣдователей Эпикура, какъ Лукрецій, проникнуто пессимизмомъ. Міръ, съ ихъ точки зрѣнія, случайное и далеко не совершенное соединеніе матеріальныхъ атомовъ, простая машина, которая все портится со временемъ и вскорѣ должна разрушиться окончательно. Въ поэмѣ Лукреція эта мрачная картина постепеннаго вырожденія вселенной и постепеннаго ея приближенія къ полному разрушенію нарисована вполнѣ живо и очень искренно. Видно, что эта мысль глубоко захватываетъ душу автора. Среди совокупности разрушающихся атомовъ поставленъ человѣкъ, тоже машина, только чувствующая и потому легко доступная страданію. Доказывая, что въ природѣ и у ея предполагаемаго творца нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ благодати къ человѣку, Лукрецій старается показать въ своей поэмѣ, какъ жалокъ и какъ слабъ этотъ несчастный вѣнецъ творенія сравнительно съ могучими звѣрями. Таковую же печальную картину представляетъ для эпикурейца и общество. Онъ видитъ тамъ только борьбу честолюбій, хаосъ личныхъ страстей. Право, родина, общее благо,— все это пустые звуки, лишеныя всякой привлекательности для настоящаго послѣдователя Эпикура. Остаются

личные наслаждения, то самое «высшее благо», которое царило въ саду основателя школы; но и они сводятся къ воздержанію, т.-е. борьбѣ съ самимъ собою. Истинная любовь, семейное счастье опасны для эпикурейца; къ наукѣ и даже къ краснорѣчію онъ равнодушенъ, и его личные идеалы напоминаютъ одному изъ новыхъ изслѣдователей монастырь, но монастырь безъ религіи, т.-е. лишенный единственнаго утѣшенія. Болѣе того, цѣль стремленій истиннаго послѣдователя Эпикура — апатія, т.-е. полное равнодушіе ко всему, какъ единственное условіе абсолютнаго спокойствія. Эпикурецъ во имя своего философскаго удовольствія уничтожалъ въ себѣ всякіе интересы, т.-е. подрывалъ существенную основу счастья. Что же удивительнаго, если въ результатѣ получалось равнодушіе къ жизни и лучшіе ученики Эпикура предпочитали, по совѣту учителя, не дожидаться смерти, а идти къ ней на встрѣчу? Есть извѣстіе, что Лукрецій покончилъ самоубійствомъ, и такой исходъ—весьма частое явленіе въ эпикурейской школѣ. Къ такому же результату приходили вульгарные послѣдователи Эпикура, которые искали счастья въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Обратная сторона удовольствія—пресыщеніе, которое наступаетъ весьма скоро, если сдѣлать погоню за наслажденіемъ цѣлью жизни. Эпикурейцы постоянно подвергались этой болѣзни и часто лечились отъ нея добровольною смертію. Сохранилось извѣстіе о нѣкоемъ Гегезіи, принадлежавшемъ къ киренской школѣ, которая также ставила удовольствіе единственною цѣлью жизни. Гегезія называли «ораторомъ смерти», потому что его ученики убивали себя массами, вслѣдствіе чего власти сочли необходимымъ изгнать философа изъ Александріи, гдѣ находилась его школа. Такимъ образомъ, ученіе Эпикура въ окончательномъ результатѣ совпадало съ стоицизмомъ: оно вело къ страданію и къ добровольной смерти. Совершенно естественно, что обѣ философскія школы не могли имѣть прочнаго успѣха въ обществѣ, потому что люди хотятъ жить и избѣгаютъ страданій.

Не будучи въ состояніи дать удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ современнаго общества, ученіе Эпикура, подобно стоицизму, подготовляло пути новой религіи, которой предстояло побѣдить міръ; но его вліяніе было чисто-отрицательное. Въ то время, какъ стоицизмъ воспитывалъ нравственныя потребности общества, не будучи въ состояніи дать имъ полное удовлетвореніе, эпикурейская философія наносила тяжелые удары язычеству, подвергая открытому осмѣянію его боговъ, вызывая презрѣніе къ его ученіямъ, и такимъ образомъ расчищала пути христіанству. Эта критическая работа велась особенно успѣшно скептицизмомъ, развившимся на эпикурейской почвѣ, а первое мѣсто между скептиками безусловно принадлежитъ Лукіану Самосатскому.

Лукіанъ, грекъ по происхожденію, родился около половины II вѣка нашей эры въ городѣ Самосатѣ на берегу Евфрата. Родители отдали его учиться скульптурѣ; но, не сдѣлавшись художникомъ, Лукіанъ началъ заниматься адвокатурой въ Антіохіи, а затѣмъ, не удовлетворившись этою профессіей, посвятилъ себя изученію риторики и въ качествѣ странствующаго

шаго оратора посѣтилъ Грецію, Италію и Галлію и приобрѣлъ своимъ искусствомъ широкую извѣстность и хорошія средства. Для знаменитости это было очень выгодное ремесло. Подобно современнымъ артистамъ, страстующіе ораторы, или софисты, какъ ихъ тогда называли, прибывши въ какой-нибудь городъ, устраивали публичное чтеніе или диспутъ, которые такъ же посѣщались, какъ концерты и представленія современныхъ знаменитостей артистическаго міра. Обезпечивши себѣ матеріальныя средства, Лукіанъ вернулся въ Грецію и поселился въ Аѳинахъ, а затѣмъ получилъ видную должность въ Египтѣ и умеръ въ глубокой старости. По характеру своихъ занятій и по образу жизни Лукіанъ долженъ былъ хорошо знать современныя ему общественныя теченія и дѣйствительно принадлежалъ къ числу наиболѣе разносторонне образованныхъ людей своего времени. Настоящему ритору необходимо было знакомство съ философскими школами; чтобы дѣйствовать на слушателей, онъ долженъ былъ понимать ихъ настроеніе, симпатіи и антипатіи. Лукіанъ вполне стоялъ на высотѣ этой задачи: онъ зналъ всѣ современныя ему философскія доктрины, понималъ всѣ религіозныя стремленія, но ко всему относился съ уничтожающею насмѣшкой. Сорока лѣтъ началъ онъ свою литературную дѣятельность и сразу обнаружилъ блестящій литературный талантъ и показалъ себя первокласснымъ сатирикомъ. Его произведенія представляютъ собою или характерныя портреты современниковъ, или діалоги, гдѣ собесѣдниками являются боги и философы. Авторъ повсюду обнаруживаетъ тонкую наблюдательность, превосходное знаніе жизни и замѣчательное умѣнье выставить на видъ ея смѣшныя стороны. Его сатира поражаетъ тонкостью и тактомъ. Онъ свободенъ отъ грубаго шаржа, не пишетъ пародій, которыя способны извратить смыслъ какаго угодно сюжета; въ его произведеніяхъ только рельефно подчеркнуты нелѣпыя противорѣчія и смѣшныя абсурды въ тогдашней религіи и философіи. Сатиры Лукіана—живое изображеніе дѣйствительной жизни и дѣйствительныхъ вѣрованій; только въ нихъ выставлены на первый планъ незамѣтныя для толпы несообразности износившейся религіи и неспособной къ жизни философіи, а также шарлатанство ихъ новѣйшихъ представителей.

Въ цѣломъ рядѣ *Диалоговъ боговъ* Лукіанъ осмѣиваетъ греческую религію. Это небольшія сценки, сюжетъ которыхъ всегда заимствованъ изъ мифологіи. Такъ, наприм., даже въ искусствѣ воспроизводился иногда мифъ о рожденіи Аѳины изъ головы Зевса, именно тотъ моментъ, когда Гефестъ разрубаетъ топоромъ голову царя боговъ и людей. Лукіанъ воспроизводитъ разговоръ съ Гефестомъ передъ рожденіемъ Аѳины, и головныя боли Юпитера, и недоумѣніе непривычнаго хирурга передъ необыкновенною операцией производятъ чрезвычайно комичное впечатлѣніе. Рядъ такихъ сценокъ, гдѣ фигурируютъ почти всѣ боги, гдѣ съ необычайнымъ остроуміемъ воспроизведены всѣ ихъ нелѣпыя и безнравственные поступки, служившіе, однако, предметомъ религіозной вѣры, сильнѣе подрывали религію, чѣмъ самыя ожесточенныя нападки философовъ. Сдѣлать смѣшною религію, не

прибѣгая къ пародіи и пользуясь для ея осмѣянія только ея же ученіемъ,—самый убійственный приѣмъ въ борьбѣ противъ вѣры, а Лукіанъ превосходно владѣлъ этимъ оружіемъ. Въ драматическомъ этюдѣ, озаглавленномъ *Собраніе боговъ*, Лукіанъ даетъ живое и наглядное изображеніе той путаницы, которую внесла въ греко-римскую религію теократія, помѣстившая на Олимпѣ цѣлую массу варварскихъ боговъ. Собраніе созвано, чтобы обсудить вопросъ объ этихъ пришельцахъ, и богъ Момусъ, сынъ Ночи, олицетвореніе насмѣшки, произноситъ рѣчь противъ новыхъ боговъ. Онъ начинается съ Діониса. По его мнѣнію, это не настоящій богъ, а на половину человѣкъ, даже не греческаго происхожденія, потому что его мать, Семела, внучка нѣкоего Кадма—«сиро-финикійскаго купца». Кромѣ того, по своимъ внутреннимъ свойствамъ, Вакхъ не годится для Олимпа, онъ крайне изнѣженъ, всегда не въ своемъ видѣ и отъ него пахнетъ виномъ съ самаго дня рожденія. Наконецъ, что самое печальное, онъ привелъ съ собою Пана, Селена и цѣлую толпу сатировъ—существа совсѣмъ не похожія на боговъ. У Пана рога, козлиныя ноги и такая же борода; Селень—лидіецъ, лысый и отвратительный старикъ; сатиры—фригійцы съ рогами и хвостами. «Что же удивительнаго,—спрашиваетъ Момусъ,—что люди, видя столь чудовищныхъ и смѣшныхъ боговъ, чувствуютъ къ намъ презрѣніе?» По просьбѣ Зевса, Момусъ оставляетъ въ покоѣ Геркулеса и нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ боговъ, но рѣзко упрекаетъ его самого за веселыя похожденія на землѣ то въ образѣ быка, когда онъ похитилъ Европу, то въ видѣ золотого дождя, когда онъ плѣнялъ Данаю. «Когда ты дѣлаешься быкомъ,—говоритъ Момусъ,—мы всегда дрожимъ, какъ бы тебя не схватили для жертвоприношенія; когда ты превращаешься въ золото, мы боимся, какъ бы тебя не расплавилъ ремесленникъ и какъ бы вмѣсто Зевса у насъ не оказалось ожерелье или браслетъ, или серьги». Но особенно плохо то, что поведеніе царя боговъ развращаетъ Олимпъ. Примѣру Зевса слѣдуютъ другіе боги и даже богини, и въ число небожителей попадаетъ ихъ многочисленное потомство, совершенно недостойное этого званія. Затѣмъ Момусъ переходитъ къ восточнымъ богамъ. «Откуда пріѣхали къ намъ сюда этотъ Атисъ, Корибантъ, Сабакій?—спрашиваетъ онъ.—Кто этотъ мидіецъ Митра, въ персидскомъ одѣяніи и съ тіарой на головѣ? Онъ не знаетъ ни слова по-гречески и не понимаетъ даже, когда съ нимъ здороваешься... Все это можно бы было еще терпѣть, боги. Но кто ты, собачья голова, египтянинъ, завернутый въ салфетку? Какимъ образомъ ты, мой другъ, съ своимъ лаемъ претендуешь быть богомъ? Что нужно этому пестрому быку изъ Мемфиса? А ему воздаютъ божескія почести, у него есть оракулъ и жрецы. Мнѣ стыдно говорить о васъ, ибисы, обезьяны, козлы и тысячи другихъ болѣе смѣшныхъ боговъ, которыми наводнили небо египтяне. Я удивляюсь, о боги, какъ вы можете терпѣть, чтобы имъ воздавали такія же, если не большія почести, какъ и вамъ! Какъ можешь ты, Зевсъ, выносить бараныя рога, которые приставляютъ тебѣ ко лбу на изображеніяхъ?» На слова Юпитера, что это только символъ, который объясняется

въ мистеріяхъ, Момусъ насмѣшливо замѣчаетъ, что «дѣйствительно необходимо быть посвященнымъ въ мистерію, чтобы узнать, что боги есть боги, а собачьи головы—собачьи головы», и переходить къ другой бѣдѣ, которая угрожаетъ Олимпу. Нѣкоторые тупоумные философы проповѣдуютъ какую-то добродѣтель, говорятъ о природѣ, о судьбѣ, о fortunѣ. «Я охотно спросилъ бы тебя, Юпитерь,—говоритъ Момусъ,—видѣлъ ли ты когда-нибудь добродѣтель, или природу, или судьбу? Все это, конечно, пустыя, лишеныя смысла слова, неудачная выдумка мнимыхъ мудрецовъ, тѣмъ не менѣе, недалекіе люди, наслушавшись такихъ бредней, перестаютъ приносить жертвы, потому что воля боговъ безсильна противъ судьбы». Рѣчь Момуса произвела впечатлѣніе и боги приняли составленный имъ декретъ съ цѣлью положить конецъ злоупотребленіямъ. Такъ какъ масса иноземцевъ превратила Олимпъ въ безпорядочную и многочисленную толпу разнокалиберныхъ существъ и начинаетъ уже чувствоваться нѣкоторый недостатокъ въ амброзіи и нектарѣ, то боги постановили составить комиссію для провѣрки полномочій всѣхъ этихъ пришельцевъ и отнять право небеснаго гражданства у тѣхъ, кто не представитъ достаточныхъ доказательствъ.

Собрание боговъ—превосходный образецъ сатиры Лукіана противъ современнаго ему язычества. Авторъ ничего не измѣняетъ въ ходячихъ представленіяхъ, нисколько ихъ не извращаетъ; онъ просто сопоставляетъ хаосъ современныхъ вѣрованій въ драматической картинѣ и получается злая карикатура, наглядное изображеніе вопіющихъ нелѣпостей и противорѣчій. Но Лукіанъ не останавливается на этомъ: въ цѣломъ рядѣ діалоговъ онъ изображаетъ въ такой же рельефной формѣ логическое противорѣчіе языческихъ ученій, нелѣпость понятія о провидѣніи въ примѣненіи къ Зевсу и неспособность старой вѣры устоять передъ философскою критикою. Такъ, въ діалогѣ, озаглавленномъ *Сбитый съ толку Зевсъ*, циникъ, получивши отъ царя боговъ подтвержденіе справедливости ученія о судьбѣ, доказываетъ ему, что въ такомъ случаѣ боги не нужны, оракулы излишни, а наказаніе за гробомъ несправедливо, потому что человекъ—слѣпое орудіе судьбы. Въ діалогѣ *Икармениттъ* Лукіанъ въ комическомъ видѣ изображаетъ затруднительное положеніе Зевса, которому приходится управлять въ качествѣ провидѣнія всѣмъ, что дѣлается на землѣ, а въ то же время нужно соснуть и пообѣдать. Въ драматическихъ сценахъ: *Зевсъ въ трагическомъ положеніи* изображенъ совѣтъ боговъ по поводу спора двухъ философовъ, стоика, который ихъ защищаетъ, и эпикурейца, который оспариваетъ ихъ силу и значеніе. Стоикъ слабѣе противника, и, чтобы спасти своего защитника, Зевсъ послалъ ночь и, такимъ образомъ, отсрочилъ его пораженіе. Между тѣмъ, Олимпъ въ страшной тревогѣ; споръ завтра возобновится, и если эпикуреецъ побѣдитъ, боги лишатся всѣхъ почестей. Чтобы устранить какъ-нибудь бѣду, Зевсъ рѣшилъ посоветоваться съ другими богами, и Лукіанъ съ неподражаемымъ комизмомъ изображаетъ этотъ совѣтъ. Дѣло слѣпное, между тѣмъ и созвать боговъ крайне трудно, потому что большинство совсѣмъ не понимаетъ по-гречески. Кромѣ того, между богами начинается споръ изъ-

за мѣсть: восточные боги требуютъ первенства, потому что они сдѣланы изъ чистаго золота, тогда какъ греческіе изъ мрамора или изъ бронзы. Наконецъ, началось засѣданіе, но испуганные и безсильные олимпійцы говорятъ очевидныя несообразности. Въ это время имъ доносятъ, что споръ возобновился; все собраніе внимательно слѣдитъ за философскимъ состязаніемъ, и когда побѣда начинаетъ склоняться на сторону эпикурейца, боги не могутъ придумать ничего другаго, какъ только молиться за своего защитника.

Но, отвергая съ беспощадною рѣзкостью все стадіи язычества, начиная съ чистой формы національной религіи и кончая тѣмъ смѣшеніемъ всѣхъ культовъ, которое характеризуетъ первыя столѣтія нашей эры, Лукіанъ также относится и къ философіи. Въ цѣломъ рядѣ діалоговъ онъ осмѣиваетъ все философскія школы вмѣстѣ съ ихъ основателями и современными представителями. Чтобы составить себѣ представленіе объ отношеніи Лукіана къ философамъ, достаточно одного отрывка изъ діалога *Икароменитъ* «Существуетъ, — говоритъ онъ тамъ, — родъ людей, который съ нѣкотораго времени выплываетъ на поверхность общества, порода лѣнивая, сварливая, суетная, раздражительная, сластолюбивая, эксцентричная, напыщенная, наменная, «безполезное бремя земли», какъ говоритъ Гомеръ. Эти люди, разбившись на различныя группы, изобрѣли безчисленное множество лабиринтовъ словъ и называются стоиками, академиками, эпикурейцами, перипатетиками и другими еще болѣе смѣшными именами... Они презираютъ всѣхъ людей, измышляютъ всякій вздоръ о богахъ, окружаютъ себя молодыми людьми, которыхъ легко дурачить, декламируютъ трагическимъ тономъ общіе мѣста о добродѣтели и преподаютъ искусство бесплодныхъ разсужденій. Вотъ что такое философія, по мнѣнію Лукіана: лабиринтъ словъ, безсодержательная декламация, бесплодное умствованіе. Сократъ и Пифагоръ въ его глазахъ по существу ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ шарлатановъ, которые выдаютъ себя за ихъ послѣдователей. Въ сценѣ *Аукціонъ школъ* его сатира переходитъ въ настоящее издѣвательство надъ самыми почтенными именами въ исторіи философіи.

Это беспощадное отрицаніе язычества и основанной на немъ философіи производило сильное впечатлѣніе. Тѣ язычники, у которыхъ сохранились слѣды вѣры или уваженіе къ философіи, чувствовали глубокое отвращеніе къ Лукіану. Сохранились старыя рукописи его сочиненій, гдѣ языческій читатель, не будучи въ состояніи сдержать негодованіе, написалъ на поляхъ манускрипта: «Проклятый Лукіанъ, нечестивый, отвратительный насмѣшникъ!» Иначе относились къ нему ранніе христіане: чтеніе его сочиненій и запрещалось вѣрующимъ, хотя ихъ сюжетъ не отличался нравственною наидѣвательностью и хотя авторъ дѣлаетъ иногда рѣзкія выходки также и противъ христіанства. Такое отношеніе къ Лукіану христіанъ совершенно понятно: онъ дѣйствовалъ на читателя только критикой отжившаго и не увлекалъ его какимъ-либо положительнымъ идеаломъ, потому что ихъ не было у него самого. Лукіана сравниваютъ иногда съ Вольтеромъ; но французскій

писатель боролся за вѣротерпимость въ религіи, за свободу въ политикѣ, за равенство всѣхъ передъ общимъ закономъ въ социальныхъ отношеніяхъ. Лукіанъ только отрицатель. Въ религіи онъ атеистъ въ полномъ смыслѣ этого слова: мифологія для него—нелѣпая басня, культъ—смѣшной абсурдъ, загробныя муки—дѣтская сказка. Но онъ отрицаетъ религію не во имя философской доктрины, какъ эпикурейцы: философія для него наука о пустякахъ, этика—праздная выдумка. Никакой нравственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что люди—игрушка слѣпаго случая, а въ человѣческихъ стремленіяхъ и вообще въ жизни нѣтъ никакого смысла. Вся нравственность сводится къ искусству жить безъ заботъ и безъ страданій. «Всегда и во всемъ держись только одного,—говоритъ Лукіанъ:—хорошо пользуйся настоящимъ, со смѣхомъ проходи мимо всего и не привязывайся серьезно ни къ чему». Такимъ отрицателямъ нечего проповѣдывать; ихъ историческая заслуга заключается только въ отрицаніи отжившаго; общественными вождями они быть не могутъ, потому что общество не можетъ жить однимъ отрицаніемъ.

М. Корелинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Кольцова.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ русская литература правила поминку объ одномъ изъ величайшихъ своихъ дѣятелей—поэтѣ Лермонтовѣ. Наступилъ срокъ почтить память другого дѣятеля—поэта Кольцова, умершаго 19 октября 1842 года, т.-е. ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Ничего общаго нельзя найти ни между личностями этихъ замѣчательныхъ людей, ни между произведеніями этихъ замѣчательныхъ поэтовъ, и чувство, которое вызывается въ насъ представленіемъ объ ихъ печальной судьбѣ, въ обоихъ случаяхъ одно и то же. Это не только чувство естественной грусти, возникающей въ насъ при воспоминаніи о близкихъ людяхъ (великіе писатели всѣмъ намъ близкіе люди), это, кромѣ того, чувство какого-то тяжелаго самообвиненія, это какъ будто запоздалое раскаяніе въ чемъ-то, это отравленная горечь сознанія какой-то непоправимой бѣды, совершенной нашими собственными руками. Напрасно разсудокъ утѣряетъ насъ, что мы не можемъ нести никакой отвѣтственности за судьбы людей, погибшихъ прежде нашего появленія на свѣтъ. Есть въ человѣкѣ нѣчто болѣе сильное, свѣтлое и чуткое, нежели ариѳметическая логика, и вотъ почему горькимъ упрекомъ звучатъ для насъ хотя бы, наприм., эти въ теченіе подувѣка не остывшія, горячія жалобы:

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма—судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;
Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;
Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.
Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!

Это не обычныя слезливыя причитанья какого - нибудь неудачника, не умѣвшаго справиться съ неблагопріятными обстоятельствами по собственному слабосилію,—это даже не жалоба въ точномъ смыслѣ,—это какое-то тяжелое раздумье человѣка, который хочетъ жить, но которому нечѣмъ жить. Тотъ же мотивъ, съ неменьшею силой и задумчивостію, выраженъ въ стихотвореніи *Перепутье*:

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужь шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!
Что-жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли, состарѣться?

Всякій человѣкъ, до конца исполнившій свое земное назначеніе, естественно приходитъ къ сознанію, что ему уже «шагу ступить некуда», кромѣ того послѣдняго шага, котораго никто не минуетъ. Но когда такое раздумье овладѣваетъ человѣкомъ въ тридцать лѣтъ отъ роду, и, притомъ, человѣкомъ избраннымъ, «отмѣченнымъ божественнымъ перстомъ», въ пору едва наступившей зрѣлости огромнаго и оригинальнаго таланта, тогда... тогда мы, общество, не можемъ не чувствовать нѣкоторой неловкости и даже, прямо сказать, стыда за себя, за условія своей жизни, за пути своей исторіи, за жертвы нашего равнодушія и нашего непониманія.

Изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ только Шевченко и, быть можетъ, Полежаевъ превосходятъ Кольцова трагичностью своей судьбы. Но въ то время, какъ первые два поэта были искалѣчены ударомъ грома, который, какъ это можно во всякомъ случаѣ не безъ правдоподобія доказывать, былъ ими же самими и вызванъ, Кольцовъ медленно, шагъ за шагомъ, увязалъ въ болотѣ, приготовленномъ для него фатумомъ. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Кольцовъ Бѣлинскому изъ Воронежа: «Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какъ она лишь можетъ быть, не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что-жъ дѣлать? Буду жить, пока живется, работать, пока работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую сколько могу; буду биться до конца-края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду — мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и предъ самимъ собою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ 1838 году написалъ такъ много порядочнаго, это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а, во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. А здѣсь кругомъ меня другой народъ—татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣла—беремья: стройка дома, судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счеты, расчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу? — для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю

одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ, дескать писакѣ-то и крылья ошибить... Это часто меня смѣшитъ, когда какой-нибудь чу-дакъ пѣтушится».

Самый подозрительный глазъ не замѣтитъ въ этихъ изліяніяхъ ничего напускнаго. Наоборотъ, въ нихъ замѣтна извѣстная сдержанность, которая вообще была въ характерѣ Кольцова, замѣтно желаніе скорѣе прикрасить свое положеніе, нежели рисоваться его безвыходностью. Не до *смѣху*, конечно, было Кольцову, когда ему *ошибали крылья*... Не для позы и не для фразы ставилъ себѣ Кольцовъ вопросъ: «для чего пишу?»—самый страшный вопросъ, какой только можетъ возникнуть передъ истиннымъ, призваннымъ писателемъ. Это дѣлалось съ тою *правдою простоты*, которую Левъ Толстой подмѣтилъ въ чистокровномъ русскомъ человѣкѣ вообще и какимъ Кольцовъ былъ по преимуществу. Онъ не становился ни на какія ходули, не интересничалъ, не топорщился во что бы то ни стало «презирать» такъ называемую житейскую прозу. Наоборотъ, негодуя на провинціальныхъ «татаръ», «жидовъ» и «подлецовъ», съ которыми, вѣдь, и дѣйствительно никакого терпѣнія не хватить, онъ, въ то же время, ни мало не сторонился отъ дѣйствительности, не уклонялся отъ ея требованій. Такъ, онъ писалъ Бѣлинскому о своей домашней жизни: «Материализмъ дрянной, гадкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ ведаютъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою». Какъ видите, этотъ поэтъ совсѣмъ не походилъ на тѣхъ поэтовъ, которые изображались въ произведеніяхъ Кукольника и Полеваго и которые, какъ это и слѣдовало заправскому поэту, по мнѣнію тогдашняго общества, были до того идеальны, до того идеальны, что не знали, изъ чего булки пекутся. Замѣтнимъ мимоходомъ, что эта прозаическая практичность Кольцова очень вредила въ свое время его поэтической репутаціи въ глазахъ тѣхъ людей, которые по платью встрѣчаютъ, да по платью же и провожаютъ, потому что кромѣ платья и не видятъ ничего.

Эта практичность, эта русская дѣловая смекалка, выражалась у Кольцова иногда въ очень рѣзкихъ формахъ, доходила прямо-таки до кулачества и до жестокости. Мы не только безъ колебанія подчеркиваемъ эту его черту, не опасаясь сколько-нибудь затемнить его привлекательный образъ, но подчеркиваемъ даже съ удовольствіемъ, потому что видимъ въ ней черту ярко типическую, національно-народную. Дѣло извѣстное, простой даровитый русскій человѣкъ въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ или кулакъ, т.-е. беспощадный и хитрый воинъ жизни, или подвижникъ, т.-е. монахъ жизни, вѣрующій чистосердечно и несокрушимо. Хоръ Тургенева былъ несомнѣнный кулакъ, Калинычъ его же былъ несомнѣнный подвижникъ, а некрасовскій Власть былъ въ разные періоды своей жизни и тѣмъ, и другимъ, несколько не измѣнившись въ своей психологической сущности, которая состоитъ въ жаждѣ вѣры и способности къ ней, а лишь измѣнилъ объектъ своей вѣры: сначала онъ вѣровалъ въ землю и ея утѣхи, во власть ту-

той мощны и съ полною послѣдовательностью «бралъ съ родного, бралъ съ убогаго», затѣмъ увѣровалъ въ небо и съ тою же фанатическою рѣшительностью пошелъ—«весь въ веригахъ, обувь бѣдная, на груди икона бѣдная»—собирать на Божій храмъ. Такіе переломы совершаются въ чело-вѣкѣ или въ видѣ крутой нравственной катастрофы, подъ вліяніемъ какого-нибудь мгновеннаго удара, или медленнымъ путемъ нравственнаго очищенія, посредствомъ постепеннаго умственнаго развитія.

Кольцовъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы предаться аскетизму, и слишкомъ умственно неразвѣтъ, чтобы возвыситься до сознательнаго альтруизма. Принявши во вниманіе эти два факта, мы уже безъ особаго смущенія протѣмъ у Бѣлинскаго, наприм., такого рода рассказъ, взятый, очевидно, со словъ самого Кольцова: «Разъ, въ степи, одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на траги-комедію и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозревая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена. Только по возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удалцомъ, требовавшимъ разсчета. При этомъ разсчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а, можетъ быть, и въ томъ, что не удалось ему его выполнить...» Разказавши эту исторію, Бѣлинскій простодушно восклицаетъ: «Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностью!» Но на насъ эта исторія и въ особенности глухо разказанный конецъ ея производятъ приблизительно такое же впечатлѣніе, какъ и мрачный заключительный аккордъ *Хуторка*:

И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ,
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ...

Немного сказано, но слишкомъ многое предоставлено вашей собственной догадливости. *Очень домо* продолжавшійся рассчетъ, заставившій работника *пожалеть*, что онъ не привелъ своего замысла въ исполненіе,—не нужно быть слишкомъ мнительнымъ человѣкомъ, чтобы почувать тутъ нѣчто очень тяжелое и мрачное...

Какъ видите, это было не «геттингенская», а закаленная въ суровой борьбѣ душа. Кольцовъ былъ плоть отъ плоти и кость отъ костей народа, выдавашаго всякіе виды, испытаннаго всякими несчастіями до того, что естественная гуманность представляется ему почти сантиментализмомъ. Если Кольцовъ по праву тяготился и даже задыхался въ окружающей его средѣ, то, главнымъ, образомъ вслѣдствіе умственной, идейной разладицы съ нею.

Обращаясь отъ личности Кольцова къ его поэзии, прежде всего, спрашиваешь себя: какимъ образомъ этотъ буквально *малоработный* человекъ успѣлъ неизгладимо отчеканить свое имя на скрижаляхъ литературы, рядомъ съ именами нашихъ лучшихъ умственныхъ просвѣтителей? А совершенно такимъ же, какимъ другой нашъ писатель, хотя лучше Кольцова образованный, но столь же мало идейный, успѣлъ заслужить своими очень, казалось бы, нехитрыми басенками и рукотворный, и нерукотворный памятникъ: силою непосредственнаго огромнаго таланта, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, тою полнотою народнаго духа, которая можетъ выразиться въ отдельной избранной личности. Ни Кольцовъ, ни Крыловъ не оставили послѣ себя никакихъ литературныхъ школъ, и это понятно: можно подражать таланту, учиться у таланта, но нельзя подражать натурѣ, нельзя учиться душевному складу. Если въ басняхъ Крылова мы находимъ русскій лукавый юморъ, русское смышленное себѣ на умѣ, русскій практическій здравый смыслъ, то какую сторону народнаго духа представилъ своею поэзіей Кольцовъ? На этотъ счетъ мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство нашего современника, достаточно доказавшаго свою компетентность въ вопросахъ народной психологіи: мы говоримъ о Глѣбѣ Успенскомъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своей *Власти земли*: «Поэзія земледѣльческаго труда—не пустое слово. Въ русской литературѣ есть писатель, котораго невозможно иначе назвать, какъ поэтомъ земледѣльческаго труда исключительно. Это—Кольцовъ. *Никто*, не исключая и самого Пушкина, не трогалъ *такихъ* поэтическихъ струнъ народнаго души, народнаго міросозерцанія, воспитаннаго исключительно въ условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола. Спрашиваемъ, что могло бы вдохновить хотя бы и Пушкина при видѣ пахущаго пашню мужика, его клячи и сохи? Пушкинъ, какъ человекъ иного круга, могъ бы только скорбѣть, какъ это и было, объ этомъ труженикѣ, «влачащемся по браздамъ», объ ярмѣ, которое онъ несетъ, и т. д. Придетъ ли ему въ голову, что этотъ, кое-какъ, въ отрешья одѣтый рабъ, влачащійся по браздамъ, босикомъ бредущій за своею кляченой, чтобы онъ могъ чувствовать въ минуту этого тяжкаго труда что-либо кромѣ сознанія его тяжести? А мужикъ, изображаемый Кольцовымъ, хотя и влачится по браздамъ, хоть и босикомъ плетется за клячей, находитъ возможнымъ говорить этой клячѣ такія рѣчи: «Весело (!) на пашнѣ, я самъ—*другъ съ тобою*, слуга и хозяинъ. Весело (!) я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. *Весело* гляжу я на гумно (что-жь тутъ можетъ быть веселаго для насъ съ вами, читатель?), на скирды, молочу и вѣю. Ну, тащися сивка!...» Припомнимъ еще поистинѣ великолѣпное стихотвореніе того же Кольцова *Урожай*, гдѣ и природа, и міросозерцаніе человека, стоящаго съ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое». Если не вся, то безъ сравненія важнѣйшая сторона кольцовской поэзіи исчерпана этою характеристикой до дна. Да, Кольцовъ былъ идиалликомъ земледѣльца и его труда, выразилъ въ своей поэзии внутреннюю идею этого труда, какъ по-

стоянное содержаніе духовной жизни народа. Эта жизнь слагается изъ многихъ и разнообразныхъ элементовъ, но въ ряду ихъ трудовой элементъ занимаетъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ. Кольцовъ съумѣлъ это сдѣлать съ такою задушевностью и правдой, которыя могли быть достигнуты только путемъ полного сліянія въ этомъ отношеніи личности поэта съ колоссальною личностью народа. За всѣмъ тѣмъ, въ поэзіи Кольцова нѣтъ и тѣни слащавой идеализаціи: онъ радуется съ народомъ при радости, при «урожаѣ», но онъ и горюетъ при горѣ и умѣетъ выразить это горе, по-жалуй, еще лучше, чѣмъ радость,—съ тѣмъ чувствомъ полугрустной насмѣшки надъ собою и надъ своею неудачей, которое такъ свойственно русскому человѣку:

Къ старикамъ на сходку
 Выйти приневолять,—
 Старые лаптишки
 Безъ онучъ обуешь.
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду ескосматншь,
Штанку нахлобучишь,
 Тихомолкомъ станешь
 За чужія плечи...
 Пусть не видятъ люди
 Прожитова счастья!

Послѣдніе два стиха преисполнены безконечной грусти, но, въ то же время, сколько юмора въ этомъ изображеніи кафтанишки рваного, старыхъ лаптишекъ и т. д.! Что же это, какъ не всероссійское завиваніе горя веревочкой? Возьмите какую-нибудь другую стихію народнаго духа, нашу, наприм., извѣстную безразсудную удалъ, и вы опять-таки найдете у Кольцова наилучшее, самое естественное поэтическое выраженіе ея:

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
 Траву колыхаетъ,
 Путь, мою дорогу,
 Пылью покрываетъ.
 Выходи-жь ты, туча,
 Съ страшною грозой,
 Обойми свѣтъ бѣлый,
 Закрой темнотою.
 Молодецъ удалый
 Соловьемъ засвищетъ,
 Безъ пути, безъ свѣта,
 Свою долю сыщеть.

Хотите ли вы проникнуть въ тайники русскаго сердца, пораженнаго на смерть, охваченнаго грустью безъ малѣйшаго просвѣта какою бы то ни было надежды, прочувствуйте эту покорную жалобу:

Безъ ума, безъ разума,
 Меня замужъ выдали,
 Золотой вѣкъ дѣвичій
 Силой укоротали и пр.

Будучи, главнымъ образомъ, именно идиллическимъ земледѣльческимъ бытомъ, Кольцовъ, въ то же время, умѣлъ затрогивать и другія струны и во всѣхъ случаяхъ оставался вѣренъ себѣ, своему глубоко-народному духу.

Точно такимъ же оставался Кольцовъ и въ своихъ *Думахъ*, далеко не столь популярныхъ, какъ его пѣсни. По своему теоретическому развитію, Кольцовъ, повторяемъ, только немногимъ превосходилъ высшій уровень крестьянскаго развитія. Его литературные друзья заботились объ его развитіи и, страннымъ образомъ, намѣревались даже посвятить его въ тайны гегелевской философіи, но практической умъ Кольцова плохо усваивалъ вовсе и ненужныя ему діалектическія хитросплетенія, и простодушный прасоловъ писалъ одному изъ своихъ наставниковъ, чуть ли не самому Бѣлинскому: «субъектъ и объектъ я еще понимаю, а абсолюта ни крошечки». Но если Кольцовъ не понималъ абсолюта въ метафизическихъ опредѣленіяхъ, онъ тѣмъ сильнѣе и упорнѣе размышлялъ о немъ, и его *Думы*—выраженіе этихъ размышленій. Когда сильный и пытливый, но неопытный и неразвитый умъ обращается къ основнымъ вопросамъ бытія, онъ, прежде всего, поражается идеей безконечности и дивною гармоніей мірозданія. Такъ было и съ Кольцовымъ:

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...

Это пока только выраженіе безпредѣльнаго восхищенія и изумленія—первый шагъ пробудившейся мысли. Далѣе,

Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ провидѣнью:
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій.

Тайна, конечно, остается не раскрытой, на вопросы не находится отвѣтовъ и дѣло кончается или мистицизмомъ, зачастую очень вычурнымъ и всегда бесплоднымъ, или свѣтлою резиньяціей, какъ у Кольцова:

О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
*Тяжеле мнѣ думы,
Сладостна молитва!*

Все это совершенно въ русскомъ и именно въ простонародномъ русскомъ духѣ. Если бы Некрасовскій Власъ умѣлъ выражать свои смутныя мысли литературнымъ языкомъ, онъ сказалъ бы то же самое, что мы находимъ въ *Думахъ* Кольцова.

Этими немногими, но главными штрихами мы и ограничимся. Мы не имѣли въ виду подробно характеризовать личность и поэзію Кольцова, да въ этомъ нѣтъ и надобности послѣ въ высшей степени блестящей статьи

объ этомъ Бѣлинскаго. Но мы тѣмъ съ большею горячностью пользуемся случаемъ напомнить читателю о Кольцовѣ и о его поэтическихъ образахъ, что это особенно кстати именно теперь, въ печальные дни, переживаемые нами. Когда обстоятельства, хотя бы случайныя и преходящія, но поражающія воображеніе, готовы какъ будто настолько омрачить насъ, что въ насъ замолкаетъ голосъ самой справедливости,—той элементарной справедливости, которая не вмѣняетъ невмѣняемымъ, отпускаетъ невѣдающимъ что творять,—тогда полезно и отрадно еще и еще разъ выслушать поэта о его излюбленномъ труженикѣ-героѣ. И если читатель, возстановивши въ своемъ сознаніи привлекательный и кроткій образъ кольцовскаго «поселянина», умиротворится душою и обратитъ свое негодованіе въ другую сторону,—на самого себя, наприм.,—память нашего народнаго поэта будетъ этимъ почтена достойнымъ ея образомъ.

М. П.

Подходный налог *).

Стараніе распредѣлить налоги въ зависимости отъ имущественнаго положенія плательщиковъ приводило неоднократно къ формѣ личнаго налога известной подъ именемъ классной подати, при которой высота обложенія становилась въ зависимость отъ принадлежности лица къ тому или иному сословію или классу. Этотъ налогъ или вводилъ для каждаго отдѣльнаго класса отдѣльную, прочно установленную норму, или же различалъ по внѣшнимъ признакамъ нѣсколько главныхъ классовъ и устанавливалъ для каждаго изъ нихъ нѣсколько нормъ, предоставивъ соображенію податныхъ учреждений заносить каждаго плательщика въ одну изъ предусмотрѣнныхъ его классомъ нормъ, соотвѣтственно его платежной способности, поскольку таковая выяснялась изъ всего его хозяйственнаго положенія.

Если классная подать должна удовлетворяться приблизительною оценкою имущественныхъ средствъ плательщиковъ, то подходный налогъ, который медленно развился въ этомъ столѣтіи путемъ преобразованій въ политической и социальной области, стремится привлечь къ общественнымъ тяготѣмъ каждаго въ возможно точномъ соотношеніи къ его платежнымъ силамъ и принимаетъ поэтому величину доходовъ масштабомъ обложенія. Объектъ подходнаго налога—чистый ежегодный доходъ плательщика.

Цѣль подходнаго налога въ различныхъ государствахъ различна и въ основѣ зависитъ отъ формы и развитія другихъ налоговъ. Мы даемъ по этому для каждой изъ главныхъ европейскихъ странъ отдѣльный краткій очеркъ подходнаго налога, предоставляя себѣ въ заключеніи дать сравнительный обзоръ существующихъ видовъ подходнаго налога.

Надобно замѣтить, что подходный налогъ является не только въ видѣ государственнаго налога, но также и въ видѣ общиннаго. Здѣсь рѣчь будетъ идти лишь о государственномъ подходномъ налогѣ.

*) *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 1891. „Die Einkommensteuer in Grossbritannien“. Elliot.—„Die E. in Deutschland“. O. Gerlach.—„Die Oesterreichische E.“. Lesigang.—„Die E. in Italien“. W. Burkhard.—„E. in der Schweiz“. Z. Elster).

I.

А н г л и я .

Налоги, называемые теперь въ Англии Income tax, представляющіе пѣльную стройную систему налоговъ на вытекающіе изъ различныхъ источниковъ доходы, составляютъ важное послѣдствіе стремленій привлечь каждаго, соотвѣтственно его доходамъ, къ участию въ государственныхъ расходахъ. Въ прежнія времена часто старались осуществить на практикѣ ученіе, по которому платежныя способности должны быть мѣрою податныхъ обязанностей, пока, наконецъ, въ 1805 г. не удалось неудачныя попытки въ этомъ направленіи увѣнчать планомѣрною системою.

Въ теченіе англосаксонскаго и норманскаго періода поземельная собственность составляла естественный объектъ обложенія. Налогами такого рода были такъ называемые «датскія деньги» (Dänpengeld). Быстрый ростъ движимой и личной собственности не могъ, между тѣмъ, долго оставаться скрытымъ, и вслѣдъ за послѣдовавшимъ упраздненіемъ феодальнаго порядка, какъ эквивалентъ за *Sentagium* (охранныя деньги), которыя платили обязанные службой господину, была введена съ городскихъ и сельскихъ, но не обязанныхъ военною службой арендаторовъ подать, *Tallagium*. Взиманіе податей вызвало на этой почвѣ такія затрудненія, что съ 1334 до 1623 г. каждая городская община отягощена была опредѣленною суммой, причѣмъ замѣною «пятнадцатой» и «десятой» должны были служить тѣ суммы, которыя въ предшествующемъ году фактически были получены, въ то время, какъ распредѣленіе суммы предоставлялось каждому изъ мѣстныхъ учреждений. Другой видъ имущественнаго налога, извѣстный подъ именемъ субсидіи и отягощавшій владѣльцевъ недвижимаго имущества въ такой же степени, какъ движимаго, во время Тюдоровъ получилъ полное развитіе. Его мѣсто заступила во времена республики система «мѣсячныхъ сборовъ». Сообразно этому, отъ каждаго графства и отъ нѣкоторыхъ причисленныхъ къ нимъ *Cities* и *Towns* были установлены платежныя доли, которыя затѣмъ по однообразному процентному обложенію взимались съ ренты или съ годового дохода отъ недвижимаго имущества, точно также какъ и съ принятаго годового личнаго дохода. Этотъ порядокъ подробнаго исчисленія окладовъ, платимыхъ отдѣльными мѣстными округами, былъ опять отмѣненъ въ 1692 г. и установлена такса высотой 4 шил. съ ф. ст., причѣмъ былъ удержанъ почти тотъ же принципъ, который служилъ при взиманіи мѣсячныхъ сборовъ.

Эта попытка, съ помощію до извѣстной степени автоматически функционирующіхъ учреждений, установить единообразіе между отдѣльными мѣстными округами не удалась, однако, опять; съ 1697 года съ различныхъ графствъ и городовъ снова были затребованы оклады въ видѣ опредѣленной суммы и въ слѣдующемъ году принято было точное распредѣленіе ихъ. Такъ продолжалось до 1697 г. Хотя въ это время было установлено номинальное обложеніе отъ 1, 2, 3 и 4 шил. съ ф. ст. годового дохода съ по-

земельной собственности, со всѣхъ общественныхъ должностей и съ каждаго приносящаго доходъ занятія, въ дѣйствительности же дѣло шло о вѣщественности 1, 2, 3 и 4 третей взимаемой въ 1697 г. отъ каждаго мѣстнаго округа суммы, распределение и взимание которой лежало тогда на мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Двѣ замѣченныя черты характеризуютъ исторію этихъ продолжающихся съ 1334 до 1798 г. попытокъ обложенія доходовъ. Съ одной стороны, правительство показало себя не выросшимъ до того, чтобы быть въ силѣ организовать правильное привлеченіе плательщиковъ. Пришлось удовлетвориться установленіемъ для каждаго мѣстнаго округа оклада, который обыкновенно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ оставался неизмѣннымъ, не смотря на происходившія въ этихъ округахъ перемѣны. Съ другой стороны, органы самоуправленія, обязанные уплачивать правительству опредѣленную сумму, не предпринимали никакихъ серьезныхъ попытокъ обложить равномерно всѣ виды собственности и дохода, и большая часть ихъ довольствовалась взиманіемъ требуемыхъ суммъ самымъ примитивнымъ способомъ, т.-е. исключительно обложеніемъ недвижимой собственности. Движимая собственность, точно также какъ и доходъ фактически оставались свободными отъ обложенія, хотя именно эти категоріи въ теченіе указываемаго періода и подверглись необычайному росту.

Въ 1798 г. Питтъ рѣшилъ превратить земельный налогъ въ прочный неизмѣнный институтъ, предоставивъ, въ то же время, собственникамъ право выкупа подати. Въ слѣдующемъ году онъ ввелъ новую подать на всѣ доходы съ имущества и труда, въ 10% при доходахъ отъ 200 и болѣе фунт. ст., въ меньшихъ размѣрахъ для доходовъ отъ 60 до 200 фунт.

Friendly Societies и благотворительныя учрежденія были изъяты отъ обложенія. Лицамъ, достигавшимъ окладной цифры дохода, давались различныя льготы: при большомъ числѣ дѣтей, при издержкахъ на улучшеніе домовъ и жилищъ, на ежегодные проценты по долгамъ, на преміи на страхованію жизни, какъ и на подати земельныя и на подати, падающія на предметы роскоши. Каждый плательщикъ вписывалъ на предъявляемому формулярѣ подъ 19-ю различными рубриками сумму своего дохода одновременно съ вычетами, на которые онъ высказывалъ претензію. Съ этого момента показаніе подлежало проверкѣ комиссаровъ, назначаемыхъ для этой цѣли каждымъ округомъ самоуправленія. Между тѣмъ, предупрежденное оштрафованіемъ прежнихъ лѣтъ, правительство, для защиты своихъ интересовъ, назначало особенныхъ, отвѣтственныхъ передъ нимъ чиновниковъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ могли назначать наказаніе въ видѣ увеличенія налога.

Въ дѣйствительности этотъ налогъ, отмѣненный, впрочемъ, послѣ Английскаго мира (1802 г.), приносилъ гораздо менѣе тѣхъ 7.500,000 ф. ст. которые ожидалось по смѣтѣ. Доходъ въ 1799 г. простирался только до 4 милл. ф. и въ 1801 г. упалъ до 5.600,000 ф., такъ что этотъ налогъ можно назвать почти неудавшимся. Причины этой неудачи отыскать не трудно. Требованіе подробно указать свой доходъ по отдѣльнымъ его источникамъ

камъ встрѣчало противодѣйствіе плательщика, и такъ какъ онъ, кромѣ того, едва ли и былъ въ состояніи исполнить это требованіе, то, съ другой стороны, комиссары и не могли вынудить отъ него точнаго показанія. Кромѣ того, при составленіи описей крупныхъ доходныхъ статей изъ различныхъ источниковъ не было, конечно, недостатка въ пробѣлахъ, имѣвшихъ результатомъ значительное пониженіе суммы, такъ что собственно не было надобности въ умышленныхъ уменьшеніяхъ дохода. Чтобы устранить это, Аддингтонъ, установившій налогъ снова послѣ возобновленія войны (1803 г.), отказался отъ подробной описи доходовъ по источникамъ и требовалъ особыхъ объясненій только для нѣкоторыхъ видовъ дохода. Сумма налога установлена была въ 5% съ дохода въ 150 и болѣе ф., въ то время, какъ для меньшихъ доходовъ, до минимальной границы въ 60 ф., установлено было соотвѣтствующее меньшее обложеніе. Въ 1805 г. общая сумма обложенія была увеличена на $\frac{1}{4}$; въ слѣдующемъ году увеличеніе дошло до 10%. Лордъ Генри Петти ввелъ дальнѣйшія важныя измѣненія. Изданный тогда актъ предлагаетъ, въ сущности, основанія нынѣшнихъ законовъ о подходномъ налогѣ. Minimum обложенія съ 60 ф. спустился до 50 и выключалъ поденную рабочую плату; льготы, которыя Аддингтонъ, слѣдуя своему предшественнику Питту, предоставилъ главамъ семействъ, имѣющимъ болѣе двухъ дѣтей, а также льготы при строительныхъ работахъ были прекращены; наконецъ, съ процентовъ по общественнымъ долгамъ дѣлался вычетъ налога при уплатѣ ихъ, чѣмъ владѣлецъ ренты освобождался отъ дальнѣйшаго обложенія. Эти измѣненія вытекаютъ изъ полнаго знанія фактовъ, что финансовый доходъ и добровольное принятіе налоговъ, прежде всего, зависятъ отъ того, чтобы число дѣлаемыхъ каждымъ плательщикомъ показаній было по возможности ограничено.

Характеру и особенностямъ различныхъ источниковъ дохода удѣлялось теперь больше вниманія, и смѣло можно утверждать, что этому принципу, также какъ и привлеченію наемныхъ государственныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ ненаемными комиссарами самоуправления, Англія обязана тѣмъ, что подходный налогъ впоследствии такъ успѣшно привился и вообще сталъ прочною и важною составною частью британской системы налоговъ. На почвѣ, созданной лордомъ Генри Петти, подходный налогъ удержался до 1815 г., когда заключеніе мира облегчило его отиѣну. Тогда онъ давалъ чистаго дохода до 14.545,000 ф. ст.

Только въ 1842 г. Робертъ Пиль, въ интересахъ именно проведенія своей важной тарифной реформы, задумалъ возобновить этотъ налогъ. Такъ какъ относящійся сюда парламентскій актъ 1842 г. въ главныхъ частяхъ имѣетъ силу и понынѣ, то здѣсь можно удѣлить мѣсто указанію важнѣйшихъ его положеній.

Въ цѣляхъ обложенія различаются 5 видовъ дохода, которые, въ свою очередь, въ особыхъ рубрикахъ (Schedules) опредѣляются подробнѣе. Первый отдѣлъ, *Schedula A.*, касается земель и домовъ, соотвѣтственно ихъ годовому доходу; этотъ послѣдній опредѣляется въ размѣрѣ прибыли, которую

можетъ давать собственность, арендуемая на законныхъ и обычныхъ условіяхъ. Доходъ исчисляется податнымъ комиссаромъ округа, въ которомъ находится владѣніе, хотя на основаніи указаній и разъясненій самихъ собственниковъ имущества. Собственникамъ предоставляется при уплатѣ и арендныхъ денегъ и проч. соотвѣтственную сумму налога удерживать въ цѣляхъ огражденія себя отъ убытковъ. Тоже самое относится и къ землѣ владѣльцамъ при уплатѣ ими процентовъ по залогамъ, которые уменьшаютъ ихъ доходъ. Слѣдующій примѣръ можетъ разъяснить сказанное. А собственникъ дома, отдалъ его въ наймы Б. за ежегодную плату въ 80 ф. Домъ отягощенъ 4% займомъ на сумму 500 ф. и служитъ обезпеченіемъ уплаты для В. вмѣстѣ съ тѣмъ, А. платитъ Г., на землѣ котораго стоитъ домъ, ежегодную ренту въ размѣрѣ 5 ф. По мнѣнію комиссара, домъ, цѣнность котораго со времени отдачи его въ наемъ возросла, приноситъ доходъ 100 ф. Налогъ въ 6 д. съ 1 ф. платитъ нынѣшній владѣлецъ В., который собственнику дома ставитъ въ счетъ 6×80 . Этотъ, съ своей стороны, ставитъ въ счетъ своего кредитора 6×20 и въ счетъ владѣльца земли 6×5 . Такимъ образомъ, налогъ въ соотвѣтственной пропорціи раскладывается на доходы всѣхъ этихъ четырехъ лицъ, хотя сборщикъ имѣетъ дѣло только съ однимъ лицомъ и можетъ ничего не знать о существованіи остальныхъ.

Отъ налога освобождаются владѣнія короля, собственность благотворительныхъ и воспитательныхъ учреждений, госпиталей, общественныхъ школъ, далѣе освобождаются отъ налога общественныя строенія, находящіяся въ собственности колледжей, университетовъ, домовъ призрѣнія и домовъ для умалишенныхъ и т. д., общественные парки и сады, земли, находящіяся подъ желѣзными дорогами, каналами, каменоломнями, рудниками и т. д. Доходъ съ которыхъ входитъ въ общую сумму дохода отъ предпріятія.

Во второй отдѣлѣ или *Schedula B.* входитъ фактическій или предполагаемый доходъ отъ пользованія землями, безотносительно, чью собственность онѣ составляютъ. Особенность этого отдѣла основана на томъ, что всякія попытки получить точныя указанія и даже оцѣнка дѣйствительнаго дохода остаются безъ выполненія. Законъ, лучше сказать, исходитъ изъ предположенія, что доходъ отъ пользованія землею равняется въ Англіи половинѣ, въ Шотландіи и Ирландіи третьей части установленнаго въ *Schedula A.* годоваго дохода. Соотвѣтственно этому этотъ доходъ отягощенъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ доли земельной подати. Во II отдѣлѣ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ обложеніи аренднаго дохода, хотя всѣ необработанныя земли равно какъ и земли, принадлежащія къ дому (усадебя), одинаково подлежатъ обложенію. Весьма неудовлетворительное книговеденіе хозяевъ оправдывается безъ сомнѣнія, подобную общую оцѣнку прибыли, вмѣсто обложенія фактическаго дохода. Теперь арендаторы могутъ, по желанію, быть облагаемыми на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ правиламъ при другихъ промыслахъ, но пока такой видъ обложенія не имѣетъ большаго примѣненія. За то приняты мѣры, чтобы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ именно, если доказано, что доходъ ниже официальной оцѣнки, происходилъ возвратный платежъ.

Этимъ узаконеніемъ арендаторы, разумѣется, пользуются въ широкихъ раз-
мѣрахъ.

Третій отдѣлъ или *Schedula C.* обнимаетъ доходы, состоящіе изъ процен-
товъ, аннуитетовъ, дивиденда и проч., т.-е. вообще доходы, которые по-
лучаются изъ общественныхъ кассъ, изъ кассы Соединеннаго Королев-
ства, иностраннаго или колониальнаго правительства. Взиманіе происходитъ
въ этомъ случаѣ при уплатѣ процентовъ и т. п. особыми чиновниками, ко-
торые о послѣдовавшихъ уплатахъ и о вычетахъ налога отдаютъ отчетъ.
Свободными отъ налога остаются капиталы *Friendly Societies*, сберегатель-
ныхъ кассъ, благотворительныхъ учреждений и проч.

Четвертый отдѣлъ, *Schedula D.*, самый важный изъ всѣхъ. Онъ обнимаетъ всѣ
вообще доходы, не вошедшіе въ предыдущіе отдѣлы. Онъ распадается на 6
подъотдѣловъ или «cases», именно: 1) доходы съ торговыхъ и промышлен-
ныхъ предприятий; 2) доходы съ такъ называемыхъ либеральныхъ проф-
фессій, съ должностей, наемной работы и т. д.; 3) доходы съ неправиль-
ныхъ выручекъ, не ежегодныхъ процентовъ, при извѣстныхъ условіяхъ так-
же съ торговцевъ скотомъ и молокомъ; 4) доходы съ иностранныхъ и ко-
лоніальныхъ правительственныхъ бумагъ, не вошедшихъ въ *Schedula C.*;
5) доходы съ иностранныхъ или колониальныхъ учреждений; 6) всѣ оста-
тельные, не названные выше, годовые доходы. Первые два класса заклю-
чаютъ значительную часть падающихъ на этотъ отдѣлъ суммъ и причина-
ють податнымъ чиновникамъ особенно много трудностей. Обложеніе нало-
гомъ промышленныхъ предприятий основывается, прежде всего, на показаніи
самихъ получателей дохода или отвѣтственныхъ служащихъ торговыхъ об-
ществъ. Эти показанія подлежатъ провѣркѣ мѣстной комиссіи или подат-
ныхъ инспекторовъ. На эти выводы можно апеллировать во вторую мѣст-
ную комиссію. Подлежащая обложенію суммы дохода устанавливаются по
средней прибыли извѣстнаго числа лѣтъ, причемъ для желѣзныхъ дорогъ,
каменоломень и т. д. принимается въ расчетъ послѣдній годъ, для руд-
никовъ пять предыдущихъ лѣтъ, а для остальныхъ промысловъ трехлѣтній
періодъ. Допускаются извѣстные вычеты съ валоваго дохода. Здѣсь именно
принимается въ соображеніе издержки на ремонтъ заводскихъ строеній, из-
держки на орудія производства и инвентарь, потери на долгахъ, уменьше-
ніе цѣнности отъ употребленія машинъ и другихъ приспособленій. Ревизія
раскладки подати предусматрѣна и допускается возмѣщеніе налога послѣ
ознакомленія съ фактическимъ годовымъ доходомъ. Но проценты на обо-
ротный капиталъ или другіе какіе-нибудь расходы въ интересахъ пред-
пріятія не подлежатъ вычету, хотя платательщикъ имѣетъ право соответствен-
ную часть налога вычесть при платежѣ процентовъ, чтобы вознаградить
свой убытокъ за уплаченный сполна налогъ. Такимъ образомъ, принципъ
взиманія налога по возможности изъ источниковъ остается въ полной си-
лѣ, причемъ чиновники имѣютъ дѣло лишь съ тѣми лицами, которыя по-
лучаютъ доходы фактически.

Особеннаго упоминанія, наконецъ, заслуживаетъ еще 4-й подотдѣлъ.

При продажѣ купоновъ цѣнныхъ бумагъ комиссіонерамъ, которые отсылаютъ ихъ за границу, ускользаетъ отъ обложенія значительный доходъ. Но давно этотъ пробѣлъ отчасти восполненъ тѣмъ, что банкиры и проч. сдѣланы отвѣтственными за выплату налога по проходящимъ черезъ ихъ руки купонамъ.

Пятый и послѣдній отдѣлъ, *Schedula E.*, обнимаетъ доходы чиновниковъ и всѣхъ общественныхъ и промышленныхъ служащихъ.

У правительственныхъ чиновниковъ дѣлается прямо вычетъ налоговъ суммы изъ жалованья. О служащихъ самоуправленія, обществъ, корпорацій и т. д. начальники или сами служащіе обязаны давать добросовѣстные показанія, которыя подлежатъ провѣркѣ мѣстныхъ комиссій.

Всѣ пребывающіе въ Англіи жители Соединеннаго Королевства подлежатъ налогу, соразмѣрно общей суммѣ ихъ доходовъ, откуда бы они происходили. Съ другой стороны, подлежитъ налогу всякое находящееся въ предѣлахъ королевства имущество, принадлежитъ ли оно англійскому подданному, или нѣтъ; мѣстопребываніе владѣльца не мѣняетъ положенія.

Уже было указано, что успѣхъ подоходнаго налога, прежде всего, обусловливается особеннымъ соединеніемъ правительственныхъ чиновниковъ съ уполномоченными самоуправленія. Каждый округъ избираетъ комиссію, которая даетъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ свои заключенія, считающіяся безапелляціонными. Особая комиссія, члены которой носятъ названіе «*Additional Commissioners*», опредѣляетъ доходы, указанные въ отдѣлахъ D и E. Она выступаетъ какъ судебное учрежденіе. 1-й инстанціи рѣшенія ея могутъ быть обжалованы у генеральныхъ комиссаровъ. Послѣдніе назначаютъ ассессоровъ, которыми производятся всѣ предварительныя оцѣночныя и раскладочныя работы. Обыкновенно раскладочная работа производится этими мѣстными чиновниками, но въ ихъ засѣданіяхъ всегда присутствуетъ по назначенію отъ правительства податной инспекторъ, роль котораго—блюсти интересы фиска.

Инспекторъ уполномоченъ увеличивать или уменьшать цифру оцѣночныхъ ассессоровъ или подкомиссіями доходовъ; апелляціи на его постановленія поступаютъ на окончательное рѣшеніе генеральной комиссіи. Далѣе правительство назначаетъ специальную комиссію, которая служитъ интересамъ плательщиковъ больше, чѣмъ интересамъ государства. Каждый можетъ черезъ специальную комиссію опротестовать раздѣлку или даже апеллировать къ ней на оцѣнку «*Additional Commissioners*». Этими правами плательщики обыкновенно пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣтъ воспрепятствовать ознакомиться съ своими доходами кому-нибудь изъ жителей того же мѣста, занимающему постъ ассессора или члена комиссіи. Специальная комиссія вѣдаетъ, наконецъ, дѣла, относящіеся до возврата переплаченныхъ податей, до обложенія желѣзно-дорожныхъ общественныхъ и отечественныхъ и иностранныхъ государственныхъ рентъ.

По окончаніи распредѣленія генеральная комиссія или, при извѣстныхъ условіяхъ, центральное управленіе назначаетъ сборщиковъ податей, которые

набгаются всѣми необходимыми для взиманія полномочіями. Высшій надзоръ имѣеть, наконецъ, въ строго, впрочемъ, очерченныхъ границахъ, центральное учрежденіе подъ именемъ «Board of Inland Revenue».

Всякій доходъ, въ сложности не достигающій 150 ф., не подлежитъ налогу. Налогъ, случайно взятый съ одной какой-нибудь части этого дохода, подлежитъ возврату. При общей суммѣ дохода отъ 150—400 ф. съ суммы 120 ф. налогъ не взимается. Это «Abatement», какъ оно названо, производится или удерживаніемъ при взиманіи, или же возвратомъ налоговой суммы. Если изъ дохода платятся преміи по страхованію жизни, онѣ также свободны отъ обложенія, при условіи высоты преміи не болѣе $\frac{1}{6}$ дохода. Нѣкоторыя льготы допускаются въ пользу благотворительныхъ учреждений, госпиталей, общественныхъ школъ, Friendly Societies и т. д.

Несмотря на враждебное со стороны нѣкоторыхъ отношеніе къ подоходному налогу, важнѣйшія особенности котораго видны изъ предъидущаго, подоходный налогъ уже болѣе полустолѣтія составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ британскихъ государственныхъ доходовъ. Исторія налога во времени возстановленія его въ 1842 году Пилемъ представляетъ много замѣчательныхъ явленій.

Нижняя палата назначила въ 1851 году комиссію для изученія испытанія налога. Два года спустя Гладстонъ въ замѣчательной рѣчи требовалъ сохраненія налога въ интересахъ дальнѣйшаго осуществленія начатой Пилемъ тарифной реформы. Законъ 1853 г. содержитъ множество любопытныхъ измѣненій въ частностяхъ. Въ 1854—1856 гг. цифра обложенія временно была значительно увеличена въ цѣляхъ пополненія расходовъ на Крымскую войну. Въ 1856 году чистый доходъ отъ налога достигъ цифры 6,037,461 ф. ст., высшей когда-либо достигнутой суммы. Въ 1861 году была назначена комиссія для изслѣдованія налога. Хотя ея работы не привели ни къ какому практическому результату, но доклады ея представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія хозяйственнаго значенія налога.

Въ 1873 году возвышена была свободная отъ обложенія сумма дохода между 100 и 200 ф. отъ 60 на 80 ф. и отодвинута граница съ 200 на 300 ф. ст.

Три года спустя послѣдовалъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи, когда свободная отъ обложенія сумма назначена была въ 120 ф., а доходъ, пользующійся этимъ снисхожденіемъ, нормированъ былъ въ 400 ф. стерлинговъ. Одновременно поднята была максимальная граница полного освобожденія отъ налога на доходъ въ 150 ф. ст. Эти облегченія въ значительной массѣ способствуютъ устойчивости налога, такъ какъ громадное число лицъ съ малыми доходами не имѣетъ никакого особеннаго интереса къ его устраненію.

Обнародованная правительствомъ статистика подоходнаго налога, самою собою разумѣется, доставляетъ богатый матеріалъ не только для заключенія о финансовыхъ вопросахъ, но и о всемъ народномъ хозяйствѣ коро-

левства. Она бросает любопытный свѣтъ на общій доходъ различныхъ народныхъ классовъ, на источники этихъ доходовъ, а также до известной степени и на раздѣленіе доходовъ по ихъ высотѣ. Налоговая сумма 1889—1890 г., когда окладъ взиманія достигъ цифры 6 д. съ фунта ст., опредѣлилась въ 12.783,901 ф., причѣмъ по отдѣламъ она распредѣлилась слѣдующимъ образомъ:

	Schedula A. (поземельная собственность)	4.270,977 ф. ст.	
	» B. (пользованіе землею)	255,524 » »	
	» C. (доходы отъ купоновъ)	1.054,735 » »	
	» D. (доходы отъ промысловъ)	6.379,566 » »	
	» E. (жалованья и пр.)	823,099 » »	
	Итого	12.783,901 ф. ст.	
	Общая сумма окладныхъ доходовъ представляла въ 1888—89 г.:		
По Schedules A.	{	Земли	58.755,000 ф. ст.
		Дома	136.923,000 » »
» »	B.	Пользованіе землею	26.649,000 » »
» »	C.	Государственные и обществен-	
		ныхъ фонды	19.825,000 » »
		Индійскіе фонды	8.026,000 » »
» »	D.	Иностранные и колоніальн. фонды	17.389,000 » »
		Британскія жел. дороги	33.461,000 » »
» »	E.	Иностранная и колон. жел. дор.	
		и ручательства	17.137,000 » »
» »		Доходы съ торговли, промышлен-	
		ности и др. источниковъ	251.060,000 » »
» »		Жалованья и проч.	42.832,000 » »
	Итого	613.019,000 ф. ст.	

Изъ этой общей суммы для части въ 104.112,000 ф. ст. были допущены вычеты и снисхожденія, причѣмъ почти половинѣ на почвѣ облегченій при доходахъ между 150 и 400 ф. ст. Включая возвраты, облегченіями пользовались 498,526 лицъ. 108,974 лица были освобождены отъ налога во вниманіе къ выплачиваемымъ ими преміямъ по страхованію жизни, всего на сумму дохода 3.352,397 ф. ст.

Издержки по взиманію подоходнаго налога отдѣльно не могутъ быть показаны, но онѣ не могли значительно разниться отъ издержекъ по взиманію, которыя въ 1889—90 г. составляли 3,26% полученной суммы налога.

II.

Германія.

Германская имперія не знаетъ подоходнаго налога въ своей системѣ налоговъ. Въ семидесятыхъ годахъ происходила агитація въ пользу этого налога

(гѣмпей союзъ податной реформы). Стремленіе къ имперскому подходному налогу отступило, однако, на задній планъ съ тѣхъ поръ, какъ для имперіи принято было косвенное обложеніе.

Напротивъ, въ отдѣльныхъ государствахъ, въ огромномъ большинствѣ, подходный налогъ занимаетъ важное мѣсто въ системѣ налоговъ. Многія государства приняли общій, нѣкоторые частный подходный налогъ. Общій подходный налогъ обнимаетъ всю сумму доходовъ плательщиковъ; при немъ существуютъ отдѣльные виды налога, которые еще разъ ложатся на отдѣльныя части дохода, большею частью дохода фундированнаго. Специальный налогъ, напротивъ, касается лишь отдѣльныхъ видовъ дохода. Обыкновенно онъ служитъ дополненіемъ, коррективомъ системы промысловыхъ налоговъ.

Общій подходный налогъ считается основнымъ столбомъ прусской системы прямыхъ налоговъ. Отдѣльныя вѣтви доходовъ облагаются при немъ, кромѣ того, поземельнымъ, домовымъ и промысловымъ налогами. Субъективная обязанность платить налоги основывается на принадлежности субъекта къ государству, на жительствѣ его въ Пруссіи, для иностранцевъ — на пребываніи тамъ ради промысла и на болѣе чѣмъ годичномъ пребываніи; наконецъ, на участіи въ жалованьи, пенсіонахъ и т. д. изъ прусской государственной кассы и на выгодахъ, получаемыхъ съ прусскихъ земель, промышленныхъ и ремесленныхъ учреждений. Субъективная обязанность платить налоги распространяется не только на физическія, но и на юридическія лица (акціонерныя компаніи, товарищества и проч.). Свободой отъ обложенія пользуются члены королевскаго и нѣкоторыхъ великокняжескихъ домовъ. Объективная податная обязанность распространяется на общую сумму годового дохода плательщиковъ.

Отъ дохода отличается приращеніе имущества, какъ, наприм., исключительные доходы отъ наслѣдства, подарковъ, премій по страхованію жизни, покупокъ, сдѣланныхъ не промышленнымъ путемъ и не для спекулятивныхъ цѣлей. Такое увеличеніе имущества свободно отъ подходнаго налога.

Законъ не даетъ опредѣленія доходу, подлежащему налогу; онъ не говоритъ также, что только *чистый* доходъ подлежитъ обложенію, но онъ опредѣляетъ допускаемые вычеты изъ годоваго дохода такимъ образомъ, что въ результатъ остается чистый доходъ. Вычетомъ пользуются, между прочимъ, уплачиваемыя по закону или по соглашенію преміи по страхованію: отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости, затѣмъ вдовьи, протскія и пенсіонныя кассы, а также преміи до 600 марокъ, уплачиваемыя по страхованію на случай смерти. По источникамъ ежегодные доходы въ деньгахъ и денежныхъ цѣнностяхъ раздѣляются на 4 класса: 1) доходы отъ капиталовъ; 2) доходы съ недвижимыхъ имуществъ, аренды, включая аренда арендную стоимость жилища въ собственномъ домѣ; 3) доходы торговые и промышленные; 4) доходы отъ остальныхъ приносящихъ прибыль занятій и отъ остальныхъ правъ на періодическіе сборы и выгоды. Затѣмъ законъ опредѣляетъ, какъ въ каждомъ изъ этихъ видовъ дохода учитывать подлежащую обложенію часть.

Доходъ становится податнымъ объектомъ, начиная отъ цифры 600 марокъ. Податной тарифъ назначаетъ послѣдовательныя постоянныя цифры оклада, соответственно годовому доходу:

Годовой доходъ.		Ежегодный налогъ.
Отъ 900 м.	до 1,050 м.	6 м.
» 1,050 »	» 1,200 »	9 »
» 1,200 »	» 1,350 »	12 »
» 1,350 »	» 1,500 »	16 »
» 1,500 »	» 1,650 »	21 »
» 1,650 »	» 1,800 »	26 »
» 1,800 »	» 2,100 »	31 »
» 2,100 »	» 2,400 »	36 »
» 2,400 »	» 2,700 »	44 »
» 2,700 »	» 3,000 »	52 »
» 3,000 »	» 3,300 »	60 »
» 3,300 »	» 3,600 »	70 »
» 3,600 »	» 3,900 »	80 »
» 3,900 »	» 4,200 »	92 »
» 4,200 »	» 4,500 »	104 »
» 4,500 »	» 5,000 »	118 »
» 5,000 »	» 5,500 »	132 »
» 5,500 »	» 6,000 »	146 »
» 6,000 »	» 6,500 »	160 »
» 6,500 »	» 7,000 »	176 »
» 7,000 »	» 7,500 »	192 »
» 7,500 »	» 8,000 »	212 »
» 8,000 »	» 8,500 »	232 »
» 8,500 »	» 9,000 »	252 »
» 9,000 »	» 9,500 »	276 »
» 9,500 »	» 10,500 »	300 »

Налогъ съ вышихъ доходовъ возрастаетъ:

Отъ	До	Ступенями.	По
10,000	30,500	1,000	30
30,500	32,000	1,500	60
32,000	78,000	2,000	80
78,000	100,000	2,000	100

При доходахъ отъ 100,000—105,000 м. налогъ составляетъ 4,000 м. и поднимается ступенями на каждыя 5,000 по 200.

Тарифъ, слѣдовательно, прогрессивный. Налогъ, начинаясь съ 0,62%, поднимается до 3% съ доходовъ отъ 9,500—10,500 м. и удерживаетъ этотъ окладъ до дохода въ 30,500 м. Затѣмъ онъ поднимается выше, пока, наконецъ, при доходѣ свыше 100,000 м. не достигаетъ 4% каждой ступени.

Обложение производится по хозяйствамъ; при этомъ къ годовому доходу главы хозяйства присоединяется доходъ всѣхъ членовъ его, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда дѣти или другіе члены семьи не подчинены главѣ и ведутъ свое отдѣльное хозяйство.

Мѣриломъ обложения служатъ: доходъ за текущей податной годъ, при постоянномъ доходѣ, и средній доходъ за три предшествующіе обложению года, если доходъ непостоянный, колеблющійся. По установленіи общаго дохода, опредѣляются, на основаніи тарифа, ступени дохода и соотвѣтствующій окладъ. Однако, при исчисленіи малыхъ и среднихъ доходовъ, законъ допускаетъ, въ извѣстныхъ границахъ, брать въ основаніе и нѣкоторые другіе мотивы. Напримѣръ, при доходахъ до 9,500 м. допускается принимать во вниманіе особенныя, понижающія платежныя силы, обстоятельства (какъ чрезвычайное обремененіе семьи расходами на содержаніе и воспитаніе дѣтей, продолжительная болѣзнь, долги и проч.), такимъ образомъ, чтобы уменьшеніе тарифнаго оклада производилось не болѣе, какъ на 3 ступени.

Обложение, также какъ и рассмотрѣніе протестовъ противъ него, производится комиссіями, члены которыхъ частью назначаются правительствомъ, а частью избираются изъ представителей общинъ. Основаніемъ обложения служатъ предварительныя оцѣнки, производимыя особыми комиссіями (для доходовъ не свыше 3,000 м.), обязательныя разъясненія самихъ плательщиковъ и, наконецъ, самостоятельныя оцѣнки со стороны податныхъ учреждений. Апелляціи на неправильное обложение поступаютъ въ *Oberverwaltungsgericht* (высшій административный судъ). Высшее руководство въ дѣлѣ обложения принадлежитъ министру финансовъ, который и разрѣшаетъ несогласія, возникшія между комиссіями и ихъ предсѣдателями, если только дѣло объ этомъ не слушалось въ судѣ.

Раскладка продолжается въ теченіе всего податнаго года. Взиманіе же налога производится по четвертямъ года въ назначенныхъ податными учреждениями мѣстахъ.

Издержки обложения и взиманія ложатся естественно на счетъ государственной кассы; только издержки по разслѣдованію падаютъ на плательщика, если его показанія въ существенныхъ пунктахъ окажутся невѣрными.

О назначеніи наказанія надобно сказать, что тотъ, кто умышленно при выясненіи налоговой суммы или при отвѣтахъ на вопросы со стороны надлежащаго органа даетъ о своемъ или находящемся въ его завѣдываніи доходѣ невѣрныя или неполныя показанія, направленные къ уменьшенію налога, а также и тотъ, кто противузаконно умалчиваетъ о подлежащемъ обложенію доходѣ, наказывается штрафомъ, въ 4—10 разъ превосходящимъ скрытый налогъ, и во всякомъ случаѣ въ размѣрѣ не менѣе 100 мар. Если изъ обстоятельствъ дѣла видно, что невѣрное показаніе дано хотя и сознательно, но безъ намѣренія скрыть доходъ, то штрафъ ограничивается суммой отъ 20 до 100 м. Освобождаются отъ штрафа тѣ, которые до объ-

явленія или до начала розыска исправили свои показанія. Если плательщик отказывается добровольно внести назначенный администраціей штрафъ, вмѣстѣ съ издержками, то дѣло передается суду; отъ администраціи зависить налагать штрафы въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Чиновники и члены комиссій, опубликовавшіе, безъ полномочія на это, сдѣлавшіяся имъ извѣстными при обложеніи хозяйственныя дѣла плательщика, наказываются денежнымъ штрафомъ до 1,500 м. или тюремнымъ заключеніемъ на срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ; преслѣдованіе можетъ возбудить только администрація или заинтересованный плательщикъ.

Независимо отъ штрафовъ, обязательно возмѣщеніе удержаннаго налога. Выплата его разсрочивается на 10 лѣтъ и переходитъ на наслѣдниковъ, въ размѣрѣ, соответствующемъ наслѣдственной части, съ перерасрочкою платежа на пять лѣтъ.

Къ началу 19 столѣтія акцизная система, которой недоставало единства, потеряла свою почву. Въ 1811 г., въ замѣнъ реформированныхъ и смягченныхъ статей акцизнаго налога, введенъ былъ личный налогъ въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ рейхсталера съ лицъ старше 12 лѣтъ. Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ однообразному личному налогу, охватывающему всю монархію. Въ томъ же году временно введенъ былъ общій поимущественный и подоходный налогъ въ трехпроцентномъ окладѣ, причемъ $\frac{2}{3}$ уплачиваемой суммы имѣли значеніе не подати, а принудительнаго займа. Неудачное примѣненіе подоходнаго налога вызвало въ правящихъ классахъ мнѣніе, что этотъ налогъ не выполнимъ и не желателенъ. Въ 1820 г. прямой личный налогъ получилъ дальнѣйшее развитіе и сдѣлался самостоятельнымъ членомъ прусской податной системы. Податнымъ объектомъ служить здѣсь принадлежность къ классу. Къ существовавшимъ въ 1820 г. семи классамъ было присоединено въ 1821 г. еще пять. Изъ этихъ 12 классовъ каждые три составляли главный классъ (Hauptklasse). Въ 1821 г. классная подать взималась въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 48 тал. Рѣшающимъ мотивомъ для выбора этой податной системы была ея техническая простота; подоходный же налогъ считался практически неосуществимымъ и, притомъ, не отвѣчающимъ будто бы требованіямъ поставленнаго въ руководство принципа— «платежная способность».

Слѣдующіе затѣмъ годы въ представленную картину налоговъ внесли лишь несущественныя перемѣны. Значительныя же измѣненія относятся къ періоду 1847—1851 гг. Цѣлью стремленій этого и слѣдующихъ затѣмъ періодовъ реформъ (въ 70-е годы) было введеніе общаго прямого личнаго налога. Классная подать при возрастаніи національнаго благосостоянія оказывалась недостаточной. Скачки окладовъ отъ одного до другаго класса были слишкомъ велики. Вслѣдствіе неподвижной верхней границы, наиболѣе состоятельные облагались налогомъ въ недостаточной сравнительно степени, тогда какъ на несостоятельныхъ лицъ этотъ фактъ оказывалъ противоположное дѣйствіе. Отсюда происходило отягощеніе налогами низшихъ классовъ народа.

Въ 1851 г. былъ опубликованъ новый законъ, по которому, въ замѣнъ устарѣннаго прежняго класснаго налога, учреждаются новые: классный и классифицированный подходный, другъ друга дополняющіе. Классную подать платять только тѣ, кто получаетъ не болѣе 1,000 тал. дохода, за исключеніемъ, впрочемъ, мѣстъ, гдѣ существуетъ налогъ на убой скота и помоль. Доходы же свыше 1,000 тал. на пространствѣ всей монархіи подлежатъ особому классифицированному подходному налогу, причемъ опять-таки для лицъ, живущихъ въ мѣстахъ, гдѣ введенъ налогъ на убой скота и помоль, дѣлается съ окладнаго дохода скидка въ 20 тал. Подходный налогъ обнимаетъ 30 степеней, изъ которыхъ для каждой существуетъ опредѣленный окладъ ($2\frac{1}{2}$ —600 тал.); онъ, слѣдовательно, попрежнему, сохраняетъ неподвижную верхнюю границу. Обложение совершается соразмѣрно съ величиною общей суммы дохода, такимъ образомъ, чтобы годовой налогъ не переходилъ за границу 3% дохода. Опѣнка и назначеніе податной суммы поручаются особымъ комиссіямъ, причемъ всякое обременительное вторженіе въ имущественныя отношенія отдѣльныхъ плательщиковъ запрещается.

Ближайшія измѣненія въ положеніи прямаго личнаго налога принесли 1873 г. Классный налогъ сильно нуждался въ реформѣ. Трудности при взиманіи и отягощеніе плательщиковъ низшихъ классовъ совѣмъ не соответствовали суммѣ налога. Въ 1871 г. поступленіе по налогамъ низшей степени Ia составляло только $2\frac{1}{2}$ мил. тал. или 19% всего класснаго поступленія, тогда какъ лицъ, обложенныхъ налогомъ, въ ней числилось 65% (по другимъ расчетамъ 57%) всего числа плательщиковъ. Въ 1873 г. былъ принятъ и обнародованъ законъ, составленный Кампаузенемъ. На основаніи его, классная подать видоизмѣнилась такимъ образомъ: для раскладки налога составлена была для 12 классовъ подходная скала; окладъ понижается съ 4,7% въ 12 степени до 0,6% въ низшей. Кромѣ того, при обложеніи допускается принимать во вниманіе извѣстныя понижающія платѣжную способность обстоятельства. Въ подходномъ налогѣ, путемъ уменьшенія интерваловъ, было увеличено число степеней и верхняя граница поднята. Въ двухъ низшихъ степеняхъ точно также допускается принимать во вниманіе обстоятельства, уменьшающія платѣжную способность.

Причины недостатковъ этого налога лежатъ частью въ немъ самомъ, частью въ его положеніи относительно прусской податной системы вообще.

Субъектомъ налоговъ служить здѣсь физическая личность, а, между тѣмъ, обязанность платить налоги слѣдуетъ распространить и на юридическія лица, въ особенности на промышленныя общества, акціонерныя компаніи и проч. Далѣе, платѣжная способность и при среднихъ доходахъ часто обусловливается причинами, лежащими внѣ высоты дохода, а потому указаніе обстоятельствъ, при коихъ допускается принимать во вниманіе пониженную платѣжную способность, надобно оформить подробнѣе и расширить возможность пользованія этимъ снисхожденіемъ.

Податной окладъ составляетъ въ общемъ при подходномъ налогѣ 3%

нижней пограничной степени. Но, принимая во вниманіе незначительную платежную способность малыхъ и среднихъ доходовъ, а также отягощеніе ихъ косвенными, не соотвѣтствующими величинѣ дохода налогами на предметы первой необходимости, приходишь къ мысли о необходимости облегчить эти классы уменьшеніемъ податнаго оклада.

Это соображеніе ведетъ къ желанію *депрессіи*. Сущность депрессивнаго подоходнаго налога состоитъ въ томъ, что въ принципѣ проводится налогъ, который растетъ въ одинаковомъ соотношеніи съ доходомъ (причемъ не имѣетъ значенія, будетъ ли съ каждаго дохода взиматься одинаковый процентный окладъ, или же налогъ будетъ различаться по степенямъ), и что отъ этого принципа дѣлаются отступленія только во вниманіе къ незначительной платежной способности малыхъ и среднихъ доходовъ или къ инымъ моментамъ. Отъ депрессивнаго надо отличать *прогрессивный* подоходный налогъ, при которомъ по мѣрѣ роста дохода повышается и процентный окладъ; мотивы введенія его таковы: платежныя силы прогрессируютъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ доходъ, и, слѣдовательно, разъ признано, что величина налога должна сообразоваться съ платежными силами, то необходимо будетъ признать законность и справедливость прогрессивнаго подоходнаго налога.

Тѣ же соображенія заставляютъ склониться на сторону большаго обложенія фундированныхъ доходовъ по сравненію съ нефундированными, потому что послѣдніе обладаютъ сравнительно меньшею платежною силой. Тарифъ 1873 г. имѣетъ и тотъ недостатокъ, что въ немъ все еще оставлены слишкомъ большіе интервалы между степенями. Недостатки самаго процесса обложенія еще замѣтнѣе и вызываютъ требованія объ улучшеніи и упрощеніи его, о расширеніи средствъ обложенія и о введеніи обязательныхъ декларацій.

Такъ какъ право взиманія пошлинъ и обложенія важнѣйшихъ предметовъ потребленія удержано за имперіей, то для отдѣльныхъ государствъ и общинъ прямые налоги представляютъ важнѣйшій источникъ доходовъ. Ростъ общиннаго хозяйства привелъ къ чрезмѣрному увеличенію прямыхъ налоговъ въ предѣлахъ общиннаго обложенія. Въ 1881—82 финансовомъ году въ большинствѣ провинцій оклады налоговъ, взятыхъ *только общинами*, составляли 100—200% окладовъ государственныхъ налоговъ, въ нѣкоторыхъ даже 200—300%. Въ 1883—84 г. въ 223 общинахъ взято было болѣе 300%, въ 13 болѣе 500% и до высшей суммы 675%. Отсюда явствуется необходимость изыскать средства, чтобы сгнать, особенно въ городахъ, объективную общинную податную обязанность и ограничить, по крайней мѣрѣ, 100—150 проц. полномочіе общинныхъ союзовъ взимать дополнительные оклады къ государственнымъ налогамъ.

Съ 1878 г. работа направляется къ тому, чтобы возвысить пошлины и налоги на предметы потребленія въ такой степени, чтобы они покрывали нужды имперіи и чтобы, такимъ образомъ, дать возможность отдѣльнымъ государствамъ приступать къ реформамъ въ ихъ податныхъ системахъ

Для реформы подходнаго налога намѣчены были слѣдующія задачи: улучшение способовъ обложенія, облегченіе малыхъ и среднихъ доходовъ и изысканіе прочнаго основанія для реформы общиннаго обложенія. Въ этихъ цѣляхъ предлагалось: соединеніе существующихъ класснаго и классифицированнаго налога въ одинъ общій подходный налогъ; распространеніе податной обязанности на важнѣйшія промышленныя общества (акціонерныя компаніи и проч.); ограниченіе податнаго объекта 900 мар.; облегченіе малыхъ и среднихъ доходовъ путемъ дегрессіи въ доходахъ до 9,500 м. (отъ 3% до 0,62% средняго дохода степени) и болѣе широкаго примѣненія снисходительнаго обложенія, при которомъ принимаются во вниманіе понижающія платежныя силы обстоятельства. Съ другой стороны, предлагалось и болѣе сильное обложеніе высшихъ доходовъ путемъ болѣе широкаго раздробленія степеней; наконецъ, введеніе обязательной самооѣнки, подъ угрозой чувствительныхъ штрафовъ за ложныя или неполныя показанія. Предложенный правительствомъ на этихъ основаніяхъ подходный налогъ былъ введенъ въ 1891 году. Обѣ палаты, послѣ сильной борьбы, постановили сдѣлать въ нѣсколькихъ пунктахъ нѣкоторыя измѣненія. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: распространеніе субъективной податной обязанности на потребительныя товарищества съ общественными лавками, имѣющія права юридическихъ лицъ; увеличеніе свободнаго отъ налога дохода акціонерныхъ компаній и проч. съ 3 до 3½% основнаго капитала; увеличеніе числа степеней между 30,500—100,000 м., уменьшеніе окладовъ для доходовъ между 2,400—9,000 м. и за это расширеніе прогрессіи по доходамъ отъ 30,500—100,007 м. до 4% нижней пограничной степени.

Касательно употребленія излишка доходовъ постановлено, чтобы въ 1892—93 г. употреблено было на государственные расходы 80 м., а въ каждомъ слѣдующемъ сумма на 4% большая; весь же излишекъ поступаетъ въ спеціальнй фондъ, которымъ завѣдуетъ министръ финансовъ, до принятія проектированнаго закона о направленіи этихъ суммъ на устраненіе земельного и домоваго налога, какъ государственнаго.

Отношеніе класснаго и классифицированнаго подходнаго налога къ прямымъ налогамъ 1891—92 г. было слѣдующее:

классная подать	25.941,000,	т.-е.	15,2%	прямыхъ налоговъ.
класс. подох. нал.	46.975,000,	»	27,4%	»

Всѣхъ же прямыхъ налоговъ въ этомъ году насчитывалось 171.166,000 марокъ.

Изъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, въ которыхъ введенъ общій подходный налогъ, мы остановимся только на Саксоніи и Баденѣ.

Субъектами налоговъ считаются въ Саксоніи какъ физическія, такъ и юридическія лица. Обязанность платить налоги основывается на принадлежности къ государству, на жительствѣ и отчасти (подъ извѣстными условіями) на пребываніи въ немъ, на владѣніи въ немъ землей или заштатными промыслами и, наконецъ, на пользованіи изъ государственной

кассы жалованьемъ, пенсіонами и т. д. Объектомъ налога считается вообще общій ежегодный чистый доходъ. Отъ дохода саксонское законодательство отличаетъ не подлежащее налогу приращеніе капитала и ставитъ общія положенія оцѣнки дохода. Объективная податная обязанность ограничивается доходомъ въ 300 м.; лица ниже 16 лѣтъ, если они принадлежатъ къ низшему классу, также освобождаются отъ налога. Обложение и взиманіе производятся по классамъ, которые различаются между собой цифрами дохода. Доходы до 3,300 м. могутъ быть облагаемы по оцѣнкѣ ближайшаго низшаго класса (послѣдній классъ въ этихъ случаяхъ совсѣмъ освобождается отъ налога) во вниманіе къ извѣстнымъ, предусмотрѣннымъ закономъ, обстоятельствамъ, уменьшающимъ платежныя силы контрибуента. Раскладка налога производится по слѣдующему нормальному тарифу:

Классы.	Доходъ.	Норм. нал.
1	300— 400 м.	0,5 м.
2	400— 500 »	1 »
3	500— 600 »	2 »
...
7	950—1,100 »	8 »
8	1,100—1,250 »	11 »
9	1,250—1,450 »	14 »
...
18	4,300—4,800 »	114 »
19	4,800—5,400 »	136 »
20	5,400—6,300 »	162 »
21	6,300—7,200 »	189 »
22	7,200—8,400 »	216 » и т. д.

Такимъ образомъ, съ 19-го класса (до 5,400 дохода) нормальный тарифъ устанавливаетъ дегрессию отъ 2,8 до 0,17% дохода; съ 20-го класса налогъ составляетъ 3% нижней границы cadaго класса.

Нормальный окладъ вовсе не есть тотъ самый, который взимается въ дѣйствительности. Послѣдній опредѣляется такимъ образомъ: часть государственныхъ расходовъ, которая должна быть покрыта прямыми налогами, распределяется по расчету на налоги: поземельный, поимущественный и подоходный. Если сумма оказывается недостаточною для этой цѣли, то остатокъ покрывается увеличеніемъ подоходнаго налога. Наоборотъ, если является возможность уменьшить цифру прямыхъ налоговъ, то уменьшаются въ одинаковыхъ процентныхъ отношеніяхъ по нормальному тарифу налоги: поземельный и подоходный. Къ нормальному тарифу подоходнаго налога были назначены дополнительные оклады: въ 1878, 1880 и 1881 гг. 50%, въ 1882 и 1883 гг.—20%. Съ этого времени нормальный тарифъ оказывался достаточнымъ.

Въ Баденѣ общій подоходный налогъ существуетъ съ 1884 г. Фундированные доходы обнимаются при этомъ еще системой промысловаго, позе-

мельнаго, подомоваго и процентнаго налоговъ. Податной объектъ ограниченъ доходомъ въ 500 м. Податной тарифъ имѣеть ту особенность, что, сообразно высотѣ дохода, устанавливаетъ такъ называемые податные оклады. При доходѣ, наприм.,

въ 500—	600 м.	податной окладъ=	100 м.
» 1,000—	1,100 »	»	= 250 »
» 30,000—	31,000 »	»	=30,000 » и т. д.

Эти податные оклады депрессируютъ отъ 100% при 30,000 м. дохода до 20% при 500 марокъ. Съ податнаго оклада взимается затѣмъ налогъ, размѣръ котораго опредѣляется закономъ. Обложеніе производится оцѣночнымъ совѣтомъ на основаніи заявленій плательщиковъ и самостоятельныхъ изслѣдованій податныхъ органовъ. Контрибуентамъ, а также и блюстителямъ интересовъ фиска, предоставляется право апеллировать на рѣшенія оцѣночнаго совѣта въ податную дирекцію, а на рѣшенія этой послѣдней въ высшій административный судъ великаго герцогства.

Въ 1889 г. число плательщиковъ выразилось цифрой 347,224; сумма податнаго дохода ихъ равнялась 459.465,192 м., выдѣленный же изъ этой суммы податной окладъ составлялъ 201.268,300 м.

III.

Австрія.

Двумя императорскими патентами 1849 г. подходный налогъ въ Австріи былъ раздѣленъ на двѣ совершенно независимыя части. Патентъ отъ 10 октября 1849 г., съ указаніемъ на предполагаемое введеніе подоходнаго налога, содержалъ предписаніе, чтобы къ существующимъ поземельному и подомовому налогамъ было присоединено экстраординарное дополненіе (*ausserordentlicher Zuschlag*) въ размѣръ одной трети обыкновеннаго оклада. Это дополненіе охарактеризовано въ патентѣ какъ обложеніе *доходовъ* отъ владѣнія землей и домами и должно было, слѣдовательно, считаться вновь введеннымъ подходнымъ налогомъ. Патентъ отъ 29 октября того же года дѣлитъ подлежащій обложенію доходъ на 3 класса. Подходный налогъ *перваго класса* охватываетъ общую промышленную и торговую дѣятельность. *Второй классъ* обнимаетъ доходы отъ вознагражденія и платы всякаго рода, отъ пенсій, отъ страховыхъ (по страхованію жизни и проч.) рентъ и т. д. Подходному налогу *третьяго класса* подлежатъ проценты по ссудамъ или другія ренты, замѣняющія проценты съ капитала, поскольку эти ренты не обнимаются налогомъ 2-го класса, и тѣ части процентныхъ доходовъ, которыя оставались еще свободными для обложенія специальнымъ подходнымъ налогомъ. Въ 1-мъ классѣ освобождаются отъ налога тѣ лица, которыя включены въ низшіе классы промысловаго налога, т.-е. совершенно мелкіе торговцы и промышленники. Во 2-мъ классѣ освобождаются: вознагражденіе состоящихъ на дѣйствительной службѣ солдатъ и офицеровъ, затѣмъ пособія, выдаваемые изъ общественныхъ средствъ

монастырскимъ общинамъ нищенствующимъ орденамъ, какъ и тѣмъ духовнымъ орденамъ, которые посвящаютъ себя дѣлу воспитанія или уходу за больными; затѣмъ, школамъ и благотворительнымъ учреждениямъ и, наконецъ, тѣ изъ относящихся сюда доходовъ, которые не превышаютъ 630 фл. въ годъ.

Въ 3-мъ классѣ совершенно освобождаются отъ налога проценты ссудосберегательныхъ кассъ; лично освобождается отъ налога тотъ, кто докажетъ, что общій годовой доходъ его «безъ вычета долговъ» не превосходить 315 фл.

Сверхъ того, не подлежатъ австрійскому подоходному налогу проценты съ иностранныхъ бумагъ, какъ и вообще со всѣхъ капиталовъ, помещенныхъ за границей; Венгрія при этомъ тоже считается за границей.

Способы обложения подоходнымъ налогомъ примѣняются различные, въ зависимости отъ того, къ какому классу принадлежитъ доходъ.

Кто получаетъ доходъ съ нѣсколькихъ предпріятій или источниковъ, обязанъ для каждаго отдѣльнаго класса дохода представить отдѣльное объясненіе. При составленіи этихъ объясненій необходимо пользоваться установленною формулой для отмѣтки прихода, расхода и чистаго дохода. Кромѣ того, эти формулы заключаютъ въ себѣ еще рубрики для обозначенія рода занятій, для показаній величины затраченнаго на занятіе капитала и числа занятыхъ рукъ и, наконецъ, для объясненія того, ведется ли дѣло непрерывно, или только временами. Масштабомъ обложения въ 1-мъ классѣ служить средній доходъ за три предшествующіе года; новыя же предпріятія облагаются на основаніи предполагаемаго вѣроятнаго дохода. Правила, установленныя во 2-мъ классѣ, различаются въ зависимости отъ того, касается ли дѣло доходовъ съ измѣняющейся или постоянной годовой суммы. Доходы перваго рода подчиняются при исчисленіи оклада правиламъ 1-го класса. Между доходами втораго рода опять дѣлается различіе: если они выплачиваются изъ государственныхъ кассъ, то доходъ и падающій на него налогъ исчисляются при выплатѣ; если они выплачиваются изъ другихъ общественныхъ кассъ, то эти послѣдніе обязаны доставлять о нихъ свѣдѣнія податнымъ учреждениямъ. Если же, наконецъ, выплата производится частными лицами, то о ней обязаны доводить до свѣдѣнія податныхъ учреждений какъ получатель, такъ и выплачивающій вознагражденіе.

Въ такомъ положеніи вещей произведено, однако, значительное измѣненіе законами 1859 и 1868 гг. тѣмъ, что съ этого времени вычетъ подоходнаго налога съ купоновъ совершается государственными и провинціальными кассами при выплатѣ по нимъ денегъ.

Что касается окладовъ, то для 1-го и 3-го классовъ онъ установленъ въ размѣрѣ 5%, а для 2-го класса окладъ прогрессируетъ отъ 1% (съ первыхъ 1,050 фл.) до 10% при доходѣ въ 9,450 фл., послѣ чего прогрессія прекращается. Эти оклады съ тѣхъ поръ испытали сильное возвышеніе, введенное въ формѣ дополненія, которое, однако, въ общемъ составляетъ 100% взимаемаго подоходнаго налога; только для тѣхъ плательщиковъ 1-го и 2-го

класса, ежегодный налогъ съ которыхъ не превосходить 30 фл., это до-
полненіе составляетъ 70% налога.

Изъ этого изложенія видно, что налогъ, которому австрійское законо-
дательство присвоило названіе подходнаго, носить это названіе не по пра-
ву. Созданные непосредственно послѣ революціоннаго движенія 1848 и
1849 гг., слѣдовательно, во время мало благоприятное для осторожной, об-
думанной законодательной работы, и имѣвшіе при этомъ въ виду ближай-
шую цѣль—помочь финансовой нуждѣ, критической минутѣ, австрійскіе за-
коны, на которыхъ основанъ подходный налогъ, носятъ ясныя слѣды той
поспѣшности, съ которою они были составлены. Впрочемъ, правительство и
не рассчитывало на продолжительность ихъ дѣйствія; они были первона-
чально введены лишь на 1850 г.; но съ этихъ поръ дѣйствіе ихъ посто-
янно продолжается и въ главныхъ своихъ чертахъ они функціонируютъ и
донынѣ. Но, все-таки, австрійскій налогъ ни въ какомъ случаѣ нельзя на-
звать подходнымъ: для этого ему недостаетъ всеобщности обложенія до-
ходовъ. Понятно поэтому, что требованіе реформировать существующій
въ Австріи подходный налогъ давно уже стало общимъ и настоятельнымъ.
Несовершенство этого налога, который совсѣмъ не захватываетъ важныхъ
частей индивидуальнаго дохода, отягощаетъ большею частью не тѣхъ лицъ,
которыя обязаны платить налогъ, а тѣхъ, которыя облагаемымъ доходомъ
совсѣмъ не пользуются и, наконецъ, взиманіе котораго производится такими
несовершенными приемами, что оно подвержено многимъ случайностямъ и,
слѣдовательно, даетъ большой просторъ для всякихъ несообразныхъ тре-
бованій,—давно уже признано всѣми.

Прибыльность австрійскаго подходнаго налога опредѣляется слѣдую-
щими цифрами.

Въ 1880 г.	20.872,359	гульд.	Въ 1885 г.	25.238,283	гульд.
» 1881 »	21.821,639	»	» 1886 »	25.358,158	»
» 1882 »	23.690,228	»	» 1887 »	26.010,639	»
» 1883 »	25.200,745	»	» 1888 »	25.857,675	»
» 1884 »	25.526,585	»	» 1889 »	26.249,043	»

IV.

И т а л і я .

Еще въ 1859 году, непосредственно послѣ мира въ Виллафранкѣ, Кавуръ
занимался изученіемъ англійской системы подходнаго налога. Въ годъ про-
возглашенія итальянскаго королевства (1861 г.) первый министръ финан-
совъ Италіи, графъ Бортоджи также сознавалъ необходимость соединить раз-
личные виды податей въ одинъ общій налогъ на движимое имущество, но,
благодаря частымъ смѣнамъ министровъ, только въ 1864 году удалось
провести общій налогъ на всѣ доходы съ движимыхъ имуществъ. На-
логъ этотъ въ общемъ основывался на принципахъ подходнаго налога
въ духѣ германскаго законодательства. Въ 1868 году, съ цѣлью уменьшить

дефицитъ, составлявшій по смѣтѣ 220 милл., предполагалось ввести общій подоходный налогъ, но планъ этотъ не осуществился вслѣдствіе противо-дѣйствія землевладѣльцевъ; пришлось ограничиться измѣненіями въ существующей системѣ. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ продолжали раздаваться жалобы на тяжесть существовавшаго подоходнаго налога вслѣдствіе неравно-мѣрнаго обложенія и обременительныхъ фискальныхъ формальностей, въ виду чего въ 1876 году министръ финансовъ выработалъ и предложилъ про-ектъ реформъ, который, послѣ долгихъ преній, былъ, наконецъ, въ 1877 г. принятъ. Этотъ законъ въ существенныхъ чертахъ представляетъ принципы нынѣ существующаго въ Италіи подоходнаго налога, къ разсмотрѣнію ко-торого мы теперь и переходимъ.

Возникнувъ, такимъ образомъ, на почвѣ необходимости покрыть значи-тельный дефицитъ въ государственномъ хозяйствѣ и создать въ странѣ одну общую подать, система подоходнаго налога закончилась затѣмъ постепенно на либеральныхъ основаніяхъ. Былъ созданъ подоходный налогъ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія строгихъ правилъ науки, укло-нился отъ принциповъ подоходнаго налога и отъ англійской Income tax, подражая въ дѣйствительности больше нѣмецкимъ учрежденіямъ. Въ общей формѣ обложенія, благодаря вычету, *ritenuta*, сдѣланъ пробѣлъ, но, все-таки, итальянскій подоходный налогъ долженъ быть разсматриваемъ какъ насто-ящій подоходный налогъ, съ нѣкоторыми отступленіями отъ доктриналь-ной точки зрѣнія; лучше сказать, это — установленный на принципахъ по-доходнаго налога на прибыль въ связи съ налогомъ на ренту и налогомъ на купоны и жалованье, взимаемымъ путемъ вычета.

По статьѣ I закона отъ 24 августа 1877 г., налогу подлежатъ всѣ до-ходы съ движимаго имущества, т.-е. всѣ доходы, не платящіе уже позе-мельной и подомовой подати; къ нимъ, по смыслу закона и по толкованію высшихъ судебныхъ и административныхъ учреждений, принадлежитъ вся-кій доходъ, получаемый отъ торговли, промышленности, отъ такъ называе-мыхъ либеральныхъ профессій, кромѣ того, жалованье, пенсіоны, дивиденды, рента и проценты по ипотекамъ. Физическимъ лицамъ приравняется не только всякое юридическое лицо въ тѣсномъ смыслѣ, но и всякое общество или союзъ нѣсколькихъ физическихъ лицъ. *Лично* освобождаются отъ нало-га: королевская фамилія, далѣе—дипломаты и консулы, военные лица и из-вѣстныя благотворительныя учрежденія; *вещно*: доходы, подлежащіе земель-ной подати; доходы, обложенные уже по прежнимъ указаніямъ закона; до-ходы обществъ, основанныхъ на началахъ взаимности, за исключеніемъ ренты и долговыхъ обязательствъ на имя владѣльца; наконецъ, платежи по государственнымъ займамъ и разрѣшенный закономъ въ 1885 г. заемъ

Относительно *временныхъ* границъ законъ принялъ въ основаніе, чтобы налогъ взимался по масштабу дохода, какой получалъ контрибуентъ въ пред-шествующій обложенію годъ. Доходъ земледѣльцевъ и арендаторовъ и-мѣ-ряется 5% поземельнаго налога и переоцѣнивается только тогда, когда ве-годная поземельная подать превосходитъ 50 лиръ. Что касается количест-вен-

въ границъ налога, то по закону всё владѣльцы дохода ниже 400 лиръ свободны отъ обложенія, если только сумма эта не составляется изъ фундаментальныхъ доходовъ.

Отклоненіе отъ принциповъ подходнаго налога, а вмѣстѣ и отъ нѣмецкаго законодательства представляютъ итальянскіе законы, касающіеся вычетовъ. Взиманіе опредѣленныхъ видовъ налога имѣетъ мѣсто именно уплатѣ рентъ посредствомъ прямого вычета, наприм., уплаты жалованья, сѣноновъ и другихъ постоянныхъ доходовъ изъ государственной кассы. Замѣчательно при этомъ, что введенный въ 1871 г. вычетъ налога съ государственныхъ бумагъ и вызванное этимъ обложеніе рентъ 13,21% оказали угнетающаго дѣйствія на курсъ итальянской ренты ни внутри страны, ни за границей, такъ что эта рѣшительная мѣра вступила въ жизнь въ всякой помѣхи.

Въ Италіи необходимость декларацій подобнаго налога неизмѣнно признается съ самаго введенія податной реформы. Законъ (въ статьяхъ 13, 14, 21, 31 и 32) требуетъ совершенно специфическаго объясненія дохода посредствомъ количественнаго расчлененія его и указанія всѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ расчета. Отступая отъ нѣмецкаго законодательства, итальянскій законъ за неисполненіе этой обязанности или невѣрные показанія угрожаетъ штрафомъ, въ размѣрѣ половины налога, уплаченнаго на необъявленную часть дохода.

Чтобы облегчить контрибуентамъ ихъ обязанности, законъ предоставляетъ право давать показанія о доходѣ устно бургомистру или податному звенику.

Всѣ виды доходовъ, въ цѣляхъ ихъ различнаго обложенія, дѣлятся на классы, которыхъ деклараціи должны точно придерживаться.

Много вниманія посвятило итальянское законодательство важному вопросу уменьшенія въ окладѣ налоговъ. При недостаточномъ урегулированіи этого вопроса легко можетъ произойти, что контрибуентъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени долженъ будетъ платить налогъ съ дохода, которымъ давно уже не пользуется. Итальянскій законъ признаетъ каждый вновь появившійся доходъ подлежащимъ немедленному обложенію и, наоборотъ, прекратившійся немедленному изъятію изъ обложенія. Дополнительное обложеніе увеличенныхъ доходовъ производится по указанію столичной или финансовой администраціи, тогда какъ разсмотрѣніе уменьшенія дохода производится только по указанію заинтересованной стороны.

Для доходовъ, получаемыхъ отъ торговли, промышленности и свободныхъ профессій (за исключеніемъ акціонерныхъ компаній), провѣрка оснований для подходнаго налога со стороны плательщиковъ происходитъ по закону не ежегодно, а черезъ каждые два года, ежегодно же только въ случаѣ заявленія самихъ плательщиковъ; всѣ остальные доходы провѣряются ежегодно. Вопросъ о возникновеніи податной обязанности рѣшается по тому смыслу, что налогъ измѣняется по доходу предшествующаго обложения финансового года (который считается отъ іюля до іюля), но обяза-

теленъ для дѣйствительнаго дохода, полученнаго въ годъ, къ которому онъ носитъ обложеніе.

Въ цѣляхъ различнаго обложенія, доходы (по ст. 54—57) раздѣляются на 4 категоріи: по категоріи *a*) облагается налогомъ вся сумма прибыли сюда принадлежатъ доходы съ капиталовъ; къ категоріи *b*) относятся доходы, полученные отъ соединенія капитала и труда, слѣдовательно, съ промышленныхъ предпріятій (индустріи, сельско-хозяйственной аренды, торговли); они облагаются только въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ своей суммы; къ категоріи *c*) относятся нефундированные доходы, какъ-то: поденная плата, вознагражденіе за частную службу и, наконецъ, личныя, т.-е. независимыя отъ владенія капиталомъ, ренты; по этой категоріи налогомъ облагается $\frac{2}{3}$ суммы дохода; по категоріи *d*) облагается $\frac{1}{3}$ суммы дохода; сюда относятся жалованье и пенсіоны, выплачиваемыя государственными, провинціальными, общинными кассами. Пятую группу составляютъ доходы такъ называемыхъ арендаторовъ изъ-полу. Эти платятъ 5% подоходной подати, если она арендуемые участки составляетъ сумму выше 50 лиръ. Кроме того, доходы съ земель облагаются налогомъ, въ 8 разъ превосходящимъ поземельную подать. Податныя доли остальныхъ группъ (еще со времени законовъ 60—70 гг.) облагаются отъ 8 до 12% и десятипроцентнымъ дополненіемъ, слѣдовательно, 13,20%.

Чрезвычайно спутаны правила, касающіяся освобожденія отъ налоговъ главнымъ образомъ, потому, что по прежнимъ законамъ не было никакого перехода отъ полнаго освобожденія къ низшимъ степенямъ налога. Теперь для категорій *b* и *c* установлены степени, которыя позволяютъ постепенно увеличивать окладъ съ подлежащихъ обложенію доходовъ отъ 400 до 800 лиръ и только затѣмъ установить полный окладъ. По этимъ категоріямъ именно изъемяются отъ обложенія при 401—500 дохода—250 лиръ; при 501—600 лирахъ—200; при 601—700 лирахъ—150; при 701—800 лирахъ—110, и, только начиная съ 800 лиръ, къ обложенію привлекается доходъ въ полномъ объемѣ. Но для категоріи *a* остается полный окладъ отъ 13,20% безъ различія источниковъ дохода и безъ освобожденія малыхъ суммъ. Для категоріи *d* сохраняется полное освобожденіе суммъ ниже 400 лиръ.

Раскладка и взиманіе подоходнаго налога основывается на четырехъ реестрахъ: 1) реестръ личный (*la lista*), представляемый общинами; 2) окладныя листы (*tabella*), составляемыя податными учрежденіями на основаніи проверенныхъ и дополненныхъ податныхъ декларацій (*schede*); въ эти листы вносятся собственно не налоги, а доходы; 3) кадастръ (*registro*), тотъ же, также безъ податныхъ долей со всѣми измѣненіями, который служитъ, въ одно и то же время, документомъ для кадастра и основаніемъ для статистики; 4) реестръ для взиманія (*il ruolo*), который составляется податными чиновниками и до 15 сентября каждаго года долженъ быть представленъ для проверки къ интенданту. Взиманіе производится общинными сборщиками, которые ставятся и оплачиваются одной или нѣсколькими общинами. Взиманіе совершается въ шесть двухтысячныхъ періодовъ.

Подходный налогъ въ Италиі, при расчетѣ на каждую душу, составляетъ 6,00 лирь, прямыя налоги вообще 13,34, тогда какъ въ Испаніи они составляютъ 13,77, во Франціи—11,70, въ Австріи—11,03, въ Англии—11,60, въ Германіи—7,10, а въ Россіи только 5,74.

Хотя итальянскій подходный налогъ—не общій, такъ какъ при немъ держиваются поземельныя и подомовыя подати съ среднею доходностью въ 2 милл. лирь (почти равною, слѣдовательно, доходности подходнаго налога), все-таки, онъ довольно близко подходитъ къ общему подходному налогу. Отличительными качествами итальянскаго подходнаго налога служатъ: прекраснѣйшая обработка деталей и организація податныхъ учрежденій, образцовыя приемы обложенія и взиманія и забота о чистой прибыльности налога. Если главными побудительными причинами при созианіи закона о подходномъ налогѣ и были фискальныя интересы, то, възмъ не менѣе, все-таки, много было сдѣлано для того, чтобы государственныя тягости распредѣлить равномѣрно, насколько это вообще возможно при частномъ подходномъ налогѣ.

Точно также введены были облегченія въ предѣлахъ, какіе допускало финансовое положеніе государства. Чтобы контрибуентовъ съ малыми доходами, которые, главнымъ образомъ, и воспользовались облегченіями недавняго законодательнаго періода, не урѣзать въ ихъ политическихъ правахъ, въ ст. 73 выразительно было оговорено, чтобы занесенные въ административныя и политическія избирательныя списки не вычеркивались изъ нихъ, несмотря на произведенныя уменьшенія налога, которыя могли бы лишить ихъ избирательныхъ правъ.

Если даже налогъ на долговыя проценты безъ всякаго вычета кажется слишкомъ тяжелымъ и отягощеніе доходовъ все еще довольно сильнымъ, то, възмъ, все-таки, становится гораздо меньшимъ, если принять во вниманіе инфляцію доходовъ, которая, несмотря на образцовыя приемы, несомнѣнно значительно ниже дѣйствительнаго дохода съ движимаго имущества.

У.

Швейцарія.

До конца прошлаго столѣтія финансовое хозяйство Швейцаріи въ главныхъ чертахъ носило еще средневѣковый характеръ. Большая часть кантоновъ владѣла значительнымъ государственнымъ имуществомъ, которое давало крупныя доходы; къ этому присоединялись доходы отъ регалии и косвенныхъ налоговъ. Когда дѣло коснулось введенія прямыхъ налоговъ, обратились къ поимущественному доходу. Въ теченіе этого столѣтія все больше и больше давало себя чувствовать стремленіе дополнить поимущественный налогъ другими видами налоговъ, чтобы объять также и нефундированныя доходы. Такъ образовался подходный налогъ, который, однако, въ различныхъ кантонахъ принялъ различныя формы; въ нѣкоторыхъ его и теперь нѣтъ. Мы встрѣчаемъ въ Швейцаріи: 1) общій и почти об-

щій подоходный налогъ; 2) подоходный налогъ, служащій коррективомъ поимущественному. Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ собственно подоходнаго налога не существуетъ, введены преимущественно такіе виды налоговъ, которыя заступаютъ собой дополнительный подоходный налогъ.

Было бы немисливо представить здѣсь подоходный налогъ во всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ и прослѣдить всѣ особенности этого налога въ каждомъ изъ нихъ, почему мы и ограничимся краткою характеристикой.

Общій подоходный налогъ, которымъ облагаются всѣ доходы, какъ фундированные, такъ и нефундированные, существуютъ только въ одномъ городѣ Базель. Объясненія этому надо искать въ томъ, что здѣсь исходили не отъ поимущественнаго налога, какъ въ большинствѣ другихъ кантоновъ, но прямо отъ подоходнаго налога; поимущественный же налогъ введенъ здѣсь уже поздне именно закономъ отъ 4 іюля 1866 г. Основанія нынѣ существующаго подоходнаго налога даны закономъ 31 мая 1880 г. съ нѣкоторыми измѣненіями сдѣланными 21 марта 1887 г. Подлежащимъ налогу доходомъ считается всякаго рода видъ пріобрѣтенія, будетъ ли таковое сдѣлано путемъ торговли, предпріятій, промышленности, ремесла или какой-нибудь иной профессіи или путемъ выручки отъ продажи хозяйственныхъ продуктовъ, путемъ процентовъ или прибыли съ капиталовъ и недвижимости, причемъ не дѣлается никакой разницы, лежатъ ли эти капиталы или недвижимость въ кантонахъ, или нѣтъ; наконецъ, путемъ жалованья, пенсіоновъ, натурального продовольственнаго рентъ, случайныхъ доходовъ и наградъ, исходятъ ли они отъ присутственныхъ мѣстъ или отъ частныхъ лицъ и учреждений. Каждый плательщикъ обязанъ засвидѣтельствовать вѣрность своихъ показаній «по долгу и совѣсти» устно или письменно. Податной окладъ регрессивный, съ далеко распространяющимися освобожденіями слабѣйшихъ податныхъ силъ.

Почти общій подоходный налогъ имѣетъ кантонъ Базель. Здѣсь облагается налогомъ, прежде всего, имущество и независимо отъ этого доходъ и прибыль; исключеніе изъ этого составляютъ проценты съ капиталовъ, обложенныхъ уже поимущественною податью. Каждый плательщикъ объявляетъ самъ высоту своего дохода; если онъ въ теченіе извѣстнаго срока не воспользовался правомъ самооцѣнки, то онъ теряетъ право обжалованія оцѣнки общиннаго совѣта настолько, насколько на немъ остается окладъ налога предыдущаго года; кромѣ того, онъ платитъ общинному совѣту за его труды вознагражденіе въ размѣрѣ 10% съ приведенной въ извѣстность суммы налога. Каждый разъ исчисленіе налоговъ предоставляется народному veto.

Въ 1889 г., съ цѣлью покрытія издержекъ на расширеніе госпиталей кантона, съ каждаго 100 фр. дохода и выручки взималось 30 сент. налога.

Громадное большинство швейцарскихъ кантоновъ пользуется подоходнымъ налогомъ, только какъ коррективомъ, избѣгая облагать одинъ и тотъ же объектъ вдвойнѣ, какъ это дѣлается въ г. Базель; тамъ, гдѣ поимущественный налогъ не примѣнимъ, выступаетъ, какъ коррективъ, налогъ на

ходъ и прибыль. Такое положеніе имѣетъ мѣсто въ Ааргау, Бернѣ, Сень-Галленѣ, Граубюнденѣ, Люцернѣ, Неуэнбургѣ, Обвальденѣ, Шафгаузенѣ, Тессинѣ, Тургау, Ури, Ваадтѣ, Цугѣ и Цюрихѣ.

Въ общемъ, въ этихъ кантонахъ подлежитъ налогу доходъ гражданъ и жителей, какъ и существующихъ корпорацій. Изъемяются изъ обложенія большею частью малые доходы, затѣмъ годовой доходъ (отъ процентовъ, рентъ и т. д.), который приносится капиталами, подвергнутыми уже имущественному налогу. При исчисленіи годового дохода дѣлается скидка движимаго и недвижимаго капитала, охваченнаго уже поимущественнымъ налогомъ. Эта отчисляемая доля измѣряется различно: въ Неуэнбургѣ, Обвальденѣ, Шафгаузенѣ, Ваадтѣ и Цугѣ отчисляется 5%, въ Цюрихѣ—до 5%, въ Ааргау—4—5%, въ Ури—4½%, наконецъ, въ Бернѣ, Сень-Галленѣ, Граубюнденѣ и Тургау—4%. Въ Люцернѣ же указано только въ общей формѣ, что изъ дохода исключаются проценты съ оборотнаго капитала и проч. Само собою разумѣется, существуютъ также и другіе отличительные моменты; изъ нихъ надобно указать на одинъ: въ Бернѣ отъ подоходнаго налога совершенно освобождены: доходы съ капиталовъ и земель, въ которыхъ взимается поимущественный налогъ, и доходы съ предприятий, которыя уже, какъ таковыя, уплатили налогъ съ земли, капитала или дохода, будь это въ кантонѣ или даже внѣ Швейцаріи, затѣмъ вклады въ гиротечныя кассы. Въ Граубюнденѣ не подлежитъ подоходному налогу прибыль, получаемая съ сельскаго хозяйства. Въ то время, какъ въ большинствѣ кантоновъ пенсіи и проч. подлежатъ подоходному налогу, въ Люцернѣ и Обвальденѣ этотъ видъ дохода подлежитъ поимущественному налогу, по расчету налога на капиталъ, причемъ въ этихъ двухъ кантонахъ за окладной капиталъ принимается сумма, увеличенная въ 20 разъ. Такимъ образомъ, разграниченія весьма различны, но тамъ, гдѣ прекращается поимущественный налогъ, начинается дѣйствіе подоходнаго налога и наоборотъ.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ, какъ уже замѣчено выше, подходный налогъ совсѣмъ не введенъ. Его мѣсто заступаютъ въ такихъ случаяхъ другіе дополнительные сборы. Такъ, Фрейбургъ взимаетъ подходный налогъ только съ чистаго дохода, который получается съ общественныхъ или частныхъ должностей; прочій доходъ облагается широко-захватывающимъ промысловымъ налогомъ. Подобно этому, въ Валлисѣ существуетъ промысловый налогъ; при этомъ есть еще затрогивающая почти всѣ хозяйства личная подать.

Глерусъ, Нидвальденъ и Швицъ рядомъ съ поимущественною податью взимаютъ поголовную.

Выше было указано, что цѣль подоходнаго налога въ различныхъ государствахъ различна и въ существенномъ зависитъ отъ формы развѣтвія остальныхъ податей. Приведенныя свѣдѣнія о подоходномъ налогѣ въ Германіи, Англии, Австріи и т. д. въ достаточной степени доказали это. Съ выраженіемъ «подходный налогъ» не связано понятія, ко-

торое было бы вездѣ одинаково. Чтобы получить характеристику этого налога въ разныхъ государствахъ, необходимо соображаться съ матеріальнымъ содержаніемъ относящихся сюда законовъ и сообразить этимъ различать общій подоходный налогъ отъ специальныхъ, ограниченныхъ, добавочныхъ. Общій подоходный налогъ существуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ захватываются всѣ виды доходовъ, когда ему принадлежитъ общій чистый доходъ плательщиковъ. Наоборотъ, дѣло идетъ о специальныхъ, ограниченныхъ видахъ подоходнаго налога, когда имъ захватываются отдѣльные виды доходовъ, когда онъ служитъ только коррективомъ.

Придерживаясь этого дѣленія, мы найдемъ:

Общій подоходный налогъ: въ Англіи, Пруссіи, Саксоніи, Баденѣ, Гессенѣ, Саксенъ-Веймарѣ, Ольденбургѣ, Саксенъ-Мейнингенѣ, Саксенъ-Альтенбургѣ, Саксенъ-Кобургѣ, Саксенъ-Готѣ, Ангальтѣ, Шварцбургъ-Рудольштадтѣ, Шварцбургъ-Зандергаузенѣ, Вальдекѣ, Рейсѣ младшей линіи, Липпе-Шаумбургѣ, Липпе, Любекѣ, въ Бременѣ, Гамбургѣ, въ г. Базелѣ (кантонъ Базель).

Спеціальныя подоходныя налоги: въ Баваріи, Вюртенбергѣ, Гогенцоллернскихъ княжествахъ, Рейсѣ старшей линіи, въ Австріи, Италіи и большаго части швейцарскихъ кантоновъ.

Только въ этомъ столѣтіи подоходный налогъ получилъ широкое распространеніе, хотя онъ не введенъ еще во многихъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ прибѣгали къ подоходному налогу въ трудныя времена въ особенно тяжелыхъ обстоятельствахъ, какъ къ спасительному средству. Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Данія, гдѣ подоходный налогъ, какъ государственный, никому не знакомъ, хотя онъ, какъ коммунальная подать, весьма распространенъ тамъ. Но временно, какъ государственный налогъ, вводится онъ и въ Даніи, именно (если ужъ не говорить о существовавшихъ тамъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ видахъ налога, сходныхъ съ подоходнымъ) въ 1810 и слѣдующихъ годахъ, во время войны съ Англіей, потомъ въ 1848, 1864, 1867 — 68, 1870 — 72 г. Въ теченіе двухъ послѣднихъ указанныхъ финансовыхъ лѣтъ всѣ плательщики подоходнаго налога обложены были опредѣленнымъ 2½% окладомъ отъ налога были освобождены только тѣ, которые получали доходъ до 800 кронъ (въ Копенгагенѣ), 700 (въ провинціальныхъ городахъ) и 600 (въ сельскихъ округахъ). Точно также въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ отдѣльные штаты громадную часть своихъ нуждъ покрываютъ подоходнымъ налогомъ, этотъ послѣдній въ высокомъ размѣрѣ былъ временно введенъ во время гражданской войны.

Во Франціи также нѣтъ собственно подоходнаго налога. Его мѣсто занимаетъ личный налогъ и налогъ на движимость. Разумѣется, въ побужденіяхъ ввести тамъ подоходный налогъ недостатка не было, и съ 1848 года въ этомъ направленіи сдѣлано было много попытокъ; въ 1888 г. министръ финансовъ Пейтраль предложилъ палатѣ депутатовъ новый проектъ подоходнаго налога, но испыталъ, однако, судьбу своихъ предшественниковъ. В.

настоящее время серьезныя попытки ввести подходный налогъ возобновились съ большими шансами на успѣхъ.

Такъ какъ всѣ налоги выплачиваются, въ конечномъ своемъ источникѣ, изъ доходовъ, то взаимнѣе разнообразныхъ налоговъ предлагается иногда ввести одинъ общій подходный налогъ. Многія задачи податнаго вопроса были бы, такимъ образомъ, разрѣшены однимъ приѣмомъ, и мѣсто крайне сложной системы податей заняла бы простѣйшая, какую только можно представить себѣ, форма обложенія.

Конечно, въ этой мысли много заманчиваго: тогда рѣзко выступило бы этическое значеніе налога. Съ финансовой точки зрѣнія этотъ единственный налогъ былъ бы весьма цѣлесообразенъ, потому что, такимъ образомъ, государство, удовлетворяя требованіямъ самой строгой справедливости, могло бы обезпечить себѣ необходимый доходъ безъ продолжительныхъ взысканій и безъ значительныхъ издержекъ.

Предложеніе замѣнить многообразіе податей единственнымъ налогомъ далеко не ново. Уже маршалъ Вобанъ защищалъ эту мысль въ своемъ *Projet d'un dixme royal* (1707), предлагая отмѣнить всѣ существовавшіе тогда налоги, за исключеніемъ нѣкоторыхъ податей на предметы потребленія, и замѣнить ихъ единственнымъ подходнымъ и поземельнымъ налогомъ. Физиократы, усвоивъ эту идею о преобразованіи податной системы на почвѣ единообразнаго общаго налога, требовали единственной подати на поземельную собственность. Въ литературѣ финансоваго права мысль эта то въ той, то въ другой формѣ постоянно находила себѣ послѣдователей и сторонниковъ.

Вл. Кр.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Противузаразные средства и дезинфекція.

Въ современной медицинѣ все рѣзче и рѣзче выступаетъ новое направленіе, выражающееся въ томъ, что врачи, потерявъ вѣру въ аптечныя средства, всѣ надежды возлагаютъ на такъ называемыя предупредительныя мѣры и на цѣлебныя силы самого организма.

Особенно рельефно выражается это направленіе въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями, въ особенности такими, какъ чума или холера, при которыхъ жизнь нерѣдко угасаетъ въ теченіе какихъ-нибудь 24 часовъ, а смертность нерѣдко достигаетъ 60 и болѣе процентовъ. Эти эпидеміи иногда держатся довольно долго и носятъ при этомъ весьма злокачественный характеръ. Леченіе при такого рода болѣзняхъ, въ особенности при тяжкихъ формахъ, является мало надежнымъ, а потому въ настоящее время всѣ старанія направляются къ тому, чтобы какъ-нибудь ослабить развитіе болѣзни, задержать ея распространеніе, сдѣлать эпидемію менѣе злокачественною.

Съ весны текущаго года, въ виду холеры, появившейся въ Персіи, въ Россіи начались энергическія мѣропріятія, имѣющія цѣлью оздоровленіе страны, угрожаемой опасностью занесенія столь ужасной болѣзни. Въ іюлѣ холера, однако, появилась и у насъ, а въ настоящее время она перешла и въ Западную Европу. Оздоровительныя работы, равно какъ и мѣропріятія карантиннаго характера (осмотры, опросы врачей и обсерваціи), по обыкновенію, не помѣшали быстрому ея распространенію по воднымъ и сухимъ путямъ.

Теперешняя эпидемія хотя и охватила довольно обширный районъ, въ общемъ, однако, признается не особенно сильною и злокачественною; только мѣстами она принимала болѣе или менѣе угрожающій характеръ. Въ настоящее время холера замѣтно ослабѣла и, повидимому, должна скоро прекратиться; но это не значитъ, что она должна угаснуть совсѣмъ и уже болѣе не возвратится. Напротивъ того, есть много основаній ожидать весною новаго взрыва эпидеміи.

Предпринятое своевременно и энергично проведенное улучшеніе санитар-

наго состоянія городовъ и мѣстечекъ несомнѣнно имѣло благоприятное вліяніе и въ извѣстной степени ослабило развитіе эпидеміи. Между принятыми мѣрами на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить очищеніе грязныхъ дворовъ, площадей, отхожихъ мѣстъ, помойныхъ ямъ и т. под., а на второмъ такъ называемую *дезинфекцію*—обеззараживаніе вещей и всякаго рода отбросовъ, съ помощью особыхъ химическихъ веществъ, называемыхъ *дезинфекціонными* или *противузаразными*.

Мѣропріятій перваго рода мы не будемъ здѣсь касаться, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу и болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно. Едва ли нужно доказывать, что грязь и всякія нечистоты особенно благоприятствуютъ развитію эпидеміи, а потому, прежде всего, конечно, слѣдуетъ во всемъ соблюдать строжайшую чистоту. Необходимо очистить дворы и отхожія мѣста и содержать ихъ опрятно; нужно заботиться также о чистотѣ жилищъ и о чистотѣ тѣла, чаще мыться въ банѣ, чаще мѣнять бѣлье, умываться по нѣскольку разъ въ день, особенно передъ ѣдой, полоскать ротъ, чистить зубы и пр. Вотъ къ чему существенно сводятся всѣ мѣропріятія, имѣющія цѣлью соблюденіе чистоты. Менѣе понятнымъ представляется борьба съ холерою при помощи разныхъ жидкостей, кристалловъ и порошковъ, именуемыхъ дезинфекціонными средствами. Ихъ роль и значеніе не достаточно выяснены наукою и представляются не совсѣмъ понятными даже специалистамъ (врачамъ, гигиенистамъ и проч.). Тѣмъ менѣе, конечно, знаютъ объ этомъ мудреномъ предметѣ публика, санитары, санитарные попечители, дезинфекторы, фельдшера, сестры милосердія, представители администраціи и т. п. лица, по своему положенію имѣющія къ дезинфекціи то или другое отношеніе.

Въ настоящее время никто, конечно, не сомнѣвается, что зараза дѣйствительно какъ бы «прилипаетъ» къ различнымъ предметамъ, съ которыми больною соприкасается, и прочно и надолго на нихъ удерживается. Случаи зараженія черезъ вещи нерѣдко наблюдались по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, все, что окружаетъ больнаго заразною болѣзнію, является носителемъ заразы, его платье, бѣлье, постель, стѣны и даже нерѣдко окружающій воздухъ. Отсюда, для предупрежденія развитія такихъ болѣзней, возникли различные способы, имѣющіе цѣлью освободить зараженные вещи отъ заразы, удалить или разрушить ее, обеззаразить или, какъ обыкновенно говорятъ, *дезинфицировать*. Но для того, чтобы возможно было этого достигнуть, надо, прежде всего, имѣть совершенно ясное представленіе о природѣ заразнаго вещества и о дѣйствіи на него различныхъ химическихъ препаратовъ. Къ сожалѣнію, въ этой области до сихъ поръ еще царитъ глупый мракъ. Здѣсь, по обыкновенію, все дѣлается безсознательно, ошупью, и можно съ увѣренностью сказать, что большинство домовладѣльцевъ, санитаровъ, представителей власти имѣютъ лишь самое смутное понятіе о сущности дезинфекціи и о дѣйствіи разныхъ обеззараживающихъ веществъ. Только въ самое послѣднее время мракъ этотъ мало-по-малу начинаетъ разсѣиваться, хотя въ настоящее время вопросъ о дѣйствительномъ зна-

чени дезинфекціи—вопросъ спорный и къ ней до сихъ поръ многіе ученые относятся скептически, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она примѣняется на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, при наличности существующихъ наблюдений по этому интересному вопросу, мы не можемъ не признавать за дезинфекціей извѣстнаго предупреждающаго и охраняющаго значенія, если, разумѣется, она выполняется соответственными веществами и не оцупью, а сознательно, насколько это является возможнымъ при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній о сущности заразныхъ веществъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы поставили себѣ цѣлью—разобраться нѣсколько въ мнѣніяхъ и противорѣчійхъ по этому вопросу и установить, по возможности, научный взглядъ на задачи дезинфекціи и способы ея выполнения.

Собираясь уничтожить «заразу», мы, прежде всего, должны, конечно, знать, что такое зараза или заразное вещество. Необходимо знать врага, съ которымъ собираемся бороться. Но нужно сознаться, что о природѣ заразныхъ веществъ мы и теперь еще знаемъ очень мало. К. Негели говоритъ, что «относительно свойствъ заразительной матеріи мы все еще находимся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ онъ далѣе,—изъ множества самыхъ тщательныхъ наблюдений неопровержимо слѣдуетъ, что заразное вещество, во первыхъ, въ большинствѣ случаевъ, очевидно, попадаетъ въ насъ изъ воздуха, а во-вторыхъ, достаточно самыхъ ничтожныхъ количествъ его, чтобы произвести зараженіе».

Затѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что зараза—вещество не газообразное и, притомъ, органическое, но не безформенное, а организованное, т.-е. имѣющее опредѣленное строеніе. Негели полагаетъ, что она проникаетъ въ наше тѣло изъ воздуха въ видѣ мельчайшихъ, невидимыхъ, взвѣшенныхъ въ немъ пылинкахъ, которыя поднимаются въ атмосферу изъ почвы, какъ это бываетъ въ тифозныя и холерныя эпидеміи. Пылинки эти подѣ сильными микроскопами являются организованными; онѣ представляютъ собою простѣйшіе растительные организмы, настолько мелкіе (длина, наприм., 0,002 — 0,004 миллиметра, ширина 0,001 миллим.), что въ 1 миллиграммъ ихъ можетъ содержаться во влажномъ состояніи до 250 миллионъ особей, а въ высушенномъ даже до 800 миллионъ (Эрисманъ). Въ 1 куб. миллим. можно плотно уложить 633 миллиона штукъ (Конъ). Онѣ легко переносятся и распространяются самыми слабыми воздушными течениями, чрезвычайно быстро размножаются *) при благоприятныхъ условіяхъ и отлично противустоятъ различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Благодаря своей живучести и подвижности, онѣ легко проникаютъ въ тѣло животныхъ и производятъ въ немъ различныя болѣзненные явленія. Слѣдовательно, думаютъ теперь, заразная болѣзнь можетъ возникнуть только тогда, когда въ тѣло проникнетъ тотъ

*) По Кону, отъ 1 бактеріи въ 24 часа получается $15\frac{1}{2}$ миллионъ, а черезъ 2 дня потомство достигаетъ 281 $\frac{1}{2}$ миллиарда, черезъ 3 дня—47 триллионъ. Если размноженіе происходитъ при благоприятныхъ условіяхъ, то черезъ 5 дней потомство одной бактеріи можетъ заполнить пространство, занимаемое океаномъ (Черинговъ: „Причины заразныхъ болѣзней“).

или иной видъ микроскопическаго растеньица — грибка, обусловливающего своимъ присутствіемъ болѣе или менѣе глубокія измѣненія въ отравленіяхъ различныхъ органовъ нашего тѣла. Ихъ называютъ чаще всего *микробами* или *бактеріями*. Иногда они замѣтно различаются по своей формѣ *) и величинѣ, чаще же всего такъ сходны между собою по наружному виду, что ихъ весьма трудно различить. Тѣмъ не менѣе, для нѣкоторыхъ изъ нихъ доказано, что они образуютъ совершенно опредѣленные виды.

Какъ принимаетъ большинство ученыхъ, для каждой заразной болѣзни существуетъ особый микробъ, ее вызывающій (для холеры, чахотки, возвратной горячки, дифтерита, сибирской язвы и др. специфическій грибокъ открытъ и изслѣдованъ). По мнѣнію другихъ, однѣ модификаціи легко превращаются въ другія при соответствующихъ условіяхъ, такъ что, наприм., совершенно безвредные грибки могутъ превратиться въ заразные и наоборотъ. По Негели, всѣ патогенныя (болѣзнетворныя) бактеріи, нападающія на растительные и животныя организмы, происходятъ отъ обыкновенныхъ, безвредныхъ микробовъ, живущихъ среди разлагающихся веществъ, а Бухнеръ утверждаетъ, что бактерія сибирской язвы происходитъ отъ невиннаго грибка, живущаго въ настоѣ сѣна (такъ называемый сѣнной грибокъ). Затѣмъ Ценьковскій наблюдалъ для нѣкоторыхъ бактерій, что онѣ могутъ являться въ различныхъ формахъ, представляющихъ только лишь различныя стадіи развитія одного и того же грибка (а не самостоятельные виды, какъ можно бы предполагать).

Размноженіе бактерій происходитъ двояко: путемъ дѣленія и посредствомъ свободно образующихся внутри влѣтокъ споръ. Эти споры (зародыши) чрезвычайно малы, значительно меньше самихъ бактерій, и отличаются удивительною стойкостью и выносливостью ко всякимъ вреднымъ вліяніямъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторыя болѣзнетворныя бактеріи споръ не образуютъ (наприм., бациллы холеры и брюшнаго тифа). Въ отношеніи дезинфекціи важно замѣтить, что бактеріи значительно легче погибаютъ подъ вліяніемъ обеззараживающихъ средствъ, чѣмъ ихъ споры, а такъ какъ холерная бактерія споръ не образуетъ, то это весьма облегчаетъ дезинфекцію во время холеры.

Существуютъ послѣдователи совершенно другаго взгляда на причины заразныхъ болѣзней, думающіе, что болѣзнетворные грибки не сами собой вызываютъ болѣзни, а при посредствѣ различныхъ ядовитыхъ продуктовъ, ими выдѣляемыхъ. Такіе продукты жизнедѣятельности микробовъ (такъ называемые птомаины и лейкомаины) постоянно имъ сопутствуютъ и вмѣстѣ съ ними попадаютъ на слизистыя оболочки (въ легкія, желудокъ, ротъ) и въ кровь. Они въ изобиліи содержатся въ различныхъ выдѣленіяхъ больного, въ мокротѣ, гноѣ, рвотѣ, экскрементахъ. Это вопросъ и доселѣ спорный, а потому здѣсь было бы излишне вдаваться относительно его въ ка-

*) Шаровидной, яйцевидной (коккобактеріи), въ видѣ палочекъ (бациллы), нитей, спиралей (спириллы).

кля-либо подробности. Быть можетъ, вѣрнѣе, что болѣзнь вызываютъ оба эти агента одновременно. Такъ или иначе, непосредственно или посредственно, все же, по современнымъ воззрѣнiямъ, бактерiи являются причиною болѣзней, и этого пока для нашей цѣли совершенно достаточно.

Какъ было уже указано, грибки заразныхъ болѣзней (контагиозные грибки) чаще всего распространяются сухимъ путемъ или переносятся въ видѣ пыли воздушными теченiями, или разносятся предметами, къ которымъ они прилипаютъ; часто также они разносятся водою. Почти всякая вода *) въ большемъ или меньшемъ количествѣ содержитъ въ себѣ бактерiи и ихъ споры, освободиться отъ которыхъ можно только кипяченiемъ или фильтрацiей черезъ особые фильтры. Впрочемъ, споры такъ малы, что проходятъ даже чрезъ такіе фильтры. Тѣло всякаго больного какою-нибудь заразною болѣзнию кишитъ патогенными микроорганизмами и они въ безчисленномъ количествѣ находятся, напримѣръ, въ жидкихъ, твердыхъ и даже газообразныхъ выдѣленiяхъ (потъ, слущенiе кожи, дыханiе, мокрота и проч.). Приставши къ бѣлью, платью и др. предметамъ, они переносятся съ ними при соприкосновенiи съ больныхъ на здоровыхъ. Высыхая, послѣ какаго-нибудь механическаго воздѣйствiя, твердыя выдѣленiя распыливаются и такимъ образомъ микробы и ихъ споры попадаютъ въ воздухъ, съ которымъ они и разносятся повсюду. Особенно богата ими воздушная пыль въ населенныхъ и низменныхъ мѣстностяхъ. Какимъ же путемъ, спрашивается, проникаютъ они въ наше тѣло? Очевидно, черезъ покровы, черезъ кожу, а главнымъ образомъ черезъ слизистыя оболочки, въ особенности, когда онѣ гдѣ-нибудь повреждены, поранены и воздухъ свободно можетъ приходиться въ соприкосновенiе съ тканями нашего тѣла. Вполнѣ, конечно, ясно, что мы вдыхаемъ и проглатываемъ ежеминутно массы всевозможныхъ низшихъ грибковъ, преимущественно, конечно, безвредныхъ, хотя нерѣдко между ними встрѣчаются и патогенныя бактерiи (напримѣръ, во время эпидемiй). Они свободно проникаютъ и въ легкія, и въ желудокъ, и въ кишки, въ большинствѣ случаевъ, не производя, однако, никакихъ вредныхъ влiяній, по крайней мѣрѣ, на здороваго человѣка. Проходя въ желудокъ, нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются недѣятельными или даже совершенно погибаютъ въ немъ подъ влiянiемъ кислаго желудочнаго сока, содержащаго до $\frac{1}{2}\%$ соляной кислоты. Въ кишкахъ условiя болѣе для нихъ благоприятны и здѣсь микроорганизмы часто встрѣчаются въ огромномъ количествѣ. Проникая въ кровь**), микробы увлекаются ею, разносятся по всему тѣлу; особенно накапливаются и размножаются они въ сѣти капиллярныхъ сосудовъ, гдѣ движенiе крови замедляется. Самостоятельно же бактерiи могутъ проникать въ кровь капилляровъ только черезъ легкія, а именно черезъ тонкую и нѣжную оболочку легочныхъ пузырьковъ.

*) За исключенiемъ, можетъ быть, родниковой и ключевой, въ моментъ выхода на поверхность.

**) Находятся ли бактерiи въ крови здоровыхъ теплокровныхъ животныхъ—вопросъ спорный.

Мы знаемъ теперь, что собственно слѣдуетъ подразумѣвать, по современнымъ воззрѣніямъ, подъ словомъ «зараза», и какими путями она распространяется, переносится съ больныхъ на здоровыхъ. Если мы ознакомимся теперь съ жизнью бактерій и условіями, благопріятствующими ихъ развитію, то мы будемъ имѣть въ рукахъ ключъ для того, чтобы ближе подойти къ научному разрѣшенію занимающаго насъ вопроса: о значеніи дезинфекціи въ борьбѣ съ заразными болѣзнями.

Бактеріи стоятъ на послѣдней ступени растительнаго царства, ближе всего къ низшимъ водорослямъ, но отличаются существенно отъ нихъ отсутствіемъ хлорофилла и неспособностью усвоить углекислоту. Бактеріи въ этомъ отношеніи подобны грибамъ, такъ какъ питаются уже готовыми органическими веществами болѣе или менѣе сложнаго состава, разлагая ихъ на простѣйшія тѣла при процессахъ броженія и гніенія. Эти органическія вещества могутъ быть организованными (наприм., ткани животныхъ и растеній) или неорганизованными, въ видѣ разныхъ растворовъ и настоевъ (наприм., сахаристые растворы, растворы бѣлковыхъ веществъ и пр.). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, подъ вліяніемъ низшихъ грибковъ, они легко загниваютъ или бродятъ, причемъ происходитъ быстрое и энергическое ихъ разрушеніе. Бактеріи распространены повсюду, хотя не всегда и не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ. Если мы не замѣчаемъ ихъ присутствія, то только лишь потому, что онѣ по своей мелкости не видимы простымъ глазомъ. Ихъ можно видѣть только тогда, когда онѣ образуютъ колоніи. Такъ, ими кишатъ, наприм., сточныя воды нѣкоторыхъ заводовъ, навозныя лужи, отхожія мѣста, колодцы, дренажныя трубы, резервуары и трубы водопроводовъ, настоя сѣна, мяса, картофеля, гороха, бобовъ и т. п. Но особенно богаты бактеріями экскременты животныхъ, а еще болѣе мертвые животныя и растительныя организмы. Обыкновенные напитки: вино, пиво, молоко, при соприкосновеніи съ воздухомъ, быстро населяются низшими грибами, причемъ портятся, киснутъ, дѣлаются мутными. То же происходитъ и съ пищевыми продуктами, если они не защищены отъ нападенія бактерій низкою температурой (сохраненіе въ погребахъ) или утраненіемъ воздуха (сохраненіе консервовъ въ маслѣ, уксусѣ, въ герметическихкихъ жестянкахъ). Не нужно думать, что всѣ безъ исключенія бактеріи—наши враги; на самомъ дѣлѣ между ними есть и такія, которыя даже приносятъ намъ извѣстную пользу, какъ возбудители процессовъ броженія и гніенія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что весьма удобнымъ для бактерій мѣстожительствомъ являются верхніе слои почвы, содержащіе въ себѣ достаточное количество влаги, амміачныхъ и органическихъ веществъ. Здѣсь подъ вліяніемъ особой бактеріи происходитъ превращеніе амміачныхъ соединеній въ азотнокислыя соли (нитраты),—процессъ весьма важный для жизни растеній. Въ особености благопріятны, конечно, для жизни низшихъ грибовъ почвы, сильно загрязненныя всякими отбросами (навозъ, помой, экскременты и проч.), и онѣ дѣйствительно кишмя кишатъ ими. Даже и здоровый человѣческій организмъ содержитъ ихъ въ громадномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, при-

существование бактерий было доказано в совершенно здоровых органах (в мышцах, печени, селезенке, поджелудочной и слюнной железах), и тем не менее, никаких болезненных явлений в этих органах не наблюдалось. Деятельность патогенных грибов начинается тотчас же, как только произойдет какое-либо нарушение в здоровом отправлении органов; тогда они нападают на эти органы, разрушают питательные для организма вещества (сахар, белки) и отнимают кислород от кровяных шариков, причем образуются ядовитые продукты их жизнедеятельности. Так, наприм., во рту здорового человека живет множество микроскопических грибов, в большинстве случаев, безвредных, и между ними так называемый *bacillus septicus sputigenus*, в здоровом организме также совершенно безвредный; но при нарушении нормальных отправлений органов (наприм., при простуде) тот же самый грибок вызывает воспаление легких. Здоровые зубы отлично сохраняются; но стоит только повредить эмаль, как, вследствие деятельности особого микроба, развивается кариес зубов. Слюна содержит массы гнилостных бактерий (в особенности утормы) и потому обнаруживает ядовитые свойства, если ее ввести в кровь. Лечение при заразных болезнях сводится к тому, чтобы насколько возможно приостановить жизнедеятельность бактерий. В качестве лекарств (мало, однако, действительных) являются большею частью вещества до некоторой степени ядовитые, антисептические, в известном смысле дезинфицирующие. Они обеззараживают внутренние органы, слизистые оболочки, кровь. Таковы: салициловый натр, таннин, хинин, антипирин, карболовая кислота, бензойный натр, алкоголь и др. Для того, чтобы знать, какие химические продукты могут служить для дезинфекции и в качестве лекарств, нужно было изучить их действие на низшие грибы.

В этом направлении кое-что,— правда, немного,— уже сделано.

Уже давно известно, что бактерии особенно чувствительны к кислотам; в слабокислых растворах некоторые из них (как, например, сырная плесень) способны еще жить некоторое время, тогда как другие (наприм., грибок сибирской язвы) уже не могут в них существовать. Особенно энергично действуют минеральные кислоты (серная, соляная, азотная) и некоторые органические (винная, лимонная), слабые такие, которые вырабатываются при процессах брожения бродильными грибами (масляная, уксусная, молочная). Известно, что существуют бактерии, живущие отлично и в кислых жидкостях (кефирная и уксусная бактерии). Теперь понятно, почему желудок с своею кислотою реакцией представляет для большинства бактерий среду, неудобную для их жизни. Помимо того, что в здоровом желудке всегда содержится в значительном количестве соляная кислота, в него вводятся в значительных количествах и другие кислоты вместе с кислым молоком, кислотою капустой, солеными огурцами (молочная кислота), с вином (винокаменная и дубильная), с лимоном, яблоками, ягодами и проч. (лимонная, яблочная). Что касается спор, то они не только отлично противостоят даже крепким кислотам,

но и оказываются весьма стойкими въ довольно концентрированныхъ растворахъ нѣкоторыхъ ядовитыхъ солей (мѣдный купоросъ и даже сулема). Только ихъ совмѣстное съ теплотою дѣйствіе быстро убиваетъ споры бактерій. Менѣе чувствительны бактеріи къ щелочнымъ жидкостямъ; нѣкоторыя бактеріи (наприм., сѣнной грибокъ) хорошо выдерживаютъ даже сильно-щелочную среду, а слабо-щелочная (или средняя) представляется уже весьма благоприятною для ихъ развитія. Только крѣпкіе растворы щелочей убиваютъ ихъ или сильно задерживаютъ ихъ размноженіе, на чемъ и основано примѣненіе для дезинфекціи щелочныхъ дезинфекціонныхъ средствъ (зеленое мыло, гашеная известь, щелокъ).

Весьма важное значеніе для практики имѣетъ отношеніе бактерій и ихъ споръ къ нагрѣванію и охлажденію. Какъ общее правило, здѣсь можно принять, что нагрѣваніе до извѣстной температуры благоприятно, а затѣмъ съ дальнѣйшимъ ея возвышеніемъ жизнѣдѣтельность ихъ мало-по-малу ослабѣваетъ и, наконецъ, совсѣмъ прекращается. Болѣе стойкими оказываются споры, для уничтоженія которыхъ требуется температура свыше 100° Ц. (иныя не теряютъ способности къ проростанію и при 130°). Что касается охлажденія, то, по существующимъ наблюденіямъ, бактеріи и въ особенности ихъ споры подъ вліяніемъ холода (по Фришу, даже до 110°) только спячатъ, а при отогрѣваніи вновь оживаютъ.

Чтобы покончить съ характеристикой бактерій, нужно еще замѣтить, что между продуктами, образующимися при процессахъ гніенія и броженія, есть много такихъ, которые дѣйствуютъ на бактерій какъ сильные яды; таковы, наприм., феноль, крезоль, скатоль, индолъ, фенолоуксусная кислота и т. д. Они препятствуютъ дальнѣйшему развитію бактерій, когда накопятся въ достаточномъ количествѣ, и, такимъ образомъ, процессъ приостанавливается самъ собою. То же самое происходитъ при кислыхъ броженіяхъ (молочномъ, уксусномъ), когда подъ вліяніемъ особыхъ грибковъ вырабатывается молочная и уксусная кислота. Въ большинствѣ случаевъ, прозябаніе бактерій сопровождается образованіемъ кислотъ; только при гніеніи мочи происходитъ щелочное броженіе, выдѣляется амміакъ — газообразное вещество щелочной реакціи.

Этихъ немногихъ свѣдѣній о бактеріяхъ будетъ достаточно для того, чтобы можно было до нѣкоторой степени ориентироваться въ разныхъ санитарныхъ мѣропріятіяхъ, а главнымъ образомъ въ вопросахъ оздоровленія и обеззараживанія помощью дезинфекціи.

Всѣ вообще дезинфекціонныя средства А. Гофманнъ подраздѣляетъ, смотря по способу ихъ дѣйствія, на 3 группы: 1) вещества, уничтожающія запахъ, дезодорирующія; 2) вещества собственно дезинфецирующія, препятствующія распространенію заразныхъ болѣзней; 3) антисептическія, останавливающія или уничтожающія процессы гніенія и броженія. Въ практикѣ мы не встрѣчаемъ обыкновенно столь строгаго подраздѣленія, потому что многія вещества обладаютъ одновременно свойствами не одной группы, а двухъ и даже трехъ, какъ, наприм., карболовая кислота.

Въ длинномъ рядѣ химическихъ обеззараживающихъ средствъ встрѣчаются весьма различныя тѣла: кислоты, щелочи, соли, спирты, углеводороды и т. д. Несмотря на то, что дезинфекционными свойствами обладаютъ многія вещества, практика могла, однако, воспользоваться лишь нѣкоторыми изъ нихъ. Изъ противузаразныхъ веществъ наиболѣе извѣстны кислоты: карболовая, тимоловая, салициловая, борная, сѣрная, дубильная, сѣрнистая, а также ѣдкая известь, деготь, мыло, сулема, квасцы, желѣзный и мѣдный купоросы, хлорная известь, эфирныя масла, іодоформъ, нафталинъ. Изъ нихъ въ практикѣ дезинфекціи употребляются съ успѣхомъ, и въ очень большихъ количествахъ, только: сулема, деготь, карболовая кислота и ея препараты, хлорная и ѣдкая известь, отчасти также сѣрная кислота и зеленый купоросъ. Для обеззараживанія вещей послѣ больныхъ инфекционными болѣзнями въ госпиталяхъ часто теперь примѣняется, и съ отличныиъ успѣхомъ, дѣйствіе текучаго водянаго пара.

Въ ряду различныхъ дезинфекционныхъ средствъ сулема (хлорная ртуть) занимаетъ совершенно особое мѣсто, благодаря своимъ неоцѣненнымъ качествамъ убивать не только бактерій, но и ихъ споры, даже въ такихъ слабыхъ растворахъ, какъ, наприм., $\frac{1}{10}\%$ (т.-е. 1 часть раствора на 1000 ч. воды).

Быстрое и весьма широкое распространеніе въ санитарной и медицинской практикѣ сулема получила послѣ работъ знаменитаго Р. Коха, который наблюдалъ, что споры грибка сибирской язвы погибаютъ окончательно даже въ такомъ слабомъ растворѣ, какъ 1:10000, если подвергаются его дѣйствію въ теченіе часа. По его мнѣнію, сулема превосходитъ всѣ другія обеззараживающія вещества, тѣмъ болѣе, что она лишена всякаго запаха, довольно дешева и почти не портитъ дезинфецируемыхъ предметовъ, а самая дезинфекція производится легко и скоро простымъ смачиваніемъ или опыленіемъ въ теченіе 10—15 минутъ съ помощью пульверизатора. Достаточнымъ для практики и вполне надежнымъ въ отношеніи обеззараживанія Кохъ считалъ растворъ 1:1000. Его выводы и наблюденія были подтверждены работами другихъ ученыхъ и, такимъ образомъ, сулема заняла въ санитарной практикѣ совершенно привилегированное положеніе. Въ послѣднее время, однако, репутація сулемы была сильно подорвана. Наблюденія Гранше и Женеста, Гутмана, Мерке, Эсмарха, Беринга, Бера, Генле и Гюермана, Лапласа и Френкеля показали, что результатъ дѣйствія дезинфецирующаго раствора зависитъ отъ многихъ условій, наприм., отъ природы и плотности среды, въ которой находятся микробы (кровяная сыворотка, бульонъ средней или щелочной реакціи и т. п.), отъ количества микробовъ и отъ температуры. Но особенно важное значеніе имѣютъ опыты Жешперта, показавшаго, что сулема далеко не въ такой степени обладаетъ обеззараживающими свойствами, какъ думаютъ Кохъ и другіе. Онъ наблюдалъ, что споры сибирской язвы не погибали въ $\frac{1}{10}\%$ растворѣ и послѣ нѣсколькихъ часовъ дѣйствія; ихъ не убиваетъ даже 1% растворъ въ теченіе 12 минутъ.

Какъ самыя бактеріи, такъ и въ особенности ихъ споры обнаруживаютъ весьма различную сопротивляемость дѣйствию обеззараживающихъ веществъ. Споры одного и того же микроба (наприм., сибирской язвы), взятая изъ одной и той же разводки, а тѣмъ болѣе, конечно, изъ разныхъ, обладаютъ различною стойкостью по отношенію къ вреднымъ вліяніямъ. Докторъ А. А. Черкасъ *), повѣрившій выводы Жепперта, нашелъ, что однѣ споры погибали отъ $\frac{1}{10}$ ‰ раствора сулемы въ $\frac{1}{2}$ часа, другія въ $\frac{3}{4}$ часа, а нѣкоторыя только по истеченіи 5—6 час. Болѣе крѣпкіе растворы дѣйствуютъ скорѣе; такъ, растворъ 1:200 убиваетъ споры уже черезъ 10 мин., а 1:100—въ 3 мин. Различная стойкость зависитъ, между прочимъ, и отъ способа культуры. Если бактерію сибирской язвы разводить на мясо-пептонной желатинѣ при 18—19° Ц., то споры получаются менѣ стойкими, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда разводка была получена на картофелѣ при 30° Ц. Что касается микроба сибирской язвы, то онъ погибаетъ въ тысячномъ растворѣ сулемы уже черезъ 15 минутъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что экспериментаторамъ приходится сталкиваться съ большими затрудненіями при изслѣдованіи обеззараживающихъ свойствъ того или другаго дезинфекціоннаго средства. Получаемые результаты здѣсь могутъ зависѣть отъ множества обстоятельствъ, а потому вовсе неудивительны тѣ разногласія, съ которыми мы встрѣчаемся въ этой области.

Изъ опытовъ д-ра Черкаса слѣдуетъ, какъ это и нужно было предполагать, что чѣмъ крѣпче растворъ и продолжительнѣе его дѣйствіе, тѣмъ меньше остается неубитыхъ споръ. Для цѣлей же дезинфекціи вовсе нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы непременно всѣ споры погибли, такъ какъ и послѣ кратковременнаго дѣйствія обеззараживающаго раствора споры онѣ уже теряютъ свои заразительныя свойства. Здѣсь умѣстно, пожалуй, будетъ привести и самыя цифры, найденныя д-ромъ Черкасомъ. Споры грибка сибирской язвы черезъ 12 час. въ растворѣ 1:1000 еще не погибаютъ всѣ, а заразные свойства исчезаютъ уже черезъ 1 ч. 20 мин. Далѣе д-ръ Черкасъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ для того, чтобы выяснитъ, какъ дѣйствуетъ тысячный растворъ (1 на 1000) сулемы на бѣлье, платье и жилища помещенія. Для этого онъ вырѣзалъ небольшіе кусочки тканей и бвоевъ и опредѣлялъ въ нихъ количество микробовъ до опыта и послѣ шита, продолжавшагося въ одномъ случаѣ $\frac{1}{4}$ часа, въ другомъ — сутки. Оказалось, что всѣ микробы погибали только послѣ суточного дѣйствія раствора сулемы указанной крѣпости. При употребленіи сулемы въ медицинской и санитарной практикѣ нужно имѣть въ виду произведенные въ лабораторіи Коха (1890 г.) опыты Беринга, изъ которыхъ слѣдуетъ, что на жизнедѣятельность бактерій огромное вліяніе оказываетъ среда; для антисептическихъ и дезинфекціонныхъ цѣлей вовсе не безразлично, на что

* Докладъ медицинскому обществу при Варшавскомъ университетѣ (*Врачъ*, № 31): въ вопросу объ обеззараживаніи сулемой.

именно дѣйствуетъ растворъ сулемы той или другой концентраціи. Та наприм., бациллы сибирской язвы въ водѣ погибаютъ въ теченіе нѣско-кихъ минутъ уже отъ раствора 1:500,000, въ бульонѣ — 1:40,000, а кровяной сывороткѣ съ ними едва ли можетъ справиться растворъ 1:2,000.

Для практическихъ цѣлей весьма важно указать также, что въ воднѣ растворахъ сулема скоро слабѣетъ и мало-по-малу утрачиваетъ (въ извѣстной, конечно, степени) свои обеззараживающія свойства. Необходимо поэтому для дезинфекціи готовить всегда свѣжіе растворы не болѣе какъ на одни сутки. Кромѣ того, такъ какъ сулема растворяется въ водѣ съ трудомъ, то къ ней прибавляютъ всегда поваренной соли (на 1 часть сулемы 1 часть соли). Нечего, конечно, говорить, что воду надо употребить непременно обезпложенную, т.-е. такую, въ которой нѣтъ никакихъ живыхъ существъ (бактерій, споръ, инфузорій и проч.). Другими словами, надо брать дистиллированную или такую, которая предварительно подвергалась продолжительному (около 2-хъ часовъ) кипяченію. Если же придется употреблять обыкновенную воду, то къ ней предварительно при-бавляютъ уксусной кислоты (5 ч. на 1000).

Французское военно-медицинское вѣдомство ввело недавно въ военную фармакопею 10% растворъ сулемы, обладающій значительною стойкостью и потому заготовляемый заблаговременно. Для приготовления такого 10% раствора берутъ 100 гр. сулемы, по 50 гр. поваренной соли и винокла-мной кислоты *) и, чтобы окрасить растворъ въ красный цвѣтъ, 0,5 индиго-кармина. Все это насыпаютъ въ литровую стеклянку, наливая 400 к. с. воды, взбалтываютъ до растворенія и добавляют водой, что получилось ровно литръ. Когда изъ этого раствора понадобится полу-обыкновенный тысячный (1:1000), нужно 10 куб. сант. его развести до одного литра.

Хотя сулема въ концентрированномъ состояніи представляетъ собою сильнѣйшій ядъ и требуетъ соблюденія большой осторожности при со-прикосновеніи съ нею, въ слабыхъ растворахъ, употребляемыхъ для дезинфе-кціи ранъ, повязокъ, для мытья рукъ и всевозможныхъ предметовъ, ее счита-ютъ мало ядовитой. Поэтому д-ръ Гольмстенъ въ своей книгѣ **) рекоменду-етъ (надѣясь, должно быть, истребить, такимъ образомъ, всѣхъ холерныхъ ба-ктерій) обтирать и опрыскивать растворомъ сулемы рѣшительно все, и стѣны, и мебель, и стѣны, и полы, и платъе, и бѣлье (за исключеніемъ метал-лическихъ частей), увѣряя, что это совершенно безопасно. Да не подума-етъ читатель, что рѣчь идетъ о больницахъ или о холерныхъ баракахъ. Нѣтъ, д-ръ Гольмстенъ опрыскиваетъ сулемой всѣ безъ исключенія кварти-ры всякаго обывателя буквально съ головы до ногъ въ надеждѣ, что по-добной пульверизаціей никто холерой не заболѣетъ. Вотъ что по этому

*) По мнѣнію д-ра Черкаса, прибавка винокаменной (а еще лучше соляной) кислоты усиливаетъ обеззараживающія свойства сулемы.

**) *Холера. Предостраительныя мѣры противъ холеры въ домахъ и семьяхъ.* Изданіе второе. 1892 г.

воду пишетъ онъ въ своей книжкѣ: «Никто ни разу не наблюдалъ случая въ отравленія сулемой послѣ обеззараживанія помѣщенія и предметовъ обстановки, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обеззараживаніе производилось послѣ заразнаго больного и въ размѣрахъ болѣе сильныхъ, чѣмъ предлагается здѣсь». Далѣе д-ръ Гольмстенъ ссылается на профессора-гигиениста Ковальковскаго, который въ одномъ изъ своихъ трудовъ говоритъ, что опасности насчетъ отравленія сулемой напоминаютъ доброе старое время, когда боялись распространенія въ публикѣ зажигательныхъ спичекъ. И такъ, д-ръ Гольмстенъ въ сулемѣ видитъ универсальное противузаразное средство и совершенно безвредное. Многие, однако, держатся иного мнѣнія. Въ книжкѣ г. Рапчевскаго *) по поводу той же самой сулемы читаемъ: «Кратковременное обмываніе или, какъ часто предлагаютъ, опыливаніе растворомъ сулемы различныхъ подлежащихъ дезинфекціи предметовъ вполне не дѣйствительно, если предметы покрыты жирными пятнами или если на нихъ находятся засохшія бѣлковые изверженія или выдѣленія, такъ какъ въ первомъ случаѣ растворъ не смачиваетъ пятенъ, во второмъ—не проникаетъ въ глубину бѣлковыхъ пленокъ. Кромѣ того, сулема—весьма ядовитое вещество, а по отсутствію запаха и безвѣтности легко можетъ подать поводъ къ нечаянному или умышленному отравленію; при этомъ признаки отравленія сулемой при поверхностномъ наблюденіи настолько схожи съ признаками холеры, что своевременное распознаваніе и леченіе противоядіями можетъ оказаться невозможнымъ». Бруардель утверждаетъ, что «отравленія сулемой никогда не бываютъ столь часты, какъ во время холерной эпидеміи». На основаніи вышеизложеннаго, римская санитарная конференція полагаетъ, что вообще соли металловъ не могутъ найти обширнаго примѣненія при дезинфекціи во время холеры, такъ какъ во многихъ случаяхъ полная дезинфекція ими не достигается и, кромѣ того, онѣ могутъ представлять побочныя опасности. Очень жаль, что д-ръ Гольмстенъ не принялъ этого во вниманіе, рекомендуя сулему, какъ самое вѣрное и безопасное предохранительное средство, которымъ можно широко пользоваться въ домахъ и семьяхъ. Правда, для омыванія и опыленія пульверизаторомъ онъ рекомендуетъ довольно слабый растворъ ($\frac{1}{2}$ золотника сулемы въ $3\frac{1}{2}$ бутылкахъ воды или на ведро мягкой воды 3 зол. сулемы съ прибавкой для лучшаго растворенія 3 зол. обыкновенной соли), что составитъ почти $\frac{1}{10}\%$. Тѣмъ не менѣе, рекомендовать даже и такіе слабые растворы для всеобщаго употребленія не слѣдуетъ, особенно въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ предлагаетъ д-ръ Гольмстенъ. Нужно помнить, что сулема продается въ твердомъ видѣ, въ видѣ кусковъ, и что до переведенія ея въ тысячный растворъ обращеніе съ ней представляетъ, все-таки, извѣстную опасность.

Въ виду всего этого становится понятнымъ, почему въ дезинфекціонной практикѣ первенствующее значеніе въ настоящее время имѣетъ не сулема, а феноль, или, какъ чаще называютъ это вещество въ общежитіи, «карбо-

*) Основы дезинфекціи при холерѣ.

ловая кислота». Она имѣетъ видъ кристалловъ, смотря по степени чистоты, или безцвѣтныхъ, или окрашенныхъ обыкновенно въ желтый или бурый цвѣтъ, трудно растворимыхъ въ водѣ и плавящихся уже отъ солнечной теплоты. Добывается она въ большихъ количествахъ изъ каменноугольнаго дегтя во всѣхъ странахъ, гдѣ особенно развито газовое производство (Англія, Германія) *). Въ Россіи газъ получаютъ преимущественно изъ нефти, а потому производство карболовой кислоты у насъ не существуетъ и ее въвозятъ изъ-за границы.

Въ виду значительной дороговизны собственно карболовой кислоты, цѣна которой значительно повышается во время эпидемій, въ практикѣ дезинфекціи стали употреблять разные другіе продукты изъ каменноугольнаго дегтя, болѣе, конечно, дешевые, но обладающіе при извѣстныхъ условіяхъ весьма сильными обеззараживающими свойствами, значительно превышающими даже, по силѣ своего дѣйствія, водные растворы карболовой кислоты. Такіе продукты каменноугольнаго дегтя почти вовсе не содержатъ карболовой кислоты, но, тѣмъ не менѣе, носятъ названіе сырой (100% или 50% карболовой кислоты (*acidum carbolicum crudum*). Эти продукты существуютъ по составу изъ вышекипящихъ гомологовъ фенола и «крезоловъ», — веществъ, аналогичныхъ по составу и свойствамъ съ карболовою кислотой. Они получаютъ побочно послѣ выдѣленія изъ дегтя кристалловъ фенола въ видѣ маслянистыхъ жидкостей красноватаго или темно-бурого цвѣта, весьма трудно растворимыхъ въ водѣ, но легко и почти безъ остатка — въ водномъ натрѣ. Отсюда и происходитъ названіе 100% сырой карболовой кислоты. Если растворится только 50%, то продуктъ носить названіе сырой 50% карболовой кислоты. Весьма интересныя и полезныя свѣдѣнія объ этихъ крезоловыхъ продуктахъ сообщаетъ проф. Веригъ въ статьѣ *О карболовой кислотѣ* **). Хотя они сравнительно и весьма дешевы (100% въ Одессѣ 8 руб. пудъ, 50% — 2 р. 80 к.), тѣмъ не менѣе, для непосредственнаго употребленія въ видѣ водныхъ растворовъ на подобіе настоящей карболовой кислоты они совершенно непригодны, вслѣдствіе своей нерастворимости. Но та же самая сырая карболовая кислота, по наблюденіямъ Лалласа и Френкеля, становится въ высшей степени энергичнымъ обеззараживающимъ веществомъ послѣ того, какъ она предварительнo переведена въ растворимое состояніе съ помощью крѣпкой сѣрной кислоты, взятой въ равномъ съ нею объемѣ (Лалласова смѣсь). При такой обработкѣ между составными частями происходитъ химическая реакція и получается густая коричневая, легко растворимая въ водѣ жидкость, уже въ 5% водномъ растворѣ обладающая чрезвычайно сильными обеззараживающими свойствами. 4% растворъ убиваетъ споры сибирской язвы въ 24 часа, а 2% въ 72 часа, тогда какъ 2% растворъ чистой карболовой кислоты на нихъ со-

*) При полученіи изъ каменнаго угля свѣтильнаго газа, каменноугольный деготь получается въ видѣ цѣннаго побочнаго продукта, содержащаго карболовую кислоту, нафталинъ, бензолъ, антраценъ и пр.

**) *Новороссійскій Телеграфъ* отъ 17 іюля 1892 г.

вершенно не дѣйствуетъ. Во избѣжаніе опасныхъ ожоговъ и пораненій, смѣшеніе съ сѣрною кислотой нужно производить съ большою осторожностью, лучше всего, конечно, подъ наблюдениемъ свѣдущихъ людей. Самое смѣшеніе производится въ стеклянной или фарфоровой посудѣ непременно при охлажденіи *) и полученный продуктъ до разведенія водою сохраняется 1—3 дня въ стеклянныхъ бутылкахъ. Чтобы получить 5% растворъ, на каждое ведро воды приливаютъ осторожно $\frac{1}{2}$ штофа смѣси сѣрной кислоты съ карболовой. Само собою понятно, что полученная такимъ образомъ жидкость непригодна для хирургическихъ инструментовъ, мебели, бѣлья, платья, обуви и т. п. предметовъ; но она съ полнѣйшимъ успѣхомъ можетъ быть примѣнена для обеззараживанія испражнений и выдѣленій больного, отхожихъ мѣсть, матерчатыхъ половъ, стѣнъ, фарфоровой и глиняной посуды. Эта смѣсь обладаетъ болѣе высокими дезинфицирующими свойствами, чѣмъ въ отдѣльности взятая сѣрная и карболовая кислоты. Для полученія сѣрно-карболовой смѣси лучше употреблять именно неочищенную карболовую кислоту, потому что такая смѣсь, во-первыхъ, будетъ разъ въ 18 дешевле, а, во-вторыхъ, значительно сильнѣе. При смѣшеніи равныхъ объемовъ чистой карболовой кислоты съ сѣрною образуется ортосульфеноловая кислота, обладающая болѣе высокими дезинфицирующими свойствами, что 5% растворъ ея убиваетъ споры бактерий сибирской язвы въ 48 часовъ, тогда какъ такой же концентрации чистая карболовая кислота уничтожаетъ ихъ только черезъ 40 дней.

Главный недостатокъ подобныхъ смѣсей заключается въ томъ, что онѣ могутъ содержать нѣкоторое количество свободной сѣрной кислоты, которая въ совсѣмъ индифферентна по отношенію къ строительнымъ матеріаламъ, камнямъ, краскамъ, металламъ и пр. Чтобы уменьшить содержаніе свободной сѣрной кислоты въ такихъ смѣсяхъ, г. Рапчевскій рекомендуетъ брать на части карболовой кислоты всего только 1 часть сѣрной. Такъ называемые созолъ (или созоловая кислота) и асептоль представляютъ собою ту же ортосульфеноловую кислоту (асептоль въ 33% растворѣ).

Въ практическомъ отношеніи для многихъ цѣлей значительно лучше и удобнѣе будутъ мыльно-карболовые растворы и эмульсии, также обладающіе превосходными дезинфицирующими свойствами и получаемые весьма просто. На ведро воды берутъ $1\frac{1}{2}$ —2 фунта обыкновеннаго сѣраго мыла (лучше зеленого, калийнаго) и къ горячему раствору приливаютъ при постоянномъ взбалтываніи и перемѣшиваніи $\frac{1}{2}$ кварты сырой 100% свѣтлой карболовой кислоты. Получается свѣтлый растворъ, при охлажденіи мутнѣющій. Такая щелочная эмульсія можетъ служить для обеззараживанія половъ, мебели верей, стѣнъ, посуды, кожаныхъ и металлическихъ вещей, матерій и тканей какого угодно цвѣта. Даже бѣлья шерстяныя и полотняныя ткани нисколько не страдаютъ при подобной дезинфекціи **). Можно подобныя же

*) При нагреваніи образуется парасульфеноловая кислота, обладающая болѣе слабыми дезинфекціонными свойствами.

**) Карболовое мыло хорошо обеззараживаетъ даже запачканные предметы, потому что растворяетъ жиры, смоляныя пятна, бѣлковыя вещества.

эмульсии получать, конечно, и съ сырою 50% или 25% карболовою кислотой, имѣющею темный цвѣтъ; но онѣ будутъ хуже въ томъ отношеніи, что отъ нихъ на свѣтлыхъ тканяхъ могутъ получаться темныя пятна, потому что такая карболовая кислота не вполне растворима въ мыльных растворахъ. Но такія темныя эмульсии весьма пригодны для обеззараживанія отхожихъ мѣсть, испражнений и т. п.

Въ подобныхъ смѣсяхъ дезинфицирующими свойствами обладаютъ всѣ три составныя части: и крезолы, и углеводороды, и даже мыло. Уже само по себѣ мягкое калиное мыло (такъ называемое зеленое или фабричное) обладаетъ въ высокой степени дезинфицирующими свойствами, тѣмъ болѣе, конечно, мыло карболовое. По опытамъ д-ра Груздева, 1% растворъ зеленого мыла при комнатной температурѣ убиваетъ споры сибирской язвы (помѣщенные на шелковинкахъ) въ 7 дней, 3%—въ 2 дня и 6%—въ течение сутокъ. Для мытья половъ употребляютъ, наприм., растворъ 4 зол. зеленого мыла на ведро воды. Тѣ же споры, и также при комнатной температурѣ, еще скорѣе погибаютъ въ растворѣ зеленого мыла съ 1% карболовой кислоты. Энергичнѣе дѣйствуютъ подобные растворы въ нагрѣтомъ состояніи. По Нохту, споры сибирской язвы въ растворѣ 3% мыла и 6% карболовой кислоты при 50° Ц. погибаютъ уже въ течение 6 часовъ. Самыя же бактеріи холеры, брюшного тифа и пр. погибаютъ въ 1/2 часа даже въ холодномъ 1,5% растворѣ карболоваго мыла.

Для дезинфекціи бѣлья и т. п. предметовъ при холерѣ на практикѣ достаточно продержать его 2—4 часа въ холодномъ растворѣ 1% карболовой кислоты и 1,5% мыла. При обмываніи зараженныхъ предметовъ надо употреблять горячіе растворы (50—60° Ц.) съ 2,5—3% карболовой кислоты и 4—5% зеленого мыла (Рапчевскій). Нохтъ рекомендуетъ приготовить 3% растворъ мыла и прибавлять къ нему 1,5—5% неочищенной (100%) карболовой кислоты.

Извѣстный креолинъ Персона (гамбургская фирма) и подобные ему препараты (крезолинъ Брокмана, дезинфектолъ Левенштейна, лизоль Шульке и Мейра) представляютъ собою ничто иное, какъ смѣсь смоляныхъ маселъ *) (содержащихъ высококипящіе гомологи фенола) съ смоляными мылами, благодаря присутствію которыхъ препаратъ даетъ съ водою эмульсію. Креолинъ—это темно-бурая, сиропообразная жидкость съ смолянымъ, отчасти дымнымъ запахомъ, ѣдкаго вкуса (реакція слабо-щелочная). Чаще всего его употребляютъ въ видѣ водныхъ растворовъ, которые очень быстро убиваютъ холерныхъ бациллъ. Поэтому креолинъ былъ предложенъ какъ лѣкарство противъ холеры.

Наконецъ, и другія составныя части каменноугольнаго дегтя, кромѣ фенола и крезоловъ, также имѣютъ противогнилостныя свойства, а слѣдовательно и самъ по себѣ каменноугольный (а также и древесный) деготь, во

*) При перегонкѣ каменноугольнаго дегтя (газовая смола) сначала получаютъ сырыя смоляныя масла: карболовое (35—40%) и крезоловое, состоящее, главнымъ образомъ, изъ крезоловъ съ 15—20% фенола.

всей своей массѣ, представляеть дешевое и отличное дезинфекціонное средство *), въ особенности, если его предварительно перевести въ растворимое состояніе при помощи сѣрной кислоты, мыла или щелочей. Къ этой категоріи дешевыхъ дезинфекціонныхъ средствъ нужно отнести смѣсь, предложенную докторомъ Нентскимъ **). Здѣсь нужно замѣтить, что смѣси карболовой кислоты или дегтя съ ѣдкими, а тѣмъ болѣе съ углекислыми щелочами дѣйствуютъ хуже, чѣмъ мыльно-карболовые растворы.

Такъ какъ карболовая кислота въ высшей степени ядовита и обращеніе съ нею весьма опасно (на кожѣ, наприм., образуетъ ожоги въ видѣ бѣлыхъ пузырей), то стали готовить разные карболовые, совершенно безвредные и безопасные препараты въ твердомъ или въ жидкомъ видѣ. Для этого ее или просто растворяютъ въ водѣ, спиртѣ, масле, щелочахъ, или смѣшиваютъ съ твердыми индифферентными веществами, каковы, напримѣръ, опилки, инфузурная земля, мѣлъ, гипсъ и т. п. Эти порошкообразныя тѣла, вслѣдствіе своей пористости, всасываютъ карболовую кислоту, причеиъ и получаютъ карболовые порошки. Иногда пропитываютъ ею бумагу, папку, готовятъ съ нею мыла, мази и пр.

Въ практикѣ весьма часто комбинируютъ карболовую кислоту съ другими дезинфекціонными веществами. Употребляютъ, наприм., смѣси карболовой кислоты съ борною, бурою, поваренною солью и т. п., или комбинируютъ ее съ хлорною известью, причеиъ въ массѣ образуется хлорфеноль, обладающій болѣе сильными дезинфекціонными свойствами, чѣмъ карболовая кислота. Такъ называемая Сюверновская смѣсь представляеть собою смѣсь фенола съ ѣдкою известью.

Во время холерной эпидеміи 1884—85 годовъ при медицинскомъ совѣтѣ была образована комиссія (Эйхвальдъ, Пель, Шнейдеръ) для разработки вопроса о дезинфекціи заразныхъ изверженій. Комиссія на основаніи цѣлаго ряда опытовъ пришла къ тому выводу, что для усиленія дезинфицирующей способности хорошо смѣшивать между собою нѣкоторыя противугнилостныя вещества. Особенно хорошо дѣйствовала смѣсь 0,1—0,3% сулемы, 0,5% стопроцентной карболовой кислоты и 1,25—2,1 хлористаго цинка (или, все равно, 2,8% мѣднаго купороса ***). Каждое изъ этихъ веществъ въ отдѣльности, будучи взято даже въ значительно большихъ количествахъ, не обладаетъ дезинфицирующими свойствами въ такой степени, какъ указанная смѣсь.

Прибавленная къ изверженіямъ, она надолго удерживаетъ въ нихъ кислую реакцію и препятствуетъ развитію микроорганизмовъ. Подобные же растворы были предложены для дезинфекціи бѣлья, платья, половъ,

*) Какъ было замѣчено въ прежнія эпидеміи, торговцы ими не заболѣвали холерою.

***) Древесный деготь переводится въ растворимое состояніе помощью щелочей (вольный щелокъ). Смѣсь весьма дешевая и общедоступная. Щелочи, по предположенію г. Рапчевскаго, лучше замѣнить зеленымъ мыломъ.

****) Желѣзныиъ купоросъ и сѣрно-глиноземная соль дѣйствуютъ слабѣе.

мебели, постелей и пр. (обмываніе, полосканіе и пр.); но главное ихъ назначеніе—дезинфекція отхожихъ мѣстъ, сточныхъ трубъ и выгребныхъ ямъ. Для обсыпки писсуаровъ, выгребныхъ ямъ и пр. предлагаются подобныя смѣси, но только въ видѣ порошковъ.

Мы уже упоминали о томъ, какъ высказалась санитарная международная римская конференція относительно сулемы, купороса и пр. Она признала за ними важнаго значенія, несмотря на сильныя противугнильныя ихъ свойства. Дѣло въ томъ, что такія соли, какъ сулема, купоросъ, хлористый цинкъ, свертываютъ бѣлковыя вещества, причемъ въ жидкостяхъ образуются, конечно, сгустки, препятствующіе дальнѣйшему дѣйству дезинфекціонныхъ агентовъ. Указывая слабыя стороны предложенныхъ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ смѣсей, г. Рапчевскій замѣчаетъ, что онѣ дѣйствительны только въ кислой средѣ; въ щелочной же ни сулема, ни хлористый цинкъ не могутъ давать желаемыхъ результатовъ. А такъ какъ холерныя изверженія всегда имѣютъ щелочную реакцію (содержать углекислый аммиакъ), то ихъ удобнѣе дезинфицировать щелочными же веществами (напримѣръ, гашеною известью), а не кислотами или солями съ кислотою реакціей.

Относительно порошковъ нужно замѣтить, что съ ними дезинфекція, вообще, идетъ хуже, чѣмъ съ растворами, потому что въ послѣднемъ случаѣ лучше достигается смѣшеніе съ дезинфицируемою массой (напримѣръ, отхожихъ мѣстахъ).

Такимъ образомъ, въ подобнаго рода смѣсяхъ дезинфицирующимъ агентовъ является, главнымъ образомъ, все-таки, карболовая кислота.

Обращаясь къ оцѣнкѣ дезинфицирующей способности карболовой кислоты, прежде всего, нужно замѣтить, что цѣлый рядъ изслѣдованій установилъ за нею репутацію могущественнаго средства для борьбы съ болѣзнетворными микроорганизмами. Мюллеръ, Латеби, Пflugge, Либрейхъ, Шульцъ, Фишеръ, Грасъ Кальвертъ, Круксъ, Смитъ, Сансомъ единогласно утверждаютъ, что карболовая кислота—превосходное дезинфекціонное средство. Относительно способности ея убивать бактерій существуютъ, однако, серьезные разногласія, а, наприм., Р. Кохъ, на основаніи своихъ наблюденій отрицаетъ универсальное значеніе карболовой кислоты, какъ дезинфекціоннаго средства. По опытамъ Гоппе-Зейлера и Пflugge, микроорганизмы могутъ существовать уже въ 1% растворѣ, а 3%, по Гертнеру и Пflugge, совершенно ихъ убиваетъ. По Шрөтеру, уже растворъ 1:2,000 уничтожаетъ инфузорій и бактерій. По Коху, бактерии сибирской язвы погибаютъ послѣ минутнаго дѣйствія однопроцентнаго раствора, а жизнеспособность споръ уничтожается лишь 5% растворомъ въ теченіе 5 дней. По Френкелю, въ такомъ растворѣ споры остаются жизнеспособными и черезъ 10 дней. Чтобы ослабить ростъ и размноженіе, достаточно 1 ч. на 850 ч. воды. Изъ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ видно, что нужно еще много

*) Основы дезинфекцій при холерѣ.

сѣдованій для точной постановки вопроса относительно дѣйствія различныхъ химическихъ обеззараживающихъ средствъ.

Карболовая кислота не только убиваетъ бактерій и ихъ споры и тѣмъ останавливаетъ всякіе процессы гніенія и броженія (она также свертываетъ бѣлковыя вещества), но она обладаетъ также въ высшей степени дезодоризирующими свойствами. Такъ, извѣстно, что при поливкѣ выгребовъ карболовою кислотой ихъ неприятный запахъ совершенно исчезаетъ. Гейденрейхъ и Бейльштейнъ *) доказали, что отъ дѣйствія фенола гніющие экскременты совершенно теряютъ свой запахъ. По Петенкоферу, для того, чтобы вполне остановить гніеніе ежедневныхъ выдѣленій 4-хъ человѣкъ, достаточно $\frac{1}{4}$ литра 5% карболовой кислоты. Отчего зависитъ такое дѣйствіе ея, въ точности неизвѣстно. Вѣрнѣе, однако, что оно основано на химическомъ воздѣйствіи, а не на простомъ маскированіи запаха, какъ многіе полагаютъ. Такъ или иначе, дезодоризирующія свойства фенола нельзя отрицать. Специальная дезинфекціонная коммиссія при Парижской Академіи сообщаетъ, что для уничтоженія запаха въ парижскомъ моргѣ оказались непригодными ни хлоръ, ни хлорноватистыя соли; но запахъ отъ труповъ совершенно былъ уничтоженъ поливкою растворомъ 1 литра кислоты на 1,900 литр. воды. Даже въ самую жаркую погоду для этого было достаточно одно и даже четырехтысячнаго раствора по вѣсу карболовой кислоты.

Отличное дезинфекціонное средство (для отхожихъ мѣсть, изверженій и пр.) представляетъ собою хлоръ, употребляемый въ практикѣ въ видѣ такъ называемой хлорной (или, что то же, бѣлильной) извести, которая получается на химическихъ заводахъ пропусканіемъ газообразнаго хлора черезъ обыкновенную гашеную известь. Чтобы выдѣлить изъ нея хлоръ, прибавляютъ соляной или сѣрной кислоты. Хлорная известь имѣетъ видъ аморфной бѣлой съ желтоватымъ оттѣнкомъ массы, скоро на воздухѣ сырѣющей и, наконецъ, даже расплывающейся. Составъ ея сложный и непостоянный **), и ея торговое достоинство опредѣляется количествомъ содержащагося въ ней хлора. Хранить ее необходимо въ очень сухомъ мѣстѣ и предохранять отъ доступа воздуха, такъ какъ содержащаяся въ немъ угольная кислота разлагаетъ бѣлильную известь съ выдѣленіемъ хлорноватистой кислоты, причѣмъ дезинфецирующая сила ея, конечно, уменьшается. При разложеніи хлорной извести выдѣляются: хлорноватистая и соляная кислоты, свободный хлоръ и кислородъ; а такъ какъ каждое изъ этихъ веществъ обладаетъ дезинфецирующими свойствами, то энергическое дѣйствіе этого препарата становится понятнымъ. Относительно силы его дѣйствія мы имѣемъ прямыя наблюденія.

о опытамахъ Коха, въ 5% растворѣ хлорной извести въ теченіе 2—5 дней погибаютъ даже самыя стойкія споры (напримѣръ, споры сибирской язвы). По другимъ наблюденіямъ, въ такомъ крѣпкомъ растворѣ микробы по-

*) Карболовая кислота и карболовые препараты, д-ра И. Кёллера, переводъ В. Витлока. 1891 г.

**) Смѣсь хлорноватистокислаго кальція, хлористаго кальція и вѣдной извести.

гибають уже въ нѣсколько минутъ. Егеръ доказываетъ, что уже въ 1% растворѣ въ теченіе самаго короткаго времени микроорганизмы умирають.

Холерную запятку, по Ванъ-Эрменгеу, въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа убиваетъ 2% растворъ; по Ритшу и Никати, довольно, если жидкость содержитъ 1% хлора: холерная бацилла погибаетъ въ ней черезъ 5 часовъ. При дезинфекціи хлорною известью всегда распространяется рѣзкій непріятный запахъ, вслѣдствіе выдѣленія хлора, соляной и хлорноватистой кислотъ. Совершенно подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ пары брома, но по дороговизнѣ онъ почти не примѣняется.

Въ послѣднее время въ дезинфекціонной практикѣ получила обширное распространеніе обыкновенная гашеная известь, издавна употребляемая въ качествѣ цемента для скрѣпленія кирпичей. Дезинфекціонныя свойства гашеной извести были извѣстны давно; въ практику она вошла послѣ наблюденій Либоріуса (лабораторія Коха), Китасато, Егера и Пфуля, которые установили за нею репутацію дешеваго, общедоступнаго, повсемѣстно распространенаго и въ высшей степени энергическаго дезинфекціоннаго средства. Либоріусъ наблюдалъ, что 0,0246% ѣдкой извести убиваютъ всѣхъ холерныхъ бактерій при содержаніи ихъ въ количествѣ 12 милліоновъ въ 1 куб. сантим.; 10 куб. сантим. 20% известковаго молока, будучи прибавлены къ $\frac{1}{2}$ литру холерныхъ изверженій, убивали всѣхъ бактерій въ теченіе сутокъ. Еще сильнѣе дѣйствуетъ порошокъ ѣдкой извести. На то же количество изверженій для уничтоженія холернаго микроба достаточно всего 2 грам. порошка и $3\frac{1}{2}$ часовъ времени. Но порошокъ легко сбивается въ испражненіяхъ въ комья, а потому лучше употреблять 20% известковое молоко. Пфуль убивалъ всѣхъ холерныхъ и тифозныхъ бациллъ въ теченіе 1 часа, прибавляя къ изверженіямъ 2% (вѣсовыхъ или объемныхъ) 20% известковаго молока. Достаточно ли прибавлено извести, это можно узнать при помощи красной лакмусовой бумажки, которая уже при 2—3% извести сильно синѣетъ. Куски ѣдкой извести, прежде всего, нужно погасить, т.-е. облить надлежащимъ количествомъ воды. При гашеніи плотные куски извести сами собою при сильномъ нагрѣваніи разсыпаются въ бѣлый, рыхлый порошокъ. Она на воздухѣ быстро портится, притягивая изъ него углекислоту, превращается въ углекальціеву соль (мѣлъ), которая уже никакими дезинфецирующими свойствами не обладаетъ. Поэтому хранить гашеную известь нужно въ хорошо закупоренной посудѣ, а лучше употреблять только свѣжеприготовленную, замѣшивая ее съ водою (на 20 вѣс. частей извести 80 частей воды), чтобы образовалось 20% известковое молоко.

По опытамъ г. Рапчевскаго, 1% 20% известковаго молока убиваетъ холерную бактерію въ 6 часовъ, 2%—въ $\frac{1}{2}$ часа, 3 и 4%—въ 15 минутъ. Болѣе слабые растворы не дѣйствительны. И такъ, ѣдкая известь заслуживаетъ самой лучшей рекомендаціи для дезинфекціи во время холерной эпидеміи. Ее полезно употреблять не только для обеззараживанія холерныхъ изверженій, но также для выбѣливанія стѣнъ и потолковъ тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ были холерныя заболѣванія.

Примѣшиваніе къ гашеной извести другихъ дезинфекціонныхъ веществъ увеличиваетъ только стоимость, но не повышаетъ замѣтно дезинфецирующихъ свойствъ. По опытамъ д-ра Купреянова, такъ называемая Сювернованая смѣсь содержитъ, главнымъ образомъ, известь съ примѣсью карболовой кислоты и сѣрноокислой магнезій. Главнымъ дѣйствующимъ началомъ въ ней, все-таки, является известь, а потому примѣшиваніе каменноугольна-дегтя или карболовой кислоты врядъ ли вызывается необходимостью.

Для дезинфекціи изверженій нерѣдко съ хорошимъ успѣхомъ употребляется такъ называемый торфяной мохъ, причѣмъ самый способъ обеззараживанія съ помощью торфянаго порошка извѣстенъ подъ названіемъ войлочной ассенизаціи. Подъ именемъ торфянаго мха подразумѣвается дѣлая мушпа болотныхъ мховъ, образующихъ торфъ и отличающихся совершенно особымъ строеніемъ своего слоевища (стебель). Какъ стебель, такъ и листья этихъ мховъ состоятъ изъ большихъ, пустыхъ внутри клѣтокъ. Торфяной порошокъ, такимъ образомъ, представляетъ огромную поверхность поощенія для газовъ и жидкостей, на чемъ, главнымъ образомъ, и основаны его обеззараживающія свойства. Онъ не только обеззараживаетъ, но, то же время, уплотняетъ жидкія изверженія и препятствуетъ имъ осаживаться въ почву. Дѣйствіе торфянаго мха объясняютъ слѣдующимъ образомъ: въ рыхлой его массѣ всегда содержится озонъ, поэтому точки этого растенія не только сами не гніютъ, но и препятствуютъ гніенію другихъ, поглощенныхъ имъ органическихъ веществъ. Онъ ихъ быстро разрушаетъ, производя энергическое окисленіе. Такъ, поощаемый клѣточками мха, амміакъ окисляется озономъ въ азотную кислоту, при извѣстной концентраціи убивающей если не всѣ, то нѣкоторыя бактеріи. Наконецъ, будучи употребленъ въ достаточномъ количествѣ, торфяной мохъ (какъ и сухая земля) превосходно уничтожаетъ запахъ отхожихъ мѣсть, помойныхъ ямъ, навозныхъ кучъ и т. п. Достоинство порошка редѣляется его поглотительною способностью. Приготавливаемые въ Россіи торфяные препараты (варшавскіе, рижскіе и финляндскіе изъ Райвола) поощаютъ одною вѣсовой частью 100—180 частей воды. За границей дезинфекція торфянымъ мхомъ въ очень большомъ распространеніи. И, въ самомъ дѣлѣ, для отхожихъ ямъ и вообще загрязненной почвы это очень хорошее средство.

Вмѣсто ватерклозетовъ, теперь часто употребляютъ пудрклозеты, въ которыхъ для засыпки изверженій примѣняется торфяной порошокъ или просто сухая земля, въ извѣстной степени также обладающая дезинфекціонными свойствами. Въ этомъ отношеніи она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже превосходитъ всѣ другія дезинфекціонныя вещества *). «Эти послѣднія,—говоритъ проф. Панаевъ,—только задерживаютъ заразные элементы (?), или, если и разлагаютъ ихъ, то сами образуютъ вредные для человѣка про-

*) Проф. П. П. Панаевъ: „Земляная система оздоровленія пастора Муля“ (Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества 1889 г., ноябрь).

дукты, между тѣмъ какъ сухая земля обладаетъ чрезвычайно важнымъ свойствомъ окончательно обезвреживать, поглощать и уничтожать вполне всѣ заразные элементы и даже растворы многихъ ядовъ». Въ американскихъ госпиталяхъ для дезинфекціи изверженій больныхъ холерою и брюшнымъ тифомъ употребляется сухая земля и подобный способъ обезвреживанія заразныхъ изверженій «является болѣе надежнымъ,—говоритъ проф. Панаевъ,— чѣмъ дезинфекція химическими веществами, если только имѣется сухое, провѣтриваемое помѣщеніе для склада компоста». Здѣсь пригодна всякая земля, даже зола, пыль, сметаемая съ улицъ (?), мелочь съ кирпичныхъ заводовъ. Но земля непременно должна быть суха, мелка и въ достаточномъ количествѣ, чтобы компостъ получался по возможности сухой и безъ запаха. Онъ можетъ служить снова для дезинфекціи (и такъ нѣсколько разъ, послѣ чего уже идетъ на удобрение).

Что земляные клозеты имѣютъ многія преимущества передъ ватерклозетами, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться въ виду широкаго ихъ распространенія за границей (Америка, Англія, Германія). Тѣмъ не менѣе, трудно признать за сухою землей значеніе радикальнаго обезвреживающаго средства. Кажется, и до сихъ поръ не было произведено вполне доказательныхъ опытовъ, которые бы установили за землею приписываемую ей способность убивать болѣзнетворныхъ бактерій или перерождаютъ ихъ въ безвредныя.

Менѣе важное значеніе имѣютъ другія дезинфекціонныя вещества. Изъ нихъ марганцевокаліева соль въ водныхъ растворахъ обладаетъ сильно окислительными свойствами и представляетъ собою хорошее дезодоризирующее средство, но собственно для дезинфекціи она не употребляется. Изъ сильно дезодоризирующихъ дезинфекціонныхъ средствъ въ практикѣ нерѣдко употребляются желѣзный (зеленый) купоросъ и разведенная водою сѣрная кислота *). Изъ множества другихъ противугниlostныхъ веществъ укажемъ болѣе извѣстныя, какъ, наприм., нафталинъ, хлористый цинкъ, сѣрно-глиноземную соль, квасцы, окислы азота, сѣро-углеродъ, анилиновую воду, слабые растворы іода. Для дезинфекціи они почти не имѣютъ значенія; но нѣкоторыя изъ нихъ нашли примѣненіе въ медицинѣ и въ антисептической практикѣ. Особенною извѣстностью пользуются теперь: салициловая, тимоловая и борная кислоты, а также всѣмъ извѣстный іодоформъ. На холерную бактерію особенно энергично дѣйствуетъ тимоль (тимоловая кислота), убивающій ее уже въ растворѣ 1:1000. Салициловая кислота много слабѣе, такъ какъ для умерщвленія того же холернаго микроба нужно имѣть растворъ 1:200.

Собственно для дезинфекціи вѣрнѣе всякихъ химическихъ средствъ дѣйствіе высокой температуры—жарь. Поэтому лучшимъ дезинфекціоннымъ средствомъ по справедливости считаютъ теперь водяной паръ (въ особенности текучій), убивающій микробовъ значительно скорѣе, чѣмъ тысячный растворъ

*) Д-ръ Гольмстенъ весьма рекомендуетъ для дезинфекціи изверженій въ ретиродахъ омытъ равныхъ частей крѣпкой сѣрной кислоты съ водою. При вливаніи ея въ ватерклозетъ наблюдается, однако, усиленное отдѣленіе вонючихъ газовъ.

сулемы. Споры, погибающія въ немъ черезъ $\frac{3}{4}$ часа, отъ дѣйствія текучаго пара погибають уже черезъ 4 минуты. Тѣ же споры, которые отличаются особенною стойкостью къ сулемѣ, подобнымъ же образомъ относятся и къ текущему пару. Для уничтоженія бактерій, паръ долженъ дѣйствовать 5—10 минутъ, а для того, чтобы убить и споры, внутри тканей находящіяся, нужно около $\frac{1}{2}$ — 1 часа. Что касается холерной бациллы, то, какъ показали наблюденія Пейсера, Берггольца и др., при какихъ бы условіяхъ ее ни культивировали, она быстро погибаетъ уже при 85° Ц. Горячій воздухъ хуже. При 100° споры бактерій въ сухомъ воздухѣ не погибають *); онѣ продолжительное время (около 3 часовъ) остаются въ немъ безъ вреда даже при температурѣ 140° (опыты Коха и Вольфлюгеля), затѣмъ сухой жаръ съ трудомъ проникаетъ внутрь свернутыхъ тканей, а при 140° Ц. сильно страдают и самыя ткани.

Паръ имѣетъ особо важное значеніе для больницъ, гдѣ въ особыхъ дезинфекціонныхъ паровыхъ камерахъ дезинфекціи подвергаются вслѣдствіе предметовъ, приходившіе въ соприкосновеніе съ заразными больными (бѣлье, платье, матрацы и т. п.). Такъ какъ текучій паръ есть лучшее обеззараживающее средство и, въ то же время, самое дешевое (несмотря на дороговизну обзаведенія), то для холерныхъ больницъ дезинфекціонныя паровыя камеры необходимы. Зараженные холерною бациллою предметы должны подвергаться дѣйствію пара въ 100° въ теченіе 1 часа.

Для дезинфекціи бѣлья и т. п. вещей можно пользоваться кипящею водою, варить ихъ, наприм., въ теченіе получаса, лучше со щелочью. Такъ, г. Рапчевскій рекомендуетъ прибавлять при этомъ 0,5—1% соды, поташа или просто зольнаго щелока.

Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ напомнить о такъ называемыхъ паровыхъ прачешныхъ, существующихъ уже во многихъ большихъ городахъ. Бѣлье въ нихъ стирается особыми машинами, такъ что при этомъ грязное бѣлье изъ больницъ не можетъ уже служить распространителемъ заразы, тѣмъ болѣе, что оно не только стирается, но также и дезинфицируется. При стиркѣ же больничнаго бѣлья въ обыкновенныхъ прачечныхъ, прежде всего, заражаются, конечно, сами прачки, а затѣмъ переносятъ заразу вмѣстѣ съ бѣльемъ и въ тѣ дома, на которые стирають.

Наконецъ, надежнѣе всякой другой дезинфекціи — огонь. Лучше всего сжигать все, что возможно, въ особенности же изверженія, для чего уже предложены спеціальныя печи; въ практику, однако, къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ не вошли. Наиболѣе надежнымъ средствомъ для дезинфекціи изверженій (холерныхъ, брюшнаго тифа) будетъ засыпка ихъ торфянымъ порошокомъ и немедленное сжиганіе. Этимъ простымъ и дешевымъ способомъ можно достигнуть безусловно вѣрнаго уничтоженія заразы безъ употребленія какихъ бы то ни было химическихъ дезинфекціонныхъ средствъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ оку-

*) Самыя бактеріи умирають уже при невысокой сравнительно температурѣ.

риваніяхъ (сѣрнистою кислотою, хлоромъ, парами брома), которыя многіе считаютъ совершенно недѣйствительными (наприм., Негели).

Римская санитарная конференція также отвергла ихъ, какъ ненадежныя, потому что хлоръ, бромъ, сѣрнистая кислота дезинфецируютъ только предметы влажные, а сухіе только тогда, когда въ воздухѣ находится достаточное количество водянаго пара. Къ тому же, газы только съ трудомъ проникаютъ внутрь предметовъ, главнымъ же образомъ дезинфекція происходитъ на поверхности. Согласно этому, окуриванія мало-по-малу выходятъ изъ употребленія. Въ настоящее время такія вещи, которыя соприкасались съ изверженіями холернаго или съ большими дифтеритомъ, тифомъ и проч., вмѣсто окуриваній, просто кипятятъ въ водѣ, лучше подкисленной, или же, что еще дѣйствительнѣе, подвергаются дѣйствию водянаго пара. Стѣны, полы, посуду можно обмывать подкисленнымъ кипяткомъ, мебель, кровати и проч. вѣрнѣе всего дезинфецируются тѣмъ же водянымъ паромъ.

Хотя Негели категорически отрицаетъ сухую дезинфекцію, тѣмъ не менѣе, за парами нѣкоторыхъ веществъ за послѣднее время несомнѣнно признаются противузаразные свойства. Къ числу таковыхъ нужно, наприм., отнести весьма летучія эфирныя масла съ ихъ сильнымъ ароматическимъ запахомъ (наприм., эйкалиптовое, мятное и др.), камфору, скипидаръ, тимолъ и т. д. Относительно эфирныхъ маселъ, кажется, очень многими раздѣляется взглядъ, что они въ высшей степени обладаютъ дезинфецирующими свойствами, а потому, наприм., во время холеры духи рекомендуются въ качествѣ хорошаго противузаразнаго средства. По этому поводу д-ръ Гольмстенъ пишетъ слѣдующее: «Со словъ многихъ моихъ товарищей и по собственнымъ наблюденіямъ, надо думать, что лица, любящія духи и которыя охотно душатся, особенно энергично противустоятъ заболѣванію различными заразными болѣзнями». «Поэтому, — продолжаетъ далѣе д-ръ Гольмстенъ, — употребленіемъ духовъ во время холеры отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать и не бесполезно даже не только по утрамъ, но и 2—3 раза въ день вспрыскивать себя духами, отъ времени до времени разнообразія и перемѣняя запахи». Содержа въ себѣ эфирныя ароматическія масла, способныя озонировать воздухъ, духи могутъ, конечно, дезинфецировать посредствомъ заключеннаго въ нихъ озона, который, при извѣстныхъ условіяхъ, способенъ умерщвлять бактеріи. Что же касается того, въ какой степени справедливо мнѣніе д-ра Гольмстена и другихъ относительно обеззараживающихъ свойствъ духовъ, это должны показать дальнѣйшія наблюденія. Одного факта, правда, многократно подтвержденнаго, что будто бы рабочіе на парфюмерныхъ фабрикахъ совсѣмъ не заболѣвали холерою или заболѣвали весьма рѣдко, для этого, конечно, не достаточно.

Ознакомившись съ причиною заразныхъ болѣзней, какъ ее теперь понимаютъ, и способами ихъ распространенія, а также употребительными въ практикѣ дезинфекціонными средствами, можно уже до нѣкоторой степени выяснитъ ихъ назначеніе и понять, въ чемъ заключается ихъ роль въ борьбѣ

съ эпидеміями. А знать это необходимо, чтобы не сомнѣваться, когда, гдѣ и въ какомъ количествѣ нужно употребить то или другое дезинфекціонное средство.

Цѣль дезинфекціи отхожихъ мѣстъ, помойныхъ ямъ и вообще заразныхъ изверженій заключается вовсе не въ томъ, какъ обыкновенно думаютъ, чтобы уничтожить противный запахъ, ими распространяемый и зависящій отъ образованія дурнопахучихъ газовъ и летучихъ соединений, каковы: сѣроводородъ, амміакъ, и въ особенности скатолаобразныя, органическія сѣрнистыя соединенія. Хотя, въ большинствѣ случаевъ, дезинфекціей достигается и уничтоженіе дурнаго запаха, но, во всякомъ случаѣ, это дѣло второстепенное и на него не слѣдуетъ обращать особаго вниманія, помня, что уничтоженіе запаха и беззараживаніе—не одно и то же. Дурнопахучія изверженія могутъ быть совершенно безвредны и наоборотъ *).

При разумной дезинфекціи стремятся уничтожить, убить ту живую заразу, которою кишатъ изверженія больныхъ; а такъ какъ это невозможно, то ограничиваются тѣмъ, что искусственно создаютъ для нихъ такую среду, которая хотя бы только приостановила на долгое время ихъ жизнедѣятельность. Съ этою цѣлью къ экскрементамъ примѣшиваютъ или такихъ веществъ, которыя сообщили бы имъ кислотную реакцію, или такихъ, которыя сами по себѣ дѣйствуютъ на нихъ, какъ сильные яды. Припомнимъ, что кислая среда неблагопріятна для жизни бактерій, средняя или слабощелочная — наоборотъ. Слѣдовательно, хорошими дезинфекціонными средствами для обеззараживанія изверженій будутъ, наприм., сильныя кислоты (какъ, напримѣръ, сѣрная кислота) или соли съ ясно-кислотою реакціей (наприм., купоросы), въ особенности яловитыя, какъ, наприм., сулема, убивающая микроорганизмы даже въ самыхъ слабыхъ растворахъ. Въ виду этого и совѣтуютъ (см. выше) прибавлять немного сулемы къ заразнымъ изверженіямъ, въ особенности холерныхъ больныхъ, такъ какъ коховская запятая **) крайне къ ней чувствительна. Всѣ подобнаго рода кислыя дезинфицирующія вещества должны придавать изверженіямъ кислотность на болѣе или менѣе продолжительное время.

Хотя многіе считаютъ сѣрную кислоту хорошимъ дезинфицирующимъ средствомъ, тѣмъ не менѣе, примѣненіе ея неудобно въ томъ отношеніи, что она разѣдаетъ металлы и строительные матеріалы и, кромѣ того, усиливаетъ образованіе въ изверженіяхъ вонючихъ продуктовъ, каковы сѣроводородъ и жирныя кислоты. Чаще употребляютъ соли съ кислотою реакціей хотя ихъ дезинфицирующія свойства зависятъ не столько, конечно, отъ этой послѣдней, сколько отъ ихъ природы. Мѣдный купоросъ и хлористый цинкъ

*) Если прекратилось отдѣленіе дурнопахучихъ газовъ, то обыкновенно думаютъ, что всякая опасность миновала, что остановились и тѣ зловредные процессы гніенія и броженія, при которыхъ газы эти развиваются. Нужно помнить, что зараженные вещи, бѣлье, платье, часто не имѣютъ никакого запаха и, тѣмъ не менѣе, представляютъ очень большую опасность.

**) Бацилла холеры, открытая Кохомъ, имѣетъ видъ запятой.

сильнѣе, напр., желѣзнаго купороса или сѣрно-аллюминіевой соли, которая, какъ извѣстно, имѣть сильно-кислую реакцію. Карболовая кислота кислотной реакціи вовсе не имѣть и дѣйствуетъ прямо какъ сильно ядовитое вещество. Дезодоризирующее дѣйствіе можетъ быть объяснено или тѣмъ, что зловонія и запахи связываются дезинфицирующимъ веществомъ съ образованіемъ новыхъ непахучихъ соединеній, или тѣмъ, что они окончательно разрушаются съ помощью энергическихъ окислителей (озонъ). Въ первомъ случаѣ сѣроводородъ, амміакъ связываются, наприм., солями (хлористый марганецъ, хлористый цинкъ, купоросъ), во второмъ происходитъ ихъ окисленіе (марганцевокаліева соль, бѣлизная известь, бромъ и пр.).

Что касается щелочныхъ веществъ, то они только тогда обладаютъ дезинфицирующими свойствами, когда употреблены въ сильно концентрированномъ состояніи. Свѣжепогашенная известь, какъ извѣстно, употребляется для засыпки труповъ холерныхъ больныхъ, а разболтанная съ водою, въ видѣ известковаго молока, для поливки изверженій. Если же щелочныя вещества прибавлены къ изверженіямъ въ маломъ количествѣ, то они дѣйствуютъ совершенно обратно,—они превращаютъ ихъ въ среду, крайне, наприм., благоприятную для размноженія холерной заразы. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что всѣ вышеуказанныя вещества только тогда дѣйствительны, когда употреблены въ достаточномъ, указанномъ наукою и свѣдущими людьми, количествѣ. Здѣсь никакая экономія не можетъ быть допущена. Съ точки зрѣнія успѣшной борьбы съ эпидеміей, недостаточная дезинфекція равносильна полному отсутствію дезинфекціи.

Но и здѣсь не слѣдуетъ очень увлекаться и думать, что, произведя даже и достаточную дезинфекцію, мы уничтожаемъ всѣхъ болѣзнетворныхъ бактерій и такимъ образомъ вполне предохраняемъ себя отъ зараженія. На самомъ же дѣлѣ мы можемъ только задержать ихъ развитіе и такимъ образомъ сдѣлать зародыши болѣе или менѣе безвредными. Какъ это обыкновенно бываетъ во время сильныхъ эпидемій, въ особенности во время холеры, но въ вліяніемъ страха, всѣ взоры съ довѣріемъ и надеждою обращаются къ дезинфекціи. Душевное спокойствіе пріобрѣтается нѣсколькими пудами, а иногда и фунтами, разныхъ противузаразныхъ веществъ. Съ необычайнымъ усердіемъ, повсюду, гдѣ нужно и гдѣ не нужно, начинаютъ сыпать, лить, прыскать всевозможные дезинфекты. Цѣны на нихъ, благодаря необычайному спросу, быстро и значительно повышаются и въ продажѣ появляются разные, усердно рекламируемые, таинственные составы. А, между тѣмъ, едва ли все это является настоятельно нужнымъ. Многіе авторитеты науки держатся того взгляда, что дезинфекція должна быть производима только въ домахъ зараженныхъ, или, по крайней мѣрѣ, подозрительныхъ. Они отрицаютъ дезинфекцію, какъ общую мѣру, имѣющую цѣлью остановить процессы гніенія и разложенія около человѣческихъ жилищъ на обширныхъ пространствахъ цѣлыхъ губерній или даже цѣлой страны. Несравненно важнѣе будетъ въ холерное время соблюденіе стро-

жайшей чистоты въ жилищахъ и публичныхъ зданіяхъ и своевременное тщательное удаленіе всякихъ нечистотъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ практикуемыхъ способовъ дезинфекціи, мы должны оговориться, что не имѣемъ въ виду описывать подробно практическую сторону дезинфекціи,—это уже дѣло специальныхъ руководствъ. Мы здѣсь ограничимся лишь нѣкоторыми, наиболѣе существенными указаніями.

Изъ всѣхъ видовъ дезинфекціи менѣе всего достигаетъ цѣли дезинфекція воздуха, въ виду невозможности уловить каждую пылинку, каждую бактерію посредствомъ пульверизаціи той или другой жидкости. Тѣмъ не менѣе, не только во время эпидемій, но и въ обычное время многіе принимаютъ дезинфекцію воздуха въ своихъ квартирахъ.

Чаще всего пульверизуютъ одеколономъ, слабыми растворами тимола, карболовой кислоты, также эйкалиптовымъ масломъ, скипидаромъ, лѣсною водою и проч. Нужно ли, спрашивается, это и полезно ли? Безспорно, что распыливаніе ароматической жидкости можетъ быть весьма пріятнымъ, но особенной надобности, все-таки, въ этомъ нѣтъ, когда очистить и освѣжить воздухъ можно вѣрнѣе и скорѣе простою вентиляціей. Только въ больницахъ и въ комнатахъ, гдѣ есть заразные больные, дезинфекція воздуха посредствомъ пульверизаціи можетъ быть полезною и даже необходимою.

Богатымъ людямъ д-ръ Гольмстенъ рекомендуетъ комнатные фонтаны, питаемые тимоловою или лѣсною водою. Фонтанами, а въ особенности пульверизаціей достигаются двѣ цѣли: 1) осажденіе пыли и 2) уничтоженіе заразы,—и то и другое, конечно, только отчасти. Что касается овлаженія и обеззараживанія воздуха помощью пульверизаціи сулемнымъ растворомъ, какъ это рекомендуетъ д-ръ Гольмстенъ *), то мы бы посоветовали по возможности отъ нея воздержаться и безъ совѣта врача къ ней не прибѣгать. Точно также и пульверизацію карболовою кислотой лучше бы совѣмъ оставить или производить ее только въ какихъ-нибудь особенно важныхъ случаяхъ.

Дальнѣйшія практическія указанія мы заимствуемъ изъ прекрасной книжки г. Рапчевскаго (*Основы дезинфекціи при холерѣ*). Наиболѣе важное значеніе имѣетъ дезинфекція изверженій и вещей. Для дезинфекціи холерныхъ изверженій рекомендуется смѣшивать ихъ съ 3% (по объему) 20% известковаго молока въ теченіе 2—3 час., послѣ чего обеззараженную такимъ образомъ массу можно безопасно выливать въ отхожія мѣста. Того же результата можно достигнуть прибавленіемъ равныхъ объемовъ или 5% карболовой кислоты, или сѣрно-карболовой (3 ч. неочищ. карбол. кислоты и 1 ч. сѣрной **) или 4% раствора хлорной извести. Подобные растворы пригодны также для деревянныхъ и кожаныхъ вещей, хотя для нихъ удобнѣе употреблять крѣпкій мыльно-карболовый растворъ.

Бѣлье, платье, постели дезинфицируются отъ $\frac{1}{2}$ до 1 часа текучимъ па-

*) *Холера*, стр. 43 и 46.

**) Подобнымъ же образомъ дезинфицируются отхожія мѣста, выгребы, мусорныя ямы и почва; здѣсь только нужно, чтобы дезинфицирующія жидкости прикрывали собою нечистоты.

ромъ 100° Ц. (при болѣе высокой температурѣ пара достаточно и меньшаго времени). Если нельзя воспользоваться паромъ, кипятятъ вещи $\frac{1}{2}$ часа въ водѣ или погружаютъ на 2 часа въ слабый мыльно-карболовый растворъ, или же 2% растворъ карболовой кислоты или въ 1% хлорной извести. Помѣщенія послѣ холерныхъ больныхъ обеззараживаются двукратнымъ обмываніемъ пола, стѣнъ, потолка и всѣхъ деревянныхъ вещей 2% растворомъ карболовой кислоты или 1% растворомъ хлорной извести, или мыльно-карболовымъ растворомъ (стѣны и потолокъ хорошо также побѣлить 20% известковымъ молокомъ). Послѣ этого производится провѣтриваніе, усиливаемое топкою печей.

Тѣ вещи, которыя почему-либо не могутъ быть дезинфицируемы указанными способами, вытираются тряпками, смоченными въ мыльно-карболовомъ растворѣ и выжатыми, оставляются въ сухомъ помѣщеніи и усиленно провѣтриваются не менѣе 6 дней. Когда никакія дезинфекціонныя средства не могутъ быть примѣнены, по совѣту римской санитарной конференціи, можно ограничиться однимъ высушиваніемъ и провѣтриваніемъ въ теченіе 3—4 недѣль *). Ближайшія наблюденія показали, однако, что холерная запятая остается жизнеспособною на предметахъ, повидимому, совершенно сухихъ даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и что, слѣдовательно, указанного времени недостаточно для полного обеззараживанія.

Для обмыванія труповъ при холерѣ рекомендуются какіе-либо крѣпкіе дезинфицирующіе растворы, а лучше, вмѣсто обмыванія, трупы прямо заворачивать въ простыни, смоченныя крѣпкими дезинфицирующими растворами.

Заканчивая этимъ нашъ очеркъ о противузаразныхъ веществахъ и дезинфекціи, мы должны сознаться, что въ области этой и до сихъ поръ остается еще много неяснаго, хотя примѣненіе къ ней научныхъ методовъ изслѣдованія помогло уже освѣтить нѣкоторыя темныя стороны въ вопросахъ дезинфекціи, въ которой до послѣдняго времени царилъ самый грубый эмпиризмъ.

Только изслѣдованія и наблюденія позднѣйшаго времени дали ей нѣкоторую научную опору и теперь, нѣтъ сомнѣнія, эта важная отрасль естествознанія въ скоромъ времени получитъ быстрое и всестороннее развитіе. Уже и теперь при разумномъ примѣненіи дезинфекціи получаютъ положительные результаты. Тѣмъ на болѣе можно надѣяться въ будущемъ, когда все, что до сихъ поръ представляется намъ туманнымъ, получитъ надлежащее научное освѣщеніе. Во всякомъ случаѣ, думается намъ, въ борьбѣ съ эпидеміями рациональная дезинфекція должна будетъ сослужить человечеству важную службу.

Н. Тумскій.

*) Отнятіе воды до степени полной сухости въ воздухѣ не только останавливаетъ вегетативный процессъ, но убиваетъ бактерій (Де-Барри: „Лекціи о бактеріяхъ“).

Земское взаимное отъ огня страхованіе.

Земское страхованіе распадается на два вида: на обязательное и на добровольное. Первому подлежатъ всё сельскія постройки, возведенныя въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, кому бы онѣ ни принадлежали, частнымъ лицамъ или обществу. Всѣ остальные категоріи строеній, находящіяся въ городахъ, посадахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, принимаются на страхъ земствомъ, но только по добровольному соглашенію съ ихъ владельцами. Мы будемъ касаться исключительно обязательнаго страхованія.

Общіе принципы обязательнаго страхованія были высочайше утверждены 13 апрѣля 1864 года; полная же организація страховаго дѣла была предоставлена законодателемъ на усмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній. Предметы, подлежащіе обсужденію и утвержденію губернскихъ земскихъ собраній, исчисляются въ ст. 41 *Положенія о взаимномъ земскомъ страхованіи*. Въ силу этой статьи, губернскимъ земствамъ предоставлено право: а) утверждать размѣръ нормальной страховой суммы для различныхъ видовъ строеній, подлежащихъ обязательному страхованію, б) назначать высшій размѣръ страховой суммы, в) опредѣлять страховые тарифы, г) составлять инструкціи для волостныхъ правленій и особыхъ агентовъ и, наконецъ, д) ходатайствовать объ измѣненіи правилъ *Положенія*, если бы таковыя, по мѣстнымъ условіямъ, оказались неудобны. Такимъ образомъ, ст. 41 отводитъ земствамъ значительный просторъ въ установленіи основныхъ элементовъ страховой организаціи, но за то, какъ мы увидимъ ниже, излишняя регламентація въ другихъ статьяхъ послужила тормазомъ къ правильному развитію обязательнаго страхованія.

Приступивъ по волѣ законодателя къ выработкѣ подробнаго проекта правилъ обязательнаго страхованія, губернскія собранія должны были, прежде всего, дать сельскому населенію оцѣночныя нормы и страховой тарифъ. При опредѣленіи оцѣночныхъ нормъ была принята во вниманіе ст. 16 *Положенія*, которая гласитъ, что размѣръ страховой суммы для частныхъ строеній, подлежащихъ обязательному страхованію, назначается единообразно на всю губернію или на цѣлый уѣздъ, съ раздѣленіемъ лишь стро-

еній на разряды: по свойству матеріаловъ, изъ которыхъ они выстроены, и по хозяйственному ихъ назначенію. Эта статья повела къ установленію въ земскихъ губерніяхъ различныхъ типовъ нормальныхъ оцѣнокъ. Нѣкоторыя земства, между прочимъ, московское, установили общую оцѣнку для всей губерніи, не принимая въ расчетъ дѣйствительной стоимости строеній и цѣнности строительнаго матеріала въ отдѣльныхъ уѣздахъ. Въ очередную сессию 1866 г. московскимъ земствомъ были установлены слѣдующія оцѣночныя нормы:

Для избы съ дворомъ 30 руб.
 » » безъ двора 15 »

Впослѣдствіи эти нормы были значительно повышены и въ настоящій моментъ изба съ дворомъ московскаго крестьянина оцѣнивается въ 75 руб., но самый типъ оцѣнки остался тотъ же самый, какой былъ установленъ въ 1866 году. Другія земства рѣшили ввести у себя дробную нормальную оцѣнку, въ основаніе которой были положены и качества матеріала, употребленнаго на постройку, и географическое положеніе строенія. Для примѣра укажемъ на Вятскую и Смоленскую губерніи. Въ первой установлены слѣдующія оцѣночныя нормы:

Для избъ каменныхъ 150 руб.
 » » полукаменныхъ 100 »
 » » деревянныхъ 30 »

Въ Смоленской губерніи принята поуѣздая оцѣнка сельскихъ построекъ. Такъ, въ уѣздахъ Гжатскомъ, Юхновскомъ, Сычевскомъ и Вяземскомъ изба съ дворомъ оцѣнивается въ 72 руб., въ остальныхъ же уѣздахъ нормальная оцѣнка избы съ дворомъ опредѣляется въ 46 руб.

Петербуржскому земству пришлось на первыхъ же порахъ выйти изъ рамокъ, намѣченныхъ 16 статьею *Положенія*, и ввести у себя типъ нормальной оцѣнки, не предусмотрѣнный общими правилами о взаимномъ земскомъ страхованіи. Въ докладѣ петербургской губернской управы отъ 1869 года о размѣрѣ нормальной оцѣнки или строеній, подлежащихъ обязательному страхованію, мы читаемъ слѣдующія строки: «Нормальная, т.-е. низшая оцѣнка, опредѣляется въ томъ вниманіи, чтобы строенія были застрахованы въ суммѣ, соответствующей самой дешевой ихъ стоимости. Опредѣлить ее единообразно на цѣлый уѣздъ или на всю губернію единственно по названію или роду строенія не значило бы достигнуть той цѣли, съ которою она устанавливается. Болѣе правильнымъ основаніемъ, близко подходящимъ къ истинѣ, можетъ служить площадь, квадратное содержаніе, занимаемое строеніемъ, такъ какъ между обязательно-страхуемыми лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются двухъ-этажныя постройки. Слѣдуетъ при этомъ дѣлать разграниченія между строеніемъ жилымъ и нежилымъ; первое непременно снабжено поломъ и потолкомъ, кромѣ того, еще выстроено изъ болѣе цѣннаго матеріала. На основаніи этихъ соображеній и изыскивая возможное упрощеніе труда волостныхъ старшинъ при составленіи списковъ строеній, губернская управа полагаетъ раздѣлить строенія для нормальной

оцѣнки на двѣ категоріи, т.-е. на жилыя и нежилыя, причисливъ къ жилымъ избы, а къ нежилымъ: амбары, сарай, конюшни, погреба, риги, овны, бани и кузницы. Для опредѣленія квадратной площади строенія слѣдуетъ измѣрить наружную его длину и ширину въ саженьяхъ и затѣмъ оцѣнить квадратную сажень жилого строенія въ 2 рубля, а нежилого въ 1 рубль». Собраніе согласилось съ мнѣніемъ управы. Такимъ образомъ, въ Петербургской губерніи нормальная оцѣнка зависитъ не только отъ *хозяйственнаго назначенія* строеній, какъ то требуется ст. 16 *Положенія*, но и отъ *размѣра ихъ*, о которомъ сказанная статья умалчиваетъ.

Слѣдующая затѣмъ ст. 17 предоставляетъ владѣльцамъ строеній, подлежащихъ обязательному страхованію, право требовать особой оцѣнки принадлежащихъ имъ строеній; но эта послѣдняя можетъ быть принимаема въ основаніе страховой суммы только въ томъ случаѣ, когда она окажется выше оцѣночной нормы, опредѣленной порядкомъ, въ ст. 16 означеннымъ. Ст. 17 создала новый видъ страхованія, какъ бы переходный между обязательнымъ и добровольнымъ, такъ называемое страхованіе по особой или дополнительной оцѣнкѣ, причеиъ не существуетъ полиса и не требуется внесенія казенныхъ пошлинъ и гербоваго сбора, но премія уплачивается за годъ впередъ, какъ при добровольномъ страхованіи, въ противномъ случаѣ страхователь переносится въ списокъ домохозяевъ, застрахованныхъ по принятымъ въ земствѣ оцѣночнымъ нормамъ.

Что касается страхового тарифа, то ст. 23 *Положенія* о взаимномъ страхованіи вѣнчаетъ земскимъ учрежденіямъ въ обязанность при назначеніи размѣра страховыхъ платежей по каждому отдѣльному строенію принимать во вниманіе только тотъ разрядъ, къ которому оно отнесено по ст. 16, въ случаѣ же новой оцѣнки—и обстоятельства, могущія имѣть вліяніе на большую или меньшую безопасность строеній отъ огня. Примѣняя въ точности эти указанія закона, московское земство раздѣлило всѣ сельскія постройки въ губерніи на 4 разряда: къ первому были отнесены строенія каменные, крытыя желѣзомъ, представляющія наименьшую опасность отъ огня; ко второму—строенія деревянныя, крытыя желѣзомъ, и каменные съ тесовыми и соломенными крышами. Третій разрядъ составили всѣ жилыя и нежилыя строенія, деревянныя, крытыя тесомъ и соломой. Наконецъ, въ четвертый разрядъ были включены безъ различія матеріала всѣ заведенія, дѣйствующія огнемъ и представляющія наибольшую опасность для сосѣднихъ построекъ, таковы: овны, риги, бани, кузницы, маслобони и т. п. Страховой тарифъ былъ установленъ въ слѣдующихъ размѣрахъ. Со строеній:

1-го разряда	$\frac{1}{2}$	‰
2-го »	1	»
3-го »	$1\frac{1}{2}$	»
4-го «	2	»

За небольшими исключеніями, такой же характеръ носятъ страховой тарифъ и въ остальныхъ земскихъ губерніяхъ. Однако, позднѣйшій опытъ ука-

заль земствамъ на неполноту 23 статьи *Положенія*, требующей при опредѣленіи страхового тарифа по нормальной оцѣнкѣ брать въ соображеніе исключительно матеріалъ построекъ и ихъ назначеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, только въ ущербъ справедливости возможно брать извѣстный процентъ съ крестьянской избы, крытой тесомъ или соломой, оставляя въ сторонѣ вопросъ, какъ часты и какъ разрушительны пожары въ томъ селеніи, къ которому принадлежитъ платательщикъ. Черезъ игнорированіе огнеопасности селеній одни страхователи становятся въ привилегированное положеніе предъ другими и съ однихъ районовъ губерніи берется излишняя премія въ пользу другихъ. Мѣстности, наименѣе подверженные риску отъ пожаровъ, оплачиваютъ убытки, падающіе на районы, которые чаще страдаютъ отъ опустошительнаго дѣйствія пламени. Между тѣмъ, основной принципъ страхового тарифа требуетъ, чтобы платилъ больше тотъ, кто чаще прибѣгаетъ къ помощи страхового капитала, и, наоборотъ, на того должна быть возложена меньшая тягость, кому приходится рѣже обращаться въ страховую кассу. Этому принципу противорѣчитъ 23 статья *Положенія*, не позволяющая руководствоваться частотой и разрушительностью пожаровъ при страхованіи по оцѣночнымъ нормамъ. Обращаясь къ тарифу особой оцѣнки, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ земствахъ селенія дѣлятся на категоріи, смотря по степени ихъ огнеопасности. Такъ, напримѣръ, въ Сибирской губерніи всѣ селенія разбиты на 3 категоріи и каждой категоріи соотвѣтствуетъ свой страховой тарифъ, т.-е. за одинъ и тотъ же типъ постройки страхователь платитъ больше и меньше, смотря по мѣстности, гдѣ находится зданіе. Особенною эластичностью и подвижностью отличается страховой тарифъ въ Тверской губерніи. Тамъ каждое селеніе, смотря по пожарнымъ особенностямъ, платитъ опредѣленный процентъ въ страховую кассу. Этотъ процентъ земскіе дѣятели могутъ увеличивать или уменьшать, соображаясь съ тѣмъ, увеличивается или уменьшается вѣроятность возникновенія пожара. Страховой тарифъ принимаетъ до извѣстной степени индивидуальный характеръ. При этомъ онъ справедливъ, подвиженъ и своею эластичностью прекрасно гарантируетъ интересы страхового капитала.

Но оцѣночными нормами и страховыми тарифами еще не исчерпывается организація страхового дѣла. Обязательное страхованіе требуетъ регистраціи крестьянскихъ строеній. Такъ какъ веденіе страховыхъ описей или оцѣночныхъ вѣдомостей законъ возложилъ на волостныхъ писарей и старшинъ, то земскимъ собраніямъ надлежало опредѣлить сроки для переоцѣнки строеній, изготовить бланки для страховыхъ описей и снабдить волостныхъ начальства соотвѣтствующими инструкціями. Просматривая инструкціи, издавныя земствами для волостныхъ правленій, не трудно убѣдиться, что каждое земство старалось внести возможно большую точность въ регистрацію построекъ, подлежащихъ обязательному страхованію. Такъ, въ инструкціи тверскаго земства говорится, что, предварительно оцѣнки селенія, волостной старшина обязанъ составить заглавный листокъ для этого селенія, въ которомъ долженъ: а) опредѣлить точно тотъ пунктъ, откуда онъ началъ производить

оцѣнку, б) записать въ немъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые заключаются въ заглавномъ листѣ. Самую оцѣнку волостной старшина производитъ начиная съ перваго двора и, слѣдуя по порядку, выставляетъ послѣдовательно на страховыхъ листахъ номера домохозяевъ; если же на одномъ усадьбномъ мѣстѣ помѣщаются два или болѣе домохозяина, то на каждого домохозяина составляется отдѣльный страховой листокъ.

Нѣкоторые земства, между прочимъ, саратовское, заботились также о томъ, чтобы крестьяне не смѣшивали страховыхъ платежей съ другими налогами и имѣли ясное представленіе объ операціяхъ обязательнаго страхованія. Волостное правленіе, читаемъ мы въ инструкціи саратовскаго земства, обязано черезъ сельскихъ старостъ заблаговременно и не меньше какъ за недѣлю извѣстить жителей cadaго селенія, въ какой именно день и часъ оно приступитъ къ описи и оцѣнкѣ строеній. Являсь въ селеніе для производства описи и оцѣнки поступающихъ на страхъ построекъ, волостной старшина излагаетъ на сходѣ домохозяевъ правила страхованія и объясняетъ, при какихъ условіяхъ размѣръ страховыхъ суммъ можетъ быть повышенъ, а премія понижена. Практика, однако, показала, что волостныя правленія отнеслись индифферентно къ обязанностямъ, возложеннымъ на нихъ. Положеніемъ о земскомъ страхованіи, и въ регистраціи сельскихъ строеній до сихъ поръ царитъ полнѣйшая халатность. На эту небрежность волостныхъ правленій жалуются въ своихъ докладахъ многія губернскія управы. «Страховые списки на каждое новое трехлѣтіе,—пишетъ вятская губернская управа въ докладѣ отъ 1889 г.,—составляются обыкновенно черезъ переписку старыхъ по кое-какъ сдѣланнымъ карандашнымъ отмѣткамъ, и повѣрка ихъ въ натурѣ никогда не производится, отчего случается нерѣдко, что въ спискѣ значатся или не всѣ строенія, какія есть въ дѣйствительности, или даже совсѣмъ не существующія, которыхъ или не было никогда, или они давно уже проданы и перевезены въ другія селенія, или, наконецъ, совсѣмъ уничтожены. Не мало встрѣчается и такихъ неправильностей: домъ въ натурѣ стоитъ подъ соломенною крышею, а въ спискахъ волостнаго правленія онъ значится крытымъ тесомъ; при домѣ есть клѣтъ и одна малая изба, но въ спискахъ ихъ не значится, или наоборотъ. Строенія, которыя по закону могутъ подлежать только добровольному страхованію, волостныя правленія застраховывали по обязательному» и т. д. Подобная же халатность при веденіи страховыхъ описей обнаружилась и въ тамбовскомъ земствѣ. Тамъ въ 1882 г. оцѣночныя вѣдомости были фактически провѣрены особою комиссіей, назначенною для разслѣдованія причинъ, содѣйствующихъ накопленію страховыхъ недоимокъ. При этой провѣркѣ многіе домохозяева оказались съ отмѣтками: «въ бѣгахъ», «въ неизвѣстной отлучкѣ», «на новыхъ мѣстахъ», «земля находится въ распоряженіи общества» и т. п. Строенія же бѣгуновъ и переселенцевъ, числившіяся въ страховыхъ спискахъ, были проданы мѣстнымъ кулакамъ и кабатчикамъ.

Путаница, нерѣдко встрѣчающаяся въ оцѣночныхъ вѣдомостяхъ, оказываетъ вредное вліяніе на успѣшность страховыхъ операцій. Включеніе въ

страховыя описи не существующаго строенія извращаетъ въ умѣ крестьянина правильное представленіе о сущности и цѣли страховаго сбора: онъ начинаетъ сморгѣть на уничтоженное строеніе какъ на безсмертную ревизскую душу, за которую приходилось платить до новой ревизіи. Между тѣмъ, страховые платежи должны по сравненію съ другими сборами пользоваться наибольшою симпатіей со стороны населенія, такъ какъ эквивалентъ ихъ въ высшей степени простъ: они возвращаются плательщику не въ формѣ школъ, дорогъ или больницъ, а въ видѣ денежнаго пособія для сооруженія новыхъ построекъ на мѣсто сгорѣвшихъ.

Одновременно съ регистраціей крестьянскихъ стреній земскими собраніями былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о возможномъ уменьшеніи количества пожаровъ въ селеніяхъ. Съ цѣлью достигнуть наиболѣе благоприятнаго рѣшенія сказаннаго вопроса, были изданы правила о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ. Въ большинствѣ случаевъ, противопожарныя правила составлены такъ подробно, что въ нихъ предвидятся всѣ случайности, могущія содѣйствовать возникновенію пожара. Такъ, во многихъ губерніяхъ, въ силу земскихъ обязательныхъ постановленій, крестьянамъ воспрещается ходить съ зажженною лучиной и свѣчей безъ фонаря на чердаки, въ конюшни, въ сарай, въ сѣнники, въ кладовыя, въ погреба и другія домашнія строенія. Если потребуется ходить на чердаки или въ другое домашнее строеніе съ огнемъ, то держать оный въ фонаряхъ, которые для такого употребленія имѣтъ по возможности жестяные съ слюдою или стекломъ, но не бумажные (см. *Обязательныя постановленія саратовскаго земства*). Куреніе на улицахъ и во дворахъ въ лѣтнее время считается недозволеннымъ. Запрещается въ переулкахъ и на площадяхъ сваливать лѣсъ, дрова, хворостъ и вообще удобовозгораемые матеріалы. Чистка дымовыхъ трубъ должна производиться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ подъ наблюденіемъ пожарныхъ и сельскихъ старостъ и въ день, назначенный сельскимъ старостой. Правила требуютъ также отъ сельскаго населенія имѣть лѣтомъ кадки, наполненныя водою, и держать ночные караулы. Словомъ, губернскія земства преподали сельскому населенію все, чтобы положить преграды опустошительному дѣйствію огня, и крестьянамъ осталось только слѣдовать указанію данныхъ имъ правилъ; но не все, что хорошо въ теоріи, даетъ хорошіе результаты на практикѣ. По справедливому замѣчанію вятской губернской управы, благія желанія земствъ въ видѣ обязательныхъ постановленій существуютъ сами по себѣ, а сельскіе обыватели живутъ сами по себѣ, какъ бы не подозрѣвая непосредственнаго касательства до нихъ противопожарныхъ правилъ. «Загляните въ любую деревню,—продолжаетъ вятская управа,—и въ справедливости сказаннаго вы убѣдитесь съ перваго же взгляда. Съ перваго взгляда вы замѣтите картину, полную самыхъ наглядныхъ свидѣтельствъ того, что заботы о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ,—заботы и попеченій, вытекающихъ изъ собственнаго сознанія жителей въ необходимости этихъ мѣръ,—тутъ нѣтъ почти никакихъ. Здѣсь на домъ вы видите давно уже полураз-

валившуюся и чуть-чуть торчащую изъ-подъ крыши трубу, которую и поправить рѣшительно ничего бы не стоило; вездѣ солома и солома; по двору по улицамъ валяются цѣлыя кучи разнаго горячаго мусора; печи въ домахъ расщелились и стоятъ приложенными почти къ самой стѣнѣ. Далѣе видите, что здѣсь въ селеніи экипажи мусорнаго обоза стоятъ цѣлую зиму на колесахъ, а весною они оледенѣваютъ до самыхъ трубицъ. Стоить тутъ машина съ дырявымъ рукавомъ, при ней не хватаетъ, къ тому же, нѣсколько гаекъ. Багры поломаны и требуютъ поправокъ, черпаки безъ ручекъ, а пожарный староста не заглядывалъ сюда вотъ уже 8—10 недѣль, хотя начальство свое онъ имѣетъ тутъ же на селѣ, хотя снабженъ онъ даже инструкціей, гдѣ изложены всѣ его служебныя права и обязанности. Въ той же деревнѣ вы видите, что постройки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, расположены скученно и связаны между собою такъ, что загоситъ только одна, не уцѣлѣетъ отъ огня и другая, за ней загорается третья и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока ненасытное пламя не трѣтитъ, наконецъ, на своемъ пути какую-либо естественную уже преграду: рѣку, площадь, озеро или оврагъ». Въ Вятской губерніи среднее число пожаровъ въ годъ равняется 3,700 и она принадлежитъ къ категоріи огнеопасныхъ губерній, но и въ другихъ губерніяхъ ежегодное число пожарныхъ случаевъ никогда не спускается ниже 600—700, причеъ средняя разрушительность пожаровъ достигаетъ до 24, строеній, какъ это имѣетъ место, напримѣръ, въ Симбирской губерніи. Слѣдовательно, картина русской деревни, нарисованная вятскою губернскою управой, можетъ быть признана вообще справедливою для обширной полосы нашего отечества.

Нельзя, однако, приписывать частые пожары въ деревняхъ исключительно безпечности и небрежному обращенію съ огнемъ сельскихъ жителей. По слѣдованіямъ покойнаго статистика В. И. Орлова, большая или меньшая частота пожаровъ въ различныхъ волостяхъ Московской губерніи стоитъ въ связи съ общими условіями, характеризующими данную мѣстность. Къ числу такихъ условій слѣдуетъ, прежде всего отнести, хозяйственное состояніе населенія. Въ волостяхъ, дающихъ наименьшее число пожаровъ, количество скота значительно больше, а недоимокъ значительно меньше; меньше также и число бездомовыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большее количество строеній, приходящихся на одинъ дворъ, подлежащій обязательному страхованію (см. томъ VIII *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи*, стр. 63). Эта связь между частотой пожаровъ и экономическимъ достаткомъ населенія понятна, впрочемъ, сама собою. Не столько отъ безпечности крестьянъ, которые не поправляютъ полуразвалившуюся трубу, сколько отъ того, что нужные для этой поправки гроши уходятъ на предметы первой необходимости: на починку сельско-хозяйственныхъ орудій, на покупку домашней утвари, соли и т. п. Трудно также сельскимъ обществамъ держать ночные караулы, особенно во время уборки сѣна и хлѣба. Тутъ каждая рабочая сила утилизируется семьею, всѣ уходятъ въ поле, дома остаются только дѣти, да безсильные старики и старухи. Но кто побывалъ

въ полѣ, тому уже невозможно проходить всю ночь по деревнѣ, не смыкая глазъ. Точно также въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ для бѣдныхъ домохозяевъ составляетъ уже значительный расходъ имѣть кадки съ водою, требуемыя противопожарными правилами. Пришла бѣда—растворай ворота, говоритъ русская пословица, и нерѣдко приходится констатировать, что пожаръ завершаетъ разореніе деревни, начавшееся вслѣдствіе неурожаевъ и упадка мѣстныхъ промысловъ.

Но главный недугъ земскаго страхованія заключается не въ частости и разрушительности сельскихъ пожаровъ, а въ страховой недоимкѣ. Хроническіе недоборы въ страховыхъ платежахъ не позволяютъ земствамъ возвысить оцѣночныя нормы и дать погорѣльцу надлежащее обезпеченіе въ случаѣ пожара. Статистическія данныя, собранныя покойнымъ В. И. Орловымъ, указываютъ, что страховая сумма, выдаваемая послѣ пожара московскому крестьянину, составляетъ менѣе $\frac{1}{3}$ (около 27%) общаго убытка, а потому недостаточна для устраненія всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, причиняемыхъ населенію пожарами. А, между тѣмъ, въ Московской губерніи поземельная оцѣнка деревянной избы съ дворомъ равняется 75 руб. Въ другихъ губерніяхъ, даже безлѣсныхъ, дѣйствуютъ низшія оцѣночныя нормы и тамъ погорѣльцу, получившему отъ земства пожарное вознагражденіе, иногда ничего не остается дѣлать, какъ идти съ сумою по міру.

Нижеслѣдующая таблица даетъ наглядное представленіе о ходѣ развитія страховой недоимки въ земскихъ губерніяхъ:

Годъ.	Названіе губерній.	Страховой окладъ.	Недоимка къ концу года.	Прод. от- ношеніе къ окладу.	Сумма на- личнаго ка- питала въ концу года.
1888	1) Вятская	323,138	31,137	9%	36,471
1889	2) Симбирская . . .	197,185	51,223	26 »	864,573
1890	3) Псковская	328,005	85,103	26 »	111,081
1889	4) Тверская	548,472	148,627	27 »	877,782
1890	5) Смоленская . . .	222,573	106,120	47 »	584,221
1889	6) Казанская	492,700	245,631	49 »	305,275
1890	7) Рязанская	607,042	298,654	49 »	286,981
1889	8) Владимірская . .	504,315	254,021	50 »	908,296
1889	9) Петербургская . .	259,861	165,570	63 »	526,412
1889	10) Таврическая . . .	51,222	35,704	69 »	192,394
1889	11) Новгородская . . .	242,970	220,223	90 »	38,850
1888	12) Вологодская . . .	110,149	103,669	94 »	822,759
1888	13) Нижегородская . .	575,454	662,956	115 »	133,273
1888	14) Орловская	282,646	325,432	115 »	47,759
1890	15) Воронежская . . .	412,403	568,570	138 »	669,548
1890	16) Тамбовская	663,588	1,327,584	200 »	152,407
1890	17) Московская	281,074	563,618	200 »	196,603
1889	18) Уфимская	155,385	588,750	379 »	649,336

Изъ представленной таблицы видно, что многія земства обладали бы значительнымъ запаснымъ капиталомъ, еслибъ страховые сборы съ крестьянъ поступали въ земскую кассу безнедоимочно.

Само собою понятно, что земскія собранія не могли относиться равнодушно къ постоянному недобору страховыхъ платежей. Какія слѣдуетъ принять мѣры для погашенія накопившихся недоимокъ, этимъ вопросомъ 1884 г. было поглощено все земство Орловской губерніи. Онъ дебатывался во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. При этомъ каждое уѣздное земство видѣло спасеніе отъ недоимокъ не въ общемъ улучшеніи страхового дѣла, а въ какой-либо особой, вполнѣ специфической мѣрѣ. Между ними, елецкое земство находило полезнымъ выдавать погорѣльцамъ сверхъ пожарнаго вознагражденія по пяти рублей награды, если сгорѣли всѣ застрахованныя постройки и если пострадавшими внесена вся недоимка за мѣсяца до пожара. Если же сгорѣла часть построекъ, то вознаграждение уменьшается до 3 и до 2 руб.

Съ своей стороны, карачевское земство остановилось на мысли удерживать у погорѣльцевъ при выдачѣ имъ пожарнаго пособія сумму, въ три превышающую страховую недоимку.

Малоархангельское земство считало болѣе цѣлесообразнымъ начислять до за несвоевременный взносъ страховыхъ платежей по нормальной мѣрѣ, и, кромѣ того, если недоимка превыситъ годовой окладъ, дать губернской управѣ полномочіе требовать черезъ полицейское управленіе описи имущества неисправныхъ плательщиковъ и продажи послѣднихъ для пополненія недоимки.

Бромское земство предлагало измѣнить существующій порядокъ сбора страховыхъ платежей. По мнѣнію земства, изъ суммъ, вносимыхъ крестьянами въ разные сборы, извѣстная, опредѣленная доля должна необходимо вноситься въ платежи по нормальной оцѣнкѣ.

Ни съ однимъ изъ вышеприведенныхъ мнѣній уѣздныхъ земствъ не сошлась орловская губернская управа. Такъ, она полагала, что мѣра, предложенная карачевскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и состоящая въ томъ, чтобы съ погорѣльцевъ, при выдачѣ имъ пожарнаго пособія, удерживать недоимку въ тройномъ ея количествѣ, является неудобной уже потому, что она противорѣчитъ 35 ст. *Положенія* о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованіи, въ силу которой слѣдующая владѣльцу строенія, въ вознагражденіе по обязательному страхованію, сумма выдается безъ всякихъ вычетовъ, хотя бы на немъ лежали казенныя и частныя взысканія. Измѣненіе этой статьи, въ смыслѣ предложенія карачевского земства, едва ли желательно, такъ какъ оно повлечетъ за собою большое количество справокъ, жалобъ и разбирательствъ и будетъ лишь тормазить выдачу пособій, ввиду тѣмъ интересы погорѣльцевъ требуютъ, чтобы ассигновки производились какъ можно быстрѣе. На тѣхъ же основаніяхъ орловская губернская управа сочла непрактичною и мѣру, предложенную елецкимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Если почему-либо нельзя производить вычеты изъ

нормальныхъ страховыхъ суммъ, то нельзя и премпровать тѣхъ погорѣльцевъ, которые за два мѣсяца до пожара внесли недоимку въ уѣздное казначейство. Точно также, по мнѣнію орловской губернской управы, было бы нераціонально начислять пеню за несвоевременный взносъ страховыхъ сборовъ, потому что если крестьянину почему-либо тяжело внести премию, то ему труднѣе будетъ внести премию съ прибавкой пени. Взысканіе же премии и пени тѣмъ порядкомъ, который предлагается малоархангельскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, вызоветъ такую переписку и затрату труда, что выгоды, достигнутыя этимъ путемъ, не покроютъ издержекъ по сбору премій. Что же касается мѣры, рекомендуемой кромскимъ земствомъ и заключающейся въ томъ, чтобы изъ суммъ, вносимыхъ крестьянами въ разные сборы, часть отчислялась въ платежи по нормальной оцѣнкѣ, то для осуществленія ея необходимъ особый законодательный актъ, и при этомъ трудно предполагать, чтобы правительство согласилось на такое отчисленіе, когда до сихъ поръ не отчисляются подобнымъ же образомъ губернскіе и уѣздные земскіе сборы.

Въ слѣдующемъ 1885 году, по постановленію орловскаго губернскаго собранія, была образована для пересмотра всего страховаго устава особая коммиссія изъ представителей губернской управы и предсѣдателей уѣздныхъ управъ. Эта коммиссія пришла единогласно къ слѣдующимъ заключеніямъ:

§ 1. Въ виду того, что громадная недоимка, составляющая главное зло страховаго дѣла, накопилась исключительно по обязательному нормальному страхованію, по остальнымъ же двумъ видамъ, дополнительному и добровольному, она образоваться не можетъ, необходимо обставить нормальное страхованіе такими для крестьянъ условіями, чтобы они навсегда отказались отъ этого вида страхованія и перешли къ остальнымъ двумъ. Такимъ образомъ, слѣдовало бы принимать на страхъ всё постройки, сколько бы ихъ ни находилось у страхователя, въ оцѣнкѣ лишь избы съ надворными постройками и, притомъ, по уменьшенной противъ нынѣ существующей нормѣ, а именно: избы съ надворными постройками оцѣнивать для степныхъ уѣздовъ въ 25 руб., а для лѣсныхъ—въ 15 руб., избы безъ надворныхъ построекъ для степныхъ уѣздовъ—въ 12 руб., а для лѣсныхъ—въ 8 руб. Впрочемъ естественно, что подобныя нормы будутъ неблагоприятны для страхователя, но онѣ будутъ понуждать его перейти къ страхованію по высшей оцѣнкѣ, т.-е. къ тому виду, который не допускаетъ вовсе недоимокъ и, въ то же время, гарантируетъ крестьянина въ полученіи дѣйствительной стоимости за сгорѣвшія строенія.

§ 2. Для того, чтобы собрать недоимку прежнихъ лѣтъ, необходимо хоть сколько-нибудь поощрить даровой и сложный трудъ волостныхъ правленій и потому къ выдаваемымъ въ настоящее время земскимъ страховымъ агентамъ 7% съ собраннаго недоимочнаго рубля слѣдуетъ назначить еще 3% съ того же собраннаго недоимочнаго рубля въ пользу волостныхъ правленій.

§ 3. Ради поощренія къ исправному взносу оставшихся страхователей въ нормальной оцѣнкѣ было бы полезно установить пяти-рублевую премію въ пользу погорѣвшихъ изъ тѣхъ обществъ, которыя внесутъ недоимку къ 1-му января страхового года.

Орловское губернское собраніе отвергло § 1 доклада комиссіи, такъ какъ пониженіе нормальной оцѣнки еще менѣе обезпечить погорѣльцевъ въ случаѣ пожара, всякое же понужденіе крестьянъ переходить отъ нормальной къ дополнительной оцѣнкѣ нарушитъ основные принципы земскаго страхованія. Параграфъ 2-й доклада комиссіи былъ утвержденъ единогласно собраніемъ, а § 3, какъ стоящій въ непосредственной связи съ 1-мъ, было рѣшено исключить.

Такимъ образомъ, орловское земство свело, какъ говорится, «на нѣтъ» весь вопросъ о страховой недоимкѣ и нашло, что въ борьбѣ съ нею «преимъ» волостнымъ старшинамъ является наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ.

Параллельно съ изысканіемъ мѣръ, наиболѣе способныхъ погашать накопившуюся недоимку по страховому сбору, во многихъ земствахъ обсуждали вопросъ, какія причины вызываютъ хроническіе недоборы страховыхъ платежей? Ради скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса производились необходимыя изслѣдованія членами уѣздныхъ и губернскихъ управъ. Такъ, въ 1887 году, по порученію смоленской губернской управы, членъ ея, г. Кусковъ, производилъ дознаніе въ Духовщинскомъ уѣздѣ о причинахъ накопленія недоимокъ по страховому сбору. Въ этомъ уѣздѣ недоимка достигла значительныхъ размѣровъ, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ она равнялась 13—17 годовыхъ окладовъ. Изъ доклада г. Кусакова губернской управѣ, послѣдовавшаго за производствомъ дознанія, видно, что недоимка въ Духовщинскомъ уѣздѣ росла изъ года въ годъ, благодаря тому, что тамъ съ самаго начала страхованія почти совершенно отсутствовало понужденіе крестьянъ къ взносу страховыхъ платежей. Этотъ выводъ подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что экономическое положеніе крестьянъ Духовщинскаго уѣзда таково, какъ и въ другихъ уѣздахъ Смоленской губерніи; во-вторыхъ, тѣмъ, что наибольшая задолженность земству по страховому сбору произошла въ тѣхъ волостяхъ, которыя образовались изъ селеній крестьянъ бывшихъ государственныхъ; послѣдніе не пользуются надѣльными землями, которыя по качеству не уступаютъ надѣламъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а по количеству превышаютъ ихъ вдвое. Подобныя изслѣдованія производились въ томъ же году и въ другихъ уѣздахъ губерніи. Эти изслѣдованія показали, что въ Ельнинскомъ уѣздѣ страховая недоимка непрерывно возростала отчасти вслѣдствіе разстройства крестьянскаго хозяйства, а главное—отъ бездѣйствія администраціи при взысканіи страховыхъ платежей. По Вяземскому уѣзду недоимка накоплялась съ давнихъ поръ; ея росту способствовали какъ индифферентизмъ полицейскихъ властей, такъ и обѣднѣніе самихъ крестьянъ вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ. Тѣ же самыя причины содѣйствовали запусценію страховой недоимки въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Въ общемъ,

по мнѣнію г. Кусакова, по вышеупомянутымъ уѣздамъ плохое поступленіе страховыхъ платежей происходило, главнымъ образомъ, отъ индифферентнаго отношенія къ нимъ уѣздной полиціи, частью же отъ упадка экономической благосостоянія крестьянъ и отъ безпечности самихъ плательщиковъ.

1890 г. членъ черниговской губернской управы, г. Червинскій, дѣлалъ ревизію волостей и уѣздныхъ управъ по дѣламъ страхованія отъ огня или какъ онъ выражается, «по дѣламъ страховой недоимки», общая цифра которой по губерніи простиралась въ то время до 120,000 рублей. Главнѣйшую причину роста недоимки г. Червинскій видитъ въ отсутствіи личныхъ счетовъ плательщиковъ, въ небрежномъ отношеніи волостныхъ правленій къ страховымъ деньгамъ и очень картинно излагаетъ происходящую отсюда путаницу. «Сами волостныя правленія, — пишетъ онъ, — не ведутъ личныхъ счетовъ по плательщикамъ, а передали это дѣло цѣликомъ въ руки сборщиковъ; по своимъ книгамъ они отмѣчаютъ поступления платежей только въ итогахъ по сельскимъ обществамъ. Для нихъ, слѣдовательно, счетною единицей является общество или, правильнѣе сказать, всякій отдѣльный сборщикъ. Въ наиболѣе запущенныхъ волостяхъ даже и эти счета по сельскимъ обществамъ состоятъ только изъ одного текущаго обихода. По просмотрѣ мною книгъ Сосницкой и Кролевецкой волостей графа «недоимки прежнихъ лѣтъ» вездѣ оказалась пустою; ни за однимъ обществомъ страховой недоимки не числилось. Гдѣ же она дѣбалась? Писарь объясняетъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ книжки отъ своего предшественника (т.-е. съ пустыми графами страховой недоимки), въ такомъ видѣ и сталъ ихъ продолжать, а за мое, — говоритъ, — время недоимки не было».]

«Перехожу, — продолжаетъ г. Червинскій, — къ податной тетради сборщика. Она представляетъ два главныхъ типа. Въ одного рода тетрадяхъ записываются всѣ сборы вмѣстѣ и тогда тетрадь получаетъ слѣдующій видъ: крестьянинъ Сидоръ Балабуха, съ него слѣдуетъ: государственнаго поземельнаго налога 2 руб., выкупныхъ платежей 6 руб., страховыхъ 60 коп., на межеваніе, земскихъ и т. д., всего 15 руб. На другой сторонѣ отмѣчается фактическое поступленіе: въ январѣ заплатилъ 4 руб., въ сентябрѣ 1 руб. и проч.; къ концу года обнаруживается, что Балабуха не заплатилъ по всѣмъ вообще сборамъ 3 рубля съ полтиною. Собравъ извѣстную сумму, рублей 100 или 200, сборщикъ, прежде чѣмъ отнести ихъ въ казначейство, заходитъ въ волость, которая и пишетъ ему такъ называемое «объявленіе», т.-е. распредѣляетъ собранные имъ 200 руб. по разнымъ сборамъ. Порядокъ зачисленія у нихъ всегда одинъ и тотъ же: сначала пополняются казенные сборы, потомъ межевые, страховка, а что за тѣмъ останется (если останется что-нибудь) идетъ уже въ земскій сборъ.

«Въ результатѣ получается два рода записей: въ волости есть цифра недоимокъ по каждому сбору въ отдѣльности, но въ итогахъ по обществу, въ сборщицкой тетради есть цифра недоимокъ по каждому лицу въ отдѣльности, но въ итогахъ по всѣмъ сборамъ вмѣстѣ. Сколько же именно оставалось страховой недоимки за Сидоромъ Балабухой, этого никто не знаетъ —

и волость, ни сборщикъ. Неизвѣстность происходитъ здѣсь не отъ недобросовѣстности, а отъ самаго механизма записи, которая не приурочиваетъ разныхъ платежей къ личнымъ счетамъ.

«Встрѣчаются податныя тетради и другаго типа: на каждый сборъ въ отдѣльности или по группамъ. Тогда есть особая страховая тетрадь, по которой сборщикъ отмѣчаетъ за каждымъ хозяиномъ въ отдѣльности уплату страховки. По и въ этомъ случаѣ сборщикъ, собравъ какую-нибудь сотню рублей, все-таки, идетъ въ волость, которая въ своемъ объявленіи въ казначейство эти деньги, несомнѣнно уже страховыя, часто *заворачиваетъ* въ уплату казенныхъ сборовъ и въ такомъ видѣ записываетъ ихъ по своимъ выпискамъ. Въ сборщицкой же тетради о подобномъ *заворачиваніи* никакихъ отмѣтокъ не дѣлается, да и дѣлать ихъ въ личныхъ счетахъ мудрено, если сумма заворачивается въ казенные сборы не цѣликомъ, а въ извѣстной части, какъ это обыкновенно и бываетъ» (*Способъ выясненія и взысканія страховой недоимки. Отчетъ члена черниловской губернской управы П. П. Чернитскаго*).

Въ очередную сессію тамбовскаго губернскаго собранія 1881 г. ревизионною комиссіей было обращено особое вниманіе на то обстоятельство, что по Борисоглѣбскому уѣзду страховая недоимка возросла до 103,000 р. что, по изслѣдованію уѣздной земской комиссіи, по 15 волостямъ этого уѣзда оказалась растрата около 19,000 руб. страховыхъ и другихъ земскихъ суммъ. Губернское собраніе постановило: 1) просить губернскихъ властныхъ Борисоглѣбскаго уѣзда произвести въ своемъ уѣздѣ полную ревизію страховаго дѣла и 2) потребовать отъ уѣздныхъ управъ точныхъ свѣдѣній относительно мѣръ, какія ими употребляются для полученія страховыхъ недоимокъ, и уполномочить губернскую управу, если она найдетъ эти мѣры недостаточными, обратиться къ содѣйствію губернскихъ властей.

Губернскому собранію 1882 г. управа изложила собранныя ею свѣдѣнія о мѣрахъ, принимаемыхъ по взысканію страховаго сбора. Мѣры эти оказались слѣдующія: составляются реестры оклада и недоимокъ страховаго сбора и препровождаются исправникамъ и земскимъ страховымъ агентамъ для понужденія плательщиковъ; о томъ же дѣлаются порученія волостнымъ правленіямъ. Агентамъ вмѣнено въ обязанность спрашивать сельскія общества, предъявлялись ли имъ окладные листы страховаго сбора и извѣстно ли имъ, сколько съ каждаго общества и домохозяина причитается оклада и недоимокъ? Члены управы при разъѣздахъ лично внушаютъ волостному начальству необходимость скорѣйшаго взноса страховыхъ платежей. Усманская управа поручила одному изъ своихъ членовъ специально заняться погужденіями къ взиманію страховаго сбора, и это значительно содѣйствовало его успѣшному поступленію. Липецкая управа сообщила о растратѣ волостнымъ старшиной одной волости 3,000 р. страховыхъ денегъ. Моршанская управа объяснила неудовлетворительное поступленіе страховыхъ платежей, какъ и вообще земскихъ сборовъ, тѣмъ, что сельскіе старосты и волостные старшины заняты, главнымъ образомъ, очиствою государственныхъ повин-

ностей. Вслѣдствіе этого у множества исправныхъ домохозяевъ страховыя платежи зачислены въ государственныя сборы за ихъ односельчанъ, маломощныхъ экономически. Губернская управа, находя полезными такія мѣсныя изслѣдованія черезъ членовъ уѣздныхъ управъ, волостныхъ старшинъ и страховыхъ агентовъ, предложила ассигновать на канцелярскіе расходы такихъ комиссій отъ 300—500 руб. Губернское собраніе согласилось съ предложеніемъ управы.

Заслуживаютъ также вниманія изслѣдованія по страховой недоимкѣ, произведенныя въ Московской губерніи. Московское земское собраніе 1882 г. постановило поручить уѣзднымъ управамъ произвести провѣрку страховыхъ плательщиковъ и разслѣдовать причины накопленія недоимокъ. Данныя, взятыя изъ 11 уѣздовъ, дали возможность губернской управѣ въ докладѣ собранію отъ 1885 г. свести дѣйствующія причины и показать ихъ относительную важность въ слѣдующей таблицѣ:

- 1) Предпочтительная уплата казенныхъ податей передъ страховыми сборами, причѣмъ часть этого послѣдняго поступаетъ въ казенныя сборы

Число недоимочныхъ селеній.	Процентное отношеніе къ общему числу недоимочныхъ селеній.
-----------------------------	--

192	35%
2) Небрежное выполненіе должностными лицами своихъ обязанностей, непонужденіе къ уплатѣ страхового сбора, отказъ въ пріемѣ мелкихъ суммъ и т. п.:	
101	19%
3) Бѣдность населенія, отсутствіе заработковъ, неурожаи, градобитія и т. д.	
91	16%
4) Запутанность счетовъ, отсутствіе записей, не дающее возможности опредѣлить, кто именно и въ какой суммѣ состоитъ недоимщикомъ:	
72	13%
5) Растраты страхового сбора старшинами и старостами:	
55	10%
6) Непониманіе крестьянами значенія страхового сбора, соблазнительный примѣръ сосѣднихъ селеній, запустившихъ платежи по страхованію:	
6	1%
7) Причины накопленія недоимокъ не выяснены:	
25	5%
543	100%

Изслѣдованія, произведенныя въ уѣздахъ Московской губерніи, показали, что главная причина накопленія недоимокъ заключается въ своеобразномъ взглядѣ на этотъ видъ платежей самихъ плательщиковъ, а этотъ взглядъ въ свою очередь происходитъ изъ особаго отношенія къ страховымъ платежамъ и недоимкамъ органовъ, завѣдующихъ взиманіемъ какъ этихъ, такъ и всѣхъ другихъ сборовъ, уплачиваемыхъ сельскимъ населеніемъ.

«Ближайшее завѣдываніе всѣми сборами, — замѣчаетъ покойный В. И. мовъ по поводу актовъ о страховой недоимкѣ, представленныхъ членами уѣздныхъ управъ въ московскую губернскую управу, — сосредоточено въ волостномъ правленіи, являющемся посредникомъ между сельскими обществами, уѣздною администраціей или, правильнѣе, полиціей. Отвѣчая передъ поѣздною за успѣшность своей дѣятельности по взысканіямъ различныхъ платежей и подвергаясь наказанію, по усмотрѣнію уѣзднаго исправника, малоуспѣшность, волостное правленіе въ свою очередь имѣетъ право принять различныя карательныя мѣры къ плательщикамъ и ихъ представителямъ — старостамъ и сборщикамъ податей. Отсюда ясно, что изъ различныхъ видовъ платежей волостное правленіе будетъ обращать вниманіе на тѣ, которые настойчивѣе требуются полиціей, и менѣе всего на платежи, какое поступленіе которыхъ не влечетъ за собою кары со стороны начальства; понятно, что и у самихъ плательщиковъ устанавливается взглядъ на эти платежи — какъ на главные, прежде всего подлежащіе взносу, на другія — какъ на второстепенныя, уплата которыхъ отлагается къ концу. *Такии второстепенными платежами оказывается страховка.* Начальство волости и дѣлаетъ предписанія о взысканіи съ домохозяевъ страховыхъ денегъ, но довольствуется обычною отпиской волостныхъ правленій, что, согласно предписанію вашего вѣдѣнія, приняты надлежащія мѣры ко взысканію... Въ свою очередь волостныя правленія, сдѣлавши подобную отписку, мало не считаютъ нужнымъ принять какія-либо мѣры ко взысканію, такъ какъ хорошо знаютъ, что за ихъ бездѣятельностью въ этомъ отношеніи послѣдуетъ лишь новое строгое предписаніе. Иное дѣло — казенныя подати: слабое полученіе ихъ влечетъ для волостнаго начальства различныя неурядицы. Тутъ не удовлетворяются форменною отпиской, а требуютъ къ извѣстному сроку представленія свѣданій во взносѣ денегъ въ казначейство, иначе не только неисправныя старосты, но и самъ представитель волости — волостной старшина — подвергаются аресту. Отъ этого происходитъ, что даже собранныя страховыя деньги, по настоянію волостнаго правленія, нерѣдко обращаются на уплату казенныхъ податей и разныхъ другихъ сборовъ.

«Исправное поступленіе страховыхъ платежей можетъ быть и дѣйствительно бываетъ только при слѣдующихъ условіяхъ: а) когда за селеніемъ волости недоимки ни по какимъ другимъ податямъ и сборамъ, б) когда уѣздная администрація и въ томъ числѣ исправникъ обращаютъ вниманіе на дѣйствительное поступленіе страховыхъ платежей и, наконецъ, в) когда само волостное начальство проникнуто сознаніемъ необходимости своевременнаго взноса ихъ. Последнее условіе встрѣчается какъ рѣдкое исключеніе, хотя вслѣдствіе слѣдованія страховыхъ платежей показываетъ, что это условіе едва ли не самое дѣйствительное для успѣшнаго поступленія ихъ. Винить волостнаго старшину въ томъ, что онъ не принимаетъ надлежащихъ мѣръ ко взысканію страховыхъ платежей, едва ли возможно: вѣдь, онъ рѣшительно ничѣмъ не заинтересованъ въ правильномъ поступленіи ихъ, а начальство тре-

бусть во что бы то ни стало взноса других платежей... Иное дѣло, когда уѣздная администрація не раздѣляетъ сборовъ на главные и второстепенныя, но съ одинаковымъ вниманіемъ относится ко всемъ видамъ платежей: тогда даже крайне недоимочныя общества оказываются сравнительно исправными въ уплатѣ страховыхъ денегъ, такъ какъ сами-то плательщики ясно сознаютъ всю пользу страхованія строеній и, за рѣдкими исключениями, обмуживаютъ полную готовность вносить причитающуюся премію. Подтвержденіе послѣдняго нельзя не видѣть, между прочимъ, въ томъ, что общества за которыми не числится недоимки по разнымъ сборамъ, оказываются исправными плательщиками и премій, хотя въ этомъ отношеніи не принимается никакихъ понудительныхъ мѣръ *)).

Съ цѣлью помѣшать зачисленію страховыхъ платежей въ казенные сборы, московское земство ввело у себя въ 1886 году квитанціонныя книжки изъ которыхъ сборщикъ обязанъ выдавать квитанціи плательщику въ примѣ отъ него денегъ. Такимъ образомъ, благодаря квитанціоннымъ книжкамъ для московскаго земства является возможность учитывать волостныхъ старшинъ и даже вернуть страховыя деньги въ земскую кассу, если послѣдніе пошли на погашеніе остальныхъ платежей, такъ какъ законъ воспрещаетъ всякіе зачеты ихъ въ другіе сборы. Такія же квитанціонныя книжки введены еще въ слѣдующихъ земствахъ: петербургскомъ, нижегородскомъ, тверскомъ, калужскомъ и уфимскомъ.

Но квитанціонныя книжки, равно какъ и всѣ репрессивныя и понудительныя мѣры (вознагражденіе старшинамъ, наложеніе пени и т. д.) служатъ, какъ показалъ 25-ти лѣтній опытъ земскаго страхованія, плохимъ орудіемъ въ борьбѣ съ страховою недоимкою. Достигнуть безнедоимочнаго поступленія страховыхъ платежей возможно лишь законодательнымъ путемъ, т. е. открытымъ признаніемъ со стороны закона ихъ первенствующаго значенія для государства. Совершенно вѣрно замѣчаютъ тамбовскія статистики: «Если смотрѣть на обязательный страховой платежъ, какъ на добавочный ко всемъ другимъ, уже лежащимъ на населеніи налогамъ, то едва ли можно отыскать ту норму этого платежа, которая казалась бы не обременительною. Представляется болѣе правильнымъ обратный расчетъ, по которому нужно будетъ признать нѣкоторую обременительность налоговъ, если при нихъ, дѣйствительно, не остается у большинства плательщиковъ денегъ на установленный страховой взносъ. Если недоимки особенно значительны въ страховомъ сборѣ, то это происходитъ единственно оттого, что этотъ сборъ въ порядкѣ взиманія является послѣднимъ. Но есть большія основанія сдѣлать его первымъ и тогда никакихъ недоимокъ въ немъ не будетъ и земское страхованіе строеній получитъ совершенно правильный ходъ». На этой же почвѣ стояло въ 1891 г. московское земство. Въ очередную сессію этого года земскимъ собраніемъ постановлено ходатайствовать, чтобы первыя поступленія съ каждаго плательщика за-

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., томъ VIII, стр. 40.

числялись въ страховые платежи въ тѣхъ размѣрахъ, сколько съ каждаго изъ нихъ слѣдуетъ по страховымъ вѣдомостямъ. Но на сказанное ходатайство московскимъ земствомъ до сихъ поръ еще не получено отвѣта.

Въ данный моментъ начинаютъ раздаваться голоса въ пользу преобразованія продовольственного дѣла въ Россіи. Реформаторы думаютъ ввести въ продовольственное дѣло страховой принципъ и замѣнить денежный и натуральный окладъ, на которомъ числятся сельскія общества, страхованиемъ посѣвовъ отъ неурожая. Въ настоящей статьѣ не мѣсто доказывать всю пригодность и желательность подобной реформы, и мы совсѣмъ не имѣли въ виду касаться продовольственного вопроса. Тѣмъ не менѣе, нельзя не принять въ соображеніе слѣдующаго обстоятельства: если вопросъ о народномъ продовольствіи будетъ рѣшенъ въ сказанномъ направленіи, т. е. если его рѣшеніе будетъ построено на страховомъ принципѣ, то къ имѣющимся двумъ видамъ страхованія (отъ огня и отъ эпизоотіи) присоединится третій, не менѣе полезный: страхование отъ неурожая посѣвовъ на крестьянскихъ надѣлахъ. Эти три вида страхованія, происходящія одновременно, должны служить базисомъ для крестьянскаго хозяйства. Безъ предварительнаго установленія этого базиса трудно ожидать хорошихъ результатовъ отъ всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ подъему экономическаго благосостоянія сельскихъ обществъ. Съ другой же стороны, въ высшей степени важно избавить земства отъ постоянно грозящей имъ опасности банкротства, которая происходитъ вслѣдствіе истощенія запасныхъ капиталовъ и громадной задолженности крестьянъ по страховому сбору. Такимъ образомъ, для правильной постановки обязательнаго страхованія (къ какому бы виду ни относилось послѣднее) необходимо, чтобы законъ обязалъ должностныхъ лицъ сельскаго самоуправленія вносить страховые платежи изъ первыхъ сборовъ. Останавливаясь передъ этою мѣрой на томъ только основаніи, что, вслѣдствіе ограниченности крестьянскаго бюджета, оно поведетъ къ усиленному накопленію недоимокъ по государственнымъ сборамъ, едва ли возможно; представляется болѣе полезнымъ уменьшить послѣдніе или, лучше сказать, привести ихъ въ соотвѣтствіе со степенью чистой доходности крестьянскихъ надѣловъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ упомянуть, что за послѣдніе годы какъ въ прессѣ, такъ и въ земскихъ собраніяхъ неоднократно поднимался вопросъ о дальнѣйшемъ пониженіи выкупныхъ платежей, которыя для большинства мѣстностей являются слишкомъ великими.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать, что теперь на разсмотрѣніи высшихъ правительственныхъ учрежденій находится проектъ реформы всего земскаго обложенія, и въ проектѣ этомъ, насколько извѣстно, затронутъ также вопросъ о порядкѣ сбора страховыхъ платежей. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы весь процессъ страховаго сбора получилъ то направленіе, которое указано въ вышеупомянутомъ ходатайствѣ московскаго земства.

П. Серебряковъ.

Историческій методъ въ биологіи.

II. Запросы физиологіи.

Мы убѣдились, что всѣ отрасли морфологическаго знанія, развивавшіяся или возникавшія вновь, въ теченіе цѣлаго вѣка, — считая его съ момента появленія естественной системы классификаціи, — что всѣ эти разнообразныя и въ значительной мѣрѣ независимыя отрасли естествознанія, выражаясь словами Гёте, дружнымъ «хоромъ» свидѣтельствовали о единствѣ органическаго міра, о глубокомъ, коренномъ сходствѣ всего живущаго, несмотря на безконечное разнообразіе его отдѣльныхъ проявленій.

Таковъ блистательный результатъ примѣненія того *сравнительнаго метода*, который Контъ справедливо считалъ главнымъ атрибутомъ биологической науки его времени.

Но, раскрывъ этотъ «таинственный законъ», сравнительный методъ оказался безсильнымъ дать ему объясненіе, раскрыть его причину. А объясненіе, очевидно, могло быть одно; оно заключалось въ допущеніи историческаго процесса развитія органическаго міра.

Такимъ образомъ, уже въ области морфологіи одинъ сравнительный методъ, обнаружившій внутреннюю связь формъ, оказался недостаточнымъ, его необходимо было дополнить изученіемъ ихъ преемственной послѣдовательности, т.-е. ихъ исторіи, но морфологія, какъ мы видѣли, еще не исчерпываетъ задачъ биологіи. Переходимъ теперь къ физиологіи и посмотримъ, къ какимъ общимъ выводамъ привели ея вѣковые успѣхи, — понятно, по отношенію только къ занимающему насъ вопросу.

Физиологія разсматриваетъ организмы какъ явленія, это — ихъ *феноменологія*; а такъ какъ она не ограничивается однимъ описаніемъ этихъ явленій, а, главнымъ образомъ, стремится раскрыть ихъ причины, то мы можемъ видѣть въ ней по преимуществу *этиологію* совершающихся въ организмахъ процессовъ. Отсюда очевидно, что преобладающій въ ней пріемъ изслѣдованія не наблюденіе, а опытъ, и задача ея не сравненіе, а объясненіе. Какъ морфологію характеризуетъ методъ сравнительнаго изученія, такъ физиологію характеризуетъ методъ *экспериментальный*. Посмотримъ,

дастъ ли онъ въ свою очередь отвѣты на всѣ ея запросы, разрѣшаетъ ли онъ всѣ ея задачи?

Всѣ объективныя проявленія жизни сводятся къ тремъ категорiямъ явленiй: это или превращенiя вещества *), или превращенiя энергiи, или, наконецъ, превращенiя формы. Въ любомъ почти процессѣ, совершающемся въ живомъ организмѣ, встрѣчаемся мы съ двумя или со всѣми тремя превращенiями, хотя, ради удобства изслѣдованiя, обыкновенно мысленно выдѣляемъ одинъ изъ трехъ и разсматриваемъ его въ отдѣльности **).

Въ области первыхъ двухъ категорiй явленiй экспериментальный методъ является всеильнымъ, единственнымъ возможнымъ и необходимымъ. Съ этой точки зрѣнiя физиологiя является только физикою живыхъ тѣлъ, какъ это уже ясно сознавали нѣкоторые «отцы» физиологiи. Вѣрность этой точки отправленiя доказывается двумя путями, и а priori, такъ какъ объяснять значитъ приводить болѣе сложное къ болѣе простому, и а posteriori, такъ какъ только тѣ дѣятели науки, которые отправлялись отъ нея, внесли новый свѣтъ въ науку, двигали ее впередъ. Но въ последнее время тамъ и сямъ начинаютъ раздаваться голоса, утверждающiе, что этотъ путь не вѣренъ, что физика и химiя безсильны разрѣшить задачи физиологiи, что и въ объективныхъ жизненныхъ явленiяхъ есть нѣчто, не поддающееся объясненiю на основанiи законовъ, общихъ для мiра живыхъ и не живыхъ существъ. Витализмъ, который, казалось, уже былъ сданъ въ архивъ, начинаетъ кое-гдѣ приподнимать голову и затягивать свою старую пѣсню, встрѣчая сочувствiе со стороны всѣхъ, кто только нехотя мирился съ широкимъ разливомъ точнаго знанiя, и, конечно, съ нескрываемою радостью живѣтствуютъ всѣ его воображаемые недочеты. Представителей точнаго направленiя въ наукѣ этотъ неовитализмъ, конечно, не потревожитъ; для нихъ ясно, что его ждетъ такая же участь, какая постигла и старый. Вся исторiя науки — только длинная повѣсть его поражений. Но старый витализмъ, по крайней мѣрѣ, былъ последователенъ; онъ гордо несъ свою голову, отрицая по всей линiи возможность примѣненiя точнаго экспериментального метода къ изученiю жизненныхъ явленiй и имѣлъ за себя обширную область не изслѣдованнаго наукой. Неовитализмъ вынужденъ выискивать въ наукѣ темные уголки, въ надеждѣ, что въ нихъ не скоро проникнетъ лучъ свѣта, который вынудитъ ихъ искать еще темнѣйшихъ. Когда Ванъ-Гельмонтъ явленiя пищеваренiя приписывалъ архею, то онъ былъ по-своему правъ; для его времени это слово такъ же удачно, какъ и всякое другое, прикрывало почти полное незнанiе. Но что же сказать о последовательности

*) Нельзя считать удачною очень распространенную замѣну слова превращенiе выраженiемъ „обмѣнъ“ вещества, представляющимъ неточный переводъ нѣмецкаго „Stoffwechsel“, такъ какъ не всякое превращенiе предполагаетъ обмѣнъ.

**.) Какъ на неудачный примѣръ подобнаго произвольнаго дѣленiя, можно указать на физиологiю растений Пфедфера. Первый томъ ея озаглавленъ *Stoffwechsel*, а второй *Kraftwechsel*, и, между тѣмъ, въ первомъ по необходимости трактуются о превращенiи энергiи и наоборотъ.

представителя неовитализма — Бунге, который хочет нас уверить, что когда мы съедем кусок хлеба, дело обойдется по известным нам законам химии и физики, но когда мы проглотим кусочек хлеба с маслом, то организм будут пущены в ход какие-то плазматические инстинкты, т.-е. те же вань-гельмонтовские архен, только микроскопические *)?

На встречу идеям Бунге послышался сочувственный отклик и с крайняго Востока. Профессоръ Томскаго университета Коржинскій, въ своей вступительной лекціи въ курсъ ботаники**), выступилъ еще болѣе рѣшительнымъ защитникомъ витализма въ области физиологіи растений, гдѣ онъ имѣетъ еще менѣе правъ на существованіе. Основную мысль этой научной profession de foi, какъ это вообще бываетъ съ виталистами, не желаящими открыто порвать съ точною наукою, очень трудно уловить. Достаточно, напримѣръ, указать, что, прямо отрекаясь отъ «жизненной силы», г. Коржинскій отстаиваетъ какую-то «жизненную энергію», о которой сначала говорится, что она «не разложима на составные элементы», а вслѣдъ за тѣмъ оказывается, что она только «результатъ совершающагося въ организмѣ процесса окисленія». Эта смутность общихъ понятій, впрочемъ, съ избыткомъ искупается черезъ-чуръ прозрачною ясностью примѣровъ, служащихъ для ихъ иллюстраціи. Голословно отрицая все, что сдѣлано физиологами, въ теченіе цѣлаго вѣка, для физическаго объясненія процессовъ роста (въ зависимости отъ дѣйствія тяжести и свѣта), уважаемый систематикъ предлагаетъ такое объясненіе: «По моему мнѣнію,—пишетъ онъ,—гораздо проще смотрѣть на эти явленія какъ на инстинктивное стремленіе корешка углубиться въ питательный субстратъ», «какъ на стремленіе стебля къ свѣту»***), и поясняетъ выгоды подобнаго объясненія: «Разъ мы при-

*) Бунге, профессоръ физиологической химіи въ Дерптѣ, потомъ въ Базелѣ, въ первой главѣ своего *Учебника физиологической и патологической химіи*, какъ известно, выступилъ рѣшительнымъ защитникомъ витализма противъ современнаго «механизма». Слабость его частныхъ аргументовъ была въ свое время обнаружена физиологами, но самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ Бунге, какъ противъ всѣхъ виталистовъ, служитъ тотъ фактъ, что въ заключеніи своего введенія онъ вынужденъ сознаться, что двигаться впередъ наука можетъ только въ направленіи «механизма», и со второй главы своей талантливой книги разстается съ возрѣніями, высказанными въ первой.

**) Издана отдѣльною брошюрой подъ названіемъ *Что такое жизнь?* Томскъ, 1888 г.

***) Даже и тогда, спросимъ мы, когда субстратъ не питателенъ и явленіе происходитъ въ темнотѣ? Впрочемъ, у г. Коржинскаго, пожалуй, найдется объясненіе и для такихъ случаевъ. Всѣ тѣ случаи, гдѣ изслѣдователю удалось овладѣть явленіемъ и по желанію вызывать вполнѣ опредѣленные результаты подъ вліяніемъ вполнѣ опредѣленныхъ причинъ, по мнѣнію г. Коржинскаго, могутъ быть объяснены какъ случаи «обманутаго инстинкта». Такимъ образомъ, произвольно извращается все содержаніе науки: тѣ явленія, которыя подчинились научному детерминизму, будутъ только случаями «обманутаго инстинкта» или самообольщенія изслѣдователя, настоящее же содержаніе науки составятъ только тѣ явленія, которыя еще не подчинились этому детерминизму и тѣшатъ виталиста своею кажущеюся капризностью.

знаемъ эти явленія инстинктивными, то мы уже *не будемъ искать причины ихъ* во внѣшнихъ раздражителяхъ, которые служатъ лишь импульсами къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ». Никогда еще виталисты не говорили такимъ яснымъ языкомъ, какъ въ подчеркнутыхъ мною словахъ; никогда не сознавались они такъ откровенно въ томъ, въ чемъ ихъ противники имѣли основаніе ихъ подозрѣвать, т.-е. въ извѣстной умственной лѣни, въ готовности убажживать себя словами. Въ самомъ дѣлѣ, какое простое объясненіе: все сводится къ инстинкту растенія; сказано ничего не объясняющее слово и поколѣнія ученыхъ уволены отъ вѣковаго тяжелаго труда. Неужели, однако, неовиталисты не поймутъ основной истины, «что только простое можетъ бросать свѣтъ на сложное» *) и что физиологу заимствовать свой языкъ у психолога не значить объяснять, а только затемнять смыслъ изучаемаго явленія?

Дѣйствительно, чего же проще: корень ищетъ, стебель стремится, протоплазма помнитъ и т. д.; но развѣ гг. виталисты забыли, что, вѣдь, и прежде природа боялась пустоты и т. д., да только изъ этого ничего не вышло. Пора понять, что витализмъ никогда не былъ и не можетъ быть положительною доктриной. Это—только отрицаніе права науки на завтрашній день, самоувѣренное прорицаніе, что она никогда не объяснитъ того-то и того-то, высказываемое, конечно, въ спокойной увѣренности, что если она сдѣлаетъ этотъ запретный шагъ, то загородку можно будетъ отнести на шагъ впередъ. Никто такъ не ошибался въ своихъ предсказаніяхъ, какъ пророки ограниченности человѣческаго знанія. И напрасно защитникъ неовитализма**), указывая на воображаемые успѣхи этого воззрѣнія, являющіяся будто бы на смѣну успѣхамъ механическаго воззрѣнія, дѣлаетъ выводъ, что наука не подвигается прямымъ путемъ, а лавируетъ то въ сторону механизма, то въ сторону витализма. Сравнить можно только сравнимое,—ничто нельзя сравнить съ чѣмъ-нибудь,—а неовитализмъ ничего не далъ наукѣ и по существу ничего дать не можетъ. Движенію впередъ, которое сообщило наукѣ механическое воззрѣніе, можно противопоставить только движеніе назадъ,—наукѣ, какъ и жизни, нельзя давать «задній ходъ» впередъ. Представители точнаго метода указываютъ на то, что онъ далъ наукѣ въ прошломъ, и сами неовиталисты, устами Бунге, должны сознаться, что другаго метода не существуетъ и въ настоящемъ; они только желали бы, чтобъ имъ повѣрили на слово, что онъ чего-то не дастъ въ будущемъ. За однихъ говорятъ факты, неисчислимыя заслуги, весь поступательный ходъ науки; за другихъ—только ихъ скрытыя вожделѣнія, тайная надежда, что вотъ-вотъ, наконецъ, гдѣ-нибудь она упрется въ стѣну.

Примѣненіе физическаго, экспериментальнаго метода, какъ уже замѣчено выше, дало наиболѣе блестящіе результаты по отношенію къ двумъ пер-

*) *Claude Bernard*: „La science expérimentale. Le problème de la physiologie générale“, p. 104.

**) *Что такое жизнь?* стр. 48.

вымъ категоріямъ явленій — превращенію вещества и энергіи. Даже сами виталисты сознаются, что здѣсь ихъ положеніе почти безнадежно и исторія науки показываетъ, какъ упорно, шагъ за шагомъ, завоевывала она свои современные позиціи. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія Бюффонъ находилъ необходимымъ видѣть въ живыхъ тѣлахъ особое вещество, отличное отъ вещества тѣлъ неживой природы, но послѣ Лавуазье и первыхъ шаговъ растительной физиологіи, на порогѣ настоящаго столѣтія, пришлось убѣдить, что вещество это то же и поступаетъ въ организмы извнѣ, сохраняя всѣ основныя свойства. Тогда возникли новыя преграды: въ теченіе полувѣка признавали научнымъ догматомъ, что химикъ можетъ только разрушать, т. е. анализировать, что одна жизнь обладаетъ тайною созданія, т. е. синтеза тѣхъ сложныхъ веществъ, изъ которыхъ слагается организмъ. Но успѣхи органической химіи, особенно послѣ классическаго труда Берглю: «*Chimie organique fondée sur la synthèse*», разрушили эту твердую витализма. Этотъ коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ на живую природу представляется молодому поколѣнію уже какимъ-то преданіемъ съдо старины, а между тѣмъ, онъ совершился на глазахъ нашего поколѣнія. Почти на-дняхъ наука привѣтствовала еще новую блестящую побѣду въ этомъ направленіи. Фишеръ, исходя изъ основнаго открытія Бутлерова, осуществилъ синтезъ тѣхъ сахаристыхъ веществъ, которыя даютъ начало большей части углеводовъ, изъ которыхъ слагается растительный организмъ. Изъ трехъ основныхъ группъ органическихъ веществъ: жировъ, углеводовъ, бѣлковъ, которыя даютъ начало организмамъ, не поддается синтезу химика только послѣдняя; но кто рѣшится утверждать послѣ всего, что сдѣлано синтетическою химіей, что и ихъ полученіе не представляется только вопросомъ времени?

Точно такъ же едва ли кто рѣшится утверждать, что жизненныя явленія, изучаемыя физиологомъ, не подчиняются и тому физическому—закону, который лежитъ въ основѣ современныхъ представлений о природѣ, закону сохраненія энергіи. И Майеръ, и Гельмгольцъ, связавшіе свои имена съ этимъ величайшимъ научнымъ обобщеніемъ IX вѣка, примѣнили его одновременно къ явленіямъ живой и неживой природы, и едва ли теперь найдется виталистъ, который попытался бы указать въ организмахъ на явленіе, которое составляло бы исключеніе изъ этого закона. Когда ботаникъ наблюдаетъ фактъ колоссальнаго накопленія потенциальной энергіи, характеризующаго растительный процессъ, онъ указываетъ, въ то же время, на внѣшній источникъ кинетической энергіи, на счетъ котораго образуется этотъ законъ, можетъ даже прослѣдить самый процессъ превращенія. И обратно, когда въ растеніи или еще болѣе въ животномъ физиологъ обнаруживаетъ проявленіе кинетической энергіи, онъ можетъ прослѣдить, изъ какихъ запасовъ потенциальной энергіи берутъ они свое начало. Для жизненной силы ни здѣсь, ни тамъ не оказалось мѣста.

Намъ, конечно, не достало бы времени, еслибъ мы пожелаали представить хотя бы самый блѣдный очеркъ того, что далъ экспериментальный

Физическій методъ въ этихъ двухъ направленіяхъ, это значило бы представить перечень всего содержанія физиологии, такъ какъ, повторяемъ, виталистическія стремленія ничего не дали и дать не могутъ. Къ тому же, это отвлекло бы насъ отъ нашей ближайшей задачи. Остановимся же только на нѣсколькихъ, наиболѣе крупныхъ, выводахъ физиологическихъ изслѣдованій, имѣющихъ непосредственное къ ней отношеніе.

Къ числу такихъ результатовъ физиологическаго изслѣдованія, прежде всего, должно отнести уничтоженіе границы между животнымъ и растительнымъ царствомъ. Мы относимъ это къ успѣхамъ физиологии, а не морфологии, такъ какъ и самое различіе всегда имѣло характеръ физиологическій, а не морфологическій; на это указываетъ уже глагольная форма предлагавшихся опредѣленій. По извѣстному изреченію Линнея, природа минерала, растенія и животнаго опредѣляется глаголами *esse, vivere, sentire*, откуда и дальнѣйшая формула: *mineralia sunt, vegetabilia vivunt et crescunt, animalia vivunt, crescunt et sentiunt*. Чѣмъ глубже изучались отправления *всѣхъ* представителей того и другаго царства, тѣмъ живѣе чувствовалась невозможность провести между ними пограничную черту. Еще въ первой половинѣ этого столѣтія можно было видѣть это различіе въ химическомъ составѣ—въ отсутствіи азота, отличающемъ будто бы растеніе отъ животнаго *). Затѣмъ, различіе въ способѣ принятія пищи, которому придавалъ особое значеніе Кювье; химическая антитеза между процессомъ возстановленія и окисленія, краснорѣчиво выдвинутая впередъ въ *Statique chimique des etres organisées* Дюма и Буссенго; физическая антитеза между превращеніемъ потенциальной энергіи въ кинетическую и обратнымъ процессомъ превращенія кинетичной энергіи въ потенциальную; способность къ движенію или ея отсутствіе; наконецъ, чувствительность, т.-е. способность отвѣчать на раздраженія,—всѣ эти черты различія или исключительные атрибуты организмовъ того или другаго царства падали по мѣрѣ того, какъ предлагались, и въ настоящее время физиологъ не можетъ указать ни на одно отправление, *исключительно* свойственное *всѣмъ* животнымъ и не встрѣчающееся у растеній, или наоборотъ. Остается область психическихъ явленій—область сознанія; но кто же возьмется отвѣтить на вопросъ: гдѣ въ ряду существъ лежитъ этотъ порогъ, за которымъ объектъ становится, въ то же время, субъектомъ,—въ предѣлахъ ли животнаго царства, или за ними? Мы одинаково бессильны признать въ сознаніи общее свойство животной жизни, отличающее ее отъ жизни растительной, или указать на ту ступень въ животной организаціи, съ которой беретъ начало этотъ новый атрибутъ живаго существа, какъ бессильны указать и на тотъ моментъ, съ котораго возникаетъ онъ въ индивидуальной жизни человѣка.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ всѣ отрасли науки о строеніи организмовъ согласно свидѣтельствуютъ о сходствѣ, о единствѣ всего живаго,

*) Слѣды этого взгляда, представляющагося намъ чѣмъ-то архаическимъ, еще можно встрѣтить у Конта, на основаніи авторитета Берцелиуса, останавливающагося передъ загадочнымъ будто бы фактомъ, откуда берется азотъ трояндныхъ, когда его нѣтъ въ растеніи?

как формы,—физиологія, идя совершенно независимымъ путемъ, приходитъ къ такому же выводу относительно сходства функціональнаго, относительно единства всего живаго, какъ процесса.

Но этотъ, единый въ своихъ основныхъ проявленіяхъ, процессъ, откуда беретъ онъ свое начало? Это единство, нельзя ли его распространить еще далѣе: если исчезаетъ граница между *sentire* и *vivere*, то не удастся ли сгладить ее и между *vivere* и *esse*? Если вещество сохраняетъ въ организмѣ основныя свойства, присущія ему и внѣ организма, если оно преобразуется въ немъ подѣ влияніемъ тѣхъ же физическихъ силъ, какъ и внѣ его, то почему же, при надлежащемъ сочетаніи условій, при опредѣленномъ взаимодействіи этихъ веществъ и этихъ силъ, не сложится и тому, что мы признаемъ только результатомъ ихъ сложнаго сплетенія, т.-е. самому организму? Если намъ удастся разложить сложный жизненный процессъ на его слагаемыя химическіе и физическіе процессы, то не можемъ ли мы успѣть и въ обратномъ направленіи? Если физиологія *аналитическая* оказалась столь плодотворною, то не можетъ ли возникнуть рядомъ съ нею или по ея слѣдамъ и *физиологія синтетическая*? Другими словами, не возможно ли возникновеніе жизни вновь, а не безконечная только передача ея изъ поколѣнія въ поколѣніе? Это въѣвой, спорный вопросъ о самозарожденіи, *generatio spontanea*, еще недавно служившій предметомъ такой страстной полемики. Вопросъ этотъ служить какъ бы пробнымъ камнемъ для испытанія того качества, которое и въ ученомъ, какъ и во всякомъ иномъ дѣятелѣ, должно идти впереди всѣхъ остальныхъ—пробнымъ камнемъ его научной добросовѣстности или, попросту говоря, честности. Ученый долженъ, прежде всего, признавать, что оружіе, которымъ онъ успѣшно пользуется противъ своихъ противниковъ, такъ же остро, когда оно обращается противъ него самого. Если, возражая виталистамъ, мы обращаемся къ исторіи науки, указывая, что каждый ея шагъ, каждый успѣхъ былъ поражениемъ витализма, то должны такъ же откровенно сознаться, что вся исторія попытокъ открыть самозарожденіе организмовъ была только рядомъ болѣе и болѣе рѣшительныхъ поражений. Закрывать глаза, зарывать голову въ песокъ, какъ легендарный страусъ, никогда не приносило пользы, не дѣлало чести наукѣ.

Извѣстно, что въ древности допускалась возможность самозарожденія такихъ сложныхъ, съ нашей современной точки зрѣнія, существъ, какъ ужи и змѣи, и этимъ объяснялась отчасти та легкость, съ которою, какъ мы видѣли, ископаемые животные остатки принимались за простую игру природы. Такія воззрѣнія, понятно, не могли долго держаться при свѣтѣ первой науки, замѣнившей повтореніе и переписываніе классическихъ текстовъ непосредственнымъ изученіемъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, уже почти на зарѣ современной научной эры такой выдающійся умъ, какъ Ванъ-Гельмонтъ, могъ серьезно приводить рецепты для полученія живыхъ мышей—изъ муки и траваго тряпья. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вопросъ о самозарожденіи уже обдался на почвѣ опытовъ надъ зарожденіемъ личинокъ насекомыхъ, напавъ въ гниющемъ мясѣ. Итальянскій ученый Реди доказалъ, что личинки за-

ождаются въ мясѣ, защищенномъ прозрачною тканью отъ мухъ, которыя кладутъ въ него свои яйца. Съ открытіемъ міра микроскопическихъ существъ, надежды на открытіе самозарожденія возникли съ новою силой и привели во второй половинѣ XVIII вѣка къ классическому спору между Нидамомъ и Спаланцани. Здѣсь, въ первый разъ, былъ примѣненъ тотъ примъ, который до послѣдняго времени, въ болѣе и болѣе усовершенствованной формѣ, служитъ для разрѣшенія этого вопроса, т.-е. примъ обезпложиванія нагрѣваніемъ въ закрытыхъ сосудахъ тѣхъ жидкостей, въ которыхъ велалось наблюдать это предполагаемое самозарожденіе. Результатъ оказался неблагопріятнымъ для защитниковъ существованія этого явленія. Съ открытіемъ кислорода и дыханія, они, однако, вновь воспрянули духомъ: быть можетъ,—говорили они,—нагрѣвая жидкость въ замкнутыхъ сосудахъ, измѣняли составъ воздуха и дѣлали его непригоднымъ для возникновенія жизни. Но и этимъ надеждамъ суждено было вскорѣ разсѣяться. Классическими опытами Швана было доказано, что обезпложенную жидкость можно приводить въ соприкосновеніе съ воздухомъ, лишь бы этотъ воздухъ былъ также обезпложенъ нагрѣваніемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Шредеръ и фонъ-Душъ, съ одной стороны, и Гельмгольцъ, съ другой, доказали, что обезпложиваніе заносящей зародышей среды, воздуха или жидкости, можетъ быть достигнуто и безъ нагрѣванія, простымъ процѣживаніемъ воздуха чрезъ вату, жидкости—чрезъ пузырь. Этими изслѣдованіями вопросъ, можно сказать, былъ исчерпанъ, но вскорѣ полемика вспыхнула вновь съ небывалымъ оживленіемъ, можно даже сказать—съ ожесточеніемъ, такъ какъ обѣ стороны, не довольствуясь научными аргументами, старались привлечь на свою сторону соображенія философскаго и даже религіознаго свойства. Многимъ, вѣроятно, еще памятна эта страстная полемика, возбужденная въ началѣ шестидесятыхъ годовъ работами Пуше и Пастера и завершившаяся извѣстною работою послѣдняго, составившею эпоху въ исторіи этого вопроса, если не по новизнѣ методовъ или аргументаціи, то по блестящей законченности и точности выполненія. На этотъ разъ надежды гетерогенистовъ, казалось, были разбиты окончательно, но не прошло и двухъ десятилѣтій, какъ они вновь ободрились; казалось, имъ удалось найти новое уязвимое мѣсто въ аргументаціи противниковъ. Вы объясняете результаты вашихъ обезпложиваній тѣмъ, что нагрѣваніемъ жидкости убиваете находившихся въ нихъ зародышей организмовъ,—говорилъ послѣдній, упорный и талантливый защитникъ самозарожденія, Бастіанъ,—но вотъ вамъ жидкости, прогрѣтыя до той температуры, которая несомнѣнно убиваетъ данный организмъ (бациллу), и, несмотря на то, послѣ охлажденія запаяннаго сосуда въ ней вновь появляются эти существа. Для обезпложенія необходимо нагрѣвать жидкость до температуры несравненно болѣе высокой. Значитъ,—говорилъ Бастіанъ,—ваше объясненіе невѣрно: можно убить организмы, находившіеся въ жидкости, и, тѣмъ не менѣе, они появятся вновь, очевидно, вслѣдствіе самозарожденія; обезпложиваніе же нагрѣваніемъ до болѣе высокой температуры объясняется не уничтоженіемъ организмовъ, а какимъ-нибудь болѣе

глубокимъ измѣненіемъ самой жидкости, дѣлающимъ ее уже непригодною для зарожденія новыхъ организмовъ. Но и этотъ искусный экспериментальный порадокъ привелъ только къ замѣчательному открытію Кона. Въ блестящемъ, по точности и опредѣленности результатовъ, изслѣдованіи, которое въ исторіи вопроса заслуживаетъ стать на ряду съ трудами Швана и Пастера, Конъ доказалъ, что бактеріальные организмы въ различной степени сопротивляются дѣйствию высокой температуры, смотря по тому, представляютъ ли они только вегетативные органы или органы размноженія—споры. Эти послѣднія убиваются только значительно болѣе высокими температурами *), и температура полной стерилизаціи (какъ въ опытахъ Бастіана), которая сравнительно низка, которая убиваетъ вегетативныя формы, а та, которая болѣе высокая, которая убиваетъ и споры. Такъ окончилась послѣдняя попытка подорвать убѣдительность опытовъ, отъ Спаланцани до Кона, неизмѣнно повторившихъ противъ возможности самозарожденія. Но оставалось еще одно коренное возраженіе противъ метода, въ теченіе цѣлаго вѣка употреблявшагося для разрѣшенія вопроса. Среда *заражающая* (воздухъ или жидкости) могла быть обезпложена простымъ отцѣживаніемъ зародышей организмовъ, но среда *заражаемая* **), вещество, представляющее, съ точки зрѣнія гетерогенистовъ, тотъ пластическій матеріалъ, который долженъ организоваться, обезпложивалось неизмѣнно нагрѣваніемъ до такихъ температуръ, при которыхъ свертываются бѣлковыя вещества, эта основа всякой жизни. Если мы желаемъ присутствовать при моментѣ организаціи вещества, то конечно, должны, прежде всего, озаботиться, чтобы оно имѣло по возможности тѣ свойства, какія имѣетъ протоплазма въ живомъ организмѣ. Но можно ли ожидать, чтобы вещество стало организоваться въ нашей колбѣ, когда, какимъ образомъ измѣненное, оно не стало бы организоваться и въ живыхъ клеткахъ? Только въ восьмидесятихъ годахъ экспериментальной техники удалось вполнѣ преодолѣть и это препятствіе. Благодаря изобрѣтенію усовершенствованныхъ фильтровъ, мы можемъ теперь обезпложивать *холодную* среду и заражаемую среду, какъ давно уже умѣли обезпложивать среду заражающую. Такимъ образомъ было устранено и это послѣднее и, быть можетъ, самое вѣское возраженіе.

Этотъ эскизъ, à vol d'oiseau, судьбы одного изъ наиболѣе страстно осуждавшихся вопросовъ біологіи, показываетъ, какую пользу приноситъ наука, и какъ увѣривъ мысль хотя бы и ошибочная, но поставленная на реальную почву, какъ рѣзко въ этомъ отношеніи дѣятельность гетерогенистовъ отличается отъ бесплодныхъ воздыханій виталистовъ, въ лучшемъ случаѣ представляющихъ только варіаціи на старую Гамлетовскую поему *There are more things* и т. д. Наука должна быть благодарна гетерогенистамъ, съ такимъ упорствомъ отстаивавшимъ свою идею, хотя бы уже за то, что, въ безуспѣшныхъ поискахъ за произвольнымъ зарожденіемъ, она нашла безцѣнный кладъ—открыла *непроизвольность* зараженій и приобрѣла тѣмъ средство для разрѣ-

*) На что, впрочемъ, было указано ранѣе Пастеромъ.

***) Т.-е. присоединяемая зачатки организмовъ.

борьбы съ заразными болѣзнями. Но, въ то же время, мы видимъ, какъ систематически тѣснили гетерогенистовъ ихъ противники, изъ окопа въ окопъ, начиная съ ужей и мышей и кончая бациллой, какъ служивали область возможныхъ предположеній эти Реди, Спаланцани, Шваны, Коны, пока для предполагаемаго явленія не осталось болѣе мѣста въ рядахъ живыхъ существъ. Упорнымъ защитникамъ его, подобно Геккелю и Негели, оставалось только разсуждать о возможности возникновенія жизни при благоприятныхъ мовіяхъ тепла и влажности, т.-е. повторять общія мѣста, встрѣчающіяся же у Аристотеля.

Но должны ли мы на этомъ основаніи заключить, что переходъ отъ неорганической природы къ органической немислимъ, невозможенъ? Такой выводъ ничѣмъ не оправдывался бы. Мы имѣемъ право сказать, что его не нашли тамъ, гдѣ искали. Далѣе мы представимъ соображенія, которыя дѣлаютъ мало вѣроятнымъ существованіе этого явленія въ настоящую ближайшія къ ней эпохи существованія нашей планеты. Но все это, конечно, не уничтожаетъ возможности раскрытія условій, при которыхъ оно когда-нибудь совершилось.

Такимъ образомъ, изъ числа наиболѣе общихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ физиологія, по отношенію къ занимающему насъ вопросу мы должны отиѣтить два: изученіе жизненныхъ явленій, точно такъ же, какъ изученіе формъ живыхъ существъ, убѣждаетъ въ единствѣ органическаго міра, но о генетической связи этого одинаго органическаго міра съ міромъ неорганическимъ наукъ пока ничего не извѣстно. Не будемъ, однако, дѣлать изъ этого вывода преждевременнаго заключенія; исторія науки служить намъ предостереженіемъ; вспомнимъ, что, еще за нашу память, химія приодела къ такому же отрицательному выводу по отношенію къ возможности синтеза органическаго вещества, и воздержимся отъ повторенія такой же, быть можетъ, ошибки по отношенію къ органической формѣ.

Какъ бы то ни было, но разъ, что не существуетъ синтетической физиологіи, т.-е. возможности начинать съ процесса организациі хотя бы простѣйшаго организма, то во всякомъ экспериментальномъ изслѣдованіи организмъ уже данъ съ цѣлою совокупностью сложныхъ внутреннихъ условій, владѣть которыми экспериментаторъ уже не въ состояніи. Это усложненіе той задачи, въ сравненіи съ задачей химика и физика, и является главною причиною болѣе затруднительности физиологическаго изслѣдованія. Оно особенно ясно выступаетъ при изученіи той третьей категоріи явленій, кою мы еще не коснулись, — явленій превращенія формы, тѣхъ образовательныхъ процессовъ, которые характеризуютъ развитіе организмовъ. Впрочемъ мы можемъ сказать, что они также подчиняются физическимъ законамъ, общимъ для неорганической природы, или мы встрѣчаемъ здѣсь нѣчто исключительно имъ свойственное? И да, и нѣтъ. Съ одной стороны, совершенно не правы тѣ, кто полагаютъ, что формо-образовательные процессы ни въ чемъ не поддаются физическимъ объясненіямъ. Въ физиологіи растений, а въ послѣднее время и въ зоологіи обнаруживается новое — *эксперимен-*

тамно - морфологическое направлѣніе, успѣшно объясняющее зависимость этихъ процессовъ отъ физическихъ дѣятелей *). Съ другой стороны, нѣтъ не стать бы и пытаться однѣми этими причинами объяснить все, касающееся формы,—пытаться объяснить ее, какъ вполне понятный результатъ воздействия на нее физическихъ факторовъ, вліяющихъ съ момента зачатія и до момента полнаго развитія. Если бы намъ даже удалось до малѣйшихъ подробностей изучить всѣ условія индивидуальнаго развитія того или другаго организма, мы, конечно, все же не успѣли бы объяснить, почему изъ двухъ, при стоящихъ средствахъ изслѣдованія неразличимыхъ зачатковъ получаются дѣрзко различныя формы. Еще менѣе удалось бы объяснить, почему этотъ процессъ развитія совершается какъ бы въ какомъ-то предвидѣннн условіи существованія организма, неизмѣнно направляя его къ образованію органовъ прилаженныхъ одинъ къ другому и къ будущей обстановкѣ ихъ дѣйствія. Эта особенность, представляющая одно изъ коренныхъ отличій органическаго міра, во всѣ времена представлялась загадкой, побуждавшей мыслителей и ученыхъ искать ея разрѣшенія. Въ то же время, она служила самымъ вѣрнымъ оплотомъ и, казалось, неотразимымъ аргументомъ витализма. Это общее заключеніе о цѣлесообразности жизненныхъ процессовъ и ихъ продуктахъ органической формы, искало себѣ разрѣшенія въ телеологіи, въ ученіи конечныхъ причинахъ, играющемъ такую видную роль еще въ *Исторіи индуктивныхъ наукъ* Юэля. «Въ организмахъ,—говоритъ онъ,—ихъ частіи не только подчинены законамъ, но служатъ извѣстнымъ цѣлямъ: здѣсь мы усматриваемъ не одинъ только законъ причинности, но и дѣйствіе конечныхъ причинъ». И, на основаніи этого заключенія, послѣднюю главу біологическаго отдѣла Юэль озаглавливаетъ: *Ученіе о конечныхъ причинахъ физиологіи*. Но это ученіе, конечно, не могло удовлетворить ученыхъ, какъ не удовлетворяли и такихъ мыслителей, какъ Декартъ и Спиноза. Не болѣе успѣшною была, однако, и попытка обойтись безъ него представителей философскаго лагеря, совершенно противоположнаго Юэлю. Вотъ что писалъ еще въ 1864 году, слѣдовательно, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ переворота кореннымъ образомъ измѣнившаго воззрѣнія біологовъ, Литтре, одинъ изъ лучшихъ толкователей мыслей своего учителя **). Указавъ совершенно вѣрно на то, что положительная наука, наслѣдовавъ отъ метафизики ученіе о конечныхъ причинахъ, вернула его ей обратно за ненадобностью, какъ совершенно негодное орудіе, онъ высказываетъ далѣе слѣдующую мысль: «... въ области біологіи нѣтъ повода спрашивать, почему живое вещество организуется въ формы, въ которыхъ орудія съ большею или меньшею отчетливостію прилажены къ ихъ цѣли, къ ихъ отправленію. *Прилаживаться, такимъ образомъ, составляетъ одно изъ свойствъ, присущихъ этому веществу, какъ и свойство питаться, сокращаться, чувствовать, мыслить*». Трудно было бы

*) См. мою статью *Факторы органической эволюціи*. *Русская Мысль* 1890 г.

***) Въ *Préface d'un disciple*. Къ воззрѣніямъ самого Конта намъ еще придется вернуться.

ти болѣе опредѣленное формулированіе взгляда, прямо противоположна-
тому, который руководитъ современною физиологіей. Можно было бы
думать, что Клодъ Бернаръ отвѣчаетъ позитивисту Литтре, а не ви-
пистамъ, слѣдующими строками своей извѣстной книги *): «Они (т.-е.
реалисты) не умѣли, а, можетъ быть, и не могли еще провести различіа
между *жизненными явленіями и свойствами*, лежащими въ ихъ основѣ.
и смѣшивали *жизненное явленіе*, т.-е. сложный и потому самому разло-
мый комплексъ, имѣющій нѣчто исключительно ему присущее, со *свой-
ствомъ*, которое по существу просто не разложимо и не представляетъ ни-
чего исключительнаго въ живой или не оживленной природѣ. Однимъ сло-
вомъ, въ этомъ смыслѣ можно сказать, что не существуетъ *жизненныхъ
явленій*, а только *физическія свойства и жизненныя явленія*, которыя
представляютъ только сложные *комплексы* этихъ физическихъ свойствъ».

«Явленія, съ которыхъ начинается наше наблюденіе, все равно—въ об-
ласти живой или не оживленной природы, представляютъ собой факты очень
сложнаго порядка. Путь, которому слѣдуютъ всѣ науки, заключается въ
разложеніи сложныхъ фактовъ на простые, представляющіе ихъ условія
и причины. И когда въ этомъ нисходящемъ пути мы сталкиваемся съ
фактомъ *не разложимымъ*, съ послѣднею ступенью достижимой въ на-
шащее время простоты, мы называемъ этотъ фактъ *свойствомъ*. Если яв-
леніе сложно, если его можно объяснить другимъ явленіемъ, его не слѣду-
етъ смѣшивать со свойствомъ; если же, наоборотъ, онъ представляется
нѣмъ неразложимымъ, если мы не знаемъ другаго явленія, которое его объ-
яснитъ бы, если его объясненіе лежитъ въ немъ самомъ, то мы его назы-
ваемъ *свойствомъ*». «Такъ всегда было. Вотъ поученіе, которое мы выно-
симъ изъ философіи и исторiи науки: *свойство есть названіе факта про-
стаго, неразложимаго; явленіе — названіе факта сложнаго, имѣющаго
въ себѣ конечнымъ условіемъ свойства*».

«Но такъ какъ прогрессъ науки безграниченъ, то оказывается, что
то, что кажется *простымъ* для одной эпохи поддается анализу, разлагается; онъ ста-
вится явленіемъ и свойство относится далѣе. Именно это и представля-
етъ нашъ случай. Жизненные свойства, установленныя основателемъ этого
ученія, чувствительность, раздражительность, тоничность и проч. для насъ
сложныя *явленія*». «При современномъ состоянiи науки, многіе физиологи
думаютъ, что нигдѣ и никогда не обнаруживается иныхъ свойствъ, кромѣ
физико-химическихъ, и что жизненные явленія только сложные сочетанія
фактовъ простыхъ или физико-химическихъ свойствъ».

Литтре дѣлаетъ именно эту ошибку,—онъ слишкомъ рано произноситъ
слово *свойство* и тѣмъ загораживаетъ наукѣ дальнѣйшій путь развитія.
Своеобразность организаціи — не свойство, а крайне сложный фактъ, и
дача физиологiи разложить его на простѣйшіе элементы, найти ему объ-
ясненіе.

*) *Leçons sur les phénomènes de la vie commune aux animaux et aux végétaux*, p. 461.

Мы видимъ, слѣдовательно, что, въ вопросѣ о цѣлесообразности организаціи, физиологій еще недавно предлагалось два исхода: или пойти за Юмъ представлявшимъ воззрѣнія, можетъ быть, большинства его современниковъ т.-е. свернуть съ вѣрнаго пути точнаго знанія и поплестись по стабильной дорогѣ метафизики, или, по примѣру Литтре, признать, что наука здѣсь кончается, что далѣе ей уже некуда идти. Но напелся и третій путь.

И здѣсь, какъ и въ области морфологій, оставалось только одно: если настоящее не доставляетъ намъ объясненія, то приходится искать его въ прошломъ. Если совершенство организаціи не объяснимо, какъ результатъ процесса индивидуальнаго развитія, то не станетъ ли оно понятнымъ въ результатъ историческаго процесса, представляющаго только его непосредственное продолженіе въ безконечную даль прошлаго? Сравненіе съ процессомъ умственнаго развитія человѣчества служить намъ ключомъ для разгадки. Если заурядный, но получившій современное образованіе члвкъ обладаетъ въ наше время свѣдѣніями о природѣ, которымъ позавидовалъ бы Аристотель, то причина тому лежитъ не въ исключительномъ какомъ-нибудь умственномъ прѣвосходствѣ, даже не въ томъ, что непосредственно окружило его въ періодъ его личнаго развитія, а, конечно, въ тѣхъ двадцати двухъ вѣкахъ, которые не даромъ же прожило съ тѣмъ поръ члвчество. Точно такъ же очевидно, что и физиологическое совершенство, непонятное какъ непосредственное приобрѣтеніе за періодъ индивидуальнаго развитія, можетъ быть понятно какъ наследіе несметнаго вѣковъ историческаго процесса.

Въ этомъ допущеніи зависимости жизненныхъ явленій отъ историческаго процесса нерѣдко усматриваютъ какое-то отступленіе, какую-то будто бы измѣну, противорѣчіе основнымъ принципамъ экспериментальной науки. Математика, физика, механика, говорятъ, не знаютъ исторіи. Но это вѣрно только въ известномъ, условномъ смыслѣ. Конечно, жизненный процессъ, являясь всегда только эпизодомъ, только отрывкомъ одного непрерывнаго явленія при началѣ котораго мы никогда не присутствуемъ, болѣе, чѣмъ процессъ неорганической природы, нуждается въ пособіи исторіи. Но, съ другой стороны, развѣ существуетъ какое-нибудь явленіе, которое не было бы только звеномъ въ безконечной цѣпи причинной связи? Только абстрактное отношеніе къ явленію, причѣмъ изслѣдователь, отвлекаясь отъ реальной связи съ прошлымъ и будущимъ, произвольно опредѣляетъ границы изучаемаго явленія, освобождаетъ его отъ восхожденія къ прошлому. Всякое же возможное полное изученіе конкретнаго явленія неизмѣнно приводитъ къ изученію его исторіи. Для изученія законовъ равновѣсія и паденія тѣлъ доволно данныхъ экспериментальнаго метода и вычисленія; для объясненія почему именно упалъ домъ на Кузнецкомъ мосту, нужна его исторія. Для раскрытія законовъ движенія небесныхъ тѣлъ доволно законовъ механики, но для объясненія, почему планеты солнечной системы движутся именно такъ, а не иначе (т.-е. въ одну сторону и т. д.), нельзя было обойтись безъ

пытки возстановить ихъ исторію, какъ это сдѣлали Кантъ и Лапласъ. Съ известной точки зрѣнія, и химія представляетъ хотя и отдаленную, но рѣшительную аналогію. Известно остроумное опредѣленіе Жерара: «химія изучаетъ тѣла въ ихъ прошедшемъ и ихъ будущемъ». Когда передъ химикомъ находятся два изомѣрныхъ тѣла, въ которыхъ анализъ не обнаруживаетъ различія, онъ строитъ предположеніе объ ихъ происхожденіи, объ ихъ различномъ прошломъ, и только такимъ путемъ проливаетъ свѣтъ на ихъ настоящее, а, слѣдовательно, и на ихъ будущее. Чѣмъ же этотъ логическій приемъ отличается отъ разсужденія фізіолога: передъ нимъ также два не-вспознаваемыхъ одноклѣтныхъ зародыша; его анализъ, т.-е. микроскопъ, не можетъ обнаружить въ нихъ различіе, но ихъ различное прошлое не можетъ вполнѣ объяснить ихъ различное будущее. Бертло, въ заключительныхъ строкахъ своихъ *Leçons sur les methodes générales de synthèse chimie organique*, съ замѣчательною для того времени проницательностью, высказываетъ мысль, что всякая естественная классификація, все равно въ ботаникѣ, въ зоологіи или въ химіи, по существу своему *генетическая*, но только химія имѣетъ то громадное преимущество передъ другими двумя науками, что свою *генетическую классификацію* она рѣшительно воспроизводитъ путемъ *синтеза* *). И дѣйствительно, для осуществленія своего синтеза, химикъ не можетъ ограничиться одними указа-ніями анализа; онъ вынужденъ создать гипотетическую исторію тѣла (стѣтъ взглянуть хоть на *родословную* таблицу сахаристыхъ веществъ, которую Фишеръ поясняетъ ходъ своихъ блестящихъ открытій) и только затѣмъ *экспериментально* воспроизводитъ этотъ вѣрно угаданный историческій процессъ. Все различіе только въ масштабѣ, во времени, необходимомъ для осуществленія химическаго и біологическаго генезиса. Съ этой точки зрѣнія намъ понятно и то, что, при значительныхъ успѣхахъ фізіологіи аналитической, мы не имѣемъ фізіологіи синтетической. Еще болѣе, чѣмъ химикъ, фізіологъ для своего синтеза (экспериментальнаго или только логическаго) не можетъ довольствоваться однимъ анализомъ жизненныхъ явленій; ему нужно еще знать исторію организмовъ,—то, что Клодъ Бернаръ, очевидно, имѣлъ въ виду (приведенныя нами въ эниграфѣ) слова Лапласа, называетъ *l'état antérieur*.

*) Въ то время мысль о томъ, что естественная классификація по существу *генетическая*, была еще глубокою ересью въ глазахъ большинства французскихъ біологовъ; тѣмъ не менѣе, Бертло не отступаетъ передъ ея крайнимъ выводомъ, возможностью ея доказательства, современемъ и путемъ синтеза, но лишь указываетъ, что пока возможность этого доказательства составляетъ удѣлъ и, съ философскою точки зрѣнія, главное преимущество химіи. Любопытно сравнить это мѣсто съ соответствующимъ мѣстомъ вышедшей только тремя годами ранѣе „*Chimie organique fondée sur la synthèse*“. Тамъ Бертло указываетъ скорѣе на различіе, чѣмъ на сходство сходной точки для классификаціи въ біологіи и химіи. За этотъ краткій промежутокъ совершился коренной переворотъ въ біологіи и это доказываетъ, какъ и другие широкіе умы къ успѣхамъ научной мысли даже за предѣлами ихъ специальности.

И такъ, по отношенію къ формообразовательному процессу задача физиологіи и методы ея разрѣшенія являются двойственными. Во-первыхъ, онъ долженъ стремиться и дѣйствительно (особенно въ физиологіи растеній) успѣваетъ раскрыть экспериментальнымъ путемъ основной механизмъ этого процесса, а, во-вторыхъ, накопленнымъ дѣйствіемъ тѣхъ же факторовъ пытаться объяснить себѣ ихъ конечный результатъ—образованіе формы, представляющей намъ какъ бы осуществленіе заранѣе намѣченной цѣли.

Но для этой новой отрасли біологическаго знанія, о необходимости которой такъ громко свидѣтельствовали вѣковые успѣхи и морфологіи, и физиологіи, напрасно стали бы мы искать соответствующаго отдѣла въ прежнихъ системахъ классификаціи положительныхъ наукъ. За то въ нихъ трудно найти для него мѣсто по тому очевидному пробѣлу, который оставляетъ его отсутствіе.

Контъ дѣлитъ свою біологическую статистику на анатомію, или статистику отдѣльнаго организма, и біотаксію, или статистику органическаго міра, какъ цѣлаго. Переходя къ біологической динамикѣ, онъ самъ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ отдѣлъ остается безъ подраздѣленія, и вотъ теперь становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что и онъ долженъ представить намъ тѣ же два естественныя подраздѣленія: динамику индивидуальной жизни, т.-е. физиологію, и динамику органическаго міра, какъ цѣлаго, т.-е. его исторію, подобно тому, какъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, въ социологіи, за статикой или ученіемъ о строеніи современнаго общества мы встрѣчаемъ ея динамику, т.-е. исторію.

Еще очевиднѣе этотъ пробѣлъ у Юэля. Поставивъ въ концѣ своей системы циклъ наукъ, которыя онъ очень удачно называетъ *палеэтиологическими* (или историческими), т.-е. такими, которыя раскрываютъ результаты дѣятельности прежде дѣйствовавшихъ причинъ, онъ ограничиваетъ ихъ областью геологіей въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. образованіемъ земной коры. По отношенію къ органическому міру онъ приводитъ господствовавшее въ то время и, по его мнѣнію, убѣдительное свидѣтельство ученыхъ, будто животныя и растительныя формы не являлись послѣдствіемъ непрерывнаго процесса развитія, а результатомъ отдѣльныхъ, не связанныхъ причинною связью творческихъ актовъ, на которые не можетъ пролить свѣта какой бы то ни было научный методъ. Именно въ этой-то, отсутствующей у Юэля *біологической палеэтиологіи* ищетъ современная физиологія дополненія своей *этиологіи экспериментальной*.

Только эта *палеэтиологія* можетъ заполнить ощущаемый пробѣлъ, разрѣшить вопросъ, который Юэль полагалъ возможнымъ обойти ссылкой на метафизическое ученіе о конечныхъ причинахъ, а Литтре—отрицаніемъ самой возможности его постановки,—вопросъ о причинѣ кажущейся цѣлесообразности въ организаціи живыхъ существъ.

Какъ бы то ни было, включимъ ли мы эту вновь возникшую отрасль

биологии въ систему Конта, подъ названіемъ *бiодинамики* *), или въ систему Юэля, подъ названіемъ *биологической палеэтиологии* **), мы тѣмъ невиднo, заявляемъ фактъ, что, признавая вполнѣ могущество экспериментальнаго метода, мы, въ то же время, сознаемъ, что его одного недостаточно для объясненія всей совокупности явленій, совершающихся въ организмахъ, что для этого необходимо еще возможно полное возстановленіе ихъ историческаго прошлаго.

Значить, ни морфологія, со своимъ блестящимъ и плодотворнымъ *сравнительнымъ* методомъ, ни физиологія, со своимъ еще болѣе могущественнымъ *экспериментальнымъ* методомъ, не покрываютъ всей области биологии, не исчерпываютъ ея задачъ; и та, и другая ищеть дополненія въ методѣ *историческомъ*. Но между тѣмъ какъ морфологія, видя въ организмахъ только формы, предъявляетъ ему требованіе—найти причину *сходства* этихъ формъ, физиологія, изучая формы въ связи съ происходящими въ нихъ процессами и вынося общее впечатлѣніе полного соответствія между тѣми и другими, требуетъ объяснить ей причину этого *совершенства* органическихъ формъ. Если первая, какъ мы сказали, могла бы довольствоваться однимъ раскрытіемъ въ природѣ историческаго процесса, то вторая выдвигаетъ новое, усложняющее условіе,—чтобы этотъ процессъ давалъ начало формамъ, несущимъ печать совершенства, чтобы это былъ процессъ историческаго *прогресса*.

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ ученія, которое дало одинъ отвѣтъ на эти два запроса, выдвинутые вѣковыми, почти независимыми успѣхами двухъ отраслей биологической науки, мы должны еще остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвали, а равно и на тѣхъ, которыя тормазили успѣхи исторической идеи въ этой области человѣческаго знанія.

К. Тимирязевъ.

*) Разумѣя подъ этимъ словомъ, какъ уже сказано, динамику органическаго міра какъ дѣлаго (въ пространствѣ и во времени), въ отличіе отъ физиологіи,—динамики индивидуума, хотя бы и сравнительной.

**) Или, наконецъ, назовемъ ее просто „биологіей“ въ томъ новомъ ограниченномъ смыслѣ, который въ послѣднее время присвоенъ этому слову, вмѣсто освященнаго временемъ широкаго смысла, обозначавашаго всю совокупность знаній объ организмахъ. Эту замѣну едва ли можно считать удачной, такъ какъ она вынуждаетъ каждый разъ дѣлать оговорку, въ какомъ смыслѣ примѣняется давно установившійся терминъ.

Письма о литературѣ.

Письмо четвертое.

Уныніе въ душѣ моей усталой, —
Уныніе, куда ни погляжу.

Некрасовъ.

Все минется, одна правда останется.

Изъ народныхъ афоризмовъ.

I.

Большинство современныхъ русскихъ писателей, безъ различія поколѣній и направленій, могли бы, если бы захотѣли говорить съ полною искренностью, характеризовать свое душевное настроеніе некрасовскими стихами, взятыми нами эпиграфомъ для этого «письма». Въ самомъ дѣлѣ, что-то болѣзненное чувствуется почти въ каждой литературной работѣ настоящаго времени, какая-то неувѣренность замѣчается даже въ самыхъ, повидимому, бойкихъ рѣчахъ. Бойкости и даже хлесткости у насъ довольно, но нѣтъ того ровнаго и постояннаго одушевленія, которое всегда сопровождается искреннее убѣжденіе, — того одушевленія, съ какимъ дѣлается всякое завѣдомо - нужное и завѣдомо - полезное дѣло. Консерваторъ, зѣвая и, очевидно, самъ себѣ не вѣря, завѣряетъ насъ, что толпа избивала докторовъ не отъ своего невообразимаго невѣжества, а отъ того, что доктора плохо въ Бога вѣрятъ (фактъ). Либераль въ стотысячный разъ доказываетъ, что не подобаешь въ благоустроенномъ обществѣ казнить людей безъ суда и слѣдствія, по одному административному вдохновенію. Романистъ, почерпнувши изъ азбуки или изъ прописи какую-нибудь сентенцію, вроде того, что, наприм., «праздность есть мать всѣхъ пороговъ», превращаетъ эту сентенцію въ тенденцію и пишетъ въ доказательство ея беллетристическое упражненіе въ двадцать печатныхъ листовъ. Пасквилянты пишутъ пасквиль на другого пасквилянта, очень хорошо понимая, что они два сапога — пара, но пишутъ, все-таки, потому, что надо о чемъ-нибудь писать, надо что-нибудь сдать въ типографію, надо чѣмъ-нибудь наполнить урочные «столбцы». Журнальный обозрѣватель клещомъ впивается въ другого обозрѣвателя совсѣмъ, конечно, не потому, что его какія-то тамъ

воззрѣнія «радикально» расходятся въ воззрѣніяхи противника, а просто затѣмъ, что надо же какъ-нибудь заявить о своемъ существованіи и о своей самостоятельности. И только какой-нибудь поэтикъ, въ припадкѣ откровенности, вдругъ поставитъ точку надъ і:

Мы же лгать обречены:
 Роговымъ узломъ отъ вѣка
 Въ слабомъ сердцѣ человѣка
 Правда съ ложью сплетена.
 Лишь уста открою,—лгу,
 Я разсѣчь узловъ не смѣю,
 А распутать не умѣю,
 Покориться не могу!
 Лгу, чтобъ вѣрить, чтобъ жить,
 И во лжи моей тоскую...

И во лжи моей тоскую—вотъ поистинѣ характерное выраженіе! Но есть тоска и тоска, также какъ есть ложь и ложь. Есть ложь, зависящая отъ ненормальнаго положенія человѣка, и есть ложь, заключающаяся въ самомъ человѣкѣ; есть тоска, происходящая отъ сознанія своей ненужности, и есть тоска, происходящая отъ безсилія. Къ чести нашей литературы, насколько мы понимаемъ дѣло, ея теперешняя тоска обусловливается не субъективными, а объективными причинами, лежащими внѣ ея воли. Не о такъ называемыхъ «независящихъ обстоятельствахъ» говорю я теперь, а объ общемъ характерѣ переживаемаго нами историческаго момента. Теоретическая мысль слишкомъ далеко обогнала практическую дѣйствительность—вотъ тотъ общій фактъ, который можетъ быть наблюдаемъ повсюду, во всѣхъ обществахъ, а у насъ въ особенно рѣзкихъ формахъ. Литература наша, по общему признанію, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ литературъ, но можемъ ли мы сказать то же самое о нашей жизни, о формахъ нашей общественности? Между тѣмъ, литература должна служить жизни, въ этомъ вся цѣль и весь смыслъ ея существованія, и вотъ оцѣните же теперь трагизмъ этого положенія. Если милліоны и даже десятки милліоновъ мовхъ соотечественниковъ не умѣютъ отличить А отъ Б, болѣе того, если они убѣждены, что съ этимъ умѣньемъ соединяется какая-то пагуба для души, я, въ качествѣ писателя, не могу иначе послужить жизни, какъ доказывая на разные лады и манеры, что «просвѣщеніе полезно», что наука не врагъ, а вѣрнѣйшій другъ людей, что знаніе—сила и пр., и пр. Я долженъ это дѣлать потому, что того требуетъ жизнь, но, подумайте, могу ли я это дѣлать со страстью, какъ бы ни искренна была моя любовь къ родинѣ? Доказывать аксіомы, твердить, какъ новости, общія мѣста, вѣчно вращаться среди трузмовъ, не имѣющихъ ни малѣйшей теоретической цѣнности,—да, такое занятіе можетъ привести кого угодно въ уныніе. Я взялъ только одинъ—и, притомъ, грубый—примѣръ, но пусть читатель самъ составитъ списочекъ тѣхъ элементарныхъ идей, о которыхъ не стоило бы говорить, но о которыхъ гово-

рить—и обязана говорить—наша литература, потому что у насъ эти идеи еще не аксіомы, а покуда только теоремы.

Со всѣхъ сторонъ мы слышимъ жалобы на отсутствіе въ нашей литературѣ идеаловъ, на ея мелочную практичность, на ея отвращеніе къ общимъ воззрѣніямъ и принципамъ. Въ этихъ жалобахъ есть свой, большой и горькій смыслъ, но позвольте же перевернуть медаль другою стороной. У всякой литературы и во всѣхъ фазисахъ ея развитія можетъ быть только одна цѣль,—та самая, которая вызвала и существованіе ея,—цѣль всеобщаго просвѣщенія и самосознанія. Удовлетворяетъ ли этому основному требованію наша журналистика? Все относительно на этомъ свѣтѣ. Прошу позволенія у читателя привести на этотъ счетъ факты, почерпнутые мною изъ личнаго опыта. Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ довелось безвыѣздно прожить три года въ глухой провинціи, которая и научила меня тому, чему не могла научить жизнь въ Петербургѣ. Въ то время, какъ мы, петербуржцы, презрительно или равнодушно пробѣгаемъ «столбцы» какой-нибудь *Недели* или какого-нибудь *Новаго Времени*, воображая, что навѣѣе ихъ и быть нельзя,—эти самыя газеты вносятъ въ наши медвѣжи безчисленные углы истинно живую струю мысли и анализа, являются истинными свѣточами въ кромѣшной тѣмѣ захоластнаго невѣжества. Ничего, кромѣ нетерпѣнія и досады, не возбуждаетъ въ васъ какое-нибудь умѣренное и аккуратное разсужденіе газетнаго Молчалина на тему, что «наше время не время широкихъ задачъ», но для щедринскаго пошехонца эта статья явится цѣлымъ рядомъ открытій. Онъ узнаетъ изъ нея, во-первыхъ, о существованіи какихъ-то общихъ задачъ, которыя могутъ быть широкими и узкими; онъ узнаетъ, во-вторыхъ, о существованіи историческихъ эпохъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой собственный характеръ; въ-третьихъ, наконецъ, онъ просто получаетъ привычку къ теоретическому разсужденію, къ логической рѣчи, къ правильному изложенію. Для человѣка, который, по историческому преданію, ухитрился въ трехъ соснахъ заблудиться, согласитесь, все это и очень серьезная умственная работа, и серьезное умственное приобрѣтеніе.

Одна изъ труднѣйшихъ практическихъ задачъ, подлежащихъ всякому писателю, состоитъ въ томъ, чтобы знать и понимать *своего* читателя. Эта задача такъ же трудна и такъ же необходима, какъ и классическая задача *познать самого себя*. Можно сказать, что это, въ сущности, одна и та же задача: кто изъ писателей знаетъ себя, размѣръ и характеръ своихъ силъ, тотъ знаетъ, что и какому читателю онъ можетъ предложить съ своей стороны, на какіе умственные запросы онъ можетъ отвѣтить и откуда эти запросы могутъ послѣдовать. Наше общество состоитъ изъ многочисленныхъ наслоеній самыхъ разнообразныхъ формаций. Между Гладстономъ и англійскимъ углекопомъ разстояніе, въ умственномъ смыслѣ, меньшее, нежели между любимъ изъ насъ и тѣми нашими соотечественниками, которые спасаются отъ эпидеміи посредствомъ уничтоженія больницъ и докторовъ. Гладстонъ можетъ говорить передъ углекопами полити-

ескія рѣчи въ твердой увѣренности, что его поймутъ какъ слѣдуетъ, романы Дикенса читаются лондонскими горничными и привратниками, тогда какъ у насъ, — говорю это опять на основаніи собственныхъ провинціальныхъ наблюденій, — для большинства пошехонцевъ труденъ и не вразумителенъ даже такой писатель, какъ Глѣбъ Успенскій: его юморъ принимается въ серьезъ, языкъ его персонажей не производитъ ни малѣйшаго комическаго впечатлѣнія, а чистая, явная и тайная грусть симпатичнаго писателя остается незамѣченной, непонятою.

«Великіе люди должны испытывать на землѣ великую грусть», какъ выразился однажды Достоевскій устами своего Раскольникова. Въ pendant къ этому можно сказать, что русскій интеллигентный человекъ долженъ по временамъ, по крайней мѣрѣ, чувствовать великое одиночество, «обращенность», какъ выражался Салтыковъ. Съ этимъ, однако, дѣлать нечего и унывать по *этому* поводу значить свидѣтельствовать о своей собственной протраціи. «Гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность?» — съ глубокою тоскою спрашивалъ Бѣлинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но мужественное и дѣятельное гражданское чувство этого превосходнаго человека тотчасъ же беретъ верхъ надъ малодушнымъ порывомъ, и онъ прибавляетъ: «Нѣтъ, къ чорту всё высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Уиру на журналъ и въ гробъ веду положить подъ голову книжку *Отечественныхъ Записокъ*. Я литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ». Вотъ бодрый и смѣлый языкъ настоящаго бойца, вотъ отвага и самоотверженіе призваннаго дѣятеля, вотъ голосъ той любви, больше которой никто не можетъ имѣть, — любви, отдающей душу *за други своихъ*. И что же, развѣ эта любовь была бесплодна, развѣ схима была одѣта напрасно? Сбылась надежда незабвеннаго писателя, и даже въ такомъ объемѣ, въ какомъ онъ и самъ, конечно, не ожидалъ: намъ, «внукамъ», живется, все-таки, безъ сравненія, легче, нежели имъ, многострадальнымъ отцамъ и дѣдамъ нашимъ, — мы видѣли освобожденіе отъ рабства миллионъ нашихъ братій, мы присутствовали при утвержденіи въ нашей жизни первыхъ началъ законности, въ отмѣну «неправды черной», по извѣстному выраженію Хомякова, мы наблюдали первые неувѣренные шаги общества на пути самостоятельности. Такъ намъ ли унывать послѣ этого? Иронія позволительна, сатира плодотворна, но лишь какъ средство, а не цѣль. Мы понимаемъ эту насмѣшливую улыбку поэта:

Но, претерпѣвъ судьбы удары,
Подъ старость счастье я узналъ,
Курилъ на улицахъ сигары
И безъ цезуры сочинялъ.

Мы понимаемъ и этотъ сатирическій образъ: кружокъ благодушныхъ либераловъ, похлопывающихъ другъ друга по колѣнкамъ и приговаривающихъ: «Вѣдь, намъ, господа, очень и очень много дано!» Но иронія не

уничтожаетъ вѣры и сатира преслѣдуетъ не идею, а уклоненія отъ идеи. Хорошая доза здороваго скептицизма всегда полезна уже по одному тому, что предохраняетъ отъ увлеченій и преувеличенныхъ ожиданій, послѣ которыхъ остается только горечь разочарованія, а отъ разочарованія до унынія менѣе шага.

Надо вѣрять въ свое общество и въ свой народъ, въ свое дѣло и въ самого себя, чтобъ исполнить удовлетворительно свою специальную задачу. Въ минуту апатии и тяжелаго раздумья достаточно возобновить въ своей памяти этотъ колоссальный образъ народа-труженика и народа-страстотерпца и эту, еще не вполне опредѣлившуюся, но уже привлекательную, общую физиономію нашихъ интеллигентныхъ слоевъ, достаточно для того, чтобы почувствовать свою кровную связь съ родиной, которой не нужны наши вздохи, но нужны наши силы. Кто считаетъ себя *обреченнымъ на ложь*, для того хроническая *тоска* является только справедливымъ возмездіемъ, но не въ этихъ людяхъ и не въ этихъ чувствахъ лозунгъ жизни. Вотъ сужденіе, наприм., не какого-нибудь избранника, не героя, а обыкновеннаго интеллигентнаго человѣка: «Роль учрежденій такова. Прежде разныя тамъ общественныя функціи совершались въ темныхъ и запыленныхъ подвалахъ. Въ нихъ куда какъ вольготно было обдѣлывать свои дѣлишки разному темному и запыленному люду и затирать все неподходящее. Въ эпоху реформъ даны свѣтлыя и чистыя комнаты. Людъ ихъ наполнилъ, — я согласенъ съ вами, — неважный, большинство изъ тѣхъ же подваловъ, но съ нимъ на свѣту-то бороться удобнѣе, это рай; а, во-вторыхъ, въ новомъ помѣщеніи удобнѣе дѣлать свое чистое дѣло тѣмъ, кто прежде и зангнуться о немъ не могъ. Потому вы недостаточно проникли въ психологію вотъ этихъ самыхъ господъ Маринныхъ и Обозинскихъ. А я ее изучилъ вотъ!... Въ сущности, это — кисель. Можно его подать съ дегтемъ — и тогда свиньи ѣсть не станутъ, и можно облить медомъ — блюдо выйдетъ хоть куда. Всѣ мы знаемъ примѣры отличпо поставленныхъ, честныхъ, передовыхъ земствъ... Ну, хотя бы, — онъ назвалъ нѣсколько, — знаемъ и неподкупные, строго-справедливые, дѣятельные мировые съѣзды (опять назвалъ), знаемъ и окружные суды на высотѣ своего призванія... Такъ вотъ я вамъ говорю: это не оттого, что такое-то земство вообще хорошо или такой-то съездъ, такой-то судъ, а оттого, что тамъ и сямъ есть одинъ, два, три человѣка, много десятковъ... напримѣръ, въ т — мъ земствѣ, и вотъ, оказывается, за глаза довольно, чтобы дать тонъ киселю. Масса, какая она ни будь: народъ, буржуа, чиновники, дворяне — всегда масса, то-есть рыхлое и безформенное тѣсто. Это, пожалуй, грустно, но и это хорошо. Войдите туда съ живымъ и дѣйственнымъ началомъ; станьте ферментомъ, закваской, дрожжами... Будьте увѣрены, что опара взойдетъ. Эволюція сознанія не прерывается, процессъ общественности фаталенъ, ростъ новой силы неудержимъ. Слажу вамъ, наконецъ, мое послѣднее слово: реакція идетъ въ арифметической прогрессіи, накопленіе прогрессивныхъ идей, чувствъ и привычекъ —

въ геометрической. Вѣрить нужно, не унывать, не кукситься, не хныкать...» Вотъ простое, но преисполненное здравого смысла и чувства ужденіе живого и нормальнаго человѣка. Вотъ настроеніе, которое литература всѣми силами должна поддерживать въ обществѣ, и, конечно, она можетъ это дѣлать не унылыми жалобами. Здѣсь встаетъ сдѣлать другую цитату: «Во что же долженъ поддерживать—и отчасти теперь поддерживать—вѣру современный русскій романъ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ укрѣпляетъ въ насъ сознаніе человѣческаго достоинства и глубокую надежду на побѣду разума и любви надъ невѣжествомъ и злобой. Нельзя не пожелать, чтобы гуманная мысль горѣла все ярче и ярче въ художественныхъ юзданіяхъ нашей литературы, чтобы художники наши все полнѣе и искреннѣе проникались тѣми идеями, въ которыхъ приводитъ благодатный источникъ европейскаго научнаго знанія. Къ художнику мы подходимъ съ высокими требованіями, потому что ему много дано отъ природы, потому что онъ обладаетъ талантомъ, который долженъ быть отшлифованъ разумнымъ и долгимъ трудомъ. Въ предрасвѣтные сумерки мы стоимъ передъ туманною цѣпью горъ и, волнуясь, полные радостной тревоги, ждемъ, когда же загорится яркій солнечный лучъ на этихъ вершинахъ».

II.

Первую цитату мы взяли изъ романа г. Эртеля *Смѣна*, напечатаннаго въ *Русской Мысли* за 1891 г. Вторую цитату мы взяли изъ только что вышедшей книжки г. Гольцева *Вопросы дня и жизни*, представляющей собою сборникъ статей, большая часть которыхъ первоначально напечатана тоже въ *Русской Мысли*. По поводу этого, т.-е. по поводу того, что я говорю о литературныхъ работахъ своихъ коллегъ по журналу, я долженъ представить нѣсколько запоздалое, но не лишнее объясненіе,—потому не лишнее, что оно должно воснудиться нѣкоторыхъ общихъ правилъ литературнаго поведенія.

Вслѣдъ за небольшимъ отзывомъ моимъ (во второмъ «письмѣ») о романѣ г. Ремезова *Наблюдатель* обвинилъ меня ни болѣе, ни менѣе, какъ въ «подлости». Журналъ г. Пятковского не касался моего отзыва по существу, не оспаривалъ его вѣрности, не находилъ въ немъ преувеличеній, ничего подобнаго: моя «подлость», по мнѣнію журнала, заключалась въ самомъ фактѣ появленія отзыва, котораго я, будто бы, не долженъ былъ дѣлать, потому что рѣчь шла о постоянномъ сотрудникѣ журнала.

Я очень благодаренъ г. Пятковскому за его заботы о моей литературной нравственности и за доброе намѣреніе охотно прощаю ему всѣ крупныя эпитеты, вплоть до «подлости», которыми онъ осыпалъ меня, но воспользоваться его поученіями не могу, потому что наши понятія о литературной чести, очевидно, имѣютъ между собой очень мало общаго. Незавѣстно, какъ организованъ *Наблюдатель*, но, дѣйствительно, идейный

журналъ, съ опредѣленнымъ направленіемъ, не есть эконоическая ассоціація случайныхъ пайщиковъ и дольщиковъ, а есть свободный умственный союзъ теоретически солидарныхъ между собой людей. Степенью этой солидарности и ничѣмъ другимъ опредѣляется крѣпость этого союза, въ которомъ, въ извѣстной мѣрѣ, каждый отвѣчаетъ за всѣхъ и всѣ отвѣчаютъ за каждаго. Такъ смотрю я на дѣло. Успѣхъ товарища, котораго я вижу слѣва себя, радуется меня, какъ мой собственный успѣхъ; неудача товарища, котораго я вижу справа себя, огорчаетъ меня, какъ собственное поражение. Не въ личныхъ добрыхъ отношеніяхъ, не въ совмѣстномъ чаепитіи, не въ желаніи порадовать родному человѣчку заключается такого рода солидарность, а въ служеніи одной и той же общей идеѣ. Каждый, сообразно своимъ специальнымъ способностямъ, несетъ въ этомъ дѣлѣ свою долю труда, и почему же именно мы, единомышленники, должны быть лишены права суда, когда кто-нибудь изъ насъ представляетъ эту *свою долю* за своею единоличною отвѣтственностью, въ отдѣльномъ отъ журнала изданіи? Нужно стоять очень невысоко въ нравственномъ отношеніи, чтобы не допускать самой возможности безпристрастной критики со стороны лица или лицъ, только въ партійномъ смыслѣ заинтересованныхъ въ успѣхѣ своего единомышленника. Нужно глубоко погрязнуть въ мелочахъ жизни и журналистики, чтобы сводить все на почву личныхъ мотивовъ. Личные мотивы! Если мой соратникъ исполнилъ лежащую на немъ специальную обязанность хорошо, никто не лишитъ меня нравственного удовлетворенія высказать это вслухъ, если представится случай и поводъ на это. Если угодно, это *личный мотивъ*, но такой, который со всѣмъ не по плечу настоящей «подлости» и всякаго рода мелочности.

Но если дѣло исполнено не хорошо, а дурно? Но если вашъ единомышленникъ взялъ, по вашему мнѣнію, фальшивую ноту, — выскажете ли вы свое порицаніе съ такою же свободой, какъ и свою похвалу? Господа «Наблюдатели» непременно зададутъ эти вопросы, потому что отвѣтъ для нихъ не очевиденъ, а не очевиденъ потому, что наблюдаютъ они, должно быть, только себя и около себя. Сообразно съ этимъ, я предоставляю имъ возможность и нужную на этотъ счетъ справку сдѣлать въ своихъ же собственныхъ редакціонныхъ нѣдрахъ: дѣятельнѣйшій сотрудникъ *Наблюдателя*, г. Ясинскій, засвидѣтельствуетъ, что моя литературная неприязнь къ нему возникла не отъ порчи нашихъ личныхъ отношеній, въ которыхъ, наоборотъ, все и всегда было гладко, а, напротивъ, личныя отношенія порвались тогда, когда порвалась литературная связь. То же самое могу сказать и о г. Скабичевскомъ, прежнія пріятельскія отношенія съ которымъ ни на одну іоту не сдержали моего пера въ спорахъ съ нимъ. То же самое я могъ бы указать еще въ нѣсколькихъ примѣрахъ и то же самое я могъ бы подтвердить примѣрами діаметрально-противуположнаго свойства: личная дружба, перешедшая въ личную вражду, очень мало ослабила теоретическую солидарность и нисколько не повредила дальнѣйшей совмѣстной работѣ. Въ состояніи ли это уразумѣть *Наблюдатель*?

Въ состояніи или нѣтъ, но ему не лишитъ меня этого, уже завоеваннаго мною права, драгоценнаго права сказать, не боясь обличеній ни съ чьей стороны, что не какіе бы то ни было личные, а литературные и идейные интересы руководствовали мною и въ моихъ нападеніяхъ, и въ моихъ защитахъ. Такъ дѣйствовалъ я съ первыхъ шаговъ моей литературной дѣятельности, такъ, конечно, буду дѣйствовать и впредь, потому что не умѣю иначе, а въ этомъ, прежде всего и больше всего, и состоитъ настоящая литературная нравственность.

Помогая неопытности *Наблюдателя* въ нравственныхъ вопросахъ, иллюстрирую дѣло самымъ свѣжимъ примѣромъ. Въ послѣдней (октябрьской) книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника*, въ *Литературныхъ замѣткахъ* г. Волынскаго, имѣется, между прочимъ, такая пылкая тирада: «По мѣрѣ того, какъ высыхала философская мысль на страницахъ русскихъ журналовъ, русская критика все болѣе и болѣе теряла подъ собою почву. Искусство разцвѣтало пышно, а критика падала ниже и ниже. Таланты одинъ крупнѣе другого выходили на поприще литературы, а критика безсильно отставала, путаясь въ словахъ и понятіяхъ. Критика пала, наконецъ, до того, что грубо замахнулась даже на Пушкина. Дальше идти нельзя было. То, что въ послѣдствіи времени писалось въ журналахъ подъ громкимъ заглавіемъ критики, любопытно только какъ литературный курьезъ. Разнузданно-невѣжественные разговоры, почти постыдные въ интеллигентномъ обществѣ, отъ которыхъ отворачиваешься то со смѣхомъ, то съ негодующимъ отвращеніемъ, раздаются еще и теперь въ нашей періодической печати. Изъ мѣсяца въ мѣсяцъ появляются статьи съ нелѣпыми стишками въ видѣ аргументацій, съ какими-то бурсацкими выходками и чисто-лакейскимъ остроуміемъ. Это—не только невѣжество бессознательное, но и недобросовѣстное».

Довольно сильно сказано! Такая усиленная энергія выраженій соответствуетъ, конечно, искренности высказываемаго мнѣнія... Но, прежде всего, о комъ собственно идетъ рѣчь? Противъ кого направлено это безличное изобличеніе? Никто, кромѣ меня, «изъ мѣсяца въ мѣсяцъ» критическихъ статей не пишетъ, никто, если не ошибаюсь, не любитъ, какъ я, иллюстрировать (не аргументировать, конечно) свое изложеніе стихами, наконецъ, эпитеты «бурсацкій», «лакейскій», «невѣжественный» — это обычное оружіе г. Буренина противъ меня, которымъ позаимствовался у него при этой okazji и г. Волынскій. И такъ, сомнѣній быть не можетъ.

Гм... Однакожь! А, впрочемъ, что-жь? Мнѣнія свободны, и что же я за звѣзда такая, чтобы не допустить искренности о себѣ даже такого мнѣнія? Можно надѣяться на себя, но, все-таки, какъ ручаться за впечатлѣніе, которое производишь на разнаго рода людей своею особой, своими «разговорами»? Въ данномъ случаѣ, однако, ручаться можно. Тотъ отдѣлъ *Литературныхъ замѣтокъ*, въ которомъ уничтожаетъ меня нынѣ г. Волынскій, былъ открытъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* по моей инициативѣ, когда я, при прежней редакціи, сотрудничалъ тамъ и г. Волынскій

дебютировалъ въ немъ съ моего личнаго благословенія, за которымъ г. Во-
лынскій и прїѣзжалъ ко мнѣ изъ Петербурга за десятки верстъ. Благосло-
веніе было мною охотно дано, потому что г. Волынскій преисправно, какъ
оказалось, попалъ уже въ установившійся въ журналѣ критическій тонъ
и вторилъ мнѣ даже съ нѣкоторымъ визгомъ отъ излишняго усердія. Вотъ,
наприм., какими тирадами дебютировалъ г. Волынскій въ качествѣ обо-
зрѣвателя журналистики: «Мы должны сознаться: ниже, чѣмъ теперь, ли-
тература наша еще никогда не падала. Никогда еще круглая бездарность
и откровенное невѣжество не чувствовали себя такъ хорошо, какъ сей-
часъ. Никогда еще страницы нашихъ періодическихъ изданій не кишѣли
такою массой ничего не стоящихъ литературныхъ именъ, какъ сейчасъ.
Поистинѣ, мы переживаемъ дни, о которыхъ современемъ нельзя будетъ
вспомнить, не краснѣя: дни пошлаго шутовства, дни откровеннѣйшаго ли-
тературнаго цинизма, дни ничтожнѣйшихъ, микроскопическихъ талантовъ
и крупныхъ, почти грандіозныхъ пороковъ. Укажите мнѣ хоть одно горя-
чее сердце среди тѣхъ, которые составляютъ такъ называемую новѣйшую
формацію нашей литературы. Укажите хоть на одинъ не узкій умъ въ
этой довольно большой толпѣ писакъ различныхъ родовъ. Мы не знаемъ
ни одного такого сердца, ни одного такого ума. По нашему мнѣнію, пе-
чатъ недоношенности и фразерства безъ огня лежитъ на огромномъ боль-
шинствѣ произведеній нашей литературной молодежи. Художественнаго
блеска, идейныхъ замысловъ, здравого и свѣжаго чувства не ищите въ
новѣйшемъ литературномъ поколѣніи. *Этого* въ немъ нѣтъ. Нѣтъ кра-
соты, нѣтъ силы, нѣтъ правды тамъ, гдѣ нѣтъ *идеаловъ*. Нельзя быть
хорошимъ, настоящимъ писателемъ, если перомъ не владѣетъ извѣстная,
опредѣленная идея, опредѣленное живое и сильное чувство. Писатель,
прежде всего, человекъ и солдатъ своей родины. На поприще литературы
надо выходить съ отчетливо сознаваемыми намѣреніями, съ ополченною
рукой, готовою на борьбу за добро и правду. Собственные художествен-
ные образы должны быть воспитаны на благодатной почвѣ народности и
гражданственности. Народная жизнь оплодотворяетъ всякую истинную фан-
тазію, всякое настоящее творчество. Безъ опредѣленныхъ нравственныхъ
и литературныхъ идеаловъ печатное слово мертво и ничтожно... Обратите
вниманіе на слѣдующее любопытное и, если хотите, многозначительное
явленіе. Никогда еще *критика* не была столь жестока, какъ именно те-
перь. Некого *объяснять*, некого *проповѣдывать*! Нечего *понимать*: идеи
вывѣтрились на всѣ четыре стороны».

Какъ видите, «разнузданные разговоры», отъ которыхъ, по увѣренію
г. Волынскаго, онъ отвертывается теперь то со смѣхомъ, то съ отвра-
щеніемъ, всего два года съ небольшимъ назадъ повторялись имъ «своими
словами» съ исправностью усерднаго ученика. Могъ ли я не поощрить
такого старательнаго молодого человека? А вскорѣ затѣмъ г. Волынскому,
ставшему однимъ изъ новыхъ хозяевъ журнала, понадобилось и мое *ла-
кейское остроуміе*, и мои *бурсацкія выходки*, и моя *недобросовѣстная*

неестественность: съ назойливостью, которую я нашелся вынужденнымъ утѣрять сначала рѣзкимъ словомъ («вы очень далеко пойдете въ гешефт-махерствѣ»), а скорѣе и печатнымъ заявленіемъ, г. Волынской привлекая меня къ участию въ журналѣ, къ участию уже явно невозможному для меня: несложная психологическая сущность «новыхъ людей» была мною разгадана. Какъ ни развязанъ г. Волынской, но всѣхъ этихъ фактовъ и онъ не посмѣеть отрицать.

Вотъ вамъ, *Наблюдатель*, матеріалъ для наблюденія. Вотъ вамъ настоящій образецъ той литературной непорядочности, которая есть, виждѣтъ съ тѣмъ, и нравственная распущенность, чтобы не выразиться сильнѣе. Говорите о друзьяхъ, говорите о врагахъ, судите о комъ угодно, но судите не подъ вліяніемъ дружбы или вражды, а въ интересахъ правды; какъ бы ни высоко вы превознесли *своею* и какъ бы ни низко поставили *чужого*, вы будете правы, если поступите въ обоихъ случаяхъ по *безкорыстному убѣжденію* или даже и въ интересахъ, но не вашихъ личныхъ и не кружковыхъ или кастовыхъ, а непременно партійныхъ, общихъ, а такими могутъ быть только интересы умственные и нравственные. Мало-по-малу мое объясненіе съ *Наблюдателемъ* перешло въ назиданіе *Наблюдателю*, и въ этомъ не моя вина. А теперь обратимся къ продолженію того дѣла, которое показалось было столь предосудительнымъ г. Пятковскому.

III.

Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ намѣренія разбирать ни романа г. Эртеля, ни статей г. Гольцева, и это не только по недостатку времени и мѣста, но и потому, что вообще литературная критика не входитъ въ планъ моихъ *Писемъ*. Но для характеристики настроенія текущаго момента объ эти литературныя работы имѣютъ одинаковое значеніе и по объему, и по характеру. Казалось бы, что можетъ быть общаго между беллетристомъ, живописующимъ картины жизни, и публицистомъ, анализирующимъ теоретическіе вопросы жизни? Общее, однако, нашлось, и настолько серьезное общее, что даетъ право поставить за одну скобку эти формально разнородныя произведенія нашей литературной мысли.

Для своего романа г. Эртель нашелъ въ какой-то «старой книгѣ» слѣдующія слова, вѣятыя имъ эпитафюмъ: «А ино и жалѣтъ надлежитъ умѣючи: нѣтъ злана ему же не положенъ срокъ и всякому овоцу свое время». Этотъ эпитафюмъ хорошо выражаетъ *настроеніе* романиста, а въ связи съ заглавіемъ *Смѣна* довольно отчетливо выражаетъ и основную идею романа. Нужно сказать, что такое настроеніе, очень симпатичное своимъ бодрымъ благодушіемъ, не лишено и нѣкоторыхъ опасностей: съ нимъ не трудно придти къ тому всеоправдывающему квіетизму, съ точки зрѣнія котораго даже такой фруктъ, какъ г. Волынской, имѣетъ право на наше признаніе, на извѣстную роль. Какъ увидимъ дальше, г. Эртель и дѣйствительно не избѣжалъ этой опасности.

Книжкѣ г. Гольцева предшествуетъ небольшое предисловіе, которое мы находимъ нужнымъ выписать цѣликомъ: «Въ эту книжку вошли мои публичные лекціи, рѣчи и статьи, первоначально напечатанныя въ *Русской Мысли*, въ *Вопросахъ философіи и психологіи* и въ *Артистѣ*; онѣ посвящены вопросамъ дня и жизни—такимъ вопросамъ, которые въ недостаточной еще степени интересуютъ русское общество. Я думаю, что моя книжка можетъ принести пользу довольно обширному кругу читателей, потому что и въ тяжелыя, и въ свѣтлыя времена вопросы общественного и личнаго достоинства не должны сходить съ очереди». Какъ выгодно отличается эта спокойная увѣренность въ приносимой пользѣ отъ той нарядной печали, которая намозолила намъ глаза, отъ тѣхъ истерическихъ жалобъ на время, на читателя, на несовершенство человѣческаго сердца, на бренность всего земного и проч. и проч., которыя одолаваютъ насъ теперь и въ стихахъ, и въ прозѣ. «Что жалѣть? Намъ жалѣть недосужно», какъ говорить некрасовская крестьянка. Что жалѣть о разныхъ превысшенностяхъ, когда простые «вопросы общественного и личнаго достоинства» еще «въ недостаточной степени интересуютъ русское общество», когда, другими словами, мы еще не доросли до яснаго сознанія ни своей индивидуальной, человѣческой, ни своей собирательной, общественной личности? И г. Гольцевъ, какъ всѣ мы, выражаетъ сожалѣніе о замутившемся источникѣ нашей мысли, о шаткости нашихъ идеаловъ, но отъ этого сожалѣнія слишкомъ далеко до отчаянія и онъ, съ спокойствіемъ полного убѣжденія, указываетъ практическіе пути, которыми можно оздоровить нашу дѣйствительность. Онъ говоритъ: «Нѣтъ никакой ни надобности, ни возможности достигнуть въ обществѣ однообразія идеаловъ, устранить всѣ индивидуальныя исканія правды и красоты. Наоборотъ, у богато-одареннаго народа личность будетъ выростать и разнообразиться въ мѣру его культурнаго развитія. Необходимо лишь одно, чтобы въ обществѣ были установлены нѣкоторыя общія нормы, безъ которыхъ невозможно здоровое, въ нравственномъ смыслѣ слова, развитіе каждаго человѣка, къ какому бы философскому направленію или политической партіи онъ ни принадлежалъ. Если мой противникъ лишаетъ меня возможности исповѣдать свое убѣжденіе, то могу ли я относиться съ уваженіемъ и къ нему лично, и къ тому дѣлу, которое онъ защищаетъ? А для общества такія взаимныя отношенія людей, въ основу которыхъ кладутъ лицемеріе, страхъ или ненависть, неминуемо стануть источникомъ глубокаго нравственнаго паденія». Какой же, скажутъ намъ, это идеалъ?—это всего только труизмъ. Позвольте намъ сказать на это, что всѣ идеалы безъ исключенія есть труизмы, аксіомы, и если говорится объ отсутствіи идеаловъ, то отнюдь не въ смыслѣ отсутствія ихъ какъ постоянныхъ цѣлей, а въ смыслѣ упадка личной и общественной энергіи стремиться къ осуществленію этихъ идеаловъ. Да, идеалъ, поставляемый г. Гольцевымъ, не новъ, въ такой же степени, какъ не новъ и воздухъ, которымъ мы дышемъ, какъ всякая стихія, безъ которыхъ, однако же, невозможенъ разцвѣтъ жизни. Въ духѣ

именно этого идеала широкой терпимости и свободы развитія написаны всѣ статьи г. Гольцева. Онъ такъ вѣритъ въ него, что въ иныхъ мѣстахъ его рѣчь возвышается до нѣкотораго сдержаннаго пафоса, вообще не свойственнаго дарованію г. Гольцева. Вотъ, наприм., заключительныя слова его книжки: «Насъ утомляютъ изображенія психопатовъ и психопатовъ, намъ хочется видѣть въ пьесѣ свѣжее дыханіе новой жизни, намъ хочется,—миѣ кажется, я не ошибаюсь,—того, что высокоимѣнно называется *наивностью*. Представьте, что на русской сценѣ выведенъ человѣкъ, который твердо помнитъ такія *забытыя слова*, какъ справедливость или, напримѣръ, просвѣщеніе. Представьте, что передъ вами развертывается жизнь, вся отданная честной борьбѣ за такія *забытыя слова*. Пусть человѣкъ этотъ не будетъ побѣдителемъ, пускай онъ погибнетъ: эта гибель воскреситъ въ насъ надежду, укрѣпитъ сознаніе нашего долга. Но зачѣмъ же погибать такому человѣку? Напомню знаменитое изреченіе, видоизмѣняя его для даннаго случая. Мы чувствуемъ себя малыми передъ многими предрасудками и затрудненіями потому, что стоимъ передъ ними на колынахъ. Подымаемъ!» Эта основная тенденція проходитъ красною нитью черезъ всю книжку г. Гольцева, придавая ей логическую стройность и единство.

И такъ, вотъ главная положительная черта, одинаково отличающая и нашего романиста, и нашего публициста: это люди спокойно вѣрующіе, ярочно убѣжденные, не растерявшіеся передъ современнымъ хаосомъ понятій и идей. Главная *отрицательная* черта этихъ писателей опять-таки одна и та же; слишкомъ много они, по французской пословицѣ, обнимаютъ и потому мало захватываютъ. Въ романѣ г. Эртеля мы находимъ огромную массу персонажей, среди которой имѣются представители чуть ли не всевозможныхъ общественныхъ теченій нашихъ и даже оттѣнковъ или притоковъ теченій. Тутъ и жуиръ-адвокатъ, тутъ и изящная барыня изъ современныхъ полупсихопатовъ, и дѣловитый земець, и декадентъ-поэтъ, и вѣрующій толстовецъ, и не знающая чему вѣрить студентка, и доморощенный буддистъ-пессимистъ, и непримиримый радикалъ, вѣчно воюющій противъ «эстетики и дармоѣдства», и кулакъ-купецъ, и окаменѣвшая въ стародворянскихъ традиціяхъ захудалая аристократка, и религиозный новаторъ-мужикъ и другой мужикъ—вѣчный и неугрозимый протестантъ противъ «господъ» и пр., и пр. Въ этой разнообразной толпѣ, гдѣ герой г. Эртеля? Кому онъ отдаетъ предпочтеніе, на кого онъ особенно надѣется, съ кѣмъ хотѣлъ бы идти рука объ руку? Такого героя у г. Эртеля нѣтъ, никакихъ исключительныхъ симпатій онъ не питаетъ, и любитъ если не всѣхъ, то многихъ, хотя и не въ одинаковой степени. «Всякому овощу свое время»,—благодушно твердятъ онъ и, глядя какъ бы со стороны на мутящуюся передъ нимъ толпу, съ еkkлeзиастическою мудростью какъ бы думаетъ про себя: все суета суетъ и всяческая суета, и все что было—опять будетъ, и все что есть—пройдетъ и вся наша жизнь только рядъ «смѣнъ». Симпатиченъ г. Эртелю радикалъ, съ не-

подкупною прямолинейностью громащій «дармоѣдовъ и эстетикъ», но не менѣе симпатиченъ и молодой крестьянскій парень, со страстью фанатизма углубляющійся въ таинственный смыслъ словъ Псалтиря: «бездна бездну призываетъ». Трогательно-жалка кажется ему эта «одичалая княжна», которая «гросфатеръ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ танцевала», какъ объявляетъ она становому, прѣхавшему описывать ея участь за недоимки, и въ такой же мѣрѣ жалокъ и трогателенъ для г. Эртеля залятой врагъ княжны, мужикъ Листарка, оборванный, худой, голодный, но вѣчно и неподкупно протестующій. Это не индифферентизмъ, — г. Эртель вѣритъ *вообще* въ благо, *вообще* въ истину, — это именно какое-то философско-художническое благодушіе, которое не прощаетъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Не прощаетъ г. Эртель декаденту, не прощаетъ и кулаку, но, въ случаяхъ менѣе уродливаго искаженія всякой нравственной правды, онъ заступнически заслоняетъ собою подсудимаго: не судите, да не судимы будете, и *всякому овою свое время*.

Такъ же, точь-въ-точь такъ же, какъ г. Эртель, въ качествѣ романиста, относится къ живымъ общественнымъ и психологическимъ типамъ, г. Гольцевъ, въ качествѣ публициста, относится къ общественнымъ и научнымъ теоріямъ. Онъ подходитъ къ нимъ не какъ въ точномъ смыслѣ слова публицистъ, а какъ осторожный ученый, и, притомъ, юристъ, т. е. такой ученый, который, по самой своей специальности, привыкъ обращаться лишь съ такими доктринами, въ которыхъ не можетъ быть безспорной, математической истины. Вотъ, наприм., не чуждый намъ вопросъ о задачахъ искусства. Среди едва очистившагося поля битвы за тенденціозное, идейное и за такъ называемое чистое искусство г. Гольцевъ занимаетъ такую нейтральную позицію: «Въ послѣднее время вопросъ объ искусствѣ, о значеніи и задачахъ художественнаго творчества возбуждаетъ большое вниманіе русскаго образованнаго общества. То пренебреженіе къ эстетикѣ, отъ котораго пострадалъ не одинъ художественный вкусъ, но и неразрывно связанное съ нимъ нравственное настроеніе нашего общества, смѣнилось новымъ теченіемъ, прямо противоположнымъ. Если въ прежнее время провозглашалось, что сапоги выше Шекспира, то теперь довольно ясно намекаютъ на то, что изображеніе сапоговъ выше какой угодно идеи». Это позиція, какъ видите, не прокурора и не адвоката, а судьи, и, притомъ, судьи опытнаго, который давно убѣдился, что и въ обвиненіяхъ прокурора, и въ защитѣ адвоката всегда заключается извѣстная доля истины, но истины не полной и односторонней. Однако, г. Гольцевъ слишкомъ, все-таки, журналистъ, чтобы до конца сохранить свою объективность, свой нейтралитетъ, и онъ во многихъ случаяхъ довольно рѣшительно становится на одну изъ сторонъ, и именно всегда на лѣвую. Такъ, въ томъ же вопросѣ объ искусствѣ, только что улыбнувшись надъ знаменитыми «сапогами», г. Гольцевъ говоритъ: «Если Тѣнь признаетъ, что литературная оцѣнка неразрывно связана съ нравственною, то приходится признать односторонность его утвержденія,

будто бы эстетика или философія искусства ничего не осуждаетъ и не прощаетъ, а только указываетъ и объясняетъ. Указать и объяснить, что данный характеръ въ данномъ художественномъ произведеніи высокъ и благотворенъ, именно и значить произнести эту похвалу, т.-е. отступить отъ безстрастія натуралиста, для котораго палма и репейникъ равнодѣльны въ нравственномъ смыслѣ слова, для котораго, правильнѣе, не существуетъ вовсе нравственной точки зрѣнія». Плодить споры я не хочу, но не могу не сказать, что если г. Гольцевъ допускаетъ въ вопросахъ искусства нравственные критеріи, то, по мѣрѣ того, какъ онъ предоставлялъ бы этимъ критеріямъ все большій и большій просторъ, увеличивалось бы пропорціонально и его снисхожденіе къ пресловутымъ «сапогамъ». Вѣдь, нравственный критерій есть, прежде всего, критерій справедливости...

Истина не односторонняя, а многогранна. Будемъ стараться обнять ее общими взглядами, но будемъ при этомъ терпимы и предоставимъ каждому свободу искать истины по его собственному разумѣнію. Надо жить и надо другимъ давать жить. Вотъ послѣдняя формула обоихъ писателей, какъ романиста, такъ и публициста. Это свѣтлая, прогрессивная формула, но во имя этой самой провозглашаемой вами терпимости позвольте сказать и намъ: благо людямъ односторонней исключительности, благо людямъ прямолинейнаго стремленія! Пусть имъ не дано выразить истину во всей ея полнотѣ и во всемъ разнообразіи,—это доступно только Богу,—но за то предоставленную имъ частицу божественнаго наслѣдія они счумѣютъ сохранить во всей ея неприкосновенности.

М. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общественное мнѣніе Германіи сильно встревожено правительственнымъ проектомъ увеличенія арміи, на которое потребуются десятки, а, можетъ быть, и полная сотня милліоновъ марокъ. Въ газеты проникаютъ извѣстія о томъ, что по этому поводу канцлеръ Каприви расходится во взглядахъ съ министромъ финансовъ, національ-либераломъ Микелемъ. Правительство надѣется, повидимому, что въ его пользу образуется большинство изъ консерваторовъ, клерикаловъ и части національ-либераловъ. Дѣйствительно ли образуется такое большинство, это—вопросъ, за то несомнѣнно, что нѣмецкое общество сильно возбуждено, что противъ новаго увеличенія и безъ того тяжелыхъ военныхъ расходовъ высказываются самые умѣренные люди, склонные поддерживать правительственныя требованія до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Такъ, таможенныя пошлины, приносившія казнѣ въ 1878—79 г. 101.140,000 марокъ, въ 1891—92 г. достигли 377.470,000 мар. Сильно увеличился налогъ на алкоголь, поднялись и другіе виды косвенныхъ податей, ясно свидѣтельствуя о ненормальномъ положеніи государственнаго хозяйства. Общій бюджетъ имперіи возросъ за указанный промежутокъ времени съ 263.717,900 марокъ до 740.582,000 м. Военные расходы въ 1872 году равнялись 553 милліонамъ марокъ, черезъ двадцать лѣтъ 726 милл. Несмотря на пятимилліардную контрибуцію съ Франціи, имперскій долгъ поднялся въ истекающемъ году до 1,684.000,000 марокъ. Немудрено, что милитаризмъ начинаетъ, наконецъ, приводить въ ужасъ общественное мнѣніе Германіи.

Frankfurter Zeitung говоритъ, что у правительственнаго военнаго законопроекта не будетъ большинства въ парламентѣ, если только правительство не заручится поддержкою центра. Поддержка эта можетъ быть куплена лишь дорогою цѣной: клерикалы потребуютъ, по всей вѣроятности, подчиненія школы католическому духовенству. Въ такомъ случаѣ, по вѣрному замѣчанію газеты, начнется ожесточенная внутренняя борьба противъ надвигающейся реакціи. Рѣшится ли на это правительство Вильгельма II, покажутъ ближайшія засѣданія рейхстага.

22 сентября третья республика торжественно праздновала столѣтіе провозглашенія во Франціи первой республики. Газеты были полны подробностями о тѣхъ тяжелыхъ и великихъ дняхъ, которые вѣкъ тому назадъ переживалъ французскій народъ.

20 сентября въ Шампани, при Вальми, произошло событіе, которое военные люди не знаютъ какъ назвать: перестрѣлкой, стычкой или сраженіемъ. Это событіе, однако, имѣетъ великое историческое значеніе: армія союзниковъ, вторгнувшаяся во Францію, должна была отступить. Гѣте, находившійся при нѣмецкой арміи, пророчески сказалъ тогда: «Съ этого мѣста и съ этого дня начнется новая эпоха въ мировой исторіи». Грозныя, испытанныя войска остановились передъ неопытными и плохо вооруженными отрядами французовъ, которыхъ вело впередъ одушевленіе, горячая преданность новымъ идеямъ. «Да здравствуетъ нація!»—таковъ былъ крикъ, впервые раздавшійся въ рядахъ арміи. Дюмурье и Келлерманъ оказались не только способными и энергичными генералами, но и гражданами въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сила духа побѣдила, и началась дѣйствительно новая эпоха въ исторіи Европы.

Празднованіе дня сраженія при Вальми послужило введеніемъ къ чтванію дня провозглашенія республики. Министръ народнаго просвѣщенія, Леонъ Буржуа, присутствовавшій при открытіи памятника Келлерману, сказалъ, что при Вальми раскрылась новая сила, прежде неизвѣстная, сразу ставшая могучею: это была идея правъ человѣка и народа,—идея французской революціи. Въ первый разъ нація и войско представляли единое цѣлое, въ первый разъ солдаты, защищая границы отечества, защищали, въ то же время, свои гражданскія права, и надъ пушками и штыками парила идея, общее сокровище правъ и свободы, всѣмъ одинаково доступное, которое должно и защищаться всѣми въ равной степени.

22 сентября 1792 года въ Парижѣ была провозглашена республика. Извѣстный историкъ Оларь (Aulard) привелъ по этому поводу въ *Justice* протоколы засѣданій національнаго конвента 21 и 22 сентября *). Въ первомъ изъ этихъ засѣданій Колло д'Ербуа (Collot d'Herbois) вноситъ предложеніе, что собраніе должно сдѣлать заявленіе о томъ, что королевская власть отмѣняется во Франціи. Президентъ ставитъ предложеніе на голоса, и все собраніе поднимается въ восторженномъ одушевленіи. Протоколъ этого засѣданія подписанъ президентомъ національнаго конвента, Петиономъ, и пятью секретарями, Кондорсе, Бриссо, Рабо, Ласурсомъ, Верньо, Камюсомъ (въ слѣдующемъ засѣданіи Кондорсе былъ избранъ вице-президентомъ).

Въ утреннемъ засѣданіи 22 сентября Бильо-Вареннъ вноситъ предложеніе, чтобы постановленія конвента отмѣчались словами: *Первый годъ Французской республики*. Предложеніе было принято, и республика получила официальное признаніе.

*) *Justice*, № 21, 22 Septembre.

Парижъ и вся Франція торжественно отпраздновали столѣтіе этого дня. По улицамъ великаго города двигались великолѣпныя историческія процессіи, сотни тысячъ людей привѣтствовали главу государства и выдающихся политическихъ дѣятелей, происходило множество собраний, на которыхъ произносились патріотическія рѣчи,—на нѣкоторыхъ изъ этихъ банкетовъ открыто говорили о воссоединеніи Эльзаса и Лотарингіи. Главное, официальное торжество было устроено въ Пантеонѣ, гдѣ хоронятъ великихъ людей Франціи. Здѣсь присутствовали президентъ республики, президенты палаты депутатовъ и сената, министры. Гигантскій хоръ и оркестръ исполнили *Марсельезу*, *Amour Sacré de la patrie* и *Chant du Départ*. Очевидцы рассказываютъ, что торжество это вызвало восторженный подъемъ духа.

Первую рѣчь произнесъ министръ-президентъ Лубе. Эта рѣчь заключала въ себѣ восхваленіе демократической республики, которая одна, по мнѣнію Лубе, могла спасти Францію отъ нашествія враговъ. «Провозглашая республику,—говорилъ министръ,—наши великіе предки—члены конвента увѣнчали дѣло революціи и запечатали въ учрежденіяхъ страны равенство гражданъ передъ закономъ, дѣтей—въ наследствѣ, отмену привилегій, право всѣхъ французовъ занимать государственныя должности и получать военные чины, свободу труда, справедливое распредѣленіе налоговъ, ежегодно разрѣшаемое, независимость мысли, свободу религиозныхъ мнѣній и верховенство націи, откуда исходитъ всякая законная власть» *).

Ораторъ подчеркнул мнѣнія тѣхъ выдающихся дѣятелей революціи, въ томъ числѣ Дантона, которые настаивали на умѣренности, на охранѣ принципа собственности. Упомянувъ о томъ, что первая и вторая республика пали вслѣдствіе насилія, Лубе сказалъ, что послѣ незаслуженныхъ несчастій *страшнаго года* одна республика могла спасти честь Франціи и исправить бѣдствія, навлеченныя ошибками и преступленіями имперіи. Но общества идутъ впередъ, новые идеалы раскрываются передъ ними, и наши усилія, говоритъ министръ-президентъ, должны быть направлены къ осуществленію этихъ идеаловъ. Ораторъ выражаетъ глубокую вѣру въ свѣтлое будущее демократіи, въ мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ. Конечно, слова эти звучатъ оптимизмомъ въ тѣ дни, когда, наприм., стачка въ Бармо сохраняетъ грозный характеръ; но, дѣйствительно, Франція при третьей республикѣ благополучно пережила столько опасныхъ испытаній, что есть достаточно основаній надѣяться и на дальнѣйшій мирный прогрессъ этой великой страны.

Вице-президентъ сената, Шальмель-Лакуръ, смѣнившій Лубе на ораторской трибунѣ, говорилъ о томъ, что первая республика явилась необходимымъ результатомъ историческаго роста, что присоединеніе монархистовъ къ третьей республикѣ свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ распространеніи и торжествѣ демократическихъ идей.

* Мы пользуемся полнымъ текстомъ этой рѣчи, напечатаннымъ въ *Journal des Débats* (23 Septembre).

Слѣдующая рѣчь была произнесена президентомъ палаты депутатовъ. *Paris* и многія другія газеты считаютъ ее самою замѣчательною *). И дѣйствительно, въ ней заключается программа будущаго, гораздо болѣе опредѣленныя и рѣшительныя указанія, чѣмъ въ рѣчахъ Лубе и Шальмель-Лакура. Приближающееся столѣтіе, говорилъ Флоке, приноситъ съ собою миссію столь же славную, быть можетъ, еще болѣе трудную, чѣмъ та, которая выпала на долю основателей первой и второй республики. Дѣло идетъ о томъ, чтобы закончить политическое созданіе французской революціи, установивъ законы, которые организуютъ матеріальные и нравственные интересы въ совершенной гармоніи съ принципами свободы и равенства. Необходимо разрѣшить соціальныя вопросы безъ насилія и безъ слабости, отдавая, какъ выразился однажды президентъ республики, законную долю свободы, которая есть законъ революціи, и солидарности, которая является обезпеченіемъ для слабыхъ **).

Нѣтъ сомнѣнія, что величественное празднество въ честь провозглашенія первой республики не пройдетъ безъ благопріятныхъ результатовъ для укрѣпленія республики третьей, которую многіе считаютъ окончательно установившеюся формой правленія во Франціи. Наибольшими опасностями грозятъ ей милитаризмъ и клерикализмъ. Первый отвлекаетъ массу средствъ, какъ экономическихъ, такъ и умственныхъ, потому что на различныя техническія изобрѣтенія въ военномъ дѣлѣ уходитъ не мало труда и таланта,—отъ плодотворнаго примѣненія ихъ для подъема народнаго благосостоянія; второй подкапывается подъ свободу совѣсти, подъ свободу научнаго изслѣдованія. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что такіе честные, но среднихъ духовныхъ силъ политическіе дѣятели, какъ Лубе и большинство его товарищей, могутъ стоять во главѣ правительства только въ спокойные моменты государственной жизни, когда странѣ не грозитъ ни опасная война, ни острый внутренній кризисъ. Доживетъ ли кабинетъ Лубе до конца полномочій нынѣшней палаты,—они кончатся въ будущемъ году,—предвидѣть невозможно.

Рѣшеніе этого вопроса зависить въ ближайшее время отъ положенія дѣлъ въ Кармо и отъ результата экспедиціи противъ дагомейцевъ.

Засѣданія цис-и транслейтанскихъ делегацій, происходящія въ то время, когда пишется это обозрѣніе, свидѣтельствуютъ, что важнѣйшіе внутренніе вопросы въ Австро-Венгріи далеки отъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Главнымъ изъ этихъ вопросовъ слѣдуетъ считать чешско-нѣмецкій. Политическое самосознаніе чешскаго народа такъ развилось и окрѣпло, что сломить его мѣрами административнаго характера правительству уже не удастся. Народъ требуетъ своихъ правъ и поэтому перешелъ на сторону младо-чеховъ, ведущихъ открытую и энергическую борьбу въ парламентѣ,

*) *Paris*, 23—24 Septembre.

**) *Justice*, 23 Septembre.

въ печати, путемъ пропаганды и агитаціи во всѣхъ слояхъ общества. Попытка младо-чешскихъ депутатовъ богемскаго сейма объединить всѣ чешскія партіи при подачѣ адреса императору потерпѣла, какъ и слѣдовало ожидать, неудачу: и старочехи, и феодалы отказались присоединиться къ этой черезъ-чуръ яркой для нихъ манифестаціи. Богемская аристократія, кромѣ того, въ послѣднее время какъ будто охладѣваетъ къ національному дѣлу по мѣрѣ того, какъ чешское движеніе становится все болѣе и болѣе демократическимъ, освобождаясь на ряду съ этимъ и отъ союза съ клерикальными элементами. Намѣстникъ Богеміи не допустилъ чтенія въ сеймѣ младо-чешскаго адреса, и онъ появился поэтому въ печати. Въ немъ въ ясной и твердой формѣ излагаются жалобы на притѣсненія администраціи, на стремленіе онѣмечить тѣ округа Богеміи и Моравіи, въ которыхъ чехи составляютъ меньшинство. Адресъ заявляетъ, что только возстановленіе нарушенныхъ самостоятельныхъ правъ чешской короны и расширеніе круга полномочій сейма могутъ вывести страну изъ нынѣшняго ненормальнаго состоянія. Въ адресѣ императору напоминается и о томъ, что онъ торжественно далъ обѣщаніе пріѣхать въ Прагу для вѣнчанія королемъ чешскимъ. Правда, обѣщаніе это дано болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ: 13 апрѣля 1861 года. Съ тѣхъ поръ на первое мѣсто въ имперіи выдвинулись мадьяры. Опираясь на нихъ, на нѣмцевъ-централистовъ и на поляковъ, кабинетъ Таафе можетъ не исполнять требованій чешскаго народа; но такимъ способомъ нельзя устранить внутренняго разлада, который ослабитъ и международное значеніе Габсбургской монархіи. Славяне южныхъ областей имперіи также пробуждаются къ національной жизни и начинаютъ составлять предметъ серьезнаго безпокойства для австрійскаго правительства. На счастье нѣмцамъ-централистамъ и мадьярамъ, препятствіемъ для достиженія славянскихъ цѣлей, т.-е. самостоятельныхъ учреждений для отдѣльныхъ племенъ и ихъ солидарности по отношенію къ другимъ народамъ, является неустраненная рознь между Россією и поляками.

Младо-чехи возстаютъ противъ тройственнаго союза, направленнаго противъ Россіи и Франціи, но въ этомъ отношеніи ихъ усилія не достигнуть, очевидно, никакихъ практическихъ результатовъ въ ближайшее время. Посѣщеніе Вѣны императоромъ Вильгельмомъ II и пожалованіе, наконецъ, графу Таафе высшаго прусскаго ордена свидѣтельствуютъ, что въ Берлинѣ довольны австрійскимъ правительствомъ и, попрежнему, дорожатъ союзомъ съ Австро-Венгріей. Связь между двумя имперіями, можетъ быть, укрѣпится еще болѣе въ виду нѣкоторой неопредѣленности политическаго положенія третьяго члена *миа мира*—Италіи. Кабинетъ Джюлиитти выпустилъ палату и въ октябрѣ должны произойти новые выборы въ парламентъ. Правительство заручилось возможною поддержкой со стороны вождей разныхъ парламентскихъ группъ, пустить, конечно, въ ходъ административное вліяніе, общаетъ серьезныя финансовыя реформы и заявляетъ о своемъ миролюбіи. По всей вѣроятности, новая палата будетъ имѣть большинство, сходное съ нынѣшнимъ, но оппозиція можетъ получить значи-

тельное усиленіе, потому что демократическія идеи и нерасположеніе къ союзу съ Австро-Венгріей и Германіей растутъ въ Италіи. На генуэзскихъ празднествахъ въ память Колумба особенно горячій пріемъ со стороны населенія выпалъ на долю французской эскадры, что не могло не произвести непріятнаго впечатлѣнія въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Шведско-норвежское столкновение продолжаетъ вызывать большой интересъ въ Германіи и далеко еще отъ благопріятнаго разрѣшенія. *National-Zeitung*, попрежнему, относится къ требованіямъ норвежскаго народа съ язвительною насмѣшливостью. Газета не оставляетъ безъ порицанія и климатъ Норвегіи, который побуждаетъ самыхъ замѣчательныхъ скандинавскихъ писателей и художниковъ проводить годы въ Парижѣ, Римѣ или въ Германіи. Бьернстерне-Бьернсонъ въ глазахъ органа національ-либеральной партіи является болтливымъ шовинистомъ («der chauvinistisch—grosssprecherische Björnstjerne Björnson», — выражается газета). *National-Zeitung* полагаетъ, что только ошибки норвежскихъ консерваторовъ и короля Оскара дали возможность норвежскимъ радикаламъ одержать побѣду на выборахъ въ стортингъ; если подобныхъ ошибокъ не повторится, думаетъ газета, то на выборахъ 1894 года радикалы потерпятъ поражение. Но этому предположенію противорѣчатъ сообщаемыя самою же національ-либеральною газетою свѣдѣнія о возрастающемъ сочувствіи шведской демократіи стремленіямъ демократіи норвежской. Такъ, съѣздъ демократовъ въ Линкѳингѣ выразилъ сочувствіе норвежцамъ въ ихъ борьбѣ за равноправность съ Швеціей. Съ другой стороны, шведская демократія все рѣшительнѣе возстаетъ противъ протекціонной политики короля Оскара и противъ усиленія милитаризма. *National-Zeitung* опасается, что на шведскихъ выборахъ (они произойдутъ въ будущемъ году) побѣда окажется на сторонѣ нынѣшней оппозиціи, и совѣтуетъ королю Оскару и его министрамъ позаботиться объ устраненіи этой опасности.

Важно, конечно, услышать по этому вопросу мнѣніе заинтересованной всего болѣе стороны—мнѣніе вождей норвежской демократіи. Мы приведемъ поэтому извлеченія изъ статьи, напечатанной въ *La Revue des Revues* знаменитымъ Бьернстерне-Бьернсономъ *). Редакція предпослала статьѣ небольшую замѣтку, въ которой говоритъ о великихъ заслугахъ Бьернсона, какъ писателя и политическаго дѣятеля. Подобно Виктору Гюго, норвежскій поэтъ питаетъ безграничное довѣріе въ народныя силы для осуществленія прогрессивныхъ идей. Подобно Гюго, онъ проникнутъ жаждою свободы и любовью къ отечеству и человѣчеству.

Въ политической борьбѣ,—пишетъ Бьернсонъ,—завязавшейся на нашихъ глазахъ между народами-друзьями, на чьей сторонѣ право?—спрашиваютъ многіе изъ людей, способныхъ слѣдить за юридическимъ споромъ. Право не можетъ быть на сторонѣ народа-завоевателя, который въ 1814 году

*) *La Revue des Revues*, octobre 1892 г., *Le conflit Suédois-norvégien*.

вторгся въ Норвегію и растопталъ права братскаго народа; оно должно быть на сторонѣ мирной и трудолюбивой націи, которая трудомъ и просвѣщеніемъ достигла положенія народа, желающаго самостоятельно располагать своими судьбами. Первый параграфъ норвежской конституціи, принятой Швеціею, какъ торжественный актъ соединенія, гласитъ, что Норвегія есть страна свободная и независимая. Въ конституціи заключается признаніе за Норвегіей права имѣть посланниковъ и консуловъ, заключать договоры съ иностранными государствами и принимать посольства отъ нихъ. Король и его министры-шведы многократно нарушали права норвежскаго народа, который не былъ достаточно силенъ, чтобы воспрепятствовать этимъ правонарушеніямъ. Теперь силы его возросли и онъ требуетъ себѣ должнаго.

Норвежскій парламентъ назначилъ 50,000 кронъ для жалованья особымъ норвежскимъ консуламъ за границую. Король не согласился съ этимъ постановленіемъ. Тогда стортингъ вновь, большинствомъ слишкомъ двухъ третей, подтвердилъ свое рѣшеніе. Консервативный кабинетъ подалъ въ отставку. Официально, вслѣдствіе этого, королю не сообщено постановленіе парламента, и шведское правительство стремится всячески затянуть дѣло, быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ имѣя надежду на болѣе умѣренное большинство въ будущемъ стортингѣ.

Но положеніе дѣлъ настолько ненормально, что длиться нѣсколько лѣтъ ему трудно. Норвежскій народъ все опредѣленнѣе стремится къ торжеству парламентарнаго строя, т.-е. къ тому, чтобы во главѣ управленія стояли министры, принадлежащіе къ большинству стортинга. Королевское *veto* можетъ при этомъ остановить постановленіе парламента; но если постановленіе двукратно подтверждено большинствомъ, то должно вступить въ силу.

Торговые интересы Швеціи и Норвегіи,—говоритъ Бьёрнсонъ,—не всегда совпадаютъ: обѣ страны соперничаютъ въ нѣкоторыхъ предметахъ вывоза. Кто же пожелаетъ имѣть тѣхъ же самыхъ агентовъ для себя и для своего конкуррента? Точно также въ области политики: народъ, являясь хозяиномъ дома, не можетъ согласиться на видимое подчиненіе другому. Съ этой точки зрѣнія Норвегія требуетъ, чтобы съ ея флага была снята эмблема уніи со Швеціей, потому что такая эмблема свидѣтельствуетъ о сліянніи двухъ народовъ въ одно нераздѣлимое національное цѣлое, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ и не будетъ.

Въ теченіе двадцати четырехъ почти лѣтъ,—продолжаетъ Бьёрнсонъ,—Норвегія стремится къ оборонительной федераціи со Швеціей, причемъ общими должны быть только король и династія. Шведскіе государственные люди хотятъ участвовать въ шахматной игрѣ, которою занимается европейская дипломатія. Именно на эту игру норвежскій народъ смотритъ со страхомъ и участвовать въ ней не имѣетъ никакого желанія. Между тѣмъ, повуда завѣдываніе иностранными сношеніями находится въ шведскихъ рукахъ, Норвегія противъ воли можетъ быть втянута въ европейскую войну. Надо еще прибавить, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ

Швеція контроль за иностранною политикой правительства ускользаетъ отъ народнаго представительства, и рѣшающее значеніе принимаетъ поэтому воля самого короля. Бьернсонъ основательно обвиняетъ шведскую дипломатію въ двусмысленныхъ затѣяхъ. Намъ приходилось уже упоминать, что королю Оскару приписываютъ намѣреніе дѣйствовать въ союзъ съ Германией и противъ Россіи. Страхъ передъ Россіей,—говоритъ Бьернсонъ,—есть союзъ шведскихъ министровъ, между тѣмъ Россія ничѣмъ не угрожаетъ Швеціи, и поэтому для послѣдней унія съ Швеціей не только не представляетъ гарантіи безопасности, но является скорѣе опасностью. Такъ лучше,—воскликаетъ Бьернсонъ,—прекратится существованіе уніи. *Россія никогда не вступитъ въ военный союзъ съ кѣмъ бы то ни было.* Желая сохранить миръ вообще и поддержать добрыя и прочныя отношенія съ Россіей въ частности, Норвегія, по словамъ ея знаменитаго государственнаго челоуѣка, готова дать нашему отечеству концессию на желѣзную дорогу съ русскаго сѣвера до норвежскаго порта на открытомъ мѣстѣ. Въ Швеціи,—замѣчаетъ Бьернсонъ,—эту уступку не преминули бы назвать, какъ преступное покушеніе.

Указавши на то, что въ Швеціи до сихъ поръ господствуетъ сословно-устройство, что для выбора въ палату приходится имѣть цензъ, при выборахъ эти не прямыя, Бьернсонъ приписываетъ такому устройству значительную отсталость шведскаго народа. Его свобода и благосостояніе не только выигрываетъ отъ побѣды норвежскаго народа надъ шведскимъ самодержавіемъ. Если норвежцы потерпятъ пораженіе, это отразится усиленіемъ бюрократизма и милитаризма въ Швеціи. Упомянутое нами дружественное пріветствіе норвежской демократіи со стороны шведскихъ демократовъ показываетъ, что шведскій народъ уясняетъ себѣ нынѣшнее положеніе дѣлъ и различаетъ свои истинные интересы отъ воинственныхъ заветовъ и бюрократическихъ и сословныхъ выгодъ.

Норвегія,—горделиво кончаетъ свою статью Бьернсонъ,—до сихъ поръ не имѣла побѣды въ національной борьбѣ. Одержитъ она ее и теперь. Если король будетъ противиться требованіямъ народа, то,—намекаетъ Бьернсонъ,—норвежцы могутъ перейти въ республику. Онъ надѣется, что либеральные элементы въ Швеціи усилятся, что обѣ страны крѣпко соединятся въ оборонительной федераціи и послужатъ образцомъ для другихъ скандинавскихъ народовъ. Когда такія федераціи станутъ многочисленны, опасность войны минуетъ и духъ мести постепенно уступитъ мѣсто духу справедливости и мира.

Естественно, что эти великодушныя стремленія лучшихъ вождей норвежскаго народа не по сердцу тѣмъ органамъ германской печати, которые посягаютъ военному величію и поддерживаютъ вопіющія нарушенія справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Дѣло Норвегіи есть дѣло правды и мы съ истинною радостью видимъ, что съ торжествомъ Норвегіи связаны интересы русскаго народа,—интересы обще-европейскаго мира.

Довольно тревожно положеніе вещей въ Бельгіи, гдѣ парламентская коммиссія работаетъ надъ проектомъ измѣненія избирательной системы. Либералы и радикалы идутъ на уступки, но желаютъ ввести принципъ общаго подачи голосовъ, противъ чего возстаютъ консерваторы и клерикалы. Рабочія массы, до сихъ поръ лишеныя представительства, стоятъ на сторонѣ политической реформы, ожидая отъ нея улучшенія своего экономического состоянія, въ большинствѣ случаевъ, теперь крайне неудовлетворительнаго. Къ преобразованію избирательной системы приступаетъ и голландское правительство. Законопроектъ, внесенный въ генеральные штаты нидерландовъ, предлагаетъ признать избирателемъ всякаго голландца, достигшаго совершеннолѣтія, умѣющаго читать и писать и содержащаго семью. Если пройдетъ этотъ законопроектъ, то число избирателей въ Нидерландахъ подымется съ 300,000 человекъ до 800,000,—другими словами, составитъ 74% взрослого мужскаго населенія. Сторонники всеобщаго подачи голосовъ не удовлетворятся, конечно, этою реформой, несмотря на всю ея значительность. Напомнимъ читателямъ, что конституціонная монархія установлена въ Голландіи закономъ 1815 года, измѣненнымъ законами 1840 и 1848 гг. Генеральные штаты состоятъ изъ двухъ палатъ: верхняя состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ на десять лѣтъ провинціальными собраниями, причѣмъ черезъ каждые три года выбываетъ по очереди треть членовъ (законодательной инициативы верхняя палата не имѣетъ); нижняя палата, послѣ измѣненія въ 1878 году избирательныхъ округовъ, состоитъ изъ 85 депутатовъ.

Несмотря на довольно сильное социалистическое движеніе въ Голландіи политическая жизнь въ этомъ государствѣ не грозитъ опасностями внутреннему миру страны. Труднѣе положеніе Греціи. Удаленіе Деліаниса, пожелавшаго довѣрять большинству палаты,—удаленіе, происшедшее по требованію короля,—затѣмъ общенародныя выборы и побѣда Трикуписа, политическаго противника Деліаниса,—въ памяти читателей. Король опасался, что Деліанисъ попытается совершенно разстроить греческіе финансы, и новый министр-президентъ Трикуписа обѣщавъ исправить и укрѣпить эти финансы. Трикуписа постигла, однако, неудача: онъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что заключить внѣшній заемъ въ 30 милліоновъ франковъ, тогда какъ заемъ этотъ не состоялся, вследствие отказа иностранныхъ капиталистовъ реализовать его. Государство терпитъ нужду въ средствахъ на самые необходимые предметы, напримеръ на постройку желѣзной дороги отъ Пирея до Лариссы, кредитъ Греціи падаетъ и общественное мнѣніе встревожено. Обвинять Трикуписа во всемъ этомъ нѣтъ основанія, какъ не было основанія взваливать всю отвѣтственность за финансовое разстройство страны на Деліаниса: истощили казну и пагубно отражаются на экономическомъ состояніи Греціи непосильныя налоги и оруженія, которыя дѣлаются въ виду замышляемыхъ территоріальныхъ обрѣтений.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театр: *Свои моды—сочтемся*, комедія А. Н. Островскаго; *За право и правду*, бытовая драма Петра Полевого; *Перекажи поле*, комедія П. П. Гвѣдича; *Жерства*, Н. В. Шпажинскаго; дѣсятилѣтіе русскаго драматическаго театра О. А. Корша).

Въ отступленіе отъ издавна установившагося обычая, сезонъ нынѣшняго года открылся въ Маломъ театрѣ не *Ревизоромъ* и не *Горемъ отъ ума*, а комедіей А. Н. Островскаго *Свои моды—сочтемся*, неигранною много лѣтъ и почти незнакомою теперешнему молодому поколѣнію. Это одно изъ раннихъ произведеній знаменитаго драматурга и одно изъ лучшихъ его произведеній. За сорокъ лѣтъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ написана эта комедія, много воды утекло и очень многое измѣнилось въ купеческой средѣ, въ которой разыгрывается поистинѣ ужасная исторія злостнаго банкротства, составляющая сюжетъ пьесы, надѣлавшей въ свое время много шума,—цѣлый переполохъ въ Замоскворѣчьи, въ Таганкѣ и въ Рогожской, въ Ножевой линіи и въ разныхъ «рядахъ» и закоулкахъ нынѣ исчезнувшаго Гостинаго двора. Мнѣ помнится даже, будто эта пьеса была не дозволена въ представленію, не то, быть можетъ, просто не ставилась на сцену, въ виду рѣзкаго протеста со стороны «именитаго» купечества, дававшаго роскошные обѣды въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ и проживавшаго въ какихъ-то чуланахъ, торговавшаго на милліоны въ темныхъ и грязныхъ канурахъ и отправлявшагося «на выsidку» въ полузабытую теперь, но знаменитую когда-то «яму», тутъ же по сосѣдству, у Воскресенскихъ воротъ. Прошло время—и «яму» упразднили, и приемы банкротства «ради расширенія» коммерческихъ дѣлъ стали иными, комедія *Свои моды—сочтемся* сдѣлалась историческимъ документомъ, такимъ же подлиннымъ, какъ *Горе отъ ума*, и болѣе точнымъ, чѣмъ *Ревизоръ*. Комедія Островскаго, какъ и большинство его драматическихъ произведеній,—не сатира, а настоящее и художественное воспроизведеніе дѣйствительности и типовъ, нынѣ отживающихъ или же совсѣмъ отжившихъ и вымершихъ. Это необыкновенно яркая страница изъ исторіи Россійской торговли и чуть ли не единственная въ нашей литературѣ. Прекрасно поступило управленіе театрами, что рѣшилось, послѣ долгаго перерыва, однимъ напомнить о быломъ, другимъ показать, какъ «встарину жилали дѣды».

За то неизмѣримо лучше поступили бы учрежденія, завѣдующія репертуаромъ казенныхъ сценъ, если бы уволили публику отъ ознакомленія съ бытомъ пра-прадѣдовъ по такимъ нелѣпнымъ сочиненіямъ, какъ *За право и правду*, «бытовая драма въ пяти дѣйствіяхъ начала XVI столѣтія Петра Полевого». Очень можетъ быть, что въ концѣ XVII столѣтія такая драма на подмосткахъ Потѣшнаго дворца показала бы гениальнымъ произведеніемъ придворнымъ царевны Софьи. А въ концѣ XIX вѣка нѣтъ ни малѣйшаго резона угощать публику томительными діалогами о какихъ-то никому не любопытныхъ «обѣльных грамотахъ». На первое представленіе были назначены увеличенныя цѣны за мѣста. Такое увеличеніе цѣнъ на одно или нѣсколько представленій объясняется необходимостью покрыть расходы на постановку пьесы, требующую новыхъ и дорого стоящихъ костюмовъ. Стало быть, трактатъ г. Полевого о великокняжескихъ обѣльных грамотахъ обошелся театру довольно дорого, провалился же онъ совершенно основательно съ перваго представленія и послѣ втораго едва ли когда-нибудь появится еще разъ на сценѣ. А потому мы считаемъ совершенно лишнимъ распространяться объ этой пьесѣ, осужденной на вѣчный покой въ театральномъ архивѣ.

Не менѣе драмы г. Полевого удивило насъ принятіе на сцену Малаго театра четырехъактной пьесы П. П. Гнѣдича *Перекасти поле*, и опять мы задаемъ вопросомъ: да какое же это учрежденіе награждаетъ насъ такими драматическими отбросами? Мы допускаемъ возможность для какаго бы ни было комитета ошибиться въ оцѣнкѣ сценическаго произведенія при его чтеніи, особливо когда пьеса читается вслухъ хорошимъ мастеромъ этого дѣла, хотя этого рода ошибки далеко не къ чести комитетовъ служить. Но нѣкоторое оправданіе можно найти въ пословицѣ: «и на старуху бываетъ проруха»... Въ данномъ случаѣ и этимъ нельзя оправдаться, такъ какъ названная пьеса уже шла на сценѣ частнаго театра, который держала въ Москвѣ г-жа Горева. И тамъ эта пьеса успѣха не имѣла и поступила въ отбросъ. Стало быть, эту пьесу видѣли, читали или могли прочесть о ней отзывы критики. Нельзя же предположить, что члены комитета не знали о прежнихъ похожденияхъ разсматриваемаго ими сочиненія; наконецъ, самъ авторъ, навѣрное, не скрылъ отъ нихъ, что *Перекасти поле* не есть сценическая новинка. Весьма понятно, что частные театры вынуждены иногда пользоваться пьесами съ казенныхъ сценъ, и совершенно необъяснимо, зачѣмъ понадобилась первой въ Россіи сценѣ завѣдомо плохая пьеса, уже игранная здѣсь же въ Москвѣ.

Г. Гнѣдичъ назвалъ *Перекасти поле* «картинами изъ современной жизни». Это на самомъ дѣлѣ не комедія, не драма, но это и не изображеніе «современной жизни», такъ какъ ничего нѣтъ въ пьесѣ «современнаго», т.-е. такого, чѣмъ отличалось бы житье-бытье представленныхъ авторомъ лицъ отъ жизни людей въ такомъ же положеніи двадцать лѣтъ назадъ или пятьдесятъ и сколько угодно еще лѣтъ. Герой пьесы Волховской (г. Горевъ) говоритъ про себя, что онъ—«перекасти поле», человѣкъ, который носится

безъ опредѣленной цѣли, не умѣя ни за что прицѣпиться, ни на чемъ остановиться, ни крѣпко взяться за какое-нибудь дѣло. Волховской учился въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ техникумъ, офицеромъ, сотрудникомъ какихъ-то періодическихъ изданій, переводилъ съ нѣмецкаго языка физику, писалъ статьи по химіи и еще тамъ что-то, нигдѣ прочно основаться не могъ и пріѣхалъ погостить къ бывшему своему товарищу, помѣщику Чагадаеву (г. Ленскій). Ничего новаго и особенно современнаго нѣтъ въ такой фигурѣ. Напротивъ, въ прежнее время, въ годы благополучнаго житія помѣщичьяго, такихъ бродячихъ дворянчиковъ было много больше, чѣмъ теперь, и сами по себѣ они были интереснѣе. Въ наши дни долго не набродишь во образѣ «перекати поле»; жизнь не спросить, угодно ли вамъ серьезно взяться за настоящее дѣло, или вы предпочитаете порхать изъ дома въ домъ, изъ усадьбы въ усадьбу. Для того, чтобы продѣлывать это, мало быть челоѣкомъ обезпеченнымъ, нужно быть прямо богатымъ челоѣкомъ, иначе «перекати поле» живо заголодаеть и застрянетъ въ какой-нибудь трущобѣ, гдѣ жизнь возьметъ странствующаго дворянина за шиворотъ и заставитъ работать, чтобы не умереть съ голоду. Не больше «современнаго» представляетъ собою помѣщикъ Чагадаевъ, усердный хозяинъ, мужъ молоденькой барыньки, Вѣры (г-жа Яблочкина 2), немного скучающей въ деревнѣ. Для дополненія «современной» картины являются князь Ханьковъ (г. Южнѣ), мировой судья, и неопредѣленнаго положенія барышня Любочка Цвѣткова (г-жа Лешковская). Кромѣ того, невѣдомо зачѣмъ, ради «комизма», должно быть, путаются тутъ пожилая помѣщица Третьякова (г-жа Никулина), допекающая становаго пристава, и становой (г. Музиль), вѣчно стремящійся спастись отъ нея бѣгствомъ. Въ развитіи фабулы эти два лица не принимаютъ никакого участія, въ «картинѣ» они — съ боку припека, къ «современной жизни» ни малѣйшаго отношенія не имѣютъ; барыня скорѣе напоминаетъ очень старый, исчезнувшій типъ дворянокъ-вотельницъ, которыя изводили чиновниковъ и сосѣдей, причитая постоянно: «я—женщина слабая, беспомощная!» На этомъ причитаніи г. Гнѣдичъ и сновалъ весьма сомнительный «комизмъ» Третьяковой и становаго. Любочка Цвѣткова—довольно аляповатая копія съ весьма стараго типа деревенской барышни изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Въ старые годы такія барышни—по большей части добрыя, безобидныя существа—всегда «гостили» въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, помогали хозяйкамъ варить варенье, выпивать что-нибудь или шить доводѣльное бѣлье, разливать чай, занимать и подчивать гостей «второга» разбора. Все это, по старинной программѣ, усердно исполняетъ Любочка Цвѣткова. Дѣвица она совершенно необразованная, добрая, веселая, наивная до глупости и даже совѣмъ «съ придурью», часто забавная, иногда не безопасная своею незлобивою болтовней, которую приходится хозяевамъ сдерживать рѣзкими окриками, въ такомъ родѣ: «Довольно, заврались вы, Любочка»... «Перестаньте глупости болтать»... «Вы едете сдуру»... Любочка не обижается и не протестуетъ, она знаетъ, что «глупа» и что «сдуру ляпаеть». Мировой посредникъ, князь, предназна-

чень изображать въ каррикатурѣ послѣдователя ученія гр. Л. Н. Толстаго. Карриатура вышла грубою и неудачною. Обѣ эти фигуры спасены на сценѣ отъ пошлости, вложенной въ нихъ авторомъ, необыкновенною тонкостью и художественностью игры г-жи Лешковской и г. Южина. Благодаря удивительной простотѣ, какой-то задушевности и милой наивности, безъ претензій вызывать смѣхъ въ зрителѣ, все, что есть въ пьесѣ шероховатаго, иногда прямо непристойнаго, — все сглаживается, проходитъ незамѣтно и невольно заставляетъ порою улыбнуться надъ забавнымъ словечкомъ ничего непонимающей барышни. Нуженъ поистинѣ выдающійся талантъ г-жи Лешковской, чтобъ справиться съ такою задачей, чтобы занять первое мѣсто, изображая второстепенное лицо, и спасти пьесу отъ полного паденія. Въ чемъ же, однако, состоитъ сущность пьесы? — спросить читатель. Да ни въ чемъ собственно. Чагадаевъ уговариваетъ своего пріятеля Волховскаго поселиться у него, взять въ аренду его мельницу, заниматься дѣломъ и развлекать легкимъ ухаживаньемъ ея скучающую супругу. Послѣ нѣсколькихъ возраженій, гость соглашается пріятель вернуться въ постоянного сосѣда и приступаетъ къ исполненію совѣта добраго хозяина, начинаетъ ухаживать за Вѣрою Александровной. Барыня забавляется ухаживаньемъ, но дальше самаго невиннаго кокетства не идетъ и умѣетъ остановить странствующаго дворянина даже въ то время, когда онъ покушается поцѣловать у нея руку. Мужъ случайно видитъ эту сцену и увидаль онъ только покушеніе пріятеля и не досмотрѣлъ того, чѣмъ оно кончилось. А посему супругъ возревновалъ, сталъ выпроваживать опаснаго друга, доказывая ему, что мельница будетъ въ убытокъ, что дѣло не пойдетъ и т. д. Пріятель опять соглашается и уѣзжаетъ странствовать дальше, къ какой-то богатой тетенькѣ. Мировой посредникъ князь съ чего-то вдругъ влюбляется въ глупенкую Любочку и предлагаетъ ей руку и сердце. Любочка въ восторгѣ отъ того, что у нея будетъ мужъ, и еще больше отъ того, что сдѣлается она «ваше сіятельство». Этимъ и кончаются «картины современной жизни». Въ старые годы изъ такого дешеваго матеріала выдѣлывались одноактные водевили и самое большее — двухъактные комедійки, — забавные, веселенькіе пустяки, дававшіеся въ видѣ дополненія къ серьезнымъ пьесамъ. Теперешніе драматурги разучились писать коротко и не желаютъ этого дѣлать по особымъ авторскимъ соображеніямъ. Изъ любого «выѣденнаго яйца» они тшятся размазать «картины» въ четырехъ актахъ, «психологическіе этюды» въ пяти дѣйствіяхъ. За то и летятъ изъ пьесы «кувыркомъ» съ перваго представленія, и рѣдко которая-нибудь держится до пятаго-шестаго представленія, благодаря выдающемуся, талантивому и дружному исполненію артистовъ нашего Малаго театра. Но въ сколько пріятно имѣть такую образцовую труппу, настолько же прискорбно видѣть, на какія нецѣлности, на какой жалкій вздоръ тратятся силы и дарованія лучшихъ артистовъ, и тратятся совершенно напрасно, не только бесполезно, но еще во вредъ имъ, особенно во вредъ молодымъ актерамъ и актрисамъ, вынужденнымъ всю энергію свою напрягать на разработку такихъ пустяковъ, какъ произведенія гг. Гнѣдича и Петра Полевого.

Совсѣмъ инныя мысли и чувства возбуждаетъ въ зрителяхъ драма В. Шпажинскаго *Жертва*. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній слѣдуетъ оговориться: это далеко не перлъ литературный и сценическій. Противъ этой пьесы возразить можно многое, но о ней можно говорить серьезно и смотрѣть ее положительно стоить. «Жертвою» оказывается некрупный чиновникъ Митрофанъ Ракинъ (г. Ленскій), женатый на Валентинѣ Ивановнѣ (г-жа Ермолова). Съ ними живетъ мать Ракина, Арина Никифоровна (г-жа Садовская); старшій ея сынъ, Захаръ Платоновичъ (г. Рыбачевъ), нотариусъ, живетъ отдѣльно, своимъ домою, живетъ богато; его сестра Антонина Васильевна (г-жа Уманецъ-Райская) вся поглощена заботами о мужѣ, дѣтяхъ и хозяйствѣ. Молодой человекъ Судбищевъ (г. Южинъ), родной братъ Антонины Васильевны, служитъ въ конторѣ нотариуса, живетъ въ домѣ старшаго Ракина. Чтобы сразу покончить съ дѣйствующими лицами, назовемъ еще Фросю (г-жа Лешковская), некрасивую девушку, дочь квартирной хозяйки младшаго Ракина. Этотъ младшій Ракинъ — человекъ очень добрый, простодушно честный, немного мечтатель, чуждъ художникъ, не дѣлецъ, не практикъ, онъ навсегда обреченъ быть кошкой въ чиновномъ мірѣ и въ жизни. Но это натура чрезвычайно мягкая, отзывчивая, любящая и глубоко симпатичная. Въ этой личности ничего типичнаго или новаго, но это живое лицо, прямо взятое изъ действительной жизни, заурядный, некрупный человекъ, способный довольствоваться очень малымъ, — и въ томъ смыслѣ пьесы, что, именно, этого-то много и не даетъ жизнь хорошему человеку, Митрофану Ракину. Самые близкіе люди, мать и старшій братъ, принимаютъ его безхитростность и непритязательность за глупость; по ихъ мнѣнію, онъ такъ, какой-то «неинтересный», не то чтобы совсѣмъ дурачокъ, а около того, вродѣ «блаженнаго». Не многимъ лучшаго мнѣнія о немъ и его жена, особа не достаточно ясно опредѣленная авторомъ. Мы знаемъ, что была она гувернанткой, жила по чужимъ домамъ, гдѣ ей не сладко, тяжело было, и вотъ пошла замужъ, и здѣсь никакихъ жизненныхъ сладостей не нашла. Мужъ молодой человекъ и глубоко любить ее, только ей-то отъ того не много радости, съ такимъ мужемъ ей скучно и тяжело приходится отъ сварливой, явно недовольной его маменьки. Одно намъ не выяснено, по любви пошла замужъ Валентина, или же для того только, чтобы избавиться отъ приглядной жизни гувернантки. Повидимому, это такъ и было, а любви не было, подвернулся подходящий человекъ, она и пошла за него. Мы пьесы не читали, и такое впечатлѣніе произвела она на насъ со сцены, но мы не убѣждены въ вѣрности нашего предположенія. Такой неопредѣленности оставлять не слѣдовало, и уничтожить ее можно двумя-тремя словами, и должно уничтожить. Безъ этого весь образъ молодой женщины представляется нѣсколько смутнымъ: если она никогда не любила мужа, тогда въ ней всецѣло и лежитъ вина въ томъ, что дѣло кончилось такъ печально, и не могло оно кончиться хорошо. И если это такъ и быть должно, по замыслу автора, тогда женщина эта не заслуживаетъ особенной симпатіи,

она является «злодѣйкою» въ драмѣ. А разъ замѣшались въ пьесу «злодѣи», тогда и толковать не о чемъ: будутъ они наказаны или не будутъ, а добродѣтельнымъ должно придтись плохо. Неизмѣримо глубже и серьезнѣе захватываетъ насъ драма тогда, когда въ основѣ ея лежитъ не осужденія достойное дѣяніе, каковымъ мы считаемъ замужство безъ любви, а такой жизненный конфликтъ, гдѣ нѣтъ виноватыхъ, или, по меньшей мѣрѣ, гдѣ вина является логическимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нравственнаго положенія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Какъ бы то ни было,—не любила Валентина мужа или разлюбила его потому, не найдя въ немъ того, что влекло ее къ этому человѣку,—замужемъ она несчастна, не довольна своимъ положеніемъ; рвется на свободу изъ-подъ гнета стѣны и отъ раздражающаго ее мечтательнаго прекраснотупія скучнаго мужа. Вполнѣ оцѣниваетъ Митрофана Ракина, быть можетъ, даже нѣсколько выше его достоинствъ, некрасивая и не очень молодая Фрося. Она любитъ его горячо, преданно, сама себѣ не хочетъ и боится признаться въ этой любви, страдаетъ за него, мститъ за него язвительными словами старухѣ матери, обижаящей сына, и старшему Ракину, относящемуся къ брату презрительно, и его женѣ, не умѣющей дать ему такого счастья, за кого онъ заслуживаетъ, и, наконецъ, Фрося самого его язвить за то, что онъ слишкомъ мягокъ и уступчивъ,—язвить для того, чтобы встряхнуть его, вывести изъ блаженнаго довольства малымъ и возбудить его энергію. По мѣрѣ того, какъ усиливается неурядица въ семейной жизни Ракина, растетъ любовь къ нему Фроси, и когда несчастье разразилось надъ ними, эта дѣвушка готова жизнь свою отдать за то, чтобы облегчить и утѣшить страданія любимаго ею въ тайнѣ человѣка. Несчастье же становится очевиднымъ и несомнѣннымъ въ ту минуту, когда Ракинъ и Фрося случайно входятъ въ комнату, гдѣ Судбищевъ, послѣ неоднократныхъ уже объясненій въ любви, въ первый разъ обнялъ Валентину и поцѣловалъ ее. Два мѣсяца длятся душевные муки Ракина. Его жена не видится Судбищевымъ, но ни ей, ни ея мужу не удается возстановить хотя бы сколько-нибудь сносныхъ взаимныхъ отношеній, хотя бы нѣкотораго вѣтреннаго равновѣсія. Порвана некрѣпкая нить, связывавшая ихъ другъ съ другомъ, но оба еще цѣпляются за ея концы, стараются самихъ себя обмануть надеждою опять ихъ связать какъ-нибудь. Но оборвалась не только внѣшняя супружеская связь, оборвалось нѣчто въ сердцѣ каждого изъ супруговъ, и оба страдаютъ жестоко, не находя выхода изъ невыносимаго для обоихъ положенія. Развязка наступаетъ съ появленіемъ Судбищева, пришедшаго проститься съ Валентиной передъ отъѣздомъ куда-то навсегда. И на этотъ разъ мужъ случайно слышитъ разговоръ жены съ любимымъ ею человѣкомъ и тутъ уже окончательно убѣждается въ невозможности что-либо исправить. Тогда въ немъ зарождается мысль пожертвовать собою для того, чтобы глубоко любимая женщина могла найти счастье въ новомъ бракѣ съ тѣмъ, кого она полюбила. Мысль постепенно созреваетъ, складывается въ рѣшеніе и Ракинъ кончаетъ самоубійствомъ, при-

чем обставляет дѣло такъ, будто онъ утонулъ невзначай, поскользнувшись на мосткѣ во время ужения рыбы. «Жертва» принесена, но не дала она счастья тѣмъ, ради кого это было сдѣлано. Фрося своею любящею душой понимала, что происходитъ съ Ракитинымъ, слѣдила за нимъ и видѣла, что не случайно онъ погибъ, а самъ бросился въ воду. И въ то время, какъ Валентина готова уѣхать съ Судбищевымъ, Фрося останавливаетъ ихъ, говорить, что ихъ бракъ невозможенъ, что она этого не допуститъ. Валентина въ страшной тревогѣ, въ ней и раньше уже зародилось сомнѣніе относительно случайности смерти мужа. Но Судбищевъ успокоиваетъ ее, старается увести скорѣе изъ этого города, тогда Фрося прямо говорить имъ всю правду и тѣмъ навсегда уничтожаетъ возможность счастья для Валентины.

Если бы мы разбирали чисто - литературное произведеніе, то могли бы сдѣлать автору упрекъ въ томъ, что онъ далъ слишкомъ большое мѣсто случаю: «случайно» застаётъ Ракитинъ Судбищева въ тотъ моментъ, когда тотъ поцѣловалъ Валентину, «случайно» мужъ слышитъ разговоръ жены съ Судбищевымъ, «случайно» видитъ онъ, какъ его жена идетъ въ гостиницу къ Судбищеву, наконецъ, болѣе или менѣе «случайно» становится Фрося свидѣтельницею самоубійства Ракитина. Такимъ образомъ, выходитъ, что вся драма основана на несчастныхъ случайностяхъ. Но дѣло въ томъ, что въ драмѣ сочинитель не имѣетъ той свободы и того простора, какой даетъ повѣствовательная форма, и авторъ поневолѣ долженъ иногда допускать нѣкоторыя неловкости и даже несообразности съ дѣйствительною жизнью. Съ этимъ уже приходится мириться и публикѣ, и критикѣ, и мириться съ этимъ не трудно, когда автору удастся нѣкоторыми сценическими эффектами подкупить зрителей и замаскировать не особенно крупныя натяжки, что и сдѣлалъ г. Шпажинскій очень ловко, умѣло и талантливо. За симъ многое прощается автору, когда онъ своимъ произведеніемъ затронулъ наше чувство, вызвалъ въ зрителяхъ добрую, гуманную мысль, хотя бы въ основѣ своей мысль эта и не блистала новизною. И съ этой стороны драма г. Шпажинскаго далеко превосходитъ большую часть сценическихъ произведеній послѣднихъ годовъ и оставляетъ сильное и здоровое впечатлѣніе.

Разыгрывается пьеса превосходно, и мы еще разъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ художественно-законченное исполненіе г-жею Лешковской трудной роли Фроси, беззавѣтно и безнадежно любящей дѣвушки. Ея чуткая душа глубоко страдаетъ, честнымъ умомъ своимъ негодуетъ Фрося на людскія неправды и подъ личиною злости скрываетъ тайныя муки, не видныя людямъ слезы, никому не слышныя рыданія. Мы давно знаемъ, что г. Лешковская одарена выдающимся талантомъ, но однимъ природнымъ дарованіемъ не можетъ артистка достигнуть тѣхъ результатовъ, которыми отмѣчается ея сценическая дѣятельность за послѣднее время. Надъ каждою ролью она работаетъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи видна обдуманность, всегда звучитъ прочувствованность и вездѣ сказываются само-

стоятельность и оригинальность, которые придаютъ г-жѣ Лешковской особенную прелесть. Объ игрѣ г-жи Ермоловой намъ приходится повторить давно всѣмъ извѣстное: силою необыкновеннаго таланта она создала изъ довольно туманной и несимпатичной фигуры Валентины настоящее живое лицо, въ концѣ-концовъ, захватывающее зрителя безысходною глубиной страданія навсегда разбитаго сердца. Г. Ленскій былъ мѣстами хорошъ неподражаемо; въ общемъ же, мы находимъ, что роль Митроши Ракитина онъ играетъ слишкомъ тягуче, скучно. Такимъ ли задумалъ его авторъ, судить не берется, не прочитавши пьесы, но сдается намъ, что въ изображеніи артистомъ душевной простоты и незлобивости есть нѣкоторый «пересоль», оправдывающій мнѣніе близкихъ людей о простотѣ-глупости Митрофана и поступокъ его жены, которой долженъ былъ смертельно надобѣть таковой вѣчно добродушноюющій супругъ. Драма играется съ удивительнымъ ансамблемъ, обусловливающимъ блестящій успѣхъ пьесы и скрадывающимъ нѣкоторые ея недостатки.

30 августа исполнилось десятилѣтіе со дня открытія въ Москвѣ частнаго театра Ѳ. А. Корша. Къ этому юбилейному дню дирекціей издана книжка: *Краткій очеркъ десятилтней дѣятельности русскаго драматическаго театра Корша въ Москвѣ*. Изданіе это заключаетъ въ себѣ подробный отчетъ, посезонно, о составѣ труппы, о игранныхъ пьесахъ, о числѣ посѣтителей, платныхъ и бесплатныхъ, и о томъ, сколько разъ шли пьесы, пользовавшіяся успѣхомъ. Въ концѣ книжки имѣется общая сводка итоговъ за десять лѣтъ, изъ которой видно, что всѣхъ спектаклей дано 1,983: вечернихъ—1,545, утреннихъ—438; платныхъ посѣтителей перебывало 1.452,790; разослано бесплатныхъ билетовъ воспитанникамъ и воспитанницамъ закрытыхъ учебныхъ заведеній 123,500; поставлено всего 504 пьесы, въ томъ числѣ новыхъ драмъ и комедій оригинальныхъ—83, переводныхъ—66, новыхъ водевилей оригинальныхъ—34, переводныхъ—17. Большой интересъ представляетъ списокъ пьесъ съ обозначеніемъ, сколько представлений выдержала каждая изъ нихъ. Книжка эта представляетъ собою очень любопытный документъ для будущаго историка русскаго театра.

Ан.

Сперанскій, какъ кодификаторъ русскаго права.

I.

Вопросъ о кодификаціи нашего права, столь успѣшно для своего времени разрѣшенный Сперанскимъ, былъ изстариннымъ и наболѣвшимъ вопросомъ нашимъ уже съ начала XVIII в. Съ первыхъ лѣтъ этого столѣтія до второй четверти XIX в., когда Сперанскій, возвращенный изъ ссылки, вновь становится во главѣ дѣла кодификаціи, идетъ рядъ комиссій, составленныхъ иногда весьма грандіозно и цѣлесообразно, но *ничего*, однако, не успѣвавшихъ сдѣлать, чтобы замѣнить устарѣвшее, послѣ реформы XVIII в., *Соборное Уложение* новымъ, въ которомъ были бы сведены во едино всѣ тѣ измѣненія, какія разновременно и частично появлялись въ законодательствѣ то въ отмѣну, то въ дополненіе преже дѣйствовавшихъ юрмъ права. Невольно является вопросъ: почему дѣло кодификаціи въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ не удается новому времени и почему оно сравнительно легко удалось XVII вѣку, когда въ продолженіе какого-нибудь юлугодія создавался кодексъ, съ достаточною полнотою и ясностью отразившій въ себѣ движеніе нашей юридической мысли за два послѣднія столѣтія, а потому и успѣшно служившій дѣлу московскаго правосудія?

Несомнѣнно, новая эпоха нашей исторіи имѣла и болѣе образованных юристовъ, и болѣе техническихъ средствъ сравнительно съ XVII в. для приведенія всего дѣйствовавшаго законодательства въ одно цѣльное *Уложение*. Однако, дѣло кодификаціи не приходило ни къ какому концу вплоть до второй половины XIX в., когда Сперанскій вторично взялъ его въ свои ющныя руки. Вопросъ объ этой удачѣ старой московской Руси и неудачи ювой Россіи далеко не пустой вопросъ и для нашего времени, которому также предстоитъ раздѣлаться съ устарѣлымъ *Сводомъ Законовъ* и замѣнить его новымъ *Уложениемъ*, гражданскимъ и уголовнымъ. Обращаясь къ литературѣ нашей, мы не находимъ здѣсь общаго отвѣта, вполне разрѣшающаго вопросъ. Въ послѣдней обширной работѣ, посвященной кодификаціи, а именно въ сочиненіи В. Н. Латкина *Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII в.* (Спб., 1887 г., т. I), авторъ также задается вопросомъ о томъ, «какія же причины, въ силу которыхъ новое *Уложение* не

могло быть составлено за все это время (XVIII в.), несмотря на всё улия правительства въ этомъ отношеніи и на почти непрерывное существованіе комиссій, занимавшихся систематизаціей и упорядоченіемъ русскаго законодательства?»—и отвѣчаетъ: «Причинъ было нѣсколько. *Вся отъ указаны Сперанскимъ*» (стр. 181). Обращаясь за разрѣшеніемъ вопроса Сперанскому, съ которымъ согласенъ авторъ, мы находимъ слѣдующее причины неудачъ лежать, по мнѣнію Сперанскаго, «въ обстоятельствахъ времени и въ распорядкѣ работъ». «Обстоятельствомъ времени», прежде всего, надо объяснить, что «правительство по необходимости употребляло къ сему дѣлу людей, большею частью занятыхъ, обремененныхъ другими дѣлами»; затѣмъ въ людяхъ, назначенныхъ къ дѣлу кодификаціи, «соединеніе теоріи (т. е. теоретическихъ знаній права) съ опытностью (т. е. практическимъ знаніемъ законовъ) случалось очень рѣдко» (стр. 57). Что касается распорядка работъ, то Сперанскій находилъ справедливо, что «почти комиссіи представляли себѣ дѣло, имъ подлежащее, не только самостоятельнымъ, но и въ исполненіи *легкимъ*. Отсюда происходило, что почти приступали прямо *къ концу* его, не приготовивъ ни начала, ни середины». Поэтому онѣ то печатали манифесты о сочиненіи *Уложенія*, сочинивъ его, то приступали къ составленію *Свода* законовъ или *де Уложенія*, не сдѣлавъ предварительно собранія законовъ, на которое должно было основываться само *Уложеніе*. Авторитетъ Сперанскаго, желая сдѣлать то, что, въ большинствѣ случаевъ, историки права полагали это его объясненіе причинъ неудачъ, несмотря на то, что оно касалось только *внѣшней* стороны дѣла, его организаціи въ той или другой комиссіи. Нѣсколько, конечно, не отвергая полной справедливости мыслей Сперанскаго въ объясненіи этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, мы думаемъ однако, что ими одними *необъяснимо* вовсе *общее* крушеніе всѣхъ попытокъ XVIII в. и начала XIX в. свести въ единое *Уложеніе* все наше разрозненное, разнопринципное и подъ давленіемъ разнообразныхъ обстоятельствъ создавшееся законодательство. *Общая органическая* причина неудачъ, зависѣвшая ни отъ распорядка работъ въ комиссіяхъ, ни отъ состава ихъ членовъ и ихъ знаній, лежала въ той почти непреодолимой трудности, какую представляло для своей кодификаціи законодательство XVIII и какой не было въ законодательствѣ XVII в. Въ существѣ своемъ вся кодификація есть ничто иное, какъ *обобщеніе* извѣстнаго законодательскаго матеріала. Но не всякій законодательскій матеріалъ одинаково поддается этому обобщенію или укладкѣ въ общія правовыя нормы, выработанные согласно теоріи и практикѣ права: необходимо, чтобы само законодательство, подвергаемое переработкѣ въ *Уложеніе*, обладало, въ общемъ, болѣе или меньшею однопринципностью своихъ положеній, извѣстнымъ единствомъ происхожденія своихъ источниковъ. Такимъ и было московское законодательство, положенное въ основу *Соборнаго Уложенія*. Это законо-

*) *Обзорніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ*. Спб., 1837 г., стр. 55 и

дательство созидалось вѣками, путемъ указовъ и челобитій, практики приказовъ и Боярской Думы. Даже тѣ изъ иноземныхъ источниковъ, которые довольно обильно вошли въ него, проходили, прежде чѣмъ попасть въ *Уложение*, черезъ длинный и часто суровый рядъ переработокъ и видоизмѣненій той же практики, такъ что, являсь въ *Уложении*, они никому не казались чужими и малоприноровленными къ жизни. Правда, полученный изъ *обобщенія* такого медлительно - долго складывавшагося матеріала памятникъ отличался строго-консервативнымъ характеромъ (за немногими исключениями) и не могъ принадлежать къ тѣмъ кодексамъ, которые двигаютъ мысль впередъ и рѣзко видоизмѣняютъ жизненные отношенія, подчиняя ихъ своимъ *новымъ* началамъ, но онъ сдѣлалъ свое дѣло: достаточно ясно и полно *уложилъ* въ свои 25 главъ *основное* содержаніе юридической мысли своего вѣка, нигдѣ не разнорѣча въ своихъ принципахъ. Что же представляло собой, какъ кодификаціонный матеріалъ, законодательство XVIII в.? Это законодательство отличалось какъ неслаженностью, несходствомъ по происхожденію и содержанію между собой тѣхъ памятниковъ права, которые должны были явиться первоисточниками «новаго» *Уложения*, такъ еще болѣе—разнохарактерностью тѣхъ принциповъ, которые лежали въ основаніи нормъ подлежащаго теперь *обобщенію* въ единомъ новомъ кодексѣ. Въ то время, какъ московскій кодификаторъ нашелъ для своего *Уложения* однообразный матеріалъ въ обширной практикѣ подлежащихъ учреждений, кодификаторамъ XVIII в. приходилось часто примирять непримиримое, соединять вмѣстѣ взаимно другъ друга исключющее и противорѣчащее. Понятно, какъ затруднено было дѣло кодификаціи, особенно въ виду разбросанности матеріала, недостатка въ людяхъ знающихъ и т. д. Не касаясь подробностей, для подтвержденія сказаннаго достаточно привести нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности законодательныхъ комиссій XVIII в. Первая комиссія 1700 г., именно такъ называемая *Палата объ Уложении*, должна была составить *Новоуложенную книгу*, въ которой было бы исправлено *Соборное Уложение* сообразно тѣмъ указамъ и боярскимъ приговорамъ, которые были изданы въ дополненіе или измѣненіе постановленій *Уложения* во второй половинѣ XVII в. Задача, какъ это само собой довольно понятно, не особенно трудная, и именно потому, что законодательство второй половины XVII в., если и представляло весьма много прогрессивныхъ чертъ сравнительно съ *Соборнымъ Уложениемъ*, то въ существѣ своихъ принциповъ не расходилось съ нимъ такъ, какъ оно творилось прежними московскими органами, на основѣ прежнихъ правоисточниковъ. Новоуложенная книга вскорѣ и была составлена *), но никогда не была, однако, обнародована. Вторая комиссія 1714 г. должна была подъ наименованіемъ *Своднаго Уложения* продолжать ту же работу, что и первая. Но она не успѣла докончить своего дѣла, какъ Петръ Ве-

*) *Полтвовъ*: „Матеріалы для исторіи русскаго законодательства“. Вып. I (Спб., 1865 г.), стр. 58.

ликій въ 1718 г. приказываетъ «учинить» сводъ русскихъ законовъ *со шведскими*. Такимъ образомъ, если работа первыхъ двухъ комиссій и была легка по существу своему, то работа третьей представляла громадныя трудности. «Легко можно представить препятствія,—говоритъ Сперанскій,—кои и на семь новомъ пути встрѣтились отъ разности въ языкѣ, отъ недостатка свѣдущихъ людей, *отъ кореннаго несходства двухъ разныхъ системъ законодательства* и особенно отъ того, что собственное свое законодательство, разнообразное и противорѣчащее (въ это время, добавимъ мы), не было еще *сводомъ* установлено, и, слѣдовательно, не представляло никакой возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что должно въ немъ считать дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ» (*Обозр. истор. свѣдѣній*, стр. 14 и сл.). Является вопросъ, почему же Петръ Великій отвергъ уже составленный проектъ новоуложенной книги и не далъ кончить *Своднаго Уложенія*, а обратился къ столь трудной задачѣ согласить начала совсѣмъ чужаго шведскаго кодекса съ своими? Недостатокъ свѣдѣній не даетъ возможности отвѣтить на это прямо и положительно. Но намъ кажется, что объясненіе этого факта лежитъ въ томъ, что первые два *Уложенія* не могли удовлетворить Петра В. потому, что, будучи составлены почти въ началѣ реформаціоннаго движенія, они естественно *не укладывали* въ свои нормы этого движенія, состарились для него, не успѣвъ быть даже обнародованы. Петру В., съ его стремительностью въ реформахъ и жаждой видѣть скорѣе ихъ осуществленными, должна была казаться вполнѣ возможною мысль о *сведеніи* вмѣстѣ шведскаго и русскаго законодательства, особенно въ виду того обстоятельства, что, въ то же время, судебно-административныя учрежденія должны были перестроиться по шведскому образцу. Но трудность соединенія *воедино* шведскаго и русскаго кодекса оказалась слишкомъ непреодолимою и дѣло комиссіи не пришло ни къ какому результату. Эта трудность особенно характерно выступаетъ впередъ, когда мы сравнимъ относительную легкость составленія своихъ проектовъ первыми двумя комиссіями. И понятно почему: матеріаль для *Уложенія*, бывшій въ ихъ рукахъ, *поддавался* кодификаціи, хотя уже и не былъ пригоденъ къ жизни, въ которую реформы ввели новыя начала, поставивъ ихъ въ борьбу съ прежде господствовавшими. Борьба эта велась во весь XVIII вѣкъ съ большимъ или меньшимъ напряженіемъ, съ перевѣсомъ то стараго, то новаго. Естественно, какъ былъ затрудненъ кодификаторъ, которому приходилось въ этомъ броженіи понятій и принциповъ выбирать *преобладающія*, чтобъ обобщить ихъ въ единомъ *Уложеніи*. Да и эта трудная задача, какъ вѣрно замѣтилъ глубокой изслѣдователь эпохи преобразованія, С. М. Соловьевъ, «возлагалась на людей не приготовленныхъ, *отуманенныхъ* преобразованіемъ,—на людей, среди которыхъ были смотрѣвшіе враждебно *на новизны*, и, между тѣмъ, не имѣвшіе ни духа, ни умѣнья отстаивать старое».

Не останавливаясь подробно на слѣдующихъ комиссіяхъ, скажемъ лишь, что ихъ неуспѣхъ, въ общемъ, былъ результатомъ все той же причины, хотя

частности въ организаціи работъ, составѣ и задачахъ комиссіей были различны. Такъ, въ царствованіе Петра II въ 1728 г. создается комиссія съ цѣлью пополненія *Соб. Уложенія* новымъ законодательнымъ матеріаломъ; въ 1730 г. берутся за сочиненіе новаго *Уложенія*, чтобы въ 1735 г. заняться печатаніемъ того *Своднаго Уложенія*, которое составлено было при Петрѣ Великомъ и теперь уже совсѣмъ устарѣло; въ 1754 г. предписывается «сочинить законы ясныя, всѣмъ понятныя и настоящему времени приличныя» и т. д., и т. д. *). Каждое новое десятилѣтіе вѣка приносило все новыя и новыя измѣненія въ законодательствѣ, то прогрессивныя, то регрессивныя, а потому съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе затруднялась комбинація всѣхъ этихъ измѣненій въ единомъ кодексѣ. Неудивительно, что комиссіи такъ быстро мѣняютъ планы своихъ работъ, имѣвшихъ въ существѣ своемъ одинъ общій органическій порокъ—трудность примиренія въ одномъ кодексѣ противорѣчивыхъ, несходныхъ не только по духу, но даже по языку узаконеній. Послѣдняя комиссія XVIII г.,—знаменитая Екатерининская,—созванная «для сочиненія проекта новаго *Уложенія*», была составлена наиболѣе разумно и, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ могла разсчитывать на успѣхъ своего дѣла. Какъ извѣстно, въ этой комиссіи былъ данъ въ XVIII в. опытъ грандіознаго призыва народнаго представительства въ выработкѣ законопроектовъ *Уложенія*. Затѣмъ, сами эти проекты, по плану императрицы, могли совершенно отрѣшиться отъ путаницы современнаго имъ законодательства и, исходя изъ своихъ знаній, нуждъ и интересовъ страны, создать новые законы, защищающіе въ своихъ нормахъ хотя бы наиболѣе важныя изъ этихъ нуждъ и интересовъ. На нашъ взглядъ, законопроектъ вполнѣ новаго *Уложенія* именно и могъ быть только созданъ представительнымъ собраніемъ, тогда какъ канцелярски составленныя комиссіей въ XVIII в. и въ началѣ XIX ст. только и были въ силахъ, въ виду указаннаго выше состоянія нашего законодательства, составить лишь *Сводъ* законовъ дѣйствующихъ, какъ это и было сдѣлано Сперанскимъ. Чтобы создать не мертво-рожденный, а отвѣчающій вполнѣ интересамъ страны кодексъ, необходимо было серьезное изслѣдованіе началъ юридической жизни страны. Однимъ изъ способовъ такого изслѣдованія и было созданіе представительнаго собранія. Послѣднее и въ наказахъ, данныхъ депутатамъ выборщиками, и въ запасѣ свѣдѣній, принесенныхъ самими выборными, имѣло громадный матеріалъ, который могъ бы послужить къ выработкѣ законопроектовъ новаго кодекса лучше, чѣмъ та подавляющая масса разнорѣчивыхъ узаконеній, которая лежала передъ предшествующими комиссіями. Къ сожалѣнію, Екатерининская комиссія не создала *Уложенія*. Причины этого лежали не въ томъ, конечно, что «предпріятіе сіе было рановременно», какъ думалъ сынъ маршала комиссіи А. И. Бибикова, а въ томъ, что бибиков-

*) Интересныя подробности о всѣхъ этихъ комиссіяхъ указываются въ сочиненіи С. В. Пазжана: „Исторія кодификаціи гражданскаго права“ (т. I, Спб., 1876 г.) и въ упомянутомъ сочиненіи В. Н. Латкина, къ которымъ и отсылаемъ желающихъ извучить вопросъ подробно.

ская комиссія, какъ это блистательно было доказано В. И. Сергѣевичемъ организовала свои работы такъ, что проектъ *Уложенія* никакимъ образомъ не могъ быть ею выработанъ, и въ томъ, наконецъ, добавимъ мы, что желаніе довести дѣло до конечнаго результата не было вполнѣ искреннимъ.

Переходимъ теперь къ XIX вѣку.

II.

Неудача, постигшая знаменитую VIII «комиссію о сочиненіи новаго *Уложенія*», такъ широко и блестяще задуманную, естественно не могла не отразиться на кодификаціонныхъ работахъ въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. Послѣ довольно большаго промежутка времени, въ 1797 г. приходятъ вновь къ мысли, вмѣсто сочиненія новаго *Уложенія*, составить *Сводное Уложение* или *Сводъ*. Но, по обыкновенію, комиссія только что начинаетъ работу, какъ въ началѣ царствованія Александра I вновь преобразуется въ своемъ составѣ и направленіи работъ. Именно въ 1801 г. во главѣ комиссіи становится гр. Завадовскій, а затѣмъ въ 1803 г. кн. Лопухинъ. Этотъ послѣдній представляетъ государю новый планъ работъ, по которому и составленіе *Свода* законовъ дѣйствующихъ, и сочиненіе новаго *Уложенія* равно признаются неудобноисполнимыми. По этому новому плану, комиссія составленія законовъ, прежде всего, должна была заняться «опредѣленіемъ общихъ основаній права» (*principia juris*) и, исходя изъ нихъ, уже потомъ приняты за составленіе общихъ государственныхъ законовъ, матеріалъ для которыхъ она найдетъ-де въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ имперіи. Здѣсь, такимъ образомъ, брались средній путь между составленіемъ *Свода* и новаго *Уложенія*,—путь если и болѣе легкій для выполненія, чѣмъ созданіе новаго *Уложенія*, то, все-таки, требовавшій для своего выполненія много усилій мысли. Если и не было особенно трудно, по иноземнымъ источникамъ, создать сборникъ «*principia juris*», то, несомнѣнно, былъ нуженъ умъ очень тонкій и человѣкъ отлично знавшій дѣйствовавшее тогда право, чтобы помирить начала этого исторически сложившагося права съ теоретическими *principia juris*. Такого ума не нашлось въ комиссіи, такъ какъ ея главный дѣятель, баронъ Розенкампфъ, если и былъ ученымъ теоретикомъ, то вовсе не зналъ ни Россіи, ни ея языка и законодательства. Дѣло и этой комиссіи было осуждено на бесплодное сочиненіе мертво-рожденныхъ проектовъ, когда въ 1808 г. въ составѣ ея членовъ явился Сперанскій. Намъ уже приходилось не разъ указывать, какое глубокое различіе въ идеяхъ и направленіи дѣятельности замѣчается въ Сперанскомъ царствованія Александра I и Николая I. Нигдѣ это различіе не давало себя такъ сильно чувствовать, какъ именно въ работахъ его по кодификаціи нашего права. Въ царствованіе Александра I Сперанскій явился въ комиссію составленія законовъ, обремененный множествомъ другихъ важныхъ должностей и порученій *), будучи

*) Въ своемъ письмѣ государю изъ Перми въ 1813 г. самъ Сперанскій говоритъ объ этомъ такъ: „Раздѣленный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части (комиссіи

комъ едва ли не съ однимъ наполеоновскимъ кодексомъ и совѣмъ почти зная отечественнаго законодательства, считавшагося имъ тогда *варваромъ* и *недостойнымъ изученія*, какъ это доказывается его биографомъ Корфомъ. Впослѣдствіи онъ созналъ ошибочность своихъ воззрѣній въ отношеніи, какъ это ясно видно и изъ его дѣятельности по собранію и изученію русскаго законодательства въ царствованіе императора Николая I и изъ его собственнаго осужденія метода работъ предшествующихъ комиссій, гдѣ онъ косвенно не пощадилъ и самого себя. Въ этотъ же первый періодъ своей дѣятельности онъ легко смотрѣлъ на предстоявшее ему осязательное дѣло кодификаціи и, какъ бы упоенный своимъ успѣхомъ въ этихъ областяхъ, слишкомъ вѣрилъ въ свои единичныя силы. Не озабочившись ни приготовленіемъ собранія актовъ предшествовавшего времени, ни совленіемъ изъ нихъ *Свода* законодательства дѣйствующаго, какъ необходимыхъ матеріаловъ для будущаго *Уложенія* (это все дѣлается имъ уже слѣдствіемъ), онъ прямо приступилъ къ составленію послѣдняго по иностранному образцу. Необычайное трудолюбіе и творческій талантъ Сперанскаго дали себя знать и здѣсь, при неправильности самаго метода кодификаціонныхъ работъ, первая часть проекта гражданскаго *Уложенія*—о *миръ*—была уже готова въ октябрѣ 1809 г. и 1 января 1810 г. при отпущеніи государственнаго совѣта уже была внесена на его разсмотрѣніе вторая часть проекта—*объ имуществахъ*—была представлена въ томъ же 1810 г. и къ концу года была уже разсмотрѣна государственнымъ совѣтомъ; третья—*о договорахъ*—хотя и была приготовлена еще Сперанскимъ, обсуждалась въ декабрѣ 1813 г. уже послѣ его удаленія). Несомнѣнно, это быстрое разрѣшеніе вѣковой задачи, кромѣ указанныхъ качествъ автора проекта новаго *Уложенія*, находитъ себѣ объясненіе еще и въ томъ обстоятельстве, что Сперанскій, бросивъ скучныя и обременительныя изысканія надъ дѣйствовавшимъ въ странѣ правомъ, какъ систему, такъ и большую часть матеріала для проекта нашелъ въ знаменитомъ *Code Napoléon*, въ общемъ сравнительно, но чрезвычайно содержательномъ, логичномъ и ясно написанномъ гражданскомъ *Уложеніи* Франціи. Не останавливаясь пока въ вопросѣ, *въ чѣмъ* состояла самостоятельная работа Сперанскаго при пользованіи наполеоновымъ кодексомъ,—вопросѣ достаточно разрѣшенномъ на историко-юридическою критикою (см., наприм., *С. В. Пахмана*: «Исторія кодификаціи», т. I, стр. 392 и сл.). Обратимся къ другому, имѣющему болѣе общій интересъ и не потерявшему своего значенія для нашего времени. Какъ смотрѣть на эту попытку Сперанскаго упразднить свое гражданское право замѣнить его чужимъ? Прежде чѣмъ, однако, отвѣтить на этотъ вопросъ

повторю) дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано теченіе 2-хъ лѣтъ болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязанныхъ планахъ и общаніяхъ; въ мое время не только сданы твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ совѣтъ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части прекраснаго *Уложенія*; третья и послѣдняя требуютъ только отдѣлки».

съ нашей современной точки зрѣнія на подобную радикальную замѣну сво- его чужимъ, уважемъ на то, какъ отнеслось къ попыткѣ Сперанскаго тогда- нее общественное мнѣніе. Государственный совѣтъ отнесся въ общемъ весьма благосклонно къ проекту и принялъ его за немногими исключениями, каса- шимися, главнымъ образомъ, вопроса о разводѣ и вообще о бракѣ*). Но уже въ самомъ совѣтѣ раздавались голоса, предлагавшіе Сперанскому указать на тѣ *русскіе* законы, на основаніи коихъ якобы составленъ имъ проектъ *Уложенія*. Сперанскій, съ ни чѣмъ, на нашъ взглядъ, неоправдываемымъ легкомысліемъ, не найдя почему-то возможнымъ открыто указать *первоисточникъ* своего *Уложенія*, приказалъ извѣстному въ то время знатоку законодательства, Ильинскому (бывшему начальникомъ архива комиссіи со- ставленія законовъ), «подвести подъ каждую статью *ссылки* на тѣ указы изъ которыхъ она *будто бы* почерпнута, что Ильинскій и исполнилъ съ величайшимъ, однако же, какъ онъ самъ признается въ своихъ запискахъ, затрудненіемъ и крайнею часто натяжкой» (*Корфъ*, стр. 163, прим.). Неудиви- тельно, что такая махинація не оправдала содержанія многихъ статей проекта и нѣкоторые члены государственнаго совѣта не были совсѣмъ ею убѣждены и остались увѣрены, что новый кодексъ взятъ изъ *Code Napoléon*. Можетъ по- казаться страннымъ, почему же государственный совѣтъ, все-таки, принялъ про- ектъ, казавшійся какъ многимъ его членамъ, такъ и части публики заимствован- нымъ и «несвойственнымъ русскому духу», какъ объ этомъ свидѣлствуютъ извѣстная записка Карамзина и многія другія данныя, собранныя бар. Кор- фомъ (ib., стр. 160 и сл.). Но государственный совѣтъ въ это время, какъ это видно изъ отзывовъ современниковъ**), былъ очень работѣльно настро- ень по отношенію къ могущественному любимцу, звѣзда котораго сіяла тогда полнымъ блескомъ. Неудивительно поэтому, что проектъ Сперанскаго вызвалъ открытаго сопротивленія въ законодательномъ собраніи, члены ко- торого лишь потому, когда Сперанскій былъ въ ссылкѣ, рѣзко обрушились на его кодексъ, подвергли его критикѣ и сдали въ архивъ подъ благо-

*) Свѣдѣнія объ измѣненіяхъ отдѣльныхъ частей проекта и о мнѣніяхъ членовъ находятся въ *Журналахъ Департам. Законовъ и Общаго Госуд. Совѣта* (*Ар. Госуд. Сов.*, т. IV. Спб., 1874 г.).

**) Вотъ нѣкоторые изъ такихъ отзывовъ. Извѣстный И. И. Дмитріевъ такъ гово- ритъ объ обсужденіи проектовъ Сперанскаго въ государственномъ совѣтѣ: „Въ общемъ собраніи гос. совѣта кн. А. Н. Голицынъ, И. А. Алексѣевъ и я подавали свои голоса противъ нѣкоторыхъ положеній проекта. Государственный секретарь, какъ редакторъ онаго, опровергалъ ихъ. *Большая же часть* членовъ была на сторонѣ проекта (о се- натѣ), или, лучше сказать, на *сторонѣ домашнихъ расчетовъ*... Всякій разъ, когда Сперанскій ни входилъ отъ государя въ залу общаго собранія совѣта, нѣкоторые члены обступали (его), съ шептаніемъ отбивая одинъ другаго, между тѣмъ какъ мно- гіе изъ-за нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ поклонники къ солнцу, домогались ласковаго его возвращенія“... (*Взглядъ на мою жизнь*. М., 1866 г., стр. 188 и 194). Ф. Ф. Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (М., 1864 г., ч. III, стр. 83) гово- ритъ, что гос. совѣтъ „былъ ничто иное, какъ самъ Сперанскій, который предла- галъ въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, *среди общаго молчанія членовъ*, самъ раз- суждалъ о нихъ, и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать“...

иднымъ предлогомъ необходимости сличить его съ «законами существующими». Нагляднымъ свидѣтельствомъ такой двойственности въ отношеніи дѣлу служатъ сами журналы государственнаго совѣта за оба промежутка времени разсмотрѣнія проекта—въ 1810 г. и въ 1814—15 гг.: журналы 1810 г. какъ-то оффиціально сдержаны и кратки, журналы слѣдующихъ лѣтъ подробны и сопровождаются обширными записками и мнѣніями отдѣльныхъ членовъ, причѣмъ эти члены теперь уже не стѣсняясь являютъ, что «проектъ есть испорченный переводъ наполеонова кодекса, недостижимо, какъ можно заимствоваться намъ законами отъ ужасной революціонной пропаганды» (мнѣніе *Трошинскаго. Архивъ Г. С.*, т. IV, стр. 166 и сл.); что «обмѣнъ своихъ законовъ на чуждые не есть руководство крѣпкое къ составу *Уложенія*, сродная для Россіи...» (мнѣніе адмирала *Ординнова*, ib., стр. 165 и сл.) и т. п. На безпристрастнаго наблюдателя эта неустойчивость мнѣній производитъ не менѣе тяжелое впечатлѣніе, какъ и эта «смѣлость», высказываемая громко лишь тогда, когда авторъ законопроекта былъ далеко и не могъ уже защищать своего дѣла самъ *).

Но обращаемся къ тому, что слышалось въ обществѣ по поводу новаго *Уложенія* Сперанскаго. Пріемъ, встрѣченный проектомъ въ консервативныхъ кругахъ, былъ самый враждебный. Общество, какъ въ высшемъ своемъ классѣ—придворной аристократіи, такъ и въ классѣ чиновничества, было въ это время вообще весьма недоброжелательно настроено противъ Сперанскаго. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили знаменитые указы придворныхъ чинахъ и экзаменахъ на гражданскіе чины. Первымъ—массовымъ знатной молодежи, носившей званіе камеръ-юнкеровъ и камергеровъ, лишилась высокыхъ чиновъ, связанныхъ прежде съ этими званіями, теперь явленными простыми «отличіями», не приносившими никакого чина, между тѣмъ какъ прежде чины, соединенные съ званіями, давали ходъ лицамъ для прохожденія службы на высшихъ должностяхъ; вторымъ—извѣстные чины должны были даваться не за одну выслугу лѣтъ, а лишь по представленіи свидѣтельства университетовъ объ окончаніи курса и выдержаніи испытанія по извѣстной программѣ. Переустройство государственныхъ учреждений, проектъ гражданскаго *Уложенія*, созданные подъ вліяніемъ увлеченія Франціею и ея порядками, еще болѣе усугубили это враждебное отношеніе консервативныхъ круговъ къ Сперанскому, на кабинетъ котораго смотрѣли тогда всѣ, какъ картинно выражается Вигель, какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть покрыть собою все наше отечество» (III, стр. 21). Мы уже говорили въ

*) Въ высшей степени справедливо мнѣніе А. Н. Пыпина, что, вѣдь, „Сперанскій предлагалъ лишь проектъ; дѣло того собранія, въ которое онъ былъ внесенъ, было принять и развить его, или разобрать и отвергнуть; авторъ отвѣчалъ бы не за учрежденіе, а за личное мнѣніе“ (*Общ. движеніе при Алек. I*, изд. II, стр. 142). Но собраніе не хватило мужества на открытую игру, и Сперанскому пришлось не мало потому вынести обвиненій за свой проектъ.

своемъ мѣстѣ о томъ, какъ было встрѣчено переустройство государственныхъ учреждений. Что касается проекта новаго *Уложения*, то Карамзинъ въ своей запискѣ о старой и новой Россіи говорить о немъ слѣдующее (послѣ паденія Сперанскаго отголосокъ тѣхъ же мыслей находимъ въ мнѣніи Троичинскаго и мн. другихъ): «Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта *Уложения*. Что-жъ находимъ? *Переводъ Наполеонова кодекса*. Какое изумленіе для Россіянъ, какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служить уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго *Уложения*, чтобы торжественно, предъ лицомъ Европы, признаться глупцами и подсунуть съдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью экъсъ-адвокатами и экъсъ-якобищами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ, не велѣлъ бы, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, на примѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими, ибо вѣдать, что *законы народа должны быть извѣчны изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновений, мстимыхъ обстоятельствъ*»... Не безынтересно, прежде чѣмъ войти въ обсужденіе мнѣнія Карамзина, замѣтить, что и самъ Сперанскій, и нѣкоторые изъ членовъ государственнаго совѣта, вопреки очевидности, доказывали, что проектъ гражданского *Уложения* не имѣлъ никакой связи съ кодексомъ Наполеона. Такъ, въ томъ же письмѣ къ государю изъ Перми, на которое мы не разъ указывали, Сперанскій, какъ бы отвѣчая Карамзину, говорить: «Другіе искали доказать, что *Уложение*, мною внесенное (въ гос. совѣтъ), *есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе. Ложь или незнаніе, кои изобличитъ такъ нетрудно*, ибо и то, и другое напечатано»... Въ госуд. совѣтѣ, возражая Тройницкому, что «проектъ гражд. *Уложения* собственно есть испорченный переводъ Наполеонова кодекса» (*Ар. Г. Сов.*, *ib.*, стр. 146), кн. Салтыковъ говорить, что «я *ни по чему* не могу согласиться, чтобъ проектъ гражд. *Уложения* было подражаніе Наполеонову кодексу» (*ib.*, стр. 161). Такое разногласіе современниковъ о первоисточникѣ новаго *Уложения* весьма характерно какъ для опредѣленія правдивости ихъ мнѣній, такъ еще болѣе, кажется, для опредѣленія высоты тогдашней историко-юридической критики. Послѣдняя, повидимому, была такъ еще слаба, что заинтересованнымъ сторонамъ ничего не стоило мнстифицировать другъ друга, не боясь, что противникъ справится съ подлинникомъ... Чтобы покончить съ вопросомъ, что же именно представлялъ собою этотъ проектъ гражданского *Уложения* Сперанскаго, замѣтимъ, что современные юристы-историкъ устанавливаютъ, *безспорно*, связь проекта Сперанскаго съ *Code Napoléon*. Такъ, С. В. Пахманъ, занявшійся детальнымъ разборомъ этого проекта, сравнительно съ кодексомъ Наполеона, указывая на то, что Сперанскаго «упрекаютъ въ заимствованіяхъ изъ французскаго кодекса», говорить слѣ-

яющее: «Упрекъ этотъ *небезоснователенъ*, какъ это мы увидимъ ниже въ подробности; здѣсь мы хотимъ только сказать, что основныя рубрики его *не только* совпадали съ главными дѣленіями французскаго кодекса. Правда, первая часть проекта по системѣ *близко подходитъ* къ первой книгѣ французскаго кодекса *не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ*, но части, говорящія объ имуществахъ и договорахъ, *далеко не только* совпадаютъ съ другими, послѣдними книгами Наполеонова кодекса» (*Ист. кодификаціи*, т. I, стр. 392; ср. также стр. 393—464). Другой историкъ права, Ѳ. М. Дмитріевъ, говоритъ: «Россія чуть не получила *плохой переводъ Наполеоновскаго кодекса* въ качествѣ своего гражданскаго права»... (ст. о Сперанскомъ въ *Р. Архивъ* 1868 г., № 10, стр. 1635). В. И. Сергѣевичъ, говоря о томъ же проектѣ Сперанскаго, заключаетъ такъ: «Весь этотъ трудъ Сперанскаго былъ *плодомъ подражанія* французскому законодательству, многія статьи были *прямо переведены* съ французскаго оригинала, хотя и были снабжены ссылками на русскіе источники» (*Лекціи и изсл.* Спб., 1883 г., стр. 609). Не приводя другихъ мнѣній, въ виду безспорности рѣшенія вопроса, мы можемъ объяснить отрицаніе Сперанскимъ этой связи развѣ авторскимъ увлеченіемъ, благодаря которому такъ легко, повидимому, при извѣстномъ настроеніи, можно утратить чувство справедливости.

Насъ занимаетъ другой вопросъ, болѣе принципиальнаго и общаго значенія, а именно: какъ надо смотрѣть на эту попытку Сперанскаго замѣнить свое гражданское право, слагавшееся исторически, чужимъ, безъ всякаго вниманія къ нормамъ права обычнаго и особенностямъ своего юридическаго быта? По нашему крайнему разумѣнію, историкъ права не можетъ иначе какъ съ *полнымъ осужденіемъ* отнестись къ такому игнорированію правоосновъ *своего* родного законодательства. Здравая и научная постановка вопроса о заимствованіяхъ въ области права состоитъ, на нашъ взглядъ, не въ механическомъ перетаскиваніи и компиляціи чужихъ образцовъ, а въ *органическомъ* усвоеніи началъ теоріи и юридической практики наиболѣе развитыхъ въ правовомъ отношеніи народовъ, съ цѣлію улучшенія на основаніи этихъ совмѣстныхъ данныхъ своего законодательства. Именно этотъ *сравнительный* методъ измѣненія своего законодательства и отсутствовалъ въ попыткѣ Сперанскаго, не знавшаго вовсе тогда ни исторіи, ни дѣйствовавшего русскаго права и предпочитавшаго за лучшее ограничиться передѣлкою чужаго кодекса. Не сочувствуя, конечно, той *специфической* политической оцѣнкѣ, какая давалась проекту Сперанскаго Карамзинымъ и другими людьми того же лагеря, мы думаемъ, какъ и опъ, что Россіи, «существующей около тысячи лѣтъ» и «около ста лѣтъ трудящейся надъ сочиненіемъ *своего* полнаго кодекса», кончить простою компиляціей чужаго кодекса значило ужь слишкомъ мало уважать себя и свое историческое наслѣдіе. Особенно легкомысленна такая компиляція при полномъ незнаніи юридическаго быта своей страны (что неоспоримо доказано по отношенію къ Сперанскому этого времени), благодаря чему его проектами граждан-

скаго кодекса, какъ это доказываютъ знатоки нашего права О. М. Дригевъ, «безъ всякой нужды вносились къ намъ чуждыя юридическія понятія, иногда стѣснительныя и тамъ, гдѣ они созданы исторіею, и пропущены безъ вниманія цѣлыя вѣковыя стороны нашей юридической жизни» (ibidem, стр. 163; тамъ же и примѣры въ доказательство сказаннаго). И не аксіома ли социальной жизни эта мысль, высказанная еще Монтескье и передаваемая Карамзинымъ фразою, что «законы страны должны быть и влечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ» и т. д.? Между тѣмъ проектъ Сперанскаго шелъ даже противъ этой простой аксіомы.

Намъ приходится защищать это мнѣніе Карамзина потому, что въ исторіи литературы хотя и не юристомъ, но весьма авторитетнымъ ученымъ былъ по этому поводу высказаны мысли, съ коими, на нашъ взглядъ, нельзя не считаться. Въ превосходной монографіи А. Н. Пыпина *Общественное дѣло въ Россіи при Александрѣ I* (изд. 2-е, Спб., 1885 г.) даются, между прочимъ, живыя характеристики двухъ дѣятелей эпохи—Сперанскаго и Карамзина (гл. III и IV), причемъ дѣлается и оцѣнка ихъ политико-общественныхъ взглядовъ, съ которой нельзя, въ общемъ, вполнѣ не согласиться, за исключеніемъ одного пункта—критики взгляда Карамзина на проектъ уложенія Сперанскаго **). Не будемъ спорить о томъ, зналъ ли Карамзинъ

*) *L'esprit de lois* livre I, chap. III: „les lois doivent être relatives au physique du pays, au climat... à la qualité du terrain, à sa situation... au genre de peuples...“ etc.

**) Приведа указанную выше мною цитату изъ *Записки* Карамзина объ этомъ проектѣ, А. Н. Пыпинъ говоритъ въ заключеніе слѣдующее: „Тысяча лѣтъ существованія Россіи“ вставлена только для украшенія, потому что и за тысячу лѣтъ у насъ брались цѣликомъ византійскіе (и варяжскіе?) законы, потомъ брались татарскіе обычаи, потомъ, именно при Петрѣ, шведскіе законы, при Екатеринѣ въ времена *Наказа* собирались подражать французскимъ моднымъ идеямъ и т. д. Карамзинъ не хотѣлъ знать, *каковы* были труды, надъ которыми сто лѣтъ работали старыя комиссіи: между прочимъ, эти труды, такъ долго безплодные, и усиливали ту общественную потребность въ цѣломъ здоровомъ законодательствѣ, которая повела къ торопливымъ трудамъ Сперанскаго. Высокомѣрное отношеніе къ Наполеонову кодексу объясняется, конечно, только незнаніемъ, и указаніе на эксъ-якобинцевъ едва ли не было предназначено внушить Александру новое понятіе о характерѣ Сперанскаго. Ссылка на Петра В. мало отвѣчала другимъ отзывамъ Карамзина, который въ той же запискѣ жаловался, что Петръ хотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею; о законодательствѣ Петра биографъ Сперанскаго замѣтилъ уже, что Карамзинъ—завѣдомо или невѣдомо—самъ дѣлалъ здѣсь ошибку, потому что нѣкоторые законы Петра были именно цѣликомъ переведены съ шведскаго, голландскаго и нѣмецкаго, какъ, наприм., часть воинскаго устава, генеральный регламентъ, военные артикулы и др. Но, осуждая проектъ Карамзинъ, тѣмъ не менѣе, самъ признавалъ необходимость „систематическаго“ кодекса; только онъ желалъ строить его не на кодексѣ Наполеона, а на Юстиниановыхъ законахъ и на *Уложеніи* царя Ал. Мих. Въ этомъ-то и былъ споръ и, конечно, задумывая планъ новаго систематическаго кодекса не съ археологическими цѣлями, естественнѣе было подумать о новомъ европейскомъ законодательствѣ, чѣмъ о византійскомъ и томъ старомъ русскокомъ, гдѣ и Карамзинъ считалъ необходимымъ исправить нѣкоторые, особенно уголовные законы,—да и одни ли уголовные?—которые хотя и не исполнялись, но существовали „къ стыду нашего законодательства“ (стр. 243 и 244).

de Napoléon (въ своей *Запискѣ* онъ цитируетъ его, однако, буквально); насмѣялся даже, что бесплодность работъ прежнихъ комиссій отчасти оправдала торопливость трудовъ Сперанскаго, какъ рабочіе государственнаго быта извиняло отчасти Сперанскаго въ томъ, что его проектъ получилъ учрежденіе. Но всѣ приведенные г. Пыпинымъ доводы никакъ не могутъ служить намъ въ томъ, что Сперанскій былъ «частію правъ *въ самомъ дѣлѣ*», которымъ онъ хотѣлъ исправить недостатки прежняго русскаго законодательства, о чемъ говоритъ почтенный авторъ въ другомъ мѣстѣ этой прекрасной книги (стр. 142). Начать съ того, что всѣ указанные примѣры заимствованій совершенно несоизмѣрими съ тѣмъ, что хотѣлъ сдѣлать такъ необдуманно Сперанскій. Какъ ни много можно указать въ нашемъ законодательствѣ случаевъ отдѣльныхъ «подражаній», но ни одно изъ нихъ не шло такъ далеко и не обнимало *столь* широкой юридической области, какъ подражаніе Сперанскаго. У насъ нѣтъ въ исторіи права такого примѣра попытки введенія *цѣлаго гражданскаго уложенія*, созданнаго, притомъ, едва ли не цѣликомъ по чужому образцу, съ полнымъ игнорированіемъ правосознанія своего законодательства. А. Н. Пыпинъ соглашается буквально съ бар. Корфомъ, что «нѣкоторые законы Петра В. были именно цѣликомъ переведены съ шведскаго, голландскаго и нѣмецкаго, какъ, наприм., уставъ воинскаго устава, генеральный регламентъ, военные артикулы и др.». Именно эти-то заимствованныя узаконенія и нельзя вовсе сравнивать съ заимствованіемъ гражданскаго кодекса. И это потому, конечно, что они служили лишь реформы государственныхъ институтовъ, нормъ уголовнаго права и процесса, т.-е. именно всего того, что въ жизни народовъ поддается большому и скорѣйшему воздѣйствію власти, чѣмъ гражданскія отношенія. Измѣняя даже кореннымъ образомъ государственные институты, законодатель касается этимъ преимущественно *формы* дѣятельности и отношеній своихъ органовъ управленія и классовъ общества (по скольку форма ихъ задѣваетъ), *но не ихъ сущности* (что бываетъ при коренномъ измѣненіи нормъ права гражданскаго). Несомнѣнно, что и эта *сущность* дѣятельности и отношеній должна болѣе или менѣе видоизмѣняться подъ вліяніемъ *новыхъ формъ* учреждений (въ надеждѣ на это, конечно, и совершается реформа). Но такъ какъ, однако, реформа въ области государственныхъ учреждений, процесса и т. п., прежде всего, направляется *на форму* институтовъ, предполагая измѣненіе сущности лишь какъ болѣе или менѣе необходимый и даже отдѣльный результатъ реформы, то и сама эта форма легче можетъ быть проведена въ жизнь законодателемъ, чѣмъ измѣненіе гражданскаго быта народа, этой живой исторіи страны, гдѣ та или другая реформа прямо и непосредственно задѣваетъ и наслѣдственныя привычки, и современныя отношенія каждаго. Оттого - то, на нашъ взглядъ, реформы и часты, и возможны въ жизни народовъ случаи, когда берутся примѣняются, съ соблюденіемъ, конечно, извѣстныхъ условій мѣста и времени, чужія формы учреждений, нормы процесса, системы наказаній и т. под., то, наоборотъ, рѣдки и вызываютъ массу недовольства, со-

противлений и т. д. измѣненія гражданскаго быта, его нравовъ и обычаевъ. Обращаясь къ петровской реформѣ, мы и на ней видимъ, что *брались* и безъ существенныхъ измѣненій, а затѣмъ безъ особаго разсужденія примѣнялись чужеземныя государственныя учрежденія и нормы процесуальнаго т. п., *но вовсе не нормы* гражданскаго права. Все почти, что измѣнено за Петра, явилось не результатомъ *прямаго* заимствованія (какъ это было въ государственныхъ реформахъ) и не опиралось на *текстъ* какихъ-либо иноземныхъ, на-скоро взятыхъ откуда-нибудь правоточниковъ, но происходило изъ общихъ прогрессивныхъ тенденцій и увлеченій западной цивилизаціей. Издавая, наприм., указъ противъ «принужденныхъ браковъ», уничтожая силу «рядныхъ записей», какъ условія, тормозящаго иногда свободу брачующихся, выводя женщину изъ терема, реформируя на новый образецъ отношеніе государства къ частной собственности и т. д., и т. д., Петръ не бралъ откуда-нибудь *цѣлкомъ* эти гражданскія узаконенія, а постепенно и частично видоизмѣнял *внутреннюю* жизнь общества. Въ тѣхъ отдѣльных немногихъ случаяхъ, когда онъ пытался подражать, въ области гражданскаго быта и нравовъ, иноземному слишкомъ прямо и буквально, получалъ отпоръ и неповиновеніе (вопросъ о платѣ и бородѣ, объ измѣненіи наследственной системы и др.). Какъ велика разница въ *чувствительности* народа (а, слѣдовательно, и въ относительной легкости введенія реформы), когда дѣло идетъ о *внутренней* его жизни, а не измѣненіи внѣшнихъ формъ и учрежденій, достаточно сказать, что Петръ В. былъ названъ народомъ антихристомъ не за введеніе коллегій, прокуратуры, ландрайтъ и ландрихтеровъ, или не за введеніе колесованія, шельмованія, тязы, формальной системы доказательствъ и т. д.,—однимъ словомъ, не за реформу въ области права государственнаго въ широкомъ смыслѣ (какъ бы и слѣднія ни были важны), а за попытки измѣненія мирнаго привычнаго, стародѣдовскихъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій. Оттого-то, вѣроятно, и Петръ В., сразу и цѣлкомъ вводя по иноземнымъ образцамъ измѣненія государственныхъ учрежденій и т. п., не рѣшился, однако, на переводъ и введеніе къ намъ какого-нибудь чужаго *гражданскаго* уложенія. Наоборотъ, до насъ дошло любопытное свидѣтельство, вполне подтверждающее мнѣніе Карамзина, что Петръ В. вѣдалъ, что «законы народа (и именно гражданскіе, добавимъ мы) должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ...». Говоря такъ, мы разумѣемъ законодательную комиссію 1718 г., которой было предписано «учинить» сводъ русскихъ законовъ со шведскими. 9 декабря 1719 г. комиссіи данъ былъ такой указъ о способѣ этого учиненія (П. С. З. т. V, № 3463). Предписывая начать въ извѣстный срокъ слушаніе этого своднаго со шведскими законами гражданскаго уложенія, Петръ В. добавляетъ: «слушаючи оное, которые пункты покажутся *не сходны къ нашему народу* (а именно такими могли быть взятые изъ шведскаго кодекса), противъ оныхъ изъ *староуложенія* (т.-е. *Соборнаго ул.*) или *новыхъ пунктовъ дѣлатъ*. Такожъ ежели покажутся которые въ старомъ *Уложеніи*

важнѣе, нежели въ шведскомъ, тѣ такожь противу написать. Для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо онныя *сроднѣе* (съ нашими) и почитай *однимъ манеромъ* владѣніе имѣють, какъ у насъ». Дѣло, здѣсь предлагаемое, было мало или вовсе невыполнимо, по трудности сведенія къ однообразнымъ нормамъ двухъ столь разнородныхъ законодательствъ, но важнѣе *принципъ*, что такое сведеніе признается для гражданскаго законодательства безусловно *необходимымъ* и свое гражданское право не замѣняется прямо «безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей» чужимъ, какъ это дѣлается въ проектѣ Сперанскаго, а наоборотъ—дѣлается попытка компромисса.

«При Екатеринѣ, во времена *Наказа*,—говорить далѣе почтенный авторъ,—собирались подражать французскимъ моднымъ идеямъ». Что *Наказъ* почти цѣликомъ составленъ по Монтескьё и Беккарію, что Екатерина II давала его въ руководство созданной ей комиссіи, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но едва ли, однако, *Наказъ* могъ служить ту роль, какую ему хотѣли дать. Депутаты комиссіи пришли съ своими интересами и нуждами, которые и выразились въ ихъ наказахъ, преніяхъ, «проектъ правъ благородныхъ» и т. д., мало имѣющихъ общаго съ идеями *Наказа*. Здѣсь опять было нѣчто совсѣмъ непохожее на проектъ Сперанскаго, отданный послушному государственному совѣту. Здѣсь законодательница давала собранію лишь руководящую нить, а не иноземный *законопроектъ Уложенія*. Послѣдній должно было выработать *само* собраніе, какъ выраженіе *своихъ* нуждъ и потребностей. Просвѣтительныя западныя идеи *Наказа* указывали путь къ осуществленію этой задачи, но не давали *содержанія* для будущаго *Уложенія*. Иначе говоря, онѣ не навязывались, какъ законъ, а лишь служили тѣмъ *сравнительнымъ* матеріаломъ, который всегда необходимо имѣть при реформѣ своего законодательства.

Авторъ въ заключеніе своей критики мнѣній Карамзина о проектѣ Сперанскаго говоритъ, что, «задумывая планъ новаго систематическаго кодекса *не съ археологическими цѣлями* *)», естественнѣе было думать о новомъ

*) Историку русскаго права невозможно, на нашъ взглядъ, примириться съ мыслию, что многолѣтняя работа юридической мысли великаго народа годна лишь для кодекса, задумываемаго *съ археологическими цѣлями*. Наоборотъ, изученіе памятниковъ нашего права показываетъ, что если у насъ будетъ созданъ когда-либо новый гражданскій кодексъ, особенно кодексъ, обнимающій правоотношенія не одного только культурнаго класса, но и вообще народа, онъ не обойдется безъ серьезнаго изслѣдованія началъ обычнаго права, записи коего въ болѣе точномъ юридическомъ изложеніи сдѣланы еще въ *Русской Правдѣ*, яковской судной грамотѣ, древнихъ актахъ, касающихся общиннаго землевладѣнія, артелей, народнаго мірскаго самоуправления и суда, въ переработанныхъ древне-русскою жизнью каноническихъ постановленіяхъ о бракѣ, разводѣ, семьѣ и т. д. Но даже если и не говорить объ этой сторонѣ древнѣйшихъ записей права и взять памятники, содержащіе *чисто-законодательныя, необычныя* нормы, то неужели въ нихъ только *одна* археологія? Вѣдь, между этими нормами находятся и тѣ, которыя создавались въ эпоху реформъ, т. е. въ тѣ времена, когда мысль законодателя надолго опережала среднее мышленіе массы... Намъ кажется, наоборотъ, что чѣмъ больше будетъ у насъ уваженія въ этому *историческому* наслѣдію, чѣмъ

европейскомъ законодательствѣ чѣмъ о византійскомъ и томъ старомъ русскомъ, гдѣ и Карамзинъ считалъ необходимымъ исправить нѣкоторыя, особенно уголовныя, законы, «жестокіе, варварскіе»,—да и одни ли уголовныя?—которые хотя и не исполнялись, но существовали («въ стыду нашего законодательства» *). Несомнѣнно, между нашими, какъ и всякими другими законами были «жестокіе, варварскіе», которые слѣдовало скорѣе уничтожить. Интересно, однако, было бы знать, уничтожались ли хоть одинъ изъ такихъ законовъ введеніемъ компиляціи Наполеонова кодекса? Почтенный авторъ не приводитъ, къ сожалѣнію, ни одного примѣра такихъ законовъ, а мы ихъ не знаемъ. Но что кодексъ вводилъ къ намъ законы если и не «жестокіе» въ прямомъ смыслѣ, то калѣчившіе сложившіяся у насъ жизненныя отношенія, такихъ примѣровъ можно указать нѣсколько. Возьмемъ статьи, касающіяся развода. Ст. 273 гласитъ слѣдующее:

„Двѣ только причины пріемлются къ разводу: 1) *доказанное преступленіе* одного супруга противъ другаго, подвергающее обвиняемаго суду уголовному, и 2) въ особенностях *прелюбодѣніе*“. Ст. 274: „сверхъ преступленій, влекущихъ за собою гражданскую смерть или вѣчную ссылку и расторгающихъ бракъ по самому дѣйствию таковаго осужденія, слѣдующія преступленія, лично къ супругамъ относящіяся, даютъ право невинному просить развода: 1) покушеніе одного супруга на жизнь другаго; 2) тяжкія обиды, производящія уголовный искъ, таковы суть: а) ложный доносъ въ уголовномъ преступленіи, б) ложное обвиненіе жены въ прелюбодѣніи, в) насгѣдственное похищеніе ея имѣнія, г) заточеніе и вообще лишеніе личной ея гражданской свободы; 3) побѣгъ и укрывательство жены отъ мужа“. Ст. 275: „Никакія другія вѣщы, кромѣ вышесказанныхъ, къ разводу не пріемлются“.

Не подлежитъ спору, что, съ точки зрѣнія свободы личности, уменьшеніе числа поводовъ къ разводу до того *minimum'a*, какой допущенъ въ проектъ Сперанскаго, представляется юридическимъ *регрессомъ*, и, притомъ, регрессомъ, совершенно не соответствующимъ *обычноправовымъ* воз-

глубже будетъ его изученіе въ связи съ современнымъ юридическимъ бытомъ нашимъ, тѣмъ скорѣе создастся вполнѣ *жизненный* кодексъ.

*) Скажемъ нѣсколько словъ и о томъ мнѣніи автора, что „за тысячу лѣтъ у насъ брались *цѣликомъ* византійскіе (и варяжскіе?) законы, потому брались татарскіе *обычаи*“. „Брать обычаи“, конечно, не то, что вводить подъ санкціею законодательской власти принудительные законы; это дѣло взаимныхъ вліаній отдѣльныхъ народностей, стоящее внѣ всякаго контроля кого-либо. Что же касается варяжскихъ законовъ, то такихъ исторія русскаго права не знаетъ вовсе, да, кажется, въ ихъ существованіи сомнѣвается и самъ почтенный авторъ, какъ можно судить объ этомъ по знаку вопроса въ текстѣ. Если *Р. Правда* и представляетъ часто *разительныя* сходства съ *германо-скандинавскими* правами, то это объясняется, при свѣтѣ современнаго историко-сравнительнаго изученія древнѣйшаго права, не путемъ заимствованій, а путемъ естественнаго сходства послѣдствій, разъ они вызваны къ жизни дѣйствиемъ одинаковыхъ причинъ; наконецъ, происхожденіемъ арийцевъ отъ одного общаго корня и т. д. Что касается *цѣликомъ взятыхъ византійскихъ* законовъ, то исторія каноническаго права у насъ говоритъ о жестокой, многовѣковой борьбѣ византійскихъ началъ права съ туземными, путемъ конкъ выработывалась особая, *своя*, византійско-русская догма, но не о пассивномъ заимствованіи. Если и переведились часто *цѣликомъ* византійскіе каноническіе сборники, то это далеко еще не означало, что они *цѣликомъ* и брались, какъ законы, обязательныя для примѣненія.

рѣшѣніямъ на поводы къ разводу, дѣйствовавшіе у насъ съ XVIII вѣка. Если бы въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Сперанскій обратился къ византійскому и старому русскому праву, считаемою почему-то А. Н. Пыпинымъ годнымъ *миш* для кодекса, создаваемого съ *археологическими* цѣлями, то онъ нашелъ бы тамъ, что, напримѣръ, разводъ необходимо допустить, какъ это тогда допускали синодъ и консисторія, въ случаѣ «неспособности къ супружескому сожитію», въ случаѣ тяжелой болѣзни одного изъ супруговъ, въ случаѣ добрачной беременности невѣсты не отъ жениха, и нѣкоторыхъ другихъ. Другой примѣръ изъ постановленій проекта объ усыновленіи: «Ст. 347: безбрачнымъ усыновленіе воспрещается. 348: запрещается усыновленіе супругамъ прежде, нежели исполнится мужу 40 лѣтъ отъ рожденія. 349: запрещается усыновлять дѣтей, достигшихъ совершеннолѣтія. 350: запрещается усыновлять больше 2-хъ миш. 341: запрещается усыновлять дѣтей не того состоянія, къ коему принадлежать усыновляющіе» *). Какъ извѣстно, и идея усыновленія развила у насъ подъ вліяніемъ церкви, да и самая юрисдикція дѣлъ объ усыновленіи принадлежала церкви; поэтому наше свѣтское законодательство объ усыновленіяхъ, естественно, было бѣдно постановленіями. Однако, если бы Сперанскій и здѣсь заглянулъ въ старорусское и византійское право, то, вѣро-

*) Древняя Русь не была, къ счастью, закрыта отъ широкаго вліянія иноземной литературы и нормъ права. Но это вліяніе выражалось, говоря вообще, не въ механическихъ заимствованіяхъ, а въ упорной органической переработкѣ чужаго *въ свое*. Какъ ни велико было у насъ вліяніе церкви въ первоначальную эпоху, но и это вліяніе не шло далѣе постепеннаго, медленнаго проведенія въ жизнь своихъ началъ. Знаменитый канонистъ нашъ, проф. А. С. Павловъ, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи *Первоначальный славяно-русскій номоканонъ* (Казань, 1869 г.), говоритъ по поводу *примѣненія* у насъ греческихъ канонивъ слѣдующее: „Что такое были всѣ каноническіе отвѣты нашихъ пастырей XI и XII вв., какъ не опыты *толкованій* на тѣ или другія правила? Темнота буквального смысла другихъ канонивъ, *трудность* надлежащаго *соглашенія* ихъ съ требованіями современной церковной практики, естественное *преобладаніе* въ новонасажденной русской церкви *національныхъ юридическихъ воззрѣній* и *обычаевъ*,—все это не могло, конечно, не отразиться невыгоднымъ образомъ и на внѣшней судьбѣ первоначальнаго славяно-русскаго номоканона. Полные списки его мало-по-малу стади выходить изъ *дѣйствительнаго* употребленія и замѣнялись „*судыми номоканунтами*“ (стр. 70, сравн. мнѣніе А. С. Павлова о такъ называемыхъ *Книгахъ законныхъ*. Спб., 1852 г., стр. 28). Слѣдовательно, *о взятіи ихъ цѣликомъ* для *примѣненія въ качествѣ закона* здѣсь не могло быть и рѣчи. Другой авторъ, проф. Владимірскій-Будановъ, говоря о *примѣненіи христіанства*, дѣлаетъ слѣдующій выводъ о византійскомъ правѣ: такой всеобъемлющій переворотъ *могъ бы повести* къ полной *замѣнѣ* мѣстнаго права чужимъ; но, *благодаря устойчивости* русскаго обычнаго права *онъ* привелъ только къ *необходимому усвоенію* церковнаго права, какъ къ *частичной и свободной рецепціи* нѣкоторыхъ кодексовъ византійскаго свѣтскаго права“ (*Обзоръ исторіи русск. пр.*, 1888 г., 2-е изд., стр. 90 и сл.; сравн. также мнѣніе А. Л. Дювернуа о значеніи Кормчей книги въ древней юридической практикѣ (*Источники права и суда*. М., 1869 г., стр. 315 и сл.). Но рецепція, да еще свободная, совѣзмъ же то, что взятіе цѣликомъ чужаго кодекса: послѣднее есть механическое заимствованіе, первая—сознательное усвоеніе и *претвореніе* чужаго въ свое, что и дѣлается *жизненнымъ древнимъ правомъ*, за немногими исключеніями.

ятно, избѣгъ бы *цѣлаго* ряда новыхъ и очень стѣснительныхъ правилъ внесенныхъ имъ неизвѣстно зачѣмъ въ свой кодексъ. Такъ, на Москвѣ усыновленіе совершалось очень свободно, причемъ, подь влияніемъ византійскаго права запрещалось лишь усыновленіе своихъ незаконнорожденныхъ. Не было стѣснительныхъ постановленій о безбрачїи, о возрастѣ усыновляющихъ и усыновляемыхъ, о числѣ послѣднихъ и проч. Въ имперїи, какъ результатъ правилъ объ единонаслѣдїи, явились, правда, особыя постановленія объ усыновленїи дворянами дворянъ, но остальные сословія свободно усыновляли у себя незаконнорожденныхъ, разночинцевъ и отпущенныхъ въ волю, съ уплатою за нихъ подушнаго оклада: Интересно дагѣе, какъ опредѣляетъ проектъ личныя отношенія супруговъ. Ст. 237 гласить: «Мужъ, я глава своего семейства, долженъ покровительствовать свою жену и *имѣть право располагать дѣяніями ея* во всѣхъ отношенїяхъ супружества». Ст. 238: «жена должна уважать своего мужа и *повиноваться* ему во всемъ, какъ онъ, яко глава семейства, *имѣетъ власть повелѣть и учредить*». И здѣсь Сперанскій, если бы заглянулъ въ старорусское право, нашель бы опредѣленіе менѣе жестокое, чѣмъ то, какое онъ самъ развилъ изъ постановленїя *Code Napoléon* «le mari doit protection à sa femme, la femme obeissance à son mari» *). Чтобы не затруднить читателя, мы пока ограничиваемъ только приведенными примѣрами, которыхъ вполне достаточно для насъ (цѣли **). Нельзя въ заключеніе еще разъ не замѣтить, что какъ ни извѣстно по многимъ причинамъ, о которыхъ мы уже частью говорили выше, *лично* для Сперанскаго то отношеніе къ отечественному законодательству, какое онъ высказалъ въ своей попыткѣ кодификаціи, принципиально его прїемъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ осужденія. Не подлежитъ, к

*) *Уставъ благочїнїи* 1782 г. такъ опредѣляетъ отношеніе супруговъ: „Мужъ прилѣпится къ своей женѣ *съ согласїи и любви, уважая, защищая и извѣщая* ея въ недостатки, облегчая ея немощи“. „Жена да пребываетъ въ любви, почтенїи и послушанїи къ своему мужу, и да оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность, какъ хозяйка“. Небезынтересно замѣтить, что именно эти опредѣленія, а не проектъ, въ близкой передачѣ вошли впоследствии въ *Сводъ Законовъ*.

**) Укажемъ кратко, что стѣснительными и несоотвѣтствующими движенїями нашего законодательства съ XVIII в. въ пользу принципа раздѣленїя имущественныхъ правъ родителей и дѣтей представляются намъ нѣкоторыя постановленїя проекта объ имуществѣ дѣтей (ст. 378, 379 и сл.); произвольными—постановленїя проекта о наслѣдїи супруговъ (часть II, ст. 164 сл.), о наслѣдїи сестеръ и братьевъ (ст. 158) и т. др. Такъ, по проекту, „братъ получаетъ четыре части противъ каждой сестры“. Хотя наше законодательство XVII—XVIII вв. и не благопрїятствовало наслѣдственнымъ правамъ женщины *съ равной доль* съ мужчиною, но еслибъ реформаторъ творилъ свои нормы, изучая народно-правовыя нормы, то онъ могъ бы, наприм., замѣтить, что общественное мнѣніе было въ *пользу равенства половъ* (черезъ дачу сестрамъ приличнаго въ долѣ, равной сыновней, чрезъ выдачу денегъ и т. д.). Интересно, что дагѣе въ государственномъ совѣтѣ при обсужденїи этой статьи 10 членовъ противъ 13 приходили, что съ разумомъ настоящихъ законовъ, съ примѣромъ другихъ государствъ *съ общою справедливостїю сходственныя и простыя* было бы постановить въ *общей долѣ равныя части наслѣдства* (Арх. Гос. Сов., VI, стр. 99).

вѣчно, сомнѣнію, что пересмотръ и реформа законодательства *должны* дѣлаться при свѣтѣ науки и юридическаго опыта наиболѣе развитыхъ въ правовомъ отношеніи народовъ. Но, усвоивъ эти данныя и исходя изъ нихъ, законодатель, при своихъ юридическихъ построеніяхъ, все-таки, долженъ творить нормы права *на основаніи* глубокаго и всесторонняго изслѣдованія воззрѣній, нравовъ и обычаевъ *своего народа*. Ни малѣйшаго намека на это вовсе нѣтъ въ «пріемѣ» Сперанскаго. Понятно поэтому, какъ должно отнестись къ нему.

III.

Нѣсколько лѣтъ провелъ Сперанскій въ тяжелой нравственно ссылкѣ, столь быстро низвергнутый съ своей высоты государственнаго реформатора, какъ очистительная жертва не столько своихъ, сколько чужихъ увлеченій... Трудно равнодушно и безъ тягостнаго чувства читать его переписку этого времени съ Аракчеевымъ, кн. Голицынымъ и друг.. Невольно чувствуешь, какъ этотъ титанъ энергіи и творчества бьется въ своемъ невыносимомъ бездѣятельномъ заключеніи, рѣшаясь на всяческую лесть и униженіе, чтобы только быть вновь призваннымъ къ власти и дѣлу. Не одно чрезмѣрное самолюбіе, какъ думаютъ нѣкоторые, дѣйствовало здѣсь, хотя и оно имѣло законное основаніе болѣзненно развиться въ человѣкѣ, безвинно и съ позоромъ удаленномъ. Нѣтъ, именно избытокъ силъ и энергіи былъ такъ великъ въ Сперанскомъ, что требовалъ немедленнаго себѣ исхода. И вотъ едва онъ опять у власти, хотя и въ далекой Сибири, какъ въ два-три года его кипучей дѣятельности цѣлая дореформенная страна оживаетъ, производится едва мыслимая для силъ одного человѣка ревизія вѣковыхъ злоупотребленій, устраняются отъ дѣлъ страшные мѣстные сатрапы, задумываются обширныя преобразованія,—словомъ, энергіею одного человѣка въ исторіи громадной забытой страны обозначается свѣтлая страница, столь въ ней рѣдкая. Наконецъ, черезъ 9 лѣтъ и 5 дней «странствованія», какъ называетъ Сперанскій свою ссылку, онъ вновь въ Петербургѣ, чужой для императора, для общества, для всего того режима, который теперь сталъ такъ ясно обозначаться. Цѣлые мѣсяцы, затѣмъ годы онъ робко ждетъ, когда же съ нимъ, наконецъ, объяснятся, спросятъ, въ чемъ же виноватъ онъ, вновь призвать къ власти и дѣлу. Но цѣлые годы бездѣйствія вновь проходятъ для него и лишь салоны высшаго общества съ удовольствіемъ видятъ его у себя, охотно «простивъ», по остроумному замѣчанію одного ученаго, «пріятному собесѣднику прошлые грѣхи смѣлаго нововводителя»...

Такъ проходитъ время до новаго царствованія, когда Сперанскій снова призывается къ трудному дѣлу кодификаціи и блистательно его заканчиваетъ. Прежде чѣмъ, однако, говорить объ этой дѣятельности Сперанскаго, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось въ комиссіи законовъ послѣ удаленія его. Съ 1812 года комиссія эта, поставленная въ непосредственное вѣдѣніе министра юстиціи, рѣшаетъ,—и этого рѣшенія нельзя не

признать реакціей противъ проекта Сперанскаго, — вмѣсто заимствованія иностранныхъ кодексовъ, *опнов* обратиться къ изслѣдованію началъ прежняго законодательства, исходя изъ той мысли, «что всякіе законы тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они освящены временемъ». Затѣмъ приходятъ къ старой мысли составленія *Сводовъ* прежняго законодательства отдѣльнаго составленія гражданскаго и коммерческаго *Уложения*, причемъ, согласно мысли, высказанной еще Сперанскимъ, думаютъ отдать будущій проектъ *Уложения* пересмотру и дополненію въ особые мѣстныхъ комитетахъ, составленныхъ изъ губернаторовъ, прокуроровъ, предсѣдателей палатъ. Послѣднія предположенія, впрочемъ, такъ и остались безъ исполненія, какъ не привели къ созданію *Уложения* многочисленныя работы комиссіи, то видоизмѣнявшія проектъ Сперанскаго, то представлявшія свои частныя мнѣнія и планы. Мысль о составленіи *Сводовъ* на *Собраніи Законовъ* частью, однако, была приведена въ исполненіе, именно съ 1817 г. по 1821 г. было напечатано нѣсколько сборниковъ законовъ послужившихъ потомъ и для Сперанскаго при его работѣ по составленію *Полнаго Собранія Законовъ*.

Въ первое время своего царствованія императоръ Николай довольно довѣрчиво относился къ Сперанскому и если неофициально поставилъ его въ 1821 г. во главѣ преобразованной во II отдѣленіе собственной Е. И. канцеляріи, то поступилъ такъ только «по необходимости», не найдя около себя никого, кто бы могъ замѣнить Сперанскаго. Нечего говорить, что болѣе удачнаго выбора и не могло быть сдѣлано, и вопросъ о нашей кодификаціи лишь съ 1826 г. становится на твердую почву. Еще до преобразования комиссіи законовъ государь поручилъ Сперанскому изложить писменно мысли его о способахъ къ кодификаціи нашихъ законовъ. Сперанскій составилъ двѣ записки, изъ коихъ въ одной далъ обзоръ исторіи комиссіи законовъ, въ другой изложилъ собственные свои соображенія об окончательномъ разрѣшеніи вопроса о составленіи *Собранія Законовъ* и *Уложения*. Записки важны какъ выраженіе собственныхъ взглядовъ Сперанскаго на причины неудачъ прежнихъ комиссій (сущность этихъ взглядовъ уже была указана нами выше) и на ходъ предстоящихъ работъ по кодификаціи. Изъ этихъ послѣднихъ взглядовъ отмѣтимъ, прежде всего, что въ это время Сперанскій все еще стоялъ за необходимость составленія *Уложения*, хотя и соглашался уже, что работы по *Уложенію* должны быть начаты не прежде, чѣмъ будутъ составлены общія собранія нѣкоторыхъ узаконеній и своды законовъ дѣйствующихъ. Въ это время онъ говорилъ, что «уложенія *не изобрѣтаются*, но слагаются изъ прежнихъ законовъ съ дополненіемъ и *исправленіемъ* ихъ сообразно нравамъ и обычаямъ и дѣйствительной потребности государства» (*Арх. ист.-пр. св. Калачева* 1859 г., т. II, стр. 2). Государь, однако, отстранилъ мысль объ *Уложеніи*, которое «казалось ему чѣмъ-то отвлеченнымъ, слишкомъ теоретическимъ» *), и рѣшилъ ограничиться «*Сводомъ Законовъ* существующихъ»

*) А. О. Блжковъ: „Въ I-лѣтію II отдѣленія“. *Русс. Стар.* 1876 г., т. II, стр. 45

ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ всего недѣйствующаго, *но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ*. Зная консервативный характеръ взглядовъ императора, нельзя было и думать, конечно, что онъ придетъ къ иному рѣшенію, такъ какъ несомнѣнно, что при переработкѣ сепаративныхъ постановленій дѣйствующаго права въ кодексъ всегда у кодификатора остается много мѣста для правоваго творчества и тѣхъ или иныхъ измѣненій. Намъ думается, впрочемъ, что еслибъ за *Уложеніе* взялись въ царствованіе Николая I, то послѣднее явилось бы, вѣроятно, въ своихъ принципахъ болѣе охранительнымъ, чѣмъ тѣ законы, на которыхъ впоследствии основалъ Сперанскій свой *Сводъ*, — по крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣждаютъ насъ нѣкоторые узаконенія, явившіяся въ это царствованіе въ отмѣну прежнихъ (наприм., постановленія объ усыновленіи незаконнорожденныхъ и друг.). Но императоръ не хотѣлъ измѣненій и потому остановился на мысли объ изданіи *Свода*, тѣмъ болѣе, что и Сперанскій уже не отрицалъ, что *Сводъ* долженъ предшествовать *Уложенію*, какъ юридическій матеріалъ, заключавшій въ себѣ въ болѣе или менѣе отраженномъ видѣ жизненные интересы и нужды страны, такъ какъ, — говорилъ Сперанскій, — *Уложеніе безъ Свода есть умозрѣніе безъ практики* (ibid.).

Какъ же были организованы теперь работы по кодификаціи? Не входя здѣсь въ подробности, интересныя лишь для специалистовъ, кратко скажемъ слѣдующее.

Первою стадіей работъ, по теперешнему плану Сперанскаго, должно было явиться такъ называемое *Полное Собраніе Законовъ*. Гигантское предпріятіе это, уже къ началу 1830 г. выразившееся въ напечатаніи 45 обширныхъ томовъ, велось слѣдующимъ образомъ. Изъ всѣхъ тогдашнихъ архивовъ были затребованы II отдѣленіемъ реестры прежнихъ узаконеній и по нимъ отыскивались уже самыя узаконенія, которыя и помѣщались въ собраніе. Такимъ образомъ, въ I т. *Полн. Собр.* заключалось болѣе 30 т. №№ различныхъ указовъ, актовъ и постановленій, явившихся, начиная съ *Уложенія* царя Алексія Михайловича вплоть до вступленія на престолъ императора Николая I (съ этого вступленія до 1 марта 1881 г. идетъ такъ называемое II *Полн. Собр. Закон.*; съ послѣдняго срока начинается III *Полн. Собр. Зак.*). Понятна вся научно-историческая важность собранія такого матеріала, особенно если принять во вниманіе, что само изданіе предпринималось Сперанскимъ съ полною осмотрительностью и уваженіемъ къ тексту памятниковъ. Имѣя предъ собою различныя частныя сборники законовъ, явившіяся до него (Чулкова, Максимовича и проч.) и отмѣтивъ ихъ главные недостатки (неполноту содержанія, невѣрности въ текстѣ, датахъ времени и т. д.), Сперанскій со всѣмъ возможнымъ въ то время вниманіемъ произвелъ свѣрку печатаемыхъ текстовъ съ ихъ подлинниками, для чего была просмотрѣна громадная масса рукописей, содержавшихъ въ себѣ какъ законы, такъ и распоряженія временныя и относящіяся къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ (послѣднія оставлены въ *Полн. Собр. Закон.* рядомъ съ законами, по мысли Сперанскаго, «какъ памятникъ того вѣка какъ

указаніе общественныхъ его правовъ, какъ изображеніе гражданской его жизни»). Понятно, что такое образцовое изданіе памятниковъ законовъ, юридическихъ и судебныхъ рѣшеній должно было оказать громадное и плодотворное вліяніе на изученіе нашей исторіи права, начиная съ половины XVII вѣка. Смѣло можно утверждать, что лишь со времени этого изданія наше изученіе исторіи права приобретаетъ вполнѣ твердое основаніе, и научное значеніе заслугъ Сперанскаго здѣсь просто неопредѣлимо по своимъ послѣдствіямъ.

Создавъ *Полное Собраніе Законовъ*, какъ живое свидѣтельство того, какъ «законы наши образовались, возростали, измѣнялись», Сперанскій естественно дошелъ до второй стадіи своихъ кодификаціонныхъ работъ, до составленія *Свода*, представляющаго, по собственной мысли Сперанскаго, *лишь то*, что въ законахъ «осталось неизмѣннымъ и нынѣ сохраняетъ свою силу и дѣйствіе». Есть данныя, указывающія, что и при составленіи *Свода* Сперанскій выходилъ иногда изъ этой скромной роли собирателя *дѣйствующаго* права и являлся, можетъ быть, невольно истиннымъ творцомъ многихъ юридическихъ нашихъ нормъ. Но открыто имъ ставилась для *Свода* слѣдующая задача: «*Сводъ* есть *вѣрное* изображеніе того, что есть въ законахъ, но онъ не есть ни дополненіе ихъ, ни толкованіе». Какъ же составлялся *Сводъ*? Все дѣло составленія обнаруживаетъ въ Сперанскомъ теперь не прежняго диллетанта, случайно явившагося въ роли кодификатора, а человѣка, ознакомившагося серьезно и съ теоріею, и практикою юридическихъ вопросовъ. Отраженіе перваго знанія мы находимъ, прежде всего, въ той образцовой системѣ, въ которую Сперанскій уложилъ все содержаніе дѣйствовавшихъ у насъ законовъ. Взявъ для достиженія полноты за образецъ всѣ лучшіе тогдашніе кодексы (римскій, французскій, прусскій и австрійскій), Сперанскій хотѣлъ, чтобы *Сводъ* былъ нашимъ *corpus juris*— «общимъ составомъ законовъ и въ семъ своемъ качествѣ долженъ онъ обнимать *всѣ части* законодательства во всей ихъ совокупности». Правила же, по которымъ должны были редактироваться отдѣльныя части *Свода*, сводились къ слѣдующему (эти правила, въ общемъ, соответствовали мыслямъ Бэкона о кодификаціи, какъ на это указываетъ самъ Сперанскій). Прежде всего, изъ *Свода* исключаются какъ всѣ законы, отмѣненные сплою позднѣйшихъ постановленій, такъ и всѣ повторенія, причемъ если законы содержали нѣсколько постановленій на одинъ и тотъ же случай, въ *Сводъ* вводилось наибѣшее. Законы вводились въ составъ *Свода* буквально изъ тѣхъ источниковъ, на коихъ они основывались, такъ какъ, по Бэкону, «въ законѣ не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность—драгоцѣнна. Безъ сего *Сводъ* былъ бы книгою учебною или ученою, а не составомъ законовъ положительныхъ». Исполняя это общее правило, Сперанскій излагалъ «безъ малѣйшаго измѣненія» въ текстѣ тѣ статьи *Свода*, которыя были составлены на основаніи *одного* какого-нибудь дѣйствующаго закона; если же статья основывалась на текстѣ нѣсколькихъ узаконеній, то ея постановленія излагались или текстомъ *главнаго* указа и его допол-

ній, или «излагались по тому смыслу, какой они представляли въ ихъ вокупности». Законы многословные и обширные сокращались въ тѣхъ оныхъ частяхъ, въ которыхъ излагалось самое дѣло или случай, подавшій поводъ къ возбужденію вопроса, и тѣхъ, которыя касались мотивовъ, имѣвшихся въ виду при созданіи законовъ. Изъ законовъ, противорѣчащихъ другъ другу, должно было «избирать тотъ, который лучше другихъ». Но какъ, нао, опредѣлить, какое изъ многихъ узаконеній считать лучшимъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, Сперанскій говорилъ, что «*Сводъ* преступилъ бы свои обязанности, если бы сочинители его приняли на себя *судить*, который изъ оныхъ противорѣчащихъ законовъ лучше». Поэтому, не входя въ разборъ того вопроса, рѣшено было держаться того правила, что изъ двухъ неоднородныхъ законовъ надлежитъ слѣдовать «позднѣйшему», какъ отмѣняющему предъидущій. Чтобы «подъ видомъ законовъ старыхъ не вкрались законы новые» (что въ дѣйствительности и случилось), рѣшено было отдать дѣльные *Сводъ*, прежде ихъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, *визитъ* тѣхъ мѣстъ управленія, до которыхъ каждый изъ нихъ имѣеть отношеніе *).

Не менѣе любопытна и сама система раздѣленія законодательнаго матеріала въ *Сводъ*. Не входя и здѣсь въ подробности, отмѣтимъ лишь общія основанія, по которымъ Сперанскій съ необычайнымъ для его времени искусствомъ размѣстилъ разнообразныя дѣйствующіе законы. Система этого раздѣленія исходила изъ той мысли, что въ государствѣ дѣйствуютъ два союза или два порядка: союзъ *государственный* и *гражданскій*, откуда естественно вытекаютъ и два порядка законовъ: *государственные*, опредѣляющіе устройство государственнаго союза, и *гражданскіе*, опредѣляющіе основанія гражданскаго союза. Тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣляются на законы *опредѣлительные* и законы *охранительные*. Какъ какъ въ государствѣ не достаточно установить «существо государственнаго союза и правъ отъ него происходящихъ», то и необходимо *охранять* ихъ.

Остаиваясь, прежде всего, на законахъ государственныхъ опредѣлительныхъ, Сперанскій и ихъ подраздѣляетъ на нѣсколько отдѣловъ, согласно особенностямъ составныхъ частей государственнаго организма. Такъ, прежде всего, необходимо опредѣлить въ законѣ «*порядокъ*, коимъ верховная власть образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи» (отсюда I-й разрядъ законовъ государственныхъ опредѣлительныхъ—законы *основные*). Но верховная власть для своихъ дѣйствій нуждается какъ въ извѣстныхъ *органахъ*, которые и представляются государственными установленіями (II-й раздѣлъ—законы *объ учрежденіяхъ*), такъ и въ *средствахъ*, личныхъ и вещественныхъ, необходимыхъ для осуществленія тѣхъ или иныхъ ся дѣлей (отсюда III-й разрядъ законовъ—законы *личныхъ* силъ, управляющихъ постановленіями, извѣстными подъ именемъ *Уставовъ о повинностяхъ*

*) *Обозрѣніе историческихъ содѣній о Сводѣ Законовъ*, стр. 104 и сл.

и *вещественных* (доходовъ), учреждаемыхъ *Уставами казеннаго управленія*). Органы и личныя силы государства состояются изъ гражданъ IV-й отдѣль государственныхъ законовъ опредѣлительныхъ—законы о *стоянїяхъ*—опредѣляютъ права и обязанности этихъ гражданъ «по степенямъ ихъ участія въ составѣ установленій и силъ государственныхъ», какъ выражается Сперанскій, т.-е., иначе говоря, опредѣляютъ ихъ сословныя права. II-й раздѣль государственныхъ законовъ охранительныхъ въ свою очередь подраздѣляется на законы *предохранительные* (*Уставы благоочинства*, по Сперанскому, т.-е. законы полицейскіе) или законы *уголовные*. Два раздѣла гражданскихъ законовъ—законъ опредѣлительный и охранительный—въ свою очередь подраздѣляются на нѣсколько частей, а именно: въ I-й заключаются законы семейственные, общіе и особенные законы объ имуществахъ (ib., стр. 114); во II-мъ—законы, охраняющіе дѣйствія вышеуказанныхъ законовъ «мѣрами порядка гражданскаго».

Такова общая система *Свода Законовъ Россійской Имперіи*, первое изданіе котораго было отпечатано послѣ его ревизіи въ особыхъ комитетахъ въ 1832 г., а обнародовано 31 января 1833 г. Это первое изданіе заключало въ себѣ сводъ дѣйствующихъ законовъ по 1 января 1832 года. Въ манифестѣ, извѣщавшемъ объ изданіи *Свода*, было сказано, что всѣ законы, изданные послѣ этого времени, будутъ по порядку книгъ *Свода* и въ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляться въ ежегодномъ продолженіи *Свода* и что, такимъ образомъ, «составъ *Свода Законовъ*, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ и единствѣ». Такимъ образомъ, установленная Сперанскимъ система раздѣленія законовъ остается неизмѣнною и до сихъ поръ.

Въ дѣлѣ составленія этого *Свода* интереснымъ представляется еще одинъ вопросъ,—вопросъ о ревизіи и исправленіи *Свода* различными комитетами, созданными при министерствахъ и другихъ учрежденіяхъ. Цѣлью этихъ ревизій было, какъ объ этомъ говоритъ манифестъ 12 іюля 1829 г., «обозрѣть *Своды* въ двухъ главныхъ отношеніяхъ—полнотѣ и точности, т.-е. 1) всѣ ли дѣйствующіе нынѣ въ каждой части законы представлены въ *Сводѣ* въ истинной ихъ силѣ, и 2) не приведено ли законовъ излишнихъ, кои отиѣнены послѣдующими». Четыре года продолжалась эта ревизія, внесшая много поправокъ въ первоначальную редакцію статей *Свода*. Между прочимъ, ея послѣдствіемъ надо считать то, что многія циркулярныя предписанія и разсужденія министерствъ получили значеніе закона, такъ какъ департаменты, при которыхъ были созданы ревизіонные комитеты, «считая нѣкоторые распорядительныя мѣры министерствъ необходимыми въ исполненіе разныхъ уставовъ, предлагали помѣстить ихъ въ статьяхъ *Свода*». Сперанскій долженъ былъ исполнить это требованіе; однако, чтобы отличить ихъ *отъ* предписаній закона, сдѣлалъ «въ приличныхъ мѣстахъ» ссылки на самыя предписанія, такъ что представлялось яснымъ, откуда заимствованы тѣ или иныя статьи *Свода* (это правило объ указаніи подъ каждою статьей тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ она была составлена).

вообще соблюдалось Сперанскимъ, хотя, въ частности, ссылки эти не всегда оправдывали содержание статей).

Все дѣло созданія *Свода* велось не только по плану Сперанскаго, но и при непосредственномъ его личномъ участіи. У него были, конечно, помощники, и довольно многочисленныя, сама ревизія *Сводовъ* вносила не мало поправокъ въ редакцію статей, но, по словамъ участниковъ въ этихъ работахъ Сперанскаго, его энергія и интересъ къ дѣлу были такъ велики, что *«ни одна строка во всѣхъ 15 томахъ Свода не осталась безъ его личной провѣрки и очень часто передѣлки»*. Невольно проникаешься чувствомъ уваженія къ этой гигантской неустанной дѣятельности, взятой на себя человѣкомъ на склонѣ лѣтъ, послѣ столь тяжелыхъ испытаній. Что касается вопроса о достоинствахъ этой работы, то теперь, когда прошло болѣе 50 лѣтъ послѣ изданія *Свода*, когда многочисленныя реформы прошлаго царствованія поколебали въ корень многія части *Свода*, когда, наконецъ, пересмотръ его—дѣло рѣшенное, *Сводъ* вполне справедливо представляется современникамъ только съ точки зрѣнія его *недостатковъ*, совершенно закрывающихъ отъ насъ всё его достоинства, несомнѣнно представлявшіяся важными 50 лѣтъ тому назадъ. Чтобы вполне объективно оцѣнить значеніе *Свода*, надо замѣтить слѣдующее. Сперанскій ясно видѣлъ самыя недостатки *Свода*, неизбежныя уже по самой сущности того, что представлялъ по своему плану *Сводъ*. По этому плану предпринималось не созданіе *Уложенія*, при которомъ всѣ замѣченные недостатки текущаго законодательства исправляются и законодательныя нормы подвергаются общему пересмотру, а *Сводъ* права *дѣйствующаго безъ всякихъ измѣненій*. *Сводъ* былъ, по плану Сперанскаго, лишь необходимою ступенью къ *Уложенію*, и не вина, конечно, Сперанскаго, если составленіе послѣдняго фактически не осуществлялось въ теченіе болѣе полулѣтка, да и теперь неизвѣстно, когда будетъ окончено. Отчасти благодаря тому, что дѣло созданія гражданскаго *Уложенія* такъ у насъ замедлилось, а отчасти и потому, что стройная вышняя система, приданная *Своду* его знаменитымъ творцомъ, помогла ему получить у насъ «обманчивый видъ полнаго кодекса», но *Сводъ volens-polens* играетъ въ жизни роль *Уложенія*, хотя и не вполне удачно. Какъ къ *Уложенію*, къ нему иногда и обращалась критика, но, судя объективно, надо сказать, что въ этомъ случаѣ хотѣли имѣть отъ *Свода* то, чего онъ не могъ дать уже по самой своей сущности.

Неоспоримымъ достоинствомъ *Свода*, для своего времени, было то, что онъ во многихъ частяхъ своихъ не былъ «произведеніемъ умозрѣнія», хотя бы и такого сильнаго мыслителя человѣка, какъ Сперанскій, а потому и заключалъ въ себѣ много началъ, выработанныхъ и провѣренныхъ жизнью. Многое здѣсь могло казаться устарѣлымъ, требующемъ отиѣны, но такъ какъ по обстоятельствамъ того времени на это не было надежды, то лучше всего было ограничиться простымъ сведеніемъ воедино всего дѣйствовавшаго права. Уже одно это приведеніе въ ясность и въ систему всего нашего законодательства, положенія котораго по большей части выражались до *Свода*

во множествѣ казуистичныхъ, разнопринципныхъ и повсюду разбросанныхъ нормъ, представляло громадное и научное, и практическое значеніе. Законы, доселѣ извѣстные только немногимъ дѣльцамъ - юристамъ, открылись для изученія всѣхъ; обширныя научно - критическія, историческія и инныя работы *), касавшіяся какъ богатѣйшаго матеріала, заключеннаго въ *Полномъ Собраніи Законовъ* и въ *Сводъ Законовъ*, такъ и системы *Свода*, значительно содѣйствовали оживленію у насъ юридической мысли и, несомнѣнно, подготовляли почву для созданія не эфемернаго гражданского кодекса, а *Уложенія*, исходящаго изъ серьезнаго знанія прошлаго и настоящаго русскаго законодательства. Каково бы ни было по своему духу это будущее *Уложеніе*, будь оно радикальнымъ или консервативнымъ и т. д., но матеріалъ, собранный Сперанскимъ въ указанныхъ его трудахъ, давалъ положительныя данныя для будущей реформы и сама реформа только съ приведеніемъ въ ясность всего этого получала вполнѣ твердое основаніе для выработки новаго *Уложенія*. Sapienti sat.

Указавъ на общее достоинство *Свода*, замѣтимъ кратко и о его недостаткахъ **). Изъ самой сущности понятія *Свода*, указанной уже выше, вытекало, прежде всего, то, что *Сводъ* сводилъ вмѣстѣ узаконенія, противорѣчащія другъ другу (разъ они существовали въ законѣ) и по ихъ началамъ, и по времени, и по обстоятельствамъ ихъ появленія; не всегда давалъ общія положенія, общія правила, а если и давалъ, то ослаблялъ ихъ значеніе постоянными изъятіями; сохранялъ въ числѣ своихъ постановленій такія, которыя не имѣли разумнаго основанія въ условіяхъ современной жизни; допускалъ и такія, которыя не имѣли въ себѣ ничего юридическаго; наконецъ, страдалъ излишествомъ постановленій на одни случаи, ихъ недостаточностью на другіе, поражалъ мѣстами неопредѣленностью своего юридическаго языка, многословіемъ и т. д., и т. д. Большая часть недостатковъ этихъ была замѣчена уже Сперанскимъ, но, исходя изъ вполнѣ справедливой мысли, что *Сводъ* есть лишь *вѣрное* изображеніе того, что находится въ законахъ, онъ полагалъ, что «дополнить недостающее, довершить неоконченное, дать каждому предмету надлежащую полноту и пространство есть дѣло *Уложенія*»... Сперанскій смотрѣлъ на *Сводъ* частью какъ на черновую работу, недостатки которой должны исчезнуть въ *Уложеніи*. Но не его вина, что этого *Уложенія* нѣтъ и до сихъ поръ, хотя подготовительныя стадіи къ нему блистательно были пройдены Сперанскимъ еще 50 лѣтъ тому назадъ.

Посвящая этотъ небольшой очеркъ нашъ исключительно обзору кодификаціонныхъ работъ какъ до Сперанскаго, такъ и при немъ, мы не только

*) Какъ громадно число этихъ работъ, относящихся только къ гражданскому праву, можно видѣть въ *Систематическомъ указателѣ русской литературы по гражданскому праву* г. Поворинскаго. Спб., 1886 г.

***) Болѣе подробно объ этомъ въ моей статьѣ: *О пересмотрѣ Свода нашихъ гражданскихъ законовъ*. *Юридич. Вѣст.* 1882 г., кн. 3—4, стр. 570 и сл.

хотѣли установить по возможности ясно все то значеніе, какое имѣлъ Сперанскій въ этой изстари важнѣйшей задачѣ русскаго законодательства, но и посильно поставить на обсужденіе вопросъ о кодификаціи. Вопросъ этотъ необычайно важенъ именно теперь, когда предстоитъ скорое обнародованіе новаго уголовного *Уложенія* и когда уже приступлено къ выработкѣ новаго гражданскаго кодекса. Небезынтересно поэтому оглянуться на то, какъ вопросъ о кодексахъ ставился и разрѣшался въ нашемъ прошломъ.

Александръ Филипповъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пятисотлѣтіе со дня кончины св. преподобнаго Сергія.—Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ. — Новости переселенческаго дѣла. — Движеніе въ дѣсномъ законодательствѣ.—Перемѣна въ министерствѣ финансовъ. — Управление И. А. Вышнеградскаго.

25 сентября торжественно праздновалась пятисотлѣтняя годовщина со дня кончины основателя знаменитой въ лѣтописяхъ нашей исторіи Троицкой лавры, св. Сергія. Изъ Москвы, Владиміра, Суздаля и другихъ городовъ къ этому памятному дню двинулись въ Сергіевъ посадъ крестные ходы, сопровождавшіеся многочисленными толпами богомольцевъ. Торжество въ лаврѣ, несмотря на громадное стеченіе народа, прошло вполне стройно и произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. По всей Россіи вспоминалась благодатная дѣятельность св. Сергія, благословившаго Дмитрія Донскаго на борьбу съ татарами для освобожденія родины, крѣпко стоявшаго за единодержавіе Русской земли въ печальную пору раздоровъ между удѣльными князьями. Церковное воспоминаніе неразрывно слилось съ воспоминаніемъ о великомъ національномъ подвигѣ. Въ лицѣ преподобнаго Сергія соединяется чистый образъ монаха-земледѣльца и колонизатора съ высокимъ образомъ гражданина, въ минуту народныхъ бѣдствій непоколебимо стоявшаго могучею силой нравственнаго убѣжденія за интересы родной земли. Троицкая лавра, вѣрная завѣтамъ своего святаго основателя, оказала великія услуги освобожденію нашего отечества и въ смутное время, наступившее по смерти царя Бориса. Оживленіе памяти народной о такихъ великихъ подвижникахъ, направлявшихъ судьбы Россіи, представляется дѣломъ первостепенной важности.

Со времени изслѣдованія покойнымъ Чаславскимъ отхожихъ промысловъ, русская печать обратила вниманіе на эту сторону народной жизни и неоднократно рекомендовала различныя мѣропріятія, способныя упорядочить передвиженіе сельскихъ рабочихъ. Земскія управы южныхъ губерній, привлекающихъ къ себѣ съ сѣвера рабочія руки, не разъ предлагали этотъ вопросъ на обсужденіе земскихъ собраній. Нѣкоторыя южныя земства ходатайствовали о созывѣ областного земскаго сѣзда изъ представителей

губерній, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣмъ проектамъ, какъ ни расходятся они въ частностяхъ, присуще стремленіе точно согласовать спросъ на сельскихъ рабочихъ съ предложеніемъ труда. Забота объ этомъ возлагается иногда на частныя общества, посредническія конторы, но чаще на земскія управы, которыя должны собирать свѣдѣнія о предстоящемъ урожаѣ и сообщать ихъ во всѣ тѣ мѣстности, откуда выходятъ сельскіе рабочіе; въ послѣдніе годы передвиженіе этого люда по желѣзнымъ дорогамъ все болѣе отбѣсняетъ приходъ пѣшкомъ, а потому замѣчается стремленіе привлечь къ рѣшенію этой задачи и управленія желѣзныхъ дорогъ. Недавно, какъ передаютъ газеты, официальная коммиссія, обсуждающая этотъ вопросъ, одобрила въ принципѣ проектъ г. Баталіна. Этотъ проектъ, обсуждавшійся года четыре тому назадъ въ печати и вольно-экономическомъ обществѣ, предлагаетъ учредить въ Москвѣ центральное правительственное бюро, сдѣлать начальниковъ желѣзно-дорожныхъ станцій мѣстными агентами по заключенію сдѣлокъ о наймѣ рабочихъ и организовать непрерывную передачу по телеграфу свѣдѣній о спросѣ и предложеніи рабочихъ рукъ.

Всѣ эти проекты имѣютъ два существенныхъ недостатка: во-первыхъ, согласованіе спроса на земледѣльческій трудъ съ предложеніемъ не можетъ быть достигнуто, и, во-вторыхъ, если бы даже оно могло быть достигнуто, успѣхъ этотъ пріобрѣтался бы слишкомъ дорогою цѣной—пренебреженіемъ въ интересамъ передвигающихся рабочихъ, а частію—и къ интересамъ всего народнаго хозяйства.

Союзы рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ и многихъ странахъ съ большимъ успѣхомъ приноравливаютъ предложеніе труда къ спросу на рабочіи руки: при помощи своихъ агентовъ, они ведутъ подробную статистику невыявляемыхъ мѣстамъ, которыя открываются въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, и направляютъ туда своихъ членовъ, нерѣдко покрывая изъ своихъ средствъ издержки на передвиженіе до мѣста работы. Успѣшное посредничество въ этомъ направленіи обеспечивается самыми условіями обрабатывающей промышленности: размѣры каждаго предпріятія опредѣляютъ число нужныхъ ему рабочихъ рукъ; только въ очень рѣдкихъ случаяхъ возможно наступленіе обстоятельствъ, которыя быстро поднимаютъ спросъ на работниковъ или же уменьшаютъ его до $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ числа, сравнительно съ существовавшею потребностью.

Всѣмъ извѣстно, что именно сельское хозяйство представляетъ такія условія: благоприятная весна смѣняется сухимъ и знойнымъ лѣтомъ, поля, обѣщавшія обильный урожай, опустошаются вредными насѣкомыми и т. п. Какъ бы ни была велика прозорливость земскихъ управъ или начальниковъ желѣзно-дорожныхъ станцій, какъ бы ни были точны получаемые ими свѣдѣнія, они никогда не вправѣ утверждать, что если въ концѣ апрѣля данная мѣстность нуждается въ 10,000 рабочихъ, то въ половинѣ іюня потребность въ рабочихъ не упадетъ до 5,000 или не повысится до 15,000. Допустимъ, однако, что предсказанія земскихъ управъ оправдываются бук-

важно, что данная мѣстность, дѣйствительно, будетъ нуждаться лишь въ такомъ числѣ рабочихъ, какое предусматривается еще съ самаго начатка полевыхъ работъ; что объ этомъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе, и является по волостнымъ правленіямъ и тѣмъ дѣлается извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, желающихъ пойти на заработокъ. Предположимъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, что желаютъ двинуться въ отходъ гораздо больше людей, нежели число, которое можетъ найти себѣ работу. Какъ быть съ этими лишними 10, 20, 100 тыс.? Удерживать ихъ силой? Но кого, именно, изъ этой массы идущихъ на заработки? Совѣтовать, чтобы они оставались дома? на такой совѣтъ они съ полнымъ основаніемъ отвѣтятъ: «Мы охотно останемся, если вы пришлите намъ здѣсь работу». Бросить жребій?... Вся масса *лишнихъ* будетъ настойчиво преслѣдовать такая мысль: «Если бы мы поехали, то ушедшіе заработаютъ по 1 рублю въ день; а если мы пойдёмъ то за день больше 60 копѣекъ платить не станутъ; пойдёмъ же и заработаемъ по 60 к. въ день, такъ какъ дома останемся, пожалуй, совсемъ безъ хлѣба». И эти лишніе пойдутъ и понизятъ для всей массы рабочихъ плату или же вовсе не найдутъ занятія.

Предположимъ, однако, что обойдено и это препятствіе: спросъ рабочихъ согласованъ съ ихъ предложеніемъ. Развѣ можно, при такихъ условіяхъ, считать ежегодное передвиженіе рабочихъ нормальнымъ? Развѣ можно ставить челоуѣка въ зависимость отъ заработка, который объщаетъ ему за три-девять земель? Развѣ нормальна ежегодная потеря времени для передвиженія за 500, 1,000 верстъ въ поискахъ за работой? Развѣ наконецъ, нормальны всѣ неудобства и лишенія, которымъ припшлый рабочий подвергается на мѣстѣ своей работы? Если опредѣлить всю массу идущихъ отбывающихъ на сельскія работы, только скромною цифрою въ полмилліона душъ, расходъ каждаго на передвиженіе въ оба конца только 20 рублей, то потери народнаго хозяйства опредѣляются въ 10 милліоновъ рублей деньгами, кромѣ милліоновъ рабочихъ дней, проводимыхъ передвижными людямъ въ дорогѣ. Считать это нормальнымъ—значить отказываться отъ драгоценнаго свойства нашего ума, его способности оцѣнивать очевидное, осуждать то, что заслуживаетъ порицанія, и приписывать средства къ улучшенію общественнаго порядка.

Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ рѣзко отличены отъ всѣхъ другихъ отхожихъ промысловъ. Каменьщики, плотники, маляры, которыхъ переполнены селенія Тверской, Ярославской, Костромской и другихъ губерній, имѣютъ свою специальность такіе промыслы, которыми они могутъ заниматься на своей родинѣ или въ очень малыхъ размѣрахъ, и где же могутъ заниматься ими вовсе: для плотниковъ еще есть кое-какая работа русскихъ деревняхъ (гдѣ почти каждый владѣетъ топоромъ), для каменьщика или маляра часто вовсе нѣтъ работы. Если бы такой каменьщикъ или маляръ покинулъ свою родину и поселился въ деревнѣ же въ любомъ концѣ Россіи, положеніе дѣлъ осталось бы неизмѣннымъ: *онъ города* не могъ бы извлекать изъ своего промысла сколько-нибудь удовлетворитель-

тельный заработокъ. Такимъ образомъ, самый характеръ этихъ даетъ ихъ отхожими промыслами, устанавливаетъ тѣсную, неразрывную между городами и этими ремесленниками-поселянами.

Иной принципъ лежитъ въ основаніи промысла тѣхъ крестьяне отправляются со своей родины на югъ для земледѣльческихъ работъ. Промыселъ, ради котораго они дѣлаютъ многія сотни и тысячи верстъ, связанъ только съ деревней. Если они вдали отъ своего дома и семьи ищутъ мѣста для занятія промысломъ, то лишь потому, что на родинѣ ихъ надѣлы, по количеству или качеству, не даютъ достаточнаго дохода и даже въ теченіе лѣта не занимаютъ сполна ихъ рабочей силы. Единственно вѣрный и государственный способъ рѣшенія задачи состоитъ въ томъ, чтобы навсегда передвинуть значительную часть всей этой массы сельскихъ рабочихъ въ тѣ мѣстности, куда направляются они посреди лѣта, для земледѣльческаго труда.

Сравнивая населенность губерній, откуда направляются сельскіе рабочіе, и тѣхъ, гдѣ они въ теченіе лѣта прилагаютъ свой трудъ, мы убѣждаемся, какъ несообразно рѣдко населены мѣстности, которыя пользуются и благопріятнымъ климатомъ, и плодороднѣйшею почвой. Губерніи первой категоріи имѣютъ на 1 кв. версту слѣдующее число душъ: Тамбовская—44,6, Черниговская—45,1, Харьковская—47,1, Полтавская—60,5, Кіевская—63,6. Губерніи же, привлекающія сельскихъ рабочихъ, на 1 кв. версту имѣютъ: Херсонская—32,6, Екатеринославская—30,1, Таврическая—20, Самарская—17,6, области Войска-Донскаго—11,3, Кубанская—15,3, Ставропольская—10,9. И такъ, губерніи этого разряда, при весьма благопріятныхъ условіяхъ внѣшней природы, населены въ два-три раза менѣе густо, чѣмъ мѣстности первой категоріи. Частное землевладѣніе этихъ губерній и въ своихъ личныхъ интересахъ, и въ интересахъ всего народнаго хозяйства Россіи имѣетъ прямую обязанность водворить на своихъ земляхъ поселенцевъ, которые почти изъ года въ годъ передвигаются туда только для полевыхъ работъ.

Установленіе частными владѣльцами умѣренныхъ цѣнъ на собственныя земли и приобрѣтеніе этихъ земель крестьянскимъ банкомъ, для распродажи малоземельнымъ крестьянамъ, постепенно суживали бы площадь, на которой въ настоящее время пришлые рабочіе прилагаютъ свой трудъ. Уменьшеніе числа людей, кочующихъ по Руси въ поискахъ за кускомъ хлѣба, и обезпеченіе ихъ земельнымъ надѣломъ на мѣстахъ, гдѣ они находятъ нынѣ непостоянный заработокъ, доставило бы большія выгоды всему народному хозяйству. Но и продавцы земли не остались бы въ накладѣ. Въмѣсто того, чтобы вести первобытное опустошительное хозяйство на десяткахъ тысячъ десятинъ, они получили бы возможность сосредоточить капиталы, вырученные отъ продажи земли, на гораздо меньшей площади, получили бы возможность усовершенствовать земледѣльческіе приемы и тѣмъ безостановочно поднимали бы цѣнность и доходность своихъ владѣній.

Каждый новый фактъ побѣды переселенцевъ надъ трудностями, которыя они встрѣчаютъ на мѣстѣ водворенія, заставляетъ снова и снова требовать упорядоченія переселенческаго дѣла во всемъ его объемѣ. Корреспондентъ *Русской Жизни* (№ 252) передаетъ намъ, какъ хорошо устроились крестьяне, уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ переселившіеся въ числѣ 3,000 душъ изъ Кіевской губерніи въ Мелитопольскій уѣздъ:

«Пришли они къ намъ въ серединѣ лѣта безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, нагрузивъ лишь десятокъ невзрачныхъ повозокъ своимъ нищенскимъ скарбомъ и дѣтьми. Видъ несчастныхъ переселенцевъ былъ дѣйствительно ужасенъ. Оборванные, полуголодные, измученные, остановились они въ степи, напоминая цыганскій таборъ. Приѣхавшій скоро мировой посредникъ роздалъ имъ правительственное пособие въ размѣрѣ 55 рублей на домохозяина. На эти средства были выстроены землянки и куплено паръ жеребятъ. На первый годъ переселенцы землю, отведенную имъ по 8 десятинъ на душу, отдали подъ скопщину старожиламъ сосѣднихъ селъ, но черезъ годъ они стали уже сами обрабатывать землю. Не увлекшись мелкою пахотой по примѣру мѣстныхъ крестьянъ, истощившихъ весь питательный запасъ верхнихъ слоевъ почвы, переселенцы стали распахивать землю глубоко. Результаты сказались самые благоприятные: урожай обильный, хлѣбъ лучшій, сѣмена крупныя и т. д. Продолжая такъ вести свое хозяйство, не увлекаясь излишнимъ мертвымъ инвентаремъ и кабакомъ, который послѣ недолгаго существованія совершенно закрылся, крестьяне эти въ экономическомъ отношеніи стали теперь выше прочихъ селъ въ губерніи. Даже въ послѣдніе неурожайные годы они не только не пользовались ссудами на продовольствіе и обѣмненіе, но снабжали даже хлѣбомъ земство для тѣхъ старожиловъ, на чьихъ земляхъ они когда-то подбирали оставленные колосья. Плуги, жатвенныя машины и вѣялки нашли у нихъ первыхъ практическое примѣненіе и сохраняются даже зимою въ образцовомъ порядкѣ, а не валяются подъ дождемъ и снѣгомъ, какъ у насъ въ селахъ».

Такіе факты, наблюдаемые въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи, заставляютъ пожалѣть, что переселенческое движеніе, приостановленное весной настоящаго года за недостаткомъ обмежеванныхъ земель, вѣроятно, будетъ еще долго ждать полнаго законодательнаго регулированія и необходимой матеріальной поддержки. А опубликованныя 14 минувшаго августа правила о поселеніи въ Амурской и Приморской областяхъ рѣзко и невыгодно отличаются отъ принциповъ, которые положены въ основаніе переселенческаго закона 13 іюля 1889 года. Тамъ поставлено цѣлью развитіе въ Сибири крестьянскаго землевладѣнія, и, притомъ, не частнаго, а общественнаго: законъ даетъ поселенцамъ земли въ размѣрѣ обычнаго крестьянскаго надѣла (15—21 десятину на душу въ сибирскихъ губерніяхъ) не въ собственность, а въ безсрочное пользованіе. Удерживая за собою право собственности и дѣлая поселенцевъ наследственными арендаторами, государство устанавливаетъ между ними и землей связь довольно

прочную для того, чтобы они чувствовали себя на мѣстѣ водворенія какъ дома, но препятствуетъ обезземеленію однихъ и скопленію большихъ земельныхъ имуществъ въ рукахъ другихъ. Какъ ни много недостатковъ находимъ мы въ законѣ 13 іюля, онъ имѣетъ высокое принципиальное значеніе, которое желательно сохранить и при дальнѣйшемъ движеніи переселенческаго законодательства. Новыя правила совершенно порываютъ съ этимъ принципомъ. Земли отчуждаются переселенцамъ въ собственность по 3 рубля за 1 десятину съ правомъ пріобрѣтенія въ однѣ руки до 400 десятинъ и даже до 1000 десятинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣтатель имѣетъ въ виду «основаніе значительнаго, полезнаго для края промышленнаго предпріятія». Такимъ образомъ, правила не кладутъ основы для развитія только крестьянскаго землевладѣнія, а облегчаютъ водвореніе въ край среднихъ и даже крупныхъ владѣльцевъ. Теперь никто изъ землевладѣльцевъ не двинется въ этотъ отдаленный край, чтобы вести тамъ хозяйство съ помощью наемнаго труда, невыгоднаго при рѣдкомъ населеніи и низкой цѣнности земель. Но въ недалекомъ будущемъ условія измѣнятся: проведеніе сибирской желѣзной дороги сдѣлаетъ этотъ край менѣе отдаленнымъ, усилитъ притокъ поселенцевъ и подниметъ цѣны на землю. Многіе изъ переселенцевъ, двинувшіеся на восточныя окраины со значительными средствами, не успѣютъ устроиться и станутъ продавать свои земли болѣе счастливымъ сосѣдямъ. Такъ какъ законъ не препятствуетъ отчужденію земли и не ограничиваетъ нормы владѣнія для земель, которыя будутъ куплены у ихъ новыхъ собственниковъ, то постепенно образуются крупныя поземельныя единицы, во многія тысячи десятинъ, а на ряду съ ними ихъ неизбѣжный спутникъ—безземельные сельскіе рабочіе. Этотъ безземельный людъ, даже накопивъ упорнымъ и многолѣтнимъ трудомъ коекакія деньжонки, уже не будетъ имѣть къ своимъ услугамъ казенную землю по 3 рубля за десятину (по этой цѣнѣ казна быстро распродастъ всѣ свои удобныя земли), а дорогіе участки крупныхъ землевладѣльцевъ. Еще можно было бы не возражать противъ такого порядка, если бы было основаніе рассчитывать, что пріобрѣтатели 300—400 десятинъ заведутъ усовершенствованное хозяйство, которое послужитъ образцомъ для менѣе состоятельныхъ владѣльцевъ. Но попытки создать среднихъ хозяевъ въ Западной Сибири и даже Кавказѣ не привели ни къ чему и на восточной окраинѣ не будетъ лучшихъ результатовъ. Цѣль же политико-стратегическая—заселеніе края—будетъ достигнута всего скорѣе, если разовьется мелкое крестьянское землевладѣніе, обеспеченное отъ обезземеленія большинства и сохраненія обширныхъ недвижимостей въ рукахъ немногихъ. Говоря о переселеніи и разселеніи, мы должны съ грустью сознаться, что за короткое время почти изсякъ крупный земельный фондъ, который могъ бы дать прочное обезпеченіе многимъ десяткамъ тысячъ крестьянскихъ семей. Это—имѣнія кн. Гогенлоэ. Расположенныя въ 4 западныхъ губерніяхъ: Виленской, Витебской, Ковенской и, главнымъ образомъ, Минской, они занимали площадь въ 856,578 десятинъ. Эта площадь, избыточная лѣсами,

лугами, обильно орошенная, представляет всё условия для успешнаго развитія сельскаго хозяйства. Приобрѣти казна эту землю 3 года тому назадъ, когда владѣлица только начинала распродажу своихъ имѣній и была готова, при единовременной продажѣ, уступить ихъ за очень низкую цѣну, получила бы возможность, *безъ всякихъ затратъ*, водворить тамъ болѣе 100,000 душъ. Казна не покупала, не было налицо частнаго общества, которое поставило бы себѣ такую задачу не въ видахъ коммерческихъ, а изъ соображеній общественной пользы, и вотъ земли начали переходить очень крупными участками въ руки отдѣльныхъ лицъ. До іюня 1891 года было распродано 150,000 десятинъ, къ октябрю—до 220,000, въ іюнѣ нынѣшняго года оставались непроданными только 250,000, и теперь—уже меньше 200,000. Многіе купили по 5, 10, 20 тысячъ десятинъ, а въ руки одного лица продано даже болѣе 180,000. За прошлый годъ мелкими кусками въ руки крестьянъ продано только до 8%. А изъ всей остальной площади, купленной крупными участками, 80% было приобретено лицами, которыя купили не для веденія хозяйства, а для перепродажи крестьянамъ мелкими участками съ большимъ барышомъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что воздѣльватели земли, получивъ ее (въ собственность или арендное содержаніе) изъ третьихъ рукъ, сядутъ на новой осѣдлости не исправными, обеспеченными домохозяевами, а неоплатными должниками. Хорошо было бы, если бы казна купила чрезъ крестьянскій банкъ хотя остатки этой обширной земельной площади и доставила ее поселянину на нормальныхъ условіяхъ.

Переселеніе и разселеніе могутъ имѣть серьезное значеніе для русскаго народнаго хозяйства только подъ условіемъ, что не будутъ хищнически обращаться съ дарами природы, какъ то повсемѣстно происходитъ въ нашемъ отечествѣ. Куда ни пересели людей, какими льготами ни обставь ихъ водвореніе на новомъ мѣстѣ, они скоро обратятъ его въ пустыню, если не съумѣютъ правильно пользоваться производительными силами земли и воды. Пользованіе лѣсами занимаетъ въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто. Движеніе въ *лесоохранительномъ законодательствѣ* доказываетъ, что наше правительство не хочетъ относиться безучастно къ истощенію естественныхъ богатствъ. Въ настоящемъ году положеніе о сбереженіи лѣсовъ распространено на губерніи Витебскую, Могилевскую, Минскую и Смоленскую, и недавно министръ государственныхъ имуществъ внесъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта положеніе о сбереженіи крестьянскихъ лѣсовъ, которое опредѣляетъ максимальный размѣръ рубокъ крестьянскаго лѣснаго надѣла въ $\frac{1}{100}$ всей площади для хвойныхъ и $\frac{1}{100}$ —для лиственныхъ лѣсовъ. Не знаемъ, на какую часть Россіи будетъ распространень этотъ законъ. Если онъ, какъ то первоначально было съ лѣснымъ закономъ 4 апрѣля 1888 г., будетъ распространень только на безлѣсныя и мало-лѣсныя губерніи, то онъ останется мертвою буквой, такъ какъ въ южной, средней и даже частью сѣверной Россіи крестьянскіе надѣльные лѣса оконча-

тельно вырублены, и порубы изъ-подъ нихъ обращены въ пашни и дуга. Новый законъ будетъ имѣть жизненное значеніе только въ томъ случаѣ, если распространится даже на отдаленный сѣверъ Европейской Россіи и на губерніи и области Сибири, гдѣ еще сохранились крестьянскіе лѣса. Но даже самая цѣлесообразная редакція закона о правильной рубкѣ крестьянскихъ лѣсовъ не можетъ въ такой мѣрѣ защитить лѣсныя богатства нашего отечества, какъ то могло бы быть достигнуто нѣкоторыми поправками въ «Положеніи» 4 апрѣля 1888 года, весьма полезномъ по принципамъ, но не полномъ и оставляющемъ очень много лазеекъ для всѣхъ, кто хочетъ обойти законъ. Законъ дѣйствуетъ уже 5 годъ, а, между тѣмъ, въ печати не перестаютъ раздаваться жалобы на то, что истребленіе лѣсовъ не только не остановилось, но идетъ впередъ даже ускореннымъ ритмомъ и что во многихъ мѣстахъ, подлежащихъ дѣйствію этого закона, цѣны лѣсныхъ матеріаловъ понизились въ большой пропорціи. Мы не будемъ утомлять читателей выписками изъ многочисленныхъ газетныхъ статей, такъ какъ факты эти общеизвѣстны. Но напомнимъ о статьяхъ закона 4 апрѣля 1888 года, которыя даютъ отличный выходъ для всѣхъ, желающихъ неограниченно пользоваться лѣсными богатствами, находящимися въ ихъ распоряженіи. Ст. 11 разрѣшаетъ обращеніе лѣсной почвы въ другой видъ угодій при раздѣлахъ имущества. Лѣсопромышленники умѣютъ пользоваться этою статьей и совмѣстно покупаютъ лѣсныя дачи, чтобы вырубать ихъ подъ предлогомъ раздѣла имущества. Такая льгота для совладѣльцевъ лѣса никоимъ образомъ не можетъ быть признана цѣлесообразною: если законъ устанавливаетъ ограниченіе для единоличныхъ владѣльцевъ, хотя бы ихъ интересы и выигрывали отъ возможно быстрой вырубкы лѣсныхъ угодій, то нѣтъ основанія относиться съ особенною исключительною нѣжностью къ совладѣльцамъ, когда они приступаютъ къ раздѣлу имущества. Ст. 11 содержитъ и другой пунктъ, который служитъ источникомъ многочисленныхъ злоупотребленій: обращеніе лѣсной почвы въ другой видъ угодій допускается, говоритъ законъ, «когда того требуютъ болѣе выгодное устройство имѣнія». Эта редакція такъ обща, силы лѣсоохранительныхъ комитетовъ такъ ограничены, что лѣсовладѣлецъ, даже не особенно искусный въ діалектикѣ, легко доказываетъ администраціи необходимость обратить часть своихъ лѣсныхъ дачъ въ другой видъ угодій. Укажемъ, наконецъ, на ст. 41, которая еще болѣе облегчаетъ обходъ основной цѣли закона. Она разрѣшаетъ владѣльцу вырубать лѣса и расчищать порубы, если лѣсоохранительный комитетъ не имѣетъ заявленій о необходимости признать лѣсъ защитнымъ или когда лѣсная дача очень обширна и расчистка ея не можетъ повредить обилію водныхъ источниковъ. Понятіе объ обширности лѣсныхъ дачъ до такой степени неопредѣленно, что даетъ поводъ къ весьма несходнымъ толкованіямъ: въ среднихъ малолѣсныхъ губерніяхъ обширною считается лѣсная дача въ 2,000—3,000 десятинъ, она несомнѣнно представляется обширною съ точки зрѣнія ея владѣльца; но для цѣлой округи,—а эта точка зрѣнія и должна быть господствующею,—она незначительна и въ

мѣстности малолѣсной должна быть сохраняема. При такихъ крупныхъ недостаткахъ лѣсоохранительный законъ не можетъ имѣть полезнаго вліянія и тѣми своими статьями, которыя цѣлесообразны, такъ какъ органы, наблюдающіе за его исполненіемъ, слабы личными силами: 1—2 лѣсные ревизора на цѣлую губернію—вотъ члены лѣсоохранительныхъ комитетовъ, которые не имѣютъ другихъ служебныхъ занятій и могутъ всецѣло посвятить себя надзору за лѣсами. Но что могутъ сдѣлать 1—2 лица въ такомъ дѣлѣ, гдѣ контроль особенно труденъ и при помощи чиновъ полиціи, заваленной множествомъ разнообразныхъ служебныхъ обязанностей? Вотъ слабыя стороны общаго лѣсоохранительнаго закона. Разъ дается толчокъ этому законодательству, то слѣдуетъ устранить ихъ. Тѣмъ болѣе нужно вспомнить о нихъ, что нерасчетливыя вырубкі лѣсовъ не находятъ себѣ даже слабаго противоясія въ лѣсо-возобновительныхъ работахъ: за 1891 годъ министерство государственныхъ имуществъ засѣяло и засадило лѣсомъ 3,950 десятинъ, преимущественно въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской и Самарской, а за тотъ же періодъ, вслѣдствіе крайней неполноты лѣснаго закона, вырублены многія сотни тысячъ десятинъ, которыя могли бы быть сбережены русскому народному хозяйству.

Когда министръ финансовъ сходитъ со сцены, то принято измѣрять степень пользы, принесенной имъ государственнымъ финансамъ; значительностью дефицитовъ или избытковъ и числомъ дефицитныхъ годовъ за время его управленія. И теперь нѣкоторыя газеты, оцѣнивая дѣятельность бывшаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, ставятъ ему въ упрекъ дефицитъ настоящаго года, тѣмъ болѣе, что русскіе финансы находились нѣсколько лѣтъ, повидимому, въ блестящемъ положеніи. Такой способъ оцѣнки совершенно ошибоченъ. Дефицитъ можетъ быть или слѣдствіемъ явленій, которыя (война, неурожай) вовсе не стоятъ въ связи съ финансовымъ управленіемъ, или же результатомъ такого несоотвѣтствія между государственными расходами и платежными силами населенія, которое финансовое управленіе можетъ, и то медленно, уменьшить, но не уничтожить. Если въ теченіе многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій государственные расходы были чрезмѣрно велики (повсюду и особенно у насъ такими расходами являются затраты на военную силу), то никакое финансовое искусство не сдѣлаетъ этихъ расходовъ необременительными. И разъ чрезмѣрные расходы служатъ источникомъ хроническихъ дефицитовъ, финансовый годъ можетъ быть заключенъ съ избыткомъ только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, какимъ для нашего отечества, прежде всего, служить урожай.

Степень пользы, доставленная государственному хозяйству тѣмъ или другимъ министромъ финансовъ, должна быть измѣряема преобразованіями, которыя совершились въ финансахъ, значеніемъ, которое, при всѣхъ этихъ преобразованіяхъ, придавалось общепароднымъ интересамъ, большею или меньшею способностью со стороны главы финансового вѣдомства подняться надъ узкими финансовыми расчетами и соображеніями.

Если мы, держась указанныхъ точекъ зрѣнія, сравнимъ управленіе финансами Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго, то намъ бросится въ глаза рѣзкая разница между переменными, совершившимися въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ за первую половину 80-хъ годовъ и въ послѣдніе годы.

Въ началѣ 80-хъ годовъ обветшавшая система нашихъ государственныхъ налоговъ пополнилась нѣсколькими новыми элементами, которые способствовали ея замѣтному обновленію. Элементы подоходнаго налога, дотолѣ отчасти извѣстные только нашему крестьянству въ его практикѣ распределенія государственныхъ и общественныхъ налоговъ, были внесены въ наши финансы раскладочнымъ налогомъ съ болѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій, 3%-мъ сборомъ съ акціонерныхъ обществъ и товариществъ и 5%-мъ налогомъ на доходы съ денежныхъ капиталовъ. Новыя подати съ лицъ промышленнаго и торговаго класса, притомъ, распределяемыя на началахъ раскладочнаго обложенія податными присутствіями, не привели къ окончательному уравниенію платежныхъ тягостей для крупныхъ, среднихъ и мелкихъ представителей нашего промышленнаго класса; но они устранили ту крайнюю неравномѣрность, вслѣдствіе которой, по заявленію самого министерства финансовъ въ 1880 году, крупные производители платили, относительно, въ 20, 30, 50 разъ меньше, нежели мелкіе. Пятипроцентный сборъ съ дохода отъ денежныхъ капиталовъ, чаще именуемый купоннымъ налогомъ, имѣлъ, помимо финансоваго, и большое нравственное значеніе: людямъ, которые извлекаютъ весь доходъ свой изъ денежныхъ капиталовъ, которые были дотолѣ свободны отъ всѣхъ прямыхъ податей и которые склонны считать только биржу и банкирскую контору своимъ отечествомъ, онъ напомнилъ о платежныхъ обязанностяхъ относительно государства. Дальнѣйшимъ крупнымъ приобрѣтеніемъ послужилъ для нашихъ финансовъ налогъ съ наслѣдства; онъ замѣнилъ старую пошлину съ наслѣдства и сразу сталъ на уровень этого вида обложенія въ европейско-американскомъ мѣрѣ. Налогъ съ наслѣдства, возрастающій въ окладѣ, по мѣрѣ ослабленія родственной связи между умершими и наслѣдниками, осуществляетъ великую идею труда, какъ основанія для права собственности: чѣмъ слабѣе родственныя узы, тѣмъ, предположительно, меньшее участіе принималъ наслѣдникъ въ накопленіи имущества умершаго, тѣмъ меньшее право имѣетъ онъ на это наслѣдство и тѣмъ болѣешую долю обязанъ онъ уступить государству. Къ тому же періоду относятся и большія поправки въ строѣ нашего финансоваго управленія. На податныхъ инспекторовъ—и по существу дѣла, и по буквѣ закона—слѣдуетъ смотрѣть какъ на должностныхъ лицъ, которыя призваны не только отыскивать источники доходовъ, нерѣдко скрываемые отъ финансоваго управленія недобросовѣстными гражданами, но и щадить эти источники, развѣ платежная сила ихъ чрезмѣрно напряжена, т. е. способствовать уравниенію податнаго бремени. Введеніе податныхъ присутствій заслуживаетъ также полнаго вниманія: хотя общественное представительство въ податныхъ присутствіяхъ и не даетъ

государству полной гарантіи, что доходы плательщиковъ раскладочнаго сбора показываются въ ихъ дѣйствительномъ размѣрѣ, однако, служить ручательствомъ, что вся сумма сбора распредѣляется между плательщиками съ приблизительнымъ соблюденіемъ начала равенства.

Первая половина восьмидесятыхъ годовъ и потому еще составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи нашихъ финансовъ, что въ ихъ вѣдомствѣ осуществились нѣкоторыя обще-экономическія мѣропріятія, очень важныя для всего русскаго народнаго хозяйства. Проекты многихъ и небольшихъ земельно-ссудныхъ операцій нѣкоторыхъ земствъ нашли яркое выраженіе въ государственномъ органѣ—крестьянскомъ земельномъ банкѣ; въ 3—4 года онъ распространилъ свою дѣятельность уже на большую часть русскихъ губерній, содѣйствовалъ переходу въ руки крестьянъ-землевладѣльцевъ болѣе 800,000 десятинъ земли и тѣмъ возобновилъ благотворное содѣйствіе правительства крестьянамъ въ приобрѣтеніи и расширеніи земельныхъ надѣловъ. Скажемъ, наконецъ, что историки нашего экономическаго быта всегда будутъ останавливаться съ огорченіемъ на фабричномъ законѣ и введеніи фабричнаго инспектората. Какъ ни мало ограниченій ввелъ законъ 1 іюня 1882 года для охраны наемныхъ работниковъ, во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ первый и потому уже самый важный шагъ—запретилъ допускать къ фабричнымъ работамъ дѣтей моложе 12-ти лѣтняго возраста и тѣмъ оказала крупную услугу здоровью нашего будущаго фабричнаго населенія. А второй шагъ—ограниченіе ночной работы женщинъ и подростковъ (3 іюня 1885 г.)—приблизилъ наше фабричное законодательство къ тому уровню, на которомъ стоятъ фабричныя законы Западной Европы.

Что же сдѣлано за послѣдніе годы?

Система нашихъ косвенныхъ налоговъ обогатилась двумя новыми членами—налогомъ на освѣтительныя нефтяныя масла, установленнымъ съ 15 января 1888 года, и податью съ зажитательныхъ спичекъ, введенною съ 1 мая 1888 года. Первый установленъ въ размѣрѣ 40 копѣекъ съ пуда освѣтительныхъ маселъ. Окладъ второй составляетъ $\frac{1}{4}$ коп. съ каждаго помѣщенія спичекъ, содержащаго не болѣе 75 штукъ, и въ 1 копѣйку для помѣщеній отъ 75 до 300 штукъ, съ обязательною нормой бандеролей не менѣе 1,500 рублей въ годъ для фабрикъ, существовавшихъ при введеніи подати, и не менѣе 3,000 рублей для всѣхъ, которыя возникли или будутъ основаны послѣ введенія налога. Сверхъ того, патентный сборъ со спичечныхъ фабрикъ въ 50 рублей при ручныхъ станкахъ, 100 рублей при конныхъ приводахъ и 150 рублей при наличности паровыхъ машинъ. За 1890 годъ оба налога дали государственному казначейству до 15.300,000 рублей. Предъ введеніемъ этихъ налоговъ въ *Вѣстникъ Финансовъ* были напечатаны обширныя статьи съ данными о состояніи нефтянаго и спичечнаго производствъ и съ исчисленіемъ платежныхъ тягостей, которыя эти налоги могутъ причинить населенію. *Вѣстникъ Финансовъ* (1880 г., № 250) исчислилъ, что безъ налога освѣщеніе керосиномъ стоить въ 3 раза дешевле газоваго и въ 22,9 раза дешевле освѣщенія стеариномъ; по уста-

леніи же налога освѣщеніе газомъ будетъ, все-таки, стоить дороже ке-
ринового въ 1,8 раза, а стеариновое—въ 13,7 раза. Нечего и говорить,
налогъ на спички возлагаетъ на каждую семью податное бремя въ не-
скольکو копѣекъ. Такое положеніе дѣлъ, повидимому, вполне оправдываетъ
существованіе этихъ налоговъ.

Однако, если даже и признать незначительнымъ излишекъ платежей, ко-
торые принесли эти налоги недостаточнымъ классамъ населенія, и тогда
можно будетъ отнестись къ нимъ съ полнымъ отрицаніемъ. Въ первой половинѣ
этого годовъ, какъ выше указано, были сдѣланы замѣтные шаги на-
правленные къ обновленію нашей податной системы. Нужно смотрѣть на пер-
вые попытки, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія методологической,—
на дарованіе новымъ началамъ права гражданства въ области рус-
ской финансовой политики. Эти начала подходнаго обложенія сами по се-
бе послужили отрицаніемъ устарѣлыхъ финансовыхъ традицій; послѣднія
составляли отыскивать новые источники дохода почти исключительно въ
области косвенныхъ налоговъ, которые и достигли у насъ чрезвычайныхъ
высокихъ степеней. Дальнѣйшее развитіе новыхъ началъ соответствовало бы тре-
бованіямъ научной мысли, все болѣе ясно сознаваемымъ въ законодатель-
скихъ Западной Европы. Ограничиться первыми шагами и снова прибѣг-
нуть къ податямъ на предметы общераспространеннаго потребленія—зна-
ло бы уступить давно знакомому, но грубому финансовому эмпиризму.

Развитіе таможенныхъ налоговъ занимаетъ выдающееся мѣсто среди фи-
нансовыхъ мѣропріятій послѣдняго пятилѣтія. Съ 1877 года, когда пошли
были переведены на золотую валюту, начались частныя повышенія тамо-
женныхъ налоговъ, которые и завершились новымъ тарифомъ, введеннымъ
въ дѣйствіе съ 1 іюля 1891 года. Новый тарифъ имѣетъ цѣлью оказывать
вредительство всѣмъ отраслямъ промышленности, начиная съ добычи
угля и кончая выработкою наиболее дорогихъ издѣлій. Дабы поощрить
производство сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности, установ-
лены пошлины на нѣкоторые предметы, дониндѣ ввозившіеся беспошлинно,
таковы: сѣра, сѣрный колчеданъ, глина, камни для фабричныхъ произ-
водствъ и др.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ правительственныхъ заботъ явилась
забота о новомъ тарифу, химическая промышленность. Въ этихъ видахъ повыше-
на пошлина на цѣлый рядъ издѣлій нашего химическаго производства, меж-
ду прочимъ, и на суперфосфаты, кость, обработанную сѣрною кислотой,
и на нѣкоторые земледобрительные туки, сало, стеаринъ и многіе другіе предметы.
При металловъ не въ дѣлѣ было обращено особенное вниманіе на чугуны.
Пошлина на него повышена съ 25 и 30 до 35 копѣекъ съ пуда, а на спе-
циальные сорта чугуна—до 50 копѣекъ. Пошлина на разные сорта желѣза
также увеличена. Возвышенными пошлинами защищено также и ма-
шиностроительное производство. То же скажемъ и о производствахъ по-
работкѣ волокнистыхъ веществъ. Пошлина на шерсть крашенную и не-
крашенную повышена съ 4½ и 6 руб. золотомъ съ пуда до 5½ и 7 руб.

Пошлина на шерстяныя ткани возвышена до 1 руб. 20 к. и 1 руб. 50 к. золотомъ съ 1 фунта. Къ пошлинамъ на крученый шелкъ сдѣланы очень крупныя надбавки: онѣ повышены съ 19 р. 20 копѣекъ на 1 пудъ некрашеннаго и 38 р. 40 к. на 1 пудъ крашеннаго шелка до 40 и 56 рублей. Крупное увеличеніе пошлины установлено для всѣхъ родовъ шелковыхъ тканей. Таможенный налогъ на мѣха увеличенъ съ 43 руб. 20 коп. до 50 рублей съ 1 пуда. Изъ писчебумажныхъ издѣлій высшіе сорта обложены почти въ двойномъ размѣрѣ. Крупныя надбавки (для нѣкоторыхъ сортовъ на 100—120%) сдѣланы также къ пошлинамъ на многія стеклянныя и фарфоровыя издѣлія и на различныя издѣлія изъ дерева.

Мы дадимъ понятіе о бремени, которое наши таможенные налоги возлагаютъ на потребителей, если сравнимъ наши тарифныя ставки съ обложеніемъ соответствующихъ товаровъ въ Западной Европѣ. На 1 пудъ падаетъ таможеннаго налога: на чай 21 руб. золотомъ въ Россіи, 5 р. 20 к. въ Германіи и 10 р. 40 к. въ Австріи; на бумажныя ткани 14—58 руб. въ Россіи, 4—10 рублей въ Германіи, 3 р. 20 к.—10 р. въ Австріи; на сельско-хозяйственныя машины 70 копѣекъ въ Россіи, 15—25 коп. въ Германіи, 15—50 коп. въ Австріи; на писчую бумагу 3 р. 95 к. въ Россіи, 50 коп. въ Германіи и 70 к. въ Австріи. Словомъ, при покупкѣ многихъ товаровъ, русскій человекъ платитъ таможенныхъ налоговъ на 200—300% больше, чѣмъ населеніе Германіи и Австріи.

При возвышеніи таможенныхъ податей обыкновенно ссылаются на интересы промышленности, которая, будто бы, требуетъ усиленнаго покровительства. И наше министерство финансовъ мотивировало повышеніе таможенныхъ пошлинъ невозможностью для различныхъ отраслей русской промышленности соперничать съ Западною Европой. Однако, официальныя данныя, собираемыя для исчисленія 3-хъ процентнаго сбора, доказываютъ, что въ тѣхъ отрасляхъ, которыя усиленно охраняются таможенными налогами, многія предприятия даютъ огромныя барыши, вовсе не извѣстные западно-европейскимъ предпринимателямъ. За 1887 годъ наши большія бумагопрядильни дали отъ 21,3 до 38 процентовъ чистой прибыли на основной капиталъ; товарищество шерстяныхъ издѣлій Торнтонъ—45% и т. д. Такъ какъ промышленники очень охотно уменьшаютъ дѣйствительныя барыши въ своихъ официальныхъ отчетахъ, то есть полное основаніе предполагать, что эти цифры даже ниже дѣйствительныхъ.

Усиленныя заботы о насажденіи въ Россіи различныхъ отраслей фабричной и заводской промышленности могутъ содѣйствовать возникновенію многихъ новыхъ фабрикъ и заводовъ, но не въ состояніи обезпечить ихъ издѣліямъ такой обширный рынокъ сбыта, который способствовалъ бы безостановочному ихъ расширенію. Обороты промышленныхъ предприятий расширяются, когда возрастаетъ запросъ на ихъ издѣлія. Кто же потребители русскихъ фабрикатовъ? Промышленность Западной Европы ушла, сравнительно съ нашею, такъ далеко впередъ, что мы не можемъ рассчитывать на снабженіе Запада нашими издѣліями. Восточныя страны могли бы по-

купать большія массы нашихъ фабрикатовъ, но тамъ мы должны соперничать съ англичанами, американцами, нѣмцами, французами, которые опередили насъ не только въ дѣлѣ промышленной техники, но и искусствомъ завязывать и упрочивать торговыя сношенія съ чужеземными народами. Учень мало вѣроятія, чтобы мы остались побѣдителями въ этомъ соперничествѣ. Хорошимъ подспорьемъ могли бы служить для насъ благоприятные торгвыя договоры съ народами низшей цивилизаціи. Но это введетъ насъ уже въ область мечтаній: остановимся у самаго входа въ нее и не будемъ строить наши расчеты на такой зыбкой почвѣ. Повидимому, всѣ эти неудобства маловажны для страны съ населеніемъ болѣе 100 милліоновъ. Какъ оно и было бы, если бы нашъ внутренній рынокъ сбыта имѣлъ не только большое число покупателей, но и большія покупательныя средства. Но именно этого мы и не видимъ. Тяжелые хроническіе недуги нашего сельскаго хозяйства привели къ обѣднѣнію массы нашего народа за послѣднія 10—12 лѣтъ. Обѣднѣніе доказывается тѣмъ, что потребленіе такихъ предметовъ, какъ чай, водка, хлѣбъ и проч., не увеличилось, а даже уменьшилось. Бѣдность внутренняго рынка, его полная зависимость отъ всѣхъ случайностей урожая ставятъ на колеблющееся основаніе всю нашу обрабатывающую промышленность. Чѣмъ болѣе усиливается таможенное покровительство, чѣмъ болѣе облегчается основаніе въ Россіи фабрикъ и заводовъ, тѣмъ менѣе обезпечены многія предпріятія отъ скорого крушенія: они не имѣютъ предъ собою потребителей, покупательныя средства которыхъ правильно возрастали бы изъ года въ годъ.

Во время управленія г. Вышнеградскаго финансами былъ заключенъ и цѣлый рядъ займовъ.

Къ самостоятельнымъ займамъ послѣднихъ нужно отнести 4%-ный заемъ 1887 года на 100 милліоновъ рублей и 3-й съ выигрышами заемъ для потребностей дворянскаго земельного банка. Этотъ заемъ былъ неудаченъ. Выпущенный на 80 милліоновъ по цѣнѣ въ 215 рублей за 100 нарицательныхъ, онъ встрѣтилъ на нашемъ рынкѣ меньшій запросъ, нежели то предполагали при его выпускѣ. Запросъ на облигаціи выигрышнаго займа, выпускаемаго по цѣнѣ, далеко превосходящей нарицательную, измѣряется числомъ людей, которые для пріобрѣтенія надежды на выигрышъ значительной суммы готовы помѣстить свой капиталъ изъ очень низкаго процента. Оказалось, что въ русскомъ обществѣ эта потребность удовлетворяется двумя первыми выигрышными займами. Выпускъ 3-го выигрышнаго займа понизилъ биржевую цѣну первыхъ двухъ; но и третій не долго сохранилъ свою выпускную цѣну. Его пониженіе заставило изъять изъ оборотовъ нѣсколько десятковъ тысячъ закладныхъ листовъ, которые и лежатъ въ портфель государственнаго банка и синдиката частныхъ коммерческихъ банковъ. Къ самостоятельнымъ займамъ нужно также отнести 4 $\frac{1}{2}$ %-ный желѣзно-дорожный консолидированный заемъ 1890 г. на 75 милліоновъ рублей кредитныхъ и 3%- заемъ 17 сентября 1891 г. на 125 милліоновъ рублей золотомъ. Послѣдній, заключенный на французскомъ денеж-

номъ рынкѣ, былъ весьма неудаченъ. Выпущенный по цѣнѣ въ 79 за 100, онъ уже къ концу октября понизился до 75; онъ доказалъ, что одна франко-русская дружба не служитъ настолько прочнымъ фундаментомъ, чтобы можно было строить на немъ такіе русскіе государственные займы, которые не соотвѣтствуютъ всему положенію русскаго народнаго хозяйства.

Но главною формою государственныхъ займовъ служили за послѣднее пятилѣтіе конверсионные займы, которые на сумму до 1,200 милліоновъ рублей превратили 5%-ные вѣшніе и внутренніе займы въ 4%-ные. Посмотримъ, насколько эти займы выгодны съ точки зрѣнія всего русскаго народнаго хозяйства.

Вопросъ о конверсіяхъ разработанъ теоретически западно-европейскою, особенно нѣмецкою наукою о финансахъ. Въ Германіи, Франціи или Англійи финансисту-теоретику нѣтъ надобности разъяснять, въ какомъ смыслѣ нужно понимать «пониженіе процента»: западно-европейская жизнь вѣсьмъ своимъ складомъ позволяетъ говорить о наклонности процента понижаться, какъ о всеобщемъ для данной страны явленіи. Общераспространенность и доступность кредита объясняетъ, почему нѣтъ рѣзкой разницы въ высотѣ учетнаго процента: если крупный торговецъ въ Лондонѣ, Амстердамѣ или Берлинѣ имѣетъ капиталъ изъ 3—4% годовыхъ, то надежный ремесленникъ въ глуши провинціи пользуется кредитомъ изъ 5—6% въ годъ. Наблюденія надъ ростовщичьимъ кредитомъ въ Западной Европѣ показываютъ, что размѣры процентовъ, какъ ни высоки они относительно, еще далеко не достигаютъ крайнихъ предѣловъ: въ захолустьяхъ Германіи ростовщичьимъ процентомъ считаютъ 24—30 годовыхъ; въ Соединенныхъ Штатахъ мелкіе землевладѣльцы, опутанные сѣтями ростовщиковъ, платятъ по ссудамъ 18—24% въ годъ. Если, поэтому, въ одномъ изъ государствъ Западной Европы совершается конверсія государственныхъ долговъ, то она свидѣтельствуетъ о пониженіи рыночнаго процента въ цѣлой странѣ, о болѣе доступности кредита для вѣсьхъ слоевъ населенія.

Россія находится въ иныхъ условіяхъ. Наши главные города имѣютъ, кромѣ конторъ и отдѣленій государственнаго банка, цѣлый рядъ частныхъ учрежденій коммерческаго кредита. Въ менѣе значительныхъ центрахъ есть городскіе общественные банки; самые же мелкіе города, и, притомъ, нерѣдко города съ 10,000 жителей, вовсе не имѣютъ банковъ. Нечего и говорить, что кредитныхъ учрежденій не имѣютъ даже крупныя торговыя села, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ возникли ссудосберегательныя товарищества. Есть значительная разница уже между условіями, на которыхъ открываютъ кредитъ банки столицъ и большихъ торговыхъ городовъ, съ одной стороны, и малыхъ городовъ—съ другой: за послѣдніе годы учетный процентъ спустился въ столицахъ до 5 годовыхъ, тогда какъ онъ стоялъ на 9—8 въ общественныхъ банкахъ менѣе значительныхъ торговыхъ центровъ. А ссудосберегательныя товарищества взимаютъ по ссудамъ слишкомъ вдвое больше, нежели столичныя кредитныя учрежденія: по отчету за 1890 годъ, до 11½% годовыхъ. Но крайне недостаточное развитіе въ Россіи правильнаго

кредита обнаружится особенно ярко, если мы укажемъ на группы населенія, имѣющія легкій доступъ къ кредиту. Изъ населенія городовъ къ кредиту государственнаго, частныхъ и общественныхъ банковъ имѣютъ доступъ только представители крупной и средней промышленности и торговли; всѣ же мелкіе и, частью, средніе торговцы и весь ремесленный классъ вовсе не могутъ пользоваться дешевымъ кредитомъ изъ банковъ. А вся эта меньшая братія составляетъ огромное большинство городскихъ жителей. Еще хуже поставлено населеніе деревень. Частные землевладѣльцы могутъ пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ изъ дворянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ; но долгосрочныя ссуды всего чаще берутся для раздѣла между наслѣдниками или на наиболѣе крупныя и дорогія земельныя улучшенія. Кредитъ меліорационный вовсе не организованъ, а краткосрочный облекается въ очень неудобную форму кредита на соло-векселя. Недостаточность краткосрочнаго кредита въ этой формѣ доказывается ничтожными размѣрами этой операціи: въ теченіе 1890 г. кредитъ подъ соло-векселя былъ разрѣшенъ 1,470 лицамъ на сумму до 14.000,000 рублей—немного для текущихъ хозяйственныхъ нуждъ всего русскаго частнаго землевладѣнія! Въ особенно же тяжеломъ положеніи находится наше крестьянство. За исключеніемъ кредита для покупки земель, открываемаго крестьянскимъ земельнымъ банкомъ, крестьяне не имѣютъ кредита ни долго, ни краткосрочнаго. Единственнымъ источникомъ дешеваго кредита служатъ ссудосберегательныя товарищества. Въ былое время ими увлекались, теперь же къ нимъ относятся очень скептически. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, они являются единственнымъ источникомъ сколько-нибудь правильно организованнаго кредита. А какъ незначительно число ихъ! Къ 1 января 1890 г. только въ 14 губерніяхъ ихъ было болѣе нежели 20 въ каждой; огромное большинство губерній и областей имѣли каждая менѣе 10, и, притомъ, такъ мало было товариществъ во многихъ обширныхъ и населенныхъ губерніяхъ: по 8 въ Курской и Симбирской, 7 въ Кіевской, 5 въ Харьковской, 4 въ Казанской, 1 въ Пензенской. Ничтожные размѣры ихъ оборотовъ видны изъ того, что въ 1889 году ими было выдано въ ссуду 25½ миллионъ рублей, т.-е. не болѣе 25—30 копѣекъ на 1 жителя. Припомнимъ, что въ то же время 1,002 германскихъ ссудосберегательныхъ товарищества системы Шульце-Делича выдали въ ссуду болѣе 1¼ миллиарда марокъ. Товарищества другихъ, мелкихъ союзовъ роздали въ ссуду 50 миллионъ марокъ, т.-е. до 35 марокъ на 1 жителя Германіи. Эти цифры краснорѣчивы: онѣ объясняютъ, почему нигдѣ на земномъ шарѣ ростовщическій кредитъ не затянулъ такъ населенія въ свои сѣти, какъ въ Россіи. Многочисленныя данныя, собранныя земскими статистиками, доказываютъ, что населеніе деревень платитъ по частнымъ долговымъ обязательствамъ не менѣе 60% годовыхъ и что 150—200—250% годовыхъ все не составляютъ единичныхъ явленій. Такимъ образомъ, клиентами ростовщиковъ состоятъ въ Россіи не только моты, пьяницы, забуддыги, ремесленники и работники, лишившіеся занятій сельскіе хозяева, пострадав-

шіе отъ неурожая или падежа скота, но *поголовно все крестьянство, все ремесленники, все мелкіе торговцы и огромная масса частныхъ землевладельцевъ.*

Частная инициатива во всѣхъ сферахъ жизни встрѣчаетъ у насъ множество самыхъ разнообразныхъ препятствій. Сдерживая свободную дѣятельность гражданъ, правительство брало и беретъ на себя починъ воздѣйствія на различныя стороны общественной жизни. И доставленіе кредита промышленности составляетъ въ Россіи еще съ первой половины прошлаго вѣка предметъ правительственныхъ заботъ. Правительство учреждало банки и преобразовывало ихъ; на развалинахъ старыхъ кредитныхъ учреждений создало государственный банкъ. Поддержаніе крупной промышленности и торговли, дѣятельность въ столицахъ и другихъ значительныхъ городскихъ центрахъ, боязнь глухой провинціи—вотъ черты, отличающія политику государственнаго банка. Такъ какъ онъ даетъ тонъ всему денежному рынку, то и частныя банки, и частныя лица, владѣющія капиталами, слѣдуютъ его примѣру—насыщаютъ и даже пресыщаютъ капиталами крупную промышленность и крупную торговлю, создаютъ въ большихъ городахъ избытокъ денежныхъ средствъ, поощряютъ биржевую спекуляцію и отнимаютъ у большей части русскаго народа и у менѣе оживленныхъ мѣстностей тѣ питательные соки, въ которыхъ они нуждаются.

Все изложенное объясняетъ намъ истинный смыслъ произведенныхъ конверсій. Министерство финансовъ воспользовалось для ихъ совершенія пониженіемъ учетнаго процента, которое начало обнаруживаться съ половины 80-хъ годовъ. Но это *пониженіе*, какъ слѣдствіе возрастающаго запаса денежныхъ капиталовъ, *не было явленіемъ всеобщимъ*; незнакомое всей странѣ, оно было явленіемъ *городскимъ* и даже по преимуществу *столичнымъ*. Если бы оно было явленіемъ не петербургскимъ, московскимъ и одесскимъ, а русскимъ, то оно сказалося бы въ облегченіи условій кредита для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ классовъ населенія. Именно этого-то мы и не находимъ. Условія залоговаго кредита для заемщиковъ дворянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ, по инициативѣ правительства, облегчились въ связи съ пониженіемъ учетнаго процента въ нашихъ главныхъ центрахъ. Но это столь усердно прославляемое накопленіе капиталовъ не сдѣлало для крестьянъ болѣе доступнымъ даже залоговый кредитъ, открываемый крестьянскимъ земельнымъ банкомъ: за послѣдніе годы кредитъ изъ этого банка все болѣе суживался, ссуды выдавались все менѣе охотно: въ 1886 году 31 отдѣленіе выдало крестьянамъ въ ссуду 11.149,000 рублей для покупки почти 295,000 десятинъ, а въ 1889 году 40 отдѣленій выдали въ ссуду только 3.692,000 рублей, на которые крестьянами и было куплено 150,000 десятинъ. На развитіе же краткосрочнаго кредита въ странѣ вообще или для тѣхъ классовъ населенія, которые вообще не имѣютъ его, накопленіе капиталовъ въ большихъ городахъ не оказало ни малѣйшаго вліянія. Если бы ремесленники или крестьяне или даже мелкіе торговцы имѣли хотя малѣйшія выгоды отъ пониженія рыночнаго процента, то это

выражалось бы въ открытіи кредитныхъ учрежденій для мелкаго люда или отя бы въ облегченіи условій при частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ. Ничего одобнаго мы не видимъ. Напротивъ, съ каждымъ мѣсяцемъ замѣтно возрастаютъ указанія,—они касаются не какой-либо части имперіи, а всей грани,—что населеніе деревень поголовно впадаетъ все въ большую зависимость отъ ростовщиковъ. Земская статистика опредѣлила въ половинѣ 0-хъ годовъ въ 40% годовыхъ стоимость кредита для крестьянъ Московской губерніи, въ 50—60% для губерній Воронежской и Саратовской въ оловинѣ 80-хъ годовъ, въ 40—100—200% для губерній Псковской и Сарарской въ послѣдніе годы. И такъ, слѣдовало воспользоваться изобиліемъ енежныхъ капиталовъ, дабы создать кредитныя учрежденія для малодостаточныхъ классовъ. Совершивъ же конверсію, министерство финансовъ одорило и еще болѣе упрочило такой порядокъ вещей—обильный и доступный кредитъ для крупной промышленности и отрицаніе нужды въ кредитѣ для большинства русскаго народа.

Въ фабричномъ законодательствѣ мы замѣчаемъ попятное движеніе. Законъ 24 апрѣля 1890 года является большимъ шагомъ назадъ сринвительно съ законами 1 іюня 1882 и 3 іюня 1885 года.

По первому закону, малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ не могли быть допускаемы на работы болѣе, нежели въ теченіе 4 часовъ сряду; теперь же они могутъ быть занимаемы работою по 6 часовъ подрядъ. Прежде малолѣтніе не могли быть допускаемы къ ночной работѣ (между 4 часами вечера и 5 часами утра), а равно не должны были работать въ воскресные и высокаторжественные дни; теперь же малолѣтнимъ въ стеклянномъ производствѣ разрѣшено работать ночью до шести часовъ (замѣтимъ, что работа въ этомъ производствѣ принадлежитъ къ самымъ изнурительнымъ), а также въ высокаторжественные дни, когда заняты взрослые рабочіе. По закону 3 іюня 1885 года, была запрещена ночная работа женщинъ и подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ на льно-прядильныхъ и нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ, и хотя законъ 24 апрѣля 1890 г. подтверждаетъ это запрещеніе, однако, онъ устанавливаетъ цѣлый рядъ изъятій. Такими «особо уважительными» случаями, когда присутствія по фабричнымъ дѣламъ, тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, губернаторы могутъ разрѣшать женщинамъ и подросткамъ ночную работу, служатъ: продолжительная, вызванная несчастіемъ, установка работъ на фабрикѣ и усиленное поступленіе заказовъ передъ ярмарками; ночная работа разрѣшается этимъ лицамъ и тогда, когда женщины и подростки работаютъ ночью совмѣстно съ главами своихъ семей. Установленныя изъятія даютъ такой широкій просторъ для занятія женщинъ и подростковъ, что только небольшая часть ихъ будетъ находиться въ условіяхъ, когда, согласно съ буквой закона, имъ не можетъ быть разрѣшена ночная работа. Въ значительныхъ фабричныхъ центрахъ жены и дочери обыкновенно работаютъ совмѣстно съ главами семей; здѣсь изъятіе, подъ предлогомъ усиленныхъ заказовъ, можетъ распространяться на большую часть года, потому что если фабрика производитъ товары для ниже-

городской ярмарки и самых больших южно-русских ярмарокъ, то въ усиленныхъ заказахъ можетъ наступать 6—8 разъ въ году, и ночная бота будетъ разрѣшаема съ небольшими перерывами въ теченіе почти лаго года.

Отмѣтимъ также неблагопріятное измѣненіе, которое вводитъ новый конь для тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ примѣняется непрерывная 18 часовая дневная работа двумя смѣнами: въ такихъ заведеніяхъ малозѣ могутъ быть занимаемы работою уже не 8 часовъ въ сутки, какъ по кону 1882 г., а 9 часовъ, а ночное время для подростковъ и женщ исчисляется не отъ 9 час. и до 5 утра, какъ ранѣе, а отъ 10 до 4 у Такимъ образомъ, дозволенный рабочій день удлинняется на 1 часть для м лѣтнихъ и на 2 часа для женщинъ и подростковъ. Чтобы сохранить ха теръ прогрессивности и заботливости о рабочихъ, законъ 24 апрѣля п писываетъ распространить дѣйствія правилъ о работѣ и обученіи малоз нихъ также и на ремесленные заведенія, въ которыхъ примѣненіе э правилъ будетъ признано полезнымъ. Это постановленіе закона оста мертвою буквою уже потому, что личный составъ фабричной инспекці пополняется, а обширность фабричныхъ округовъ и многочисленность мышленныхъ заведеній, приходящихся на долю каждаго фабричнаго инс тора, не позволяютъ имъ не только распространять надзоръ на ремесла заведенія, но даже внимательно присматриваться къ тому, что происхо въ сферѣ крупнаго производства.

Таковы главные моменты въ управленіи финансами г. Вышнеградс Назначеніе С. Ю. Витте дало поводъ къ разнообразнымъ слухамъ о н положенныхъ мѣропріятіяхъ. Газеты передаютъ, что министерство финан предпринимаетъ изслѣдованіе доходности земель чрезъ особый комитетъ представителей администраціи, земства и сельско-хозяйственныхъ общес Разъ предпринимается такая сложная работа, какъ оцѣнка доходности зе то нѣтъ основанія откладывать оцѣнку и всѣхъ другихъ видовъ народн дохода, какъ основанія для общей подоходной подати.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь

г. редакторъ!

Введенный въ заблужденіе тѣмъ, что съ іюня 1891 г., когда вышелъ 30-й выпускъ моего *Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ*, новыхъ выпусковъ болѣе не появлялось, г. Протопоповъ въ августовской книжкѣ *Русской Мысли* заявилъ, что *Словарь* мой «скончался». Это заявленіе вызвало запросы подписчиковъ *Словаря*, въ виду чего позволяю себѣ просить васъ дать мѣсто на страницахъ уважаемаго журнала вашего настоящему опроверженію. *Словарь* мой не прекратился, а только перемѣнили сроки выхода: прежде приблизительно каждые 2 мѣсяца выходилъ выпускъ въ 3 печ. листа, а теперь изданіе выходитъ томами, равными 10 (десяти) выпускамъ. Очередной третій томъ въ настоящее время отпечатанъ на $\frac{3}{4}$ и не позже 25 октября оставить типографію.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи

С. Венеровъ.

11 сентября 1892 г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лоть вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь.

1892 года.

держаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія и педагогика.—Исторія и орія литературы.—Финансы и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Навочныя книги. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, *іюль—сентябрь*. — „Русское Обозрѣніе“, *іюнь—іюль*. — Историческій Вѣстникъ“, *іюль—сентябрь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 сентября по 15 октября 1892 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сашенька“. Дядлова.—„Старья бивальдины“. А. В. Арсеньева.—„Русскимъ матерью“. И. Горбучова-Посадова.—„Рязанскій литературный сборникъ“. Изд. Н. Д. Малашикина.—„Большая любовь“. Мантегациа.—„Въ небесахъ“. К. Фламмаріона.

Сашенька. Повѣсть въ трехъ частяхъ Дядлова. Спб., 1892 г. Цена 2 руб. Авторъ положилъ въ основу своей повѣсти старый вопросъ объ „отцахъ и дѣтяхъ“. Но хотя это и очень старо, повидимому, какъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ между старымъ и новымъ поколѣніемъ принадлежитъ къ числу неисчерпаемыхъ, представляющихся, по истеченіи извѣстныхъ промежутковъ времени, все въ новомъ видѣ и въ иныхъ комбинаціяхъ. Одно, что остается неизмѣннымъ, это—разладъ между старыми или старѣющими и молодыми, отъ котораго въ большинствѣ случаевъ страдаютъ родители и дѣти. Правда, съ теченіемъ времени сколько сглаживаются виѣщія проявленія такой розни, въ нѣкоторыхъ семьяхъ они доведены до минимума, незамѣтнаго постороннему наблюдателю. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы не было совсѣмъ утренняго разлада и неизбѣжнаго, притомъ, скрытаго, затаеннаго раданія той или другой стороны, чаще же всего обѣихъ сторонъ, только въ различной степени. Въ томъ, что такой разладъ существуетъ, не виноваты ни „отца“, ни „дѣти“, говоря вообще, разумѣется. Драматизмъ положенія заключается въ томъ, что обѣ стороны считаютъ себя правыми, а виновною считаютъ другую сторону. Въ дѣйствительности же и въ большинствѣ случаевъ правы обѣ стороны и вина обѣихъ сторонъ въ томъ, что онѣ не сознаютъ этой обоюдной правды и ищутъ причинъ разлада не тамъ, гдѣ онѣ кроются. Быть можетъ, конечно, и иное положеніе, когда обѣ стороны болѣе или менѣе правы и, слѣдовательно, обѣ несутъ послѣдствія собственной вины. Тутъ уже вопросы сводятся къ частностямъ, кто виноватъ первый, кто виноватъ больше, кто подалъ поводъ къ разладу. Наибольшій инте-

ресь представляет литературная разработка этой стороны семейных отношений, при несомненной правоте отцовъ и дѣтей, въ томъ смыслѣ, что и тѣ, и другіе люди умные, искренніе, честные, добрые и взаимно благожелательные. Вотъ этого-то и нѣтъ въ повѣсти г. Дѣдлова. Родители героя, Сашеньки Карпичева, по меньшей мѣрѣ—чудаки, немного смахивающіе на психопатовъ. Пунктики ихъ психоза довольно безобидны: папаша слегка ломѣшанъ на статистическѣ и на охраненіи собственнаго здоровья, маменька—на педагогикѣ и на гигиенѣ, которая принимаетъ самымъ неуклоннымъ и точнымъ образомъ „последнему слову науки“, къ воспитанію дѣтей, къ заботамъ о мужѣ и о взросломъ сынѣ. Старшеи Кириичевы—убѣжденные „люди шестидесятыхъ годовъ“, такъ и застывшіе на томъ, во что они въ тѣ годы утѣрявали. Въ повѣствованіи г. Дѣдлова всѣ чудачества этихъ слишкомъ наивныхъ родителей отмѣчены довольно ярко и не безъ нѣкоторой язвительности, дѣлающей родителей Сашеньки фигурами немного смѣлѣе характерными, но нисколько не типичными представителями взятаго авторомъ времени. Своего первенца они воспитали какъ нельзя лучше, по всѣмъ правиламъ гигиены и педагогикѣ, съумѣли даже дать ему блестящее образованіе въ дополненіе къ пройденному имъ курсу гимназій семидесятыхъ годовъ. Сашенька уменъ, ловокъ, начпанъ, одаренъ прекрасными способностями, краснорѣчьемъ, находчивостью въ спорѣ, въ обществѣ и съ товарищами держитъ себя безукоризненно, скромно и съ большимъ достоинствомъ, съ необыкновеннымъ тактомъ, что даже удивительно нѣсколько въ подросткѣ и въ воспитанникѣ растрепы-маменьки и отца, ничего не знающаго и не видающаго, кромѣ излюбленной имъ земской статистики и собственной дѣтны. Какъ бы то ни было, по волѣ автора, такимъ удался Сашенька и отправился въ Петербургскій университетъ съ компаніей своихъ гимназическихъ товарищей. Первымъ дѣломъ юные студенты закутили, вѣрнѣе—запили и забезобразничали самымъ отчаяннымъ образомъ. Надо отмѣтить, что время это было еще „не мундирное“, студенты щеголяли въ обыкновенныхъ штатскихъ костюмахъ, одни съ непомято длинными и лохматыми волосами и въ истертыхъ пиджакахъ, другіе—настоящими свѣтскими франтами. Сашенька, сынокъ богатыхъ родителей, попалъ въ эту послѣднюю категорию и затѣмъ очень скоро (по-нашему, какъ будто даже слишкомъ скоро) вошелъ въ общество болѣе или менѣе пожайлыхъ адвокатовъ, артистовъ, офицеровъ, инженеровъ, кутящихъ и прожгсающихъ жизнь на широкую ногу въ первоклассныхъ ресторанахъ и съ первосортными дамами полусвѣта. Въ силу какихъ-то невыясненныхъ и непонятныхъ побужденій начинающій уже старѣть инженеръ, не стѣсняющійся никакими расходами, беретъ юнца подъ свое особенное руководство, пристраиваетъ его въ любовники къ опереточной примадоннѣ, своей собственной любовницѣ, и вдвоемъ съ этою дамой, общими усилиями, они вскружили голову Сашенькѣ до полной потери сознания. По наивности своей, Сашенька ничего не видитъ, не понимаетъ и едва выкарабкивается изъ всей этой гнусной исторіи съ разбитымъ сердцемъ, когда узнаетъ, что „за любовь пѣвницы къ нему все время ей платилъ инженеръ“. На что эта гадость нужна была инженеру, такъ и осталось невыясненнымъ. Вся первая часть повѣсти (10 печатныхъ листовъ) занята описаніемъ разнородныхъ пьянствъ съ ихъ дополненіями.

Во второй части Сашенька дома, пріѣзжалъ на каникулы. Начинается разладъ между нимъ и родителями, и начинается не изъ-за того, какъ юноша провелъ этотъ годъ, а изъ-за ничтожайшихъ пустяковъ,

которымъ значеніе придавать могутъ только „комическіе“ родители, склонные изображать изъ себя курицу, высидѣвшую утятъ. Далѣе разладъ усиливается нѣсколько болѣе серьезными поводами: Сашенька увлекается обществомъ губернаторши, ея родственниковъ и губернской аристократіи, становится тамъ первымъ „кавалеромъ“, „львомъ“, какъ говорило въстарину. Его отецъ считаетъ своею обязанностью быть въ оппозиціи со всею администраціей. Сашенька пытается доказать, что возможно „примиреніе“ земства съ администраціей; папаша уперся на томъ, что этого никакъ нельзя сдѣлать. Мамаша вступаетъ въ споръ, кончающійся обоюдными колкостями, рѣзкостями и полнымъ разрывомъ между родителями и сыномъ. Неправыми оказываются обѣ стороны, но, по волѣ автора, „посрамленную“ остается сторона „отцовъ“. Тутъ они уже не только смѣшны, но и глупы, и довольно противны, причемъ ни малѣйшаго сочувствія не вызываетъ и ихъ сынокъ. Выходитъ, что разладъ возникъ между плохими родителями, — по автору, полонумными „либералами“, — и гаденькимъ сыномъ, недоумкомъ „консерваторомъ“. Третья часть опять сплошное и еще большее, чѣмъ въ началѣ, падство и развратъ въ Петербургѣ. Къ этому приплетается романтическій эпизодъ, кончающійся самоубійствомъ кадета, влюбленнаго въ барышню, которая въ свою очередь влюбилась въ Сашеньку, и, сказать къ слову, прескверно влюбилась — не сердцемъ, не душою, а истиннотомъ дѣвицы, слишкомъ долго не находившей мужа. Сашенька счелъ себя виновникомъ смерти кадета, въ то же время отказался укрыть у себя стараго товарища, искавшаго у него спасенія государственнаго преступника, котораго черезъ нѣсколько дней повѣсили. Подъ впечатлѣніемъ этихъ двухъ смертей, молодой человекъ совсѣмъ обезумѣлъ и бросился искать утѣшенія, наставленія и поученія къ „геніальному“ человекъ, къ „великому писателю“ земли русской. Кого тутъ разумѣть авторъ и кого хотѣлъ изобразить, этого нѣтъ надобности пояснять, — и безъ того понятно всякому читателю. Но далеко не всѣмъ понятно и не намъ подсказывать, конечно, чьи еще портреты извѣстныхъ или знаменитыхъ людей выступаютъ тамъ и сямъ въ произведеніи г. Дѣдлова. „Геніальный“ человекъ говоритъ юношѣ о любви всеобъемлющей и дѣятельной, о всепрощеніи и т. д., обращаетъ его на путь своего ученія и добродѣтели, и Сашенька стремительно выходитъ отъ него „перерожденнымъ“ и „обновленнымъ“. Неукоснительно онъ помчался въ свой родной городъ, въ родительскій домъ, куда прибылъ, возглашая торжественнымъ голосомъ: „Иду! Великій демонъ земли русской послалъ меня обновленнымъ, инымъ, небывалымъ, и несу обновленіе всѣмъ!“ Тутъ и конецъ третьей и послѣдней части повѣсти г. Дѣдлова. И разумѣй, читатель, какъ знаешь, что сямъ хотѣлъ сказать авторъ: совсѣмъ ли Сашенька спятилъ съ ума, и его придется отправить въ психіатрическую лечебницу, или въ правду въ его лицѣ авторъ препровождаетъ въ Н-скую губернію вдохновеннаго апостола „великаго демона“, должествующаго правственнно „обновить“ русскую землю? Темна вода во облацѣхъ... Одно несомнѣнно, что г. Дѣдловъ не умѣетъ писать коротко, въ его романѣ около 30 печ. листовъ и, все-таки, нѣтъ конца. Добрая половина этого произведенія должна бы подлежать сокращенію, и тогда осталось бы только необходимое и хватило бы мѣста для окончанія, живыя и не безъ таланта написанныя сцены не тонули бы въ пустословіи, часто далеко не симпатическаго характера.

Старыя бывальщины. Историческіе очерки и картинки. А. В. Арсеньева. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1892 г. Цѣна 1 рубль.

Эти рассказы, мелкіе по размѣру и очень некрупные по содержанию, были напечатаны въ *Историческомъ Вѣстникѣ*. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ очерки, озаглавленные: *Женщины пугачевского возстанія*. (Приключенія и судьба „женокъ“, причастныхъ къ бунту). Довольно характерны нѣкоторые *Рассказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи*. Въ книжкѣ ихъ помѣщено двѣнадцать, и при чтеніи ихъ сразу, одного за другимъ, получается впечатлѣніе большого однообразія: забирали людей „въ розыскъ“ изъ-за пустяковъ, мучили въ застѣнкахъ, били плетью и душили нещадно по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Все это давно всѣмъ извѣстно и ничего новаго г. Арсеньевъ не сообщаетъ въ этихъ рассказахъ. Немногое прибавятъ къ характеристикѣ времени и лицъ *Историческіе негативы*, — повѣствованія о пегольствѣ императрицы Елизаветы Петровны, о причудахъ князя Потемкина и т. д. Въ общемъ, все это — историческіе анекдоты, довольно ничтожнаго значенія. Больше любопытенъ рассказъ о „мнимомъ заговорѣ на жизнь императора Александра I“, озаглавленный: *Неудачный карьеристъ*. Повѣсть изъ временъ Петра Великаго *Царскій судъ* представляетъ собою въ очень длинномъ изложеніи старой исторіи, много разъ повторявшійся въ разныхъ видахъ рассказъ о томъ, какъ могучій преобразователь Россіи возстановилъ „правду“, нарушенную рѣшеніями старыхъ судовъ. Тутъ являются на сцену и корабельный плотникъ, и его хорошенькая дочка, и ея женихъ, бѣдный офицерикъ... Словомъ, все какъ быть должно по стародавнему рецепту для сочиненія повѣстей „изъ временъ Петра Великаго“. Все это устарѣло, запоздало, и такая внижка можетъ быть пригодною и удовлетворительною лишь для круга читателей, стоящаго, по нынѣшнему времени, ниже средняго.

Русскимъ матерямъ. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣтяхъ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. М., 1892 г. Ц. 1 рубль. Сборникъ этотъ изданъ „въ пользу бѣдныхъ матерей и дѣтей, пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ Воронежской губерніи“. Въ предисловіи составитель сборника говоритъ объ ужасномъ положеніи несчастныхъ женщинъ и дѣтей, мужа и отцы которыхъ померли отъ цынги и тифа, развившихся среди голодашаго деревенскаго люда вслѣдствіе прошлогодняго неурожая. Г. Горбуновъ-Посадовъ призываетъ всѣхъ добрыхъ людей помочь ему облегчить страданія и нужду несчастныхъ покупкой изданной имъ книги. Какъ ни велики были за истекшіи годовой срокъ пожертвованія въ пользу голодающихъ, „рука дающая не оскудѣваетъ“, и мы увѣрены, что хорошее дѣло, предпринятое издателемъ вышеназванной книги, увѣнчается полнымъ успѣхомъ, какого, помимо гуманной дѣли изданія, вполне заслуживаетъ и самый *Сборникъ*. 259 страницъ большого формата заняты стихотвореніями, мелкими рассказами и отрывками изъ большихъ произведеній лучшихъ нашихъ беллетристовъ. Тутъ встрѣчаются имена С. Т. Аксакова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевскаго, В. Т. Короленко, Н. С. Лѣскова, Печерскаго (Мельникова), И. С. Тургенева, Гл. И. Успенскаго и мн. др. Выбраны исключительно такіе рассказы и стихотворенія, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являются матери и дѣти. Нечего говорить о томъ, насколько содержаніе большинства такихъ повѣтствованій трогательно и часто печально, такъ какъ именно въ минуты скорби познается сердце матери, вся сила святой любви женщины, все величіе ея призванія на землѣ... Второе мѣсто въ *Сборникѣ* занимаетъ отрывокъ „изъ неизданныхъ авто-біогра-

фическихъ замѣтокъ Л. Н. Толстаго“, озаглавленный *Первая воспоминанія*. Отрывокъ этотъ проникнуть тою же своеобразностью мысли, которою отмѣчены всѣ послѣднія произведенія знаменитаго русскаго писателя,—мысли, часто капризной и парадоксальной, но почти всегда увлекательной. Въ общемъ, надо сказать, что *Сборникъ* составленъ хорошо, изданъ очень тщательно, напечатанъ четко, на прекрасной бумагѣ, къ нему приложено нѣсколько весьма удовлетворительныхъ снимковъ съ картинъ, подходящихъ по сюжетамъ къ содержанію книги и той доброй цѣли, ради которой она издана. Цѣна книги—необыкновенно дешевая.

Рязанскій литературный сборникъ. Изданіе Н. Д. Малашкина. Рязань, 1892 г. Ц. 50 к. Съ большимъ интересомъ взяли мы въ руки эту книжку,—заглавіе заманчивое, многообѣщающее: Рязань, вѣдь, городъ очень старый, былъ когда-то столицей великаго княжества, „земли Рязанской“; Рязань съ Москвой соперничала; въ составъ Рязанской губерніи вошло „царство Касимовское“, цѣлое вассальное ханство; въ уѣздахъ этой губерніи до сихъ поръ живутъ разные инородцы, татары, мещера, мордва... Изъ „Рязанской земли“ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ приходилъ Москву выручать отъ поляковъ. Много всякой старины есть въ Рязани и въ этой губерніи, много преданій, своихъ повѣрій, остатковъ давно минувшихъ временъ, древнихъ монастырей, имѣющихъ свою любопытную и еще мало разработанную исторію. Есть тамъ много, наконецъ, готовыхъ затеряться въ памяти и исчезнуть навсегда рассказовъ о старомъ помѣщичьемъ житьѣ, о чудачествахъ, самодурствахъ и безобразіяхъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, о такихъ дѣяніяхъ, которыя теперь немислимы и могутъ показаться неправдоподобными нынѣшней молодежи. Очень много есть любопытнаго въ этомъ краю, почти не початомъ нашу литературой. И вдругъ мы получаемъ *Рязанскій литературный сборникъ*... Каково же было разочарованіе, которое испытали мы и которое ждетъ всякаго читателя, вообразившаго, подобно намъ, что сборникъ этотъ имѣетъ какое-либо отношеніе къ Рязани и къ Рязанской губерніи? На трехъ съ половиной листахъ разгонистой печати нѣтъ о Рязани ни одного слова, а есть три неважныхъ стихотвореньца, два плохенькихъ оригинальныхъ рассказа и три ничтожныхъ переводца. Больше нѣтъ ничего въ этой никому ненужной книжонкѣ, вѣрнѣе—тетрадѣ, за которую г. Малашкинъ желаетъ взимать по 50 коп., когда вся ей цѣна... малолетурная.

Большая любовь. Гигіеническій романъ Мантегацца. Спб., 1892 г. Ц. 50 к. Довольно извѣстный итальянскій ученый написалъ романъ для доказательства того, что чахоточные не должны жениться или выходить замужъ. Намъ этотъ вопросъ представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ флорентинскому профессору. Написана книжка Мантегацца слащаво и даже пошловато, по крайней мѣрѣ, для насъ, сѣверянъ. Герой цѣлуетъ стѣну дома, гдѣ живетъ любимая имъ дѣвушка, цѣлуетъ эту стѣну и потомъ письменно спрашиваетъ Эмму, не почувствовала ли она поцѣлуя. Вильяма волнуетъ безконечная ревность къ каждому цвѣтку, который рветъ его возлюбленная; Эмма пишетъ, что „между полюсомъ огня и полюсомъ вѣчнаго льда разстилается еще обширная нива дѣйствительной медицины“ и т. д. Книжка безполезна, потому что можетъ навести невзыскательныхъ въ художественномъ отношеніи читателей на мысль объ очень серьезномъ вопросѣ.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ. К. Фламмаріона. Спб.,

1892 г. Цѣна 75 коп. Ученые нерѣдко пользовались беллетристическою формою для популяризаціи научныхъ данныхъ, и такой приѣмъ имѣеть полное право на существованіе. Къ сожалѣнію, книжка Фламариона заключаетъ въ себѣ не только астрономическія свѣдѣнія, но и нелѣпыя бредни, способныя оказать дурное вліяніе на юнаго читателя (или не подготовленнаго къ серьезному чтенію взрослому, — для нихъ *Уранія* или *Въ небесахъ* и написана французскимъ астрономомъ). Мнимо-глубокомысленная болтовня о томъ, что „исторія всѣхъ міровъ и теперь еще носится въ пространствахъ и будетъ жить въ немъ всегда, прошедшее вѣчно остается настоящимъ среди безконечности, все, что было, есть и сейчасъ, и будетъ всегда“, и т. п., — не въ состояніи, разумѣется, содѣйствовать развитію правильнаго научнаго мышленія. Таинственные силуэты воздушныхъ видѣній, психическій мозговой атомъ, телепатія и тому подобная галиматья можетъ поднять хаосъ въ головахъ однихъ читателей, возбудить основательно досаду у другихъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Положительная философія и единство науки“. Б. Н. Чичерина. — „Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи“. И. Θεокτισтова.

Положительная философія и единство науки. Б. Н. Чичерина. Москва, 1892 г. Цѣна 3 руб. „Изъ всѣхъ мыслителей реалистической школы, — говоритъ г. Чичеринъ, — Контъ единственный, который поставилъ вопросъ между опытною наукою и метафизикою на настоящую почву“. Но всѣ усилія реалистической школы авторъ признаетъ напрасными, ея методу — ложною, ея результаты — ничтожными или нелѣпыми.

Книга г. Чичерина, еще разъ свидѣтельствующая объ его огромной эрудиціи, даже въ предѣлахъ естественныхъ наукъ, о силѣ и тонкости его діалектики, не убѣдитъ, однако, никого изъ сторонниковъ научной или реалистической философіи. Контъ, Милль, Спенсеръ во многихъ случаяхъ ошибались; но эта участь и всѣхъ метафизиковъ, по сознанию самого г. Чичерина.

Высшая цѣль науки, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ познанія явленій возвыситься къ познанію сущностей, отъ видимаго перейти къ невидимому, отъ физики къ метафизикѣ. Орудіемъ этого высшаго познанія должно явиться умозрѣніе. Но и тутъ возможны ошибки, „ибо наши логическія понятія далеко не всегда ясны“ (стр. 27). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что „общая прирожденная форма (понятіе) и частный реальный случай — двѣ вещи разныя, и ихъ взаимное отношеніе дается не прямо“ (стр. 41—42). Такія оговорки самого метафизика колеблютъ увѣренность въ абсолютномъ достоинствѣ его метода даже у лицъ, склонныхъ къ признанію правильности метафизическаго мышленія.

Г. Чичеринъ признаетъ существованіе трехъ субстанцій (формы бытія или силъ): матеріальной или механической, мыслящей и органической, устанавливающей возможность взаимодѣйствія двухъ первыхъ (стр. 138—139). Но если двѣ противоположныя силы объединяются третьею, то онѣ должны имѣть и общій источникъ, такъ сказать, архисубстанцію (стр. 263). Эта верховная субстанція — абсолютный разумъ, сообразно съ цѣлями котораго, по мнѣнію г. Чичерина, органическая сила устро-

тъ матерію. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ привѣтствовать коховскую колерную запятую и вообще согласиться съ Панглоссомъ...

Для насъ непонятно утвержденіе г. Чичерина, будто бы „чувство и воля въ научныхъ изслѣдованіяхъ не раскрываются“ (стр. 12). Точно также совѣтъ невразумительно то положеніе автора, по которому „теорія наслѣдственности есть доведеніе эмпирическаго воззрѣнія до самоотрицанія“ (стр. 42—43). Дарвинисты будутъ удивлены словами г. Чичерина (само собою разумѣется, что въ книгѣ дарвинизмъ также признается нелѣпостью, на рѣзкія выраженія нашъ философъ не скуится)...

Мы замѣтили уже, что въ возраженіяхъ г. Чичерина Конту есть не мало справедливаго, хотя и не новаго. Такъ, русскій ученый основательно и краснорѣчиво защищаетъ противъ Конта политическую свободу. „Участіе свободнаго лица въ касающихся его общественныхъ дѣлахъ,—говоритъ г. Чичеринъ,—составляетъ неизмѣнное требованіе, которое осуществляется вездѣ, гдѣ начало человѣческой свободы находитъ подобающее ему признаніе“ (стр. 204). Юридическое равенство, признаваемое г. Чичериннымъ, „ведетъ къ фактическому неравенству, ибо силы, средства и способности у людей неравны. Фактическое уравненіе можно произвести только насильственнымъ путемъ, т. е. подавленіемъ свободы, составляющей единственное основаніе юридическаго равенства“ (стр. 206). Авторъ признаетъ, однако, что демократія „всегда останется далеко не высшею, но одною изъ разнообразныхъ формъ, въ которыя слагаются человѣческія общества“ (стр. 207). Г. Чичеринъ видитъ въ народовластіи вредное подчиненіе образованнаго меньшинства необразованному большинству, но самъ признаетъ, что на практикѣ юридическій перевѣсъ большинства въ значительной степени смягчается „естественнымъ вліяніемъ образованія и богатства“. Въ области экономическихъ вопросовъ г. Чичеринъ продолжаетъ держаться манчестерской точки зрѣнія. „Въ новѣйшее время,—говоритъ онъ,—къ изслѣдованію экономическихъ законовъ стали примѣшивать какія-то смутныя (!) нравственныя требованія; но нравственная политическая экономія составляетъ одно изъ самыхъ дикихъ измышлений современнаго нравственнаго реализма и должна пасть вмѣстѣ съ послѣдними“. Нравственная политическая экономія дѣйствительно не существуетъ, а нравственная экономическая политика является однимъ изъ благороднѣйшихъ проявленій современной реалистической мысли.

Г. Чичеринъ полагаетъ, что „неизбѣжные недостатки, присущіе свободной игрѣ промышленныхъ силъ“, должны восполняться благотвореніемъ. „Если для этого требуется общая организація, то она по существу своему должна примыкать не къ государству, которое есть союзъ принудительный, а къ церкви, которая, также какъ гражданское общество, есть союзъ свободный, руководимый нравственными началами. Государство же должно *возвышаться надъ обоими*, подчиняя ихъ совокупнымъ цѣлямъ, но оставляя имъ должную независимость“ (стр. 302). Въ любопытномъ противорѣчій съ приведенными словами г. Чичерина находятся его утвержденіе, черезъ двѣ страницы, что высшею формой историческаго процесса должна быть *теократія*. Если теократія не государство, то что же она такое? Если государство, то какимъ образомъ государство не должно *восполнять* недостатки свободной игры промышленныхъ силъ? Въ то же время, г. Чичеринъ признаетъ „идеаломъ челоѣческаго развитія въ политическомъ отношеніи сочетаніе всѣхъ общественныхъ элементовъ въ общій гармоническій строй, то-есть конституціонную монархію“ (стр. 302 и 303).

Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. И. Феокистова. Спб. Д. 1 руб. 15 к. Авторъ пытается въ первой статьѣ этого сборника яснить, насколько это возможно, нѣкоторыя характерныя черты дѣтливаго ребенка, и именно того, въ которомъ лежатъ зародки литературныхъ наклонностей“. Эта задача исполняется г. Феокистовымъ неудовлетворительно. Матеріалъ надерганъ по клочкамъ, свѣнія, которыя приводится въ книгѣ, относятся то къ русскому дѣтскому замѣчательныхъ людей, то къ ихъ юношескому возрасту. Объ односторонности автора свидѣтельствуютъ нѣкоторые избранные имъ эпиграфы: Орелъ паритъ одинъ, бараны пасутся стадами (*Сидней*) и т. Г. Феокистовъ справедливо заключаетъ, однако, что родители и педагоги должны изучать ребенка, помогать его индивидуальному развитію. „Берегите таланты, довѣренные вашему попеченію, — говоритъ авторъ, — имъ и такъ не легко живется у насъ; не тяготите ихъ своимъ игромъ, — они не выносятъ ярма и вообще не легко примираются условіями повседневной жизни“. Этотъ совѣтъ могъ бы очень пригодиться нашимъ педагогамъ.

Г. Феокистовъ много говоритъ о страсти дѣтей къ чтенію, о мнѣніи литературнаго образованія, которое не можетъ замѣниться никакимъ обществомъ. Но онъ впадаетъ во вредную крайность, отвергая регулированіе этого образованія (конечно, при полномъ вниманіи къ вкусамъ, стремленіямъ и способностямъ ребенка). Въ концѣ книги приложены мнѣнія о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ Русскаго Бѣлинскаго, Гончарова, Писарева, Крестовскаго (Хвоцинской).

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“. М. Корелина. — „Россия въ Европѣ“. П. Пирминга. — „Европейскіе монархи и ихъ дворы“. *Politikos'a*. — „Историческая географія Европы“. Э. Фримана. — „Исторія греческой литературы“. Р. Б. Джексона.

Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Выпуски I и II. М., 1892. Авторъ поставилъ себѣ обширную и чрезвычайно сложную задачу: 1) яснить отношеніе къ гуманизму исторической литературы общаго сдержанія и дать критическій обзоръ спеціальной литературы о Возрожденіи; 2) представить критическій анализъ произведеній раннихъ гуманистовъ, имѣющихъ значеніе для исторіи гуманистическаго движенія; 3) изслѣдовать направленіе и сравнительную силу гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи и 4) установить главные моменты въ исторіи внутренняго развитія гуманизма до половины XV столѣтія и опредѣлить существенныя признаки гуманистическаго движенія. Такимъ образомъ, книга г. Корелина естественнымъ образомъ падается на два отдѣльныхъ сочиненія: обширный очеркъ историографіи Возрожденія и критическое изслѣдованіе по первоисточникамъ, на основаніи котораго авторъ и строитъ общіе выводы относительно ранняго гуманизма. Подводя итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ литературѣ для оцѣнки гуманистическаго движенія и выясненія его причинъ, г. Корелинъ замѣчаетъ, что до сихъ поръ „или излагалась главнымъ образомъ, внѣшняя исторія гуманизма, или давалась общаго характера характеристика движенія за нѣсколько столѣтій“ (I, стр. VIII). „Степень широты и глубины его вліянія до сихъ еще остается невыясненной“.

ною съ такою полнотою и точностью, какія требуются отъ исторической науки въ наше время. Даже самая сущность движенія понимается не всегда одинаково, а изученіе его развитія почти совсѣмъ еще не начиналось“ (стр. 1).

Наибольшую извѣстность, какъ самыя удобныя для общаго знакомства съ эпохой Возрожденія, имѣютъ двѣ книги: *Die Wiederbelebung des classischen Alterthums etc.* Г. Фойгта и *Die Cultur der Renaissance in Italien* Буркгардта. Оба сочиненія, вышедшія почти одновременно около 30 лѣтъ тому назадъ, до настоящаго времени сохраняютъ въ исторіографіи Возрожденія руководящее значеніе, служа выраженіемъ двухъ основныхъ воззрѣній на гуманистическое движеніе и его причины. Современному изслѣдователю неизбѣжно приходится считаться со взглядами Фойгта и Буркгардта, такъ какъ новѣйшая исторіографія въ оценкѣ гуманизма идетъ по ихъ слѣдамъ. Какъ извѣстно, Фойгтъ видитъ въ гуманизмѣ, прежде всего, реставрацію древности, Буркгардтъ же понимаетъ движеніе какъ возрожденіе личности, проявленіе индивидуализма. Отмѣчая односторонность точки зрѣнія Фойгта, г. Корелинъ совершенно расходится съ нимъ въ вопросѣ о вліяніи древности. „Живой интересъ къ дѣйствительности,—говоритъ онъ,— пониманіе ея жизненности и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію предъ античнымъ прошлымъ, фантастическому стремленію воскресить отжившее, и гуманисты относятся къ классической древности такъ же критически, какъ къ ближайшему прошлому и современной дѣйствительности“; въ древней литературѣ гуманисты находили „иногда родственное настроеніе, иногда готовую формулу для своихъ воззрѣній, иногда высокій образецъ для литературной или научной работы“ (II, стр. 1007). Выдвигая книгу Буркгардта, представляющую болѣе широкое и правльное пониманіе гуманистическаго движенія, г. Корелинъ замѣчаетъ, что Буркгардтъ не даетъ исторіи гуманизма: „... въ его книгѣ нѣтъ изображенія историческаго процесса вообще, хотя ея содержаніе захватываетъ болѣе трехъ столѣтій“ (II, стр. 1033). Исторію гуманизма, по сколькокъ она имѣетъ въ виду внутреннее развитіе движенія, г. Корелинъ и самъ считаетъ преждевременною въ виду состоянія источниковъ: многія произведенія гуманистовъ существуютъ только въ рѣдкахъ изданіяхъ XV и XVI вѣковъ, огромное большинство извѣстно только въ рукописяхъ и по заглавію. Даже міровоззрѣніе основателей итальянскаго гуманизма, Петрарки и Боккачіо, до сихъ поръ не выяснено и болѣе интересныя съ этой стороны сочиненія ихъ какъ разъ менѣе всего изслѣдованы. Тѣмъ не менѣе, г. Корелинъ находитъ, какъ мы видѣли, возможнымъ „намѣтить главныя моменты“ этой исторіи до половины XV столѣтія и посвящаетъ ей заключительную главу своего сочиненія.

„Сущность гуманистическаго движенія, — такъ формулируетъ свою основную мысль г. Корелинъ,—заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальных потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе, т.-е. новую этику, педагогику, политику и науку, причемъ авторитетная классическая древность служила только орудіемъ для борьбы съ старою культурой и опорой при выработкѣ новаго міросозерцанія“ (II, стр. 1076). Уже въ произведеніяхъ Петрарки и Боккачіо мы встрѣчаемся со всѣми характерными чертами, которыми будутъ проникнуты сочиненія и переписка Рамбальди, Салютати, Конвертино, Верджеріо, Бруни и другихъ гуманистовъ. Всѣ они чувствую-

ють глубокий интересъ къ своей личности и къ своему внутреннему міру и съ особеннымъ вниманіемъ изучаютъ человѣка вообще. Науки, которыя имѣютъ своимъ предметомъ человѣка, стоятъ для гуманистовъ на первомъ планѣ; въ противоположность средневѣковой аскетической точкѣ зрѣнія, гуманисты ставятъ человѣческую природу чрезвычайно высоко; сословные предрасудки падаютъ и личность оцѣнивается независимо отъ ея социальнаго положенія только на основаніи духовныхъ свойствъ. Крушеніе аскетическихъ идеаловъ отразилось и на общей оцѣнѣ жизни, сказалось и въ пробужденіи болѣе живаго интереса къ окружающей дѣятельности.

Однимъ изъ первыхъ результатовъ гуманистическаго движенія было ослабленіе религіознаго интереса, который уменьшается съ каждымъ новымъ поколѣніемъ гуманистовъ. Мысль принимаетъ новое направленіе и, получая все болѣе свѣтскій характеръ, стремится къ выработкѣ новыхъ этическихъ идеаловъ. Гуманисты первыхъ двухъ поколѣній еще не отрицаютъ религіозныхъ основъ, но уже впадаютъ въ явное противорѣчіе съ религіей; слѣдующая генерация щетъ авторитетовъ въ античной литературѣ. Выраженіе новыхъ этическихъ воззрѣній даетъ *Isagogicon* Бруни, гдѣ говорится, что человѣкъ по природѣ стремится къ истинному благу; цѣль человѣческихъ дѣйствій есть добродѣтель, которая пріобрѣтается путемъ развитія природныхъ наклонностей человѣка къ добру и правльнаго выбора надлежащихъ дѣйствій (II, стр. 598—600). Этотъ новый взглядъ на человѣческую природу послужилъ основаніемъ для педагогическихъ теорій гуманистовъ, для знакомства съ которыми особенное значеніе имѣютъ трактаты Верджеріо и Бруни. Общія политическія воззрѣнія мы не находимъ въ раннемъ гуманизмѣ; въ сферѣ политической мысли гуманистическое движеніе выразилось постепеннымъ паденіемъ средневѣковыхъ традицій и отрицательнымъ отношеніемъ къ сословнымъ привилегіямъ. Политическіе идеалы гуманистовъ стоятъ въ тѣсной связи съ современною дѣятельностью, и трактаты ихъ положили основаніе политикѣ, какъ искусству и какъ наукѣ. Въ наукѣ важнѣйшимъ результатомъ движенія было признаніе ея самостоятельности и свободы; особенно плодотворные результаты научная дѣятельность гуманистовъ имѣла въ исторіографіи, которая обязана имъ новыми методами изслѣдованія и новою системою изложенія. Наконецъ, переписка гуманистовъ, ихъ политическія рѣчи, пивективы, политическая полемика въ стихахъ и прозѣ представляетъ зачатки публицистики; вырастаетъ общественное мнѣніе, и гуманисты, единственно благодаря образованію и таланту, становятся его выразителями и руководителями. Въ VI послѣдней главѣ (стр. 1083 и сл.) г. Корелинъ затрогиваетъ чрезвычайно важный и любопытный вопросъ объ отношеніи гуманистическаго движенія къ политическимъ, социальнымъ и церковнымъ переменамъ, происходившимъ въ Италіи въ XIV и XV вѣкахъ. Оговорившись, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить „только въ самой общей формѣ и лишь съ приближенною достовѣрностью“, г. Корелинъ утверждаетъ, однако, что „единственная отрасль, гдѣ обнаруживается вліяніе политической дѣятельности, это — политическій трактатъ“ (II, стр. 1084). Далѣе онъ замѣчаетъ, что политическая мысль вытекаетъ изъ общаго міросозерцанія гуманистовъ, и приходитъ къ заключенію, что „считать ту или другую политическую форму или борьбу между ними причиною гуманистическаго движенія имѣть никакого основанія“ (стр. 1085). Такъ же рѣшительно отвергаетъ г. Корелинъ причинную связь между гумани-

стическимъ движеніемъ и социальными пережѣнами, которыя только „создавали среду и атмосферу, благопріятную для гуманистическаго движенія“, но не были его причиной (ibid.). Не можетъ считаться причиной гуманизма, по мнѣнію г. Корелина, и современное церковное движеніе: „Въ гуманистическомъ движеніи выразился тотъ же духъ, который вызвалъ церковный упадокъ, но основанное на немъ міросозерцаніе сложилось внѣ всякаго вліянія церкви“.

Въ заключительныхъ строкахъ книги г. Корелинъ подчеркиваетъ общечеловѣческой характеръ движенія и объясняетъ его какъ результатъ культурнаго роста личности. Причину же того, что движеніе началось въ Италіи, слѣдуетъ искать „не въ итальянскомъ народномъ характерѣ, а въ особенностяхъ культурнаго развитія европейскихъ народовъ“.

Таковы общіе выводы, сгруппированные въ послѣдней главѣ. Нечего и говорить, что нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно любопытны и важны; къ сожалѣнію, въ этой наиболѣе важной по содержанию части сочиненія читатель уже не находитъ той тщательной изслѣдовательской работы, какую авторъ обнаруживаетъ въ трехъ первыхъ главахъ при анализѣ гуманистической литературы. Всѣ свои положенія г. Корелинъ высказываетъ догматически, какъ бы предполагая ихъ уже доказанными раньше, хотя связь между ними и обширнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ первыхъ главахъ книги, еще должна быть выяснена. Читатель, разумѣется, имѣетъ возможность обращаться къ самому матеріалу и въ немъ отыскивать аргументацію, которой онъ не находитъ въ изложеніи,—г. Корелинъ, повидимому, даже хочетъ облегчить ему этотъ трудъ ссылками на различныя страницы книги, но, вѣдь, это только значитъ предлагать работу, которая, во всякомъ случаѣ, лежала на обязанности автора. Едва ли также удобно изучать гуманистическую литературу, такъ сказать, въ пустомъ пространствѣ, изолируя ее отъ современной дѣйствительности. Въ одномъ мѣстѣ своей книги, характеризуя историографію Возрожденія, г. Корелинъ настаиваетъ на томъ, что главный недостатокъ ея составляетъ малое знакомство съ содержаніемъ гуманистической литературы. „Только эта литература,—говоритъ онъ,—можетъ дать правильное понятіе о цѣляхъ стремленій гуманистовъ и о средствахъ, которыми они пользовались для достиженія своихъ цѣлей, а слѣдовательно о сущности и характерѣ самого движенія“ (II, стр. 1061). Можетъ быть, кромѣ самой литературы, не лишне было бы имѣть въ виду и матеріальныя условія, въ которыхъ развивалось движеніе: г. Корелинъ находитъ возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ въ „общей формѣ“ и ограничивается замѣчаніемъ, что „идеи гуманистовъ—результатъ культурнаго роста личности“.

Мы остановились почти исключительно на послѣдней части сочиненія г. Корелина потому, что задача, которую здѣсь ставитъ себѣ авторъ, имѣетъ общій интересъ; задачу эту приходится признать неразрѣшенной: общія положенія г. Корелина, выражаясь словами, которыми онъ самъ характеризуетъ изслѣдователей, писавшихъ о Ренессансѣ, представляютъ не болѣе, какъ попытку „а priori угадать и выяснитъ историческій смыслъ и значеніе Возрожденія“. Новое сочиненіе о гуманизмѣ, во всякомъ случаѣ, представляетъ цѣнное научное приобрѣтеніе. Исторіографическій очеркъ, составленный г. Корелинымъ, будетъ необходимымъ пособіемъ, къ которому съ благодарностью обратится специалистъ при занятіяхъ Возрожденіемъ. Планъ, положенный въ основаніе этого очерка, кажется намъ не совсѣмъ удач-

нымъ: авторъ общую историческую литературу рассматриваетъ во вступленіи, причемъ распределяетъ сочиненія по рубрикамъ, посвящая одинъ параграфъ всемірно-историческимъ хроникамъ, другой—историкамъ литературы, третій—историкамъ церкви и т. д.; специальная литература разбрана въ особой главѣ, а обзоръ литературы, посвященной дѣльнымъ гуманистамъ, разбросанъ по всей книгѣ и слѣдуетъ за подборомъ ихъ собственныхъ произведеній. Такой планъ представлялъ немаловажныя затрудненія для читателя, а, главное, исключаетъ возможность соблюсти историческую перспективу, такъ что общей картины развитія литературныхъ мнѣній о Возрожденіи не получаетъ. Этотъ недостатокъ изложенія выкупается, во всякомъ случаѣ, обстоятельностью и полнотой, которая, повторяемъ, дѣлаетъ обзоръ незаменимымъ для специалиста.

Самую дѣльную сторону книги составляетъ анализъ сочиненій самихъ гуманистовъ, произведенный съ большою добросовѣстностью и рѣдкимъ трудолюбіемъ. Авторъ собралъ огромный и въ значительной части мало изслѣдованный и даже совсѣмъ неизвѣстный матеріалъ. „Научно литературная дѣятельность Салютати и Бруни,—говоритъ самъ г. Корелинъ (стр. VI—VII),—изслѣдована, главнымъ образомъ, на основаніи рукописнаго матеріала, а разсмотрѣнныя сочиненія Дж. да Винченна до сихъ поръ были извѣстны только по заглавію“.

Эти солидныя достоинства обезпечиваютъ новой книгѣ почетное мѣсто не только въ нашей литературѣ, но и въ историографіи Возрожденія вообще.

Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софія Палеологъ. Павла Пирлинга. Спб., 1892. Извѣстный своими розысками русскихъ историческихъ документовъ въ итальянскихъ архивахъ іезуитъ о. Пирлингъ публиковалъ одну изъ послѣднихъ своихъ работъ (*La Russie et l'Orient. Mariage d'un tsar au Vatican*, въ IX т. *Bibliothèque slave elzévirienne*) въ русскомъ переводѣ. Нельзя не признать большой важности сюжета, трактованнаго авторомъ, и чрезвычайной тщательности, съ которой онъ перерылъ различные и провинціальныя архивы Италіи и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ, чтобы собрать все, что имѣло малѣйшее отношеніе къ предмету. Не вина автора, что собранная такимъ образомъ историческая жатва оказалась не особенно богатой и не вполне соотвѣтствующей затраченнымъ имъ усиліямъ. Все же мы узнали кое-что новое. Мы знаемъ теперь, благодаря о. Пирлингу, что извѣстнаго посредника при сватовствѣ Ивана III, „Ивана Фрязина“ нашихъ лѣтописей, звали въ дѣйствительности Gian Battista della Volpe, и что его двучленное именованіе въ этомъ дѣлѣ вполне соотвѣтствовало его фамильному происхожденію; спасено отъ забвенія также имя его племянника Антона Джисларди и папскаго легата, пріѣхавшаго въ Москву съ Софьей и вызвавшаго раздраженіе московскаго митрополита (Антонъ Бонумбре). Мы можемъ прослѣдить теперь съ большими подробностями путь Софьи вѣсты черезъ Витербо, Сиену, Волонью, Виченцу, Нюрнбергъ, Любекъ и Ревель, архивы которыхъ сообщили намъ, отчасти впервые, различныя детали о приѣмѣ византійской принцессы; впрочемъ, свойства этихъ данныхъ не таково, чтобы заставить насъ пожалѣть, что въ Бамбергѣ, Эрфуртѣ, Лейпцигѣ и Брауншвейгѣ автору не удалось найти никакихъ воспоминаній объ официальныхъ торжествахъ при пріѣздѣ Софьи. Объ основныхъ побужденіяхъ устроителей этого политическаго брака мы знаемъ теперь едва ли больше, чѣмъ прежде. Изъ неизвѣ-

ныхъ документовъ, публикуемыхъ о Пирлингомъ, наибольшій интересъ представляютъ сношенія венеціанской синьоріи съ Иваномъ III по поводу посольства черезъ Москву въ Золотую Орду Джана Баттисты Фревиана, задержаннаго московскимъ правительствомъ по подозрѣнію. Между прочимъ, въ письмѣ синьоріи къ Ивану III отъ 4 декабря 1473 г. встрѣчаемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ официальное признаніе возможности открытія правъ господара всея Руси на византійскій императорскій престолъ, занятый турками (*communis omnium christianorum hostis, turcus othomanus, occupator imperii Orientis, quod, quando stirps mascula deesset imperatoria, ad Vestram illustrissimam Dominationem iure vestri faustissimi conjugii pertineret*). Вотъ, стало быть, одинъ изъ неизвѣстныхъ доселѣ источниковъ извѣстной національной теоріи о Москвѣ—третьемъ Римѣ.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. Politikos'a. Перев. съ англійскаго и дополнилъ В. Ранцовъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1892 г. Цѣна 1 руб. Переводчикъ дѣлаетъ довольно глубокомысленную догадку, что авторъ этой англійской книги очевидно англичанинъ. Г. Ранцовъ дополнилъ ее статью о черногорскихъ владыкахъ и князьяхъ и изложеніемъ важнѣйшихъ событій по выходѣ оригинала. При переводѣ на русскій языкъ,—замѣчаетъ г. Ранцовъ,—не было ни малѣйшей надобности знакомить русскихъ читателей съ завѣдомо ложными искаженіями истины (а бываютъ правильныя искаженія?) и враждебными Россіи инсинуаціями, лишенными всякаго фактическаго основанія, которыя позволялъ себѣ иногда англійскій авторъ“.

Панигирикъ Politikos'a султану Абдуль-Гамиду, который будто бы водворяетъ просвѣщеніе и справедливость въ Турціи, странно читать русскому. Авторъ англійской книги увѣряетъ, что успѣхи женскаго образованія въ Турціи *изумительны до невѣроятія*. Любопытна цифра расходовъ на гаремъ Абдуль-Гамида: 30.000,000 рублей золотомъ. И это при страшно разстроенныхъ финансахъ государства!

Очерки и характеристики Politikos'a будутъ полезны для многихъ читателей и прочтутся съ интересомъ. Къ книгѣ приложено 16 портретовъ европейскихъ государей.

Историческая географія Европы. Эдуарда Фримана. Въ двухъ томахъ. Томъ I, текстъ; томъ II, карты. Переводъ М. В. Лучицкаго подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М., 1892. Мысль перевести на русскій языкъ извѣстное сочиненіе Фримана нельзя не назвать чрезвычайно удачною. Въ сжатомъ изложеніи, написанномъ простымъ и общедоступнымъ языкомъ, самимъ умѣютъ писать англичане, Фриманъ изложилъ исторію территориальныхъ измѣненій европейскихъ государствъ, начиная съ Греціи и кончая XIX столѣтіемъ. Весь текстъ занимаетъ 434 страницы русскаго перевода. Къ тексту въ англійскомъ изданіи были приложены карты, недостаточно детальныя, сравнительно съ текстомъ; во французскомъ изданіи (1886 г.) этотъ недостатокъ былъ исправленъ; русское изданіе воспользовалось французскимъ атласомъ и воспроизвело его для русской публики по самымъ влище французскаго изданія. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ книгой Фримана мы получили прекрасный историческій атласъ, заключающій 73 карты; на картахъ весьма наглядно нанесены всѣ историко географическія измѣненія, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ; кромѣ того, подъ каждою картою сдѣланы краткія резюме важнѣйшихъ изъ этихъ измѣненій. Номенклатура самыхъ картъ осталась французская, но для незнакомыхъ съ латинскимъ шрифтомъ

(найдутся ли такіе въ составѣ читателей *Исторической географіи*?) въ названія переведены по-русски въ особомъ приложеніи, а заглавія картъ и объясненія принятыхъ на нихъ красокъ припечатаны по-русски на самыя картахи.

Историческая географія Европы должна быть необходимымъ пособиемъ для преподавателей истории и студентовъ; съ появленіемъ русскаго перевода книги знакомство съ географическимъ элементомъ историческаго преподаванія становится болѣе общедоступнымъ и, надѣявшись, сдѣлается болѣе распространеннымъ, чѣмъ до сихъ поръ. Въ интересахъ серьезности и основательности историческаго преподаванія нельзя не пожелать переводу *Исторической географіи* самаго широкаго распространенія.

Исторія греческой литературы. Р. К. Джебба. Москва, 1891. Какаѣ-то злая судьба преслѣдуетъ наши переводы руководствъ по исторіи греческой литературы: все берется за дѣло люди несвѣдущіе. Такъ, старый переводъ книги Мунка плохъ; переводъ книги Магафа тоже не удовлетворителенъ; наконецъ, разбираемый нами переводъ кракаго, но весьма содержательнаго англійскаго руководства Джебба, переводнаго въ подлинникъ, также не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Переводчикъ, очевидно, человекъ, плохо знающій по-англійски, неопытный, да мало знакомый и съ греческою литературою и эти недостатки отразились на его трудѣ. Ко всему этому онъ переводилъ невнимательно: такъ, не говоря уже о мелкихъ недосмотрахъ и вѣдѣ, наприм., такой фразы (стр. 144): „въ городѣ начинается моръ и когда евванцы спрашиваютъ дельфійскаго оракула, какъ избавиться отъ нея“, какъ на обращеніе его небрежности, можно указать слѣд. мѣсто (стр. 194): „Опытъ о лакедемонскомъ правленіи не принадлежитъ Ксенофонту; онъ написанъ съ олигархическими симпатіями около 420 г. до Р. Х. Это самый ранній образецъ литературной атичной прозы“; все сказанное здѣсь относится къ сочиненію „об афинскомъ государственномъ устройствѣ“, а то, что говорится въ подлинникѣ относительно сочиненія Ксенофонта „о спартанскомъ государственномъ устройствѣ“ (или „о лакедемонскомъ правленіи“, какъ оно названо въ переводѣ), нашъ переводчикъ по невниманію пропустилъ. Наконецъ, крайне неприятно дѣйствуетъ на читателя странная привычка переводчика начинать чуть не каждое предложеніе съ новой строки. Впрочемъ, переводчикъ и самъ извиняется въ предисловіи за погрѣшности своего труда и, повидному, собирается выпустить новое изданіе въ исправленномъ видѣ. Что же касается внѣшняго вида книги, то онъ заслуживаетъ полной похвалы: и бумага, и печать отличная; жаль, что онъ такъ не соответствуетъ содержанію.

ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА.

„Материалы по разработкѣ тарифовъ русскійхъ желѣзныхъ дорогъ“. — „Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности московскаго земства“. — „Отчетъ тамбовской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891 — 1892 года“. — „Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губ.“. — „Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.“. — „Обзоръ бакняской нефтяной промышленности въ 1891 г.“. — „Краткое сельско-хозяйственное описаніе 6-ти уѣздовъ Вятской губ.“.

Материалы по разработкѣ тарифовъ русскійхъ желѣзныхъ дорогъ. Вып. II. По разработкѣ тарифовъ: а) на ленъ и пеньку и б) на сахаръ. Этотъ большой томъ, заключающій обзоръ лѣтъ

ой, пеньковой и сахарной промышленности, составленъ служащими въ департаментѣ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ, а изданъ на средства общаго сѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ. Общая редакція труда принадлежитъ В. И. Ковалевскому, статьи о пеньковой и пеньковой промышленности написаны г. Блау, о сахарной — г. Брунскимъ, Афанасьевымъ и Андреевымъ. Каждая статья представляетъ подробный сводъ и разработку данныхъ, рисующихъ положеніе рассматриваемой отрасли промышленности въ Россіи и за границей со стороны экономической и частью технической. Сообразно преслѣдуемой цѣли даніемъ цѣли дать матеріалъ для соображеній при проектированіи тарифовъ на перевозку груза по желѣзнымъ дорогамъ, каковая цѣль требуетъ не только суммированныхъ данныхъ, но и расчлененныхъ, — рассматриваемый трудъ, во-первыхъ, имѣетъ статистическій характеръ въ томъ смыслѣ, что онъ заключаетъ много цифроваго матеріала, и, во-вторыхъ, особенно останавливается на данныхъ, имѣющихъ практической характеръ, какъ-то: цѣнахъ, размѣрѣ и направленіи перевозки груза, накладныхъ расходовъ на грузъ въ портахъ и т. п., и, наконецъ, даетъ подробный обзоръ дѣйствующихъ на изучаемые грузы желѣзно-дорожныхъ тарифовъ. Несмотря на эти особенности изданія, желѣднее представляетъ, тѣмъ не менѣе, большой и общій интересъ, ибо даетъ читателю полное понятіе о положеніи извѣстныхъ отраслей промышленности въ Россіи въ связи съ состояніемъ международнаго рынка. Изъ отдѣльныхъ частей рассматриваемаго труда, статья г. Блау о пеньковой промышленности есть дополненное и значительно расширенное изданіе его же общаго состоянія этой отрасли народнаго хозяйства въ одномъ изъ годовыхъ обзоровъ положенія сельскаго хозяйства, публикуемыхъ департаментомъ земледѣлія министерства государственныхъ имуществъ; статья того же автора о пеньковой промышленности и другихъ вышепоименованныхъ лицъ о сахарной составлены специально для даннаго изданія.

Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности (1865—1890 г.) московскаго земства. Взаимное земское страхов. строеній отъ огня. 1892 г. Этотъ второй выпускъ *) *Обзора*, обнимающій собой дѣятельность московскаго земства по взаимному отъ огня страхованію, составленъ земскимъ статистикомъ С. Ф. Рудневымъ и состоитъ изъ трехъ дѣловъ: краткаго обзора дѣятельности земства по взаимному страхованію, перепечатки „Положенія о взаимномъ страхованіи“ и изъ свода дѣйствующихъ постановленій и правилъ губернскаго земства по отдѣлу страхованія. Повидимому, наибольшее вниманіе автора было обращено на эту третью часть — на сводъ дѣйствующихъ постановленій, что даетъ возможность детально ознакомиться съ организаціей земскаго страхованія въ Московской губерніи, не обращаясь къ документальнымъ даннымъ.

Въ Московской губерніи существуютъ три вида земскаго взаимнаго страхованія: обязательное, дополнительное и добровольное. На основаніи „Положенія о взаимномъ страхованіи“, страхованію обязательно подлежатъ всѣ сельскія постройки, находящіяся въ чертѣ крестьянской осѣлости; этотъ видъ страховки введенъ въ Московской губерніи съ 1867 года; почти одновременно съ нимъ введены и остальные два вида страхованія. Само собой понятно, что обязательное и

*) Отчетъ о первомъ выпускѣ *Обзора* по народному образованію данъ былъ въ библиографическомъ отдѣлѣ *Русской Мысли* за августъ текущаго года.

дополнительное къ нему страхованіе по возвышенной оцѣнкѣ имѣютъ наиболѣе существенное значеніе для поддержанія благосостоянія крестьянскаго населенія, и именно по отношенію къ нимъ московское земство развило свою дѣятельность крайне недостаточно. Правда, земство уже въ 1869 году повысило размѣръ нормальной оцѣнки крестьянской избы съ 30 на 50 руб., а въ 1878 году—до 75 р., но съ тѣхъ поръ и по настоящее время нормальныя цѣны остались безъ перемѣны, несмотря на то, что за послѣднія 12—14 лѣтъ цѣны крестьянскихъ построекъ значительно возросли. Какъ недостаточно эта оцѣнка и какъ, слѣдовательно, мало получаемое крестьянами вознагражденіе за пожарные убытки, видно изъ слѣдующихъ цифръ. За время существованія обязательнаго земскаго страхованія въ Московской губ. (съ 1867 по 1890 г.) пострадали отъ пожаровъ 66¹/₂ тыс. домохозяевъ; въ вознагражденіе за пожарные убытки имъ выдано земствомъ до 4 милліоновъ рублей, тогда какъ повесенный ими убытокъ простирается до 11 милл., т. е. выданная сумма почти въ 3 раза ниже дѣйствительныхъ потерь.

Въ разбираемомъ нами трудѣ такая малоуспѣшность дѣятельности московскаго земства въ области обязательнаго страхованія объясняется, главнымъ образомъ, накопленіемъ значительной недоимки по страховому сбору. Но съ устраненіемъ волостныхъ правленій отъ распоряженія страховыми сборами, съ учрежденіемъ специальныхъ агентовъ по взаимному земскому страхованію размѣръ страховыхъ недоимокъ значительно сократился; за три послѣднихъ года 25-лѣтія земской дѣятельности (съ 1886 по 1890 г.) поступленіе страховыхъ сборовъ было настолько успѣшно, что страховой капиталъ *по обязательному* страхованію достигъ 347 т. р., не считая недоимокъ. Тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ московскимъ земствомъ не предпринимается никакихъ серьезныхъ мѣръ для устраненія выше отмѣченныхъ недочетовъ страховаго дѣла, — нормальная оцѣнка застыла на размѣрѣ, установленномъ еще въ 1878 году, дѣло развитія дополнительнаго страхованія также движется чрезвычайно медленно и т. д. Въ прошломъ году былъ съѣздъ всѣхъ агентовъ взаимнаго земскаго страхованія Московской губерніи, но онъ, повидимому, не далъ никакихъ практическихъ результатовъ, не повлекъ за собой никакихъ существенныхъ преобразованій въ рутинномъ веденіи страховаго дѣла московскимъ земствомъ.

Познакомившись съ *Обзоромъ* 25-ти лѣтней дѣятельности московскаго земства по взаимному отъ огня страхованію, невольно кончаешь пожеланіемъ ему болѣе энергичной дѣятельности въ этой области, подобно тому, какъ это наблюдается въ дѣлѣ народнаго образованія, медицины, ветеринаріи, статистики и пр. Конечно, проявленіе разумной и энергичной дѣятельности возможно лишь при ясно выработанномъ планѣ ея и при дружной работѣ центра и его мѣстныхъ органовъ—агентовъ земскаго страхованія, что при учрежденіи послѣднихъ и имѣлось въ виду.

Отчетъ тамбовской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891—1892 г. Вып. I. Тамбовъ, 1892 г. Продовольственная операція тамбовскаго земства, вызванная крайнимъ неурожаемъ хлѣбовъ въ 1891 году, выполнена, главнымъ образомъ, на чрезвычайныя средства, отпущенныя земству изъ государственнаго казначейства. Въ виду этого губернская управа считаетъ для себя обязательнымъ дать возможно большую гласность расходованію милліонныхъ суммъ, отпущенныхъ ей казною на продовольствіе населенія Тамбов-

и губерніи. Уже въ октябрѣ 1891 г. губернская управа опубликовала предварительный отчетъ по продовольственной операціи, обнижающій періодъ заготовокъ хлѣбовъ до октября и выдачу ссудъ на зимній посѣвъ. Въ лежащей передъ нами первой части полнаго отчета тамбовская губернская земская управа не только опредѣляетъ дѣйствительные расходы по продовольствію населенія, ею произведенные, такъ какъ вся 10-ти милліонная сумма прошла черезъ нее, то отъ нея даетъ также полный перечень и тѣхъ суммъ, которыя ею переданы подъ отчетное распоряженіе уѣздныхъ земскихъ управъ губерніи. Еще въ началѣ іюля 1891 г. экстренное губернское земское собраніе обратило на продовольственную операцію 400,000 руб. изъ берскаго продовольственнаго капитала; съ конца іюля по 20 апрѣля текущего года съ тою же цѣлью было ассигновано тамбовскому земству изъ средствъ казны 10.100,000 р. Такъ какъ съ разрѣшенія министра часть этихъ денегъ (200,000 р.) пошла на операцію земнаго страхованія строеній отъ огня, то на продовольственную операцію обращено всего 10.300,000 р. Изъ этой суммы болѣе 7 милліоновъ передано на расходы по продовольственной операціи уѣзднымъ управамъ, около $3\frac{1}{4}$ милл. израсходованы самою губернской управой, остальные 164 т. р. остались въ кассѣ управы.

Главнѣйшая часть расходовъ губернской управы пошла въ уплату продуктовъ на мѣстахъ ихъ покупокъ—2.716,000 р., доставка продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ обошлась въ 285,000 т. руб., стоимость мѣшковъ 77 тыс., комиссіонныхъ и т. п. расходовъ—до 37 к., гужевая перевозка хлѣбовъ до погрузки ихъ въ вагоны—менѣе 1 тыс. р. и т. д. Всѣхъ хлѣбовъ было закуплено губернской управой цѣнѣ $2\frac{1}{4}$ милліоновъ пудовъ, главнымъ образомъ, рожь, ячмень, пшеница и сурожъ. Средняя стоимость пуда этихъ продуктовъ въ мѣстахъ мученія ихъ уѣздными земскими управами обошлась въ 1 р. 21 к., ячмень на стоимость самаго зерна падаетъ 1 р. 5 к., а остальные продукты—за перевозку его по желѣзнымъ дорогамъ (около 11 к.), за мѣшки (3 коп.) и пр.

Уже и лежащій передъ нами первый выпускъ полнаго отчета, составленный статистическимъ отдѣленіемъ губернской земской управы, даетъ довольно ясное понятіе о ходѣ продовольственнаго дѣла въ тамбовской губерніи въ 1891—1892 гг. (по 1 іюля 1892 года). Изъ подробныхъ счетовъ, помѣщенныхъ въ *Отчетъ* и изъ ихъ краткаго текста можно ознакомиться съ общимъ ходомъ всей этой 10-ти милліонной операціи и можно видѣть, на что и какъ израсходованы самою губернской управой слишкомъ 3 милл. руб., дѣйствительный же расходъ остальныхъ 7 милліоновъ, произведенный уѣздными управами, будетъ выясненъ во второмъ выпускѣ полнаго отчета губернской земской управы. Кромѣ того, въ немъ будетъ выясненъ чрезвычайно важный моментъ всей продовольственной операціи: насколько своевременно поступали закупленные хлѣба на мѣста потребленія; съ этою цѣлью статистическимъ отдѣленіемъ губернской управы регистрировалось время выхода каждаго вагона со станціи отправленія и время его прибытія на станцію назначенія.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что тамбовское губернское земство, идя впередъ въ высшей степени почтенною цѣлью слѣлать возможно ясными всѣ моменты его дѣятельности по продовольственной операціи предшлагаго голоднаго года, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выполняетъ свою задачу вполне своевременно и образцово.

Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губерніи. Выпускъ первый. Земское экономическое изслѣдованіе этой страны, столь энергично производившееся въ теченіе истекшихъ десятилѣтій, постепенно затихаетъ, частью подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій, частью по причинѣ окончанія предпринятыхъ земствами работъ. Хотя, такимъ образомъ, изслѣдованіе и кончилось не всѣхъ 360 уѣздовъ 34 губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, тѣмъ не менѣе, собранный земствами матеріалъ по основной хозяйственной статистикѣ представляется громаднымъ: онъ состоитъ почти изъ 350 томовъ, касающихся слишкомъ двухсотъ уѣздовъ. Будетъ ли начатое земствами изслѣдованіе продолжаться, или нѣтъ, изданный и имѣющій быть еще изданнымъ матеріалъ самъ по себѣ достаточенъ для того, чтобы служить важнымъ пособіемъ при различныхъ экономическихъ соображеніяхъ, почему представляется желательнымъ, чтобы онъ былъ по возможности доступенъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые такъ или иначе интересуются экономическими вопросами. Сожалѣнію однако, нужно признаться, что именно это - то условіе пользованія матеріаломъ и не осуществлено въ дѣйствительности. Не осуществлено оно по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, матеріалъ изданъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, на половину или больше изъ продажи и полный ихъ комплектъ можно найти лишь у весьма немногихъ лицъ и въ еще меньшемъ числѣ учреждений; во-вторыхъ, изданія заключаютъ слишкомъ сырой матеріалъ, переработка котораго для выясненія какаго бы то ни было вопроса требуетъ затраты большого количества труда. Въ виду сказаннаго, читатель согласится съ нами, что весь огромный матеріалъ земской статистики лишь тогда сдѣлается общедоступнымъ и удобоиспользуемымъ, когда онъ будетъ сведенъ въ меньшее число томовъ, почему можно сказать, что второй періодъ въ дѣлѣ земскаго изслѣдованія Россіи долженъ заключаться въ сводкѣ и предварительной разработкѣ того, что уже собрано и дано въ свѣтъ.

Такая сводка могла бы идти двумя путями. Съ одной стороны сами земства могутъ давать сводныя работы по губерніи, съ другой — различныя лица и учрежденія могли бы дѣлать такіе своды для всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностей. И дѣйствительно, мы видимъ, что и та и другая сводка начала уже осуществляться. Нѣсколько членовъ Самарскаго юридическаго общества предприняли изданіе ряда монографій по различнымъ вопросамъ крестьянскаго хозяйства (подъ общимъ заглавіемъ *Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики*), имѣющихъ характеръ свода данныхъ земской статистики. Въ свою очередь и земства, закончившія сплошное изслѣдованіе губерній, предполагаютъ издать сводные погубернскіе сборники, такъ сказать, концентрирующіе матеріалъ, разсыпанный во многихъ томахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ уѣздамъ. Мы не находимъ возможности распространяться здѣсь о томъ, какой характеръ желательно придать этимъ своднымъ земскимъ работамъ: должны ли онѣ повторять съжатомъ видѣ данныя, заключающіяся въ поуѣздныхъ сборникахъ или представлять новую ихъ переработку. Ограничимся на этотъ счетъ краткимъ разсмотрѣніемъ одной изъ такихъ сводныхъ работъ, указанной въ заголовкѣ рецензій, — работы самарскаго земства.

Этотъ первый выпускъ своднаго сборника Самарской губерніи состоитъ изъ поуѣздныхъ таблицъ данныхъ подворной переписи крестьянскаго хозяйства и текста. Таблицы не составляютъ сокращенной пере-

печатки таблицъ поуѣздныхъ сборниковъ, а являются ихъ переработкой. Тогда какъ въ отдѣльныхъ томахъ матеріалъ подворной переписи приурочивался къ селеніямъ и итогамъ по волостямъ, разрядамъ крестьянъ и цѣлому уѣзду, въ сводномъ томѣ не только указаны поуѣздные итоги, но и совершена новая переработка данныхъ подворной переписи, именно эти данныя приурочены къ группамъ общинъ съ одинаковымъ, по размѣру, надѣломъ. Текстъ своднаго тома составленъ по той же программѣ, что и текстъ уѣздныхъ сборниковъ, и хотя новая сводка цифроваго матеріала, сдѣланная для своднаго тома, открывала возможность глубже анализировать изслѣдуемыя явленія крестьянскаго хозяйства, чѣмъ это сдѣлано въ поуѣздныхъ сборникахъ, расчленявшихъ итоговыя цифры лишь на слагаемыя, соответствующія юридическимъ разрядамъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, за недостаткомъ времени, новыя таблицы почти не были использованы въ текстѣ, почему послѣдній даетъ намъ весьма мало новаго въ отношеніи объясненій изслѣдуемыхъ явленій, сравнительно съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ сборниковъ поуѣздныхъ, — ничѣмъ инымъ, какъ спѣшностью работы, мы можемъ объяснить и рѣзко бросающуюся въ глаза небрежность при составленіи рассматриваемаго труда.

Начать съ того, что составители сборника, повидимому, не знаютъ, что представляютъ ихъ поуѣздныя сводныя таблицы. Такъ, на стр. IX говорится: „въ сводныхъ групповыхъ таблицахъ всѣ *наличныя крестьянскія хозяйства* дѣлятся на 15 группъ“; это значитъ, что простѣйшими элементами группъ, на какія разбитъ каждый уѣздъ по размѣрамъ землевладѣнія крестьянъ и къ которымъ приурочиваются данныя подворной переписи, по мнѣнію составителей, являются наличные хозяйства, т.-е. крестьянскія семьи; на самомъ же дѣлѣ такая группировка для Самарской губерніи, гдѣ перепись велась не по карточной системѣ, почти невозможна, и группы по размѣрамъ землевладѣнія составлены поэтому не изъ отдѣльныхъ хозяйствъ, а изъ цѣлыхъ общинъ съ тѣмъ или другимъ надѣломъ на ревизскую душу. Затѣмъ, глава III переполнена ошибками, зависящими прямо отъ спѣшности и небрежности работы. Такъ, на стр. 21 говорится, что всѣхъ земельныхъ общинъ въ губерніи 2,278, изъ нихъ владѣютъ землей на общинномъ правѣ 2,101, а на стр. 26 въ таблицу коренныхъ передѣловъ земли включены не 2,101 община, а всѣ 2,278. Кромѣ того, сравненіе съ уѣздными сборниками показываетъ, что число коренныхъ передѣловъ показано неправильно: все число общинъ, совершившихъ коренной передѣлъ, опредѣлено цифрой 314; „въ остальныхъ 1,964 общинахъ, по словамъ сборника, бываютъ лишь однѣ переверстки земельныхъ угодій по старымъ ревизскимъ душамъ“. Такимъ образомъ, сборникъ отрицаетъ существованіе въ общинахъ Самарской губерніи частныхъ передѣловъ земли. Въ дѣйствительности же эти передѣлы составляютъ здѣсь весьма распространенное явленіе, почему системы разверстки земли по другой единицѣ, нежели ревизская душа, распространены гораздо больше, чѣмъ это показано въ сборникѣ. Достаточно привести, на примѣръ, тотъ фактъ, что всѣ общины Самарскаго уѣзда зачислены въ рассматриваемомъ изданіи въ группу съ ревизскою разверсткой; по даннымъ же уѣзнаго сборника большая часть общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этого уѣзда и часть удѣльныхъ уже отступила отъ ревизской разверстки. Такое же отступленіе, путемъ частныхъ коренныхъ передѣловъ, произведено и во многихъ общинахъ Старо-польскаго уѣзда, гдѣ сводный сборникъ находитъ лишь одну общину

съ новою разверсткой земли и т. д. Желательно, чтобы продолженіе изданія не заключало такихъ промаховъ, иначе сводная работа самарскаго земства не будетъ имѣть никакого значенія.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Т. IX. Прилуцкій уѣздъ. Настоящій сборникъ, составленный имъ программѣ предъидущихъ изданій полтавскаго земскаго статистическаго бюро, заключаетъ въ себѣ таблицы цифровыхъ свѣдѣній и описаній крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, таблицы по оцѣнкѣ земли (продажныя и арендныя цѣны на землю, урожайность и стоимость обработки земли и нѣкоторыя другія свѣдѣнія). Таблицы цифровыхъ данныхъ по крестьянскому хозяйству составлены очень подробно (заключаютъ 170 графъ). И по своему составу, и, такъ сказать, историческому значенію таблицы свѣдѣній по крестьянскому хозяйству въ изданіяхъ полтавскаго земства образуютъ переходную ступень отъ простыхъ поселенныхъ къ типу групповыхъ таблицъ. Первые томы сборника полтавскаго статистическаго бюро появились въ то время, когда земская статистика знала только одинъ типъ простыхъ поселенныхъ таблицъ, въ которыхъ данныя, собранныя подворною переписью, приурочиваются въ общемъ итогѣ къ цѣлому селу или общинѣ. Полтавскій сборникъ, принявъ ту же систему группировки матеріала, внесъ, однако, въ нее нѣкоторыя измѣненія; именно, нѣкоторыя данныя—объ арендѣ земель, заработкѣ какъ населенія внѣ своего хозяйства и др.—онъ приурочивалъ не ко всему селенію цѣликомъ, а къ отдѣльнымъ группамъ хозяевъ, составленнымъ по признаку размѣра ихъ земельладнѣй. Эта система удержана и въ настоящемъ томѣ. Затѣмъ, полтавское бюро было однимъ изъ первыхъ, примѣнившихъ при разработкѣ данныхъ подворной переписи приемъ комбинацій хозяевъ по многимъ хозяйственнымъ признакамъ. Въ послѣднихъ выпускахъ сборника, впрочемъ, этотъ приемъ не употребляется. Въ противоположность таблицамъ данныхъ по крестьянскому хозяйству, таблицы, въ коихъ сгруппированы свѣдѣнія, относящіяся къ помѣщичьему хозяйству, отличаются неполнотою (нѣтъ, наприм., свѣдѣній объ орудіяхъ). Причина сказаннаго заключается, вѣроятно, въ томъ, что тогда какъ крестьянское хозяйство изслѣдовалось экспедиционнымъ путемъ, свѣдѣнія о помѣщичьемъ хозяйствѣ доставлялись самими владѣльцами по программѣ статистическаго бюро. Въ текстѣ разсматриваемаго изданія статистическая разработка собраннаго матеріала преобладаетъ надъ описаніемъ. Къ изданію приложена карта изслѣдованнаго уѣзда.

Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1891 г. Изд. совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ. Баку, 1892 г. Этотъ обзоръ одной изъ малоизвѣстныхъ и интереснѣйшихъ отраслей нашей промышленности составленъ секретаремъ совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ г. Тищенко, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ, собираемыхъ статистическимъ бюро совѣта. Обзоръ обнимаетъ собой не только добываніе нефти, но и переработку ея на мѣстныхъ заводахъ и вывозъ какъ сырья, такъ и заводскихъ продуктовъ. За обстоятельно и интересно составленнымъ текстовымъ обзоромъ слѣдуютъ различныя табличныя приложенія, а самый текстъ снабженъ диаграммой движенія бакинской нефтяной промышленности съ 1880 по 1892 г. и планомъ всей площади добыванія нефти съ обозначеніемъ размѣра ея добычи въ 1891 г. на отдѣльныхъ участкахъ.

Какъ извѣстно, Баку снабжаетъ нефтью и ея продуктами не только Россію, но и многія европейскія и азиатскія государства: Индію,

Китай и Японію, Англію, Австрію, Турцію, Бельгію, а также Италію, Францію, Германію и проч. Для удовлетворенія потребности всѣхъ этихъ странъ добыча керосина въ бакинскомъ районѣ ежегодно возрастаетъ: еще въ 1880 г. близъ Баку добывалось немного болѣе 20 милл. пудовъ нефти, а въ 1889 г. добыча нефти превзошла 200 милл. пудовъ, въ 1890 г.—почти достигала 240 милл., а въ прошломъ году равнялась 288½ милл. пуд. Подъ вліяніемъ такого быстро увеличенія добычи нефти еще со второй половины 1890 г. чувствовалось перепроизводство этого продукта и цѣны на нефть стали быстро падать; такое паденіе продолжалось и весь 1891 годъ, такъ что средняя цѣна пуда за прошлый годъ немного превысила 2½ коп., тогда какъ лѣтомъ 1890 г. она достигла 8 и даже 9 в. Къ началу 1891 г. общіе запасы нефтяныхъ продуктовъ въ бакинскомъ районѣ достигли 30 милл. пуд., а къ началу текущаго года они возросли чуть не вдвое (до 55 милл. пуд.), что уже несомнѣнно свидѣтельствуетъ о перепроизводствѣ нефти. Правда, въ Америкѣ запасы нефти достигали 200 и даже 300 милл. пуд., но тамъ они являлись результатомъ сознательныхъ дѣйствій, служа обезпеченіемъ правильнаго прогресса промышленности и вывоза; у насъ же такіе запасы нефти явились совершенною неожиданностію для самихъ промышленниковъ и дали въ результатъ обезцѣненіе всѣхъ отраслей нефтянаго дѣла. Паденію цѣвъ на нефть способствовала не только усиленная добыча ея путемъ массы новыхъ буровыхъ скважинъ, законченныхъ буреніемъ въ 1891 г., а также и усиленная заводская дѣятельность по выработкѣ керосина и смазочныхъ маселъ, и усиліе вывоза нефти на заграничные рынки.

При крайне низкихъ цѣнахъ нефти въ 1891 г., при крупныхъ издержкахъ на буреніе и другихъ расходахъ, весьма понятно, что результаты нефтяныхъ операцій прошлаго года оказались—въ общемъ для бакинскаго района—крайне печальными: средняя выручка всѣхъ предприятий не только не дала ничего на уплату процентовъ, но не окупила даже и текущихъ расходовъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что при крайней неравномѣрности естественныхъ условий добыванія нефти у разныхъ фирмъ, нѣкоторыя фирмы даже и при настоящихъ условіяхъ получили значительные барыши, но за то большинство остальныхъ оказалось тѣмъ въ большемъ убыткѣ.

Неравномѣрность естественныхъ условій для различныхъ нефтепромышленниковъ Апшеронскаго полуострова чрезвычайно велика и весьма сильно вліяетъ на положеніе дѣлъ бакинской промышленности. Нѣкоторыя буровыя скважины попадаютъ на обильные источники нефти, которая иногда бьетъ фонтанами, дающими нефти по нѣскольکو миллионновъ пудовъ въ годъ, тогда какъ съ помощью другихъ буровыхъ скважинъ не удастся добыть и 100 тыс. пуд. Добыча нефти изъ скважинъ крайнихъ типовъ разнится другъ отъ друга въ 60 и болѣе разъ. Такая колоссальная разница въ естественныхъ условіяхъ производства настолько обычна въ нефтяномъ дѣлѣ, что къ этому уже всѣ привыкли, а, между тѣмъ, значеніе такихъ различій въ періоды перепроизводства особенно велико. Въ самомъ дѣлѣ, когда предложеніе нефти превышаетъ существующій на нее спросъ, цѣны на нефть падаютъ, стремясь къ низшему своему предѣлу, т.-е. къ стоимости производства на наиболѣе производительныхъ участкахъ, и всѣ участки съ меньшею добычей нефти начинаютъ работать въ убытокъ. Къ концу 1891 г. цѣна пуда нефти упала до 1½ коп., т.-е. ниже *средней* стоимости добытаго пуда, а, между тѣмъ, и такая низкая цѣна давала значитель-

ные барыши промышленникамъ, владѣющимъ наиболѣе производительными участками. Такое неравенство въ естественныхъ условіяхъ дѣлаетъ невозможнымъ урегулированіе производства и обращаетъ все нефтяное дѣло въ азартную игру.

При такихъ основныхъ условіяхъ бакинской нефтяной промышленности и при отмѣченномъ выше перепроизводствѣ, нельзя ожидать для нея сколько-нибудь своснаго существованія и въ 1892 г.; составители *Обзора* даже увѣрены, что положеніе нефтяной промышленности въ текущемъ году будетъ значительно хуже прошлогодняго. Перепроизводство достигло такихъ размѣровъ, что оно бросается въ глаза даже людямъ близорукимъ, такъ что на дальнѣйшія сколько-нибудь выгодныя сдѣлки рассчитывать невозможно. Последній мѣсяць 1891 г. и январь текущаго года, — обыкновенно наиболѣе оживленные по торговлѣ версиномъ, — прошли въ полномъ затишьѣ, напоминавшемъ лѣтніе мѣсяцы худшихъ годовъ.

Краткое сельско-хозяйственное описаніе 6-ти уѣздовъ Вятской губерніи. По даннымъ земской статистики. Вятка, 1892 г. Эта книжка, составленная агрономомъ при вятской губернской управѣ А. А. Новиковымъ, въ сжатомъ изложеніи обрисовываетъ положеніе крестьянскаго сельскаго хозяйства въ уѣздахъ: Малмыжскомъ, Уржумскомъ, Орловскомъ, Вятскомъ, Нолинскомъ и Елабужскомъ. Источникомъ послужили матеріалы основныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій, изданные вятскимъ губернскимъ земствомъ въ одиннадцати объемистыхъ выпускахъ большаго формата. Сокращенное изложеніе сельско-хозяйственныхъ данныхъ, построенныхъ на массовомъ мѣстномъ изслѣдованіи, — вещь очень полезная, прежде всего, для самого земскаго агронома. Это совершенно правильное начало дѣятельности мѣстнаго агронома, который обязанъ ориентироваться въ матеріалѣ организованныхъ массовыхъ наблюденій, относящихся къ району его дѣятельности. Затѣмъ такая книжка явится полезнымъ пособіемъ для многихъ земскихъ гласныхъ, не умѣющихъ обращаться съ фоліантами вятскихъ подворныхъ описей и одѣлочныхъ изслѣдованій. Наконецъ, книжка заслуживаетъ вниманія и съ точки зрѣнія общаго образованія; мы такъ еще не богаты мѣстными географическими изданіями, что даже хозяйственная географія 6-ти уѣздовъ можетъ быть названа серьезнымъ вкладомъ въ общую географическую литературу. Касаясь вѣдней стороны изданія, мы можемъ только пожалѣть о томъ, что нѣкоторымъ приложеніямъ придана неудобная форма вкладныхъ таблицъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права)“. П. Шеймина. — „Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ „Судебнымъ уставамъ Императора Александра II“. А. Тимановскаго. — „Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи“. Кронидъ Малышева. — „Уголовное уложеніе“. — „Ученіе о несостоятельности“. Г. Ф. Шершеневича.

Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Особенная часть. П. Шеймина. Одесса, 1892 г. Ц. 60 к. Третій выпускъ учебника, составляемаго приватъ-доцентомъ Новороссійскаго университета Шейминымъ, является полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ соотвѣтствующею частью науки ученія объ управленіи. У насъ этотъ предметъ университетскаго преподаванія носить

ваніе полицейскаго или административнаго права. Названіе, конечно, не много значитъ, однако, вездѣ, а въ наукѣ въ особенности, слѣдуетъ употреблять имена, ясно и точно покрывающія содержаніе и объѣмъ предмета. Съ этой точки зрѣнія предпочтеніе слѣдуетъ отдать рминологіи Лоренца Штейна, назвавшаго свое знаменитое сочиненіе *тениемъ объ управленіи*.

Въ третьемъ выпускѣ учебника г. Шеймина излагаются исторія нашего законодательства о печати и дѣйствующія его основы и чрезвычайныя мѣры полиціи безопасности. Г. Шейминъ говоритъ, что эпоха формъ Александра II, когда государство отказалось въ принципѣхъ регламентаціи и опеки, „показала, что полное осуществленіе права свободы печати не согласуется съ временными цѣлями правительва“. Это, конечно, можетъ случиться, но почему передъ подобными *временными цѣлями* долженъ ступшеываться одинъ изъ основныхъ индциповъ правильнаго общежитія? „Указанія опыта,— продолжаетъ Шейминъ,— свидѣтельствуютъ о значительныхъ злоупотребленіяхъ свободой печати во второй половинѣ царствованія Александра II“. Но возразимъ, что злоупотребленія правомъ всегда и вездѣ возможны и для борьбы съ ними существуютъ законъ и судъ. Кромѣ того о какихъ значительныхъ злоупотребленіяхъ говоритъ авторъ? Напечатать, помимо немногихъ, очень немногихъ исключеній, пользоваться малою долей предоставленной ей свободы въ интересахъ справедливости и просвѣщенія, раскрывая весьма значительныя административныя злоупотребленія, указывая недостатки дѣйствующаго законодательства и тѣ желательныя нормы, которыми должны быть регулируемы общественно-государственныя отношенія.

Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ „Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II“. А. Тимановскаго. Изданіе 2-е. 1902 г. Настоящій *Сборникъ* является значительно дополненнымъ и мѣненнымъ новымъ изданіемъ *Судебныхъ Уставовъ* съ ихъ толкованіемъ, которые авторъ напечаталъ въ 1885 году. Въ этомъ *Сборникѣ* находимъ выдержки изъ мнѣній русскихъ юристовъ о той или другой статьѣ *Учрежденія судебныхъ установлений* и *Устава уголовного допроизводства*. Всѣхъ такихъ тезисовъ до 2 тысячъ и принадлежать они людямъ разнаго времени и направленія, извѣстнымъ въ литературѣ безыменнымъ авторамъ различныхъ газетныхъ замѣтокъ и статей. Сколько выдержекъ имѣется изъ отчетовъ и опредѣлений совѣтовъ психическихъ повѣренныхъ и литографированныхъ курсовъ профессоръ-процессуалистовъ, также протоколовъ юридическихъ обществъ; вводятся даже опредѣленія судебныхъ мѣстъ. Иногда, вмѣсто тезиса, мы встрѣчаемъ ссылку вродѣ слѣдующей: „по этому же вопросу замѣтка въ *Судебномъ Вѣстникѣ* 1866 г., въ № 115“ (стр. 95). По поводу этихъ ссылокъ нельзя не замѣтить, что онѣ дѣлають изданіе недодержаннымъ, нарушая цѣльность его характера; что же касается самихъ тезисовъ, то о нихъ надо сказать слѣдующее: многіе изъ нихъ безусловно можно бы было опустить, какъ лишній балластъ. Особенно примѣнно это къ всевозможнымъ газетнымъ безыменнымъ замѣткамъ; между тѣмъ, почтенный составитель *Сборника* удѣляетъ имъ значительное мѣсто, излагая ихъ подробнѣе, „такъ какъ опытъ убѣждаетъ, что при обращеніи къ источникамъ, болѣе всего затрудненій приходится испытывать для полученія нумера газеты за прежніе года“, и забывая, что цѣльность источника, а не трудность добыть его должна вліять на решеніе вопроса, сколько строкъ удѣлить тому или другому изъ нихъ.

Кромѣ того, многіе тезисы и не изъ газетъ принадлежать къ числу такихъ, которые извлечены изъ трудовъ, ставшихъ библиографическою рѣдкостью. Выдержки изъ литографированныхъ курсовъ также едва ли умѣстны: фактически эти курсы почти не провѣряются профессорами, въ нихъ масса неточностей и невѣрностей и издаются они студентами, какъ они умѣютъ.

Выкинувши же многое изъ указаннаго, г. Тимановскій, нисколько не возвышая цѣны изданія, могъ бы помѣстить текстъ закона, что доставило бы не мало удобствъ читателю.

Къ достоинствамъ *Сборника* надо отнести то, что при каждомъ тезисѣ имѣется подробное указаніе не только мѣста, откуда онъ взятъ, но и года его появленія: послѣднее даетъ возможность знать, какой именно текстъ извѣстной статьи (у насъ текстъ мѣняется довольно часто) далъ тому или иному автору поводъ высказать свое положеніе.

Весьма цѣнна далѣе росписи юридическихъ книгъ, брошюръ и сборниковъ по учрежденію судебныхъ установленій, уставу уголовного судопроизводства и судебной медицины, изданныхъ въ Россіи съ 1865 г. по октябрь 1891 г., съ указаніемъ мѣста изданія и цѣны, а также рецензій и библиографическихъ замѣтокъ. Этой росписи отведено 17 страницъ и она весьма полна, хотя въ ней и замѣчаются пробѣлы: наприм., не упомянутъ извѣстный и до сихъ поръ имѣющій важное значеніе трудъ Стифена въ переводѣ г. Спасовича.

Во всякомъ случаѣ, *Сборникъ* представляетъ изъ себя очень полезную книгу: онъ будитъ у читателя юридическую мысль, знакомитъ его съ разнообразными взглядами другихъ людей, и воздерживаетъ отъ шаблоннаго, часто невѣрнаго, толкованія законодательныхъ положеній; сверхъ того, облегчаетъ желающимъ ближе ознакомиться съ литературою по какому-либо вопросу трудъ по отысканію литературныхъ пособій. На ряду съ сборниками кассационныхъ рѣшеній разсматриваемая книга можетъ оказать не маловажную услугу дѣлу разработкѣ началъ русскаго права и пониманія ихъ.

Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Новое изданіе, на основаніи официальныхъ шведско-финляндскихъ источниковъ, Кронида Малышева. Спб. Ц. 5 р. Изданіе г. Малышева удовлетворяетъ давно ощущавшейся потребности русскихъ юристовъ въ сборникѣ финляндскихъ законовъ. Несмотря на то, что дѣловыя сношенія жителей внутреннихъ губерній съ финляндцами не составляютъ вовсе исключительнаго явленія, ознакомленіе съ законами, дѣйствующими въ Финляндіи, врядъ ли было возможно гдѣ-либо въ Россіи, внѣ Петербурга. Намъ доподлинно извѣстно, что въ Москвѣ, наприм., можно было найти только *Уложеніе Швеции 1734 г.* и *Прибавленіе 1827 г.*, что же касается законодательства въ области гражданскаго или торговаго права и процесса послѣ присоединенія страны къ Россіи, то нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ можно было еще почерпнуть изъ частнаго руководства Лундала, изданнаго въ 50-хъ годахъ, а затѣмъ для послѣдующаго времени наступалъ уже полный мракъ. Понятно, какія неудобства происходили отсюда для русскихъ, жившихъ внѣ Финляндіи, при возникновеніи какого-либо спора въ области гражданскихъ или торговыхъ отношеній.

Изъ предисловія г. Малышева видно, что „и проживающіе въ Финляндіи по службѣ или по частнымъ дѣламъ русскіе люди“ находились не въ лучшемъ положеніи, потому что и у нихъ не доставало *Сборника* дѣйствующихъ въ краѣ законовъ. Наконецъ, по словамъ г. Малыше-

ва, и комиссія для составленія проекта гражданскаго уложенія констатировала неизвѣстность русскимъ юристамъ гражданскихъ и торговыхъ законовъ Финляндіи, изложенныхъ на шведскомъ языкѣ, тогда какъ мѣстные законы Прибалтійскихъ губерній, Царства Польскаго и Бессарабіи уже переведены на русскій языкъ и „оказываются цѣннымъ матеріаломъ для соображенія ихъ съ общими законами имперіи“. Такимъ образомъ, изданіе г. Малышева является въ отвѣтъ на запросъ съ разныхъ сторонъ.

Источниками финляндскаго законодательства являются, прежде всего, изданное на шведскомъ и русскомъ языкахъ въ 1824 г. *Уложение Швеции, принятое на сеймъ 1734 г. и Ею Имп. Вел. утвержденное для Вел. Княж. Финляндіи* и затѣмъ изданное въ 1827 г. также на двухъ языкахъ *Прибавленіе*, въ которомъ помѣщены были нѣкоторыя постановленія бывшаго шведскаго правительства Финляндіи, послѣдовавшія въ отмѣну и дополненіе статей *Общаго уложенія*, и нѣкоторыя узаконенія, изданныя послѣ присоединенія края къ имперіи по 1823 г. Это *Прибавленіе* содержало даже для своего времени далеко не всѣ законы, а съ теченіемъ времени большая часть его получила только историческое значеніе, такъ какъ важнѣйшіе изъ помѣщенныхъ въ немъ шведскихъ уставовъ, наприм., вексельный 1748 г., конкурсный 1798 г. и о наймѣ въ услуженіе 1805 г., были впоследствии отмѣнены. Съ 1821 г. началось изданіе на одномъ шведскомъ языкѣ *Сборника постановлений Вел. Княж. Финляндскаго, со включеніемъ въ него узаконеній и распоряженій правительства за время съ 1808 г.* Это изданіе составило по 1859 г. 17 томовъ шведскаго текста. 28 ноября 1859 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ изданіи этого сборника на будущее время на двухъ языкахъ: шведскомъ и русскомъ и въ 1891 г. изданъ уже 32-й томъ этого двойнаго сборника, такъ что съ прежними 17-ью томами *Сборникъ постановлений* составляетъ уже 49 томовъ. „Русскій текстъ этого официального сборника, — говоритъ г. Малышевъ, — къ сожалѣнію, далеко не полонъ, многія узаконенія и распоряженія правительства оставлены въ немъ безъ перевода и, что также не совсѣмъ удобно, русскій переводъ узаконеній помѣщается въ немъ не совсѣмъ подѣ тѣмъ же номеромъ тетради, какъ шведскій текстъ, и не имѣетъ алфавитныхъ указателей предметовъ; самый переводъ, хотя и сдѣланный официально, не всегда отличается исправностью и только въ послѣдніе годы замѣтно въ немъ, по нѣкоторымъ отдѣламъ законодательства, значительное улучшеніе“. Впрочемъ, и до 1859 г. отдѣльныя тетради финляндскихъ узаконеній издавались на обоихъ языкахъ и затѣмъ сброшировывались въ отдѣльные томы. Дополненіемъ къ *Сборнику постановлений* служатъ особый, напечатанный на шведскомъ языкѣ, *Сборникъ указовъ или рескриптовъ, поясненій и предписаній, изданныхъ Ею Имп. Вел. или экспедиціями сената Вел. Княж. Финляндскаго по дѣламъ судебнымъ, хозяйственнымъ и полицейскимъ*, въ шести томахъ, съ 1840 г. по 1864 г., содержащій въ себѣ указы за 1809—1859 гг. Въ 1855 г. изданъ особый *Сборникъ дополнительныхъ постановлений, дѣйствующихъ въ Вел. Княж. Финляндскомъ, изданныхъ съ 1838 г. по 1854 г., изменяющихъ или поясняющихъ общее уложеніе края*, въ двухъ томахъ, на шведскомъ языкѣ. Въ 1869 г. изданъ *Сборникъ узаконеній и постановленій, касающихся служебныхъ обязанностей коронныхъ лексмановъ*, также на шведскомъ языкѣ. Кромѣ того, къ числу источниковъ права относится еще *Сборникъ дополнительныхъ узаконеній*, изданный шведскимъ пра-

вительствомъ незадолго до присоединенія края въ Россіи въ 1807 г. Въ немногихъ случаяхъ г. Малышевъ заимствовалъ законы еще изъ частнаго сборника, составленнаго двумя извѣстными въ Финляндіи юристами, Шёрсъ и Сулинь, въ 1872 г. (5-е изданіе 1888 г.), и весьма распространеннаго въ Финляндіи; это въ тѣхъ случаяхъ, „когда приведенныя гг. Шёрсъ и Сулинь дополнительныя распоряженія правительства не могли быть разысканы въ бывшихъ у него подъ рукою оффіціальныхъ сборникахъ“.

Общее уложеніе распадается на 9 отдѣловъ. Первый озаглавленъ: „отдѣлъ о бракъ“ и содержитъ, кромѣ старыхъ нормъ личнаго и имущественнаго брачнаго права, законы о порядкѣ заключенія браковъ между финляндцами и прочими русскими подданными и новый законъ отъ 15 апрѣля 1889 г. о брачномъ правѣ на семейное имущество. Въ „отдѣлѣ о наслѣдствѣ“ помѣщены также постановленія объ опекаѣ. „Отдѣлъ о недвижимостяхъ“ трактуетъ о законныхъ способахъ приобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, о выкупѣ родовыхъ имѣній, объ отношеніяхъ по сосѣдству, о залогѣ недвижимостей, о межеваніи, о наймѣ и арендѣ; сюда, между прочимъ, внесенъ законъ 1864 г. объ экспроприаціи на общественныя потребности. „Отдѣлъ о строеніи“ содержитъ самыя разнообразныя постановленія, касающіяся не только построекъ, но и дорогъ, лѣсовъ, рыбной ловли, пчеловодства, противупожарныхъ и санитарныхъ мѣръ; изъ дополнительныхъ узаконеній сюда внесены г. Малышевымъ лѣсной уставъ, законъ о водопроводахъ, о борьбѣ противъ эпизоотій, объ охотѣ, о страхованіи отъ огня, о желѣзныхъ дорогахъ, почтовый уставъ, уставы объ общественномъ призрѣніи, о паспортахъ, объ общинномъ городскомъ управленіи и многіе другіе. „Отдѣлъ о торговлѣ“ соотвѣтствуетъ по содержанію обязательному праву; изъ дополнительныхъ законовъ сюда влечены, между прочимъ, промысловые, патентныя, врачебныя законы и законы объ авторскомъ правѣ, законы монетныя, вексельный уставъ, морской и таможенный. Два слѣдующихъ отдѣла „о преступленіяхъ“ и „о наказаніяхъ“ перестанутъ содержать дѣйствующіе уголовныя законы, какъ только будетъ введено новое уголовное уложеніе Финляндіи, которое, какъ извѣстно, уже обнародовано, но введеніе котораго въ дѣйствіе пока приостановлено. Предпоследній отдѣлъ „о взысканіяхъ“ касается порядка исполненія судебныхъ рѣшеній, тогда какъ „о судопроизводствѣ“, т. е. объ устройствѣ судовъ и о процессѣ, трактуетъ слѣдующій, послѣдній отдѣлъ.

Уже изъ простаго упоминанія о содержаніи первыхъ пяти отдѣловъ *Уложенія* явствуетъ, что гражданское право Финляндіи нуждается въ новой кодификаціи; тѣмъ не менѣе, даже взятая сама по себѣ самая важнѣйшая часть уложенія заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны нашихъ юристовъ. Въ области *обязательнаго* права содержатся отдѣльныя нормы, которымъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ русскомъ правѣ, но которыя общи финляндскому праву съ законодательствами западныхъ народовъ; таковы нормы о защитѣ добросовѣстнаго третьяго лица противъ виндикаціоннаго иска, о negotium gestio и др. Но, независимо отъ этого, финляндскій кодексъ 1734 г. любопытенъ со стороны системы, которую онъ предупреждаетъ нѣкоторыя новѣйшія научныя требованія касательно систематизаціи нормъ частнаго права; именно, законы слѣдуютъ въ порядкѣ осложненія группъ, на которыя простирается ихъ дѣйствіе: сперва идетъ семья, затѣмъ родъ (наслѣд-

венное право), далѣе сосѣдская группа (вещное право) и, наконецъ, же общество (обязательственное право).

Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи. (Часть особенная). Поддѣлка денежныхъ знаковъ и подлогъ документовъ. Работы редакціонной комиссіи по составленію новаго уложенія быстро подвигаются впередъ. Въ настоящемъ году комиссія разработала и разослала для отзыва компетентнымъ лицамъ отдѣлъ о поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ и подлогѣ документовъ.

При составленіи этого проекта редакціонная комиссія исходила изъ того положенія, что юридическая природа поддѣлки денежныхъ знаковъ характеризуется причиненіемъ вреда или опасности государственному или общественному кредиту введеніемъ въ обращеніе на денежный рынокъ или изготвленіемъ, съ цѣлью такого введенія, поддѣльныхъ денежныхъ знаковъ, не имѣющихъ дѣйствительной или удостовѣряемой ими стоимости. Исходя изъ этой основной точки, редакціонная комиссія свела всѣ случаи, входящіе въ эту группу преступленій, въ двумъ видамъ: поддѣлкѣ или передѣлкѣ денежныхъ знаковъ и сбыту фальшивыхъ, принимая оба эти выраженія въ широкомъ ихъ значеніи.

Новый проектъ представляетъ значительныя измѣненія сравнительно съ уложеніемъ. Такъ, уложеніе 1866 г. относитъ къ числу денежныхъ преступленій: выписку изъ-за границы запрещенной низкопробной иностранной монеты (биллонъ) для выпуска оной въ обращеніе, купъ биллона внутри государства, торгъ или мѣну биллономъ внутри государства и непринятіе полицейскимъ чиновникомъ мѣры по прекращенію злоупотребленія биллономъ (ст. 568 уложен. по изд. 1885 г.). Редакціонная комиссія, полагая вполне справедливо, что эти преступленія относятся не къ поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, а къ нарушеніемъ правилъ о торговлѣ, о ввозѣ и сбытѣ товаровъ, запрещенныхъ въ ввозу, не сочла необходимымъ вносить въ проектъ особія постановленія, соотвѣтствующія статьѣ 568. На этомъ же основаніи выкиута изъ проекта еще масса статей, имѣющихъ къ поддѣлкѣ подобное же косвенное отношеніе.

Глава 21-я проекта разсматриваетъ вопросъ о подлогѣ документовъ; она состоитъ изъ семи статей, вмѣсто цѣлой массы разсѣянныхъ въ разныхъ отдѣлахъ нашего уложенія. Какъ справедливо замѣтилъ г. Нелюдовъ, такая масса законоположеній объ одномъ и томъ же преступленіи не только не облегчаетъ правосудія, а, напротивъ того, затрудняетъ правильное примѣненіе закона. Измѣненія, произведенныя редакціонною комиссіей въ этомъ отдѣлѣ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) она признала совершенно ненаказуемымъ покушеніе на подлогъ; 2) значительно упростила постановленія дѣйствующаго права и уменьшила уголовную санкцію.

Ученіе о несостоятельности. Г. Ф. Шершеневича, приватъ-доцента Казанскаго университета. Казань. Несостоятельностью, по опредѣленію автора, называется такое, удостовѣренное оффиціально, положеніе имущества должника, при стеченіи нѣсколькихъ кредиторовъ, когда имущества этого недостаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій. Однако, недостаточность имущества не исчерпываетъ понятія несостоятельности; кромѣ этого матеріальнаго признака, оно характеризуется еще формальнымъ признакомъ, т.-е. простымъ фактомъ неспособности къ безостановочному производству платежей, выражающійся въ прекращеніи уплатъ. Авторъ считаетъ (и совершенно справедливо) неудобнымъ ставитъ въ основу несостоятельности должника неоплат-

ность его или недостаточность его имущества, такъ какъ для кредитора весьма трудно, а иногда и невозможно проверить пассивъ и активъ должника, не говоря уже о томъ, что такая проверка потребуетъ иногда очень много времени и можетъ отдалить или сдѣлать невозможнымъ отъ конкурснаго производства. Авторъ склоняется поэтому къ системѣ, лежащей въ основу несостоятельности *неспособность* должника къ платѣ долговъ, которая сама по себѣ уже свидѣтельствуетъ о неоплатности, ибо „лицо, обладающее имуществомъ, достаточнымъ для покрытiя долговъ, всегда почти найдетъ возможность достать суммы, необходимыя для удовлетворенiя предъявленныхъ требованiй“. Но если такъ, то почему „неспособность должна быть отличаема отъ *пріостановки* платежей, вызванной временнымъ разстройствомъ дѣлъ, неимѣи въ данный моментъ суммъ, необходимыхъ для покрытiя значительныхъ требованiй, одновременно предъявленныхъ?“ Изъ словъ автора видно, что какъ неспособность къ платежамъ (прекращенiе ихъ), такъ и *пріостановка* ихъ одинаково характеризуются отсутствiемъ суммъ, необходимыхъ и т. д. По мнѣнiю автора, въ ст. 479 уст. торг. суд. „неспособность связывается съ предположенiемъ неоплатности, иначе неспособностью (къ чему?), которая выводится изъ неимѣнiя денегъ удовлетворенiю предъявленныхъ требованiй“ (стр. 77, 78, 40). Значитъ, „неспособность“, какъ „выводъ изъ неимѣнiя денегъ“, не только не отличается отъ „пріостановки въ платежахъ“, но смѣшивается даже съ „неоплатностью“. Во всякомъ случаѣ, если говорить о *пріостановки*, отличiе отъ прекращенiя платежей, то нужно показать ея юридическія послѣдствiя, отличныя отъ послѣдствiй прекращенiя платежей, что въ „ислѣдованiи“ г. Шершеневича не сдѣлано.

Дѣйствующее законодательство различаетъ, какъ извѣстно, несостоятельность торговую и неторговую. Одна изъ самыхъ рѣзкихъ и значительныхъ чертъ первой заключается въ томъ, что должникъ, хотя бы дѣйствовавшій добросовѣстно, немедленно по объявленiи его несостоятельнымъ подвергается личному аресту по одному желанiю, рѣдко капризу кредитора, которому судъ не *вправе* въ тотъ моментъ отказать въ удовлетворенiи такого каприза. Авторъ, ссылаясь на законодательства Германiи и Англiи и на мнѣнiе французскихъ юристовъ, высказывается (и совершенно правильно) за слiянiе той и другой несостоятельности въ одномъ институтѣ. „Говорить о несостоятельности торговой и неторговой *нѣсколько*, по словамъ автора, неправильно, потому, что *несостоятельность*, какъ *состоянiе* имущества, всегда представляетъ *одно и то же*“ (что же именно—не сказано). Непосредственно за симъ (стр. 90, прим.) г. Шершеневичъ говоритъ, что „конкурсное производство и конкурсное право дѣйствительно *могутъ отличатся* смотря по тому, имѣютъ ли они мѣсто среди торговыхъ отношенiй и общегражданскихъ“. Къ сожалѣнiю, авторъ не указываетъ, въ чемъ же именно они могутъ отличатся, хотя, въ то же время, онъ говоритъ, что, „кромя существеннаго пункта“ (торговой несостоятельности именно прекращенiя платежей, „въ остальномъ торговый конкурсъ *мало отличается* отъ общаго или неторговаго“ (стр. 92). И такъ, с одной стороны, торговый и неторговый конкурсъ дѣйствительно могутъ отличатся другъ отъ друга, а съ другой—мало чѣмъ отличаются. Въ стр. 94, прим., авторъ сожалѣетъ о раздвоенiи несостоятельности торговой и неторговой въ проектѣ г. Тура; но самъ г. Шершеневичъ не мотивируетъ подробно необходимости объединенiя конкурсовъ и да

будто допускаетъ кое-что „существенное, ради чего устанавливается военность“.

Не довѣряя конкурсному производству, въ особенности, когда возденіе дѣла о несостоятельности предоставляется усмотрѣнію самого, не считая дѣлсообразными и мѣры предупрежденія конкурса — описки, судебныя ликвидаци, разсрочки, мировыя сдѣлки (стр. 103, 149), авторъ допускаетъ установленіе, путемъ „взаимнаго соглашенія“ вѣрителей, „кредиторскаго управленія“ дѣлами должника, съ участіемъ „надзора за должникомъ и контроля надъ его доходами и расходами“ (?). Повидимому, авторъ считаетъ здѣсь излишнимъ какія-либо законодательныя нормы и участіе судебной власти. Но вотъ что онъ пишетъ объ администраціяхъ, этихъ „кредиторскихъ управленіяхъ“, существующихъ въ настоящее время. „Весь порядокъ учрежденія администрацій по торговымъ дѣламъ представляется совершенно нецѣлесообразнымъ“ (стр. 111); учрежденія ихъ добиваются при содѣйствіи „горячихъ“ кредиторовъ и „излишняго, по выраженію автора, вниманія биржеваго комитета, роль котораго представляется крайне нецѣлесообразною и странною; гораздо болѣе умѣстнымъ было бы предлагать просьбу непосредственно коммерческому суду“ (стр. 112).

Авторъ „отвергаетъ необходимость какихъ-либо личныхъ ограниченій въ правахъ должника“ (право быть судьей, присяжнымъ повѣреннымъ, опекуномъ, гласнымъ и т. п.) „до опредѣленія свойства несостоятельности“ — неосторожной или злостной (стр. 187). Подобныя ограниченія „вызываются предположеніемъ, что человекъ, разорившій свое хозяйство, не заслуживаетъ общественнаго довѣрія“. По мнѣнію автора при „обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ задачъ“ разстройство „чуждого“ хозяйства должника не причемъ. Значитъ, въ „разореніи собственнаго хозяйства“ общественный элементъ отсутствуетъ и „обстоятельства“ такой саморазоритель не затрагиваетъ. Но тогда едва ли поодиночательно со стороны автора раздѣлять мнѣніе Держардена (стр. 185), которому состраданія заслуживаютъ не должники, а кредиторы (слѣдовательно, общество?), ибо „при современномъ развитіи кредита крупныя торговцы, можно сказать, оперируютъ чужимъ капиталомъ, составленнымъ изъ небольшихъ сбереженій отдѣльныхъ лицъ“... Другими словами, разстройство *собственнаго* хозяйства при наличности должанія въ явленіе общественное. Да и самъ авторъ высказываетъ мысль, что несостоятельность грозитъ экономическимъ интересамъ данной мѣстности или даже всего государства“ (стр. 440) и признаетъ вообще несостоятельность „общественное значеніе для кредита“ (стр. 431).

дальше какъ характеризуетъ г. Шершеневичъ несостоятельныхъ должниковъ въ моментъ до опредѣленія свойства ихъ несостоятельности: „при опредѣленіи суммы долговъ несостоятельнаго должника, нельзя вполнѣ довѣриться его добросовѣстности“ (стр. 353), рѣдкій должникъ, при наступленіи опасности, „прямо и добросовѣстно отбѣгается своимъ кредиторамъ“; напротивъ, большинство ихъ беретъ за невозможныя средства, „фигтивныхъ сдѣлки“ и „переукрѣпленія“ (стр. 234), „дарственные отчужденія имущества наканунѣ объявленія несостоятельности“ (стр. 253), пускаютъ „въ обращеніе комиссіонныя сохраняя суммы“ (стр. 234). И этимъ-то лицамъ, дѣлающимъ „превратныя аферы“ чужимъ капиталомъ, лицамъ, для которыхъ „допустить исполненіе по своимъ обязательствамъ не составляетъ вышшаго порога“ (стр. 184, прим.), авторъ желаетъ предоставить участіе въ „обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ задачъ“, право быть судьями, опе-

жунами, повѣренными, пожалуй, и земскими начальниками. Едва это „цѣлесообразно“. По крайней мѣрѣ, *противъ* автора всѣ законотельства, не исключая русскаго.

Авторъ высказывается (и совершенно правильно) за единоличнаго органа, которому можетъ быть поручена конкурсная ликвидація и несостоятельнаго должника, и приводить разныя соображенія въ возможности успѣшнаго веденія конкурсной процедуры однимъ коенымъ попечителемъ (или нѣсколькими самостоятельно, при наличи отдѣльныхъ независимыхъ одно отъ другаго предпріятій у должника дѣйствующимъ подъ контролемъ суда, въ качествѣ его органа, и надзоромъ кредиторовъ (комитетъ кредиторовъ),—словомъ, нынѣшнія конкурсныя управленія, безъ всякаго страха за наше будущее, могутъ быти уничтожены. Согласно съ этимъ, по отношенію къ дѣйствующему законодательству, авторъ настаиваетъ на томъ, что „должность присяжнаго попечителя должна быть безусловно единолична“, утверждая, что „система кредиторовъ представляется только помѣхою для дѣятельности попечителя“ (стр. 311). Едва ли это такъ на практикѣ, ибо отъ кого и куда получить указанія относительно „укривательства тѣхъ и другихъ вещей“, какъ не отъ кредиторовъ. Но, съ другой стороны, въ присяжнаго попечителя представляется и теперь безусловно единолично, такъ какъ участіе въ его дѣятельности самихъ кредиторовъ законѣ не организовано.

Большую сбивчивость изложенія проавляетъ г. Шершеневичъ въ изображеніи роли суда въ повѣркѣ требованій, которой, до сформированія конкурснаго управленія, въ дѣйствующемъ законѣ собственно не существуетъ. „До учрежденія конкурснаго управленія претензіи кредиторовъ *заявляются* суду“ (стр. 275), который, по установившейся практикѣ, вправе требовать отъ нихъ предъавленія документовъ и подтвержденіе ихъ требованій. Но это не есть еще *повѣрка* требованія, судебное признаніе или непризнаніе его. Между тѣмъ, авторъ говоритъ: „къ участію въ выборѣ предсѣдателя и членовъ конкурснаго управленія допускаются всѣ кредиторы, успѣвшіе къ тому времени заявить свои претензіи, которые (которыя?) были признаны судомъ. Къ этому кредиторы, требованія которыхъ были отвергнуты или признаны спорными (судомъ?), не могутъ участвовать въ общемъ собраніи“ (стр. 299), созванномъ (конечно) для „выбора предсѣдателя и членовъ конкурснаго управленія“. О какихъ требованіяхъ, отвергнутыхъ или признанныхъ спорными до возникновенія конкурснаго управленія, здѣсь идетъ рѣчь? Вѣдь, нашъ законъ „возлагаетъ повѣрку заявленныхъ требованій на конкурсное управленіе, представляющее собою нижнюю степень суда“ (стр. 354); оно постановляетъ по нимъ судебныя рѣшенія. Правда, судебная практика стремится затруднить (но малоуспѣшно) доступъ въ конкурсъ безденежныхъ требованій. На вышеуказанной 299 страницѣ авторъ приводитъ мнѣніе сената (4-й департ.), который полагаетъ, что „обстоятельства, навлекающія на кредитора подозрѣніе въ участіи въ сокрытіи имущества или фиктивномъ его претензіи, служатъ основаніемъ къ исключенію голоса его изъ списка голосовъ при выборѣ членовъ конкурса“. Но съ этимъ мнѣніемъ сената авторъ не соглашается. „Подобное устраненіе представляетъ, говоритъ онъ, — гораздо болѣе опасности (?), какъ мѣра произвольнаго желанія обезпечиваетъ правильность выбора“, — правильность выбора *фиктивными* законодателями? Допустимъ, что тутъ имѣетъ мѣсто *извола* суда, но, вѣдь, г. Шершеневичъ считаетъ послѣдній имѣющій

право „признать“ или „отвергнуть“ кредиторское требованіе до выбора конкурса! Точно также трудно разобраться въ слѣдующихъ разсужденіяхъ почтеннаго автора: „повѣрка требованій лежать на обязанности конкурснаго управленія и, притомъ, безконтрольно (?): ни судъ не имѣетъ непосредственнаго надзора за этимъ процессомъ, ни кредиторы не призваны къ участию во взаимномъ наблюденіи (другъ за другомъ?). До учрежденія конкурснаго управленія задача *повѣрки требованій лежитъ на судѣ*, послѣ этого момента — на конкурсномъ управленіи или судѣ, смотря по тому, которому изъ нихъ заявлено требованіе“ (стр. 377). Можно заключить изъ этой послѣдней фразы, что отъ желанія кредитора зависитъ, отдать ли свою претензію на разсмотрѣніе суда или конкурса. Можно также заключить отсюда, что, по автору, нашъ законъ уполномочиваетъ судъ до учрежденія конкурснаго управленія (т.-е. не въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ судъ, за неучрежденіемъ конкурса по малочисленности кредиторовъ, замѣняетъ его) чинить повѣрку требованій, относить ихъ къ роду и разряду. Авторъ на стр. 299—300 ссылается на рѣшенія 4 департамента правительствующаго сената—1884 г., № 2507; 1885 г., № 277; 1881 г., № 423. Но эти рѣшенія не оправдываютъ его ссылки. Мы позволимъ себѣ сказать, что авторъ даже и не прочелъ ихъ внимательно, въ особенности первыя два. Что касается рѣшенія № 423, то „исключеніе изъ счета голосовъ“ не есть еще повѣрка, не есть судебное признаніе или непривзаніе требованія. Что же касается другихъ двухъ рѣшеній, то г. Шершеневичъ смѣшалъ на стр. 299 своего „ислѣдованія“ два рода общихъ собраній: первоначальное, для выбора личнаго состава конкурснаго управленія, и окончательное, и то, что, по разъясненію сената, относится ко второму собранію, авторъ „ислѣдованія“ отнесъ къ первому изъ нихъ. Дѣйствительно, въ окончательномъ общемъ собраніи не могутъ участвовать „кредиторы, требованія которыхъ были отвергнуты или признаны спорными“ — не судомъ, а конкурснымъ управленіемъ; напротивъ, въ первоначальномъ общемъ собраніи, для выбора конкурса, допускаются „всѣ наличные кредиторы, заявившіе свои претензіи въ установленный срокъ, съ обозначеніемъ требуемыхъ закономъ свѣдѣній“; всѣ эти кредиторы „почитаются правильными“; въ данной стадіи конкурснаго производства имѣетъ мѣсто „предположеніе о правильности претензіи“, терпимое до разсмотрѣнія ея конкурснымъ управленіемъ (см. *Носенко*: „Уставъ Судопр. Торгов.“, изд. 1888 г., стр. 203, § 3). Но очевидно, что предположеніе правильности, могущее быть устраненнымъ по фактическимъ даннымъ и свѣдѣніямъ (какъ и было въ дѣлѣ № 423), вовсе не можетъ быть названо повѣркой, признаніемъ или отверженіемъ требованія.

Отъ ученаго „ислѣдованія“ позволительно требовать болѣе точнаго юридическаго языка; образчики этого языка, а также логическихъ разсужденій, выше приведенные, свидѣтельствуютъ, повидимому, объ излишней поспѣшности работы; это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что нѣкоторыя другія главы разсмотрѣнной книги, излагать которыя здѣсь было бы слишкомъ долго, представляются трудомъ весьма почетнымъ и по содержанію, и по языку.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Обработка и удобреніе чернозема“. П. Костычева.

Обработка и удобреніе чернозема. Сборникъ статей П. Костычева. Спб., 1892 г. Изданіе Девріена. Ц. 2 р. Хотя мы привык-

ли повторять на каждомъ шагѣ, что земледѣліе—главное занятіе русскаго населенія, но нельзя сказать, чтобы мы часто и внимательно задумывались надъ тѣми особенностями, которыя представляетъ русское земледѣліе по сравненію съ западно-европейскимъ. Книга г. Костычева посвящена, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію такихъ особенностей и потому вправѣ ждатель вниманія со стороны лицъ, желающихъ сознательно относиться къ отечественнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Авторъ высказываетъ не мало мнѣній, граничащихъ съ парадоксами, но не надо забывать, какъ еще слабо разрабатывается поле русскихъ агрономическихъ вопросовъ, какъ мало въ этой области навошло систематизированныхъ научныхъ матеріаловъ. На стр. 57 самъ авторъ признаетъ, что „русская сельско-хозяйственная практика не дала окончательнаго заключенія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ черноземомъ для полученія съ него возможно большихъ и постоянныхъ урожаевъ“.

Настоящій сборникъ составился изъ тѣхъ статей, которыя печатались въ журналѣ *Сельское Хозяйство* преимущественно съ 1886 по 1891 г.; выпуская эти статьи отдѣльною книгой, авторъ напрасно не сдѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ надлежащихъ хронологическихъ поправокъ. Вступительная статья, написанная еще въ 1881 году, даетъ общую характеристику залежнаго земледѣлія и содержитъ нѣкоторые указанія, примѣнимыя къ объясненію послѣдняго неурожая (1891 г.). Авторъ—рѣшительный сторонникъ мелкой вспашки чернозема. Къ сожалѣнію, утвержденія о большей высотѣ урожаевъ при мелкой вспашкѣ сравнительно съ глубокою (наприм., на стр. 82) не подтверждаются никакими цифровыми указаніями. Ссылка на результаты полтавскаго опытнаго поля (стр. 100) не согласуется съ печатнымъ отчетомъ этого поля *). Кромѣ глубины вспашки, г. Костычевъ не сходится съ общепринятыми агрономическими воззрѣніями и по вопросу о значеніи лѣсовъ (стр. 286). Но радикализмъ г. Костычева не принадлежитъ къ самымъ крайнимъ; авторъ находитъ, наприм., возможнымъ отстаивать черный паръ противъ нападокъ г. Филиппенка.

На стр. 295 авторъ напрасно безъ критики принимаетъ совершенно невѣрное ходячее мнѣніе, будто бы неурожай 1891 г. былъ одинаковъ на крестьянскихъ и на владѣльческихъ земляхъ.

Изложеніе нѣкоторыхъ мѣстъ могло бы выиграть отъ болѣе опредѣленныхъ географическихъ указаній. „Черноземъ“ разсматривается въ книгѣ черезъ-чуръ съобща; недостаточно отдѣлены его громадные топографическія различія.

Во всякомъ случаѣ, новая книга г. Костычева пойдетъ себѣ широкое, заслуженное распространеніе и натолкнетъ новыхъ изслѣдователей на многіе чрезвычайно важныя вопросы.

М Е Д И Ц И Н А.

„Пять лѣтъ врачебной практики съ электрическими аккумуляторами“. В. Ламана.

Пять лѣтъ врачебной практики съ электрическими аккумуляторами. Составилъ для врачей д-ръ медицины В. Ламанъ. 1891 г. Цѣна 80 коп. Брошюра д-ра Ламана состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: первый заключаетъ въ себѣ технологию аккумуляторовъ, второй посвя-

*) Ср. стр. 37 и 49 перваго отчета полтавскаго поля (1888 г.).

щенъ примѣненію ихъ къ медицинскимъ цѣлямъ. Въ первомъ отдѣлѣ сосредоточены общія свѣдѣнія объ аккумуляторахъ Плате и Фора, во второмъ, послѣ изложенія законовъ Ома и Джоуля, авторъ разсматриваетъ современное положеніе вопроса о примѣненіи аккумуляторовъ въ медицинѣ и затѣмъ специально останавливается на электрическомъ освѣщеніи, гальванокаустикѣ, фарадизаціи, гальванизаціи и электролизѣ. Существующія данныя о примѣнимости аккумуляторовъ весьма разнорѣчивы. Одни врачи не въ мѣру увлекаются ими, другіе готовы отрывать всякое ихъ практическое значеніе. Авторъ пользовался въ практикѣ аккумуляторами Плате своего формировапія. На основаніи своего пятнадцатилѣтняго опыта, онъ приходитъ къ заключенію, что каждый практическій врачъ можетъ свободно пользоваться аккумуляторами безъ всякой динамо машины, поэтому безусловно должно предшествовать ознакомленіе съ этими аппаратами. Возражая въ концѣ брошюры противникамъ примѣненія аккумуляторовъ (главнымъ образомъ, г. Левандовскому), г. Ламанъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои собственные взгляды на этотъ вопросъ:

- 1) Въ медицинѣ аккумуляторы вполне примѣнимы во всѣхъ случаяхъ съ малымъ сопротивленіемъ во вѣшной цѣпи (гальванокаустика, фарадизація, освѣщеніе).
- 2) Они не пригодны или, по крайней мѣрѣ, невыгодны въ случаяхъ съ большимъ вѣшнимъ сопротивленіемъ (гальванизація, электролизъ).
- 3) Зарядъ аккумуляторовъ первичными батареями въ общемъ равноправенъ съ зарядомъ динамо-машиной.
- 4) Выборъ величины аккумулятора важнѣе выбора системы.
- 5) Только точное приспособленіе къ требованіямъ каждаго отдѣльнаго случая гарантируетъ успѣхъ.
- 6) Приступать къ примѣненію аккумуляторовъ безъ предварительнаго ознакомленія съ ними значитъ ихъ дискредитировать. По мнѣнію автора, главнымъ тормазомъ къ распространенію аккумуляторовъ въ медицинѣ служитъ недостаточное знакомство врачей съ этими аппаратами, а подчасъ—не въ обиду будь сказано—и съ основными началами ученія объ электричествѣ. Другіе, напротивъ, видятъ причину этого въ несовершенствѣ аккумуляторовъ.

Брошюра г. Ламана написана довольно популярно, толково и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Практическіе врачи съ интересомъ и не безъ пользы прочтутъ эту небольшую книжку.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

„Опытъ методики элементарнаго курса исторіи“. А. Кролюницкаго. — „Руководство по средней исторіи“. М. Иващенко. — „Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ“. А. Ечинаца. — „Ключъ къ русскимъ упражненіямъ первой части II изданія, второй части III послѣднихъ изданій и третьей части VII изданія концентрическаго учебника французскаго языка“. В. С. Игнатовича. — „Повторительный курсъ краткой русской грамматики, составленный по программѣ школъ с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества“. — „Деревенскій король“. Н. Златовертскаго. — „Горѣ стараго Кабана“. *Его же.* — „Дѣти подземелья“. В. Короленко. — „Нашему вношеству“. А. П. Мунтъ-Валуевой.

Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библиографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса нижегородской Маринской женской гимназіи А. Кролюницкій. Цѣна 1 р. 80 к.

Москва, 1890 г. Книга г. Кролюницкаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ лицъ, какъ занимающихся преподаваніемъ исторіи, такъ и готовящихся къ этому преподаванію. И тѣ, и другіе найдутъ здѣсь много полезныхъ указаній, касающихся не только цѣлесообразныхъ приемовъ обученія исторіи и свойствъ историческаго матеріала, но и характера тѣхъ или иныхъ пособій, причемъ почерпнутые обо всемъ этомъ свѣдѣнія будутъ вполне обстоятельны. Повидимому, нѣтъ ни одного самаго маленькаго вопроса въ преподаваніи исторіи, котораго бы не затронулъ г. Кролюницкій и не постарался бы затѣмъ освѣтить его сколь возможно ясно. Книга отличается добросовѣстностью, обиліемъ цѣнныхъ выводовъ и богатствомъ мѣстныхъ замѣчаній. Мало того: какъ ни содержательно разсматриваемое пособіе вообще, всего подробнѣе оно тамъ, гдѣ это всего необходимѣе: такъ, напримѣръ, вопросу о катехизаціи и повтореніи въ элементарномъ курсѣ исторіи отводится г. Кролюницкімъ очень большое мѣсто именно на томъ основаніи, что, какъ говорить, между прочимъ, авторъ, „крайне незначительная разработка этого вопроса составляетъ въ настоящее время послѣ сухости изложенія вторую погрѣшность въ преподаваніи элементарнаго курса исторіи“ (предисл., стр. X). Кромѣ сказаннаго, достоинствомъ *Опыта методики* является та точка зрѣнія, на которой стоитъ г. Кролюницкій: онъ постоянно имѣетъ въ виду „требованія, вытекающія изъ содержанія предмета, его громадную важность въ дѣлѣ развитія альтруистическихъ и общественныхъ чувствъ и, наконецъ, психологическую природу и развитіе учащихся“ (предисл., стр. XII), почему и осуждаетъ ту краткость изложенія въ элементарномъ курсѣ, которая доходитъ „чуть не до перечня и стала какимъ-то отличительнымъ свойствомъ младшаго курса по исторіи и именно въ томъ возрастѣ, который по своему умственному складу настоятельно требуетъ ниши для воображенія и развитія конкретныхъ представлений“ (предисл., стр. X). Что касается списковъ учебниковъ, атласовъ, картъ, пособій по хронологіи и, главнымъ образомъ, списка книгъ для чтенія, то всѣ они, какъ и задачи съ темами для изучающихъ методику элементарнаго курса исторіи, очень цѣнны въ книгѣ, подобной пособію г. Кролюницкаго. Правда, авторъ, по его словамъ (предисл., стр. XI), не вполне удовлетворенъ этими списками; онъ указываетъ даже на то, что ему, какъ жителю провинціи, трудно „претендовать на полную разработку библиографическихъ указателей“, тѣмъ не менѣе, этотъ указатель въ *Опытѣ методики* довольно подробенъ и, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать очень существенной пользы его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится у г. Кролюницкаго. Не можемъ не пожалѣть объ одномъ: цѣна книги слишкомъ высока, и это должно помѣшать ея распространенію. Положимъ, что она довольно объемиста и 1 р. 80 к. стоитъ, но, все-таки, возможно было бы, какъ кажется, нѣсколько сократить число объяснительныхъ статей, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ смотритъ на свой трудъ какъ на „пособіе, въ которомъ обязательно могутъ быть заучиваемы руководящія статьи и лишь прочитываемы объяснительныя статьи“ (предисл., стр. XI). Мы понимаемъ, конечно, всю важность объяснительныхъ статей: эти статьи подписаны авторитетными именами, и мысли, развивающіяся въ нихъ, какъ нельзя лучше оправдываютъ и подтверждаютъ смыслъ руководящихъ статей; однако, мѣстами въ нихъ встрѣчаются повторенія, и такими-то повтореніями можно было бы, повидимому, пожертвовать, чтобы цѣна книги понизилась, а сама книга стала доступнѣе.

Руководство по средней исторіи. Составлено преподавателемъ ананьевской гимназіи М. Иващенко. Изданіе третье, значительно исправленное и дополненное сообразно учебному плану, утвержденному г. министромъ народнаго просвѣщенія 20 іюля 1890 г. Одесса. Цѣна 80 коп. Если книга выходитъ третьимъ изданіемъ, то она, очевидно, распространена въ публикѣ. Распространено, слѣдовательно, и *Руководство по средней исторіи*, составленное г. Иващенко, и, однако, мы рѣшительно не знаемъ, гдѣ искать причинъ этой распространенности. Начать съ того, что рассматриваемый учебникъ называется *Руководствомъ*, и авторъ не даетъ никакихъ объясненій, для какого возраста, какихъ классовъ и какихъ учебныхъ заведеній предназначается его книга, такъ какъ все предисловіе заключаетъ въ себѣ не болѣе, какъ перечисленіе тѣхъ пособій, которыми пользовался составитель. Но отъ заглавія перейдемъ къ самой книгѣ. И изложеніе, и выборъ фактовъ, и вся фізіономія учебника являются источниками для ряда недоумѣній со стороны читателя. Всего скорѣе возможны, пожалуй, два предположенія: или въ *Руководствѣ* мы имѣемъ дѣло съ конспектомъ, или это учебникъ для младшаго возраста; однако, оба эти предположенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются несостоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, если *Руководство* счесть за конспектъ, то, во-первыхъ, неизвѣстно, почему оно называется *Руководствомъ*, а, во-вторыхъ, въ немъ слишкомъ много совершенно лишняго для конспекта подробностей; если же авторъ имѣетъ въ виду младшій возрастъ, и потому распространяется только о томъ, что можетъ быть интересно ребенку, а все остальное сокращаетъ и урѣзываетъ, то на кого же рассчитано тогда его изложеніе, при которомъ предполагается пониманіе излагаемаго съ полупразды? Впрочемъ, особенно распространяться о руководствѣ г. Иващенко рѣшительно не стоитъ, и мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ какой-нибудь образецъ курьезовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, чтобы читатель до извѣстной степени могъ судить о достоинствѣ ея. Искать придется не долго. Вотъ, наприм., глава 2-я, гдѣ рѣчь идетъ о германцахъ. „Страна германцевъ,—повѣствуетъ г. Иващенко,—большою частью была покрыта лѣсами и болотами, и только небольшія пространства были воздѣланы, изъ чего видно, что земледѣліе у нихъ было мало развито. Главными занятіями были: скотоводство, земледѣліе, война и охота. Обработка земли и скотъ лежали на рабахъ и наемныхъ рабочихъ, а надзоръ за работами лежалъ на женщинахъ; свободные же германцы занимались только войной, а въ мирное время охотою“ и т. д. Нѣсколько ниже на той же страницѣ читаемъ: „обыкновенно женщины слѣдовали за своими мужьями на войну, ухаживали за ними, если они были ранены, и ободряли ихъ, когда они колебались въ битвѣ“ и т. д. (стр. 9 и 10). Является вопросъ, какъ разберется учащійся во всемъ только что сказанномъ? Какимъ образомъ земледѣліе было главнымъ занятіемъ германцевъ, когда оно у нихъ было мало развито? Далѣе, можно ли почитать, что же дѣлала женщина у германцевъ? Вѣдь, если свободные германцы занимались „только“ или даже, скажемъ, часто войною, а земледѣліе было главнымъ занятіемъ, а женщина была надсмотрщицей за обработкой земли и въ то же время слѣдовала за своимъ мужемъ на войну, то какъ же успѣвала она выполнять и то, и другое? Читатели могутъ быть увѣрены, что мѣста, вродѣ приведеннаго, встрѣчаются въ *Руководствѣ* г. Иващенко постоянно, и намъ остается подивиться, какимъ образомъ нашему автору удалось воспользоваться такъ диковинно пособиями такихъ

выдающихся писателей, каковы: Шлоссеръ, Веберъ, Лоренцъ, Гизо и всѣ прочіе, кого онъ перечисляетъ въ своемъ предисловіи.

Методика новыхъ языновъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. А. Ечинаца. Спб., 1892 г. Ц. 45 к. Брошюра г. Ечинаца о преподаваніи новыхъ языковъ стоитъ того, чтобы о ней распространиться подробнѣе. Твердое и хорошее знаніе новыхъ языковъ такъ важно, съ другой стороны, изучаютъ эти языки въ нашихъ школахъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ плохо, что всякій сколько-нибудь обдуманнй и проверенный на опытѣ взглядъ является крайне интереснымъ. Между тѣмъ, г. Ечинаца предлагаетъ не простой взглядъ, не нѣсколько удачныхъ приѣмовъ при преподаваніи, а цѣлую систему, и она тѣмъ убѣдительнѣе, что находитъ себѣ опору какъ во мнѣніяхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ филологовъ и ученыхъ авторитетовъ, такъ и въ разныхъ наукахъ, имѣющихъ отношеніе къ природѣ человѣка и законамъ, на основаніи которыхъ онъ чувствуетъ и мыслить, приобрѣтаетъ знанія и пускаетъ ихъ въ оборотъ при помощи слова. Система г. Ечинаца крайне проста и несложна. Онъ говоритъ: чтобы получилось знаніе новаго языка, необходимо привести въ непосредственную связь заучиваемыя слова съ соответствующими предметами и дѣйствіями, ассоциировать иностранныя звуки съ предметами и понятіями, избывая по возможности родныхъ словъ (стр. 31). Такимъ образомъ, если родной языкъ играетъ у насъ обыкновенно роль переводчика, то лучше обойтись, насколько возможно, безъ такого переводчика (стр. 48) и замѣнить его наглядностью, картинками, мимикой, жестами, интонаціей, — словомъ, мимическимъ языкомъ, языкомъ чувствъ и наглядныхъ представленій (стр. 61). Какъ ни проста эта система въ общемъ, она даетъ чрезвычайно разнообразныя и разнообразныя выводы. Прежде всего, изъ этихъ выводовъ важно, что грамматическій методъ, по мнѣнію г. Ечинаца, долженъ стоять на заднемъ планѣ (стр. 61), и за краткою грамматикой можетъ быть признана польза, какъ „за справочною книжкой“ (стр. 62); такое мнѣніе авторъ подтверждаетъ словами различныхъ авторитетныхъ писателей (стр. 35 и 36). Далѣе, не можетъ достигать цѣли, по системѣ г. Ечинаца, и переводный методъ, такъ какъ родной языкъ не только „мѣшаетъ непосредственной связи иностранныхъ словъ со своими предметами и дѣйствіями“, но и „отнимаетъ время обучаемой рѣчи и портится при переводахъ“ (стр. 61). Еще далѣе, та же система осуждаетъ „отрывочныя фразы, прировненные къ грамматическому матеріалу“, потому что онѣ „вредны, скучны и не даютъ возможности хорошо проверить знаніе, какъ при связномъ текстѣ“ (стр. 61). Наконецъ, г. Ечинаца утверждаетъ, что „методомъ чтенія à livre ouvert можно достигнуть только пониманія иностранной книги, но никакъ не иностранной рѣчи“ (стр. 61), а „аргументы противъ разговорнаго языка призрачны“ (стр. 61). Что касается учебника по системѣ г. Ечинаца или системѣ разговорной рѣчи, то, какъ думаетъ авторъ разбираемой брошюры, „лучшимъ можетъ считаться учебникъ американца Берлица“; но еще лучше было бы составить новый учебникъ, „приноровленный къ разговорному языку нашихъ учениковъ гражданскихъ, военныхъ, духовныхъ, коммерческихъ и другихъ специальныхъ учебныхъ заведеній“ (стр. 62).

Изъ вышеизложеннаго ясно, что система г. Ечинаца подходитъ очень близко къ системѣ американскаго разговорнаго метода, и къ ней нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ, особенно если принять во вниманіе убѣжденный тонъ и воодушевленіе автора. Тѣмъ

не менѣе, его брошюра вызываетъ нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, г. Ечинацъ излагаетъ свою систему далеко не вездѣ точнымъ и правильнымъ языкомъ; во-вторыхъ, многое изъ того, о чемъ онъ говоритъ на первыхъ 14 страницахъ, имѣетъ слишкомъ субъективное значеніе, такъ какъ относится специально къ военнымъ учебнымъ заведеніямъ, а, можетъ быть, даже только къ тому учебному заведенію, въ которомъ преподаетъ онъ самъ; въ-третьихъ, на тѣхъ же 14 страницахъ его жалобы и сѣтованія на обстановку школьнаго преподаванія, на зависимость учителей отъ воспитанниковъ и воспитателей отчасти отзываются рутинной, отчасти содержатъ въ себѣ указанія съ важнымъ видомъ на то, что всѣмъ давнымъ-давно извѣстно, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, въ брошюрѣ попадаются нѣкоторыя неожиданности. Вотъ, наприимѣръ, какъ разсуждаетъ г. Ечинацъ на стр. 12. Пожаловавшись на независимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ стараго преподавателя отъ личнаго взгляда молодого воспитателя или надзирателя, онъ продолжаетъ: „Молодой воспитатель становится чуть не судьей между мальчикомъ-ученикомъ и старымъ преподавателемъ, а ученическія шалости оставляютъ свой слѣдъ не только на отдѣльныхъ учителяхъ, но и на учителяхъ вообще и во всѣхъ государствахъ, что доказывается статистикой“. „Наиболѣе подвержены смертности: учителя, врачи, сельскіе поденщики и продавцы крѣпкихъ напитковъ (Янсонъ)“. Если въ приведенномъ разсужденіи ссылка на статистику и г. Янсона не неожиданность, то какъ назвать ее иначе?

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ первой части II изданія, второй части III послѣднихъ изданій и третьей части (VII изданія) концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича. Цѣна 20 к. + 20 к. + 60 к. Одесса 1891, 1892 и 1888 гг. Не имѣя подъ руками самого руководства г. Игнатовича, мы можемъ высказаться только относительно трехъ частей *Ключа къ русскимъ упражненіямъ* этого руководства. Такимъ образомъ, намъ приходится оставить въ сторонѣ отсутствіе содержательности въ скучныхъ фразахъ и статьяхъ разсматриваемаго учебника и ограничиться замѣчаніемъ, что всякіе ключи приносятъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Впрочемъ, объ этомъ знаетъ и составитель *Ключа*, такъ какъ въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: „Изучающіе ошиблись бы жестоко, усматривая въ нашемъ трудѣ поощреніе къ несамостоятельности и лѣнности. Мы желаемъ только дать возможность болѣе успѣшно изучить языкъ, предлагая къ русскимъ упражненіямъ упомянутаго руководства самый точный переводъ съ настоящими французскими оборотами“. И такъ, для составителя *Ключа* не секретъ, что, кромѣ желающихъ „успѣшно изучить языкъ“, на свѣтѣ существуютъ и „лѣнныя“, и эти послѣдніе, — прибавимъ мы отъ себя, — останутся очень довольны ключомъ; что же касается „успѣшнаго изученія языка“, то для такого изученія „самый точный переводъ съ настоящими французскими оборотами“ — средство вовсе не цѣлесообразное.

Повторительный курсъ краткой русской грамматики, составленный по программѣ школъ с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества. Цѣна 20 к. Спб., 1892 г. Мы не знаемъ, кому именно понадобилось составить *Повторительный курсъ краткой русской грамматики*, такъ какъ ни на обложкѣ, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ этой книжки не находимъ имени автора. Впрочемъ, намъ не извѣстна и цѣль составленія этого курса. Правда, въ краткомъ послѣсловіи (стр. 55) сказано, что разбираемый учебникъ „представляетъ

собой сводъ грамматическихъ опредѣленій и правилъ правописанія, разрабатываемыхъ въ классѣ“ „преимущественно на примѣрахъ, разборахъ и другихъ устныхъ и письменныхъ упражненіяхъ“, и что „безъ предварительной классной работы, при одномъ заучиваніи помѣщенныхъ въ руководство правилъ, книга эта не можетъ принести желаемой пользы учащимся“; но, вѣдь, подобныхъ „сводовъ послѣ предварительной классной работы“ существуетъ безконечное количество, и лежащій передъ нами *Посторительный курсъ* не отличается никакими достоинствами сравнительно со всѣми ими. Можно сказать даже, что въ *Посторительномъ курсѣ* есть недостатки, которыхъ, пожалуй, не найдешь въ другихъ подобныхъ же курсахъ. Таковы, напримеръ, не вездѣ понятныя, ясныя и складныя опредѣленія (см. стр. 5, гдѣ говорится о предложеніи и его членахъ), таково же отсутствіе весьма существенныхъ указаній, съ одной стороны, и, съ другой, избытіе совсѣмъ лишнихъ замѣчаній. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не назвать опущеніе таблицы склоненія именъ прилагательно-притяжательныхъ на *й* (*волчій*) пробѣломъ довольно важнымъ (стр. 20 и 21), а перечисленія буквъ русской азбуки или употребленія буквы *ѣ* (*ижница*)—подробностями для *Посторительнаго курса* совершенно ненужными. Такимъ образомъ, если составитель совершенно основательно рекомендуетъ въ своемъ послѣсловіи „не стѣсняться распредѣленіемъ предлагаемаго въ учебникѣ матеріала“, то вопросъ, все-таки, остается вопросомъ: зачѣмъ было составлять учебникъ?

„Деревенскій король“ и „Горе стараго Кабана“. Н. Златовратскаго.—„Дѣти подземелья“. В. Короленко. Изд. В. Муринова. М., 1892 г. Въ Москвѣ явился новый издатель дешевыхъ народныхъ книжекъ, и, судя по началу, издатель толковый. Два разказа Н. Н. Златовратскаго извѣстны; *Дѣти подземелья*—извлеченіе изъ прелестнаго очерка В. Г. Короленко: *Въ дурномъ обществѣ*. Кромѣ двухъ названныхъ книжекъ, г. Муриновымъ напечатанъ *Авраамъ*, разказъ Н. Н. Златовратскаго, и *Трудъ, богатство, деньги*, г. Н. Ш. Книжки стоятъ дешево, по нѣскольку копѣекъ, съ картинками. Желаемъ новому доброму дѣлу роста и крѣпнута. Тьма велика, страшно велика, и бороться съ ней надо самымъ энергичнымъ образомъ. Каждый новый участникъ распространенія просвѣщенія въ народѣ долженъ являться добрымъ примѣромъ для многихъ людей, у которыхъ есть средства и способность послужить великому дѣлу.

Нашему юношеству. Разказы о хорошихъ людяхъ. А. П. Мунтъ-Валуевой. Спб., 1892 г. Вышло пять книжечекъ этого изданія: *Не отъ міра сею* (изъ жизни Елизаветы Кульманъ), *Вашингтонъ*, *Поэтъ герой* (Кернеръ), *Друзья слѣпыхъ и глухонемыхъ* (аббатъ Л'Эпо и др.), *Франклинъ, Пушкинъ*. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ книжекъ приложены портреты. Стоятъ онѣ по 10 к. (съ пересылкой 15 к.). Написаны разказы г-жи Мунтъ-Валуевой довольно живо и въ симпатичномъ духѣ. Напрасно только авторъ призываетъ все имя Божіе, говоря о кровопролитныхъ схваткахъ, гдѣ побѣдители будто бы ведутся Богомъ на истребленіе враговъ (въ биографіи Кернера). Но объ этомъ сказано мимоходомъ, въ общемъ юноши—скорѣе дѣти старшаго возраста—прочитають *Разказы о хорошихъ людяхъ* съ интересомъ и пользой.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедія“ *Архимандрита Никифора*. — „Настольный энциклопедическій словарь“. Изд. тов. быш. *Гарбель и К^о*. — „Педагогическій календарь на 1892—1893 г.“. *В. Воскресенскаго*.

Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедія въ 4-хъ выпускахъ. Вып. I. А.—Е. Трудъ и изданіе архимандрита Никифора. Москва. Цѣна 2 рубля 50 коп. Популярная библейская энциклопедія охватываетъ „большую часть вопросовъ библейской археологіи, архитектуры, астрономіи, географіи, біографіи библейскихъ дѣятелей, ботаники, священной бібліографіи, военной науки, зоологіи, земледѣлія, искусствъ, минералогіи, метеорологіи, медицины, математики, нумизматики, педагогики, физики, этнографіи и др.“. „Объясненіе подробностей библейскихъ терминовъ касается какъ каноническихъ, такъ и не каноническихъ книги священнаго писанія, съ тѣмъ, однако, что объясненія сихъ послѣднихъ отличаются своею значительною краткостью сравнительно съ первыми“. Изданіе это, въ значительной степени основанное на трудахъ Верховскаго, Соллярскаго, Vestory Cassel и др., можетъ, конечно, облегчить трудъ изучающихъ библію, такъ какъ въ немъ подѣльными словами читатель можетъ найти нѣкоторые необходимыя разъясненія и указанія на тѣ мѣста библіи, гдѣ эти термины и имена встрѣчаются. Авторъ не всегда соблюдаетъ необходимыя для справочной книги требованія: часто онъ (въ особенности въ біографіяхъ) приводитъ слишкомъ мелочныя подробности; статьи о междометіи *a* (стр. 3), Августѣ кесарѣ (стр. 7), который, кстати, выходитъ изъ намѣченныхъ авторомъ рамокъ приведеніе подѣ „Авирамъ“ данныхъ объ Іерихонѣ, попавшихъ не на свое мѣсто (стр. 12), анекдотъ объ арабѣ, раненомъ въ нижнюю челюсть, который „рѣшился скорѣе рискнуть жизнью, чѣмъ позволить сбрить себѣ бороду для освидѣтельствованія врачомъ раны“ (стр. 92), указаніе на то, что слово *Эіонія* „употреблялось очень часто у евреевъ, точно также какъ слово *Индія*, употребляемое у англичанъ въ настоящее время“ (стр. 246) и пр.,—все это свободно можно было опустить даже не безъ пользы для самаго изданія, какъ и рисунки, довольно плохо изображающіе аиста, алоэ, барса, бегемота и друг. Не всегда вѣрно передаются и собственныя имена (наприм., Станлей, вм. Стэнли, на стр. 9). Всѣ эти мелкіе пропуски не мѣшаютъ, конечно, энциклопедіи архим. Никифора быть трудомъ почтеннымъ и полезнымъ, который можетъ разсчитывать на то, что его „читатели снисходительно отнесутся къ выполненію такой обширной, многотрудной задачи, каково изданіе *Полной библейской энциклопедіи*, и покроютъ своею любовью, если сверхъ чаянія встрѣтятся въ оной какія-либо мелкія опечатки и погрѣшности“ (стр. 2).

Настольный энциклопедическій словарь, изданіе быш. товарищества А. Гарбель и К^о. М., 1892 г. Выпуски 48—51. Подписная цѣна за все изданіе (105—115 выпусковъ, 8 томовъ) 25 р., на лучшей бумагѣ—32 р., цѣна выпуска 30 к. Мы уже не разъ отмѣчали это изданіе, какъ весьма полезную и хорошую справочную книгу, и чѣмъ дальше подвигается составленіе словаря, тѣмъ большія и единодушныя одобренія печати встрѣчаютъ вновь появляющіеся въ свѣтъ выпуски. Съ каждымъ изъ нихъ увеличивается число самостоятельно и прекрасно обработанныхъ статей, въ которыхъ дается впол-

нѣ достаточное понятіе о трактуемомъ предметѣ въ томъ сжатомъ видѣ, какой требуется для энциклопедическаго ознакомленія съ нимъ. Къ наиболѣе выдающимсяъ статьямъ этого рода слѣдуетъ отнести: *Кредитныя учрежденія*, *Крестьяне*, затѣмъ біографическія данныя о русскихъ писателяхъ, художникахъ и другихъ общественныхъ дѣятеляхъ. Новая редакція, видимо, удачно справляется съ своею сложною и трудною задачею и быстро подвигаетъ дѣло впередъ съ энергіей, достойной глубокаго сочувствія.

Педагогическій календарь на 1892—1893 г. Составилъ В. Воскресенскій. Спб., 1892 г. Изд. Н. Карбасникова. Ц. 50 к. Третій годъ этого полезнаго изданія не внесъ въ него никакихъ существенныхъ измѣненій. Попрежнему, календарь, составленный г. Воскресенскимъ, заключаетъ въ себѣ необходимыя и важныя для учителей свѣдѣнія.

Изъ статей въ приложеніи, отмѣтимъ изложеніе *Великой дидактики* Амоса Коменскаго, статьи *Школьная шіена и оптскія заразные болѣзни* и *Сельско-хозяйственная школа въ Лиможъ*. Въ бібліографическомъ отдѣлѣ календаря, вмѣсто многочисленныхъ краткихъ рецензій, напечатано нѣсколько болѣе значительныхъ по объему. „Было бы желательно знать, — говоритъ г. Воскресенскій, — какой изъ двухъ родовъ бібліографіи, прошлогодней или настоящей, окажется для читателя наиболѣе полезнымъ“. Намъ кажется, что въ виду прямой цѣли *Календаря* и его объема всего цѣлесообразнѣе просто указывать (какъ это и дѣлается) на одобрительные или неодобрительные отзывы въ журналахъ, какъ педагогическихъ, такъ и общихъ. Черезъ-чуръ краткія рецензійныя безполезны, а обширныхъ можно помѣстить немного.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *юль—сентябрь*. — „Русское Обозрѣніе“, *июнь—июль*. — „Историческій Вѣстникъ“, *июнь—сентябрь*.

Вѣстникъ Европы, *юль—сентябрь*. Наша школа, вопросы о клас, слической и реальной системѣ образованія, о переутомленіи дѣтей — объ отношеніяхъ семьи къ училищному строю въ послѣдніе годы все серьезнѣе и глубже интересуютъ общество. Въ печати часто появляются статьи о народномъ образованіи; все болѣе и болѣе зрѣетъ сознаніе необходимости улучшить постановку у насъ обученія и воспитанія. Въ этомъ благотворномъ движеніи принимаютъ относительно малое участіе педагоги по профессіи. Они по большей части или молчатъ, или упорно защищаютъ нынѣшнюю систему, въ особенности классическую школу. Какъ всѣ педанты, какъ всѣ „ученые“ на подобіе гётевскаго Вагнера, эти господа специалисты отдѣляются пренебрежительными замѣчаніями по поводу мнѣній, которыя высказываются „профанами“. Полезно поэтому напоминать объ идеяхъ дѣйствительныхъ педагоговъ, о людяхъ не только преподающихъ грамматику, но и способныхъ руководить образованіемъ, въ общественно-нравственномъ смыслѣ этого слова. Однимъ изъ такихъ людей былъ В. Я. Стоюнинъ, о сочиненіяхъ котораго г. А. В—инъ напечаталъ интересную статью въ іюльской книжкѣ *Вѣстника Европы* *).

Стоюнинъ ясно видѣлъ печальные недостатки въ нашемъ школь-

*) *Вопросы общественнаго образованія.*

томъ дѣлѣ. Наши педагоги, по его замѣчанію, „въ огромномъ большинствѣ совсѣмъ незнакомы научно съ законами органической жизни и потому не въ состояніи съ этой стороны наблюдать надъ развитіемъ дѣтской природы и изъ своихъ наблюденій дѣлать самостоятельные выводы“. Этого мало, прибавимъ мы: многіе изъ нашихъ заматорныхъ классиковъ, потревоженные въ своемъ механически-установленномъ преподаваніи докучными вопросами, издѣваются надъ физиологией и психологіей, отрицаютъ переутомленіе дѣтей отъ безтолковыхъ или бесполезныхъ занятій, приписываютъ всѣ эти толки прояскамъ либераловъ и нигилистовъ.

Авторъ статьи *Вѣстника Европы* справедливо замѣчаетъ, что педагоги наши страдаютъ и другимъ существеннымъ недостаткомъ: у нихъ мало свѣдѣній и сознательнаго пониманія исторіи нашей общечеловѣчности. И въ этомъ отношеніи Стоюнинъ составлялъ блестящее и рѣдкое, къ великому сожалѣнію, исключеніе среди современныхъ русскихъ педагоговъ. Стоюнинъ пережилъ такое время, когда ярво и страшно обнаружился вредъ „полицейской педагогики“, какъ онъ выражается. Несчастная крымская война показала, что въ нашемъ обществѣ замерли живыя силы, что въ немъ заглохло и патріотическое чувство, развивать которое старались въ ущербъ всему остальному. „Идти далѣе по старому пути, — говорилъ Стоюнинъ въ одной изъ своихъ статей, — было уже невозможно. Пришлось сознаться, что исключительная государственность въ народной жизни, подавляющая общественный духъ, еще не составляетъ силы. Нужно было жизни дать другія основы; нужно было вызвать къ жизни общественныя силы, дать возможность сложиться какому-нибудь самостоятельному обществу. Въ этомъ духѣ начинаются благодѣтельные преобразованія. Признается вѣжество, какъ законная народная сила; въ основаніе общенародной жизни полагается свободный трудъ, общественное самоуправленіе и наука“.

Въ скоромъ времени, однако, началась реакція. „Школа, — говоритъ г. А. В.—инъ, — была замѣшана въ политику, сдѣлалась ареной для интриги и, въ концѣ-концовъ, утратила то лучшее, что было дано ей періодомъ реформъ. Идеалисты общественнаго и народнаго воспитанія, какъ Стоюнинъ, дѣлались анахронизмомъ“. Теперь, однако, думается намъ, вновь замѣчается поворотъ къ лучшему. Этотъ поворотъ совершается въ глубинѣ общественнаго сознанія и настроенія и потому вліяніе его на нашу школьную систему происходитъ медленно, мучительно медленно для людей, дѣти которыхъ учатся теперь. Для созданія здраваго общественнаго мнѣнія по основнымъ вопросамъ образованія и воспитанія, для того, чтобы наши педагоги приобрѣли нравственный авторитетъ среди своихъ учениковъ и уваженіе среди общества, — такія книги, какъ изданныя въ нынѣшнемъ году *Педагогическія сочиненія* покойнаго Стоюнина, являются драгоценнымъ пособіемъ.

Кромѣ *качества* школы, надо имѣть постоянно въ виду и ея *количество*. Если вдуматься хорошенько, какъ еще ничтожна у насъ цифра училищъ, то можно придти положительно въ ужасъ. А запросъ на школу быстро растетъ въ народѣ, который такъ страдаетъ отъ невѣжества. До чего великъ уже этотъ запросъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ: когда стало извѣстно завѣщаніе Маслова, оставившаго капиталъ для открытія 50 школъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ училищъ, то въ душеприкащику покойнаго поступило болѣе

3,000 просьбъ, многія изъ которыхъ поддержаны приговорами съскихъ обществъ. Еслибъ на народное образованіе, развитіе котораго задержано измѣненіями въ организаціи нашего земства, тратилась и сударствомъ хоть десятая часть того, что идетъ на военныя надобности, то пошатнувшееся благосостояніе народа поднялось бы на такую высоту, о какой въ настоящее время и мечтать не могутъ наши экономисты и финансисты.

Изъ другихъ статей въ трехъ книжкахъ *Вѣстника Европы* отъ г. Шенрока продолженіе обширныхъ и добросовѣстныхъ работъ г. Шенрока посвященныхъ жизни и творчеству Гоголя. Новыя статьи этого неутомимаго и горячаго преданнаго дѣлу изслѣдователя носятъ названія *Н. В. Гоголь въ періодъ „Арабесокъ“ и „Миргородъ“*. Они заключаютъ въ себѣ подробный анализъ связи и послѣдовательности произведеній Гоголя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обрисовываютъ особенности его личнаго характера и ходъ умственнаго и нравственнаго развитія великаго писателя. Работа г. Шенрока еще не біографія и не полная характеристика Гоголя, но она даетъ для этого важный матеріалъ и уже отдѣланы подробности. „Какъ въ личности, такъ и въ творчествѣ Гоголя,—говоритъ г. Шенрокъ,—необходимо строго различать двѣ существенныя и необходимыя стороны: несомнѣнно, что Гоголь—практическій человѣкъ, сильно отличавшійся отъ Гоголя—идеалиста; точно также въ его произведеніяхъ, несмотря на преобладающее изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни, встрѣчаются нерѣдко картины и образы въ высшей степени привлекательныя и несвободныя подчасъ отъ пламенной и глубокой аналитики“. Это, конечно, знаетъ всякій, читавшій сочиненія Гоголя, но подробности и сопоставленія г. Шенрока не лишены интереса.

Въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* начата монографія В. И. Герье о Катаринѣ Сиенской. Покуда статья не кончена, и должны ограничиться замѣчаніемъ, что очеркъ жизни и дѣятельности этой удивительной итальянской дѣвушки XIV вѣка представляетъ большой интересъ. Судьба Катарины Сиенской даетъ В. И. Герье возможность прослѣдить на жизни женщины историческую проблему о раздвоеніи идеи божескаго царства и о борьбѣ, которую это раздвоеніе вызывало въ человѣческой душѣ.

Представляетъ своеобразный интересъ и статья г-жи Венгерова *Поэты-символисты во Франціи*. Въ нынѣшнемъ году *Вѣстникъ Европы* напечаталъ статью кн. Волконскаго, въ которой высказываются на искусство взгляды несогласимыя со взглядами г. Арсеньева. Теперь г-жа Венгерова выступаетъ на защиту символистовъ: Верлена, Малларме, Римво, Лафорга, Мореаса. Въ начинаніяхъ этой школы, по мнѣнію автора, „много правды и своеобразная поэзія символистовъ соответствуетъ полумистическому, полумистическому настроенію, все болѣе охватывающему современные умы“. Мы не видимъ доказательствъ тому, что *полумистическое* настроеніе дѣлаетъ такія завоеванія; хотя оно несомнѣнно, оживилось и распространилось въ послѣдніе годы, но для его сочтенія, овладѣть обществомъ ему, къ счастью, не удастся. Въ всякомъ случаѣ, въ этомъ направленіи совѣтъ не много правды, а за ровный идеализмъ вполне совмѣщается съ успѣхами точнаго знанія. Поэты-символисты стремятся,—говоритъ г-жа Венгерова,—воплотить въ искусствѣ *идеаль вѣчно прекрасную* и ищутъ во внѣшнемъ мірѣ

*) Ср. статью г. Гольцева въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (13 іюня): *Въ поискахъ идеала*.

вола своихъ ощущеній. При этомъ авторъ говоритъ, что новоявленные поэты „не стремятся, какъ прежде, къ анализу чувствъ и настроеній человеческой души, а, напротивъ, сводятъ весь внутренний міръ овѣка къ отраженію единственнаго основнаго его наміренія—жажды естественной“. Напомнимъ читателямъ, что школа символистовъ, къ которой такъ сочувственно относится авторъ статьи *Вѣстника Европы*—носитъ и другое названіе—школы декадентовъ.

Странныхъ утверженій разсѣяно не мало въ статьѣ г-жи Венгеро-ой. Она говоритъ, напримѣръ, что „послѣдній поэтъ, посвятившій свой гений защитѣ политическихъ принциповъ, умеръ съ Викторомъ Гюго. Послѣ него политика измелъчала и стала представлять мало интереса для воображенія поэта“. Выходитъ такъ, что вдохновлять по-этовъ можетъ только деспотизмъ на борьбу съ собою, что только при императорѣ Наполеонѣ III и была во Франціи *крупная* политика.

Г-жа Венгерова говоритъ, что въ стихотвореніяхъ Верлена „сказана бодлеровская нелюбовь ко всему естественному и простому и положеніе всего исключительнаго, извращеннаго, даже уродливаго“. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ дѣятельности Верлена произошелъ *переломъ*, сдѣлавшій его главою школы. Въ сборникѣ *Романы безъ словъ (Romances sans paroles)* „поэтъ жаждетъ вѣчности и не-бывшей красоты, а все, что онъ видитъ—символы праха и разрушенія“. Г-жѣ Венгеровой очень нравится въ этомъ сборникѣ стихотвореніе о томъ, что дождь льетъ въ городъ, дождь льетъ въ сердца людей... О вкусахъ не спорить.

Символизмъ,—говоритъ авторъ,—„представляетъ полную реакцію противъ вторженія положительной науки въ область искусства,—вторженіе, которое можетъ имѣть художественную цѣну лишь тогда, когда оно открываетъ душѣ новыя перспективы, не подлежащія разсмотрѣнію разума“. Вторженіе положительнаго знанія въ искусство, по нашему мнѣнію, неизбежно и вполне законно; но это „вторженіе“ нигдѣ не можетъ захватить всего искусства. На ряду съ типическимъ ображеніемъ дѣйствительности остается область идеализаціи, стремленій и помысловъ, стоящихъ надъ дѣйствительностью. Но странно вѣрять, что художественную цѣну имѣютъ только такія *перспективы*, которыя выходятъ за предѣлы разума. Истинная поэзія всегда была и будетъ понятною нашему разуму, она волнуетъ наши чувства, и все доступныя „разсмотрѣнію разума“. Вѣроятно, съ этой же точки зрѣнія имѣлъ въ виду разсмотрѣть поэтовъ-символистовъ и авторъ статьи *Вѣстника Европы*... Прибавимъ кстати, что въ іюльской книжкѣ этого года напечатана статья В. Андреевича *Литературныя впечатлѣнія* (о *Жерминаль Золя*), которую интересно сопоставить со статьєю г-жи Венгеровой. Г. Андреевичъ говоритъ, что художникъ, написавшій *Жерминаль*, имѣетъ право на признательность человеческого рода. Символисты объ этомъ другаго мнѣнія. Художникъ-мыслитель, полагаетъ авторъ *Литературныхъ впечатлѣній*, есть тотъ великій мастеръ, который настраиваетъ на извѣстный тонъ совѣсть людей. Съ этимъ мы вполне согласны и предпочитаемъ іюльское воззрѣніе *Вѣстника Европы* на искусство его сентябрьскому взгляду. Оригинальная беллетристика трехъ разбираемыхъ книжекъ *Вѣстника Европы* исчерпывается весьма мало интересными разсказами и большою, но плохую поэмой *Акландъ*.

Русское Обзорѣніе, *іюнь—іюль*. Нынѣшнимъ лѣтомъ *Новое Обзорѣніе* пережидо какой-то кризисъ и стало вновь выходить безъ редакторской под-

писи кн. Цертелева. Когда пишется нашъ обзоръ, вышла только июльская книжка *Русскаго Обзорня*, но издатель общааетъ въ скоромъ времени возстановить правильный выпускъ журнала *).

Изъ статей июньской книжки обращаетъ на себя вниманіе очеркъ жизни и дѣйствительности М. Н. Муравьева, написанный кн. Имеретинскимъ. Авторъ желаетъ дать характеристику Муравьева въ главнѣйшія эпохи его государственной и общественной дѣятельности. Задача весьма интересная, потому что Муравьевъ игралъ крупную роль въ нашей политической жизни, возбуждалъ и страстную ненависть, и горячее сочувствіе. По нашему мнѣнію, для полной и безпристрастной оцѣнки бывшаго виленскаго генераль-губернатора не настало еще благопріятныхъ условій. Статья князя Имеретинскаго даетъ только пантеирискъ, но лишенный противорѣчій и ошибочныхъ сужденій.

Указавши на то, что Муравьевъ въ молодости былъ членомъ тайнаго общества (декабристъ), авторъ мимоходомъ касается причинъ, вызвавшихъ у насъ образованіе тайныхъ обществъ въ концѣ царствованія Александра I. Одна изъ этихъ причинъ такъ оригинальна, что мы не можемъ не привести ее въ этомъ обзорѣни. „Послѣ войны, — говоритъ князь Имеретинскій, — офицерамъ вообще, а офицерамъ генеральнаго штаба въ особенности нечего было дѣлать, а праздность — мать всякаго зла“. Неужели, однако, офицерамъ нечего было дѣлать и единственное средство спасти ихъ отъ *матери всякаго зла* заключается въ непрерывной войнѣ?

Кн. Имеретинскаго интересуютъ тѣ условія, при которыхъ „изоцрѣялись способности, крѣпла воля и закалялась душа будущаго спасителя Литвы“. Муравьевъ, по словамъ его біографа, Кропотова (нѣ сочувственно приводитъ авторъ очерка въ *Русскомъ Обзорнѣи*), не могъ имѣть довѣрія „къ реформамъ Пестеля, основаннымъ на хитрости и насилии“. Между заговорщиками поэтому произошелъ разрывъ, спасшій Муравьева. „По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, — говоритъ князь Имеретинскій, — Муравьевъ былъ не консерваторъ и не прогрессистъ, это былъ самородокъ, характерный, типическій русскій человекъ“. Выходитъ, что типическою особенностью русскаго человека является отсутствіе глубоко продуманныхъ и прочувствованныхъ убѣжденій... Но черезъ нѣсколько страницъ авторъ забываетъ свое лестное будто бы опредѣленіе „русскаго человека“ и признается, что въ жизни Муравьева былъ *какой-то странный переломъ*: „Неутомимый, энергичный прогрессистъ вдругъ превращается въ крайняго консерватора“. Куда же дѣвался самородокъ, — вѣдь, по-западному, это выходитъ *ренигатъ*?

Россія, по мнѣнію автора, погибала отъ либерализма и нигилизма въ шестидесятыхъ годахъ и „спаси насъ могло только громовое, потрясающее событіе, способное вызвать переломъ смертельной болѣзни и благодѣтельную реакцію. Такимъ событіемъ несомнѣнно было польское возстаніе 1863 г., хотя, логически говоря, оно-то и должно было нанести Россіи окончательный ударъ, если бы не нашлись люди, сзумѣвшіе воспользоваться оскорбленіемъ народнаго, русскаго чувства поляками и повернуть громадное матеріальное зло ко благу Россіи“. Спорить съ авторомъ по поводу этихъ утвержденій совершенно бесполезно. Существуютъ ли на свѣтѣ аргументы, способные переубѣдить

*) Послѣ того, какъ эта статья была написана, вышли августовская и сентябрьская книжки.

овѣрка, говорящаго, что отъ „гибельныхъ“ послѣдствій освобожденія крестьянъ, введенія гласнаго и независимаго суда и суда присяжныхъ, отъ учрежденія земства и нѣкотораго облегченія печати, Россия спасла польское возстаніе! И любопытно, какъ самъ авторъ характеризуетъ *доброе старое время*, разрушенное было великими преобразованиями Императора Александра II: наступаетъ голодъ 20 года и Муравьевъ борется „съ бездѣйствіемъ и неспособностью губернской администраціи“. Графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, *совершенно неожиданно* узнаетъ о голодѣ, существовавшемъ болѣе семи мѣсяцевъ, и т. д.

Каждый, конечно, имѣетъ неотъемлемое право выработать или усвоить себѣ какія угодно политическія убѣжденія, быть прогрессистомъ, консерватормъ или самородкомъ, но съ научными данными всѣмъ надо подходить обдуманно и осторожно. Кн. Имеретинскій утверждаетъ, что демократическія галлюцинаціи разлагались отъ одного прикосновенія аксіомами русской исторической науки, которая давно и плодотворно аривала въ Москвѣ. Извѣстный споръ славянофиловъ съ западниками (Мухоморовскій, Погодинъ, Аксаковы, Хомяковъ) *), начавшійся еще въ пятидесятыхъ годахъ, выработалъ *практически - національную* (?), самостоятельную почву для русской политики, внутренней и вѣдшей. Имеретинскій совершенно напрасно ссылается на *аксіомы* русской исторической науки и на знаменитыхъ славянофиловъ. Если бы въ нашей политикѣ осуществлялись дѣйствительно ихъ принципы, то дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ была бы совершенно невозможна. Авторъ познакомится хоть съ письмомъ А. С. Хомякова къ А. О. Ширновой (оно было напечатано въ мартовской книжкѣ нашего журнала за 1881 годъ).

Юльская книжка *Русскаго Обзорнія* составлена какимъ-то погрѣшнымъ образомъ. Она начинается переводомъ *Божественной комедіи*, потомъ черезъ *Пустыню* (стихотвореніе г. Шепелева) **) мы подѣдимъ къ *Гебрской могилѣ* г. Елисеева, чтобы отдохнуть черезъ нѣсколько статей въ *Помпей* (очеркъ г. Базинера). Авторъ послѣдней статьи относится къ греко-римской культурѣ съ чрезмѣрнымъ превознесеніемъ. По его мнѣнію, „прекрасно развитое гражданское чувство древнихъ и способная на всякую жертву заботливость ихъ объ общемъ благѣ остается навсегда идеаломъ, къ которому и наше, и всѣ будущія поколѣнія людей неутомимо должны стремиться“. Хорошею поправкой къ этому взгляду служатъ слѣдующія слова г. Базинера (страшнее раньше): при боѣ гладиаторовъ, „къ трусу публики была неодолима и безжалостна, *забила большой палецъ*, осуждая его этимъ жестомъ на смерть. Какою *чудовищною* любовью пользовались эти римляне у помпейцевъ, доказывается какъ относящимися сюда бессмысленными каракулями на стѣнахъ, такъ и публичными объявленіями о гладиаторскихъ играхъ, на цѣлые мѣсяцы впередъ, отъ имени чиновниковъ и частныхъ лицъ, домогавшихся народнаго расположенія“.

*) Отчего же не Кирѣевскіе, не Кошелевъ, не Бѣлинскій и т. д.?

**) Къ этому стихотворенію редакція сдѣлала примѣчаніе, пытающееся разъяснить *начинаемость замысла, просвѣчивающую въ стихотвореніи*. Въ своей правотѣ редакція *Русскаго Обзорнія*, однако, не убѣждена и говоритъ, что она (т.-е. оригинальность замысла), *по всей вѣроятности*, имѣетъ отношеніе (sic) къ нивелирующимъ пременіямъ вѣка, грозящимъ поглотить все высокое и прекрасное и свести его къ вѣчному уровню посредственности и бессмысленности“. Напрасно редакція *Русскаго Обзорнія* напрягала свою догадливость: *Пустыня* просто-напросто очень плохое стихотвореніе.

О беллетристивъ этихъ книжекъ *Русскаго Обзорнiя* говорить мы будемъ: повѣсти здѣсь или продолжаются, или начинаются.

Историческiй Вѣстникъ, июнь—сентябрь. Въ первыхъ книжкахъ *Историческаго Вѣстника* нынѣшняго года читались съ интересомъ воспоминанiя А. Д. Галахова *Сороковые годы*, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить (см. „Библиографическiй отдѣлъ“ за июнь, стр. 290—293), въ июньской находимъ статью А. И. Введенскаго *Русскiй идеализмъ сороковыхъ годовъ*, написанную по поводу не такъ давно вышедшей въ изданiи А. С. Суворина книги П. В. Анненковъ и его друзья. *Литературныя воспоминанiя и переписка 1835—1885 годовъ* (Спб., 1892 г.). Подчеркивая восторженное отношенiе многихъ русскихъ умовъ къ людямъ *сороковыхъ годовъ*, авторъ отмѣчаетъ непослѣдовательность въ развитiи направленiй, руководившихъ умственной жизнью русскою, и ставитъ вопросъ (стр. 732): въ чемъ же причина, по которой свѣтлые идеалы сороковыхъ годовъ оказались не настолько жизненными, чтобы съ болѣею силою повлечь даже на непосредственное будущее? Упомянутая книга, по мнѣнiю г. Введенскаго, и затрогиваетъ этотъ вопросъ, „значенiе котораго совершенно напрасно остается не только невыясненнымъ въ сознании большинства образованныхъ русскихъ людей, но едва затронуто русскою литературою“. Чтобы нѣсколько иллюстрировать поставленный вопросъ, г. Введенскiй останавливается на двухъ замѣчательнѣйшихъ представителяхъ *сороковыхъ годовъ*—Н. П. Огаревѣ и А. И. Герценѣ, которые, даже по его мнѣнiю (стр. 734), были общественными реформаторами съ достаточно опредѣленными стремленiями; впрочемъ, послѣднiй изъ нихъ, говоритъ далѣе авторъ (стр. 739), противорѣча самому себѣ, обнаружилъ несомнѣнное отсутствiе ясно сознанныхъ представленiй о своей роли въ общественной русской жизни, несомнѣнную случайность увлеченiй и въ своихъ соприкосновенiяхъ съ дѣйствительностью гораздо больше впечатлительности и трезвости мысли, чѣмъ Н. П. Огаревъ. Авторъ даетъ удивительно одностороннюю характеристику названныхъ двухъ лицъ по даннымъ книги П. В. Анненковъ и его друзья,—характеристику, вся цѣль которой показать, что люди *сороковыхъ годовъ* даже при большихъ дарованiяхъ и выдающемся умѣ не были ни на что пригодны, что они были слабыми, лишними, неудачниками, не умѣвшими дѣйствовать среди окружающей ихъ дѣйствительности. Удивительныя статьи пишутся въ наше время! Какая цѣль, какой интерес печатать бредни, которыя никакъ не могутъ уяснить представленiй нашего средняго читателя о людяхъ сороковыхъ годовъ,—читателя, котораго вообще и имѣть въ виду *Истор. Вѣстн.*? Поколѣнiе *сороковыхъ годовъ*, читаемъ въ заключенiи статьи г. Введенскаго, не оставило настолько положительнаго наслѣдiя, что потомство не могло бы отнести къ нему отрицательно; это поколѣнiе вмѣстѣ съ мечтательнымъ идеализмомъ, теоретичностью, соединяло пренебрежительное отношенiе къ дѣйствительности, даже нежеланiе узнать эту дѣйствительность. Какiя страшныя обвиненiя! И не слѣдовало бы произносить ихъ съ тою легкостью, съ тѣмъ доктринерствомъ, не требующимъ доказательствъ и поясненiй, съ какимъ произносить ихъ нашъ критикъ. Свѣтлые идеалы людей *сороковыхъ годовъ* оказались безжизненными, безсильными, чтобъ повлечь даже на ближайшее поколѣнiе (sic!), и причина тому въ направленiи нашего тогдашняго образованiя, которое „было лишено всякихъ русскихъ основъ, лишено всякой родной почвы“; тогда учились „почти всецѣло у иностранцевъ, на иностранныхъ языкахъ, по

страннымъ книжкамъ". Это западно-европейское образование всему юй. Для читателя, хотя немного знакомаго съ исторіей русскихъ эллигентныхъ кружковъ XIX вѣка, ясна вся несообразность вырвъ г. Введенскаго. Къ кому же, какъ не къ западно-европейскъ ученымъ надо было обращаться за наукою людямъ сороковъ годовъ, — вѣдь, не къ бравымъ же гвардейскимъ сержантамъ нивевской арміи? Развѣ въ то время можно было учиться по жалгъ, исковерканнымъ либо цензурою, либо авторскимъ подхалимствомъ жкамъ, и ограничиться этимъ изученіемъ? Что это за родная почкоторая грезится нашему автору? Мы знаемъ эту почву, знаемъ, воспитавшіеся исключительно на ней никакого плода странѣ ненесли. Чтобы люди сороковыхъ годовъ игнорировали дѣйствительть, этого сказать безъ всякихъ оговорокъ нельзя; согласимся, одь, что дѣйствительность нерѣдко пугала человѣка сороковыхъ гоь, что нерѣдко онъ плохо зналъ ея детали. Отсюда далеко до обеній въ пренебреженіи, игнорированіи etc., принимая во вниманіе, у всякаго времени свои цѣли, приемы и средства изученія, что неое время благоприятствуетъ изученію дѣйствительности, а бываетъъ разъ наоборотъ: человѣкъ погружается въ исключительно отвлечное мышленіе съ отчаянія, съ тоски отъ тысячи мелкихъ и вздоръ препятствій для изученія дѣйствительности и привнесенія въ нееавныхъ человѣческихъ началъ. Не будемъ долѣе останавливаться наодахъ г. Введенскаго и пожелаемъ, чтобы его оригинальный прирь къ „совлаченію ореоловъ съ прошлыхъ увлеченій“ такого рода, къ тщательное знакомство съ западно-европейскою наукою, не имѣлоиѣха. Хорошекъ поправкой къ бреднямъ г. Введенскаго можетъ слуть статья *Идеи и люди сороковыхъ годовъ*, напечатанная по поводуи же книги П. В. Анненкова и его друзья въ сентябрьской книжкѣ рнала *Миръ Божій*. Авторъ этой статьи, отмѣчая смуту историчекъ понятій о сороковыхъ годахъ, какъ времени исключительности меченныхъ идей (примѣръ этой поразительной смуты мы только что дѣли), подчеркиваетъ, что В. Г. Вѣлинскій, критикъ *сороковыхъ гоь*, былъ защитникомъ *реальной* литературы, мечталъ объ ея безграномомъ общественномъ значеніи, и что вся эпоха сороковыхъ годовъсла много живыхъ вопросовъ въ общественную жизнь, смѣло и энерично охватывая наиболѣе существенныя стороны современной практики. Литература о Гоголѣ продолжаетъ расти неустанно (см. указатель за 1883—1892 гг. въ журналѣ *Библиографическія Записки*, № 2 и сл.). И. Шенрокъ началъ объединительную работу надъ своими много-сленными статьями въ изданіи *Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя* I., 1892 г.; пока вышелъ только одинъ томъ); Н. С. Тихонравовъодолжаетъ критическое изданіе гоголевскихъ текстовъ въ *Библиотекѣ для чтенія*, выпускаемой листкомъ *Царь-Колоколъ*, по формату и внѣшности, къ сожалѣнію, совсѣмъ не подходящее къ четырехтомному пресходному изданію книжнаго магазина В. Думнова. Работа г. Шенроывзываетъ поправки, дополненія и детальныя этюды со стороны Ф. Витберга (см. его брошюру *Н. В. Гоголь и его новый біографъ*. № 1., 1892 г.), напечатавшаго въ №№ 6 и 8 *Историч. Вѣстн.* статьи: *В. Гоголь въ 1831 году* и *Гоголь, какъ историкъ*. Статьи эти не пугаютъ въ оборотъ новаго матеріала, перерабатывая старый. Первая статья останавливается на вопросѣ, когда и какъ познакомился Гоголь въ пушкинскимъ кружкомъ и самимъ А. С. Пушкинымъ. Г. Витбергъ присоединяется къ предположенію г. Шенрока, что Гоголь познако-

мился съ Жуковскимъ чрезъ барона Дельвига, а затѣмъ, расходившись, утверждаетъ, что Гоголь познакомился съ Пушкинымъ не чрезъ П. А. Плетнева, а чрезъ Жуковского между 17 и 27 июля 1836 г. Такой мелкій, въ сущности, вопросъ о томъ, познакомился ли Гоголь Пушкинымъ въ маѣ или въ юлѣ, вызываетъ цѣлую статью, появившейся в которой авторъ спѣшитъ оправдать тѣмъ, что вопросъ о времени способъ знакомства Гоголя съ пушкинскимъ кружкомъ и съ самимъ Пушкинымъ не лишены извѣстнаго литературнаго значенія. Другая статья г. Витберга болѣе интересна: въ ней сгруппированы рядъ фактовъ, касающихся историческихъ вкусовъ и занятій Гоголя, а также его неудачнаго адъюнктура по исторіи среднихъ вѣковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Послѣдній эпизодъ г. Витберга, принадлежащій къ числу абсолютныхъ обожателей нравственной личности Гоголя, старается представить въ возможно-выгодномъ свѣтѣ для автора смертнаго *Ревизора*. На историческія занятія Гоголя никакъ не смотрѣтъ какъ на неоправданную ничѣмъ его претензію на роль ученаго, для которой у него не было, будто бы, ни способностей, ни знанія. Еще въ нѣжинской гимназіи Гоголь увлекался „преимущественно занятіями историческими“ (стр. 392), а въ первые годы петербургской жизни это увлеченіе стало сознательнымъ: затѣвалась исторія Малороссіи, собирались матеріалы, перечитывались существовавшія тогдашней литературѣ сочиненія. До профессорства въ университетѣ Гоголь не самъ додумался; это—не плодъ его огромнаго самолюбія, стараній и внушеній его друзей. Кто-то еще въ министерство Лавена предложилъ ему мѣсто въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ пошли уговоры М. А. Максимовича, М. П. Погодина и хлѣбъ Жуковского, Пушкина, князя Вяземскаго, А. В. Никитенка и др.: все это и внушило Гоголю увѣренность въ его профессорскихъ способностяхъ. Слѣдовательно, говорить г. Витбергъ (стр. 409), въ какомъ самохвальствѣ Гоголя, ни о какомъ высокомъ его мнѣніи своихъ ученыхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи; самая мысль о его профессорѣ пришла въ голову не ему, а его друзьямъ-профессорамъ; онъ только ухватился за нее и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ стремился къ ея осуществленію. Гоголь не даромъ писалъ, что *ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія*, историческія занятія успокоивали, когда ослабѣвало поэтическое творчество, а творческие мечты являлись одна за другой. Относиться насмѣшливо къ историческимъ занятіямъ Гоголя нельзя, тѣмъ болѣе, что ему невозможно отказать ни въ большой начитанности (?), ни въ умѣннѣй обобщать въ одну общую картину мелкія историческія подробности (стр. 415). Однако Гоголь потерпѣлъ же полное крушеніе, какъ профессоръ, и однимъ душевными страданіями объяснить это крушеніе невозможно, несмотря на всѣ усилія г. Витберга. Потрясая установившійся у насъ взглядъ на историческія занятія Гоголя, г. Витбергъ старается вывести изъ употребленія и одинъ приемъ, которымъ порою пользуются при изученіи Гоголя. Нужно бросить, говоритъ онъ, полемическое отношеніе къ Гоголю, манеру вступать съ нимъ самимъ въ полемику и придирается къ каждому его слову. Это до нѣкоторой степени справедливо; можно и снисходительнѣе отнестись къ историческимъ шалостямъ Гоголя, хотя намъ совсѣмъ непонятна цѣль выступленія съ увеличенною апологіей Гоголя, какъ историка. Гоголь—поэтъ; съ восторгомъ поколѣвіе за поколѣніемъ будетъ перечитывать *Ревизора* и *Мертвоя души*, лишь случайно, вскользь вспомнивъ, что онъ написа-

какую-то историческую статью и на минуту взобрался на кафедру, которая была вовсе не по немъ. Писать апологию надо было съ бдѣливымъ тактомъ и осмотрительностью. Г. Витбергъ общаетъ еще нѣсколько статей о Гоголѣ, а пока категорически заявляетъ, что основнй его выводъ сводится къ слѣдующимъ словамъ П. А. Кулиша: Гоголь самъ—лучшій свой биографъ, и если бы были напечатаны всѣ его письма, то не много нужно было бы прибавить къ нимъ объясненій для уразумѣннй исторнй его внутренней жизни (стр. 399; П. А. Кулишъ, I, 87). Статья С. С. Трубачева *Писатель двадцатыхъ годовъ*, посвященная характеристикѣ князя П. А. Вяземскаго, интереса не представляетъ, какъ написанная на случай. Основной взглядъ автора на литературную дѣятельность князя Вяземскаго улавливается уже изъ самаго заглавнй статьи: по складу своихъ литературныхъ и общественныхъ убѣжденнй кн. Вяземскнй до послѣдняго дня оставался человѣкомъ и писателемъ *двадцатыхъ годовъ*; для него, какъ критика, литература прерывалась на Гоголѣ.

Оставляя въ сторонѣ опытъ исторической характеристики *Ясно-вольможный панъ Янъ Сапѣга* П. Н. Полевого, главная цѣль которой—полемика съ Н. И. Костомаровымъ и авторомъ статьи о Сапѣгѣ въ польской энциклопеднй (*Encyclopedia Powszechna*), небольшой очеркъ Н. Н. Оглоблина *Народная смута на Вяткѣ изъ-за кормленнй воеводъ*, основанный на подлинномъ сыскѣ о вятскомъ бунтѣ (сыскъ этотъ, относящнйся къ 1636 г., найденъ авторомъ въ столбцахъ Сибирскаго приказа, обзорнне всѣхъ дѣлъ котораго имъ составляется, уже въ теченне нѣсколькихъ лѣтъ, по порученню московскаго архива министерства юстицнй и въ скоромъ времени появится въ девятомъ томѣ „Описаннй“ архива) и статью А. В. Оксенова *Ермакъ въ былинахъ русскаго народа* (№№ 7 и 8), имѣющую цѣлью представить эпическнй образъ Ермака по былинамъ, гдѣ о немъ говорится какъ о богатырѣ, сражающемся противъ татаръ подобно другимъ русскимъ богатырямъ,—остановимся на воспоминанняхъ А. А. Алексѣева, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и Ягмина. Богатыя анекдотами и особенно любопытными свѣдѣннми о бытѣ провинцнальныхъ сценическихъ дѣятелей *Воспоминаннй артиста Императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева* (№№ 6—9) читаются легко и съ интересомъ; въ нихъ то и дѣло попадаются имена покойныхъ, а отчасти и современныхъ знаменитостей: П. А. Каратыгина, В. В. Самойлова, А. Е. Мартынова, Д. Т. Ленскаго, М. С. Щепкина, Н. Х. Рыбакова, П. А. Стрелетовой, В. И. Живокини, К. Т. Соленика и др. Авторъ сообщаетъ, между прочимъ, любопытный комментарий къ гоголевскому *Ревизору*. Въ первомъ актѣ (явд. IV) квартальный на вопросъ „гдѣ Прохоровъ“, докладываетъ городничему, что „Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ... вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвится“ (II, 212). Эта сцена, оказывается (№ 6, стр. 681), была написана Гоголемъ на одной изъ репетицнй, когда на окликъ городничаго—И. И. Сосницкаго—на сцену вбѣжалъ какой-то выходной актеръ и сталъ читать роль квартальнаго, вмѣсто игравшаго ее Осипа Осип. *Прохорова*, „большаго анекдотнста и невоздержнаго любителя предательской рюмочки“. На вопросъ Сосницкаго: „а Прохоровъ гдѣ?“—послѣдовалъ отвѣтъ: „Опять запьянствовалъ“. Этотъ эпизодъ и былъ вставленъ въ *Ревизора* въ подходящей обработкѣ. Прохоровъ потомъ самъ рассказывалъ, какъ онъ „попалъ въ литературу“. Рассказывая о мелочахъ провинцнальной артистической жизни, г. Алек-

сбѣвъ такъ формулируетъ театральное дѣло въ провинціи въ доброе старое и новѣйшее время: „то самое театральное дѣло, которое въ тридцать, сорокъ тому назадъ считалось очень выгоднымъ, теперь обезцѣнено до такой незначительности, что сколько-нибудь состоятельныхъ охотниковъ на него не отыскать, а если находятся въ настоящее время смѣлчавыя, выступающіе въ качествѣ антрепренеровъ, то все безденежныя и малодобросовѣстные, которые себя развязно подводятъ подъ поговорку „ничего не имѣя, нельзя что-либо потерять“, а свои довѣрчивыхъ служащихъ приводятъ къ нищетѣ. Теперь въ провинціи нѣтъ антрепренеровъ, а, слѣдовательно, нѣтъ театровъ и нѣтъ артистовъ. Впрочемъ, многое множество народа играетъ,—кажется, въ такомъ городѣ, въ которомъ не гостила бы какая-нибудь кочующая труппа; но что это за исполнители, столичный житель и представляющій себя не можетъ“. Это наблюдение стараго провинціального дѣятеля, утверждающаго, что въ прежнее время даже маленькій городишко держивалъ сезонъ за сезономъ, а въ новѣйшее время театральныя предпріятія и въ большихъ театральныя, по выраженію мемуариста, въ городахъ страдаютъ значительнымъ дефицитомъ, заслуживаетъ много вниманія. Въ заключительной главѣ записокъ любопытны какъ бурь П. А. Каратыгина (стр. 529) по поводу исполненія Ивана Громова въ трагедіи графа А. К. Толстаго и рассказъ о дебютѣ М. В. Лебовскаго въ Александринскомъ театрѣ, отъ котораго дирекція позавтилась избавиться, какъ отъ опаснаго либерала (стр. 537).

Въ юньской книжкѣ закончены *Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго* за 1818 г., а въ двухъ слѣдующихъ напечатаны тѣ же записки за 1823 г. (№№ 5 и 6, 7 и 8). Какъ историческій источникъ, онѣ представляютъ большой интересъ, но гораздо менѣе интересны для читателя большой публикѣ, которая съ большимъ удовольствіемъ прочтетъ ихъ обработку въ изложеніи Н. К. Шальдера *А. И. Михайловскаго-Данилевскаго: къ столѣтней годовщинѣ со дня его рожденія* (см. предыдущія четыре главы въ № 9 *Русской Старины* 1891 г.). Описание путешествія на Ахенскій конгрессъ и самаго конгресса довольно сухо. Мемуаристъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что извѣстіе о заговорѣ съ цѣлью принудить Александра провозгласить императоромъ французскаго Франца Карла Наполеона не помѣшало императору направиться изъ Ахена въ Брюссель и понадеяться на бдительность нидерландскаго правительства. Въ Вюрцбургѣ императоръ жалуется на *ничтожество* и *ничтожность* родныхъ восклицаній; въ Иглау, представляя Веллингтона фельдмаршаломъ семи державъ и высказывая надежду на долгій миръ въ Европѣ, бросаетъ грустную фразу: „чтобы сохранить миръ, надобно поддержать войска въ исправности“ (стр. 627, 629). Можно отмѣтить также встрѣчу Александра въ замкѣ Линкутъ (на возвратномъ пути въ Россію) съ княземъ Чарторыйскимъ. „Государь,—пишетъ мемуаристъ,—принялъ его, нѣкогда своего наперсника, сухо, но пригласилъ его обѣдать въ Линкутъ“. За обѣдомъ князь не пожелалъ поддержать разговоръ Александра на тему о дипломатіи, предложивъ только „неумѣстный“ (ибо Александръ „не любилъ, чтобы русскіе ѣздили въ Парижъ“) вопросъ: „не изъявляла ли императрица Марія Теодоровна желанія побывать въ Парижѣ, находясь такъ близко отъ него въ Брюсселѣ?“ Сухость встрѣчи и, въ то же время, приглашеніе на обѣдъ бывшего „наперсника“ не находятся въ противорѣчій съ словами Александра, высказанными въ письмѣ г-жѣ Любовецкой: „Je suis persuadé, que rien n'est si necessaire dans la vie humaine que la cordialité et la poli-

tesse“ (срв. эпизодъ съ чашкой кофе, VII, 54). Весь 1818 г. прошелъ у Александра въ путешествіяхъ, сперва по Россіи, потомъ за границу. „Всего проѣхали мы въ томъ году 14,000 верстъ“,—заканчиваетъ мемуаристъ свои записи о 1818 г. Въ 1823 г. мемуаристъ былъ пожалованъ генералъ-майоромъ и назначенъ командиромъ третьей бригады седьмой пѣхотной дивизіи. Это отдалало Михайловскаго-Данилевскаго отъ столицы, двора и государя, которые онъ до сихъ поръ наблюдалъ, передавая свои впечатлѣнія въ запискахъ. Оставляя дворъ и столицу, старшій флигель-адъютантъ императора жалѣлъ, что не будетъ болѣе вблизи Александра, и, въ то же время, „радовался, что оставлялъ Петербургъ“, потому что,—говоритъ онъ (VIII, 305),—*„мнѣ наскучило единообразіе придворной подлости, которой я былъ столь долгое время свидѣтелемъ. Въ запискахъ 1823 г. нельзя не отмѣтить характеристики графа Милорадовича и его отношенія къ Суворову, Кутузову и Аракчееву, а также отзывовъ объ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, которую мемуаристъ упрекаетъ за яркое пруссофильство, и Аракчеевѣ, котораго „вліяніе на всѣ дѣла государственныя было сильнѣе, нежели когда-либо“, для бесѣды съ которымъ мемуаристъ „дорогою приготовлялся на всѣ вопросы, которые онъ могъ предложить, съ большимъ вниманіемъ, нежели бы ѣхалъ на аудіенцію къ государю“.* „Я пробылъ у Аракчеева,—заканчиваетъ мемуаристъ свой рассказъ о бесѣдѣ съ Аракчеевымъ,—часа съ два, въ которые онъ былъ учтивъ и нѣсколько разъ начиналъ даже шутить; но это вспомнить, какъ ужасенъ былъ этотъ человекъ при Александрѣ, тотъ легко догадается, что мнѣ было не до шутокъ, сидя съ нимъ съ глазу на глазъ“ (VII, 51—52; VIII, 288). Если упомянемъ о подачѣ государю генераломъ Уваровымъ записки о бѣдственномъ положеніи Россіи, обрисовывавшей общее недовольство, исчезновеніе довѣрія, отсутствіе правосудія, упадокъ промышленности и крайнюю обременительность налоговъ и любопытномъ эпизодѣ отставки министра финансовъ Гурьева и замѣщенія его Канкриномъ, то останется обратить вниманіе читателей только на характеристику дворянской молодежи 20-хъ годовъ въ Москвѣ (VIII, 301). По поводу назначенія министромъ финансовъ Канкринъ Михайловскій-Данилевскій пишетъ строки (VIII, 277), которыя и по настоящее время сохранили свою привлекательность: „назначеніе его въ министры финансовъ послужило новымъ доказательствомъ, что въ Россіи не готовятъ людей долговременнымъ служеніемъ по одной части занять нѣкогда главное мѣсто въ оной, но полагаютъ умнаго человѣка способнымъ ко всему“.

Воспоминанія польскаго повстанца 1863 года (№ 9) Ягмина, начатая печатаніемъ въ И. В., должны представлять особый специфическій интересъ: это—воспоминанія не только современника и очевидца, но участника польскаго возстанія, впоследствии раскаившагося и превратившагося въ русскаго патриота и православаго. Такое превращеніе, свидѣтельствующее о извѣстной гибкости нравственной организаци, налагаетъ обыкновенно свою печать и на взгляды лица, претерпѣвшаго метаморфозу: объективнаго отношенія къ прошлому быть не можетъ, все представляется подъ опредѣленнымъ преломляющимъ угломъ, событія и лица являются не въ освѣщеніи момента, не въ ихъ исторической, такъ сказать, правоспособности, а съ точки зрѣнія новой вѣры, новыхъ убѣжденій. Авторъ описываетъ иска время, предшествующее моменту бурь и отчасти касается уже ея подготовки и самаго начала. Особенно любопытнаго здѣсь еще ничего нѣтъ. Замѣтимъ только,

въ ожиданіи продолженія записокъ, что Ягминъ происходилъ изъ стариннаго польскаго шляхетскаго рода, его отецъ былъ богатымъ помѣщикомъ въ Брестскомъ уѣздѣ, не принимавшій участія въ сваткѣ 1831 г., но принимавшій въ своемъ домѣ (Ковердяны) такихъ лицъ, какъ Я. И. Ростовцевъ, Гельмерсенъ, Денъ; съ шести лѣтъ онъ обучался дома закону Божію, морали, польскому языку, исторіи Польши и ариметикѣ у фанатика-патріота всендза Шимковича. Мальчикъ не изучалъ никакой исторіи, кромѣ польской. Когда въ февралѣ 1851 г. Ягминъ поступилъ въ Брестскій кадетскій корпусъ и слушалъ рассказы преподавателя исторіи о герояхъ Эллады и Рима, то въ его умѣ сейчасъ рождалось сравненіе ихъ съ Жолкевскими, Ходкевичами, Баторіями, Собѣскими и др. героями польской исторіи. На вопросъ, почему, кромѣ исторіи Польши, не было рассказовъ о другихъ народахъ, Шимковичъ отвѣчалъ своему бывшему воспитаннику (стр. 569): „Дитя мое, Польша—это твое отечество, и ты раньше всего и лучше всего долженъ знать событія въ жизни своего народа, чтобы быть достойнымъ имени поляка“. Въ 1853 г. Брестскій корпусъ былъ переведенъ въ Москву; Ягминъ здѣсь почти забылъ свой родной языкъ, но въ 1857 г. вызванъ отцомъ обратно въ Польшу и помѣщенъ въ польскій пансіонъ Лецинскаго въ Варшавѣ, гдѣ его дразнили „москалемъ“ за дурной польскій выговоръ. Не знаемъ, какъ и чему учили въ этомъ пансіонѣ, знаемъ только, что политическая жизнь улицы легко проникла въ его покои и воспитанники принимали участіе въ манифестаціяхъ на похоронахъ Совинской и Красинскаго. Въ пансіонѣ,—говоритъ Ягминъ, особенно про 1859—60 учебный годъ (для него послѣдній),—„меньше учились, а больше вели пылкія, страстныя бесѣды и отличались мальчишескими продѣлками противъ начальства; откуда-то внезапно развилась страшная ненависть ко всему русскому и нѣмецкому... Что вызвало такое настроеніе, никто изъ воспитанниковъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета. *Никто изъ насъ не могъ формулировать своихъ требованій, но всѣ сознавали, что чего-то недостаетъ*“. У Ягмина, очевидно, недоставало образованія, твердыхъ принциповъ, вѣры въ идеалы. Выйдя изъ пансіона, онъ поплылъ по теченію безъ руля и безъ вѣтриль, примкнулъ къ партіи революціи, потому что кругомъ его кипѣла ненависть къ русскимъ, раздавались восторженные рѣчи, пѣлись гимны *Boże, coś Polskę, Z dymem pożarów etc.* Ягминъ, къ тому же, не могъ любить своей семьи и отца, а отецъ былъ руссофилъ. Это еще болѣе толкало по теченію... и вотъ онъ въ водоворотѣ событій. Какъ произошла метаморфоза?—это вопросъ, который невольно приходится поставить и на который должны отвѣтить дальнѣйшія главы воспоминаній Ягмина.

Е. С. Щенотьева, которая вела въ *Русской Мысли* въ послѣднее время обзоръ общаго журналовъ, съ августовской книжки прекратила свое сотрудничество.

**ПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА
Русская Мысль съ 15 сентября по 15 октября
1892 г.**

рокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А. Энциклопедическій словарь. Томъ VII. Сиб., 1892 г. 480 in 8.
ажаевъ, В. Очерки крестьянскаго сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ земскихъ мѣропріятій въ Московской губерніи. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва, 1892 г. Ц. 75 коп. 147 in 8.
рижъ, В. О. Руководство къ русской азбукѣ для сельскихъ школъ. Изд. И. Жиркова. Ц. 10 коп. Москва, 1892 г. 40 in 8.
азаревичъ, И. П. Курсъ акушерства. Томъ I-й—XXII+410 in 8. Томъ II—726 in 8. Цѣна за два тома 6 руб. Сиб., 1892 г. Изд. К. Л. Риккера.
Влевичъ, К. В. Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ при сельскихъ начальныхъ училищахъ. Сиб., 1892 г. Ц. 30 коп. 16 in 8.
Сруцовъ, Михаилъ. Савитри. Савратская поэма. Сиб., 1892 г. 44 in 8.
Соропочевскій, Д. А. Психологія войны. Очеркъ. Сиб., 1892 г. Ц. 25^к в. 33 in 8.
Соропочевскій, Д. А. Народное предубѣжденіе противъ портрета. Волшебное значеніе маски. Очерки. Сиб., 1892 г. 25 in 8.
Соропочевскій, Д. А. Древнѣйшій спортъ. Очеркъ. Сиб., 1892 года. Ц. 25 коп. 40 in 8.
Мунтъ - Валуева, А. П. Веньминъ Франклинъ. Изд. М. М. Ледерле. Сиб., 1892 г. 50 in 16.
Зеранже. Полное собраніе пѣсень. Вып. VIII. Ц. 20 к. Тифлисъ, 1892 г. in 4.
Загоровскій, А. Очерки граждан-

скаго судопроизводства въ новыхъ административно-судебныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р. VII+373 in 8.
Holländer L. и др. Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Пер. Л. А. Говсѣева. Харьковъ, 1892 г. Изд. Я. О. Фрейфельда. 80 in 8.
Орловъ, В. Д. Очеркъ исторіи и гигиены женской одежды. Съ рисунками. Казань, 1892 г. 84 in 16.
Удинцевъ, С. А. Очеркъ развитія народнаго образованія въ Ирбитскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Ирбитъ, 1892 г. IV+125 in 8.
Диккенсъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ III-й—„Холодный домъ“ и „Повѣсть о двухъ городахъ“. Ц. 1 р. 50 к. Сиб., 1892 г. 963 in 8.
Фонъ-Риттеръ, А. А. „Отзвуки минувшаго“. Очерки, рассказы и воспоминанія. Ц. 60 к. Москва, 1892 г. 107 in 8.
Гарбель, А. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 51-й. Москва, 1892 г. Ц. 40 к. in 8.
Артемьевъ, А. П. Руководитель повивальной бабки по уходу за беременными, роженицами, родильницами и новорожденными. Ц. 1 руб. Брянскъ, 1892 г. 191+VI in 16.
Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. VI. Изд. К. К. Банза. Москва, 1892 г. Ц. 40 к. in 8.
Гершфельдъ, М. Г. Исторія еврейскаго народа. Для еврейской школы и семьи. Часть I-я. Отъ сотворенія міра до разрушенія втораго храма Титомъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к. 126 in 8.

- Гринфельдъ, А. И.** Современный взгляд на спортивную. Спб., 1892 г. Изд. К. Л. Риккера. 32 in 8.
- Чешихинъ, Всеволодъ.** „Бетховенъ“, поэма. Рига, 1892 г. Ц. 50 к. 59 in 16.
- Данте-Алигieri.** Божественная комедія „Адъ“. Перев. А. П. Федорова. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. VI+325 in 8.
- Календарь и справочная книжка православногo пѣвца-клирика.** Вып. I-й—Св. пѣснопорцы. Ярославль, 1892 г. Ц. 20 коп. 46 in 8.
- Германъ фонъ-Гельмгольцъ** (1821—1891 гг.). Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 50 коп. XXVIII+156 in 8.
- Крижъ, В. О.** Русская азбука для сельскихъ школъ. Изд. И. О. Жиркова. Ц. 10 к. Москва, 1892 г. 64 in 8.
- Чемень, И. А.** Дарвинизмъ, научное изслѣдованіе теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р. 50 к. XII+506 in 8.
- Turner, Charl Edward.** English Reading Book with explanatory notes and english-russian vocabulary for russian students of the english language. Изд. К. Риккера. Спб., 1892 г. Ц. 1 руб. VII+179 in 8.
- Вѣшняя торговля по европейской границѣ.** Май и июнь. Спб., 1892 г. in 4.
- Лихтенштадтъ, О.** Судебная практика кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената по гражданскому праву и судопроизводству за 1890 г. Спб., 1892 г. Изд. неофициальное. Ц. 1 р. 25 к. VII+166 in 8.
- Филипповъ, М. М.** Леонардо да Винчи, его жизнь и дѣятельность. Спб. 1892 г. Ц. 25 коп. 88 in 16. Изд. Павленкова.
- Огарковъ, В. В. Г. А. Потемкинъ** его жизнь и общественная дѣятельность. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. 80 in 16. Изд. Ф. Павленкова.
- Вазелевичъ, М. Е.** Роль перемѣна кровяного шарика въ развитіи злокачественныхъ новообразованій эпителиальнаго типа. Спб., 1891 г. Ц. 30 к. I in 8.
- Павловъ, Н.** Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ прикладовъ для начальнаго обученія ариметикѣ. Часть I-я—Числа первой сотни 66 in 8. Ц. 20 коп. Часть II-я—Числа любой величины. 118 in 8. Ц. 30 коп. Казань, 1892 г.
- Боровиковскій, А.** Отчетъ судьи Томъ второй: IV—Давность, V—Суд и семья. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 коп. 348 in 8.
- Соколовъ, В.** Дополнительные статьи алгебры въ связи съ повторительнымъ курсомъ для VII дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Островъ, 1892 г. Ц. 85 к. 174 in 8.
- Архивъ князя О. А. Куракина.** Книжка третья. Сердобскъ, 1892 г. Ц. 3 руб. XIX+498+XIII in 8.
- Гаркушенко, К. П.** Отчетъ о состояніи врачебной помощи и народнаго здравія въ Полтавскомъ уѣздѣ за 1891 годъ. Полтава, 1892 г. 87 in 8.
- Бутовскій, Ник.** Наши солдаты (жизни мирнаго и военнаго времени). Съ рисунками. Ц. 1 руб. Спб., 1893 г. 251 in 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. КНИЖЕ.

	Стр.
Веллетристика: „Сашенька“. <i>Дядлова</i> .—„Старна бывальщины“. <i>А. В. Архивова</i> .—„Русскимъ матерямъ“. <i>И. Горбунова-Посадова</i> .—„Рязанскій литературный сборникъ“. <i>Изд. Н. Д. Малашкина</i> . — „Большая любовь“. <i>Мамтегаица</i> .—Въ небесахъ“. <i>К. Фламмаріона</i>	433
Философія и педагогика: „Положительная философія и единство науки“. <i>Н. Чичерина</i> .—„Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи“. <i>И. Θεоктистова</i>	438
Исторія и исторія литературы: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“. <i>М. Корелина</i> .—„Россия и Востокъ“. <i>П. Пирмина</i> .—„Европейскіе монархи и ихъ дворы“. <i>Politikos'a</i> .—„Историческая географія Европы“. <i>Э. Фримана</i> .—„Исторія греческой литературы“. <i>Р. К. Джебба</i>	440
Финансы и статистика: „Материалы по разработкѣ тарифовъ русскіихъ желѣзныхъ дорогъ“.—„Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности московскаго земства“. — „Отчетъ тамбовской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891—1892 г.“.—„Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губ.“.—Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.“.—„Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1891 г.“.—„Краткое сельско-хозяйственное описаніе 6-ти уѣздовъ Вятской губ.“.	446
Юридическія книги: „Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права)“. <i>П. Шеймина</i> .—„Сборникъ толкованій русскіихъ юристовъ къ „Судебнымъ уставамъ Императора Александра II“. <i>А. Тимаковского</i> .—„Общее ученіе и дополнителныя къ нему узаконенія Финляндіи“. <i>Крониды Малышева</i> .—„Уголовное узаконеніе“.—„Ученіе о несостоятельности“. <i>Г. Ф. Шершеневича</i>	454
Сельское хозяйство: „Обработка и удобреніе чернозема“. <i>П. Костычева</i>	463
Медицина: „Пять лѣтъ врачебной практики съ электрическими аккумуляторами“. <i>В. Ламана</i>	464
Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія: „Опытъ методики элементарнаго курса исторіи“. <i>А. Кромоуцкаго</i> .—„Руководство по средней исторіи“. <i>М. Иващенко</i> . — „Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ“. <i>А. Ечкинаца</i> .—„Ключъ къ русскимъ упражненіямъ первой части II изданія, второй части III послѣднихъ изданій и третьей части VII изданія кон-	

центрическаго учебника французскаго языка". *В. С. Имятовича*. — „Повторительный курсъ краткой русской грамматики, составленный по программѣ школъ с.-петербургскаго женскаго патриотическаго общества“. — „Деревенскій король“ и „Горе стараго Кабана“. *Н. Златовратскаго*. — „Дѣти подземелья“. *В. Короленко*. — „Нашему юности“. *А. П. Мунтъ-Валуевой* 465

Справочныя книги: „Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедія“. *Архимандрита Никифора*. — „Настольный энциклопедическій словарь“. *Изд. тов. быш. Гирбель и К^о*. — „Педагогическій календарь на 1892—1893 г.“. *В. Воскресенскаго* 471

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, *юль—сентябрь*. — „Русское Обозрѣніе“, *юнь—юль*. — „Историческій Вѣстникъ“, *юнь—сентябрь*. 472

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 сентября по 15 октября 1892 г.

За мѣховое издѣліе.

Большая золотая
медалъ 1882 г.

СИБИРСКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

А. М. МИХАЙЛОВА

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ Мосту, соб. д. № 8.

ОБШИРНЫЙ ВЫБОРЪ

сибирскихъ и американскихъ мѣховыхъ товаровъ во всѣхъ
издѣліяхъ.

ДЕПО МОРСКИХЪ БОБРОВЪ И ВОРОТНИКОВЪ.

Спеціальное отдѣленіе готовыхъ крытыхъ вещей.

Большой выборъ новостей для покрывки дамскихъ вещей:
плюшь, бархатъ, шелковыя и шерстяныя матеріи; для по-
крывки мужскихъ вещей: сукно, касторъ и драпъ новѣйшихъ
рисунковъ.

СИБИРСКІЕ ДОХИ ИЛИ ЕРГАКИ

на всевозможныхъ мѣхахъ, на разныя цѣны.

Иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Вещи, купленныя въ моемъ торговомъ домѣ, если почему бы
то ни было не соотвѣтствуютъ желаніямъ купившаго или вы-
писавшаго, принимаю обратно: при личной покупкѣ въ
трехдневный, а отъ выписывающихъ—въ мѣсячный срокъ, и
по желанію покупателя исполняю другія или возвращаю день-
ги обратно.

Телефонъ № 1166.

Адресъ для телеграммъ: Москва, мѣховицину МИХАЙЛОВУ.

А. МИХАЙЛОВЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1893 году.

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

за годъ—7 р., 11 м.—6 р. 50 к., 10 м.—6 р., 9 м.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 40 к., 2 м.—1 р. 70 к., 1 м.—90 к., $\frac{1}{2}$ м.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и

—● СЪ РАЗСРОЧКОЙ ●—

ПОМѢСЯЧНО — по 1 рублю и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторъ, условіяхъ.

Для ознакомленія газета высылается бесплатно.

Подписка также принимается на всѣ сроки и съ *каждого* числа *текущаго* *мѣсяца*, но тогда къ подписной цѣнѣ срока прилагается, только иногороднымъ, за первый мѣсяць 15 коп. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 15 коп., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Конѣйки могутъ быть высланы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ одинъ стобецъ или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 20 коп. и 5 коп. со строки въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, вперед текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемые отъ 10 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10 до 40 процентовъ. За годовыя объявленія, не менѣе 100—150 разъ—уступка 50 проц.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются бесплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты въ сокращенномъ видѣ.

За адресъ въ 5 строкъ на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ за 150 разъ; 6 р. за 75 разъ; 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За расылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 15 р. съ 1000 экз. или по 50 к. со 100 экз.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ и ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ и публичной библиотекѣ „ОРЛОВСКАГО ВѢСТНИКА“, Болховская, д. № 17. Въ книжномъ магазинѣ Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зинovieвской, домъ № 2, близъ корпуса. **Въ Ельцѣ:** исключительно въ книжномъ магазинѣ Степава.

ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ:

ЛЕССИНГЪ. «Драматическія сочиненія». Перев. Вейнберга и Яхонтова. Со статьей «Лессингъ, какъ драматургъ». Ц. 2 р.

МОЛЬЕРЪ. «Собраніе сочиненій», въ переводѣ русскихъ писателей. Съ биографіей, составленною проф. Веселовскимъ. Три тома. Ц. 7 р. 50 к.

ШЕРЪ. «Всеобщая исторія литературы». Изданіе 3-ье. Два тома. Ц. 4 р.

ЭРТЕЛЬ. «Записки степняка», очерки и рассказы. Два тома. Ц. 3 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

(годъ 4-й, съ 1-го ноября 1892 года).

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ, кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ, проф. Н. Я. Гротъ-проф. А. И. Введенскій, архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колу, бовскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. М. А. Мензбургъ, В. А. Вагнеръ, Б. Н. Венцель, В. И. Штейнъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторъ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой, № 8) и у всякъхъ книгопродавцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 г. по 1-е января 1894 года) безъ доставки—7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р., за границу—9 р. 50 к.

На годъ (съ 1-го января 1893 г. по 1-е января 1894 г.): безъ доставки—6 р., съ доставкой и пересылкой—6 р. 50 к., за границу—7 р. 50 к.

Члены психологическаго общества, учащіяся, сельскіе учителя и священники пользуются свѣдкой въ 2 руб.

Подписка по 1-е ноября 1893 г. НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакторъ проф. Н. Я. Гротъ.

Издатель А. А. Абрикосовъ.

Вышелъ № 23 (октябрь 1892 г.) журнала

АРТИСТЪ

Содержаніе: *Вильгельмъ Тель*, актъ 2-й и 3-й. *Слово и дѣло*, романъ И. Н. Потапенна. *Исторія женщины на сценѣ*, ст. И. И. Иванова. *Армянскій театръ*, ст. Ю. А. Веселовскаго. *Съ дипломомъ!* пов. Вл. И. Немировича-Данченно. *Го*, ст. Catherine de S.

Стих. О. Н. Чюминой. Ариозо Людмилы изъ оперы *Тушинцы*, П. И. Бларамберга. *Майская мелодія*, Каломэра. *Гогартъ*, крит. этюдъ В. Чешихина (съ рис.). *Современ. обзоръ*, ст. проф. Аленскія Н. Веселовскаго, И. И. Иванова, Н. Д. Кашикина и др. *Елка*, ком. въ 1 д. Вл. И. Немировича-Данченно. *Лытмяя картинка* въ 1 д., Т. Л. Куперника. *Гибель Содомы*, др. въ 5 д. Зудермана. Приложенія: *Сказка о золотомъ тѣтушкѣ*, акварель гр. Ф. Л. Соллогуба, листъ 6 и 3 фотографии. *Подъ облаками*, карт. А. А. Киселева. *Гр. Л. Н. Толстой*, карт. И. Е. Рѣпина, и *Подруки*, карт. Н. А. Ярошенко.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Подписная цѣна: На годъ—10 р., съ перес.—12 р., на 9 мѣс. (съ апрѣля)—6 р. 20 к., съ перес.—7 р. 70 к., на 4 мѣс. (съ сентября)—5 р. 25 к., съ перес.—6 р. 50 к. Отдѣльные №№ по 2 р. Контора въ Москвѣ (Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ).

Вышелъ № 18 (октябрь) журнала „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“. Содержаніе: По *разсыянности*, ком. въ 3-хъ д. Н. В. Казанцева и одноактныя пьесы: *Букетъ*, И. Н. Потапенна. *Витуриль*. *Внѣзъ по матушкѣ по Волгѣ*. *Такъ ужъ на роду написано*. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. Подписна (за годъ—8 р., съ перес.—4 р.) принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на „Артистъ“. Отдѣльные №№ по 1 руб.

1893 г. НУВЕЛЛИСТЪ 54-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1 января 1893 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 54-й годъ своего существованія.

Въ 1893 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 30—35 страницъ музыки большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ въ 400 стр. и дастъ подписчикамъ до 100 фортепьянныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь „НУВЕЛЛИСТА“ будетъ содержать въ себѣ: 1) *Четыре или пять салонныхъ пьесъ съ депъ и четыре руки*, 2) *Одинъ или два танца*, 3) *Русскій романсъ*.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

— П Р Е М І Я —

Каждый подписчикъ на «НУВЕЛЛИСТЪ» получитъ бесплатную премію—**ПОЛНУЮ ОПЕРУ** или другое музыкальное сочиненіе по его выбору изъ 80-ти номеровъ и **ДВА ПОРТРЕТА** выдающихся музыкальных дѣятелей.

Кромѣ того, редація дастъ своимъ подписчикамъ весьма цѣнную премію, а именно:

— ДВА КАБИНЕТНЫХЪ РОЯЛЯ —

ИЗВѢСТНОЙ ФОРТЕПЯННОЙ ФАБРИКИ

Я. БЕККЕРЪ.

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

Рояли эти будутъ розыграны между всѣми подписчиками.

Подписная цѣна въ годъ 5 руб., съ перес.—6 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА». Большая Морская, № 26, уголъ Гороховой.

Поступилъ въ продажу

„СБОРНИКЪ ВЪ ПОЛЪЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ“.

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Голодь. Стихотвореніе. *Василія Величко*.—Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли. *А. Исаева*.—Сила человѣка. Стихотвореніе. *Д. Мережковскаго*.—Скупой рыцарь. Разсказъ. *И. Салова*.—Стихотвореніе. *Н. Минскаго*.—Право и политическая экономія. *Виктора Гольцева*.—Сажежъ. Разсказъ Генрика Сенкевича, переводъ *Вукола Лаврова*.—Сергій Тимофеевичъ Авсаковъ. *М. Протопопова*.—Въ голодовку. *Григорія Мачтста*.—Стихотвореніе. *А. Монастырскаго*.—Русская колонія въ Латинскомъ кварталѣ. *М. Ремезова*.—Гражданское правосудіе въ духѣ Судебн. Уставовъ. *Гр. Джамшиева*.—Червесь. Очеркъ. *В. Короленка*.—Лѣсъ. Стихотвореніе. *Ал. Лемевича*.—Метеорологическія условія неурожая 1891 г. *В. Соколова*.—Денегъ нѣтъ. Разсказъ. *Л. Лукьянова*.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Сборникъ напечатанъ въ количествѣ 3,000 экзempl. Весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу голодающихъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

Находятся въ продажѣ новыя книги:

- Портъ-Тарасконъ.** (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Сизифъ.** Картинки деревенской жизни Клеменса Юндшигера. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 65 коп.
- Наше сердце.** Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
- Объ искусствѣ.** Критическія замѣтки В. А. Гольцева. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Гарденины,** ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.
- Щедринъ.** (Критическій опытъ). Н. К. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.
- Очерки и рассказы.** Владиміра Короленко. (Пятое изданіе.) Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ.** (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Второе изданіе.) Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго.** Цѣна за два тома 3 р., съ пересылкою 3 р. 80 к.
- О пьянствѣ.** Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстаго: Для чего люди одурманиваются? Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Нашихъ полей ягоды.** Романъ. М. Анютина (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды.** Составилъ докторъ медицины В. С. Богословскій, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Вопросы дня и жизни.** В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

	Стр.
XVI. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ. Письмо четвертое. — М. А. Протопопова	164
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Гольцева	178
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театр: <i>Свои люди — сочтемся</i> , комедія А. Н. Островскаго; <i>За право и правду</i> , бытовая драма Петра Полевого; <i>Перекасти-поле</i> , комедія П. П. Гнѣдича; <i>Жертва</i> , Н. В. Шпажинскаго; десятилѣтіе русскаго драматическаго театра Ѳ. А. Корша. — Ан.	187
XIX. СПЕРАНСКІЙ, КАКЪ КОДИФИКАТОРЪ РУССКАГО ПРАВА. — А. Н. Филиппова.	195
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Пятисотлѣтіе со дня кончины св. преподобнаго Сергія. — Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ. — Новости переселенческаго дѣла. — Движеніе въ лѣсномъ законодательствѣ. — Перемѣна въ министерствѣ финансовъ. — Управление И. А. Вышнеградскаго.	222
XXI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. — С. А. Венгерова	241
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Философія и педагогика. — Исторія и исторія литературы. — Финансы и статистика. — Юридическія книги. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>юль — сентябрь</i> . — «Русское Обозрѣніе», <i>июнь — июль</i> . — «Историческій Вѣстникъ», <i>июнь — сентябрь</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 сентября по 15 октября 1892 года.	433

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Условія подписки на 1893 годъ

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу.	14 „	7 „	3 „	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

**HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY**

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books
to Circulation Desk.

Renewals and recharges may be made 4 days prior
to due date.

**ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS
AFTER DATE CHECKED OUT.**

SEP 25 1975

REC. CIR. OCT 27 '75

SEP 22 2002

LD21—A—40m—12,'74
(S2700L)

General Library
University of California
Berkeley